

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА УРАРТУ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА УРАРТУ

КЛАССИКА
ЭРМИТАЖА

КЛАССИКА

ЭРМИТАЖА

to Montgomery -

*К 100-летию со дня рождения
Бориса Борисовича Пиотровского*

THE STATE HERMITAGE

Saint-Petersburg State University
Faculty of Philology

B. B. PIOTROVSKY

THE HISTORY
AND CULTURE
OF
URARTU

Art of Russia
St. Petersburg State University Faculty of Philology
Saint-Petersburg
2011

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

Филологический факультет Санкт-Петербургского
государственного университета

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

ИСТОРИЯ
И КУЛЬТУРА
УРАРТУ

Искусство России
Филологический факультет СПбГУ
Санкт-Петербург
2011

**Редакционная коллегия серии
«Классика Эрмитажа. Исследования по истории и культуре»:**

Государственный Эрмитаж:

М. Б. Пиотровский, Г. В. Вилинбахов, М. М. Дандамаева, А. Ю. Алексеев, С. О. Андросов,
В. А. Калинин, Т. В. Раппе, Г. Л. Семенов, А. А. Трофимова, В. А. Федоров

Санкт-Петербургский государственный университет:

С. И. Богданов, Б. В. Ерохин, В. В. Яковлев

Редакционная коллегия издания:

Ю. Ю. Пиотровский, М. М. Козлова

Редакция филологического факультета СПбГУ:

Ответственный редактор *Е. П. Чебучева*

Редакторы *О. С. Капполь, М. М. Козлова*

Корректор *В. О. Кондратьева*

Технический редактор *О. В. Колесниченко*

Художник *С. В. Лебединский*

Компьютерная обработка текста *А. Р. Сумбатова,*

И. В. Платова, В. Н. Столбова

*Печатается по решению Ученого совета Государственного Эрмитажа
и Ученого совета Филологического факультета СПбГУ*

Редакционная коллегия выражает благодарность сотрудникам Государственного Эрмитажа: Отдела Востока Л. В. Поточкиной за подбор фотографий к каталогу урартской коллекции, Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Л. В. Вакульчик и Е. Е. Васильевой за участие в подготовке рукописи книги, а также сотрудникам Отдела рукописей и документального фонда за подборку и предоставление материалов из личного архива Б. Б. Пиотровского и сотрудникам фотолаборатории за подготовку иллюстративного материала. Особая признательность — заведующему кафедрой кавказских языков Восточного факультета СПбГУ А. К. Шагиняну и студентам этой кафедры Д. Бугаеву и А. Чугуновой за помощь в наборе армянского текста.

© Б. Б. Пиотровский, наследники, 2011

© М. Б. Пиотровский, вступительная статья, 2011
предисловие

© Государственный Эрмитаж, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

М. Б. Пиотровский. Кармир-блур — раскопки и книги	7
---	---

ВАНСКОЕ ЦАРСТВО

Предисловие	23
I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВАНСКОГО ЦАРСТВА	25
II. ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ВАНСКОГО ЦАРСТВА	48
Ассирийские источники	48
Урартские письменные памятники	49
Вопросы древней топонимики	51
Памятники материальной культуры	57
Вопросы хронологии	64
III. ДРЕВНЕЙШИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УРАРТУ И ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА (XIII–IX ВВ.)	68
IV. ПОХОДЫ САЛМАНАСАРА III ПРОТИВ УРАРТУ	79
V. УРАРТУ В КОНЦЕ IX И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VIII ВЕКА	90
Ишпуини, сын Сардури	90
Менуа, сын Ишпуини	92
Аргишти, сын Менуа	96
VI. УРАРТУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VIII ВЕКА	107
Сардури, сын Аргишти	107
Походы Тиглатпаласара III против Урарту	114
Урартское государство	117
Руса, сын Сардури	121
VII. ПОХОД САРГОНА ПРОТИВ УРАРТУ В 714 ГОДУ	129
VIII. ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ УРАРТУ	150
IX. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО	174
Природные условия	174
Земледелие	177
Садоводство и виноградарство	185
Скотоводство	190
Коневодство	194
Верблюды	199
Основные черты хозяйства Ванского царства	200
X. РЕМЕСЛО	204
Изделия из металла	204
Обработка камня	220

Керамика	224
XI. АРХИТЕКТУРА. КРЕПОСТНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	231
Памятники урартской архитектуры	235
Строительная техника	241
Помещения, высеченные в скалах	244
XII. РЕЛИГИЯ	250
XIII. СКИФЫ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ	262
Заключение	288

ИСКУССТВО УРАРТУ

I. ОЧЕРК ИЗУЧЕНИЯ УРАРТСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ	293
II. КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	311
III. ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ УРАРТСКОГО ИСКУССТВА	324
IV. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УРАРТСКОГО ИСКУССТВА	369
Список сокращений	375

ИЛЛЮСТРАЦИИ	377
Список иллюстраций	454
Рисунки и фотографии	454
Цветные иллюстрации	461

УКАЗАТЕЛИ	462
Указатель географических и этнических названий (древних)	462
Указатель географических названий (современных)	467
Указатель исторических имен	471
Указатель исследователей и путешественников	473
Указатель мифологических имен	475
Указатель древних авторов и литературных источников	476
Указатель научных учреждений и музеев	477

ПРИЛОЖЕНИЯ	480
Основные даты жизни и деятельности академика Б. Б. Пиотровского... ..	481
Археологические экспедиции академика Б. Б. Пиотровского	493
Список заграничных командировок Б. Б. Пиотровского	494
Список почетных и научных званий академика Б. Б. Пиотровского	498
Литература о жизни и трудах Б. Б. Пиотровского	499
Хронологический указатель трудов Б. Б. Пиотровского	503
Алфавитный список трудов Б. Б. Пиотровского	522
Именной указатель соавторов Б. Б. Пиотровского	530
Список принятых сокращений названий источников в Приложении	531
Литература по истории Урарту, изданная в 1980–2004 гг.	538

УРАРТСКИЕ ДРЕВНОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ.	
КАТАЛОГ КОЛЛЕКЦИЙ	539

КАРМИР-БЛУР – РАСКОПКИ И КНИГИ

В 1951 г. Сталин читал статью Б. Б. Пиотровского «Урарту» (1951). Читал раздраженно, с карандашом в руках. И по всему было ясно, что взялся он за нее не просто так. Сборник «По следам древних культур», популярный обзор достижений советских археологов, ему прислали из редакции «Правды». Скорее всего — с умыслом и с комментариями. Другие статьи этого сборника Сталин читать не стал¹.

А начал облеченный властью читатель с предисловия, где сильное его неудовольствие вызвали похвалы в адрес «первооткрывателя Урарту». Сталин был в чем-то прав. Борис Борисович Пиотровский не был первым исследователем Урарту. Он продолжил работу своих учителей, о которых подробно и уважительно писал во всех работах. Однако именно благодаря исследованиям Б. Б. Пиотровского, проведенным им раскопкам и написанным книгам малоизвестная древняя культура обрела почти осязаемый облик великого древнего царства с его впечатляющей историей завоеваний и поражений, с непокорными крепостями, художественным оружием, таинственной письменностью. Урарту стало важным элементом исторического самосознания советского народа как «древнейшее государство на территории СССР». Об увлекательных раскопках древней крепости Тейшебаини близ Кармир-блур и их организаторе писали в учебниках, рассказывали на школьных уроках и в университетских лекциях. За свой обобщающий труд «История и культура Урарту» (1944), написанный в блокадном Ленинграде, Б. Б. Пиотровский получил в 1946 г. Сталинскую премию. Казалось бы, все шло более чем хорошо. Так в чем же дело?

Пометки, сделанные на полях сборника могущественной рукой, ехидные «ха-ха», подчеркивания, зигзаги и волнистые линии не оставляют сомнений: Сталин недоволен. Резкую реакцию вождя и автора трудов по языкознанию вызывает всякое упоминание в связи с Урарту Армении, армян, армянского языка, армянской культуры. Хотя таких мест в статье немного.

Урартская крепость Тейшебаини (Кармир-блур) была раскопана Б. Б. Пиотровским около Еревана. Основные урартские памятники на территории СССР находились в Армении. Само собой разумеется, что столь выдающиеся находки памятников древней цивилизации на территории маленькой республики наполняли ее жителей особой гордостью и радостью. Армянские ученые, публицисты и простые люди видели в них доказательство древности своих культурных корней. Урарты представлялись многим из них прямыми предками армян. Однако с научной точки зрения это была слишком вольная, не совсем корректная интер-

¹ Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. М., 2002; М., 2003. С. 261–267.

претация исторических и археологических данных. Видя это, Б. Б. Пиотровский написал в 1946 г. специальную книжку «О происхождении армянского народа». В ней он переводил возникшую общественно значимую проблему на почву строгой научной доказательности. Он показал, что Закавказье было лишь покоренной периферией обширного государства Урарту, поэтому все насельники его бывшей территории имеют право числить себя в ряду потомков его жителей.

Однако ему не удалось остудить горячие головы. И по сей день работы Б. Б. Пиотровского не могут служить достаточным тормозом для поэтически настроенных исследователей национальной армянской истории. К армянам в те годы присоединился и другой кавказский народ — грузины. Они тоже хотели, почти по тому же праву, считать себя потомками урартов. Эти настроения получили большое развитие в последующие годы в советском и постсоветском Закавказье. Их общественная острота была усилена развертыванием археологических исследований в турецкой части Армении. Естественно, что для турецких археологов история Урарту стала предисторией собственного народа и собственной страны. Острые споры, не имеющие никакого отношения к науке, продолжались и продолжают и сегодня, порождая порой фантастические теории и претенциозные псевдонаучные книги. Б. Б. Пиотровскому, человеку сдержанному и не любившему такого рода полемику, нередко приходилось реагировать на самые безудержные фантазии.

Но это было много позже. А тогда, в 1951 г., он невольно заочно полемизировал с самым могущественным человеком страны — Сталиным. Говорят, что в последние годы жизни интернационалист и противник национализма Сталин вернулся душой к своим национальным истокам и начал постепенно превращаться в грузинского шовиниста. На первый взгляд в это трудно поверить, но тому есть немало свидетельств. Как известно, всякий национализм основан на враждебном отношении к другим. В этом смысле армянские претензии на Урарту могли вполне пригодиться как самому Сталину, так и тем, кто подпитывал его эмоции.

Вот только текст статьи Б. Б. Пиотровского не подходил для таких целей. Он был увлекателен по своей археологической сути, но достаточно сух и сдержан в части научных выводов. Анализируя карандашные ремарки и пометки Сталина, сделанные по ходу чтения статьи об Урарту, можно увидеть любопытную динамику реакции облеченного высшей властью читателя. Сначала каждое упоминание армянских связей с Урарту вызывало эмоциональный протест, затем эмоции нарастали, однако, поскольку «криминальные» выводы так и не обнаружились, замечания в конце статьи стали сдержанными, строгими и как бы полемизирующими с оппонентами-экстремистами. Могущественный читатель-вождь успокоился, а издатель и комментатор сталинских заметок облегченно вздохнул: «Уф-ф! Пронесло!»

Эти материалы стали известны совсем недавно, и я никак не могу отстраниться от собственной эмоциональной реакции на них. Все было на грани, все могло обернуться трагедией. Полагаю, что отца моего спасло не только то, что Сталин умер. В значительной мере отец помог себе сам своим умением делать правильные шаги и не делать лишних, строго придерживаться того, что знаешь, а не того, чему веришь.

А могло получиться совсем по-другому. В воспоминаниях «Страницы моей жизни» Борис Борисович сдержанно, но очень подробно рассказывает о борьбе, развернувшейся в Эрмитаже и в Институте археологии в 1950–1953 гг. Его карьерная, и не только карьерная судьба висела на волоске, в частности и из-за того, что он был любимым учеником Н. Я. Марра (кстати, одного из главных отечественных исследователей Урарту, которых своими пометками на полях и «защищал» Сталин). Спокойные отсылки к научной литературе помогли тогда Б. Б. Пиотровскому не просто предотвратить катастрофу, но и выйти из ситуации более чем победителем. Похоже, что сборник «По следам древних культур» «привлек» внимание Сталина не без помощи коллег-археологов.

Немного странно начинать предисловие к переизданию главных научных трудов Б. Б. Пиотровского с политических эпизодов и аллюзий. Однако самая чистая наука часто оказывается важным элементом политической жизни и ее серьезным индикатором. Строгая научность и научная сдержанность — сами по себе уже важная политическая позиция. А то, что сделали Б. Б. Пиотровский и его коллеги, советские археологи, имеет особое политическое значение.

Есть распространенное представление, что тоталитарные режимы любят археологию. Это не верно. Просто при тоталитарных режимах археология остается одной из возможных ниш, где люди могут честно использовать свои способности и таланты во славу науки и культурного наследия своих и чужих народов. Это вовсе не так просто, как кажется, и далеко не всегда удается. Мы должны быть благодарны старшим поколениям наших коллег, что годы господства тоталитарной идеологии отмечены великими научными археологическими открытиями — Пазырык, Новгород, Пенджикент, Кармир-блур и многие другие. Благодаря им мы с гордостью смотрим в прошлое нашей гуманитарной науки, нашей археологии, нашей музейной жизни.

Представленные в этом издании хрестоматийные книги Б. Б. Пиотровского «Ванское царство» (1959) и «Искусство Урарту» (1962) — памятники эпохи, выдающиеся явления науки и вечные эталоны того, как нужно писать научную прозу даже тогда, когда аудитория ее читателей далеко не чисто научна, а часто политически предвзята. Но путь к этим творческим вершинам был проложен трудом, упорством и удачей судьбы.

Борис Борисович был настоящим археологом, у которого тщательность работы и громадное трудолюбие сочетались с везением и удачей. В археологии без удачи невозможно. Я хорошо помню, что каждый раз, когда я, студент, приезжал в экспедицию, меня спрашивали, унаследовал ли я отцовское везение на находки. Борис Борисович не любил, когда коллеги преувеличивали эту его «везучесть». Он ее заслужил упорным трудом. Десять лет бродил по Армении, участвовал в раскопках, разведках, копировал урартские надписи — искал место для постоянных раскопок. Кармир-блур, который он в конце концов выбрал, уже начинали копать до него и бросили, не увидев перспектив. А Б. Б. Пиотровский почувствовал удачу каким-то шестым чувством. И оказался прав.

Находки в обвалившейся во время штурма крепости Тейшебаини, обилие и сохранность вещей были, конечно же, поразительными. Но значительная часть произведенного ими эффекта зависела от правильной умелой и быстрой интерпретации. Борис Борисович был знаменит тем, что практически немедленно

но публиковал материалы своих раскопок, делая их всеобщим достоянием. Один за другим выходили в свет выпуски «Кармир-блур», многочисленные статьи, монографии «Урарту», «Ванское царство» и т. д. Его дневники и полевые инвентари поражают своей тщательностью и практической готовностью к печати. Он умел сдержанно, но в то же время увлекательно интерпретировать находки, реконструируя и ночной штурм, и панику защитников, и предшествовавшую войне жизнь крупного военного центра завоевателей, политически и экономически контролировавшего часть Закавказья. Нигде не отступая от привычной строгости выводов, он умел делать их понятными и доступными широкой публике. Умение представить материал самым разным аудиториям — важный навык для археолога, которому нужно и приучить людей правильно понимать то, что он нашел, и убедить власть имущих в необходимости продолжать и расширять полевые работы.

Раскопки Кармир-блур впервые дали отечественной науке настоящий древневосточный памятник. Крепость, парадное оружие, изображение божеств, клинопись, упоминания в письменных источниках — все вызывало в памяти Ассирию, великие восточные завоевания, великие культуры, удивительные проблемы мирового масштаба. Ученые Советского Союза получили в свои руки богатейший материал мирового уровня. Надо сказать, что они блестяще им воспользовались. Десятки книг, публикации письменных документов, исторические реконструкции, тщательные конкретные исследования — все это резко повысило престиж отечественной науки. Возникла особая дисциплина — урартология, в которой на протяжении многих лет первыми были представители нескольких отечественных школ древневосточных исследований.

А Кармир-блур стал эталонным памятником мировой археологии. Результаты его раскопок стали хрестоматийными примерами того, как заставить говорить памятники, извлеченные из земли. Как реконструировать прошлое вообще и в конкретный его момент, в частности.

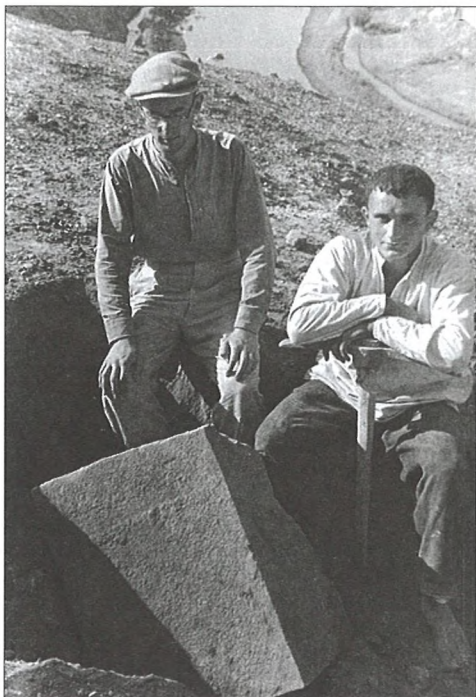
Практически однослойный памятник стал и археологической учебной базой для десятков археологов и древневосточников. Через Кармир-блур они причастились и к археологической науке, и к истории Древнего Востока, и к древней истории Армении. Вокруг Кармир-блур на протяжении десятилетий существовал особый мир, сформировавший множество ученых.

Кармир-блур учил и наставлял, и это происходило потому, что его главный открыватель, Борис Борисович Пиотровский, сам прошел блестящую археологическую школу и умел на кажущемся простым для раскопок памятнике объяснить все сложности других археологических объектов. Он сам работал у блестящего знатока археологической методики А. Миллера, имел большой опыт разведки археологических памятников. И по сей день в древнем Мерве, где он тоже копал, стоят остатки его огромного стратиграфического разреза, образца археологического умения. Кармир-блур был ярким примером того, что называется археологией.

Но блестящий археолог Б. Б. Пиотровский был и прекрасно подготовленным историком-востоковедом. Он начинал свою научную деятельность как египтолог и всю жизнь им оставался. Он был воспитанником романтической науки, где археология всегда была тесно связана с историей. Он умел читать египетские

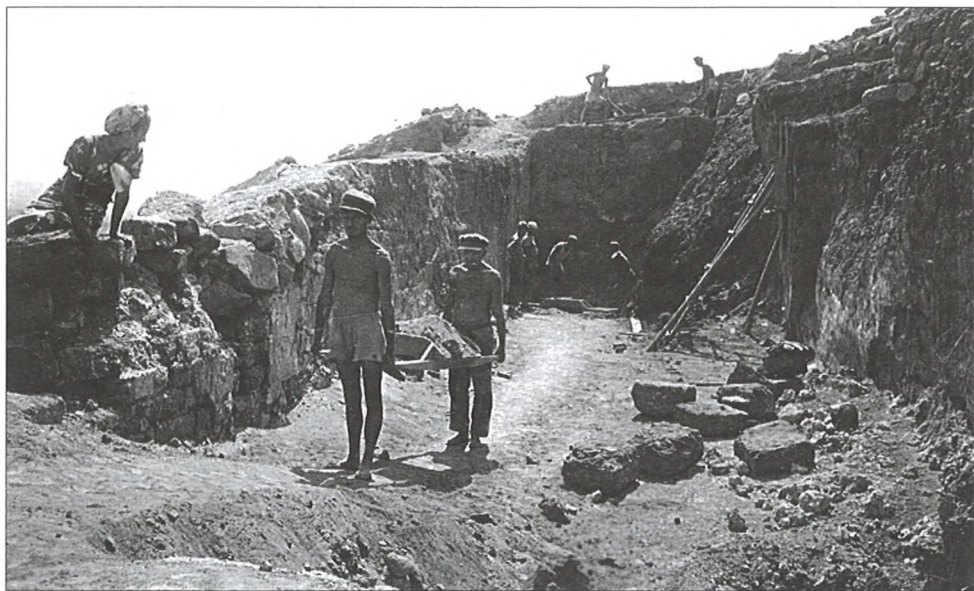
Б. Б. Пиотровский — старший научный
сотрудник отдела Востока

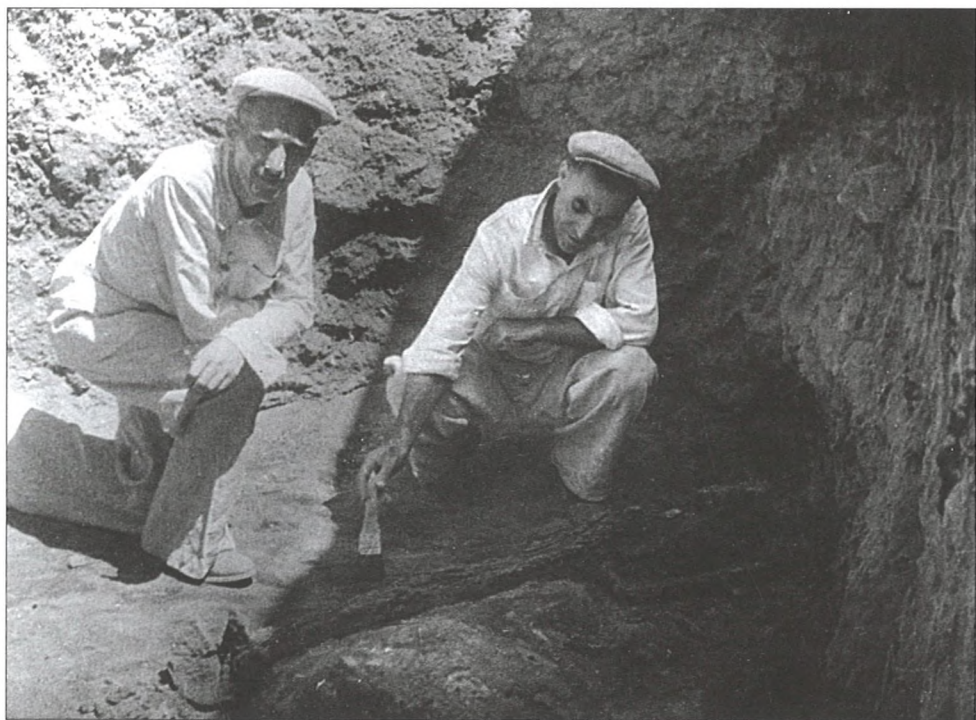
Кармир-блур. 1939 г.
Слева — И. М. Дьяконов

Кармир-блур. 1939 г. Первый день

Кармир-блур. 1940 г. Слева на стене — Р. М. Джанполадян

Кармир-блур. 1946 г. Б. Б. Пиотровский и А. Мнацаканян

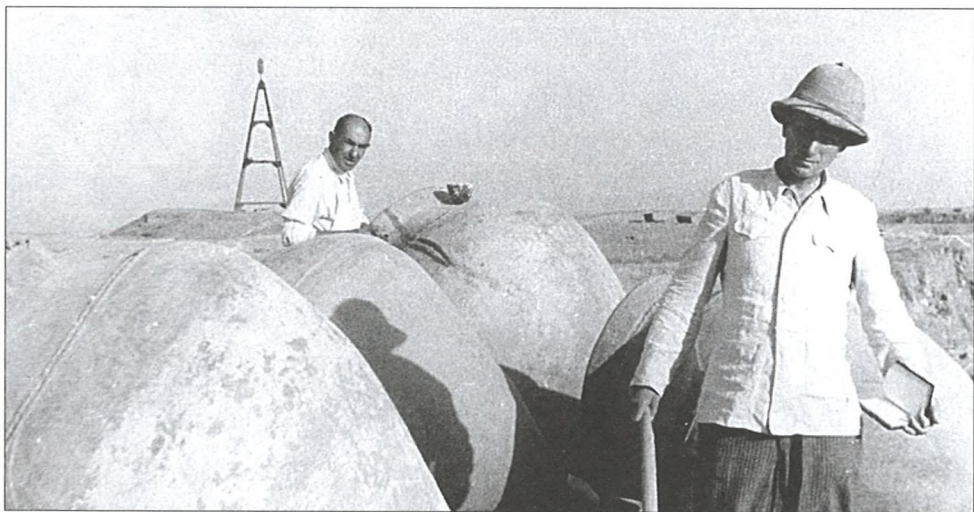
Кармир-блур. На переднем плане — Б. Б. Пиотровский, за ним — А. П. Султан-Шах

Кармир-блур. Находка чаш в каресе

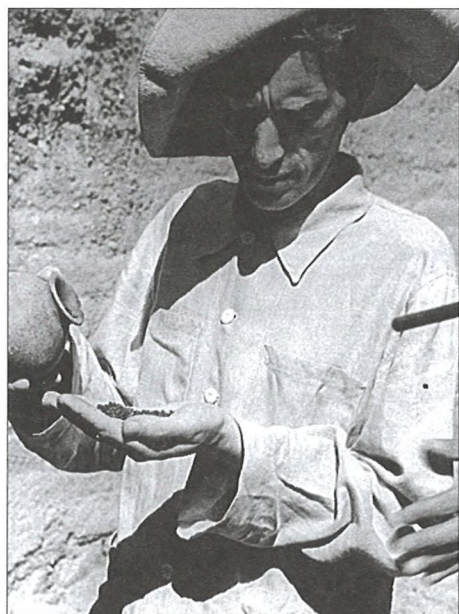
Кармир-блур. Б. Б. Пиотровский и чаши

Кармир-блур. Карасы. На переднем плане — Б. Б. Пиотровский

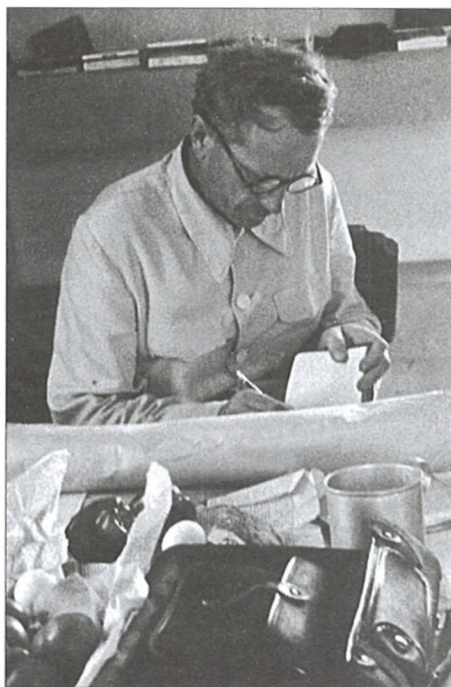
Кармир-блур. Справа — Б. Б. Пиотровский

Кармир-блур. 1956 г. Б. Б. Пиотровский. Зерно

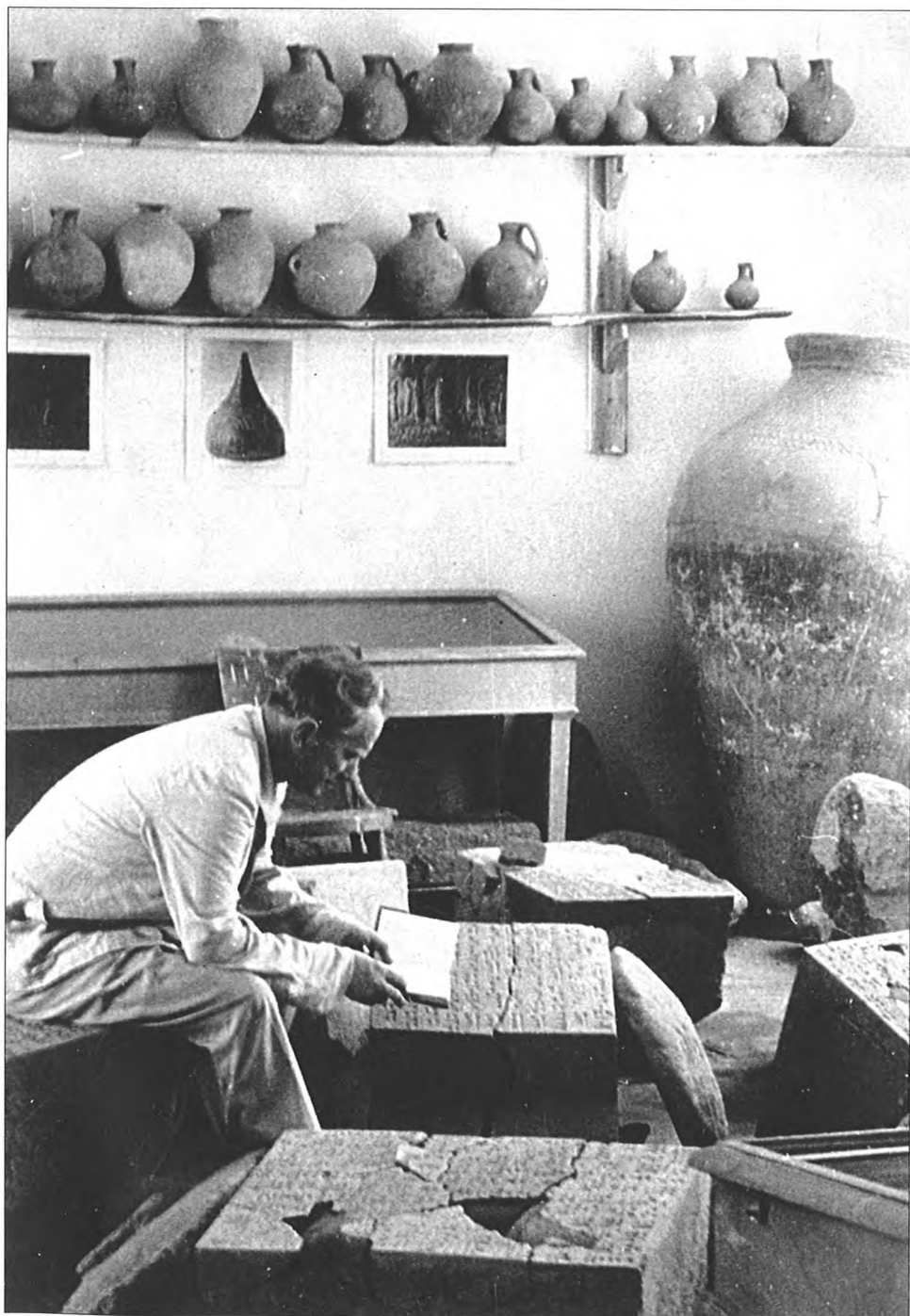
Кармир-блур. 1961 г. Б. Б. Пиотровский
в камералке

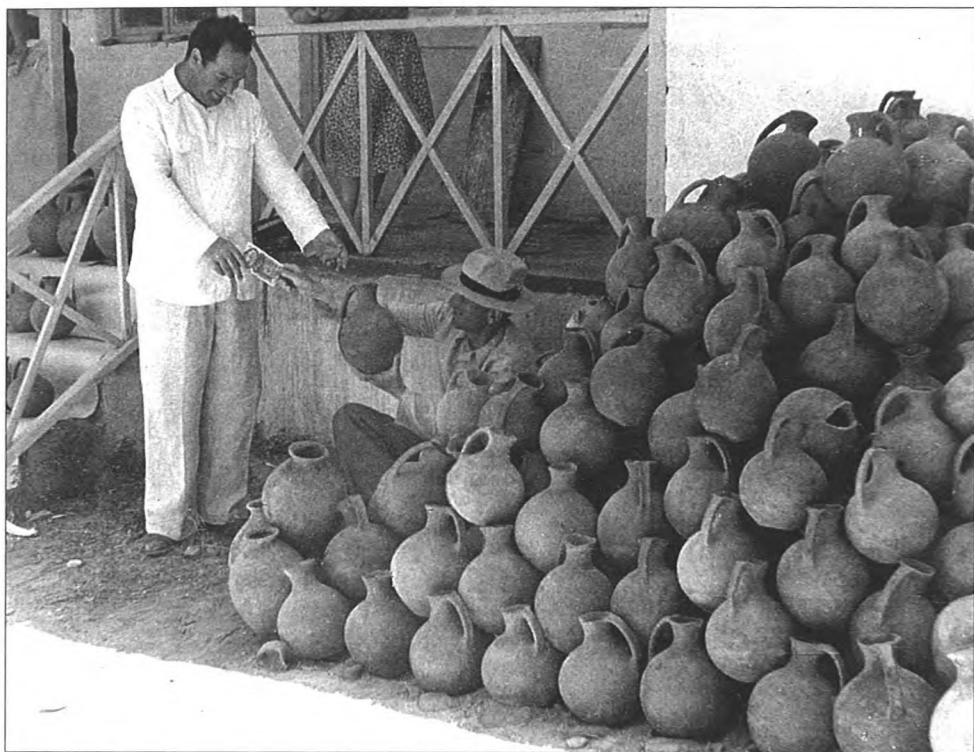
Кармир-блур. 1961 г. Б. Б. Пиотровский
в камералке

Кармир-блур. 1961 г. Б. Б. Пиотровский в камералке

Кармир-блур. 1962 г. Б. Б. Пиотровский за работой с найденными во время раскопок надписями. Фото П. Григоряна

Кармир-блур. Кувшины для вина. Сидит Б. Б. Пиотровский. Стоит К. Оганисян

Кармир-блур. Коллектив экспедиции:

в центре — Б. Б. Пиотровский, слева за Б. Б. — З. Касабян. Лежат слева на переднем плане — Р. Бартикян (в шляпе), третий слева — Г. Тирацян, крайний справа — К. Оганисян

иероглифы и клинопись. Он владел методами интерпретации письменных памятников в лучших традициях отечественного востоковедения. Всеобщее признание заслужил его анализ данных знаменитой армянской хроники Моисея Хоренского. Особого внимания заслуживают его краткие замечания, такие как, к примеру, ссылка на кумранский вариант названия Арарат-Урарту, и данное как бы между прочим указание на то, что библейский Арарат находился на юге Урарту, а не там, где его помещают сейчас. Во всем этом чувствуется историко-филологическое образование, полученное в Петербургском университете.

Борис Борисович всегда был строг в исторических выводах, умел сдерживать свою и чужую фантазию. Потому его книги, которые мы сейчас публикуем заново, и сегодня остаются не только важными исследованиями, но и учебниками того, как нужно интерпретировать материал археологии и письменных источников. Неожиданно, в наше время неумейной свободы фантазии, это становится не менее актуальным, чем история Урарту.

«Ванское царство» являет собой наглядное сочетание тщательного препарирования и представления добытого археологом материала со строгим обобщением всех типов источников, создающим стройную картину истории Урарту, которая возвращает эту страну и культуру в мировую историю.

«Искусство Урарту» написано тем же археологом, но как бы вспомнившим о другой стороне своей деятельности — музейной работе. В этой книге усилия систематика-археолога дополнены скрупулезностью систематика-музейщика. В ней археологический анализ слегка потеснился ради искусствоведческого анализа. И рядом с обычным историографическим обзором выросла история приобретения Эрмитажем урартских коллекций. Обычная для столь крупного музея тема о происхождении экспонатов оказалась увлекательным приключенческим рассказом, в начале которого стоит не больше не меньше, как возможный прототип лермонтовского Грушницкого. К 100-летию появления в Эрмитаже первых урартских памятников Борис Борисович Пиотровский подвел итог их изучения, показав реальное соотношение преемственности и новизны в научных исследованиях и в музейном собирательстве.

Урартоведческие работы Б. Б. Пиотровского всегда жили в более широком археологическом контексте и стимулировали других на исследования смежных тем. В соседстве с его трудами и трудами его коллег по истории Урарту по-новому расцвела скифская тематика, традиционная для Эрмитажа. Новое измерение приобрели археологические проблемы Кавказа как исторического региона. В развитии кавказской археологии большую роль сыграло написанное Б. Б. Пиотровским учебное пособие-исследование «Археология Закавказья», ставшее, как и другие его работы, классическим. После опубликования оно многократно расширялось, постоянно обновлялся фактический материал. Доработанный вариант учебника существовал, к сожалению, только в устном виде — в виде курса лекций, которые Борис Борисович читал на историческом факультете Ленинградского университета. На восточном факультете этого же университета Б. Б. Пиотровский возглавлял кафедру Древнего Востока, осуществляя тем самым преемственность поколений в области древневосточного аспекта урартской тематики. Древний Восток и Кавказ стали навсегда связанными, благодаря успехам и находкам отечественной урартологии.

Своими раскопками, книгами, лекциями и организаторской деятельностью Б. Б. Пиотровский создал законченный цикл исследований по Урарту. Они стали важными элементами истории отечественной науки и культуры. Они придали отечественной и мировой истории новое измерение в двух временных плоскостях — в VII–VI вв. до н. э. (сделав их знакомыми нам) и в XX в. н. э. (подарив нам пример того, как надо искать свое прошлое).

Книги, которые мы переиздаем сегодня, заслуживают этого, в первую очередь, потому, что являются законченными образцами исследований, ставших классическим примером работы в сфере гуманитарной науки. И сейчас, переведенные на многие языки мира, они продолжают быть для ученых в разных концах света эталонными сводами письменных и археологических материалов по истории одного из интереснейших государств Древнего Востока — Урарту.

Со времени первого издания этих книг прошло немало лет, появились новые материалы и новые исследования. Раскопаны многочисленные новые памятники (особенно на территории Турции). Появилось много новых научных гипотез, теорий, датировок, атрибуций. Все они отражены в приложенной к работе библиографии. Однако все они — уже новый, «постпиотровский» этап изучения Урарту, для исследователей которого «Ванское царство» и «Искусство Урарту» продолжают оставаться настольными книгами.

У Бориса Борисовича был изумительно четкий почерк. Есть только один документ, в котором этот «печатный» шрифт становится плохо разборчивым. Это его последний труд, написанный после первого инсульта в больнице. Он подготовил к изданию отчет о раскопках своего безвременно ушедшего из науки и из жизни коллеги, археолога-кавказоведа Я. И. Гуммеля, высленного в начале войны со своей родины (Еленендорф, ныне город Ханлаф, Азербайджан). К архивным материалам Б. Б. Пиотровский добавил свое исследование найденной в раскопках Я. И. Гуммеля древней сирийской печати. Кавказ и Древний Восток снова объединились, задав ученым новых поколений очередную увлекательную загадку.

Р. S. Борис Борисович всю свою жизнь проработал в Эрмитаже. Двадцать шесть лет он был его директором. Это отдельная научная биография, полная дел, событий и свершений. Его мировой авторитет как знаменитого директора великого музея был сам по себе велик. Однако он был неразрывно связан с его известностью в качестве выдающегося ученого.

Многие еще хорошо помнят Бориса Борисовича. Поэтому мы включаем в книгу только краткий хронологический очерк его деятельности и перечень основных работ. Новейшую свою биографию и историю открытия Кармир-блуря он написал сам в «Страницах моей жизни». Пока еще рано что-либо к ней добавлять.

Но мы сочли нужным дополнить книгу полным списком урартских древностей, хранящихся в Эрмитаже. Борис Борисович ими вдохновлялся, он их описывал, он их изучал. Большую их часть он добыл сам.

М. Б. Пиотровский

ВАНСКОЕ ЦАРСТВО

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Ванского царства (Урарту ассирийских надписей) имеет большое значение для изучения истории народов Закавказья. В начале I тысячелетия до н. э. области Южного Закавказья входили в состав Ванского царства, которое поэтому можно считать древнейшим из государств, существовавших на территории СССР. Центр этого государства, целиком занимавшего Армянское нагорье Передней Азии, находился в районе оз. Ван, получившего, вероятно, свое название, как и город Ван, от встречающегося в урартских клинообразных надписях термина *Биайни(ли)*, которым обычно обозначалась центральная часть государства. Ввиду того, что и до сего дня еще не совсем ясна подлинная фонетическая форма этого слова, в истории Древнего Востока применяется ассирийский термин Урарту. В дальнейшем изложении употребляются оба термина — *Ванское царство* и *Урарту* как совершенно равнозначные.

Хотя Ванское царство существовало сравнительно недолго (около 300 лет, с IX по начало VI в. до н. э.), ему на некоторое время удалось стать одним из могущественнейших государств Передней Азии и в первой половине VIII в. до н. э. взять верх над постоянным своим соперником — Ассирией.

Культурное влияние Урарту было особенно сильным в странах, расположенных в северной части Передней Азии и в Закавказье, и способствовало их общественному развитию. Через Урарту эти страны воспринимали культуру Древнего Востока. Государство Урарту было также посредником в связях населения Северного Кавказа и скифов Причерноморья со странами Востока.

Несмотря на большую роль, какую играло Ванское царство в истории Передней Азии и Закавказья, его собственная история и культура долго оставались неизученными.

Основным источником наших знаний об Урарту являются ассирийские и урартские клинообразные тексты, главным образом царские летописи, описывающие походы и завоевания. Но переводы урартских текстов ввиду недостаточной изученности урартского языка долгое время были крайне неточными. Этим объясняется неполнота наших знаний и невозможность осветить многие чрезвычайно важные стороны жизни этого государства.

Урартские надписи и язык изучались совершенно обособленно от памятников материальной культуры, но все же в этой работе были достигнуты значительные результаты. Среди трудов, посвященных урартской клинописи, видное место занимают работы наших отечественных ученых: М. В. Никольского, Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова, Г. А. Капанцяна и Г. А. Меликишвили.

Гораздо хуже обстоит дело с исследованием археологических памятников; на территории центральной части Урарту, в районе оз. Ван, из советских ученых работали лишь Н. Я. Марр и И. А. Орбели.

Настоящая книга является дополненным и переработанным вторым изданием книги «История и культура Урарту», выпущенной в 1944 г. Академией наук Армянской ССР. В ней я ставил своей целью дать сводку всего достоверного материала по истории и культуре Ванского царства и показать, что состояние его изученности далеко не так безнадежно, как можно было тогда думать.

За время, прошедшее со дня выхода этой книги, изучение Ванского царства значительно продвинулось вперед. Урартские надписи стали полноценным историческим источником. Г. А. Меликишвили опубликовал свод всех урартских клинообразных текстов, снабженных русским переводом. Это дает возможность историкам смежных областей широко использовать урартские материалы.

И. М. Дьяконов собрал и издал в русском переводе все сведения об Урарту из ассирийских и вавилонских письменных источников. Значительно улучшилось исследование социального строя Ванского царства, входившего в круг рабовладельческих государств Древнего Востока, основные принципы общественной структуры которых были разработаны В. В. Струве.

Значительное развитие получили и археологические исследования. Громадный материал дали раскопки Арин-берда и Кармир-блуря около Еревана. Раскопки этих крупных урартских центров в Закавказье позволяют изучать не только урартскую и современную ей закавказскую культуру, но и дают возможность проследить связи Закавказья со странами Древнего Востока и Скифии.

За последние годы особенно увеличился интерес к культуре Ванского царства. На международных конгрессах, посвященных вопросам востоковедения, постоянно ставятся доклады по урартской тематике, привлекающие большое внимание, появляются новые имена исследователей культуры урартов. В музеях продолжают систематическую обработку старых материалов, в результате которой обнаруживаются неизвестные востоковедам памятники урартского искусства. Интерес к урартским древностям проявляется и в Турции. В Ване организован музей древностей, в котором хранятся неопубликованные материалы. Британский археологический институт в Анкаре начал разведывательные работы в Ванском районе, направленные на подготовку стационарных раскопок.

Несомненно, наука стоит на пороге нового подъема изучения культуры Ванского царства и открытий на территории центральной части этого государства Древнего мира.

Время распада древних рабовладельческих государств Передней Азии было вместе с тем и временем образования современных народов Закавказья, унаследовавших культуру Урарту.

В книге приведены некоторые материалы по древнейшей истории армян до создания ими своего государства. Дальнейшие работы по исследованию культуры Армении времени Ервандидов и Арташесидов позволят нам более четко выявить черты преемственности урартской и раннеармянской культур.

В книге все даты, касающиеся Ванского царства, история которого целиком укладывается в период до начала нашей эры, даны без указания «до н. э.».

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВАНСКОГО ЦАРСТВА

Многие могущественные государства древности не только исчезли с лица земли, но время стерло даже память о них. Слава о других государствах, о которых сохранились письменные сведения или устные предания, продолжала жить, затмевая воспоминания об их соседях, в свое время ни в чем им не уступавших. И только земля хранила остатки древних исчезнувших культур, изучение которых может снова восстановить картину их былого могущества.

К таким забытым государствам относилось и древнее царство Урарту, занимавшее в первой четверти I тысячелетия главенствующее положение среди государств Передней Азии.

В начале XIX в. было обращено внимание на рассказ средневекового армянского историка Моисея Хоренского (1, 16) о постройке ассирийской царицей Шамирам (Семирамидой) большого города на восточном побережье оз. Ван. В приводимой Моисеем Хоренским легенде о Шамирам и Ара Прекрасном, в которой отзвуки исторических повествований тесно переплелись со сказочными мотивами, рассказывается о том, как Шамирам из Араратской (Айраратской) долины направилась на юг, в гористую часть страны.

«Объездив множество мест, достигает она Соленого озера с восточной его стороны и видит расположенную у берега продолговатую гору, по долине тянущуюся к западу,

в северной части положую, в южной же вздымающуюся к небу и обрывающуюся крутым утесом. (рис. 1. — *Ред.*) К югу от него и к востоку от горы раскинулась обширная долина, переходящая в снижающееся к берегу озера ущелье, изобилующее питьевой водой, которая ручьями стекала с горы и сочилась из падей и расселин, а еще ниже, у подножия, красиво сочетаясь, сливалась в большую реку, слева и справа от которой по склонам находилось немалое количество поселений. К востоку от облюбованного ею холма высился другой, поменьше».

После этого краткого, но точного описания восточного побережья оз. Ван Моисей Хоренский приводит рассказ о постройке города царицей Шамирам:

«Спустя немного лет завершает она дивное строительство — возведение крепчайших стен с медными воротами. В самом городе понастроила она множество роскошных зданий, с большим разнообразием в камне и цвете, в два и три этажа, при надобности с балконами. Мастерски распланировала она город широкими улицами. Выстроила посреди города прекрасные купальни, достойные удивления по своим удобствам. Часть реки отвела и распределила по городу на различные нужды и на орошение парков и цветников. Другая часть реки была отведена по правому и левому берегам озера для орошения пригородных земель. Восточные, северные и южные окрестности города украсила она усадьбами и тенистыми рощами плодовых и лиственных деревьев и насадила много пышных садов и виноградников. И много еще достопримечательного создала она в этой великолепной твердыне и населила ее множеством жителей. А все то чудесное, что сооружено было ею в нагорной части города, непостижимо для большинства людей и неопишимо. Опоясав стенами вершину, на которую никому не взойти и не взобраться, воздвигла она там царский дворец, таинственный и страшный. Как и что там сооружено, в точности ни от кого нам не довелось слышать, и мы не решаемся описать. Достаточно сказать, что из всех царских сооружений это, как мы слышали, считается самым величественным». Далее идет пространное описание пещерных помещений, высеченных в отвесной стене Ванской скалы, и загадочных клинообразных письмен, встречающихся «во многих местах страны армянской».

В 1827 г., когда Французское Азиатское общество командировало в Ванский район молодого ученого Шульца, ему было поручено обследовать и описать замечательные памятники Шамирам, о которых так подробно рассказывает Моисей Хоренский¹.

Прибыв после долгого путешествия в Ван, Шульц энергично принялся за работу. В то время город Ван был поистине музеем древностей. Внимание Шульца привлекли клинообразные письмена на скале у входа в обширные помещения и в специально вырубленных нишах, а также на отдельных базальтовых камнях, которые были вложены в стены некоторых армянских церквей или частных домов.

Он стал тщательно копировать эти древние письмена, и, хотя не имел представления ни о системе письма, ни о языке, копии его оказались очень точными. Ими долгое время пользовались ученые, работавшие над расшифровкой ван-

¹ *Saint Martin J.* Notice sur le voyage littéraire de M. Schulz en Orient et sur les découvertes qu'il a faites récemment dans les ruines de la ville de Semiramis en Arménie // *JA*. II. 1828. P. 161–188.

ской клинописи. Шульц посетил и подробно описал Ванскую скалу (рис. 1, 2 — рисунки помещены все вместе после второй книги, там же дан список рисунков и иллюстраций. — *Прим. ред.*). По крутой тропинке, огражденной стенами из сырцового кирпича, поднимался он к верхней площадке скалы. Редко для кого-нибудь из европейцев открывалась деревянная дверь, обитая металлическими пластинами, ведущая внутрь крепости, «гарнизон» которой состоял из старого янычара и прирученного медведя. В крепости находилось также несколько очень старых бронзовых пушек, имевших больше музейное, нежели военное значение. По-видимому, плохая укрепленность и была причиной запрещения доступа в крепость европейцам, и после посещения ее Шульцем турецкие власти туда никого не допускали. Вследствие этого описание Ванской скалы, приведенное Шульцем, до последнего времени остается единственным.

Работы Шульца были прерваны его смертью в 1829 г. В горах около Джуламерка он был убит курдами, а собранные им материалы доставлены во Францию и только в 1840 г. опубликованы секретарем Азиатского общества Модем². Издание это содержало 42 копии клинообразных надписей и подробное описание некоторых древностей, в частности помещений, высеченных в Ванской скале (рис. 3).

К этому времени стали уже известны и другие копии урартских надписей. Роулинсон еще в 1838 г. зафиксировал несколько таких текстов, а немецкие офицеры Мюльбах и Мольке в 1840 г. обратили внимание на одну из надписей этого рода у сел. Изоглу³.

Археологические открытия 40-х гг. XIX в. на берегах Тигра, в центре древнего Ассирийского царства, дали толчок дальнейшему изучению древнейшей истории Передней Азии.

С 1842 по 1844 г. французский консул Ботта в Мосуле производил раскопки холма Куюнджик на месте древней Ниневии и развалин дворца Саргона в Хорсабаде⁴. Откопанные стены дворцов оказались покрытыми многочисленными рельефами со сценами из жизни царя и его военных походов. Все эти изображения сопровождалось клинообразными надписями. Рисунки рельефов, выполненные художником Фландэном, и другие материалы, доставленные в Париж, вызвали всеобщий интерес к древностям Передней Азии.

В 1845–1849 гг. Лэйард во время двух экспедиций произвел раскопки дворца Ашурнасирапала II на холме Нимруд (Калху)⁵ и продолжил оставленные французской экспедицией раскопки дворца Синахериба в Ниневии. Во дворце Синахериба Лэйард обнаружил клинописные таблички царской библиотеки Ашурбанипала, другая часть которой была найдена позже (в 1854 г.) во дворце Ашурбанипала.

Эти блестящие открытия оказали существенное влияние на ассириологию, сразу ставшую большой соперницей египтологии. Лэйард, путешествуя по центральной части Передней Азии, в 1850 г. заехал в Ван, где провел некоторое время, изучая клинообразные надписи и древности. Он подтвердил догадку

² *Schulz F. E. Mémoires sur le lac de Van et ses environs // JA. IX. 1840. P. 257–323.*

³ *Monatsberichte über die Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. I. Berlin, 1840. S. 70–75.*

⁴ *Botta E. P., Flandin E. Monument de Ninive. I–V. Paris, 1847–1850.*

⁵ *Layard A. H. Monuments of Nineveh. London, 1849–1853.*

Шульца о том, что одна из надписей на Ванской скале принадлежит Ксерксу, сыну Дария. Другую, высеченную на громадном угловом камне циклопической стены, у подножия скалы, он правильно определил как ассирийскую. Им же был опубликован план и разрез знаменитых пещерных помещений, у входа в которые находился пространный клинописный текст летописи царя Аргишти I. После Лэйарда Ван посетили многие путешественники и ученые. Интерес к древнему Ванскому царству возрастал с каждым годом.

В середине XIX в. значительно продвинулось вперед и изучение клинописи. Археологические материалы, собранные Ботта, Лэйардом и другими исследователями, содержали большое число ассирийских и вавилонских эпиграфических памятников. Расшифровка клинописи получила прочную основу, особенно после опубликования работы Роулинсона, в которой он подошел к ассиро-вавилонской клинописи от ранее расшифрованной персидской.

Естественно, что клинообразные надписи из Ванского района на неизвестном языке вызвали живой интерес и попытки их расшифровать.

Первая работа по расшифровке ванских надписей была осуществлена Хинксом, опубликовавшим в 1848 г. специальную статью об этих надписях⁶. Но, кроме определения некоторых идеограмм, сходных с ассирийскими, работа Хинкса никаких серьезных результатов, продвинувших бы вперед понимание ванской клинописи, не дала.

Материал для исследования был крайне невелик, и работа по расшифровке приостановилась более чем на 20 лет, но вместе с тем началось интенсивное собирание и издание новых надписей, открывавшихся иногда случайными путешественниками⁷.

Наряду с собиранием новых клинообразных надписей на Армянском нагорье начались поиски клинописи и по всему Закавказью. В 1862 г. были открыты надписи у сел. Ганлиджа, на левом берегу р. Ахурян (Арпачай), Кестнером⁸ и у сел. Элар епископом Эчмиадзина Месропом Смбатянцем, а в 1863 г. — надпись у Цовинарской (Келагранской) крепости, на южном берегу оз. Севан⁹.

С этого времени Месроп Смбатянец стал вести систематические работы по собиранию клинообразных надписей в Закавказье и начиная с 1869 г. опубликовывать их в эчмиадзинском журнале «Арапат»¹⁰; этими копиями долгое время пользовались и западноевропейские ученые.

⁶ *Hincks E.* On the inscriptions of Van // *JRAS.* IX. 1848. P. 387–449.

⁷ Библиографию по этим работам см. *CiCh*, I; *Мещанинов И. И.* Выдвигаемые яфетическим языкознанием вопросы в области изучения ванской клинописи // *ЯС.* IV. 1925. С. 72.

⁸ *Brosset M., Kunik A.* Notice sur deux inscriptions cunéiformes, découvertes par M. Kästner dans l'Arménie russe // *BAS.* V. 1862. P. 428–435 (перепечатано в журнале: *МА.* IV. P. 670).

⁹ Համբարձումի Բուխի. 1863. № 53 Մոսկվա, 1863. Հազարյան ինստիտուտի հրատարակություն (Вестник России. М., 1863. № 53. Издание Лазаревского ин-та в Москве).

¹⁰ Մմբատեանց Մ. Տեղագրութիւն Գեղարքունի գավառի // Արարատ: Էջմիածնի Մայր Աթոռի պաշտոնական օրգան: Վաղարշապատ. 1869. Էջ 27; 1881, Էջ 604; 1883, Էջ 53, 242, 354; 1884, Էջ 18; 1885, Էջ 416; 1886, Էջ 25, 491; 1892, Էջ 555; 1895, Էջ 204; 1896, Էջ 512; (Смбатянец М. Описание области Гехаркуни // *Арапат*: официальный орган Эчмиадзинского католикоского престола. Вагаршапат, 1869. С. 27; 1881. С. 604; 1883. С. 53, 242, 354; 1884. С. 18; 1885. С. 416; 1886. С. 25, 491; 1892. С. 555; 1895. С. 204; 1896. С. 512).

Новые попытки расшифровки ванских надписей были предприняты в начале 70-х годов Ленорманом. Он связывал эти надписи с аларадами (так, по-видимому, называл Геродот урартов) и пытался установить аналогии между языками этих надписей и грузинским¹¹.

Другого мнения придерживался Мордтман, видевший в языке ванских надписей армянский язык¹². Но, естественно, эти работы не дали положительного результата для дальнейшей расшифровки клинописи, так же как и работа де Робера, считавшего, что ванские надписи написаны на семитическом языке, близком к ассирийскому¹³.

Понимание клинообразных ванских надписей, называвшихся после работ Ленормана и Роулинсона алародийскими или урартскими, решительно подвинулось вперед только после исследования известного французского ассиролога Гюйара¹⁴. Он заметил, что заключительные строки многих урартских надписей имеют одинаковые знаки, и предположил, что в этих случаях имеется стереотипный текст угрозы тем, кто осмелится нарушить надпись. Сопоставления ассирийского текста этой формулы проклятия с урартским текстом дали возможность правильно установить значение некоторых урартских слов и грамматических оборотов.

Следуя по пути, указанному Гюйаром, английский ассиролог Сэйс продвинул вперед работы уже не по определению значения отдельных слов или фраз, а по переводу клинообразных урартских надписей, и в 1882 г. в журнале Британского Азиатского общества появилась его первая сводка известных в то время надписей, снабженная переводами¹⁵.

В некоторых частях эта работа и до сих пор не утратила ценности, особенно издание текстов. Сэйс в течение своей долгой жизни не прекращал собирать урартские тексты и публиковать их в том же журнале. Только после издания Сэйсом урартских клинообразных надписей они могли войти в научный обиход специалистов по истории Древнего Востока.

Дальнейшим шагом в разработке клинописи явились исследования австрийского ученого Мюллера, издавшего надпись из Ашотакерта (Ашрут-Дарга)¹⁶.

Работа над урартской клинописью и языком производилась теперь специалистами-кунеологами, преимущественно ассирологами, и на долю любителей оставалось только собирание надписей. К этому времени значительно

¹¹ *Lenormant F. Lettres Assyriologiques*. I. Paris, 1871. P. 113–164.

¹² *Mordtmann A. D. Entzifferung und Erklärung der armenischen Keilinschriften von Van und der Umgegend* // ZDMG. XXVI. 1872. S. 465–696; *Mordtmann A. D. Über die Keilinschriften von Armenien* // ZDMG. XXXI. 1877. S. 406–438. — Мордтман так увлекся «переводами» ванских надписей при помощи армянского языка, что пытался даже надпись Сардури I понять таким путем, несмотря на то что уже Лэйард правильно определил ее как ассирийскую.

¹³ *Robert L. de. Étude philologique sur les inscriptions cunéiformes de l'Arménie*. Paris, 1876.

¹⁴ *Guyard S. Les inscriptions de Van* // JA. XV. 1880. P. 540–543. — Дальнейшие его работы опубликованы в том же журнале в 1883 и 1884 гг., а также в сборниках: «*Mélanges d'Assyriologie*». X. Paris, 1883.

¹⁵ *Sayce A. H. The cuneiform inscriptions of Van* // JRS. XIV. 1882. P. 377–732 (57 надписей). Дополнения печатались в том же журнале: XX. 1888; XXV. 1893; XXVI. 1894; XXXIII. 1901; XXXVIII. 1906; XLIV. 1912; LXI. 1929 и LXIV. 1932.

¹⁶ *Müller D. H. Die Keilinschrift von Aschut-Darga* // DAW. XXXVI. 1888.

увеличилось и число урартских эпиграфических памятников, открытых в Закавказье.

В 1875 г. была опубликована открытая еще в 1863 г. Атамханская надпись с юго-западного берега оз. Севан, вырубленная из скалы и перевезенная в Кавказский музей (ныне Государственный музей Грузии)¹⁷.

В изучении урартской клинописи деятельное участие принял и известный арменист К. П. Патканов, публиковавший совместно с Сэйсом отдельные надписи¹⁸ и давший первую сводную работу по урартским надписям, найденным на территории России¹⁹.

Так же как и в Западной Европе, в России урартская клинопись изучалась оторванно от археологических работ.

Значительное влияние на развитие археологического изучения Закавказья оказал V Археологический съезд, созданный в 1881 г. в Тифлисе.

В план своих работ подготовительный комитет съезда включил раскопки Армавирского холма, где ранее были найдены урартские надписи. В 1880 г. А. С. Уваров и А. Д. Ерицов копали в Армавире в поисках урартских памятников и в первую очередь надписей²⁰. Обнаружив остатки построек урартского времени и не найдя развалин монументальных зданий, они признали открытый культурный слой относящимся к Средневековью, пройдя, таким образом, мимо того, что они искали.

На Археологический съезд собралось около 400 делегатов, среди которых были и такие крупные иностранные ученые, как Вирхов и Шантр.

Особое внимание съезд уделил исследованию влияния античного мира и Древнего Востока на Кавказе. Так, В. Ф. Миллером были разобраны кавказские параллели к классическому мифу о Прометее. Н. О. Эмин анализировал армянскую легенду о Шамирам. Вопрос об урартских письменных памятниках был на этом съезде затронут К. П. Паткановым²¹.

Для развития кавказской археологии V археологический съезд имел исключительное значение. Съезд возбудил интерес к древностям Кавказа не только в среде западноевропейских и русских ученых, но и в широких кругах кавказской интеллигенции.

Начались интенсивные раскопки, главным образом могильных памятников, производившиеся как иностранцами (Ж. де Морганом и Бельком), так и представителями русских научных организаций (Археологической комиссии и Московского археологического общества — Н. Я. Марром, А. А. Бобринским, Э. Реслером, А. А. Ивановским и А. С. Уваровым). Из кавказских ученых особенно деятельное участие в археологическом изучении Закавказья приняли А. Д. Ерицов и Е. С. Такайшвили.

¹⁷ Записки Общества любителей кавказской археологии. I. Тифлис, 1875; *Радде Г.* Краткий очерк истории развития Кавказского музея. Тифлис, 1891. С. 21.

¹⁸ *Patkanoff K.* Quelques inscriptions de Van. Muséon. I. Paris, 1882. P. 541; II. 1883. P. 359.

¹⁹ *Патканов К. П.* О клинообразных надписях ванской системы, открытых в пределах России // ЖМНП. 1883.

²⁰ *Уваров А. С.* Исследования местности развалин Армавира // Протоколы подготовительного комитета к V археологическому съезду. М., 1882. С. 439–448.

²¹ *Патканов К. П.* Клинообразные надписи // Труды V археологического съезда. М., 1887. С. 115–122.

Известный русский ассириолог М. В. Никольский, активный член Московского археологического общества, специально занялся урартскими надписями, открытыми в Закавказье²². В 1893 г. он посетил Армению для изучения надписей на месте, так как не все доставленные ему копии были удовлетворительны. Вместе с М. В. Никольским в Закавказье был командирован А. А. Ивановский со специальным заданием обследования археологических памятников, связанных с урартскими надписями. Это была первая совместная работа специалиста по клинописи с археологом, и она дала плодотворные результаты.

А. А. Ивановскому удалось обнаружить ряд древних памятников, главным образом крепостей²³. В одном из таких древних поселений (в Ташбуруне, на северном отроге Арарата) А. А. Ивановский произвел раскопки и открыл остатки большого здания.

В 1896 г. М. В. Никольским была переиздана сводка урартских текстов Закавказья; во многих случаях ему удалось исправить прежние неточные копии надписей и снабдить их переводами²⁴. Эта работа и до сих пор не утратила своего значения, хотя переводы текстов устарели. М. В. Никольский не производил полевых сборов урартских эпиграфических памятников, он только сличал копии ранее известных надписей с подлинниками с целью их уточнения.

Собирание клинописей и их первичное издание (без переводов) находилось в руках местных исследователей. В этом отношении мы многим обязаны монаху Галусту Тер-Мкртчяну и Месропу Самбатянцу.

Но кроме Эчмиадзина, резиденции католикоса Армении, собирание и издание клинописей производилось также и в ученых армянских объединениях Западной Европы. Так, венецианская конгрегация мхитаристов провела большую работу по изучению истории Армении. С 1843 г. она стала издавать журнал «Базмавэп» («ԲազմաՎեպ»), существующий доныне, в котором печатались статьи, посвященные урартским древностям. В труде Нерсеса Саргисяна «Описание Малой и Великой Армении», изданном в 1864 г., были приведены четыре урартские надписи, а также планы и описания помещений, высеченных в Ванской скале²⁵. Клинообразные надписи воспроизводились также Гевондом Алишаном в его работах, посвященных отдельным районам Армении²⁶, а в 1900 г. в Венеции была издана сводка урартских надписей, составленная константинопольским священником И. Сандадджяном²⁷.

²² Никольский М. В. Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России // ДВ. 1. 3. 1893.

²³ Ивановский А. А. По Закавказью // МАК. VI. М., 1911.

²⁴ Никольский М. В. Клинообразные надписи Закавказья // МАК. V. М., 1896.

²⁵ Մարգիսեան Հ. Տեղագրութիւնի փոքր և խմբէ Հայս: 1864 (Саргисеан Н. Описание Малой и Великой Армении. 1864).

²⁶ Ալիշան Դ. // Շիրակ, Վենետիք, 1881 (Алишан Г. Ширак. Венеция, 1881); նա էլ: Այրարատ, Վենետիք, 1890 (Он же. Айрарат. Венеция, 1890); նա էլ: Միավան, Վենետիք, 1893 (Он же. Сисакан. Венеция, 1893).

²⁷ Sandalagian J. Les inscriptions cunéiformes urartiques. Venise, 1900. — Дополнения к этому труду помещены в журнале «Հանդես Ամսօրեայ» Վիեննայի Մխիթարյան միաբանության պաշտոնական օրգան: Վիեննա, 1913 (Ежемесячный журнал: официальный орган Венской конгрегации мхитаристов. Вена, 1913).

В 1811 г. наряду с венецианским возник второй центр мхитаристов — в Вене, издававших с 1887 г. журнал «Хандэс Амсорья» («Հանդես ամսօրյա»). В этом журнале, как и в отдельных изданиях венских мхитаристов, нередко затрагивались вопросы дохристианского периода истории Армении.

Научная работа, проводившаяся мхитаристами, оказала существенное влияние на развитие западноевропейской арменистики.

Как в Западной Европе, так и в России изучением урартского языка занимались крупные востоковеды, но не лингвисты, потому что в то время урартский язык еще не стал самостоятельной отраслью знаний. В Европе это были Сэйс, Леман-Гаупт²⁸, Шейль²⁹, Морган, в России — М. В. Никольский и В. С. Голенищев³⁰.

Наряду с серьезными научными исследованиями появились работы кавказоведов, содержащие часто очень интересный материал и наблюдения, но не всегда отражающие современный им уровень знаний в области разработки клинописи.

Так, М. Г. Джанашвили пришел к заключению, что язык ванских (алародийских) надписей не что иное, как грузинский³¹, высказав, по существу, старое и давно оставленное мнение.

А. К. Глейе пытался составить грамматику урартского языка на основании языкового материала горских племен Кавказа³².

Такие попытки сопоставления урартского языка с рядом кавказских или же с одним из них встречались неоднократно. Зачастую даже позднее они носили совершенно ненаучный характер (например работа о родстве урартского языка с удинским)³³.

Из работ арменистов, занимавшихся урартским языком, следует упомянуть статьи Г. А. Халатьянца, посвященные связи армянской топонимики с урартской, и Л. З. Мсерианца, разбиравшего некоторые вопросы армянского и урартского языков³⁴. Урартский материал широко использовался также К. Басмаджяном, издававшим в Париже журнал «Банасэр» («Բանասեր»), в котором публиковались эпиграфические памятники Ванского царства.

Естественно, в работах по древнейшей истории Армении использовался материал Урартского государства. Проблема происхождения армян и заселения ими

²⁸ Во время экспедиции в Армению Леман-Гаупт и Бельк собрали большое количество урартских надписей [см. Bericht über die Ergebnisse der von Dr. W. Belck und C. F. Lehmann 1898–1899 ausgeführten Forschungsreise in Armenien // CSPAW. 1900]].

²⁹ Scheil V. (et J. de Morgan). La stèle de Kelischin // Rec. de trav. XIV. 1893. P. 153; Scheil V. (et J. de Morgan). Inscription vannique de Melazgert // Rec. de trav. XVIII. 1896. P. 75.

³⁰ Голенищев В. С. Надпись древневанского царя Русы II // ЗВО. XIII. 1901. С. 1.

³¹ Джанашвили М. Г. О древней истории Грузии по клинообразным надписям // Изв. КОМАО. I. Протокол. С. 14; см. также: ЗКОРГО. XXIV. 5. С. XXXVI.

³² Глейе А. К. Опыт решения ванского (урартского) вопроса // СМОМПК. XXXVII. 1907.

³³ Пайазат А. Ключ халдского языка. Эривань, 1936.

³⁴ Халатьянц Г. А. О некоторых географических названиях древней Армении в связи с данными Ванских надписей // ДВ. II. 2. 1901. С. 120–131; Мсерианц Л. З. К интерпретации ванских надписей // Сборник статей в честь Ф. Е. Корша. 1896. С. 391–399; Он же. О так называемых «ванских» урартских лексикальных и суффиксальных элементах в армянском языке // Труды XI Археологического съезда. II. М., 1902. С. 9–11.

областей Закавказья рассматривалась некоторыми учеными с миграционной точки зрения, что подкреплялось и антропологическими исследованиями, не без основания показывавшими существенные антропологические различия между армянами и древним населением тех областей, в которых ныне живут армяне. В этих исследованиях, однако, не учитывалось то обстоятельство, что предки современных закавказских народов в древности жили на другой территории.

Но в научной литературе уже давно встал вопрос и о генетическом родстве армян с урартами, вопрос, который нельзя было обойти в общих трудах по истории Армении³⁵.

Несмотря на то что история Урарту стала частью истории Древнего Востока³⁶, урартские тексты оставались все еще неполноценным источником.

Не было уверенности в правильности предлагаемых переводов. Идеограммы, заимствованные урартами у ассирийцев, позволили уловить общий смысл надписей, но грамматика и структура языка оставались еще неясными. Урартские клинообразные надписи были расшифрованы настолько, насколько это могли сделать ассириологи.

Понимание структуры урартского языка продвинулось вперед благодаря работам Н. Я. Марра, приступившего к разбору клинописи на основе кавказских языков, чего не могли сделать ассириологи, владевшие лишь семитическими языками. Он отказался от делавшейся ранее попытки понять структуру урартского языка, исходя из какого-нибудь одного кавказского языка, и подошел к ванским надписям с нормами, общими для большой группы языков Кавказа³⁷. В частности, Н. Я. Марр разъяснил пассивную конструкцию в урартском языке.

Исследования Н. Я. Марра, посвященные урартской клинописи, были продолжены И. И. Мещаниновым, которым была составлена сводка высказываний Н. Я. Марра об урартском языке³⁸. В ряде статей, помещенных в «Докладах» и «Известиях Академии наук СССР», И. И. Мещанинов, пользуясь коллекцией фотографий, хранившихся в Яфетическом институте, издавал и переиздавал урартские надписи.

Этот богатый архив фотографических снимков явился результатом интенсивной работы русских ученых по собиранию эпиграфических памятников на турецкой территории, занятой русскими войсками в 1915–1917 гг.³⁹

В 1915–1916 гг. в Ванском районе работали С. В. Тер-Аветисян (по поручению Академии наук) и от Кавказского музея — А. Н. Казнаков, доставившие в

³⁵ Sandaljian J. Histoire documentaire de l'Arménie. I–II. Rome, 1917; Փամբաջեան Չ. Բնակչական պատմություն Հայոց: Փարիզ, 1914 (Басмаджеан К. Подлинная история Армении. Париж, 1914); Լեո: Հայոց պատմություն: Թիֆլիս, 1917 (Лео. История Армении. Тифлис, 1917). — Урартский материал использован также в статье Халатьянца: *Chalatian B. Der Ursprung der armenischen Fürstentümer* // WZKM. XVII. 1903. S. 60–69.

³⁶ Maspero G. Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. III. Paris, 1889. P. 14–22, 53–69, 102–121, 143–156, 237–252.

³⁷ Марр Н. Я. Надпись Русы II из Маку // ЗВО. XXV. С. 1; Марр Н. Я. Материалы по халдской эпиграфике из командировки И. А. Орбели в Турецкую Армению // ЗВО. XXIV. С. 97.

³⁸ Мещанинов И. И. Халдоведение // Изв. ООИА. X. 1927; Мещанинов И. И. Язык ванских клинописных надписей на основе яфетического языкознания. I. Л., 1932.

³⁹ Meščaninov J. Die neuen Ergebnisse der chaldischen Forschungen // AO. VI. 1931. S. 202–205.

музей не только эстампажи и фотоснимки, но и 20 подлинных надписей. Фотографии последних, выполненные Б. Н. Шаховским, были переданы в 1917 г. в Московское археологическое общество.

В 1916 г. И. А. Орбели, участвовавший в экспедиции Русского археологического общества, раскопал в нише Ванской скалы «Хазине-капуси» большую стелу, клинописный текст летописи Сардури, сына Аргишти⁴⁰. Этот замечательный памятник по своему значению и размеру может сравниться только с анналами Аргишти, сына Менуа, высеченными на южной стороне Ванской скалы.

Фотографии урартских памятников во время поездок в Турцию выполнял А. В. Лядов, сопровождавший А. А. Бобринского в 1916 г., а А. А. Флоренский, кроме снимков, доставил в Москву камень с надписью из Леска, хранящийся ныне в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина⁴¹.

Памятники урартской эпиграфики, собранные во время войны в Западной Армении и поступившие в музей Грузии, были опубликованы в издании, подготовленном Г. В. Церетели⁴². В Государственном музее Грузии хранится также богатая коллекция эстампажей и гипсовых слепков урартских надписей.

После окончания Первой мировой войны Леман-Гаупт приступил к разработке громадного материала по урартской клинописи, собранного им совместно с Бельком. В 1928 г. вышел в свет первый выпуск свода урартских надписей⁴³. Леман-Гаупт, который, сознавая несовершенство своих переводов, ограничился изданием лишь фотографий памятников (или эстампажей с них) и транскрипции.

В 1928 г. в изданиях Гейдельбергской академии наук появилась работа М. Церетели. Автор давал перевод летописи Сардури, пытаясь подойти совершенно по-новому к урартской грамматике⁴⁴. Большое значение в этой работе имело установление в урартском языке строгого разграничения переходного и непереходного глаголов.

В дальнейшем это было развито и детально разработано Фридрихом, составившим заново грамматику урартского языка⁴⁵. Разграничение переходного и непереходного глаголов помогло разрешить многие неясности. Так как эти глаголы имели совершенно различные суффиксы, то при старом понимании происходила путаница первого и третьего лица.

Работой, закрепившей новые шаги в изучении урартской клинописи, явилось исследование Гётце, посвященное Келяшинской стеле, урарто-ассирий-

⁴⁰ Март Н. Я., Орбели И. А. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Пг., 1922.

⁴¹ Март Н. Я. Халдская клинообразная надпись из села Леска Ванского округа // Изв. АН. 1915. С. 1731–1733.

⁴² Церетели Г. В. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939.

⁴³ Corpus Inscriptionum Chaldaicarum. Berlin. I (1928). II (1935). Далее: CICH. I и CICH. II — При участии Ф. Багеля и Ф. Шахермейера; второй выпуск вышел в 1935 г. (CICH. II).

⁴⁴ Tseretheli M. Die neuen haldischen Inschriften König Sardur von Urartu // SPAW. V. 1928; Tseretheli M. Études ourartéennes // RA. XXXIII. 1936. P. 117–141.

⁴⁵ См. работы Фридриха: Friedrich J. Beiträge zur Grammatik und Lexicon des chaldischen Caucasia. VII. 1931. S. 53–86; VIII. 1931. S. 114–150; Zur urartäischen Nominalflexion // ZA. VI. 3–4. 1931; Zum urartäischen Lexikon // Archiv Orientalni. IV. I. 1932; Einführung ins urartäische. Grammatischer Abriss und ausgewählte Texte mit sprachlichen Erläuterungen // MVAG. XXXVII. 3. 1933.

ской двуязычной надписи⁴⁶. Несмотря на то что основной урартский текст не совпадал дословно с ассирийским, Гётце удалось проверить и заново установить значение ряда урартских слов и уточнить грамматические формы. Новые работы в области изучения языка ванских клинописей получили надежное подтверждение; становилось ясным, что новый путь избран правильно, несмотря на то что указанные работы вызвали резкую, но недостаточно аргументированную критику Леман-Гаупта, не желавшего отказываться от старой схемы Сэйса.

Большую работу по исследованию урартского языка, особенно грамматики, провел И. И. Мещанинов, опубликовавший результаты своих многолетних исследований в книге «Язык ванской клинописи» (т. II), изданной в 1935 г. Академией наук СССР. Эта книга наряду с работами Фридриха значительно продвинула вперед плодотворное изучение урартской клинописи. В 1958 г. И. И. Мещанинов опубликовал первый выпуск грамматики урартского языка⁴⁷.

Интересные и важные результаты были получены лингвистическими исследованиями, производившимися с учетом связи урартского языка с другими языками Древнего Востока, в частности с хурритским (Шпейзер, Фридрих) и хеттским (Г. А. Капанцян)⁴⁸.

После Второй мировой войны на территории Армянской ССР, при раскопках на Кармир-блуре и Арин-берде, были открыты новые и весьма интересные урартские эпиграфические памятники. История Урарту, древнейшего из некогда существовавших в Закавказье государств, при распаде которого ускорился процесс образования армянского и грузинского народов, заняла важное место в учебниках по истории народов СССР. Кроме учебников, появилась и большая научно-популярная литература по культуре Урарту.

В сборниках «Эпиграфика Востока», издаваемых Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР, систематически публиковались новые и переиздавались ранее известные памятники урартской письменности (статьи И. М. Дьяконова, Б. Б. Пиотровского и Н. В. Арутюняна). Вопросам истории и культуры Урарту значительное место уделит журнал «Вестник древней истории». В нем заострялось внимание на исследовании социально-экономических вопросов истории и культуры Урарту (Г. А. Меликишвили, И. М. Дьяконов, В. С. Сорокин, С. М. Бациева). В 1951 г. в приложениях к журналу была напечатана сводка всех известий об Урарту из ассиро-вавилонских источников, выполненная И. М. Дьяконовым⁴⁹. Новые переводы этих сведений на русский язык значительно облегчили их использование в исторических работах. В 1953 и 1954 гг. также был напечатан свод урартских надписей, подготовленный к печати Г. А. Меликишвили⁵⁰. Все урартские надписи приведены в этом издании в транскрипции и

⁴⁶ Götzе A. Zur Kelischin Stele // ZA. V. 1–3. 1929. S. 99–128.

⁴⁷ Мещанинов И. И. Грамматический строй урартского языка. I. Л., 1958.

⁴⁸ Speiser E. Studies in Hurrian grammar // JAOS. LIX. 3. 1939. P. 323; Friederich J. Kleine Beiträge zur churritischen Grammatik. 1939. S. 56–62; Капанцян Г. А. Общие элементы между урартским и хеттским языками. Эривань, 1936.

⁴⁹ Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1951. № 2–4. Приложения. Далее: АВИУ.

⁵⁰ Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи // ВДИ. 1953. № 1–4; 1954. № 1. Приложения. Далее: УКН.

русском переводе и снабжены комментариями и снимками преимущественно неопубликованных эстампажей коллекции Государственного музея Грузии. Во введении к своду дан очерк грамматики урартского языка, представляющий самостоятельное исследование Г. А. Меликишвили, одного из лучших специалистов по урартскому языку. После этой работы урартские клинописи, содержащие весьма важные сведения по древнейшей истории Передней Азии и Закавказья, стали полноценным историческим источником, которым могут и будут пользоваться специалисты по истории Древнего Востока. Уже в 1955 г. подобную сводку урартских надписей издал австрийский ученый Кёниг, но она по полноте материала и качеству переводов значительно уступает труду Г. А. Меликишвили⁵¹.

Г. А. Меликишвили не ограничился лишь публикацией урартских клинообразных надписей. Он написал капитальный труд «Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Наири — Урарту», изданный в 1954 г. в Тбилиси. В нем подробно, с большой полнотой разобраны письменные источники, как урартские, так и ассирийские, касающиеся истории Урарту, особенно начального периода⁵². За оба указанных труда в 1957 г. Г. А. Меликишвили была присуждена Ленинская премия.

С усилением интереса к Урартскому государству выросло много молодых специалистов, занимающихся историей и языком, как в Москве и Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге. — *Ред.*), так и в Академиях наук Армении и Грузии.

В Институте истории материальной культуры Академии наук СССР были закончены две работы по культуре Урарту. В. В. Шлеев занимался урартскими крепостями Закавказья и сделал ряд интересных наблюдений, касающихся этих крепостей и маршрутов походов урартского войска⁵³. В. С. Сорокин проводил исследования древнего поселения у Кармир-блур, обратив особое внимание на древнейшие доурартские слои⁵⁴.

В Государственном Эрмитаже над урартскими мерами длины и над керамикой из раскопок Кармир-блур работал А. А. Вайман.

В Академии наук Армянской ССР продолжал свою работу по изучению Урарту Г. А. Капанцян, занимавшийся клинописью, топонимикой и религией Ванского царства. Из учеников Г. А. Капанцяна успешно работают Н. В. Арутюнян⁵⁵, написавший ценную работу о Хорхорской летописи Аргишти I, и М. А. Израелян, подготавливающая свод урартских надписей в переводе на армянский язык и опубликовавшая несколько новых клинописей⁵⁶.

⁵¹ *König F. W.* Handbuch der chaldischen Inschriften. Graz, 1955. — Рецензия Фридриха на эту книгу напечатана в журнале: *Orientalistische Literaturzeitung*. 1955. № 11–12. S. 524–529.

⁵² Подробная рецензия на эту книгу написана И. М. Дьяконовым // ВДИ. 1956. № 2. С. 59–74.

⁵³ *Шлеев В. В.* Урартские крепости Закавказья и проблема их изучения: Автореф. дис. ... канд. истор. наук ИИМК АН СССР. М., 1954.

⁵⁴ *Сорокин В. С.* Древние поселения у Кармир-блур: Автореф. дис. ... канд. ... наук ИИМК АН СССР. Л., 1955.

⁵⁵ *Арутюнян Н. В.* Хорхорская летопись Аргишти I // ЭВ. VII. 1953. С. 81; *Он же.* Заглавные декларации урартских надписей и их значение при изучении вопросов топонимики // Изв. Акад. наук АрмССР. 1954. № 8. С. 81; *Он же.* Заметки по урартской клинописи // Изв. Акад. наук АрмССР. 1956. № 7. С. 89.

⁵⁶ *Израелян М. А.* Исторический Армавир по урартским надписям // Рукопись дис. ... канд. истор. наук. Ин-т истории АН АрмССР. Ереван, 1948; *Он же.* О Тутанской надписи // Изв. Акад. наук АрмССР. 1955. № 11. С. 81; *Он же.* По поводу одной надписи Менуа // Изв. Акад. наук АрмССР. 1956. № 8. С. 82.

В Грузии, где в настоящее время особенно хорошо поставлено исследование древневосточных языков, урартским языком и историей, кроме Г. А. Меликишвили, занимаются Т. В. Гамкрелидзе, В. А. Гвахария и А. А. Барамидзе⁵⁷. Все это свидетельствует, что интерес к изучению урартской культуры и, в частности, клинописи значительно возрос; в академиях наук Армянской и Грузинской ССР уже имеются квалифицированные кадры, успешно изучающие языки Древнего Востока.

Не заглохла работа над урартской клинописью и за рубежом. В Германии плодотворно продолжает исследование урартского языка Фридрих⁵⁸, переиздавший клинописные тексты, открытые в послевоенное время в Армении. В других странах также не прекращалась публикация и переиздание клинописей⁵⁹. Теперь стало невозможным решение вопросов истории Древнего Востока без учета материалов урартских письменных источников.

Из приведенного очерка истории изучения ванской клинописи мы видим, что эта работа, продолжающаяся свыше ста лет, привлекла к себе внимание многих ученых, специалистов по языкам как Древнего Востока, так и Кавказа. Работа над урартским языком дала реально ощутимые результаты и имеет прочную научную основу.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в области археологического изучения центральной части Ванского царства. Эти работы не были связаны с разработкой клинописи и до сих пор не получили должного развития. Систематические раскопки производились только в одном месте центральной части Урарту, а именно в древней крепости Топрах-кале (близ города Вана).

В 1879 г. на Топрах-кале начали раскопки английский консул Клейтон и американский миссионер в Ване Рейнольдс; в следующем году они были продолжены Рассамом⁶⁰, работавшим ранее в Месопотамии.

Основное внимание было обращено на развалины храма в северной части крепости, в то время еще сравнительно хорошо сохранившиеся. Раскопки дали большое количество художественных бронзовых предметов — части тронов, различную утварь, декоративные щиты, бронзовые обивки и пр. Значительная часть находок попала в Британский музей, но многое разошлось по рукам.

Вещи, переданные Клейтоном и Рассамом в Британский музей, долгое время лежали там мертвым грузом, и очень характерно, что ученых интересовали исключительно имевшиеся на них надписи. Так, Сэйс еще в 1882 г. опубликовал только клинописи с обломков бронзовых щитов, богато украшенных изображениями львов и быков, и с бронзовой обивки, на которой изображены лежащие быки, но

⁵⁷ Гамкрелидзе Т. В. К некоторым вопросам грамматической структуры урартского языка // ВДИ. 1956. № 4. С. 138; Гвахария В. А. Взаимоотношения между ассирийскими и урартскими идеограммами и детерминативами: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Тбилисский гос. ун-т, 1954); Барамидзе А. А. Из истории ассиро-урартских взаимоотношений в последней четверти VIII в. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ин-т истории АН ГрузССР. Тбилиси, 1954.

⁵⁸ Friedrich J. Neue urartäische Inschriften // ZDMG. 105. Heft I. 1955. S. 53–73.

⁵⁹ Werner K. Zwei urartäische Inschriften. Fragmente // Journal of cuneiform studies (New Haven). VIII. 1954. № 3; Kalaç M. Kömürhan Urartu Kitabesi // Turk Tarih kurumu. Belleten. (Ankara). XX. 1956. S. 79; Mohammad Javad Mashur. The history of Urartu Nation. Teheran, 1953 (на персидском языке с англ. резюме); Beran Th. Zur Inschrift Sardurs III bei Izoli // Istanbul Mitteilungen. 1956, № 7. Istanbul, 1957. S. 133.

⁶⁰ Rassam H. Asshur and the land of Nimrod. New York, 1879. P. 377.

сами эти предметы, представляющие большой интерес для изучения искусства и культуры, до недавнего времени не были даже воспроизведены должным образом. Только в 1950 г. эти богатейшие коллекции были опубликованы Барнетом⁶¹.

Раскопки на Топрах-кале в большем масштабе, чем предыдущие, были произведены в 1898–1899 гг. германской экспедицией Леман-Гаупта и Белька. Кроме исследования храма, раскопки которого производил Рассам, экспедицией были заложены разведочные траншеи во многих местах городища, сильно поврежденного ямами кладоискателей.

Германская экспедиция установила датировку древнего поселения, которое исследователи считали «городом Руса», упомянутым в надписи у оз. Кешишгел. Сведения о ходе экспедиции печатались в протоколах «Берлинского общества антропологии, этнографии и доистории»⁶². А в 1907 г. были опубликованы материалы этих раскопок вместе с приобретенными на месте работ предметами древности.

Кроме раскопок на Топрах-кале, Леман-Гаупт и Бельк предприняли путешествие по всему Армянскому нагорью с целью регистрации и обследования памятников урартского времени. В западной части территории древнего Ванского царства разведочные работы производил Хэнтингтон, нашедший ряд древних крепостей, связанных иногда с урартскими клинописями⁶³.

И. А. Орбели во время командировки 1911–1912 гг. в Турцию произвел на Топрах-кале небольшие, но интересные раскопки⁶⁴.

Когда стали известны памятники урартского искусства, они вызвали живой интерес археологов, занимавшихся Причерноморьем и Северным Кавказом. В результате изучения этих памятников стали вырисовываться связи скифов с народами Закавказья и северных частей Передней Азии.

Обстоятельный очерк истории Ванского царства с указанием на связь памятников скифского искусства с искусством Урарту дал Б. А. Тураев в «Истории Древнего Востока» (1914 г.).

Русские востоковеды оценили значение Ванского царства для истории Закавказья, и в апреле 1914 г. в Восточном отделении Русского археологического общества обсуждался вопрос об исследованиях в области урартской культуры. Н. Я. Марр настаивал на необходимости дальнейших исследований в Ване. Он указывал, что в Ване должны работать прежде всего русские ученые, которые имеют необходимую подготовку, лучше, чем какие-либо другие ученые, осведомлены в вопросах культуры Вана и достаточно сделали для ее изучения⁶⁵.

⁶¹ Barnett R. D. The excavations of the British Museum at Toprak-Kale, near Van // Iraq. XII. 1. 1950. P. 1–43. (Далее: Barnett. Iraq. XII. 1); Barnett R. D. The Archaeology of Urartu // Compte rendu de la troisième rencontre assyriologique internationale 1952. Leiden, 1954. P. 10–18.

⁶² Lehmann-Haupt C. F. Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens // Abhandlungen der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften. Phil.-Hist. Kl. I. 3. 1906. Далее: Lehmann-Haupt. Materialien; VBGAEU. 1898. S. 127, 522, 568; 1899. S. 236, 281, 293, 411, 487, 579, 586, 661; 1900. S. 29, 430.

⁶³ Huntington E. Weitere Berichte über Forschungen in Armenien und Kommagene // ZE. 1901. S. 173–209.

⁶⁴ Орбели И. А. Предварительный отчет о командировке в Азиатскую Турцию, 1911–1912 гг. Изв. АН. 1912. С. 922–923; см. также: ЗВО. XXI. 1911–1912. С. LXXVIII. — Материалы, собранные И. А. Орбели, частично изданы Н. Я. Марром (ЗВО. XXIV. 1917) и Б. В. Фармаковским (МАР. 34).

⁶⁵ Протокол заседания комиссии по вопросу об исследованиях в области древней ванской культуры // ЗВО. XXII. 1915. С. XLI.

Там же был поставлен вопрос и о дальнейших раскопках на Топрах-кале. В связи с организацией этой экспедиции Б. А. Тураевым была составлена специальная записка о древностях Вана и сопредельных областей⁶⁶.

В 1916 г. удалось осуществить работы в Ване, во время которых Н. Я. Марр производил раскопки Топрах-кале, а И. А. Орбели — двух ниш на северном склоне Ванской скалы, в одной из которых оказалась стела с летописью царя Сардури, сына Аргишти.

После работ Русской археологической экспедиции в Ванском районе археологические работы были прерваны на двадцать два года.

За это время район посещали лишь отдельные исследователи исключительно с разведочными целями. Только летом 1938 г. на Ванской скале и Топрах-кале работала американская археологическая экспедиция. Целью ее было установление распространения культурного слоя урартского времени в Ване и проверка датировки материала прежних раскопок⁶⁷. Работы экспедиции доказали правильность датировки красной лощеной керамики урартской эпохой и установили также, что обнаруженная на Топрах-кале и в Ване расписная керамика частично современна урартской, а частично относится к более древнему времени. На северном склоне Ванской скалы экспедицией была расчищена вся площадка перед нишами, раскопанными И. А. Орбели, но ничего нового по сравнению с результатами исследований экспедиции Русского археологического общества эта расчистка не дала. Кроме того, экспедиция провела обследование нескольких древних крепостей Ванского района.

В то время как на Армянском нагорье археологическая работа замерла, в советских республиках Закавказья она получила невиданное до тех пор развитие, причем в ней приняли участие научные учреждения Союза ССР и местные научные организации. Созданный в 1924 г. Комитет охраны древностей Армении, во главе которого стоял академик архитектуры А. И. Таманян, сразу же приступил к регистрации памятников старины по районам с целью составления археологической карты.

В 1926 г. экспедиция Комитета работала на южном берегу оз. Севан; ею был снят эстампаж с труднодоступной надписи у Цовинарской крепости, который дал возможность существенно исправить прежнее, неправильное чтение этой важной для истории Закавказья надписи. Этой же экспедицией были открыты три новые клинообразные надписи.

В 1927 г. в древней крепости у Нор-Баязета была найдена надпись урартского царя Русы, сына Сардури, рассказывающая о постройке крепости, захвате в плен местного правителя и о назначении урартского наместника⁶⁸.

⁶⁶ Тураев Б. А. Записка о древностях Вана и сопредельных местностей // ЗВО. XXII. 1915. С. XLIV–XLVII.

⁶⁷ Краткие сведения о работах американской экспедиции // АО. XIII. 1–2. 1939. С. 90; Lake K. Vanda uapilan hafriyat, 1938 // Türk Tarih. Arkeologya ve etnografya Dergisi. IV. 1940. P. 179–191.

⁶⁸ Ղափանցյան Գ. Ա. Նոր Բայազետի սեփազիր արձանագրությունը: Տեղեկագիր ՀԱԽՀ գիտ. և արվ. Բնասիրտության: IV: Երևան, 1930. Էջ 75–108 (Капанцян Г. А. Клинообразная надпись из Ново-Баязета // Изв. Ин-та наук и искусств Арм. ССР. 1930. № 4. С. 75–108); см. также: Տեղեկագիր ՀԱԽՀ գիտ. և արվ. Բնասիրտության: II: Երևան, 1927. Էջ 203 (Изв. Ин-та наук и искусств Арм. ССР. № 2. Ереван, 1927. С. 203).

Вторая клинообразная надпись, вероятно из развалин древнего Армавира, была открыта в сел. Джанфида⁶⁹. К армавирским же надписям относится и опубликованная И. И. Мещаниновым надпись из сел. Талиш, известная ранее лишь по информационной заметке Н. Я. Марра⁷⁰.

Наконец, в 1935 г. на развалинах древней крепости Кармир-блур, около Еревана, был найден обломок камня с остатками клинописи, содержавшей имя урартского царя Русы, сына Аргишти⁷¹.

Обнаружение этих памятников расширило в Армении работы над урартским языком. В Ереванском государственном университете Г. А. Капанцян вел специальные курсы, посвященные урартской культуре и языку. Интерес к культуре Ванского царства возрос еще больше после включения истории Урарту в общий курс истории СССР как в средней школе, так и в высших учебных заведениях.

Интерес к урартской культуре наблюдался и в Азербайджане. С 1925 г. в работе Бакинского государственного университета приняли участие Н. Я. Марр и И. И. Мещанинов, проводившие курсы лекций по яфетическому языкознанию. И. И. Мещанинов, читавший в университете специальный курс, посвященный Ванскому царству⁷², принял участие и в археологическом изучении Азербайджана.

Успешно шла обработка музейного материала, давшая весьма интересные результаты. Оказалось, что непонятные раньше знаки на агатовой пронизке, найденной в 1895 г. Реслером в одном из курганов Ходжалинского могильника, представляют собой клинопись, в которой В. В. Струве и ассириолог В. К. Шилейко прочли имя ассирийского царя Ададнирари⁷³. Но, к сожалению, надежда, что эта бусина с клинописью даст нам твердую опору в датировке материала, не оправдалась, так как надпись не удастся приурочить определенно ни к одному из четырех царей, носивших имя Ададнирари, причем первого Ададнирари от последнего отделяет примерно полтысячелетия. Вейднер склонен отнести ходжалинскую бусину ко времени Ададнирари I, жившего на рубеже XIV–XIII вв., хотя сам оговаривает, что такая датировка бусины не имеет решающего значения для датировки всего могильника⁷⁴.

Поиски урартских эпиграфических памятников в Азербайджане не увенчались успехом, но вполне вероятно, что урарты при своем продвижении в Закавказье проникали восточнее оз. Севан⁷⁵.

⁶⁹ Օրագիր ՀԱԽԶ հնությունների պահպանության կոմիտեի: IV: Երևան, 1930 (Дневник Комитета охраны древностей Армении. № 4. Ереван, 1930).

⁷⁰ [Марр Н. Я.] ЗВО. XXI. С. LXXVI; [Мещанинов И. И.] Изв. Акад. наук. 1932. С. 341–348.

⁷¹ Ղաֆառարյան Կ. Կարմիր բլուրի նորագույն սեփագիր արձանագրությունը // Տեղեկագիր ՀԱԽԶ պատ. և գրակ. Բնասիրտութի: II: Երևան, 1937, էջ. 222 (Кафадарян К. Новонайденная клинообразная надпись на Кармир-блуре // Вестник Ин-та истории и литературы Арм. ССР. № 2. Ереван, 1937. С. 222).

⁷² Мещанинов И. И. Халдоведение // Изв. ООИА. X. 1927.

⁷³ Мещанинов И. И. Ассирийская votивная бусина из Азербайджана // Изв. ООИА. II. 1926. С. 52; Он же. К вопросу об ассирийской бусине из Ходжалинского могильника // Изв. ООИА. III. 1926. С. 107; Meščaninov J. Votivperle nut assyrischer Königs-Inschrift aus Transkaukasien // АО. VII. 1931–1932. S. 266.

⁷⁴ [Weidner E. F.] АО. Berlin, 1931–1932. VII. S. 267–268.

⁷⁵ Мещанинов И. И. Предположительные сведения о движении халдов в пределы Азербайджана // Изв. ААК. II. 1926. С. 33–39; Он же. Восточное Закавказье времени халдских завоеваний // ВДИ. 1937. № 1. С. 66–77.

Одновременно с этим началось также изучение древних крепостей, построенных из крупных камней⁷⁶, которые, по аналогии с подобными же памятниками в Армении, можно было предположительно отнести к урартскому времени.

Древние крепости, называемые по характеру кладки «циклопическими», на территории Армении изучались довольно давно. Остатки стен этого рода имелись на Армавирском холме. Циклопические крепости, связанные с урартскими клинописями около Ташбуруна и Еревана (Ганли-тапа), обследовал А. А. Ивановский. Позднее удалось определить древние названия некоторых развалин крепостей, встреченные в клинописных текстах (Цовинарская и Атамханская надписи).

Циклопические крепости Армении относятся к различному времени. Первая попытка классификации древних крепостей района горы Арагац (Алагёз) была выполнена архитектором Т. Тораманяном, относившим наиболее древние крепости даже к неолиту⁷⁷. В 1930 г. экспедиция Академии истории материальной культуры провела обследование циклопических крепостей северного и северо-западного склонов горы Арагац, описанных Т. Тораманяном. Для работ был избран район, где находились крепости различного типа, клинообразная надпись и частично раскопанные могильники⁷⁸. Затем работа по той же теме была перенесена на западное и южное побережья оз. Севан (1931 и 1932 гг.)⁷⁹.

Собранный во время этих разведочных работ материал позволил выявить четыре основные группы крепостей-поселений, различающихся как по типу, так и по найденному в них материалу. Отнесение циклопических крепостей к неолиту не подтвердилось. Наиболее древние из них дали материал, датируемый «эпохой бронзы», т. е. концом II и началом I тысячелетия. Вторая группа крепостей относится к урартскому времени, причем некоторые крепости можно считать даже образцом урартского строительства (Кармир-блур, Арин-берд, Нор-Баязет, Цовинар).

В 1931 г. И. И. Мещанинов совершил несколько экскурсий, во время которых обследовал древние крепости Армении⁸⁰.

Но и после этих разведочных работ все же оставался неясным комплекс археологических памятников Закавказья, относящихся к урартскому времени.

⁷⁶ Джафар-заде И. Циклопические сооружения Азербайджана // Труды Азербайджанского филиала Акад. наук СССР. № 55. 1938; Мещанинов И. И. Циклопические сооружения Закавказья // Изв. ГАИМК. XIII. 4–7. 1932.

⁷⁷ Թորամանյան Թ. Նախաքրիստոնեական հայ ճարտարապետություն // Բաները Էջմիածնի պատ. և գրալ. Ինստիտուտի: II: Երևան, 1920–1921: Էջ 207–225 (Тораманян Т. Дохристианская архитектура Армении // Вестник Эчмиадзинского научного института. Ереван, 1920–1921. С. 207–225); Արտաշես: Երևանի աշխարհային (կիկլոպյան) ամրոցները // Ազգագրական հանդես: Թիֆլիս: XXV: Էջ 2 (Артпет. Циклопические крепости Ширака // Этнографическое обозрение. XXV. Тифлис. С. 2); Թորամանյան Թ. Նյութեր հայկական ճարտարապետության պատմության: Երևան, 1942: Էջ 11–30 (Тораманян Т. Материалы по истории армянской архитектуры. Ереван, 1942. С. 11–30).

⁷⁸ Аджян А. А., Гюзальян Л. Т., Пиотровский Б. Б. Циклопические крепости Закавказья // СГАИМК. 1932. № 1–2. С. 61–64.

⁷⁹ Пиотровский Б. Б., Гюзальян Л. Т. Крепости Армении доурартского и урартского времени // ПИМК. 1923. № 5–6. С. 51–59; Piotrowsky B., Gusalyan L. T. Kyklopische Festungen am Sudufer des Sewansees // Сб. кружка по изучению Древнего Востока при Государственном Эрмитаже. № 1 (8). 1933. С. 39.

⁸⁰ Мещанинов И. И. Циклопические сооружения Закавказья // Изв. ГАИМК. XIII. 4–7. 1932.

Не хватало сведений, чтобы связать хорошо известные могильники Севанского района с надежно датированными урартскими крепостями. Необходимы были раскопки крепостей.

Эту работу взял на себя Государственный Эрмитаж, который в 1934 г. организовал археологическую экспедицию (руководитель Б. Б. Пиотровский) для изучения древней крепости на южном берегу оз. Севан, между сел. Алучалу и Цовинар, связанной с клинообразной надписью Русы I.

Кроме стереофотограмметрической съемки местности и работ над клинописью, экспедиция производила небольшие разведочные раскопки и вскрыла два слоя. Верхний оказался слоем урартского времени. Раскопки дали несколько предметов (бронзовая фибула, железный наконечник копья, костяные изделия), сходных с найденными Н. Я. Марром на Топрах-кале. Этого материала было очень мало; недостаточны были также и находки из второго слоя крепости Муханнат-тапа⁸¹ в Ереване, датированного урартской печатью.

Для более широких работ с целью выяснения комплекса памятников урартского времени была выбрана древняя крепость на холме Кармир-блур, на территории которой был найден обломок клинообразной надписи с именем Русы, сына Аргишти. В 1939 г. экспедиции Государственного Эрмитажа и Комитета по охране исторических памятников Армении начали совместные раскопки на Кармир-блуре, продолженные в 1940–1941 гг. экспедициями Эрмитажа и Армянского филиала АН СССР. Работы эти были прерваны войной и возобновлены в 1945 г.

За семнадцать лет систематических раскопок на Кармир-блуре, где в древности находилась цитадель урартского города Тейшебаини, собран громадный археологический материал, характеризующий урартскую культуру и ее связи с закавказской⁸².

Этот город являлся крупным административным центром в Закавказье. В цитадели жил урартский наместник, в ней скапливалась дань, собранная в окрестных районах страны. Большие запасы продуктов хранились в обширных кладовых цитадели и перерабатывались в мастерских. Там находились не только продукты земледелия и садоводства, но и многочисленные предметы ремесла: железные и бронзовые орудия и оружие, слитки бронзы, деревянные изделия, ткани и пряжа. Обработка дани требовала значительного числа рабочих рук. Для этих людей вокруг крепости был построен город, в котором, вероятно, жили и воины. Исследование города выявило в нем постройки различного назначения.

Централизованное хозяйство древневосточного административного центра требовало хорошо организованного учета. Как и в других подобных центрах Передней Азии, в Тейшебаини находился хозяйственный архив, отдельные

⁸¹ Բայրության Ե. Հայաստանի գունագարդ կերամիկայի պրոբլեմը // Տեղեկագիր ՀՄԽՀ պատ. և գրակ. Ինստիտուտի: II. Էջ 268 (*Байбуртян Е. Проблема крашеной керамики Армении // Вестник Ин-та истории и литературы Арм. ССР. II. С. 268.*

⁸² *Пиотровский Б. Б. Результаты раскопок 1939–1949 гг. // Археологические раскопки в Армении. № 1. Ереван, 1950. Далее: Кармир-блур. I.; Пиотровский Б. Б. Результаты раскопок 1949–1950 гг. // Археологические раскопки в Армении. № 2. Ереван, 1952. Далее: Кармир-блур. II.; Пиотровский Б. Б. Результаты раскопок 1951–1953 гг. // Археологические раскопки в Армении. № 5. Ереван, 1955. Далее: Кармир-блур. III.; Оганесян К. Л. Архитектура Тайшебаини // Археологические раскопки в Армении. № 6. Ереван, 1955. Далее: Кармир-блур. IV.*

документы которого — глиняные таблички, покрытые клинописью, — стали уже известны.

Раскопки раскрыли широкие связи Тейшебаини с другими странами Древнего Востока; найдены ассирийские печати, бронзовые чаши, бусы, египетские амулеты, скарабеи, фаянсовые фигурки, сирийские и средиземноморские золотые серьги, серебряный сосуд, а также отдельные индийские бусы. С другой стороны, археологический материал из Кармир-блур помогает восстановить связи урартского центра также со скифами не только Северного Кавказа, но и Приднепровья.

Несмотря на то что по всем имеющимся в нашем распоряжении данным цитадель Тейшебаини была возведена при Русе II, сыне Аргишти, т. е. в середине VII в., в ее кладовых хранилось громадное число высокохудожественных урартских бронзовых предметов (шлемы, щиты, колчаны, чаши, предметы конского убора и др.) с именами царей Менуа, Аргишти I, Сардури II и Русы I, т. е. царей VIII в. Это обстоятельство можно объяснить тем, что более ранние бронзовые художественные изделия были доставлены в кладовые Тейшебаини из ранних урартских центров, утративших в VII в. свое прежнее положение. И действительно, на четырех бронзовых щитах, найденных на Кармир-блуре, оказались посвященные надписи Аргишти I с указанием, что они были изготовлены для города Эребуни (Ирепуни).

Развалины этого города находятся неподалеку от Кармир-блур, на южной окраине Еревана. Цитадель города — холм Арин-берд (Ганли-тапа) стал известен археологам уже давно. Еще в 1894 г. около холма был найден камень с клинописью, рассказывающей о постройке царем Аргишти, сыном Менуа, закромов для зерна⁸³. После разведочных работ, проведенных там А. А. Ивановским, этим памятником долго не занимались археологи, и он одно время служил даже каменоломней. В 1947 и 1948 гг. на холме были предприняты разведочные работы Кармир-блурской экспедицией, а также В. В. Шлеевым. В 1950 г. по поручению Отдела охраны исторических памятников Комитета культурно-просветительных учреждений при Совете Министров Армянской ССР архитектором К. Л. Оганесяном, при консультации Б. Б. Пиотровского, были произведены консервационные работы с небольшими по объему раскопками, во время которых были найдены два камня с клинописями. В одной из них, принадлежавшей Аргишти I, рассказывалось о постройке города Эребуни, а в другой — о сооружении царем Сардури II зернохранилища⁸⁴. Таким образом, при помощи клинописи, найденной на холме Арин-берд, удалось точно определить местоположение урартского города Эребуни. Вторая надпись Аргишти I о постройке Эребуни обнаружена при раскопках 1958 г.

В 1950 и 1951 гг. исследование Арин-берда производилось Кармир-блурской экспедицией Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрми-

⁸³ *Никольский М. В.* Клинообразная надпись из Ганли-тапа около Эривани // ДВ. II. 1894.

⁸⁴ *Оганесян К.* Арин-берд (Ганли-тапа) — урартская крепость города Ирпуни // Изв. Акад. наук АрмССР. 1951. № 8. С. 75; *Израелян М. А.* Две новые урартские надписи // Изв. Акад. наук АрмССР. 1951. № 8. С. 89; *Он же.* Заметки по вопросам урартоведения // Историко-филологический журнал. Ереван, 1958. № 2. С. 204.

тажа (Б. Б. Пиотровский и К. Л. Оганесян). В крепости было раскопано большое удлиненное помещение, по-видимому, храмового назначения, в котором обнаружены остатки осыпавшихся росписей — орнаментальные фризы, изображения деревьев с божествами по их сторонам, а также фигуры бога (вероятно, Халди), стоящего на льве⁸⁵.

С 1952 г. раскопки Арин-берда продолжались совместной экспедицией Академии наук Армянской ССР и Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (К. Л. Оганесян, И. М. Лосева, при научной консультации Б. Б. Пиотровского). В 1956 г. там же отрядом Академии наук Армянской ССР (М. А. Исраелян) было открыто небольшое прямоугольное сооружение, на цокольных камнях которого по обеим сторонам входа помещены две надписи, одинаковые по содержанию, рассказывающие о сооружении царем Аргишти I для бога Иуарше (Иубше) святилища, определенного в тексте термином *суси*⁸⁶. Отряд музея им. Пушкина (И. М. Лосева, С. И. Ходжаш) работал в части, примыкающей к помещению с росписями⁸⁷. Раскопки выявили значительные перестройки крепостных сооружений: многие дверные проемы были заложены, а сами помещения переделаны, кладовая с карасами для вина была разрушена и сравнена с полом.

Наиболее интересным результатом этих работ явилось открытие большого зала, имевшего 30 деревянных столбов-колонн, от которых сохранились лишь каменные основания баз в углублении пола. Этот зал, по форме совпадающий с ахеменидскими ападанами, рассматривался первоначально как урартский прототип, но архитектурное исследование его, проведенное К. Л. Оганесяном, показало, что он построен в два приема и что форму ападаны он принял уже на втором этапе строительства.

Раскопки позволили установить, что крепость Эребуни погибла не внезапно при пожаре, не во время нападения врагов, а была заброшена, причем сокровища из ее кладовых были перевезены в другую крепость (Тейшебаини). Это объясняется изменением системы административного управления окраин Урартского государства, направленным против чрезмерно возвысившихся наместников окраинных областей. Именно в то время в Закавказье потерял свое значение крупнейший урартский административно-хозяйственный центр Аргиштихинили и пришли в упадок другие крепости, построенные в первую половину истории Урарту, при царях Аргишти I и Сардури II. Крепость Эребуни была заброшена, но не разрушена, как Тейшебаини, и в таком заброшенном состоянии она пережила новые урартские центры, которые были разгромлены и сожжены в конце VII или в начале VI в. кочевыми племенами.

⁸⁵ Пиотровский Б. Б. Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР // Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме. М., 1955. С. 13.

⁸⁶ Դարձեցան Մ. Արինբերդի SUSI տաճարը և նրա արձանագրությունները // Տեղեկագիր ՀՄԽՀ Գիտությունների ակադեմիայի: Երևան, 1957. № 9: էջ 93 (Исраелян М. Арин-бердский храм susi и его надписи) // Изв. Акад. наук Арм. ССР. 1957. № 9. С. 93).

⁸⁷ Лосева И. М. Раскопки цитадели урартского города Ирпуни // КСИИМК. 58. 1955. С. 45; Она же. Раскопки урартской крепости города Ирпуни на холме Арин-берд // Советское востоковедение. 1955. № 3. С. 144.

После гибели Тейшебаини на его развалинах жизнь не возобновлялась, в Эрбуну же продолжалась жизнь и позднее, уже в ахеменидский период. На это указывают находки трехгранных наконечников стрел ромбической формы без втулки, характерных для ахеменидского времени⁸⁸, бронзовые удила, составленные из колец, и бусы. Но самым важным основанием для такой датировки являются найденные в 1956 г. две серебряные монеты города Милета, датирующиеся V в., но не ранее 478 г.⁸⁹ В свете этого можно считать вероятным, что и оформление тридцатиколонного зала-ападаны также относится к послеурартскому периоду. Дальнейшее исследование древних крепостей на Кармир-блуре и Арин-берде может дать весьма интересные и важные результаты, и понятно, что их раскопки привлекают внимание зарубежных ученых, занимающихся урартской культурой⁹⁰.

В связи с большими археологическими работами Академии наук Армянской ССР выросли молодые кадры археологов, успешно проводящие и самостоятельные работы (А. А. Мартиросян, Г. А. Тирацян, Г. М. Бартикян, З. М. Касабян). Раскопки местных закавказских могильников урартского времени, особенно в Севанском районе, от Исторического музея Академии наук Армянской ССР проводит А. О. Мнацаканян. Около сел. Лчашен он открыл богатые курганы, относящиеся к концу II тысячелетия. В могилах были найдены погребальные деревянные повозки, большое число бронзовых изделий (оружие и украшения), свидетельствующих о высоком уровне местной культуры, а также золотые бусы и подвески, по-видимому, привозные. Эти курганы принадлежали вождям тех племен, с которыми урарты вели упорную борьбу при своем продвижении в Закавказье.

Очерк истории изучения Ванского царства отчетливо показывает неравномерность изученности не только отдельных его районов, но и отдельных видов памятников. Он выявляет также качественное отличие исследования древностей центральной части Урарту (Армянское нагорье) и его периферии (Закавказье).

Работа над урартской клинописью началась уже более ста лет назад, и ученые достигли, несмотря на все трудности, определенных результатов; в некоторые периоды эта работа затихала, но такие периоды не бывали длительными.

⁸⁸ Ghirshman R. Village Perse-Achéménide // Mémoires de la mission archéologique en Iran. XXXVI. Paris, 1954.

⁸⁹ Определение Л. Н. Беловой 6 мая 1957 г. (см.: Head B. A catalogue of the greek coins in the British Museum. London, 1892. № 14–35. P. 185; Babelon E. Traité des monnaies grecques et romaines. II. 2. Paris, 1910. P. 1047. — Близкая по типу милетская серебряная монета (диобол) была найдена в Персеполе (см.: Schmidt E. Persepolis. II. Chicago, 1957. P. 111. Pl. 84.

⁹⁰ Barnett R. D., Watson W. Russian Excavations in Armenia // Iraq. XIV. 2. 1952. P. 132–147; Meyer G. R. Die urartäische Festung «Stadt des Teisheba» bei Jerewan in Sowjet Armenien // Wissenschaftliche Annalen. I. Berlin, 1952. S. 407; Virolleand Ch. Les fouilles russes de Karmir-Blour en Arménie // Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus. 1954, avril–juin. Paris, 1954. P. 148; Meyer G. R. Urartäische Altertümer aus Karmir-blur // Wissenschaftliche Annalen. IV. Berlin, 1955. S. 508; Friedrich J. Neue urartäische Inschriften. I, Inschriften aus Karmir-blur // ZDMG. 195. Heft I. 1955. S. 53–65; Pallottino M. Gli scavi di Karmir-Blur in Armenia e il problema delle connessioni tra l'Urartu, la Grécia e l'Etruria // Archeologia classica. VII. 2. Roma. 1956. P. 109–128; Meyer G. R. Die sowjetischen Ausgrabungen in Teisheba und Irepuni // Wissenschaftliche Annalen. VI, Berlin, 1957. S. 834; Pallottino M. Urartu, Greece and Etruria // East and West. IX. 1–2. Roma, 1958. P. 29–52.

ми. Первоначально изучение урартской клинописи находилось в руках дилетантов, подходивших к ней, как к ребусу, и ассириологов, заинтересовавшихся использованием урартами ассирийской системы письма. Собственно говоря, ассириологи дали всю научную основу изучения урартских текстов, и в конце концов эта работа всецело перешла в их руки. Лишь за последнее время в нее включились лингвисты-кавказеды.

Большая и тщательная работа была проведена по собиранию и изданию урартских клинописных текстов независимо от их содержания.

Часто совершенно незначительный текст переиздавался из-за исправления в чтении, касающегося мелочей. Обнаружение новой клинописи или же обломка с несколькими словами, не составляющими даже связного текста, вызывало большой интерес, значительно превышающий интерес к урартским памятникам материальной культуры. Вследствие такого направления исследования урартские клинописные тексты стали основным источником изучения истории и культуры древнего Ванского царства. Лингвистическая разработка текстов настолько продвинулась вперед, что теперь стало возможным составить грамматику урартского языка, определить его структуру.

Совершенно иную картину представляло археологическое изучение центральной части Ванского царства, полностью оторванное от работы над письменными памятниками. Раскопки велись лишь в районе города Вана, причем во время первых работ Клейтона, Рейнольдса и Рассама добытый материал не был оценен должным образом. Археология Передней Азии после блестящих открытий ассирийских дворцов на берегах Тигра пошла по пути «сенсационных открытий», а так как раскопки на Топрах-кале, с обывательской точки зрения, ничего «сенсационного» не дали, то они и не привлекли к себе должного внимания. Лингвистические исследования развивались более быстрым темпом, чем археологические. Богатейший материал из раскопок на Топрах-кале, поступивший в Британский музей, долго лежал там мертвым грузом.

Но и позже, когда на территории центральной части Урарту стали проводиться научные раскопки, они затронули лишь известные ранее места (Ванская скала, Топрах-кале); материал из урартских могильников оставался почти не изученным.

Хотя систематического собирания урартских памятников не производилось, торговля древностями в Ване была широко развита. От кладоискателей вещи попадали в руки или частных лиц, торговцев памятниками древности, или же в консульства и миссии, откуда они поступали в музеи Западной Европы и Америки.

Наилучшие собрания древностей из центральных районов Урарту имеются в двух крупнейших музеях Западной Европы — в Британском и Берлинском. Кроме отдельных предметов, поступивших туда путем покупок, в них хранится большой материал раскопок на Топрах-кале. В Британском музее урартские древности долгое время были выставлены в ассирийском зале без достаточного разделения, вследствие чего некоторые из них вошли даже в научную литературу как ассирийские.

В Закавказье археологическая работа пошла совершенно по другому руслу. Здесь наибольшее внимание было уделено могильным памятникам, дававшим богатый вещественный материал, и только позднее в сферу работ закавказской

археологии были включены остатки древних поселений, причем особое место заняли раскопки урартских крепостей на холмах Кармир-блур и Арин-берд, осветившие многие вопросы изучения урартской культуры.

Первые памятники урартского искусства стали известны ровно сто лет назад, но в то время они еще не были правильно определены. В 1859 г. напротив русского пограничного поста Алишар на Араксе курды обнаружили в скале гробницу, в которой нашли бронзовые украшения котлов в виде крылатой фигурки и головы бычка и другие мелкие предметы. В Эрмитаж их передал ереванский военный губернатор Н. П. Коллюбакин, видный военный и общественный деятель, который послужил М. Ю. Лермонтову, знавшему его по Кавказу, прототипом для образа Грушницкого в романе «Герой нашего времени». Два предмета из этой же находки получил в Нахичевани Г. Бругш, проезжавший в 1860 г. через Закавказье в Персию.

Крупнейшие коллекции урартских памятников имеются и в СССР: в Государственном Эрмитаже (материал раскопок на Топрах-кале и Кармир-блуре, собрание урартских бронзовых изделий), в Государственном историческом музее Армении (материалы раскопок на Кармир-блуре, Арин-берде, клинописные памятники из Закавказья, отдельные предметы из Ванского района) и в Государственном музее Грузии (материалы раскопок на Армавирском холме, клинописные памятники, преимущественно из Ванского района, и каменная статуя, найденная на Ванской скале). Отдельные предметы из раскопок на Кармир-блуре и Арин-берде хранятся в Москве: в Государственном историческом музее и Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

Развитие наук в СССР отразилось и на археологическом исследовании Закавказья. Совместная работа центральных и республиканских научно-исследовательских учреждений уже дала плодотворные результаты. Археологические исследования советского Закавказья перестали быть случайными, они включались в общий план изучения истории народов СССР, и к ним стали предъявляться определенные методологические и методические требования.

Разведочные работы по сбору материала, плановое проведение раскопок и комплексное изучение различных видов древних памятников (клинообразные надписи, древние поселения и могильники) обеспечили изучение Закавказья урартского периода (конец IX — начало VI в.). И нет ничего удивительного, что северная окраина древнего Ванского царства оказывается лучше изученной, чем его центральная часть.

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ВАНСКОГО ЦАРСТВА

АССИРИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Определенно можно сказать, что основным ориентирующим источником изучения древнего Ванского царства служат в настоящее время ассирийские письменные памятники¹. Не будь их, мы не могли бы датировать известные нам урартские материалы и правильно понять значение Урарту в истории Передней Азии X–VI вв.

Об Урарту XIII–IX вв. мы знаем исключительно по кратким сведениям ассирийских текстов, в которых описываются походы ассирийцев на север. Сравнительно подробные сведения о Ванском царстве IX в. относятся ко времени правления Салманасара III.

Тексты о походах в район оз. Ван дополняются изображениями, относящимися к этим походам, помещенными на бронзовых обивках дворцовых или храмовых ворот, найденных на Балаватском холме (около Ниневии). На этих обивках мы встречаем самые ранние из известных нам изображений урартов.

От последней четверти VIII в. дошел ряд разнообразных ассирийских памятников. Кроме летописей Саргона, в которых много сведений о походах против Урарту, с 1912 г. стал известен текст большой Луврской таб-

¹ АВИУ.

лички, содержащей красочное и детальное описание (в форме реляции богу) похода Саргона, предпринятого им против Урарту в 714 г. На рельефах дворца Саргона (Хорсабад), а возможно, и на поливных изразцах из Ашура сохранились изображения, относящиеся именно к этому походу.

Наконец, среди табличек Куюнджикского архива оказались письма, в которых сообщалось ассирийскому царю о событиях в соседних странах. В ряде писем, главным образом времени Саргона, мы находим сведения о событиях в Урарту: о передвижении войск, мятеже наместников и о восстании на урартских окраинах.

Только два эпизода урартской истории (походы Салманасара III и Саргона) хорошо иллюстрируются памятниками. В основной массе ассирийские источники содержат почти исключительно сведения о внешних событиях. По ним мы можем изучать политическую историю Ванского царства и в очень ограниченной степени судить о его культуре.

Отрывочные сведения об Урарту дают также вавилонские хроники², относящиеся к событиям конца VII в. Упоминание имени урартского царя Сардури II в связи с Кархемишем имеется также в хеттских иероглифических текстах³, явившихся неожиданным источником для изучения Ванского царства.

УРАРТСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Ванское царство принадлежит к тем государствам Древнего Востока, которые имели свою иероглифическую письменность, хорошие образцы которой получены при раскопках на Топрах-кале и на Кармир-блуре. Отдельные знаки или группы знаков, изображающих головы животных, растения, различные предметы, сосуды, кружки, черточки, волнистые и зигзагообразные линии встречаются на обломках глиняных кувшинов и чаш, на крупных сосудах для хранения вина и зерна, на бронзовых изделиях и каменных печатях и один раз — на глиняной табличке.

В большинстве случаев эти надписи представляют собой группы знаков и счетные записи пиктографического характера. К последним принадлежит и текст на глиняной табличке, найденной на Топрах-кале⁴. Знаки на табличке определенно указывают на то, что текст писался по горизонтальным графам, справа налево.

Обозначения и записи мер содержат цифры, выраженные кружками и черточками, и пиктографические изображения сосудов, обозначающие определенные меры. Меры емкости особенно четко представлены на крупных глиняных сосудах из винных кладовых Кармир-блур⁵.

² Wiseman D. J. *Chronicles of Chaldean kings (626–556 b. c.) in the British museum*. London, 1956. P. 65.

³ Barnett R. D. *Karatepe, the Key to the Hittite hieroglyphs* // *Anatolian studies*. III. London, 1953. P. 53.

⁴ Lehmann-Haupt C. F. *Armenien einst und jetzt*. Berlin. II. 2. 1931. S. 588. Далее: *Lehmann-Haupt, Armenien*. II. 2.

⁵ Кармир-блур. II. С. 66–74.

Нет оснований сомневаться в местном происхождении урартских иероглифов. Попытка установить их генетические связи с критским или хеттским пиктографическим письмом остается совершенно необоснованной.

В Урарту иероглифическое письмо имело ограниченное распространение и не вышло за пределы узкохозяйственных и культовых нужд. Прimitивное иероглифическое письмо не могло удовлетворить потребности быстро возвышавшегося Урартского государства, и вследствие этого уже в IX в. урарты ввели у себя систему клинописи, заимствованную у ассирийцев.

Древнейшие из надписей урартских царей, надписи на крепостной стене Сардури, сына Лутипри, у подножия Ванской скалы, написаны на ассирийском языке, но своеобразие оборотов и несоблюдение правил ассирийской речи выдают неассирийское происхождение их писца.

С конца IX в. появляются клинообразные надписи на урартском языке, причем эти надписи свидетельствуют уже о тщательно выработанной системе клинописи, приспособленной к урартскому языку.

Заимствовав ассирийскую клинопись, урарты несколько изменили форму знаков. В отличие от ассирийских, имеющих треугольную головку и стержень в виде линии, урартские знаки представляют собой равномерно сужающиеся клинья, наподобие сильно вытянутых треугольников. Но в некоторых урартских надписях, в частности на памятниках с горы Вараг, встречается ассирийское начертание знаков.

Урартские надписи крайне однообразны; в большинстве случаев это краткие сообщения о победах во время походов, но иногда встречаются пространные сведения о военной добыче (летописи Аргишти и его сына Сардури). Однако все они дают лишь описания внешних событий.

Значительная часть урартских надписей — это сообщения о строительных работах (постройка крепостей, дворцов, храмов, сооружение каналов, разведение садов и виноградников). Наименьшая часть представлена надписями культового и религиозного характера (обращение к богам, перечни жертвоприношений).

Ко времени написания книги открыто уже около 380 урартских клинописей, но они далеко не равноценны.

Известны короткие, однострочные надписи, но наряду с ними существовали пространные тексты. Так, дошедшая до нас часть летописи Сардури II (на стеле и стене ниши) содержит 295 строк, а Хорхорская летопись Аргишти I, высеченная на Ванской скале, — 378 строк.

Все же, несмотря на скудость и однообразие урартских письменных источников, на основании приводимого ими материала можно дать характеристику урартской культуры⁶, хотя при этом и не все ее стороны удастся осветить. В частности, урартский материал не дает возможности выяснить в достаточной степени общественные отношения Урартского государства.

Недостаточная изученность урартского языка все еще затрудняет полноценное использование урартских клинописных текстов.

⁶Հախանցյան Գ.Ա. Արարտիկի պատմություն: Երևան, 1940 (Капанцян Г. А. История Урарту. Ереван, 1940).

Сравнительная малочисленность надписей и их однообразие сковывают лингвистические исследования. Несмотря на то, что более 80 лет ученые упорно трудятся над клинописью, многие вопросы остаются неразрешенными, и еще недавно Фридрих с горечью отмечал, что разногласия часто касаются кардинальных проблем. Лингвистические работы достигли больших успехов особенно в области изучения структуры языка, но разработка лексики продвигается вперед все еще медленными темпами.

Первая сводка урартских надписей была предпринята в 1882 г. Сэйсом, опубликовавшим 57 известных в его время урартских надписей в транскрипции с переводом, теперь уже совершенно устаревшим⁷.

Большую работу по собиранию урартских надписей, их копированию и эстампированию провел Леман-Гаупт, предпринявший в 1928 г. издание 193 урартских надписей. Он отказался от перевода текстов и дал лишь транскрипцию и фотографии самих памятников или же их эстампажей. К сожалению, это издание было прервано на втором выпуске, вышедшем в свет в 1935 г.⁸

В 1953 г. свод урартских клинообразных надписей был опубликован Г. А. Меликишвили; этот свод включает транскрипцию и перевод 370 урартских надписей. В 1955 г. был издан первый том подобной же работы Кёнига⁹.

Четыре указанных труда являются важнейшими изданиями урартских текстов, выполненных на различных этапах развития науки.

Среди памятников урартской письменности особое место занимают глиняные таблички с клинописью — документы хозяйственных архивов, освещающие вопросы экономической жизни Урартского государства. При археологических исследованиях центральной части Ванского царства были найдены две целые таблички и четыре обломка; раскопки Кармир-блур дали уже шесть табличек и шесть обломков. На Кармир-блуре же была обнаружена булла, при помощи которой запечатывали свиток папируса¹⁰. Эта находка указывает на то, что в Урарту, возможно, существовали документы и на папирусе, выполненные арамейским письмом.

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ТОПОНИМИКИ

Урартские тексты о походах в различные районы Передней Азии содержат многочисленные топонимические названия, расшифровка которых зачастую представляет большие трудности. В этой работе исследователи идут тремя путями: сопоставляют древние названия со средневековыми или же с современными, устанавливают названия местности по надписи, найденной там и содержащей название страны или города, и определяют местоположение страны

⁷ Sayce A. H. The cuneiform inscriptions of Van // JRAS. XIV. 1882. P. 377–732.

⁸ Lehmann-Haupt C. F. ClCh. I–II.

⁹ УКН; König F. W. Handbuch der chaldischen Inschriften. I. Graz, 1955.

¹⁰ Кармир-блур. I. С. 77. Рис. 48.

путем изучения самого текста (направление похода, упоминание в тексте рек и уже определенных стран и городов).

Исследование вопросов древней топонимики без излишнего увлечения внешними звуковыми сопоставлениями дает важные и интересные результаты. Много ценнейших наблюдений по топонимике времени Урартского царства дали видные арменоведы И. Маркварт, Н. Адонц, Я. А. Манандян и С. Т. Еремян.

До нашего времени не утратили своего значения книги И. Маркварта¹¹ и Н. Адонца¹² по топонимике Армянского нагорья и истоков р. Тигра, основанные на древнегреческих, арабских, сирийских и армянских письменных источниках. Много ценных наблюдений по древней топонимике имеется в трудах Я. А. Манандяна¹³, но в них особенно заметно незнание всего комплекса археологических данных. В основе топонимических исследований этого крупнейшего историка Армении лежит кабинетная работа над «десятиверстной картой кавказского генерального штаба»¹⁴, позволяющая в ряде случаев, при условии подкрепления данными других источников, получить правильные выводы.

Многие вопросы древней исторической географии решены в работах С. Т. Еремяна, содержащих большой материал и по топонимике урартского времени¹⁵. Связи урартской топонимики со средневековой армянской подробно рассмотрены в книге Г. А. Капанцяна¹⁶, явившейся первым серьезным трудом, специально посвященным изучению географических названий эпохи Ванского царства.

Большое внимание вопросам урартской топонимики уделял Г. А. Меликишвили¹⁷, который сумел выделить отдельные области, входившие в Урарту, и дал яркую картину этнографической пестроты северной части Передней Азии в конце II и в начале I тысячелетия.

Данные вавилонских и ассирийских клинописей о территории Армении, Курдистана и Западного Ирана были приведены и сопоставлены с современной топонимикой в работе Штрека¹⁸.

Работы в области топонимики Передней Азии достигли определенных результатов; ниже приводится лишь несколько примеров, показывающих использование при изучении урартской топонимики данных средневековых, античных и древневосточных авторов.

Так, часто упоминаемая в ассирийских текстах горная страна Энзите совершенно правильно отождествляется с Анзитеной Птолемея и Андзитом средне-

¹¹ Markwart J. Südarmenien und die Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Geographen. Wien, 1930. S. 67–75.

¹² Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908.

¹³ Манандян Я. А. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья. Ереван, 1944.

¹⁴ Манандян Я. А. О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении. Ереван, 1956. С. 8.

¹⁵ Еремян С. Т. Рабовладельческое общество в древней Армении: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ин-т истории АН СССР. М., 1953.

¹⁶ Капанцяна Г. А. Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении. Ереван, 1940.

¹⁷ Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Наири–Урарту. Гл. I, II. Тбилиси, 1954. Далее: Меликишвили. Наири–Урарту. Тбилиси, 1954.

¹⁸ Streck M. Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Keilinschriften // ZA. XIII. S. 57; XIV. S. 103.

вековой Армении, причем это сопоставление определяется не только созвучием имен, но и установлением их местоположения, исходя из текстов. Примеров такого рода расшифровки древней топонимики можно привести много.

Не вызывает сомнений связь урартского названия страны Диауехи (ассир. Даяни) с Таохами античных писателей и средневековой областью Тайк. Древнее название Куммух сохранилось в античной литературе в форме Коммагены, Мелиту — в названии современного города Малатия, так же как древнее название реки Арзани (Арзаниас античных авторов) нашло отражение в средневековом и современном армянском названии — Арацани (р. Мурад).

Очень интересно сопоставление названий двух древних городов — Ахуриани и Аштухини, упоминаемых в надписи Аргишти из Сарыкамыш, со средневековыми и современными названиями; первое из них невольно связывается с названием реки Ахурян, а второе — с названием селения в Карсском районе — Астахана (Астахани)¹⁹.

Во многих современных названиях городов и селений Армении продолжают еще жить древние названия, иногда, правда, видоизмененные народной этимологией.

Так, Алашкерт, вероятно, происходит от древнего урартского названия Анаше, упоминаемого в клинописи, найденной в этом городе²⁰, хотя позднее у армян этот город назывался Валаршакертом. Уже давно указывалось, что в названии города Малазгирта (арм. Манаскерт) сохранилось имя урартского царя Менуа, основавшего этот город. На юге оз. Ван, в бассейне р. Бохтан, находилась армянская область Аргастовит (долина Аргаста), наименование которой следует понимать как долина Аргишти²¹. Возможно, что даже в названии столицы Армянской ССР города Еревана продолжает жить урартское название города Эребуни —

Многие урартские надписи, открытые на территории Южного Закавказья, дают возможность точнее определять местоположение стран и городов, упоминаемых в древних текстах. Так, в надписи у сел. Цовак (Загалу) на юго-восточном берегу оз. Севан называется страна Аркукини, в Ганлиджинской надписи — страны Эриахи и Ишкигулу, в Эларской — страна Улуани и город Дарани, а в Гулиджанской — страна Кулиаини и город Дурубани.

В некоторых случаях удалось также связать древние названия городов, встречающиеся в клинописных урартских текстах, с крепостями, остатки которых сохранились на территории Южного Закавказья. Так, остатки большой крепости на юго-западном берегу Севана, около сел. Атамхан, оказались развалинами Тулиху, города местного князя Синалиби, сына Луеха, о котором рассказывается в Атамханской и в одной из ванских надписей. Крепость на скале над городом Нор-Баязет в древности носила название «город бога Халда», а крепость на южном побережье Севана, между сел. Алучалу и Цовинар, называлась «городом бога Тейшебы», так же как и древний город, цитадель которого находилась на холме Кармир-блур, около Еревана. Местоположение многих упомянутых в древних текстах стран и городов может быть установлено в результате кропотливой работы, но не во всех случаях мы можем быть уверены в правильности такой локализации.

Дело осложняется также и тем, что в клинописи с детерминативом страны пишется не только собственное имя, но и нарицательное. Часто встречающаяся в урартских текстах «страна Бабания» — это, по-видимому, «страна горная». Можно предполагать, что и «страна Этиуни», под именем которой одно время видели общее название для стран Южного Закавказья, на самом деле является именем нарицательным.

Неясной остается иногда и локализация некоторых стран, имеющих большое значение для истории Ванского царства. Так, до сих пор еще не уточнено местоположение Мусасира в горах к юго-востоку от Вана.

Не совсем ясен для нас и сам термин *Биайни* (неоформленный падеж *Биайнили*), который имеет формативы множественного числа. В настоящее время принято вместо слова *Биайна* употреблять этот термин в неоформленном падеже *Биайнили*, с суффиксом *-ли*. Этот суффикс в других падежах отсутствует, поэтому, чтобы не создавалось впечатление, что он относится к корню слова, более удобно приводить этот термин в форме *Биайни*, оговорив, что он понимается как множественное собирательное.

Но спор идет и о содержании термина. Г. А. Меликишвили полагает, что *Биайни(ли)* нельзя считать названием центра государства Ванского района, а следует признать общим названием урартской этнической группы в значении собственной страны урартских царей и в противопоставление вообще вражеской стране, вражескому миру²³. Эта точка зрения недостаточно убедительна, так как в тексте летописей урартских царей термином *Биайни* обозначается именно центральная часть государства. Так, в летописи Сардури II (УКН, № 155 — Е) говорится о походе в страну Эриахи, о ее завоевании, о присоединении к Урарту, но вместе с тем отмечается, что мужчины и женщины были «угна-

²³ Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954. С. 29.

ны в страну Биайни», т. е. в центральную часть государства. Спора нет, что под термином *Биайни* (*Биайнили*) часто понимают всю страну в целом, так же как в формуле проклятия биайнец противопоставляется врагу, но очень часты случаи, когда название отдельного района, притом господствующего, переходит на название всего государства. Ввиду того что термин *Биайни* может быть понят двояко — и как центральная часть государства, главенствующая страна, и как все государство в целом, конгломерат различных стран, объединенных общей властью, — в работах по истории Древнего Востока наиболее употребительным для всего государства в целом стал ассирийский термин *Урарту*.

Древнейшее из известных нам упоминаний Урарту в ассирийских текстах относится к началу XIII в. В текстах Салманасара I названием *Уруампи* (*mât U-ru-aṭ-ri*) обозначается союз племен²⁴.

В надписи Ададнирари II (рубеж X–IX вв.) появляется термин *Урампи* (*mât U-rat-ri*)²⁵, а с IX в. твердо устанавливается название *Урарту*, дожившее до конца существования Ассирии.

Значение этого термина, графически сближающегося с названием *Аккада*, не совсем еще ясно. На основании соответствия термина *urṭu* термину *tilla* в одном древнем словнике Сэйс этимологизировал ассирийское *Urarṭu* как «высокая страна»²⁶.

Название Ванского царства — *Урарту* — было, по-видимому, широко распространено по всей Передней Азии. Библия сохранила его в масоретской огласовке, в форме Арарат אֲרָרָט. В Книге Бытия (8: 4) говорится о том, что ковчег остановился «на горах Арарата» אֲרָרָט הַרִי, причем в греческом переводе (Septuaginta) написано «на горах Арарат» (ἐπὶ τὰ ὄρη τὰ Ἀραράτ), а в латинском (Vulgata) — «на горах Армении» (super montes Armentae).

В 4-й Книге Царств (19: 37) и у Исаии (37: 38) рассказывается, что после убийства ассирийского царя Сеннахерима (Синахериба) его сыновья убежали в «землю Арарат[скую]» אֶרֶץ אֲרָרָט, а у Иеремии (6: 27) упоминаются «царства Арарат, Мини и Ашкеназ». Совершенно несомненно, библейский термин *Арарат* в поздней масоретской передаче (где неизвестные гласные огласовывались как *a*) сохраняет нам в несколько искаженной форме древний термин *Урарту*. В Кумранской рукописи текста пророчества Исаии III–II вв. слово *Арарат* выписано hwrtt, что окончательно подтверждает высказанное мнение. «Горами Арарата» в Библии назывались Курдистанские горы, ограничивавшие Ванское царство с юга, но позднее этот термин был перенесен на север, Араратом стала называться самая высокая вершина Агридагского хребта (арм. Масис), а также долина среднего течения Аракса (арм. Айрарат).

Наряду с ассирийским термином *Урарту* вавилонский язык сохранил нам другую форму этого же термина, а именно *Урашту* (Urašṭu), дожившего до конца V в.

У Геродота (III, 94 и VII, 79) урарты упоминаются под названием алародов Αλαρόδοι, связанным с термином *Урарту*.

²⁴ Ebeling E., Meissner B., Weidner E. Die Inschriften der Altassyrischen Könige. Leipzig, 1926. S. 113.

²⁵ Schroeder O. Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts. II. Leipzig, 1921. № 84.

²⁶ Sayce A. The Kingdom of Van (Urartu) // The Cambridge ancient history. III. 2th ed. Cambridge, 1929. P. 169.

Ванское озеро, находившееся в центре государства Урарту, имеет много названий. В ассирийских текстах оно называется «верхним морем страны Наири» (*tâmtu elitu ša mât Nairi*) или просто «морем страны Наири» (*tâmtu ša mât Nairi*), т. е. термином, восходящим к доурартскому времени.

Урартское наименование оз. Ван нам неизвестно, а античные авторы именovali его по названию урартской столицы Тушпы — Тоспитис — *Θωπιτίτις* (Птолемей, V, 13; *Thospites*, Плиний, VI, 31) или Топитис (Страбон, XI, гл. XIV, 3)²⁷. Это же название сохранилось и в армянском Средневековье в форме Тосп (Фавст Бузанд, IV, 55, 58; V, 37; Моисей Хоренский, III, 35) и Тосб²⁸.

Страбон писал о том, что оз. Топитис имело еще другое название, а именно — Арсене *Ἀρσηνῆ*, в то время как Птоломей различал озера Тоспитис и Арсеа.

М. В. Никольский, разбирая вопрос о названии оз. Ван, полагал, что Страбон был прав, отождествляя Топитис с Арсене. Это подтверждается и сирийскими источниками. В книге Бар-Эбрея (Григория Абу-ль-Фараджа) (*«Chronicon ecclesiasticum»*) встречается название оз. Архестия (в латинском переводе *lacus Archestiae*) и говорится об острове Ахтамаге и городе Аргише на берегу этого озера. В сирийских источниках имеются прямые указания на то, что названия «Архестия» и «Аргиш» (арабск. Арджиш, совр. Эрджиш) относятся как к городу, так и к самому озеру. Из этого М. В. Никольский делал вывод, что в древности Ванское озеро, кроме названия Тоспитис, имело другое, по-разному передаваемое классическими писателями название, сохранившееся в сирийской письменности в форме Аргиш (Арджиш), связанное с именем урартского царя Аргишти, построившего на северном берегу оз. Ван город Аргиштиуна²⁹.

В средневековой армянской литературе Ванское озеро имеет очень много названий. Фавст и Анания Ширакский называли его «Бызнунийским морем» (*Բզնունիաց ծով*), что стоит в связи с легендой, приведенной Моисеем Хоренским (I, 12), о внуке Хайка Базе, который получил в наследство «северо-западный берег соленого озера и назвал море и область своим именем».

Фавст Бузанд дает и другое название оз. Ван — «Рыштунийское море» (*ծով Քշտունիաց*), в котором пытались видеть корень редко встречавшегося слова *քիշու* (скупой, жадный), но Г. А. Халатьянц, разбиравший названия Ванского озера, заметил, что, судя по начальному *-ի-*, этот термин вряд ли армянского происхождения³⁰.

Следует еще остановиться на форме собственных имен, а именно на суффиксе *-ni/e-*, постоянно встречающемся в конце названия города или страны.

И. М. Дьяконов³¹ полагает, что этот суффикс не принадлежит иноязычному имени, а является урартским детерминирующим показателем, который может

²⁷ Markwart J. Südarmanien und die Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Geographen. Wien, 1930. S. 26–32.

²⁸ Патканов К. Армянская география VII века. СПб., 1877. С. 19.

²⁹ Никольский М. В. Об одном из древних названий Ванского озера и о современном названии города Арджиш // Сборник статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916. С. 167–175.

³⁰ Халатьянц Г. А. О некоторых географических названиях древней Армении в связи с данными ванских надписей // ДВ. II. 2. 1901. С. 127.

³¹ Дьяконов И. М. Рецензия: Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. 1. Наири–Урарту. Тбилиси, 1954 // ВДИ. 1956. № 2. С. 73.

также легко заменяться формативом *-hi-*, образующим притяжательное прилагательное. В статье «Урарту» в первом томе «Всемирной истории», так же как и на приложенной к ней карте, И. М. Дьяконов многие названия городов и стран дает без суффиксов *-ni-* и *-hi-* (Эрбу вместо Эребуни, Кеху — Киехуни, Велику — Великухи)³². Этот вопрос остается еще неясным, и я сомневаюсь в правильности принятого И. М. Дьяконовым решения. Иногда он безусловно прав в том, что суффикс *-ni-* произвольно приписывается имени, но во многих случаях этот суффикс безусловно является урартским формативом имени.

Суффиксы *-ni-* и *-hi-* нельзя было перепутать, и они закономерно давались собственным именам (Эребу-ни, но Велику-хи, Эриа-хи). Часто суффиксы *-ni-* и *-hi-* передавались и в поздних формах имени. Я полагаю, что усекать эти суффиксы пока еще нет оснований, такие формы могут только ввести исследователя в заблуждение.

Изучение урартской топонимики, несмотря на некоторые трудности, показывает, что и этот материал урартских текстов может стать полноценным источником для исторических выводов.

ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В предыдущей главе было уже в общих чертах обрисовано состояние археологического изучения Ванского царства.

Раскопки производились лишь в двух местах — в центре древнего царства, в Ване (Ванская цитадель и Топрах-кале), и около Еревана (Кармир-блур и Арин-берд).

Ввиду недостаточной археологической изученности Урарту памятники материальной культуры не стали еще полноценным историческим источником. Исключением являются только памятники последнего периода урартской истории. Да и этот материал из раскопок на Топрах-кале, произведенных в 1893–1899 гг. германской экспедицией, был обработан лишь формально: находки были разобраны не полностью и изданы частично. Совсем не публиковались сообщения о результатах раскопок Н. Я. Марра в 1916 г. Из урартских памятников только предметы искусства, которые по стилистическому сходству с ассирийскими часто признавались ассирийскими изделиями, использовались в научных исследованиях. Датировка их также производилась по ассирийскому материалу. Курциус, совершенно не считаясь с комплексом археологических находок, относил канделябр, обнаруженный при раскопках на Топрах-кале, к первой половине IX в., ко времени Ашурнасирпала II, отца Салманасара III. Так же и каменная статуя, найденная в Ванской цитадели, на основании относительного сходства с ассирийской скульптурой, датировалась древнейшим периодом урартской истории.

Урартское искусство мы до сих пор знаем очень плохо. Этим и объясняется то, что некоторые явно урартские памятники определены как ассирийские или ахеменидские. Но бывало и обратное, и если бы на бронзовой статуэтке из

³² Всемирная история. М., 1956. Т. I. С. 513 и след.

района оз. Урмии, хранящейся в Луврском музее³³, не было ассирийской надписи, рассказывающей о том, что она изготовлена в Арбеле в правление царя Ашурдана, ее, несомненно, признали бы урартской.

С другой стороны, некоторые памятники с территории Ванского царства совершенно не поддаются определению. Так, мы не можем датировать бронзовую голову (высотой 14,7 см) с характерным головным убором, найденную в Салмесе, к юго-востоку от оз. Ван³⁴.

И вместо того чтобы работать над выявлением характерных черт урартского искусства в сравнении с искусством других народов Передней Азии, с которыми Урарту было связано теснейшим образом, историки, занимающиеся древневосточным искусством, взяв изолированно памятники урартского искусства, сопоставляют их со средиземноморскими. Стараясь подкрепить предвзятую точку зрения о западном происхождении урартов, они совершенно упускают из виду, что такие же связи со средиземноморской культурой имеются и у ассирийского искусства.

Большой материал по памятникам урартской материальной культуры дали раскопки, производившиеся преимущественно в древних крепостях (Топрак-кале, Кармир-блур, Арин-берд). Могильные памятники Ванского царства остаются еще почти не изученными. Вероятно, справедливо предположение о том, что пещерные сооружения Ванской скалы являлись гробницами урартских царей, но они дошли до нас совершенно разграбленными. По случайным находкам нам известны отдельные погребения урартской знати. Так, в 1859 г. курдами была открыта и разграблена гробница, высеченная в скале на территории Ирана, у русской границы, напротив казачьего поста в Алишаре (ныне Нахичеванская АССР).

Отдельные предметы из гробницы попали в Государственный Эрмитаж и были описаны в третьем томе каталога Кизерицкого. В архиве Эрмитажа сохранилось письмо на французском языке, без подписи об этих находках, снабженное рисунком пещерных помещений. Ниже публикуется перевод письма:

«Рисунок представляет скалы, высотой около 250 футов, на равнине за нашей границей в двух верстах от казачьего поста в Алишаре (уезд Шарур Ереванского округа). В четверти версты от подножия скалы протекает Аракс. Вправо и перпендикулярно горной цепи на небольшом расстоянии видна горная цепь Маку, подходящая к Малому Арарату. Пещера была открыта курдами из племени джалали, которые расположились лагерем у подножия скалы. По указанию какого-то муллы они сместили большие камни с вершины кряжа, благодаря чему им удалось открыть три больших отесанных камня, которые образуют кровлю камеры (№ 1). Чтобы войти туда, они проделали отверстие (№ 2) в среднем камне и спустились в камеру, почти полностью заполненную мелкой землей, ссыпавшейся, вероятно, через щели в углах потолка и стен из тесаных камней. Расчистив камеру до известной глубины, они открыли семь квадратных ниш (№ 3). В каждой нише находился сосуд (№ 5). Дверь, расчищенная

³³ Conteneau G. Manuel d'archéologie orientale, depuis les origines jusqu'à l'époque d'Alexandre. III. Paris, 1931. P. 1173–1174.

³⁴ «A survey of Persian art». VI. New York, 1938. Tabl. 107.

в верхней части, ведет в другое помещение (№ 7) неправильной формы, потолок которого, видимо, сводчатый. Эта камера (№ 7), более низкая, чем камера № 1, по-видимому, опускается и сообщается с тремя камерами, находящимися с другой стороны у подножия скалы. Найденные в камере № 1 предметы были отправлены в Петербург. Вазы, наполненные золотом и серебром, по уверению курдов, были вручены ими макинскому хану. В камере № 7 находилось несколько шариков от четок (бусы. — Б. П.) и несколько бронзовых обломков в форме змеиных голов» (концы браслетов. — Б. П.)³⁵.

Нам известна лишь часть найденных предметов. Судьба других, не принимая seriously рассказ о вазах с золотом и серебром, остается неизвестной.

В Эрмитаж из этой находки поступили два бронзовых украшения котлов. Одно в виде крылатой женской фигуры, другое — голова быка, а также бронзовая ножка подставки под котел (?) в виде ноги быка, обломок браслета и бронзовые части конского убора. На одном колокольчике из этого убора в 1953 г. Р. В. Кинжаловым была обнаружена клинопись, оказавшаяся короткой надписью Аргишти I.

Вторая богатая урартская гробница была обнаружена крестьянами в 1905 г. у сел. Гуши, на северо-западном побережье оз. Урмия³⁶. В ней были найдены две небольшие бронзовые головки быков, украшавшие котел, бронзовый пояс с изображением бегущих козлов, быков, львов и фантастических существ, вооруженных луками, имеющих птичье туловище и человеческий торс и ноги, а также другие предметы.

Третьей, наиболее богатой оказалась гробница, случайно открытая в 30-х годах XX в. при постройке дороги, на холме Алтын-тепе, в 20 км от Эрзинджана. Там было обнаружено большое количество бронзовых предметов: котел с четырьмя украшениями в виде бычьих голов, небольшой щит диаметром 55 см, четыре шаровидные вазы с венчиком, одна из которых имеет хеттские иероглифы, треножник для пяти светильников, открытая чаша тоже с хеттскими иероглифами, колчан, части мебели и обломки пластин от панциря³⁷.

К инвентарю подобных гробниц относится богатый набор предметов, найденных в 1947 г. в сел. Зивийе, в Иранском Курдистане, известный в науке под названием Саккызского клада. В нем были обнаружены предметы, очень близкие к урартскому искусству, как, например, обломки золотого пояса с изображением оленей и козлов³⁸.

Барнет достаточно убедительно установил, что эти предметы происходят из гробницы с саркофагом в виде бронзовой ванны, относящейся ко времени конца VII и начала VI в.³⁹

³⁵ «Архив Государственного Эрмитажа». Оп. I. 1858. № 62.

³⁶ Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арабата и Куро-Аракский энеолит // Вестник Государственного музея Грузии. XIII–В. 1944. С. 40. Далее: Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арабата...; Hanfmann C. M. Four urartian bull's heads // Anatolian studies. VI. 1956. P. 205.

³⁷ Osten von der. Neue urartäische Bronze aus Erzincan // VI Internationaler Kongress für Archäologie. 1939; Barnett R. D., Göke N. The find of urartian bronzes at Altin Tepe, near Erzincan // Anatolian studies. III. 1953. P. 121–129.

³⁸ Godard A. Le Trésor de Ziwiye. Haarlem, 1950. Dessin 48.

³⁹ Barnett R. D. The treasure of Ziwiye // Iraq. XVIII. 2. 1956. P. 111–116.

Рядовые урартские могильники открыты лишь в двух местах: около сел. Малаклю, недалеко от Игдыра (в 1914 г.), и близ Арин-берда (в 1957 г.)⁴⁰.

Могильник в Малаклю состоял из погребальных урн в виде прекрасных лощеных бомбовидных сосудов, содержавших пепел сожженных покойников. Около этих урн находились различные предметы: железное оружие (короткий меч, копье, наконечники стрел, ножи), бронзовые украшения (браслеты с львиными головками на концах), бронзовые чаши (среди них ситула с характерными ручками, украшенными головками животных с поднятыми ушами), различные бусы и две урартские гиревидные и одна пуговичная печать и др. Материал этот, хранящийся в Тбилиси в Государственном музее Грузии, опубликован Б. А. Куфтиным. В разрушенном могильнике у Арин-берда обнаружены бронзовые предметы и среди них куски бронзового пластинчатого пояса со сценами охоты на львов и быков.

Подобный могильник с урнами находился, вероятно, и у сел. Тазагюх, около Еревана, где Г. С. Арутюняном случайно был обнаружен глиняный сосуд с пеплом и пережженными костями, а около него бронзовый браслет с львиными головами на концах и дужка от бронзового ведерка. Но вполне вероятно, что у урартов были погребения и иного типа. Так, в 1951 г. у сел. Акко, около Талина, при строительных работах были открыты могилы в виде каменных ящиков. В одном обнаружили два красных лощеных сосуда, бронзовую фибулу, сердоликовые бусы и две урартские печати, одна из которых имела форму лежащего бычка⁴¹.

Лучше изученными оказываются урартские крепости, так как на них уже давно обратили внимание исследователи. Знали о крепостях и раскопщики. Последние не были специалистами-археологами. Им хотелось найти нечто подобное ассирийским дворцам, но в этом отношении их ждало горькое разочарование.

В Ване систематические раскопки начались в 1879–1880 гг. на холме Топрах-кале (Клейтон, Рейнольдс, Рассам), но они не оправдали ожиданий. Попадались лишь мелкие предметы, представлявшие незначительный интерес. Больше материала дали раскопки храма, произведенные Клейтоном и Рейнольдсом в северо-восточной части крепости.

Были откопаны стены из камней светлого и темно-серого цвета, сложенных в шахматном порядке. Внутри храма и около него найдены большой каменный жертвенник, бронзовые декоративные щиты, украшенные изображениями животных, бронзовые фигурки, части мебели, обломки каменной мозаики и глиняные сосуды. От раскопок в Ване Рассам явно ожидал большего. В своей книге⁴² он уделил всего две страницы работам на Топрах-кале и опубликовал фотографию остатков храма и найденных предметов.

Вещи из этих раскопок в основной своей части попали в Британский музей, где они долгое время лежали необработанными, и только часть их была вы-

⁴⁰ Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата... С. 1–72; Мартirosян А., Мнацаканян А. Нор-Арешский урартский колумбарий // Изв. Акад. наук АрмССР. 1958. № 10. С. 63–84 (на арм. яз.).

⁴¹ Кармир-блур. II. С. 47. Рис. 23.

⁴² Rassam H. Asshur and the land of Nimrod. New York, 1879. P. 377–378.

ставлена в зале ассирийских древностей. Лишь в 1950 г. этот интересный материал вошел в научный обиход благодаря подробной публикации, осуществленной Барнетом, взявшим на себя труд разобрать старые коллекции и архивный материал⁴³. Некоторые предметы попали с помощью Рейнольдса в Америку, но они до сих пор не стали достоянием науки. В частности, только по старой копии известна глиняная таблетка, покрытая клинописью, редчайший экземпляр памятников этого рода.

Археологи-дилетанты не могли понять ценности обнаруженных ими на Топрах-кале древностей; они рассматривали эту крепость как памятник окраинной ассирийской культуры.

Древний город на скале и на месте современного Вана, приписываемый Моисеем Хоренским ассирийской царице Шамирам, оказался столицей Урартского царства, городом Тушпой. Этим открытием началась новая, чрезвычайно интересная страница истории Передней Азии.

Раскопки в Ване возбудили интерес у местных жителей. Топрах-кале начали копать с целями чистого кладоискательства, а находимые вещи продавать скупщикам древностей; вещи переходили в иностранные консульства и миссии, где образовывались коллекции, а оттуда они поступали в различные музеи Западной Европы. В земле ванцы находили большое количество сосудов, мелкие каменные поделки, в частности печати с разными изображениями, железное оружие, различные металлические орудия, бронзовые изделия, иногда высокохудожественного исполнения.

Один из жителей Вана, Седрак Девганц, обратился к К. П. Патканову с предложением приобрести для русских музеев предметы древности. Он писал: «В прошлом году англичане покопали немного эти обширные развалины на средства Британского музея. Было обнаружено прекрасное здание, похожее на дворец, но, несмотря на большие расходы, они извлекли лишь маленькую фигурку, подобную моим, которым английская пресса придала весьма крупное значение. Они намерены (это место) подробно исследовать. Некогда в указанных развалинах было обнаружено множество прекрасных вещей, как неимоверной величины трон, сплошь покрытый клинописью и позолоченный, но больно сообщить, что по возвращении моем из Европы я узнал, что, расколов, его уничтожили. Я помню в детстве, какое огромное количество различных фигур обнаруживали в этих развалинах, но, принимая их за проклятое дело рук сатаны или джинов, ударами молота разбивали и выделяли из них бронзовые сосуды или лопаты и лемехи»⁴⁴.

В 1898 г. в Ван была направлена первая научная археологическая экспедиция во главе с Леман-Гауптом и Бельком. Так как Ванская скала была недоступна, экспедиция производила раскопки только на Топрах-кале. Стены этой крепости не сохранились, и камни от них, вероятно, были расхищены ванцами для строительных работ. Крепостной холм покрыт остатками построек из сырцового кирпича, причем эти развалины составляют мощный культурный слой

⁴³ Barnett. Iraq. XII. 1. P. 1–43.

⁴⁴ Пиотровский Б. Б. Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа // ТОВЭ. I. С. 49; Barnett. Iraq. XVI. P. 16–17.

толщиною в 6–8 м⁴⁵. В северо-восточной части холма находился храм, который раскапывали в 1870–1880 гг. Но ко времени работ экспедиции Леман-Гаупта и Белька от храма остался только один фундамент, так как камни стен были уже расхищены. Несмотря на это, раскопки продолжались и завершились исследованием остатков этого храма.

Рассчитывая найти клинописные документы, свидетельствующие о сооружении храма, Леман-Гаупт разобрал четыре угла фундамента, так как именно в этих местах ассирийцы закладывали посвященные таблички, но его надежда не оправдалась.

У юго-западного фасада храма были раскопаны развалины постройки из крупных сырцовых кирпичей (55 см × 32,5 см при толщине 16 см), где в большом количестве найдены обломки разноцветной каменной инкрустации пола и отдельные железные предметы. Возможно, что это сильно разрушенное здание и есть развалины дворца урартского царя.

Развалины жилищ носили явные следы пожара: найдено много обуглившихся кусков дерева, некоторые металлические предметы оказались оплавленными. Все это указывает на то, что поселение Топрах-кале погибло при внезапном нападении. Среди находок встречались иногда чрезвычайно интересные вещи. Так, в одном из сосудов оказался кусок сильно обуглившейся ткани, определенной как шелк⁴⁶. Были найдены куски лазурита (вероятно, среднеазиатского происхождения) и многочисленные бусы из различных полудрагоценных камней, частью привозных.

Раскопки на Топрах-кале дали громадное количество металлических изделий: железные топоры, молоты, вилы, ножи, железные и бронзовые петли для запоров и многое другое. Керамика оказалась чрезвычайно разнообразной, но особенно выделяются кувшины с ручкой изящной формы, имевшие красную, до блеска лощеную поверхность. После этой экспедиции там долго не производилось никаких археологических работ.

Лишь зимой 1911/12 г. И. А. Орбели посетил Топрах-кале и произвел небольшие раскопки на его восточном склоне, неподалеку от развалин постройки, в которой Леман-Гаупт нашел бронзовый канделябр. При кратковременных работах были найдены обломки мраморного фриза с изображением быков и деревьев в орнаментальном обрамлении. Этот фриз, по-видимому, был облицовкой стены какого-либо парадного помещения. Кроме вещей, добытых путем раскопок, И. А. Орбели собрал большое количество интересных древних предметов, находившихся у местных жителей.

И в 1916 г., когда Русскому археологическому обществу удалось снарядить экспедицию во главе с Н. Я. Марром в Ван, местом раскопок снова была избрана крепость Топрах-кале, уже давшая богатый материал.

Раскопки Н. Я. Марра подтвердили предположение о том, что крепость погибла внезапно; всюду отчетливо были видны следы пожара, постоянно отрывались обугленные бревна обвалившихся перекрытий. Материалы, собранные этой экспедицией, хранятся в Государственном Эрмитаже. В основном они

⁴⁵ *Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 455.*

⁴⁶ *Ibid. S. 967.*

повторяют то, что было найдено германской экспедицией, но ввиду меньшего размаха работ находки малочисленнее.

Ко времени работ Н. Я. Марра крепость на Топрах-кале была уже сильно разрушена. После раскопок германской экспедиции там продолжали хозяйничать кладоискатели и местные жители. Даже фундамент храма, расчищенный экспедицией Леман-Гаупта, был разобран до последнего камня, а вся поверхность крепости изрыта ямами и норами. На Топрах-кале трудно было найти нетронутое место, настолько холм оказался поврежденным научными и кладоискательскими работами.

Одновременно с раскопками на Топрах-кале экспедиция Русского археологического общества проводила обследование Ванской скалы, доступ к которой был свободен. Производились обмеры изумительных помещений, высеченных на южной стороне скалы, фотографировались стены крепости, в нижних частях которых сохранилась урартская кладка, достигавшая кое-где 20-метровой высоты.

И. А. Орбели обследовал две ниши на северном склоне Ванской скалы, известные под названием «Хазине-капуси», т. е. «Дверь сокровищницы». На стене одной из них находится клинопись, скопированная еще Шульцем. Согласно легендам, эти ниши ведут в помещение, наполненное золотом и драгоценными камнями, которое стерегут два стража с огненными мечами; каждую ночь из щели, находящейся около ниши, выползает большой змей, который ложится около надписи и всю ночь сторожит сокровища⁴⁷.

При раскопках одной из ниш была обнаружена стела высотой 2,27 м, установленная на базе 1,08 м. Четыре стороны и лицевую часть базы покрывала клинопись, содержащая текст летописи урартского царя Сардури, сына Аргишти. За «Дверью сокровищницы» действительно хранился клад, обогативший науку: этот текст имеет первостепенное значение для изучения истории Передней Азии второй четверти VIII в.

Работы на северном склоне Ванской скалы не ограничились расчисткой стелы, установленной в западной нише. И. А. Орбели раскопал еще вторую, восточную, нишу и исследовал всю площадку около ниш. В результате была воспроизведена полная картина одного участка. На северном склоне скалы в отвесной сглаженной стене урартами были вырублены две высокие ниши с закругленным верхом, причем западная, правая, находилась в некотором углублении. В обеих нишах стояли памятники в виде стел, покрытых клинописью (стела восточной ниши не сохранилась). Перед ними находилась площадка, имеющая в плане прямоугольный треугольник с небольшим основанием, в западной части площадки заметно возвышение со ступеньками, которые вели к нише. В основании стены и углубления около западной ниши шла приступка в виде скамьи.

Таким образом, раскопки открыли нам один из уголков древней столицы Ванского царства — культовое место, где были установлены памятники, рассказывающие о победах урартских царей над соседними странами.

Благодаря произведенным раскопкам можно со всей отчетливостью представить это место в древности и судить о том впечатлении, которое оно должно было производить на посетителя.

⁴⁷ Марр Н. Я., Орбели И. А. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Пг., 1922. С. 7.

Площадки, высеченные в скалах, монументальные лестницы, уступы в виде гигантских ступеней, на которых некогда покоился фундамент стен, а также и сами массивные циклопические стены, несомненно, производили впечатление мощности и великолепия.

Ванская скала ждет археолога, и нам даже трудно представить, что может она дать при археологическом изучении, во всяком случае много неожиданного.

Громадный археологический материал дали исследования урартских центров в Закавказье, особенно города Тейшебаини (Кармир-блур), где было открыто множество урартских бронзовых художественных изделий, хорошо датированных вычеканенными на них именами урартских царей. В стиле этих своеобразных памятников нашло отражение влияние ассирийского искусства, но даже при беглом осмотре их можно отличить от ассирийских. Предметы, найденные на Кармир-блуре, подробно разобраны в различных частях настоящей книги, что снимает необходимость их описания в этом разделе. Следует с сожалением отметить, что до сих пор в научной литературе нет обстоятельного очерка истории урартского искусства, хотя материал для такой работы есть уже в достаточном количестве.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Хронология Урартского государства полностью основана на хронологии Ассирии, и только для самого последнего этапа урартской истории могут быть использованы вавилонские материалы.

Так как хронология Ассирии последнего тысячелетия до нашей эры (т. е. того времени, когда существовало Ванское царство) разработана весьма детально, то и основные вехи урартской хронологии можно считать надежными и достоверными.

Сами урартские памятники дают очень мало материала для их датировки, да и то только в тех случаях, когда в них упоминаются имена ассирийских царей или же известных в истории Передней Азии царей соседних стран.

Установлению последовательности правления урартских царей помогают обычно выписываемые в тексте отчества; не будь этого, мы совершенно запутались бы в хронологическом размещении клинописных текстов.

С первой половины XIII и до середины IX в. об Урарту мы знаем исключительно по ассирийским письменным источникам, так как урартские источники этого времени остаются еще неизвестными.

К середине IX в. мощь Урарту возрастает, и Салманасар III с первого года своего правления (860 г.) ведет войну с урартским царем Араму, имя которого встречается в ассирийских летописях в 858 и в 846 гг. Таким образом, правление этого первого из известных нам урартских царей было продолжительным.

В летописи Салманасара III под 834 г. (XXVII год его правления) упоминается новый урартский царь, Седури (Сидури), по-видимому Сардури I, от которого дошла и надпись на ассирийском языке, высеченная на камне стены около Ванской скалы. В этой надписи он именовал себя сыном Лутипри, быть может, правившего между Араму и Сардури.

Сын Сардури Ишпуини упомянут один раз в летописи Шамшиадада под 824 г., при описании похода в Наири.

Ассирийские источники совершенно не упоминают одного из могущественных царей Ванского царства — Менуа, сына Ишпуини, современника ассирийской царицы Шаммурамат (Шамирам). В его правление страна Урарту достигла расцвета и успешно вела борьбу с Ассирией. Шамирам при жизни не могла победить Менуа, но в народных легендах она всегда одерживала верх над урартским царем. Сооружение большинства памятников царю Менуа в центре Урарту народное предание, переданное Моисеем Хоренским, приписывает царице Шамирам.

Имя Аргишти, сына Менуа, известно нам как по надписям ассирийского наместника Шамшиилу в Тил-Барсибе, так и по стеле, где упоминаются успешные боевые действия против Аргишти.

Так как в ассирийских эпонимах (списках событий по годам) непрерывные походы в Урарту отмечаются постоянно с 781 до 774 г., а имя Шамшиилу — в 780 г., то и события, упомянутые в тексте стелы, быть может, следует отнести именно к этому времени.

Г. А. Меликишвили на основании изучения текста Хорхорской летописи пытался более точно определить время царствования Аргишти. Отметив, что в летописи, охватывающей 23 года правления урартского царя, военные действия против Ассирии упоминаются при описании событий VI, VII и IX гг., он сопоставил эти данные со списками эпонимов времени Салманасара IV, под 781–778, 776 и 774 гг. Предположив, что 781 г. был шестым годом правления Аргишти, Г. А. Меликишвили дает время его царствования условно с 786 по 764 г.

И. М. Дьяконов считает, что Г. А. Меликишвили справедливо видит в сопоставлении сведений из анналов Аргишти I и списка эпонимов возможность «привязать» царствование Аргишти к абсолютной хронологии, но дает иное сопоставление данных летописи и ассирийских списков эпонимов и приходит к старому выводу о том, что первый год правления Аргишти I надо относить к 780 г.⁴⁸

Если, таким образом, начало царствования Аргишти определяется временем несколько ранее 780 г., то его конец следует отнести примерно к середине VIII в., так как в одной из надписей его сына Сардури отмечается победа над царем Ассирии Ашурнирари. Летописи Тиглатпаласара описывают два похода в Урарту против Сардури (в 743 и 735 гг.), причем во время последнего похода ассирийцы осаждали цитадель Тушпы.

События времени царствования Русы, сына Сардури, вступившего на престол около 730 г., хорошо известны по ассирийским источникам, в которых твердо устанавливается и дата его смерти. В текстах Саргона неоднократно рассказывается о том, что Руса покончил жизнь самоубийством в 714 или в 713 г., после похода Саргона в Ванское царство⁴⁹.

⁴⁸ ВДИ. 1956. № 2. С. 69–70.

⁴⁹ И. М. Дьяконов относит самоубийство Русы I к 713 г. на основании того, что в большом тексте Саргона на Луврской табличке об этом событии ничего не сказано, но в анналах Саргона из Дур-Шаррукина (АВИУ. № 46) все же указывается, что смерть Русы I относится к VIII году правления Саргона.

Второй период истории Урарту также имеет точные хронологические вехи в ассирийских текстах.

Имя Аргишти, сына Русы I, встречается в надписях Саргона, а его сын Руса II, по-видимому, был современником двух ассирийских царей — Асархаддона и Ашурбанипала. Около 654 г., после победы над Эламом, Ашурбанипала посетили послы урартского царя Русы, а в 639 г., после второго аравийского похода, — послы уже нового урартского царя, Сардури.

После падения Ассирии Ванское царство продолжало существовать, и там царствовали, по крайней мере, еще два царя — Эримена и его сын Руса, известные только по надписям последнего из них. Время их правления устанавливается условно, исходя из условной даты времени гибели Урарту — 590 г.

Ниже приводится хронологическая таблица правления урартских царей.

А р а м у, современник ассирийского царя Салманасара III (860–825), упоминаемый в ассирийских летописях под 860, 858 и 846 гг.

С а р д у р и, сын Л у т и п р и, надпись которого сохранилась на крепостной стене у Ванской скалы, современник Салманасара III (поход 834 г.).

И ш п у и н и, сын С а р д у р и, современник ассирийского царя Шамшиадада (825–812), упоминаемый в летописи под 824 г.

М е н у а, сын И ш п у и н и (810–781), современник ассирийских царей Шаммурамат (812–803), Ададнирари III (812–783) и Салманасара IV (783–773).

А р г и ш т и, сын М е н у а (781–760), современник Салманасара IV (783–773) и Ашурдана III (773–754).

С а р д у р и, сын А р г и ш т и (760–730), современник Ашурдана III (773–754), Ашурнирари IV (754–745) и Тиглатпаласара III (745–727). В ассирийских летописях под 743 и 735 гг. упоминаются два похода Тиглатпаласара в Урарту.

Р у с а, сын С а р д у р и (730–714), современник Тиглатпаласара III (745–727), Салманасара V (727–722) и Саргона (722–705). Летописи Саргона содержат много сведений о Русе, и дата его смерти точно фиксируется 714 г.

А р г и ш т и, сын Р у с ы (714–685), современник Саргона (722–705) и Синахериба (705–681).

Р у с а, сын А р г и ш т и (685–645), современник Асархаддона (681–668) и Ашурбанипала (668–624). Упоминается в оракулах Асархаддона и в летописи Ашурбанипала под 654 г.

С а р д у р и, сын Р у с ы (645–625), современник Ашурбанипала (668–624) и последних ассирийских царей, упомянутый в летописи Ашурбанипала под 639 г.

Э р и м е н а (625–605) известен лишь из надписей его сына.

Р у с а, сын Э р и м е н а (605–590) — последний урартский царь, от времени которого дошли клинообразные надписи.

Из приведенной таблицы видно, что хронология первого периода урартской истории, подтвержденная перекрестными сведениями ассирийских и урартских источников, в общих чертах не вызывает сомнений; условными в ней являются лишь даты начала и конца правления. Хронология же второго периода имеет много неясностей. Обращает на себя внимание долговременность царствования Аргишти II и Русы II, а также полная условность времени правления последних царей.

Дальнейшие археологические работы и открытие новых надписей могут принести нам много неожиданного. Но при современных знаниях приведенная таблица представляется наиболее правдоподобной.

Настоящий очерк, характеризующий источники изучения Ванского царства, показывает состояние их исследованности и выявляет те возможности, которые могут дать эти источники. Несомненно, дальнейшие открытия в истории Ванского царства дадут нам большие возможности, но было бы нецелесообразным ждать этих открытий, прекратив работу над имеющимся в нашем распоряжении материалом.

ДРЕВНЕЙШИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УРАРТУ И ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА (XIII–IX вв.)

Наиболее древние из имеющихся сведений о стране Урарту (Уруатри) встречаются в ассирийских исторических текстах первой половины XIII в.

В надписях ассирийского царя Салманасара I (Шульману-ашаред, 1280–1261) упоминается поражение кутиев (общее название племен, живших к северо-востоку от Месопотамии) на территории «от границ страны Уруатри до страны Кутмух», т. е. от гор к юго-востоку от оз. Ван и до верхнего течения р. Тигр. Из указаний ассирийских источников можно заключить, что страна Уруатри находилась в гористой местности, к югу и юго-востоку от Ванского озера, возможно, в верховьях Большого Заба, но насколько далеко простиралась она к северу, неизвестно. Очень вероятно, что она захватывала и район оз. Ван¹.

В ассирийских текстах довольно подробно рассказывается о походе, снаряженном в начале правления Салманасара I в страну Уруатри.

«В начале моего первосвященства возмутились против меня страны Уруатри. К Ашуру и великим богам, моим владыкам, поднял я руки, устроил сбор моих войск. К скалам (?) их гор могучих я поднялся; страны Химме, Уаткун, Баргун, Салуа, Ха-

¹ Ebeling E., Meissner B., Weidner E. Die Inschriften der Altassyrischen Könige. Leipzig, 1926. S. 121; S. 113–114. Fußnote 9.

лила, Луха, Нилипахри и Зингун, восемь стран с их воинством покорил я. 51 (вариант — 41. — Б. II.) поселение я разрушил, сжег, увел их пленных и имущество. Все страны Уруатри склонил я в три дня к ногам Ашура, моего владыки. Их детей я выбрал, взял себе для услужения... тяжелую подать гор я навеки возложил на них»².

Особый интерес описания похода заключается в том, что восемь отдельных стран объединены общим термином *Уруатри*. Из этого можно заключить, что в XIII в. Урарту не было еще государством, а представляло собой союз племен.

Относительно местоположения стран Уруатри еще нет установившегося мнения. Вейднер, как было уже указано, допускал, что территория этих стран простиралась до оз. Ван; по Форреру, они занимали побережье р. Восточный Хабур³, Я. А. Манандян, учитывая совпадение топонимических названий древних текстов и современной карты, принимает в основном локализацию, предложенную Форрером, но распространяет название *Уруатри* далее, на запад⁴. Г. А. Меликишвили полагает, что эти страны, объединенные термином *Уруатри*, находились в районе верхнего или среднего течения р. Верхний Заб⁵, и высказывает предположение о том, что название государства Урарту произошло от этнического названия, т. е. от названия тех племен, с которыми ассирийцы впервые встретились в районе Верхнего Заба, ограничивая тем самым территорию стран Уруатри небольшим районом. Следует заметить, что ассирийские тексты не дают никаких данных для суждения о том, насколько далеко простирались страны Уруатри. В тексте нет сведений о том, что Салманасар I покорил все страны объединения, и можно считать, что записи о захвате во время похода поселений какой-либо страны не могут служить данными для установления территории всей страны. Да и в ономастике района Верхнего Заба термины, связанные с Уруатри, отсутствуют. Вероятно, Салманасар I захватил поселения лишь южной части союза племен Уруатри.

В текстах сына Салманасара I, Тукулти-Нинурты I, упоминается другой союз племен: *страны Наири* (возможно, Нири надписей Салманасара I) — надолго заменивший союз, называвшийся *странами Уруатри*.

В надписи на стеле из дворца Тукулти-Нинурты I в Ашуре упоминаются 43 царя стран Наири, выступивших против Ассирии. Там же говорится об их поражении, а также о приношениях им (*tamârtu*) и наложении на них подати (*biltu*)⁶.

В стеле из зиккурата в Ашуре рассказывается о той же победе над 43 наирскими правителями, причем в тексте упоминается пленение правителей стран Наири и привод их в бронзовых цепях в Ашур⁷.

Очень показательно, что в титулатуру Тукулти-Нинурты I входят слова «царь страны Шубари, страны Кути и всех стран Наири»⁸.

² Ibid. S. 113–114.

³ Forrer E. Assyrien // Reallexicon der Assyriologie. I. Berlin, 1928. S. 265.

⁴ Манандян Я. А. О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении. Ереван, 1956. С. 6–8.

⁵ Меликишвили Г. А. Наири–Урарту. Тбилиси, 1954. С. 150–151.

⁶ Schroeder O. Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts. II. Leipzig, 1921. № 58.

⁷ Ibid. № 60.

⁸ Ibid. № 61.

Много внимания походам на север и северо-запад уделено в анналах Тиглатпаласара I (Тукулти апал-ешара, 1116–1090 гг.) на глиняных призмах, заложенных в фундамент храма.

В первый же год царствования ему пришлось идти походом против царей мушков, захвативших страны Алзи и Куммух.

Во второй год он вел войну с шубарейцами, жившими, по-видимому, в долине Верхнего Евфрата, до впадения в него р. Мурат (Арацани). В анналах рассказывается: «...страну шубарейцев, высокомерных и непокорных, я поверг, на Алзи и Пурулумузи, которые прекратили свою дань и подать, я наложил тяжелое ярмо моего владычества, чтобы они воистину ежегодно доставляли в мой город Ашур дань и подать... 4000 касков и урумейцев, непокорных людей хеттской страны, которые силой своей захватили поселения страны Шубарту, подчиненные Ашуру, моему владыке, услыхали о моем приходе в Шубарту, и блеск моей доблести ниспроверг их: битвы они убоялись и обняли мои ноги».

В анналах рассказывается и о походах, совершенных в III год царствования Тиглатпаласара I, и о походе в хабхийскую страну Суги: «...с 6000 их войск, со странами Химе, Лухи, Арирги, Аламун, Тумни (?) и всеми многочисленными бабхийцами на горе Хириху, в трудной местности, что остра, как конец кинжала, со всеми их странами я сразился пеший, нанес им поражение, их бойцов на горных скалах я сгрудил в груды, кровью воинов их гору Хириху я обагрил, как красную шерсть. Страну Суги до пределов ее я покорил...»

В IV год он был занят походом в страны Наири, о чем свидетельствуют и другие письменные документы Тиглатпаласара I:

«По слову Ашура, моего владыки, от той стороны Нижнего Заба до Верхнего моря захода солнца — все рука моя завоевала. В третий раз я пошел на страны Наири; обширные страны Наири от страны Тумме до страны Даяни, в том числе Химуа, Паитеру и Хабхи (Кильху) воистину я завоевал, 30 царей стран Наири к ногам моим я склонил, заложников их взял, коней, упряжи, их дань я принял, подать и приношения наложил на них»⁹.

Подробное описание ассирийского похода на север, в страны Наири, занимавшие широкую территорию к югу и западу от оз. Ван, которое ассирийцы называли «морем Наири», имеется также в надписи Тиглатпаласара I на глиняных призмах: «Ашур, владыка, послал меня на страны дальних царей, что на берегу Верхнего моря, не знающих подчинения, и я пошел. Трудными тропами, тяжелыми перевалами, чьей середины прежде не знал ни один царь, закрытыми путями, непроложенными стезями я провел мои войска... (далее говорится о покорении 16 сильных стран. — *Б. П.*) ...Я проходил удобную местность на колеснице, трудную — с помощью медных топоров. Я нарубил «уруми» — горные деревья, улучшил мосты для перехода моего войска (колесниц), переправился через Евфрат...¹⁰ 23 царя стран Наири велели собрать в своих странах колесницы и войска и поднялись против меня на войну и на битву. Я надвинулся на них

⁹ Schroeder O. Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts. II. Leipzig, 1921. № 63.

¹⁰ В тексте дано перечисление имен 23 царей отдельных стран Наири. Особенно интересно то обстоятельство, что перечисление начинается со страны Тумме (старое чтение — Нимми) и кончается страной Даяни; среди стран упоминаются Химуа и Паитеру.

в ярости моего грозного оружия, я, как наводнение Адада, учинил истребление их многочисленного войска... 60 царей стран Наири, вместе с теми, что пришли к ним на помощь, я прогнал моим копьем до Верхнего моря. Их большие города я завоевал, их добычу, их имущество, их богатство я вывез, их поселения я спалил огнем... Всех царей стран Наири я захватил живыми. Этих царей я помиловал и спас им жизнь перед Шамашем, моим владыкой, я освободил их от плена и уз. Я заставил их присягнуть моим великим богам в службе мне на будущее время, на вечные времена. Сыновей их, царственных отпрысков, я взял в заложники. Я наложил на них дань — 1200 коней, 2000 голов крупного рогатого скота [и] отпустил их в их страны... Сени, царя страны Дайа[е]ни, который не склонялся перед Ашуром, моим владыкой, пленным и связанным я увел в мой город Ашур, но помиловал его и отпустил из моего города Ашура славящим моих богов, чтобы он славил их за спасение жизни. Обширными странами Наири до всех пределов их я овладел и склонил их к моим ногам».

Из приведенного текста видно, что походы ассирийцев на север преследовали главным образом грабительские цели; особенно их привлекал скот, являвшийся основным богатством тех областей. Походы ассирийцев в страны Наири снаряжались неоднократно, в частности, о третьем походе в страну Наири говорит надпись Тиглатпаласара I около его рельефа на скале у истоков Тигра¹¹.

Свою победную надпись Тиглатпаласар I оставил также и на завоеванной им территории стран Наири. У сел. Юнжалу в Малазгиртской низменности была открыта надпись этого ассирийского царя, говорящая о покорении стран Наири, от страны Тумме до страны Даяни: «Тукулти апал-ешар, царь сильный, царь вселенной, царь Ассирии, царь четырех стран света, покоривший страны Наири от Тумме до Даяни, покоривший страну Хабхи до Великого моря». Надпись у сел. Юнжалу является древнейшим свидетельством об ассирийских походах на Армянское нагорье. После похода к истокам Тигра Тиглатпаласар I поднялся на горы между Тигром и Арацани и, перейдя Арацани, вступил в Малазгиртскую низменность, где разбил войско правителей стран Наири¹².

Страны Уруатри в надписях Тиглатпаласара I не упоминаются; вероятно, это обстоятельство объясняется некоторым ослаблением Урартского союза племен.

В литературе по истории Древнего Востока можно часто встретить устаревшее указание на то, что в надписях Тиглатпаласара I страна Урарту встречается под названием *Урартина* (*Урартинаш*). В анналах рассказывается, что ассирийское войско, двигаясь из Куммуха и переправившись через Тигр, вступило в страну царя Шадиантеру, сына Хаттухи, где и захватило крепость, имя которой читалось как Урартинаш¹³.

Отождествление Урарту с Урартинаш недопустимо, так как старое чтение *Урартинаш* считается неверным и название крепости надо читать как *Урахинаш*. Вместе с этим требует серьезного пересмотра и положение о том, что

¹¹ *Lehmann-Haupt. Materialien.* S. 17, 18; *Schroeder O. Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts.* II. Leipzig, 1921. № 68.

¹² *Lehmann-Haupt. Materialien.* S. 15–16; *Lehmann-Haupt. Armenien.* II. 1. S. 115.

¹³ [*Schröder E.*] *Keilinschriftliche Bibliothek.* I. Berlin, 1889. S. 21.

Урарту первоначально находилось в юго-западной части Армянского нагорья. А. Хачатрян, подробно рассматривая древние географические названия, писал: «Что эти три названия (Уруатри, Урартина, Урарту) являются названием одной и той же страны, только в разные времена, с этим все согласны и нет оснований возражать. Но чтоб в разные времена упомянутая страна охватывала одну и ту же территорию, нам кажется, с этим нельзя согласиться и нельзя оставить без возражения»¹⁴. Но после установления неправильности чтения термина *Урартина* и неосновательности сопоставления его с названием страны Урарту это положение теряет под собой почву.

Вновь страна Уратри упоминается в тексте «сломанного обелиска» Ашур-белкала (1087–1070), второго сына Тиглатпаласара I. В I год правления Ашур-белкала предпринял поход в горы, в страну Урарту, захватив несколько поселений этой страны¹⁵. В III же год он двинулся в страны Химме и Баргун¹⁶, которые, согласно тексту Салманасара I, раньше входили в состав Урартского союза племен. Это — лишнее доказательство ослабления мощи страны Урарту, уступившей свое положение как главы союза племен стране Наири.

В текстах Ададнирари II (911–891) страна Салуа, ранее входившая в состав страны Урарту, выделена особо. Про Ададнирари II в тексте говорится: «Могучий герой, который прошел с помощью Ашура, своего владыки, от той стороны Нижнего Заба, края стран Лулуме, Хабхи, Замуа, до перевалов Намара, обширную страну Кумани до страны Мехри, а также Салуа и Уратри к ногам своим склонил»¹⁷.

Термин *страна Урарту*, заменивший старую форму *страна (страны) Уруатри*, впервые встречается в анналах Ашурнасирпала II (Ашур-насир-апли, 883–859), помещенных на монументальных скульптурах его дворца в Калху. В них говорится о завоевании ассирийцами земель «от истоков реки Субнат (в верхнем течении Тигра) до страны Урарту»¹⁸.

В анналах Ашурнасирпала II есть также описание похода в страны Наири, разрушения большого числа крепостей и сбора жатвы. Ашурнасирпал, следуя примеру своего предка Салманасара, поселил ассирийцев в некоторых крепостях этих стран для закрепления господства над странами Наири.

До второй четверти IX в. в ассирийских летописях встречаются лишь отдельные упоминания стран Урарту, но со времени правления Ашурнасирпала II, когда Ассирия восстановила главенствующее положение в Передней Азии, описания походов ассирийцев против урартов стали постоянными.

Преемнику Ашурнасирпала II, Салманасару III (860–825), с первых же лет правления пришлось повести решительную борьбу с царством Урарту, представлявшим уже государство и препятствовавшим продвижению ассирийцев на север.

Приведенные нами сведения ассирийских источников XIII–IX вв., несмотря на их неполноту и отрывочность, все же с достаточной определенностью

¹⁴ Хачатрян А. Пересмотр древнейшего периода наири-урартской истории. Ереван, 1932. С. 21.

¹⁵ Weidner E. F. Die Annalen des Königs Assurbelkala von Assyrien // AO. VI. 2–3. 1930. S. 82–83.

¹⁶ Ibid. S. 85.

¹⁷ Schroeder O. Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts. II. Leipzig, 1921. № 84.

¹⁸ Budge E. A. W., King L. W. Annals of the Kings of Assyria. I. London, 1903.

показывают постепенный процесс образования на территории Армянского нагорья государства Урарту.

В ассирийских надписях XIII в. Уруатри выступает как глава союза племен, объединившихся против Ассирии; позднее эту роль Уруатри уступает Наири, и в XI в. страны, входившие ранее в союз «стран Уруатри», или оказываются среди «стран Наири», или выделяются как самостоятельные государства.

Конечно, на основании чрезвычайно скудных источников, имеющихся в нашем распоряжении, невозможно установить время образования государства Урарту, но все же несомненно, что к середине IX в. и Урарту и Наири стали уже довольно сильными государствами, с которыми вела постоянные войны вновь усилившаяся Ассирия.

Разобранные нами материалы ассирийских источников имеют чрезвычайно большое значение для решения вопроса о происхождении урартов и Урартского государства. В этом вопросе до последнего времени господствовала теория миграции урартов из западной части Малой Азии.

Объяснение миграцией всех непонятных или малоизвестных явлений в истории того или иного государства было обычным для исторической науки XIX и даже начала XX в.

Теория миграции урартов с запада наиболее яркое выражение получила в работах Леман-Гаупта, но, кроме того, она нашла место и в общих трудах по истории Древнего Востока¹⁹.

Леман-Гаупт высказал предположение, что урарты-халды вторглись на Армянское нагорье в период между правлением Тиглатпаласара I и Ашурнасир-пала II. Считая, что в Переднюю Азию урарты пришли с уже оформившейся культурой, Леман-Гаупт делал следующие выводы: так как наши знания не допускают мысли о приходе урартов с юга, востока и тем более с севера, то их прародину надо искать на западе²⁰.

В своем докладе, читанном в 1905 г. и посвященном малоазийским и греческим пещерным сооружениям, Леман-Гаупт особо подчеркивал общность урартов-халдов и греков, т. е. восточных и западных обитателей выделенного им культурного района²¹. Он отмечал в урартском искусстве общее с искусством Греции и Этрурии, признавая вместе с тем этрусков выходцами из Малой Азии.

Леман-Гаупт подчеркивал, что будто бы дохалдский термин *patari* (город) связан с Ликией, а ликийцы, согласно греческой традиции, были выходцами с Крита, поэтому элементы критской письменности у ликийцев могут быть легко объяснены; именно с этим письмом связывалась урартская табличка с иероглифами, найденная на Топрах-кале, у Вана. Из всего этого Леман-Гаупт делал заключение, что при попытке установить древнее расселение урартов-халдов на западе Малой Азии его очаг надо искать в Ликии или же поблизости от нее; так же как все кавказские народы (грузины, армяне), урарты двигались с запада на восток, совершая тот же путь²².

¹⁹ *Lehmann-Haupt. Materialien.* S. 120–124; *Lehmann-Haupt. Armenien.* II. 2. Kapitel XXIX.

²⁰ *Lehmann-Haupt. Armenien.* II. 2. S. 596.

²¹ *Ibid.* S. 605.

²² *Ibid.* S. 679.

По поводу связей урартов со Средиземноморьем Леман-Гаупт писал: «Не следует поэтому удивляться, что невольно навязываются культурные взаимоотношения, происхождение которых можно лучше всего объяснить как продолжение взаимоотношений, базирующихся на прежнем соседстве, а именно на соседстве с греками, а также этрусками, жившими когда-то на западном побережье Малой Азии»²³.

Развивая свою теорию миграции урартов с запада, Леман-Гаупт полагал, что пришлые урарты-индоевропейцы стали господствовать над местным населением, жившим до них на Армянском нагорье.

Для подкрепления своей теории Леман-Гаупт приводит и археологический материал (бронзовые фигурки крылатых женских божеств и головки быков, украшавшие крупные котлы), подтверждающий, по его мнению, древние связи Урарту и Средиземноморья. Но дело в том, что именно эта группа памятников не может быть отнесена к древнейшим урартским. Видимо, появление этих предметов в Урарту относится к тому времени (VIII в.), когда Урартское государство стремилось захватить и одно время держало в своих руках выход к Средиземному морю. Кроме того, следует отметить, что металлические изделия были основным предметом обмена и в странах Древнего Востока. Древнейшие связи Передней Азии со Средиземноморьем отнюдь не обусловлены этнической общностью, а определяются историческими факторами и экономическими взаимоотношениями.

Связи Урарту со Средиземноморьем шли через Сирию и Финикию, в частности через Тир и Сидон, входивших в антиассирийскую коалицию. Несомненно, борьба Урарту с Ассирией за выходы к Средиземному морю усиливала связи Ванского царства с Малой Азией, по которой проходили очень древние торговые пути, связывавшие Переднюю Азию с западным побережьем Малой Азии (Иония, Лидия), находившимся в непосредственной близости с Грецией и Этрурией.

Нам пришлось довольно подробно остановиться на теории Леман-Гаупта относительно происхождения урартов-халдов лишь потому, что эта миграционная теория получила очень широкое распространение в литературе по истории Древнего Востока. Несмотря на то что автору этой теории стали известны ассирийские тексты, приведенные нами выше, свидетельствующие о формировании Урартского государства в Передней Азии, он все же отказался от пересмотра своих явно устаревших положений и в 1936 г. при перечислении важнейших задач халдологии писал: «Нужно будет, — продолжая мои и Пауля Кречмера открытия, — расширить и углубить исследования о первоначальной родине халдов в западной Малой Азии»²⁴.

Выводы Кречмера²⁵ основаны главным образом на лингвистических данных и преимущественно на сопоставлении собственных имен. Но эти сравнения определяются лишь созвучием и совершенно лишены исторической обоснованности.

²³ Леман-Гаупт К. Ф. Вступительная лекция по истории и культуре халдов // Труды Тбилисского гос. ун-та. VI. 1937. С. 264.

²⁴ Там же. С. 267.

²⁵ Kretschmer P. Glotta. XVII. 1929. S. 195; Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 901.

Таково, например, сопоставление имени урартского царя Менуаше (Менуа) с Миносом греческих легенд; не более убедительна также связь имени Менуа с именем малоазийского (фригийского) бога луны — Мена.

Кречмер этимологизирует имя Лутипри, отца Сардури I, как «властелин женщин» (ликийское — *lada*, урартское — *luti* — плюс митаннийское — *ipir*, урартское — *euri*).

Название священного холма в Афинах (Ἀρδηττος) Кречмер связывал с именем урартского бога Арда²⁶, а его последователь Эйслер в слове *Афины* (Ἀθήναι) видел урартские слова *Хатте-город* (Hat-te-nai). Последний с легкостью сопоставлял имена урартских царей с греческими: Руса (Ρούσας) — красный, Эримена (Εριμένης) — долгоостающий; Аргишти (Ἀργέστης) — сияющий²⁷.

Разумеется, такие сопоставления, вытекающие из предвзятого положения о миграции урартов с запада и их генетических связях с народами Средиземноморья, не могут представлять для нас интереса и должны рассматриваться лишь как курьез в науке.

С теорией миграции урартов из западной части Малой Азии связана также попытка причислить к эгейским языкам, кроме лидийского, ликийского, карийского и этрусского, также и более далекий от них урартский, причем Бранденштейн нашел в последнем много общего с лидийским²⁸.

Теория миграции урартов с запада проникла и в очень популярные труды по истории Древнего Востока. Так, Холл разделял мнение Кречмера относительно фригийского происхождения династии Сардури I и датировал вторжение фракофригийцев в Малую Азию временем около 1000 г.²⁹

Наряду с отмеченными работами, в которых авторы упорно хотят доказать западно-малоазийское происхождение урартов, уже давно стали появляться работы, доказывающие связи урартов с народами Передней Азии, в частности с хеттами. В трудах о языках Древнего Востока вполне обоснованно устанавливалась лексическая связь урартского языка с хеттским³⁰, а также с другими языками Передней Азии, особенно с кавказскими. Но даже эти работы не всегда были свободны от миграционных теорий. Так, Винклер, объединяя еще в 1897 г. урартов, хеттов, митаннийцев, мосхов и тибаренов в единую группу «народов Тешуба», приписывал урартам западное происхождение.

В последних работах, посвященных древнейшей истории Передней Азии, решительно отвергается старая теория «западного» происхождения урартов, их происхождение связывается с переднеазиатской народностью, хурритами, имевшими большое значение в политической жизни Древнего Востока в первой половине II тысячелетия³¹.

²⁶ Kretschmer P. Glotta. XIV. 1929. S. 318; *Lehmann-Haupt. Armenien*. II. 2. S. 928–929.

²⁷ Eisler R. *Caucasica*. V. 1928. S. 92; *Lehmann-Haupt. Armenien*. II. 2. S. 902.

²⁸ Эти теории изложены в статье: Ушаков П. Н. Древнейшее население Малой Азии, Кавказа и Эгеиды // ВДИ. 1939. № 4. С. 50.

²⁹ Hall H. R. *The ancient history of the Near East*. 8th ed. London, 1935. P. 458.

³⁰ Кананцян Г. А. Общие элементы между урартским и хеттским языками. Эривань, 1936.

³¹ Götzе A. *Kleinasien* // *Kulturgeschichte des alten Orients*. III. I. 1933. — Второе издание книги А. Гётце вышло в 1957 г. в Мюнхене; *Götzе A. Hethiter, Churriter und Assyrier*. Oslo, 1936.

В хеттских текстах определенно говорится о «странах Хурри» (Hurri), которые, по-видимому, представляли союз племен, группировавшихся вокруг страны Хурри (прежнее чтение — Харри), находившейся, по мнению некоторых ученых, в районе оз. Ван.

Те же ученые полагают, что ассирийцы называли страны Хурри «странами Наири», и в образовании Урартского государства (в начале I тысячелетия) видят возобновление «хурритской политической традиции».

Гётце придерживается мнения, согласно которому хурриты, митанни и урарты представляют один народ и являются лишь представителями различных государственных образований. По мнению Гётце, хурриты стран Наири в IX в. объединились под главенством Сардури, сына Лутипри, и создали Урартское государство, причем имя Лутипри он считает чисто хурритским.

История Передней Азии первой половины II тысячелетия имеет много неясностей, что определяется как характером источников, так и степенью их изученности.

Унгнад³² полагает, что этническим субстратом Передней Азии были не хурриты, а субары, упоминаемые в ассирийских текстах, и что хурриты являлись лишь арийской верхушкой субарского народа, жившего на очень обширной территории. Шпейзер считает хурритскую и субарскую культуры различными, одну — верхнемесопотамской, а другую — периферийной по отношению к первой³³.

Несмотря на существенные различия приведенных теорий, предложенных учеными, работающими одновременно и в области лингвистики и в области древнейшей истории Передней Азии, они имеют одно общее положение, что древние государства Передней Азии — Ассирия и Урарту — выросли на переднеазиатском субстрате. Особого внимания заслуживают работы Моортгата³⁴, подчеркивающего исключительную роль горных народов в образовании культуры Передней Азии, в частности связи ассирийского искусства с искусством горных народов.

В последние годы вопросами древнейшей истории Наири–Урарту занимался Г. А. Меликишвили, написавший большое исследование по этой теме³⁵. Им был привлечен громадный древний письменный материал, детально и критически разобранный, на основании которого он пытался определить этнический состав населения Наири–Урарту и соседних областей. В III и II тысячелетиях, как показал Г. А. Меликишвили, в Передней Азии доминирующую роль играли хурритские племена, которые имели два крупных, объединяющих их центра — Верхнюю Месопотамию (Митанни) и район Ванского озера. Даже на территории Ассирии, где семитизация произошла очень рано, субстратом является определенный хурритский элемент. Урартские племена, без сомнения, относились к хурритской группе, что особенно четко выражается в урартском

³² Ungnad A. Subartu. Berlin; Leipzig, 1936.

³³ Speiser E. A. Ethnic movements in the Near East in the second millenium B. C. // Annual of the American school of oriental research. XIII. 1933. P. 46.

³⁴ Moortgat A. Die bildende Kunst des alten Orients und die Bergvölker. Berlin, 1932.

³⁵ Меликишвили Г. А. Наири–Урарту. Гл. II. К вопросу об этническом составе населения Наири–Урарту и соседних с ним областей (с. 70–147); гл. III. Наири–Урарту до возникновения Урартского царства (с. 148–179). Тбилиси, 1954.

языке, имеющем, как показывают последние работы (Фридрих, И. М. Дьяконов), много общего с хурритским. Несколько другую, обособленную группу составляли племена, жившие в Нагорном Загре и юго-восточных районах Наири.

По мнению Г. А. Меликишвили, в середине II тысячелетия, в эпоху существования Митаннийского государства, основная территория Наири–Урату входила в состав этого крупнейшего политического объединения хурритских племен.

Во второй половине II тысячелетия, еще до разгрома ассирийцами Митаннийского царства в XIII в., от него стали отпадать многочисленные хурритские племена, вступавшие в новые объединения. К таким образованиям следует отнести и Наири–Урату.

Об объединении хурритских племен, называвшихся странами Уруатри, рассказывается в летописи Салманасара I, относящейся ко второй четверти XIII в. Г. А. Меликишвили локализует страны Уруатри верхним или средним течением р. Верхний Заб, т. е. сравнительно ограниченной территорией. По его мнению, именно в этом районе велись интенсивные и продолжительные войны с лулубийцами и другими племенами Нагорного Загра, что оставило глубокий след в урартском языке, где термины *враг* и *лулубей* стали синонимами. Г. А. Меликишвили и рассматривает район верхнего течения р. Верхний Заб как «древнейший центр политической и культурно-религиозной жизни урартских племен»³⁶, перемещение которых на север, в район Тушпы, произошло позднее. Он полагает, что город Мусасир (Ардини) был священным городом урартского народа, жилищем его верховного бога Халди. Вторым древнейшим урартским центром, связанным с богом Тейшебой, был город Кумену, упоминаемый в тексте Ададниари II, совершавшего походы в Наири: «...Я вышел на помощь городу Кумме, принес жертвы перед Ададом Куммейским, моим владыкой. Поселения Хабху, врагов Кумме, я сжег в огне, собрал урожай их страны, дань и подать я усилил и наложил на них»³⁷.

Г. А. Меликишвили являлся за решение труднейших вопросов урартской истории, недостаточно освещенных в ассирийских источниках. Многие из них можно считать уже решенными, но некоторые требуют дополнительных подтверждений и пока не могут быть окончательно приняты. Остаются еще непонятными постоянная обособленность Мусасира от урартского центра Тушпы, самостоятельные царские династии в каждом городе, а также некоторое различие в языке и религии и постоянная борьба за Мусасир между урартами и ассирийцами; помимо этого, неясно, в какой связи находится упоминание «бога города Ардини» и верховного божества урартов — Халди.

Несмотря на то, что можно не соглашаться с решениями некоторых вопросов, еще недостаточно разработанных, общая линия развития древнейшей истории Наири–Урату, представленная в работах Г. А. Меликишвили, должна быть принята. В политической жизни Передней Азии конца X и начала IX в. наблюдается возвышение Ассирии, сопровождаемое походами в различные

³⁶ Он же. К. вопросу о древнейшем очаге урартских племен // ВДИ. 1947. № 4. С. 21; Он же. Мусасир и вопрос о древнейшем очаге урартских племен // ВДИ. 1948. № 2. С. 37.

³⁷ АВИУ. № 21.

области. Особенно усилились походы против хурри-урартских племен Наири и племен Нагорного Загра. Ассирия присоединяет к себе Замуа, Хубушкиа, Кумме, Мусасир. Походы не преследовали грабительских целей. Они способствовали утверждению ассирийского господства в завоеванных районах, установлению регулярных поборов и созданию опорных пунктов — ассирийских крепостей.

Эти постоянные походы ассирийцев в страны Наири сплачивали племена страны для борьбы с врагом. В IX в. образуется одно крупное государство Урарту, в которое вошли не все племена обширного объединения Наири. Самостоятельной страной, в частности, была Хубушкиа, с которой Салманасар III вел войну, называя правителя этой страны «царем страны Наири».

Ассирийские тексты XIII–IX вв. показывают нам постепенное преобразование союза племен Уруатри в государство Урарту как процесс, происходивший на Армянском нагорье, лишая тем самым оснований прежние представления о приходе урартов в центральную часть Передней Азии.

От этого далекого времени мы имеем лишь сведения ассирийских письменных источников, и до сих пор для Армянского нагорья мы не можем выявить комплекс памятников материальной культуры, твердо датируемый серединой и второй половиной II тысячелетия; возможно, что к этому времени должны относиться комплексы памятников, например так называемая расписная керамика, найденная на обширной территории Передней Азии, вплоть до Закавказья, как мы можем судить по получившим широкую известность богатейшим курганам Триалети и Кировакана.

Не случайно и то, что, как установили последние работы американской археологической экспедиции в Ванском районе, расписная керамика частью относится к урартскому времени, а частью предшествует ему.

Несомненно, интересные и чрезвычайно важные результаты даст сопоставление керамики нижнего слоя Топрах-кале с расписной керамикой холма Шамирамалти и крепости Каладжик в том же Ванском районе, а также с материалом из хорошо исследованных древнейших поселений на территории Ассирии (Тепе-Гавра и Арпачия) и в Анатолии (Алишар), давших ряд разновременных культурных слоев, частью точно датированных.

Для изучения культуры Армянского нагорья II тысячелетия, предшествовавшей культуре Урарту, решающее значение будут иметь археологические работы. Но это — дело будущего.

IV

ПОХОДЫ САЛМАНАСАРА III ПРОТИВ УРАРТУ

Середина IX в. в истории Передней Азии характеризуется усилением грабительских войн Ассирии.

Военные успехи Ашурнасирпала снова укрепили пошатнувшуюся было мощь Ассирии и заглушили внутренние противоречия в стране. Покоренные народы подвергались жестокой эксплуатации, на них налагались непомерно тяжелые подати, которые назывались по-ассирийски *мандатту кабитту*, т. е. подать тяжелая. Господство Ассирии в покоренных странах закреплялось огнем и мечом, расправа с некоторыми народами производилась с неимоверной жестокостью.

Но сопротивление в странах, захваченных Ассирией, все возрастало, мелкие племена объединялись в союзы, которые не так легко было покорить. Постепенно на основе этих союзов образовывались государства.

В первой половине IX в. на севере Ассирии возникло Урартское государство, которое в середине IX в. представляло реальное препятствие для ассирийского вторжения в Закавказье.

Ассирийскому царю Салманасару III с самого начала царствования пришлось вести с Урарту решительную борьбу.

Летописи Салманасара III свидетельствуют о том, что поход на север против Ванского царства был снаряжен им уже в I году его правления. В тексте летописи от

имени царя описывается успешное продвижение войска в страну Наири (Хубушкиа) и вторжение в Урарту:

«Я вышел из Ариду, бронзовыми и медными кирками расчистил трудный путь в крутых горах, которые направлены вершинами к небесам, подобно лезвию железного кинжала, привел мои колесницы и войско и подошел к Хубушкии, сжег в огне Хубушкию вместе с сотней поселений ее области. Какиа, правитель Наири, и остатки его войска испугались горечи моего оружия и поднялись на высокие горы; за ними поднялся и я, устроил я в горах большую битву и нанес им жестокое поражение, колесницы, воинов, коней подъяремных вывел я с гор. Ужас и блеск Ашура, моего владыки, поразил их, они спустились вниз, обняли мои ноги, подать и дань наложил я на них. Из Хубушкии я ушел к Сугунии, крепости Араму Урарта, я приблизился, город обложил, захватил я, убил много их воинов, увел добычу, кучу из голов сделал я напротив их города, 14 поселений его области сжег я огнем. От Сугунии я ушел, спустился к морю Наири, мое оружие омыл я в море, жертву принес я моим богам»¹ (АВИУ. № 27).

В 1878 г. на холме Балават, к юго-востоку от Ниневии, в развалинах древнего города Имгур-бел (Имгур-энлиль) были найдены продолговатые бронзовые листы (длиной 1,75 м, шириной 0,27 м)², сплошь покрытые рельефными изображениями, поясненными клинообразными надписями. Эти бронзовые листы оказались обивкой больших деревянных ворот дворца или храма Салманасара III, а изображения — сценами походов первых девяти лет его царствования³.

Большинство этих бронзовых пластин, представляющих исключительные памятники ассирийского искусства, было приобретено Рассамом, передавшим их Британскому музею, отдельные же обломки обивок попали в коллекции Шлumberгера и Клерка.

На одной из обивок имеются иллюстрации к походу Салманасара III против урартов, снаряженному в I год его правления (860 г.). Для ассирийского искусства очень характерна композиция изображений на обивке. Это так называемая повествовательная композиция, в которой передается действие как во времени, так и в пространстве, т. е. на ней представлены связанные события, одновременные и происходившие в различных местах. Изображения помещены в двух полосах, причем рассматривать их надо от нижнего левого угла, где показан укрепленный ассирийский военный лагерь. Из лагеря выступает ассирийское войско — колесницы и пехота, направляющиеся к урартской крепости Сугунии, упоминаемой в анналах.

Далее, в центре нижней полосы, изображено взятие Сугунии. Горящая крепость, расположенная на горе, осаждается с двух сторон. Штурм производится при помощи лестниц, приставленных к стенам. В крепости видны защитники, урартские воины, лучники и копейщики. Над всей сценой пояснительная надпись: «Покорил я город Сугунию, Араму Урартского». Справа от сцены взятия

¹ [Schrader E.] Keilinschriftliche Bibliothek. I. Berlin, 1889. S. 155.

² Анализ бронзы Балаватских ворот см.: VBGAEU. 1891. P. 352.

³ Billerbeck A., Delitzsch F. Die Palasttore Salmanassars II von Balawat // Beiträge zur Assyriologie. VI. I. 1908).

крепости изображена группа пленных урартов, уводимых в ассирийский лагерь. У пленных руки связаны за спиной», а на шею надеты колодки.

В верхней полосе изображен переход ассирийского войска (колесницы, конница и пехота) через три горных перевала к оз. Ван. В левом углу — изображение жертвоприношений. На берегу озера, на скале, высечена стела с изображением царя, перед ней культовые предметы и жертвенники. Жертву приносит сам Салманасар, рядом с ним два жреца, а позади музыканты и жертвенные животные — быки и бараны. Два ассирийских воина бросают в озеро куски мяса. Сверху надпись: «Статую (изображение мое) у моря страны Наири я поставил, жертву богам моим я принес»⁴.

Таким образом, изображения на бронзовой обивке Балаватских ворот представляют собой детальные иллюстрации к вышеприведенному отрывку летописи Салманасара III.

На другой обивке изображено разграбление урартской крепости. Крепость опустошена, защитники казнены, их головы отрублены и сложены у стены, три пленника посажены на кол. Ассирийские воины вырубает деревья, из крепости увозят добычу в большом сосуде, помещенном на четырехколесную повозку, которую тянут люди. Далее изображена битва с урартами, отряды которых отступают в горы. В нижней полосе — взятие урартской крепости и увод пленных.

Первые два года правления Салманасар III был занят главным образом упрочением ассирийского влияния в Северной Сирии, являвшейся ключом к Средиземному морю и к Малой Азии. Тексты особо указывают, что в первый год своего правления Салманасар снарядил экспедиции за строительным лесом в горы Аману и Лаллар⁵.

В 858 г. (III год правления) на обратном пути из похода в Сирию ассирийские войска вступили в страну Алзи и оттуда направились в Урарту.

В тексте черного обелиска из Нимруда уточняется путь ассирийской армии: «При возвращении переступил я границы страны Алзи: страны Алзи, Сухни, Даяни, Тумме, Арзашкун, царский город Араму Урартского, страны Гилзан и Хубушкиа (я покорил)»⁶.

В этом походе важное место занимали взятие урартского города Арзашку (Арзашкуна) и борьба с урартами, во главе которых стоял урартский царь Араму.

Летопись об этом рассказывает: «Вышел из Даяни, к Аразашку, царскому городу Араму Урарта, я приблизился. Урарт Араму испугался горечи моего сильного оружия и сильной битвы и оставил свой город. В горы Аддури он поднялся; за ним поднялся и я, сильную битву устроил я в горах, 3400 воинов поверг я своим оружием, как Адад, тучу над ними пролил я дождем, их кровью окрасил я [гору], как шерсть, его лагерь я захватил, его колесницы, всадников, коней, мулов, лошаков, имущество и богатую добычу привел я с гор. Араму, свою жизнь спасая, убежал на недоступную гору. В моей могучей силе, как тур, раздавил я его страну, поселения превратил в развалины и сжег огнем.

⁴ Никольский М. В. Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России // ДВ. 1. 3. 1893. Табл. XIV.

⁵ [Schrader E.] Keilinschriftliche Bibliothek. I. Berlin, 1889. S. 120.

⁶ АВИУ. № 28.

Город Арзашку и поселения его округа захватил, разрушил и сжег огнем. Кучи из голов устроил я напротив городских ворот. Одних [из людей] живыми свалил я в кучи, а других вокруг куч посадил на кол. От Арзашку я ушел, взшел на гору Эритиа, огромное изображение своего величества я изготовил и записал на нем хвалу Ашуру, моему владыке, а также и победу моего могущества, которую я одержал над Урарту, и поставил на горе Эритиа. Вышел от Эритиа и подошел к Арамали, разрушил, снес и сжег ее города. Я вышел из Арамали и подошел к Занзиуна...⁷ Я спустился к морю страны Наири, грозное оружие Ашура омыл я в море, принес жертвы, сделал изображение моего величества и записал на нем хвалу Ашуру, великому владыке, моему господину, пути моей отваги и славные дела. Я вышел [от морского берега] и подошел к стране Гилзан. Навстречу мне вышел Асау, царь Гилзана, вместе со своими сыновьями и братьями, и я принял от него подать и дань моему величеству — упряжных лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, вино и семь двугорбых верблюдов. Огромное изображение своего величества я изготовил и записал на нем хвалу Ашуру, великому владыке, моему господину, а также победу моего могущества, которую я одержал над Наири, и приказал поставить в его храме внутри города. Я вышел из Гилзана и подошел к Шилайя, укрепленному городу Каки, царя хубушкийского, осадил и захватил город, перебил множество его воинов, полонил 3000 пленных, крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, мулов, лошаков без числа доставил в свой город Ашур. Я вошел перевалом Энзите, а вышел к началу области Арбеллы через перевал страны Куррури»⁸. Таким образом, в тексте отмечается весь путь следования ассирийского войска: Тил-Барсиб — перевал через Суму — Бит-Замани (район современного Диярбакыра) — перевал через Намдану и Мерхису — Энзите — переправа через Арацани — Сухму — Арамали — Занзиун — море Наири — Гилзан — Шилайя, хубушкийский город — перевал Киррури — Арбелла.

В этом маршруте не совсем ясен переход из Гилзана к хубушкому городу Шилайя и далее в страну Киррури. Насколько нам известно, страна Хубушкия была расположена на юг от оз. Ван, в районе р. Бохтан, и отделялась от Гилзана Мусасиром. Возможно, речь идет о неглубоком рейде на восточную окраину этой страны, севернее Мусасира или же южнее. Любопытно также употребление в этом тексте термина *Наири*. Из слов о том, что после захвата урартского города Арзашку и прохода через страну Арамали, соседствующую с центром государства Урарту, Салманасар воздвиг в Гилзане стелу в честь победы над Наири, можно заключить, что этот термин употребляется как обобщающий, включающий в себя ряд стран, группировавшихся вокруг озера Ван.

⁷ В этом месте текст сильно поврежден.

⁸ [Schrader E.] Keilschriftliche Bibliothek. I. Berlin, 1889. S. 167 // АВИУ. № 27. — В другом тексте описывается этот поход по-иному: «Страны, от Энзите до Даяни, от Даяни до Тумме, от Тумме до Арзашкуна, покорил я. Арзашкун, царский город Араму Урарта, я захватил, разрушил, опустошил, сжег огнем. Пока я на Арзашкун шел, собрал Араму Урарт свои войска и вышел мне навстречу, чтобы дать бой. Я разбил его, рассеял его воинов, 3000 его воинов поверг я своим оружием. Его оружие, его царские сокровища, лошадей в большом количестве взял я. Чтобы спасти свою жизнь, скрылся он в горах» (Beiträge zur Assyriologie. VI. 1908. S. 138).

На одной из обивок Балаватских ворот изображены эпизоды похода III года правления Салманасара. В нижней полосе показано приношение дани из приурмийской страны Гилзан. Салманасар в боевом облачении принимает послов покоренной страны. Из крепости, расположенной на берегу озера, гонят стада крупного и мелкого скота, табун коней и верблюдов. Верхняя полоса занята сценой боя ассирийцев с урартами и взятия крепости Арзашку.

В центре верхней полосы изображена горящая крепость Арзашку, подожженная ассирийцами; справа — атака ассирийских колесниц и рукопашная схватка ассирийцев и урартов; слева от крепости дано продолжение сцены битвы и отступления урартов в горы Аддури.

Урартские воины, лучники и копейщики, изображены одетыми в длинные, до колен, рубахи с короткими рукавами, стянутыми широким кожаным или металлическим поясом. У копейщиков небольшие круглые щиты с коническим выступом в центре. На головах урартов надеты небольшие шлемы с гребнем, вероятно, изготовлявшиеся из кожи, на что указывает их форма⁹.

Одежда и вооружение урартских воинов, изображенных на Балаватских воротах, очень близки к хеттским, лишь позднее урарты перешли на ассирийское вооружение.

Поход III года правления Салманасара был совершен в глубь страны Урарту, в то время как поход I года был проведен лишь на ее южные окраины¹⁰.

Во время первого похода ассирийцы направились по труднопроходимым горам в Хубушкию и попали в долину р. Бохтан, а оттуда к урартской крепости Сугунии и затем через три горных перевала к оз. Ван.

Таким образом, Сугуния была, по-видимому, урартской крепостью на границе с Наири, на южном склоне одного из хребтов, расположенных между оз. Ван и р. Бохтан. После взятия Сугунии ассирийцы через горы прошли к южному берегу озера. Оттуда они взяли путь обратно на запад, о чем свидетельствует текст летописи, отмечающий, что на обратном пути в Ассирию Салманасар III получил дань страны Гузана, находившейся в верховьях р. Хабур.

Маршрут похода Салманасара III в Урарту в 860 г. был совершенно иным. Выше указывалось, что ассирийская армия двинулась на Урарту из северной Сирии. Поход Салманасара III в северную Сирию окончился успешно. У Ахуни, правителя Адини, был отобран город Тил-Барсиб, превращенный в ассирийский административный центр и получивший наименование Кар-Шульману-ашаред. Спустившись по Евфрату и переправившись на другой его берег, ассирийцы захватили город, называвшийся хеттами Питру (ассир. Ана-ашур-утир-асбат).

Закончив военные действия на Евфрате, Салманасар III повел свою армию на северо-восток, а затем из Бит-Замани прямо на север. Пройдя страны Намдану, Мирхису и Энзите, перевалив через Таврские горы и переправившись

⁹ Возможно также, что шлемы были деревянные. Геродот (VII, 79), перечисляя народы, участвовавшие в походе Ксеркса, пишет: «Колхи на головах носили деревянные шлемы и имели небольшие сыромятные щиты и короткие копья, а кроме того ножи... Алароды и саспиры шли, вооруженные подобно колхам».

¹⁰ Во время похода 860 г. ассирийцы не встречались даже с основной частью урартских войск во главе с урартским царем.

через р. Арзани (р. Арацани), ассирийцы попали в страну Алзи и прошли оттуда через страны Сухни, Даяни и Тумме к Арзашку, «царскому городу Араму Урартского». Ассирийскому войску пришлось преодолеть трудные перевалы южного и среднего Армянского Тавра. В текстах Салманасара III придается большое значение взятию города, но вместе с тем в них ничего не говорится о покорении страны Урарту¹¹.

Относительно местоположения Арзашку существуют различные мнения. Сэйс утверждал, что он находится к северу от оз. Ван, южнее Малазгирта. Этого же мнения придерживался и Масперо, пытавшийся связать название «Арзашку» с географическими названиями, встречающимися у античных и средневековых писателей¹². Бэрней, обследовавший в 1956 г. древние крепости Ванского района, считает крепость Бостанкая, к северо-востоку от Малазгирта, развалинами Арзашку¹³. Но отнесение Арзашку в район Малазгирта не подтверждается сведениями источников.

Больше оснований имеют те исследователи, которые считают, что Арзашку был расположен в верхнем течении р. Арзани, в районе современного Диядина, несмотря на то что отождествление гор Аддури с Араратом кажется неправдоподобным. Нельзя всерьез принимать и предложенный Я. А. Манандяном¹⁴ маршрут походов Салманасара III, так как им совершенно не учтены данные урартских письменных источников относительно Даяни, локализуемой им к югу от Арацани, тогда как урартские надписи определяют положение этой страны в районе Эрзурума (УКН. № 36 и 37).

Для установления местоположения Арзашку большое значение имеет указание летописи на то, что из Арзашку Салманасар III направился к горе Эритиа, взшел на нее, вступил в страну Арамали и уже оттуда спустился к оз. Ван. Страна Арамали, о которой говорится позднее в текстах Саргона как об Армарили, бесспорно находилась к востоку или северо-востоку от озера. Поэтому следует думать, что Салманасар III вышел именно к северо-восточному побережью озера и оттуда направился в обратный путь в страну Гилзан (западное побережье оз. Урмии), по дороге через современные Сарай и Котур, а затем, возможно, через Келяшинский перевал — в восточную окраину Хубушкии, южнее Мусасира. Таким образом, армия Салманасара обогнула оз. Ван, вышла к его северо-восточному берегу, но не пошла к восточному побережью озера, где позднее (а может быть и в это время) находилась урартская столица Тушпа. Исходя из того, что Арзашку назван в ассирийских текстах «царским городом»,

¹¹ Только две короткие надписи на скалах у истоков Тигра говорят о покорении страны Урарту, но, по-видимому, они относятся к более позднему времени (VBGAЕU. 1900. S. 432), так как в них упоминаются двукратное получение дани из страны Гилзан и три похода в страну Наири (*Lehmann-Haupt. Materialien*. № 21, 23). В надписи у истоков Тигра, помещенной у рельефа, изображающего Салманасара III, рассказывается о покорении города Арзашкун, но не страны Урарту (*Lehmann-Haupt. Materialien*. № 20, 22).

¹² *Maspéro G. Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*. III. Paris, 1899. P. 61. Remarque 4; *Belck W. Beiträge zur Urgeschichte Armeniens // Handes Amsorya*. Wien, 1927. № 11–12. S. 84.

¹³ *Burney C. A. Urartian fortresses and towns in the Van region // Anatolien studies*. VI. 1957. P. 51.

¹⁴ *Манандян Я. А. О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении*. Ереван, 1956. С. 25–39.

обычно полагают, что центр Урарту находился в то время к северу от оз. Ван и лишь позднее был перемещен на место современного города Вана. Но это положение не может быть признано обоснованным, так как ассирийская идеограмма «царский город» вовсе не означает «центральный город», «столицу», ибо в стране, согласно источникам, бывало несколько «царских городов».

По-видимому, Салманасар III уклонился от вступления в центральную часть Урарту, в низменность восточного побережья оз. Ван, и именно поэтому тексты Салманасара III говорят не о покорении страны Урарту, а лишь о взятии Арзашку, «царского города Араму Урартского».

Надпись на крылатых быках (шеду) дворца Салманасара III, касающаяся событий XV года его правления (846 г.), говорит о захвате городов Араму Урартского от истоков Тигра до истоков Евфрата¹⁵. Эта надпись относится к первым шестнадцати годам правления ассирийского царя и дошла до нашего времени в разрушенном состоянии, в ней рассказывается: «В XV год правления я пошел на страну Наири. У истока Тигра я высек изображение моей царственности на скалах гор, где выходит вода, записал на нем победу моего могущества и пути моей отваги. Я прошел перевалом Тунибун, поселения Араму Урартского до истока Евфрата я разрушил, снес, сжег огнем. Я подошел к истоку Евфрата, принес жертву моим богам, оружие Ашура омыл в нем. Асиа, царь Даяни (Даяени) обнял мои ноги. Подать и дань я получил от него, сделал изображение моей царственности и поставил его в городе»¹⁶. В этом тексте скупыми словами рассказывается о трудном пути ассирийцев с перевалом через главный Тавр, но не упоминается о походе ассирийцев в центральную часть Ванского царства. Это указывает на возраставшую мощь Урарту; очень возможно, что Салманасар III отлично видел надвигающуюся с севера опасность, но не имел достаточных сил для ее предотвращения.

Основой политики Салманасара III было закрепление ассирийской власти на подступах к Средиземному морю. Походы на запад с переправой через Евфрат были самыми многочисленными. За тридцать шесть лет царствования Салманасара III, как сообщают нам ассирийские летописи, только четыре года были свободны от походов на запад, так как Ассирия в то время была занята войной с Вавилоном и приурмийскими областями.

В ассирийских текстах отмечаются неоднократные походы Салманасара III против царей хеттов Мелиту (Малатья), Хамата и Дамаска, причем особое внимание в них уделяется победе над коалицией царя Дамаска и 12 хеттских царей во время похода XI года. Салманасару платили дань даже финикийские города Тир, Сидон и Библ (поход XXI года), он ходил и до Киликии (Таре), где получил серебро, золото, железо, а также крупный и мелкий рогатый скот (поход XXVI года). Экспедиции на горы Аману за строительным кедровым лесом были постоянными. Серебро и драгоценные камни доставлялись в Ассирию также из страны Табал (поход XXII года).

В северной Сирии и в восточной части Малой Азии сталкивались интересы Ассирии и Урартского государства, которое всячески противодействовало

¹⁵ Beiträge zur Assyriologie. VI. 1908. S. 150.

¹⁶ АВИУ. № 31.

укреплению ассирийского влияния в этих областях, и мы видим, что в последние годы царствования Салманасару пришлось обратить серьезное внимание на своего северного противника.

На XXVII году правления Салманасар III предпринял поход в Урарту, что отмечено также в списках эпонимов (указывающих важнейшие события по годам)¹⁷. Но на этот раз ассирийское войско повел не сам царь, а его полководец (туртан) Даян-Ашур. На обелиске из Нимруда имеется следующее описание этого похода: «В XXVII год моего правления призвал я мои колесницы и войско и послал их. Поставил я Даян-Ашура, туртана, начальника войска, во главе отрядов и послал их в сторону Урарту. Он спустился к Бит-Замани, перешел перевал Амаштуби и р. Арзани. Сидури, правитель Урарту, услышал об этом, понадеялся на силу своего многочисленного войска и выступил ко мне навстречу, чтобы принять битву. Я сразился с ним и победил его. Трусами его воинов заполнил широкое поле...»¹⁸

Таким образом, путь ассирийцев в Урарту был тем же самым, что и во время похода III года правления.

Ассирийцы двинулись из Бит-Замани, перевалили через горы в стране Энзите и переправились через Арзани. Но дальнейшее их продвижение было остановлено урартским войском, во главе которого стоял царь Сидури (Сардури). Судя по сдержанности сведений летописи о походе XXVII года, можно думать, что успех ассирийцев был невелик, и действительно, через четыре года туртану Даян-Ашуру пришлось снова вести войска на север.

На этот раз, в походе XXXI года правления Салманасара III, путь войска отличался от пути предыдущего похода: «Я направился к Сапарии, укрепленному городу Мусасира, захватил Сапарию вместе с 46 поселениями мусасирцев. Направился я к крепости Урарту, разрушил, опустошил и сжег 50 их поселений»¹⁹.

Таким образом, ассирийские войска вторглись в урартские земли с юга, через Хубушкию, захватив сначала поселения мусасирцев (в горах между озерами Ван и Урмия). Обратный путь Даян-Ашура лежал по побережью озера Урмия, через страны Гилзан и Парсуа, а затем через страну Наири и по реке Нижний Заб. И в этом походе ассирийцы не достигли центра Ванского царства, ограничив свои военные действия лишь его окраиной (рис. 4).

От третьей четверти IX в. дошли и древнейшие из известных нам урартских памятников.

У западного подножия Ванской скалы, цитадели урартской столицы Тушпы, сохранилась стена, сложенная из колоссальных камней, достигающих 0,75 м высоты и до 6 м длины. На камнях стены имеются три одинаковые по содержанию надписи на ассирийском языке, определяющие время ее сооружения именем урартского царя Сардури. Привожу перевод одной из них: «Надпись Сардури, сына Лутипри, царя великого, царя могучего, царя вселенной, царя страны Наири, царя, [который] равного себе не имеет, пастыря [достойного] удивления,

¹⁷ Ungnad A. Eponymen // Reallexicon der Assyriologie. II. S. Berlin, 1938. S. 433.

¹⁸ [Schrader E.] Keilinschriftliche Bibliothek. I. Berlin, 1889. S. 145.

¹⁹ Ibid. S. 149.

не боящегося сражений, царя, склонившего непокорных ему. Сардури, сын Лутипри, царь царей; [от] всех царей подать я принял. Сардури, сын Лутипри, говорит так: я этот известняк из города Альниуну доставил, я эту стену воздвиг»²⁰.

Леман-Гаупт полагал, что урартского царя Сардури, сына Лутипри, следует считать современником Ашурнасирипала II и предшественником Араму, упомянутого в летописях Салманасара III. По его мнению, на это указывает своеобразная титулатура, отличная от более поздней урартской и сходная с ассирийской. Титул «царь страны Наири», также по мнению Леман-Гаупта, говорит о правильности датировки надписи на стене первой половиной IX в.²¹

Леман-Гаупт устанавливает такую последовательность правления древнейших известных нам урартских царей: 1) Лутипри, 2) Сардури I, сын Лутипри, 3) Араму, современник походов I и III годов царствования Салманасара III, 4) Сардури II (Сидури или Седури), современник похода XXVII года царствования Салманасара III и 5) Ишпуини, сын Сардури. При этом Леман-Гаупт замечает, что не исключена возможность отождествления Сардури I с Сардури II, хотя это ему кажется менее вероятным²².

А между тем представляется более вероятным отождествление Сардури, сына Лутипри, с Сардури, упоминаемым при описании похода XXVII года царствования Салманасара III. Доводы Леман-Гаупта, приводимые им в пользу иной датировки, никак не могут быть признаны убедительными. Поскольку надпись Сардури начертана на ассирийском языке, она и передает ассирийскую титулатуру точно так же, как ассирийский текст Келяшинской двуязычной надписи. Кроме того, Ишпуини, сын Сардури, также именует себя «царем страны Наири», и сведения о захвате крепостей и поселений Ишпуини (Ушпина) во время второго похода Шамшиадада стоят в отчете о походе в Наири.

Особый интерес надпись Сардури, сына Лутипри, представляет тем, что по-ассирийски Сардури, так же как и его сын Ишпуини, именуется «царем страны Наири», а не «царем Биайны» (последнее обычно для более поздних урартских надписей). Это обстоятельство, несомненно, связано с тем, что в середине IX в. Урарту, входившее в коалицию стран Наири, заняло главенствующее положение среди других политических образований в районе оз. Ван.

Цитадель Сардури, сына Лутипри, сооруженная у Ванской скалы, представляет еще больший интерес тем, что она доказывает существование урартского центра на месте города Тушпы уже с древнейших времен. В надписи особо указывается, что камень, из которого сложена стена крепости, доставлен из города Альниуну. Леман-Гаупт и Бельк совершенно справедливо возражали Иенсену, считавшему Альниуну древним названием Тушпы, и полагали, что известняк, из которого сложена стена цитадели, отличался от камня других построек в районе Вана, так как был доставлен по озеру издалека (по их мнению, из района современного Малазгирта)²³. Трудно судить о правильности

²⁰ Перевод А. П. Рифтина, приведенный в книге: Мещанинов И. И. Халдоведение // Изв. ООИА. 1927. С. 204–205.

²¹ *Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 21–24.*

²² *Lehmann-Haupt. ClCh. I.* — Примечание к таблице урартских царей.

²³ *Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 19–20.*

установления места разработки камня, из которого сложена стена цитадели Сардури, но совершенно бесспорно, что камень этот привозной. Подобный факт указывает на особое значение строительства в Ванском районе во времена Сардури, сына Лутипри.

Начальный период истории Урартского государства слабо освещен письменными документами, и пока нам неизвестны в районе Вана памятники времени до правления Сардури, сына Лутипри. Г. А. Меликишвили, например, указывает, что, по ассирийским источникам, царем Урарту в 845 г. был Араму, а через двенадцать лет в тех же источниках урартским правителем называется Сардури (Сидури), который, согласно надписи на камнях крепости в Ване, был сыном Лутипри, а не Араму²⁴; в 823 г. в надписях Шамшиадада упоминается уже Ишпуини. Г. А. Меликишвили обращает внимание на то, что с 845 по 823 г., примерно за двадцатилетний период, на урартском престоле сменилось два царя — Лутипри и Сардури; это обстоятельство, полагает он, дает основание считать, что при Араму был другой центр государства. Мысль о перенесении центра Урарту после Араму возникала и у М. В. Никольского²⁵, полагавшего, что древнейший урартский центр находился на территории Закавказья. Г. А. Меликишвили обращает внимание на то, что в первые годы правления Салманасара III Урарту еще не представляло прочного объединения, и высказывает мнение, что после поражения племени Араму главенство в союзе племен могло перейти к другому урартскому племени, вождем которого был Сардури, сын Лутипри, правивший в Тушпе. При этом город стал столицей Урартского государства. Это, по мнению Г. А. Меликишвили, вызывалось также и тем, что Тушпа была одним из древнейших религиозно-политических центров страны, центром культа третьего из верховных божеств урартского пантеона — бога солнца Шивини. Но этот вопрос при состоянии наших знаний не может быть решен. Отнесение трех главных урартских божеств к определенным древним центрам (Халди — к Мусасиру, Тейшебы — к Кумену и Шивини — к Тушпе) представляется весьма проблематичным, во всяком случае урартские письменные источники не дают основания для такого вывода: в Тушпе все важнейшие тексты обращены к Халди, а не к Шивини. Лишь имя Тушпуеа, супруги Шивини, может служить косвенным указанием на связь между именем Шивини и названием города Тушпы.

При Араму Урартское государство было уже обширным, Салманасар III разрушил два города — Сугунию, лежавшую к югу от Ванского озера, и Арзашку — к северо-западу от оз. Урмия, севернее Тушпы. Таким образом, Тушпа входила в состав государства Урарту, и очень возможно, что именно она была главным городом и при Араму, но этот вопрос без новых данных окончательно решен быть не может, так как и от времени Сардури, сына Лутипри, дошел лишь один памятник — крепостная стена со строительными надписями.

Археологический и эпиграфический материалы свидетельствуют о большом строительстве в районе Тушпы, проведенном со времени Ишпуини, сына Сардури. Постройки Ишпуини до нас не дошли, но сохранились отдельные камни

²⁴ Меликишвили Г. А. Наир-Урарту. Тбилиси, 1954. С. 200.

²⁵ Никольский М. В. Клинообразные надписи ванских царей // ДВ. 1. 3. 1893. С. 24.

от колонн с надписями: «Ишпуини, сын Сардури, этот храм построил». Такие камни были обнаружены как в самом Ване, так и в его окрестностях. Шесть камней баз колонн с надписями Ишпуини происходят из сел. Дзевестан, а один из Леска. Кроме того, три надписи Ишпуини на обломках колонн были найдены в сел. Патноц, на северном склоне Сипана.

Ко времени правления Ишпуини следует отнести начало усиления Ванского царства, когда оно стало крупнейшим государством Передней Азии.

Ассирия не могла в то время решительно противодействовать росту Урарту, так как сама была ослаблена не только непрерывными войнами, но и внутренними неурядицами в конце царствования Салманасара III.

Шамшиададу, занявшему ассирийский престол после смерти своего отца Салманасара III, с первых же лет правления пришлось вести военные действия на севере Ассирии. Три года подряд снаряжались походы в Наири, причем во время второго похода ассирийские войска под начальством туртана Муттарис-Ашура вторглись в Наири и захватили много городов и поселений, среди которых упомянуты 11 крепостей и 200 поселений Ишпуини.

Но если сообщенные летописью сведения правильны, то это был случайный успех ассирийской армии. Ассирия в то время начала уступать свое место Ванскому царству.

V

УРАРТУ В КОНЦЕ IX И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VIII века

ИШПУИНИ, СЫН САРДУРИ

Клинообразные надписи на урартском языке известны с конца IX в. Короткие строительные надписи на базах колонн, обычно повторенные на одном камне по несколько раз, содержат имя царя Ишпуини, сына Сардури; другие же, более пространственные надписи о походах или с религиозными текстами содержат два имени — Ишпуини и его сына Менуа, причем царский титул носил только отец¹, что противоречит высказывавшемуся ранее мнению о том, что Ишпуини одно время правил совместно со своим сыном. В надписи на скале у восточных ворот Ванской цитадели, повествующей о возведении культовых ворот для бога Халди, упомянуты Ишпуини, сын Сардури, Менуа, сын Ишпуини, и Инушпуа, сын Менуа².

Такое упоминание в надписях двух имен, а в одном случае даже трех, непонятно. Г. А. Меликишвили полагает, что Ишпуини в надписях упоминал имя своего сына Менуа для того, чтобы упрочить его на урартском престоле³. Но, кроме Менуа, он имел

¹ См. надписи Келяшина (УКН. № 19) и Ашрут-Дарга (УКН. № 25).

² УКН. № 18.

³ Меликишвили Г. А. Наирн-Урарту. Тбилиси, 1954. С. 203.

еще другого сына, Сардури, вероятно старшего, так как тот носил имя деда. В тексте Саргона о взятии Мусасира рассказывается о бронзовой статуе Сардури, сына Ишпуини, и о бронзовых статуях быка и коровы с теленком, отлитых по его приказанию⁴. Но в урартских клинописных источниках имя Сардури не упоминается, возможно, что он при Ишпуини был наместником Мусасира.

В текстах военного содержания, дошедших от этого времени, отмечаются три основных пути урартских походов: в горные районы, к юго-востоку от столицы Урарту Тушпы, на южное побережье оз. Урмия и на север, в сторону Закавказья.

В конце IX в. усиливается Ванское царство и значительно расширяются его границы. Урарты начали прочно осваивать территорию между озерами Ван и Урмия. Келяшинская двуязычная клинообразная надпись (на ассирийском и урартском языках)⁵ свидетельствует о подчинении Ванскому царству города, названного в ассирийском тексте Мусасиром, а в урартском — Ардини. Этот город, находившийся в хорошо защищенной естественными условиями горной местности к юго-востоку от оз. Ван⁶, позднее служил защитой Урарту с юга и имел большое значение во время войн Урарту с Ассирией.

Вторым районом, куда направлялись урартские походы, было южное побережье озера Урмия. В надписях отмечается покорение страны Баршуа (ассир. Парсуа) к югу от Мана и города Меишта (УКН. № 29). В одном из текстов указывается также численность войска, направленного на юг от Урмии, перечисляется 106 колесниц, 9174 всадника и 2704 пехотинца⁷. Таким образом, уже в конце IX в. урарты овладели приурмийским районом, который на долгое время (вплоть до VII в.) стал яблоком раздора между Ассирией и Урарту.

Третий путь урартских походов лежал на север, в сторону Закавказья. В четырех надписях Ишпуини и Менуа (УКН. № 20–23), три из которых были обнаружены в центре Урарту, около Вана, а одна — около Алашкерта, рассказывается о набеге племен Уитерухи, Луша и Катарза⁸ (в тексте перед названиями стоит детерминатив лица или племени, а не страны). Эти племена из долины Аракса доходили до города Анаше (Алашкерта), перевалив Средний Армянский Тавр, который при Ишпуини и Менуа был северной границей Урартского государства. По-видимому, эти военные действия очень беспокоили урартского царя, и для отпора вторгшемуся врагу на север было направлено войско, состоявшее из 66 колесниц, более тысячи всадников (в надписи число полностью не сохранилось) и 15 760 пехотинцев.

В одной из указанных надписей (УКН. № 20) отмечается, что на помощь племенам Уитерухи, Луша и Катарза пришли подкрепления царей страны Эти-

⁴ АВИУ. № 49.

⁵ Надпись была открыта Шульцем еще в 1829 г. и издавалась неоднократно. Перевод текста и сопоставление ассирийской редакции с урартской см.: *Götze A. A. Zur Kelischin-Stele* [ZA. V. 1–3. 1929. S. 99–128 (УКН. № 19)]; *Tsereteli M. Etudes ourarteennes* // RA. XLVII. 3. 1953. P. 131.

⁶ Об установлении местоположения города Мусасира и одноименной с ним страны см. в главе VII.

⁷ Стела из Харакониса (УКН. № 24).

⁸ *Мещанинов И. И.* Халдская надпись из села Гюсенц // ДАН-В. 1930. С. 32; *Он же.* Новая халдская надпись из Вана, Сурб-Погос // ДАН-В. 1930. С. 143.

ухи; это давало основание считать, что враги пришли из-за Аракса. Такое предположение подтверждается и более поздними текстами. Так, в надписи Аргишти в Ване (CICH, 112) вместе с этими тремя странами называется еще Эриахи, страна, расположенная к северу от горы Арагац, а в Хорхорской летописи Аргишти страна Катарза упоминается наряду с Этиуни, Эриахи и Ишкиглу, отнесение которых к Закавказью не вызывает сомнений и подтверждается надписями в Эларе и Ганлидже.

Урарту в конце IX в. выступает уже как государство, имеющее крепкую центральную власть. Это нашло отражение и в религии. Надпись Мхери-дур (Мхеркапуси, CICH, 18), содержащая перечень жертв урартским божествам, дает нам целый пантеон богов (прежде богов отдельных племен), во главе которых стоят боги центральной части страны — Халди, Тейшеба и Шивини.

У Ишпуини пышный царский титул (Келяшинская стела): «Царь могучий, царь страны Шура, царь страны Биайна, правитель города Тушпы». В ассирийском тексте этой же стелы мы читаем: «Царь великий, царь могучий, царь вселенной, царь страны Наири, правитель города Тушпы». Параллельные тексты Келяшинской стелы дали основание сопоставить урартский титул «царь страны Шура» с ассирийским «царь вселенной» (*ŠAR kiššāti*), а «царь страны Биайна» — с ассирийским «царь страны Наири»⁹.

МЕНУА, СЫН ИШПУИНИ

Со вступлением на престол царя Менуа (Минуа)¹⁰ (около 810 г.) начинается период наивысшего могущества Ванского царства, длившийся около семидесяти лет. За это время Урарту становится крупнейшим государством Передней Азии.

В Урарту проводится усиленное строительство, особенно в центральной части царства. С именем Менуа связано более сотни клинообразных надписей, во многих из них говорится о строительных работах, проведении каналов. По всей вероятности, именно к этому времени относится окончание возведения стен Ванской цитадели. На скале у восточных ворот (Тавризских) сохранилась клинообразная надпись (УКН. № 18), содержащая имена Ишпуини и его сына Менуа.

Кроме укрепления цитадели столицы, были возведены также крепости, защищавшие подступы к Тушпе. В надписях рассказывается о построении крепостей на северо-восточном побережье оз. Ван (УКН. № 65–67). Крепость мощ-

⁹ *Lehmann-Haupt*. CICH. I. S. 30. — В книге крупного историка по средневековой Армении Я. А. Манандяна «О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении», вышедшей посмертно без научной редакции, на основании созвучия слово *Шура* сопоставляется с названием местечка Шора на южных склонах Аладага, отмеченного на десятиверстной карте Кавказского генерального штаба.

¹⁰ Фонетическое дополнение *i* после *me-* в имени Менуа (*me-i-nu-a*) указывает на то, что это имя следует читать: Минуа.

ной циклопической кладки была возведена на высоком холме у сел. Анзав (в 1,0 км северо-восточнее Вана), откуда происходят две клинообразные надписи Менуа (УКН. № 71 и 88) о строительных работах. С этой крепостью была связана другая крепость, развалины которой сохранились у сел. Хараконис, и, вероятно, прав Леман-Гаупт, считавший эти крепости звеном целой цепи укреплений, идущих от Ванской низменности на восток, соответственно древнему пути: Ван — оз. Арчак — Сарай — Хой и дальше¹¹.

Но кроме этих крепостей Менуа возвел большие укрепления в северной части своей страны, в районе Малазгирта (УКН. № 73), которая была исконной территорией Урарту, а также и в присоединенных землях. О постройке таких крепостей, служивших опорными пунктами и базами для дальнейших походов, рассказывается в надписях Гассан-кала (УКН. № 69) и Делибаба (УКН. № 68) в Эрзурумском районе.

Во многих областях Урарту были возведены дворцы и храмы, о которых мы узнаем из надписей. Все эти постройки Менуа давно уже разрушены, и камни из них, возможно, не раз служили материалом для более поздних построек. Но канал, по которому вода подходила к Тушпе, существует до настоящего времени. Современное население Ванского района называет его «каналом Шамирам» и связывает его название с именем царицы, матери ассирийского царя Ададнирари III, в период правления которой он был создан. Моисей Хоренский приписывает ей постройку города Вана с великолепными зданиями, украшенными разноцветными камнями. И теперь еще в Армении живут легенды об этой ассирийской царице.

«Канал Шамирам», по которому поливная и питьевая вода подводилась к городу Вану (озерная вода — соленая), берет свое начало от мощного родника в 5 км к югу от р. Хошаб, причем общая его протяженность достигает 70 км. Через р. Хошаб вода канала переводится по мосту, сложенному из стволов деревьев, сохранившему, вероятно, несмотря на неоднократные ремонты, свою древнюю форму. В низменных местах русло канала идет по кладке, достигающей иногда 10–15 м высоты. Эти стены сложены из огромных неотесанных каменных глыб. В кладке сохранились камни с клинообразными надписями (УКН. № 43–56), в которых сооружение этого канала приписывается Менуа, сыну Ишпуини, поэтому при жизни последнего канал назывался «каналом Менуа»¹².

Большие ирригационные работы проводились в это время и в других частях территории Урарту: на северо-восточном побережье оз. Ван (УКН. № 57), в районе Арджиша (УКН. № 58), а также в окрестностях Малазгирта (УКН. № 59–61), где канал, доходивший до «долины Менуа», также носил имя урартского царя.

Наряду с большими строительными работами в центральной части Урарту Менуа продолжал начатое его отцом укрепление и расширение Ванского цар-

¹¹ *Lehmann-Haupt C. F. Armenien einst und jetzt. Berlin. II. I. 1926. S. 38.* Далее: *Lehmann-Haupt. Armenien. II. I.* — К этой же цепи укреплений относится и урартская крепость Ашотакерт (Ашрут-Дарга) около Салхана.

¹² *Lehmann-Haupt. Armenien. II. I. Kapitel XXI. Der Menuas-Kanal.*

ства, причем в надписях он титулуется: «Царь могучий (taraie), царь великий (alsuinie), царь страны Шура, царь Биайны, царь царей, правитель города Тушпы» (надпись из Малазгирта, СICh, 64).

Территория Урарту времени царствования Менуа, по имеющимся данным, обрисовывается хорошо, но при этом надо постоянно учитывать крайнюю неустойчивость и изменчивость границ государства, что свойственно всем государствам Древнего Востока.

В состав Ванского царства в начале VIII в. входили страны Мусасир и Мана в приурмийском районе и страна Наири, занимавшая южное и юго-западное побережья оз. Ван и граничившая с Ассирией. Так, в одной из надписей, обнаруженных в Ване (УКН. № 28), рассказывается о том, что войско Менуа доходило до границ Ассирии и страны Хати в северной Сирии, прочно освоив территорию долины р. Арацани (р. Мурат) от оз. Ван и до западной излучины Евфрата. В надписи Менуа, обнаруженной в Муше (УКН. № 40, 41), упоминаются город Кулмери, хорошо известный по ассирийским источникам, и страна Урме (Урмеухи), которая при Сардури II носила название Арме.

На западе урарты достигли Евфрата у Малатии. Это отмечается в надписи из Палу (УКН. № 39) на р. Арацани, в которой рассказывается о покорении страны Цупани (арм. Цопк) и переправе через р. Евфрат во время похода до страны Хати. По-видимому, побережье Арацани, где были расположены страны, упоминавшиеся и в хеттских текстах, было уже прочно освоено урартами, которые сами назначали наместников — правителей областей (УКН. № 42).

В западных районах Ванского царства производились лишь разведочные археологические работы¹³, и отсюда мы имеем главным образом отдельные клинообразные надписи, основной источник наших сведений. У селений Палу и Багин имеются урартские крепости, причем около последнего в кладке крепостной стены была обнаружена урартская клинообразная надпись¹⁴.

Будущие археологические работы в районе между верхним течением Евфрата и Муратом, несомненно, откроют много археологических памятников и в первую очередь крепостей, которые строились во время походов урартов.

На северо-западе урарты, перейдя р. Аракс, достигли богатой страны Диауехи (см. Даяни)¹⁵, что подтверждается надписью из сел. Зивин (УКН. № 36), рассказывающей о захвате города Шашилу¹⁶, названного в надписи Языли-таш (УКН. № 37) царским городом большой страны Диауехи, за обладание которой шла постоянная борьба между Ассирией и Урарту.

По отношению к северным областям, в частности к Закавказью, Менуа продолжал политику Ишпуини, и походы на север с переправой через Аракс, вероятно, не были редкими.

Для закрепления этих завоеваний Менуа создал на правом берегу Аракса, у современного сел. Ташбурун (на северном склоне Арарата) свой администра-

¹³ *Huntington F.* Weitere Berichte über Forschungen in Armenien und Kommagene // ZE. 1901. S. 173–209.

¹⁴ *Lehmann-Haupt C. F.* Über neugefundene Menuas-Inschriften // VBGAEU. 1900. S. 572–574.

¹⁵ *Меликишвили Г. А.* Диауехи // ВДИ. 1950. № 4. С. 26–42.

¹⁶ *Мещанинов И. И.* Надпись Менуа из Зивина // ДАН-В. 1931. С. 69; см. также: *Церетели Г. В.* Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939. С. 43.

тивный центр. Урартская крепость была построена на месте захваченного города Лухиуни, резиденции местного правителя Иркуа (Ирекуа, Ерикуа).

Важное стратегическое значение этого пункта подчеркивается также неоднократными упоминаниями его в урартских эпиграфических памятниках. Так, сведения о захвате города Лухиуни и победе над Иркуа имеются в шести надписях (УКН. № 30 — 35), три из которых обнаружены около Ташбуруна.

Одна из урартских надписей, открытых около Ташбуруна, содержит следующий текст: «Богу Халди, владыке, этот величественный храм Менуа, сын Ишпуини, построил, крепость величественную построил, установил ее имя — Менуахинили» (УКН. № 70). Это нередкий случай, когда вновь выстроенной крепости (в ассирийской клинописи эта идеограмма означает также дворец) было присвоено имя урартского царя.

В 1893–1894 гг. в районе Ташбуруна А. А. Ивановский по поручению Московского археологического общества произвел в нескольких местах раскопки¹⁷. Им были обследованы остатки большого поселения, где проведенные работы открыли остатки зданий, значительно перестроенных в средневековый период, когда на этом месте находился армянский город Цолакерт, и пяти крепостей, защищавших это поселение с юга и запада.

А. А. Ивановский обратил внимание на то, что керамический материал из раскопок в Ташбуруне оказался очень близким к материалу из закавказских могильников, в частности из каменных ящиков, раскопанных им же в Азербайджане¹⁸.

Все клинообразные надписи, известные в окрестностях Ташбуруна, были открыты до раскопок. Надпись, текст которой был приведен выше, была найдена в развалинах крепости Башбулах, близ селения того же названия, в пяти километрах от Ташбуруна.

Одна надпись (УКН. № 31) на камне от строения, согласно сведениям, сообщенным местными жителями, найдена близ древнего поселения, где раскопками 1893–1894 гг. была открыта группа зданий. В надписи рассказывается о взятии города Лухиуни, покорении местного правителя Иркуа, а также об урартских строительных работах (постройке крепости и «ворот бога Халди»).

Большая наскальная надпись (УКН. № 30) была открыта в горном ущелье, где находились две небольшие крепости, обследованные А. А. Ивановским. Надпись содержит сведения о покорении страны Ерикуа[хи] и города Лухиуни. Заканчивается она формулой проклятия разрушителям надписи.

Район Ташбуруна, несомненно, имел для урартов большое стратегическое значение, и сооруженные там укрепления служили базой для дальнейшего движения урартов на север, за Аракс.

М. В. Никольский в комментариях к опубликованным им ташбурунским надписям с полным основанием писал: «...Найденные в этих развалинах клинообразные надписи проливают свет на то значение, какое имела эта местность за восемь веков до Р. Х., что именно она была для ванских царей ключом

¹⁷ Никольский М. В. Клинообразные надписи Закавказья // МАК. V. 1896. С. 21.

¹⁸ Ивановский А. А. По Закавказью // МАК. VI. 1911. С. 45.

к Эриванской равнине, что здесь впервые стал твердою ногою первый из ванских царей, проникший в долину Аракса, Менуа»¹⁹.

АРГИШТИ, СЫН МЕНУА

В начале VIII в. Ванское царство начинает занимать главенствующее положение в северо-восточной части Передней Азии. Расширение его границ, особенно на западе, овладение средним течением Евфрата и продвижение в северную Сирию представляли для Ассирии серьезную опасность, так как это вторжение урартов перерезало пути сношений с Малой Азией.

Ассирия выступила на решительную борьбу с Ванским царством. В списках событий по годам из десяти лет правления ассирийского царя Салманасара IV шесть (781–778, 776 и 774 гг.)²⁰ были заняты походами «в страну Урарту», причем в 774 г. упоминаются походы в город Нисибин и в страны Урарту и Наири.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют с полной уверенностью решить вопрос, относятся эти сведения ассирийских эпонимов к последним годам царствования Менуа или уже к началу правления его сына Аргишти. Второе предположение кажется более вероятным.

Леман-Гаупт приобрел в Мосуле обломок камня с ассирийской надписью²¹, происходящей из района Дехока, где находился перевал Андарутта, через который мимо гор Тас шел путь на Мусасир и далее, по р. Верхнему Забу, к Тушпе. В тексте, очень трудном для понимания, говорится о битвах ассирийцев под начальством туртана Шамшиилу с урартами, причем в тексте упоминается имя Аргишти.

Шамшиилу был одним из самых известных ассирийских туртанов, ставшим впоследствии наместником западных областей Ассирии (Тил-Барсиб); его имя встречается, в эпонимах 780, 770 и 752 гг. При раскопках древнего города Тил-Барсиба, в северной Сирии, во дворце наместника были открыты две статуи львов с вырезанными на них ассирийскими надписями, повествующими также о победах Шамшиилу над царем Урарту Аргишти²². В тексте мы читаем: «Когда Аргишти урарт, чье название страшно, как тяжелая буря, чьи силы обширны, кто ни к кому из прежних царей не простирал свою руку, возмутившись, [людей] страны гутиев (архаичная форма слова *урарты*. — Б. П.) свел в отряды (?), стал готовить войну, все войско его среди гор подвигалось к сближению... Шамшиилу, туртан, великий глашатай, настоятель храмов, начальник обширного войска, среди этих гор укрепил своих воинов. Среди великого грома музыкантов ополченного оружия, что ревет, словно море, он повеял, как буря. Своих буйных упряжных жеребцов он пустил летать над ними, точно Зу (мифическая птица бури. — Б. П.), и нанес ему поражение. И покинул он свое войско, его рассеянные полки ужаснулись битвы. Как грабитель, я похи-

¹⁹ Никольский М. В. Клинообразные надписи Закавказья // МАК. V. 1896. С. 21.

²⁰ Ungnad A. Eponymen // Reallexikon der Assyriologie. II. Berlin, 1938. S. 5, 430.

²¹ Lehmann-Haupt. Materialien. № 25. S. 45; Lehmann-Haupt. Armenien. II. I. S. 374; АВИУ. № 37.

²² Thureau-Dangin E., Dunand M. Til-Barsib. Paris, 1936. P. 141; АВИУ. № 38.

тил у него его лагерь, его царские сокровища упустила (?) его рука, а моя захватила». В надписи не указывается, где эта битва происходила, но возможно, что рассказывается о той же битве, о какой говорится в тексте на камне из Дехока, которая произошла в горах, у северных границ Ассирии.

Аргишти, сын Менуа, вступил на престол²³ в тяжелое для Урарту время, с первых же лет царствования ему пришлось вести борьбу с Ассирией, но из этой борьбы Аргишти, в конце концов, вышел победителем.

Ценнейшим источником для изучения политической истории Урарту времени Аргишти являются его летописи. Одна из них, высеченная на юго-западной стороне Ванской скалы и известная под именем Хорхорской, была издана Сэйсом по копии Шульца, снятой в 1828 г. Второй текст летописи оказался на двух камнях, обнаруженных Лэйардом в церкви Сурб-Саак в Ване.

Первая попытка сопоставления этих двух летописей была предпринята Бельком в 1901 г.²⁴ В последнее время эти летописи снова привлекли внимание исследователей, Н. В. Арутюнян дал новый перевод Хорхорской летописи²⁵, а Г. А. Меликишвили²⁶ работал над сопоставлением обоих текстов летописей (УКН. № 127, 128), решив восстановить структуру летописи, установить хронологическую последовательность сообщаемых в ней сведений и извлечь материал по вопросу о времени и продолжительности царствования Аргишти I.

Хорхорская летопись в семи столбцах клинописного текста, высеченного на поверхности скалы, рассказывает о событиях тринадцати лет царствования Аргишти I, но первый столбец, как видно по его содержанию, не является началом надписи, и ему должен был предшествовать текст, излагавший более ранние события.

По описанию, приведенному Леман-Гауптом, первые три столбца находились над лестницей, ведущей с вершины скалы, а слева от них, непосредственно перед первым столбцом, имеется вырубленная ниша²⁷, в которую, вероятно, была вставлена стела из другого камня с началом летописи, а возможно, и изображение урартского царя.

Остальные четыре столбца летописи расположены на площадке по сторонам входа в помещение, высеченное в скале. Над входом сохранились остатки надписи, которая, как указал Бельк, по форме знаков отличается от текста летописи и, вероятно, к ней не относится.

Исследователи, публиковавшие текст Хорхорской летописи по эстампам без учета самого памятника, приводят различную, часто произвольную нумерацию столбцов. Мною принята нумерация столбцов, данная в своде «Урартские клинообразные надписи»²⁸.

²³ Судя по надписи у Тавризских ворот Ванской крепости, старшим сыном Менуа и престолонаследником был Инушпуа, имя которого встречается в урартских клинописях только один раз.

²⁴ *Belck W. Mittheilungen über armenische Streitfragen* // VBGAEU. 1901. S. 298–300.

²⁵ *Арутюнян Н. В. Хорхорская летопись Аргишти I* // ЭВ. VII. 1–953. С. 81–119; *Он же. Хорхорская летопись Аргишти I, царя Урарту: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. ЛГУ. 1951.*

²⁶ *Меликишвили Г. А. Наир-Урарту. Тбилиси, 1954. С. 205–210.*

²⁷ *Lehmann-Haupt. Armenien. II. I. S. 120–122.* — Там же приведена схема расположения столбцов.

²⁸ УКН. № 27. — В этом издании текст над входом в помещение опубликован как столбец VII, в публикации Н. В. Арутюняна он отсутствует как не относящийся к летописи.

Разделить текст Хорхорской летописи на сведения по годам не представляет труда, так как в конце рассказа о походах за год стоит стереотипная фраза: «Аргишти говорит: для бога Халди я эти подвиги за один год совершил». Но вместе с тем совершенно ясно, что летопись не охватывает все время правления Аргишти I. Остается неизвестным, за сколько лет события описаны в несохранившемся начальном столбце, да и последний столбец явно не относится к концу царствования Аргишти I.

Хорхорская летопись существенно дополняется текстом на двух камнях из церкви Сурб-Саак в Ване. Эти камни являются частями крупной стелы, сплошь покрытой клинописью на широких гранях, лицевой и оборотной, и имевшей текст в верхних частях боковых граней. Обломки стел не сходятся вместе, между ними имеется большой разрыв (примерно в пять годовых описаний событий), кроме того, отсутствует и нижняя часть памятника. Один из обломков имеет закругленный верх, так что в нем нетрудно узнать верхнюю часть стелы, и действительно, там высечена обычная для памятников этого рода начальная фраза: «Богу Халди, владыке, эту надпись Аргишти, сын Менуа, воздвиг...» и далее: «Могуществом бога Халди, по велению бога Халди, когда Халди Аргишти, сыну Менуа, дал царство, воссел он на отцовское место» (УКН. № 128, Д 3). На событиях I года царствования текст обрывается. Некоторые части летописи на стеле полностью совпадают с Хорхорской летописью (УКН. № 127, II, строки 25–41 = № 128 А 2; № 127, IV, строки 24–74 = 128 В 2 и 127 V, 80–VI, 6 = 128 А 4, 13–26). Эти сопоставления дали Г. А. Меликишвили основание восстановить весь текст летописи Аргишти I, но все же говорить о полной идентичности текста Хорхорской летописи и летописи на стеле не приходится, так как последняя никак не могла бы вместить такой громадный текст (значительно более 295 строк Хорхорской летописи). Реконструкция текста стелы, с учетом недостающих строк, выполненная Г. А. Меликишвили²⁹, вызывает большие сомнения из-за общего количества строк. Если стела действительно содержала бы до 250 строк на каждой стороне, то она должна была принять форму, совершенно не встречавшуюся в урартском монументальном искусстве, и тогда высота стелы в восемь раз превышала бы ее ширину. Разумеется, число недостающих строк в реконструкции следует значительно уменьшить, а это значит, что на стеле, установленной, по-видимому, позже Хорхорской летописи, изложение некоторых событий давалось в сокращенном виде. Последовательность изложения событий на разных сторонах камней из церкви Сурб-Саак отвергает предположение о том, что камни принадлежат не одной, а двум стелам. Как выясняется, текст на стеле был высечен в следующей последовательности: сначала на широкой лицевой стороне, затем на широкой оборотной и далее на боковых гранях, левой и правой.

Трудно сказать, описания скольких лет отсутствуют на обоих памятниках. Г. А. Меликишвили полагает, что остаются неизвестными походы Аргишти первого или первых двух лет его царствования. Таким образом, текст Хорхорской летописи заканчивается описанием XIV или XV года царствования Аргишти I, но на стеле, по мнению Г. А. Меликишвили, имелись описания собы-

²⁹ Меликишвили Г. А. Наир-Урарту. Тбилиси, 1954. С. 209.

тий последующих восьми лет, так что вся летопись охватывала двадцать три года, т. е., вероятно, полностью царствование Аргишти. Приведу обзор событий по сводной летописи, предполагая, что в дошедшем до нас тексте отсутствует лишь описание походов одного года правления.

Во второй год своего царствования Аргишти отправился в поход на север, в страну Диауехи, оттуда в страну Забахас, затем в область города Макалтуни страны Игани (район оз. Чилдыр) и в страну Эриахи (к северу от современного Ленинакана). В записях на стеле поход в Диауехи описан значительно подробнее: царь Диауехи выплатил Аргишти дань в размере 41 мины золота, 37 мин серебра, нескольких десятков (цифра не сохранилась) тысяч мин меди, тысячи верховых лошадей и большого числа крупного и мелкого рогатого скота. Кроме того, на Диауехи была наложена ежегодная дань, состоящая из золота, 10 тыс. мин меди, лошадей и рогатого скота.

В третий год урартские войска были также направлены на север, в страну Абилианихи, лежащую на Араратской низменности, южнее Эриахи, и в прилегающие к ней страны. В том же году состоялся поход и в приурмийский район, в страны Умелу, Уриани, Иркуини и др.

В четвертый год Аргишти повел свои войска в северную Сирию против страны Хати, завоевал долину страны Нириба и победил страну царя Хиларуади (Мелиту).

В пятом году урарты завоевывали Севанский район (текст восстанавливается по стеле). Был покорен город Киехуни на берегу озера, и войска дошли до города Алишту. В том же году Аргишти совершил еще один поход (вероятно, также на территорию Закавказья).

В шестом году состоялась встреча урартского войска с ассирийским. Летопись под этим годом отмечает также походы в приурмийский район. Возможно, встреча урартов с ассирийцами произошла на северной границе Ассирии.

В седьмом году Аргишти снова воевал с ассирийцами и, по словам летописи, «отбросил Ассирию». Борьба с ассирийцами происходила, по-видимому, в том же районе, что и в предыдущем году, так как далее упоминается поход в страну Бушту, хорошо известную по ассирийским источникам, расположенную по соседству с Баршуа (приурмийский район).

Восьмой год также был занят военными походами в район оз. Урмия. В летописи упоминается победа над странами Мана и Бушту.

Эти упорные военные действия в приурмийском районе продолжались и в девятом году. Летопись от имени Аргишти рассказывает: «Величием бога Халди выступил я на страну Мана, завоевал я страну Иркиуни, дошел (?) я до гор (?) Ассирии». Вероятно, Ассирия противодействовала продвижению урартов на юго-восток и поддерживала страны приурмийского района. Этим объясняется необходимость повторных походов в покоренные страны. Из летописи видно, что и в десятом году Аргишти снова побеждал страны Мана и Бушту.

В одиннадцатом году Аргишти провел большие строительные работы в Араратской равнине, он построил город Аргиштихинили, ставший крупным административно-хозяйственным центром южного Закавказья, и отвел канал для страны Азы. В том же году манейцы вторглись на территорию Урарту, но были отброшены.

В двенадцатом году, согласно летописи, Аргишти совершил поход в долину страны Туарацини до страны Гурку, занимался работами по расширению ирригации и направил карательные отряды в Мана и Бушту.

В тринадцатом году восьмой раз подряд направлялись урартские войска в приурмийский район, где была покорена страна Мана, а затем в том же году состоялся поход в Закавказье против стран Эриахи, Катарза и Ишкигулу.

В четырнадцатом году, последнем, по Хорхорской летописи, был совершен поход в горную страну Тариуни, а затем в страну Урме, лежавшую в районе Сасунских гор.

В надписи на правой боковой грани стелы на церкви Сурб-Саак рассказывается о победе Аргишти над Утупуршини, царем страны Диауехи, и над страной Абнулуани.

Последние сведения Г. А. Меликишвили условно относит к девятнадцатому году царствования Аргишти³⁰.

Как видно из приведенного перечня событий, основное внимание Урартского государства было направлено на укрепление своей власти в приурмийском районе и в южном Закавказье, в Араратской равнине. В приурмийском районе урарты встречали сильное сопротивление местных стран, которые получали поддержку от Ассирии. Подчинение Закавказья было более легким делом, и, прочно обосновавшись там, урарты создавали свои административно-хозяйственные центры и проводили большие работы по улучшению ирригационной системы. Это особое внимание к Закавказью подтверждается и тем обстоятельством, что из девятнадцати известных надписей Аргишти, сына Менуа, двенадцать найдены на территории Армянской ССР.

В пятый год правления Аргишти, согласно летописи, в Закавказье был построен город Эребуни (Иребуни) и в него были переселены пленные из стран Хати и Цупани, захваченные, по-видимому, в предшествующем году. Местоположение города удалось твердо установить при помощи строительной надписи. В 1950 г. на холме Арин-берд, на южной окраине Еревана, была обнаружена надпись следующего содержания: «Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, эту могущественную крепость (в тексте идеограмма), означающая в ассирийских надписях «дворец». — Б. П.) построил; установил ее имя Эребуни (с детерминативом «город». — Б. П.) для могущества страны Биайни и для устрашения вражеской страны. Аргишти говорит: земля была пустынной, могучие дела я там совершил. Величием бога Халди, Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь страны Биайни, правитель города Тушпы»³¹.

Холм Арин-берд (Ганли-тапа) стал известен после того, как там был найден в 1893 г. камень с клинописью Аргишти, сына Менуа, обследован тогда же А. А. Ивановским, опубликовавшим схематический план древних стен, сохранившихся на вершине холма³².

³⁰ Меликишвили Г. А. Наир-Урарту. Тбилиси, 1954. С. 222.

³¹ УКН. № 138; Оганесян К. Арин-берд (Ганли-тапа) — урартская крепость города Ирпуни // Изв. Акад. наук АрмССР. 1951. № 8. С. 75–87; Израелян М. А. Две новые урартские надписи // Изв. Акад. наук АрмССР. 1951. № 8. С. 98–99.

³² УКН. № 139; Никольский М. В. Клинообразная надпись из Ганли-тапа около Эривани // ДВ. II. 1894.

В результате систематических раскопок Арин-берда в 1950 г. были открыты урартские постройки, в частности помещение, украшенное росписями, и небольшой храм (*суси*), у входа в который в 1956 г. были найдены две посвященные надписи Аргишти богу Иуарше³³.

Город Эребуни был крупным военно-административным урартским центром в Закавказье, его цитадель имела богатые помещения дворцового типа. Возможно, она являлась и временным местопребыванием Аргишти, когда он руководил военными действиями в Закавказье. В ее кладовых хранились богатства, которые после потери городом Эребуни своего положения были перевезены в другие центры. Так, в Тейшебаини (Кармир-блур), крепости середины VII в., найдены бронзовые щиты с посвячительной надписью Аргишти I, указывающей на то, что щиты были изготовлены для Эребуни. Один из этих щитов богато украшен изображениями быков и львов, помещенных в концентрических полосах.

Крепость Эребуни служила базой для урартских войск. Отсюда снаряжались походы в район оз. Севан. Путь к озеру шел по р. Раздан (Занга) и отмечен двумя надписями Аргишти I.

Около сел. Элар, расположенного вверх по Раздану, примерно в 15 км от Еревана, еще в 1862 г. была открыта клинообразная надпись Аргишти, сына Менуа.

Клинопись вырезана на громадном камне неправильной формы, находящемся на краю ущелья, против сел. Элар. Между селением и камнем с надписью находится холм с развалинами древней крепости и обширным поселением вокруг нее. В надписи рассказывается о походе в страну Этиуни и о захвате страны Улуани и страны города Дарани³⁴. Вполне вероятно, что древняя крепость у сел. Элар и есть город Дарани, упоминаемый в надписи, тем более что сама крепость по характеру кладки и своему плану очень близка к известным нам урартским и, по-видимому, была сооружена в VIII в. Но она продолжала служить местом поселения и значительно позднее, о чем свидетельствуют результаты раскопок 1926–1927 гг., а также подъемный материал. Раскопки доказали, что и в более древний, доурартский период на месте крепости существовало поселение.

Локализация страны Этиуни, упомянутой в начале надписи, встречает большие затруднения. Название страны Этиуни имеется также в надписи Аргишти, сына Менуа, найденной в древней крепости у Сарыкамыш³⁵. Впервые название страны Этиуни встречается в надписях Ишпуини и Менуа (CICH № 13), где упоминаются страны Уитеру, Луша и Катарза. В надписи Аргишти из церкви Сурб-Саак в Ване рассказывается о походе в Этиуни и о покорении стран Дианухи, Луша, Катарза и Эриахи. В Хорхорской летописи название Этиуни встречается пять раз, причем в пятом столбце летописи оно стоит как вместе с названием приурмийской страны Мана и города Ардини, так и вместе с названием южнозакавказских стран Эриахи, Катарза и Ишкигулу.

Невольно возникает вопрос, не является ли термин *Этиуни* не собственным именем, а описательным названием страны, наподобие термина «страна Бабания», который теперь переводят как «горная страна».

³³ О раскопках Арин-берда см. в главе I.

³⁴ Никольский М. В. Клинообразные надписи Закавказья // МАК. V. 1896. С. 104.

³⁵ Там же. С. 90.

Не помогают истолкованию названия страны Этиуни часто предлагавшиеся сопоставления этого названия с племенным названием удин и предположение об изменении территории страны Этиуни, связанном с миграцией закавказских племен. Также нет достаточных оснований для того, чтобы считать Этиуни общим (собирательным) названием мелких стран южного Закавказья, хотя некоторые указания урартских текстов, например «подкрепления царей страны Этиухи» (*burgalali ŠARRĀNI MĀTU etiuhinili*) (УКН. № 20), где слово *цари* дано во множественном числе³⁶, как будто делают возможным такое толкование.

Вторая надпись Аргишти, сына Менуа, была открыта у сел. Ордаклю, у северо-западной оконечности оз. Севан. На берегу озера, по дороге в сел. Севан (б. Еленовку), заметна небольшая гряда скал, на одном из камней которой и вырезана клинообразная надпись.

В надписи рассказывается о захвате страны города Киехуни, упоминаемого в летописи Аргишти I, до города Иштикуни. Неподалеку от клинописи имеются также развалины древней крепости, занимающие обширную площадь. Крепость расположена к юго-западу от селения, у шоссе, ведущего из Ордаклю в Нор-Баязет, и занимает группу невысоких холмов, подступающих к неширокой низменной части берега.

Массивные стены шириной до 4 м охватывают как вершины холмов, так и ложбины между ними, образуя целую систему отдельных замкнутых участков. Внешние стены, спускаясь к воде, пересекают побережье — единственный удобный для прохода путь.

Датировка наземных сооружений Ордаклинской крепости до раскопок весьма затруднительна. По всей вероятности, они относятся ко времени позже урартского, но не подлежит сомнению, что на этом месте и в урартский период существовало поселение-крепость. Среди материала, обнаруженного на крепостных холмах, имеются отдельные фрагменты древней керамики начала I тысячелетия. Неподалеку от надписи открыты богатые погребения в курганах, относящиеся к доурартскому времени.

Значение Ордаклинской крепости уже с первого взгляда представляется совершенно ясным: она преграждала с севера доступ к западному севанскому побережью (этим объясняются ее размеры и мощность сооружений).

Вопрос о том, проникал ли Аргишти, сын Менуа, далее в Севанский район, остается открытым, так как на западном и южном берегах озера его надписи отсутствуют, а в Хорхорской летописи не упоминаются страны Севанского района. Другой путь походов, снаряжавшихся в Эребуни, шел к западному склону горы Арагац.

В надписи Аргишти на скале у сел. Гулиджан (северо-западный склон Арагаца) рассказывается о походе в страну Кулиаини и захвате города Дурубани (УКН. № 132).

Самая северная из урартских надписей, сохранившихся на территории Армянской ССР, находится на левом берегу Ахуряна (Арпачая), у сел. Ганлиджа, и содержит следующий текст: «Величием бога Халди Аргишти говорит: я завоевал страну Эриахи, я завоевал город Ирданиуни до страны Ишкигулу» (УКН. № 133).

³⁶ Пиотровский Б. Б., Гюзальян Л. Т. Крепости Армении доурартского и урартского времени // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 5–6. С. 56.

Неподалеку от скалы, на которой вырезана надпись, находится холм, возвышающийся над ущельем Ахуряна. На нем сохранились остатки построек, по всей вероятности, замка Вахрамашен, принадлежавшего князю Вахраму Пахлавуну (X–XI вв. н. э.). Предположение М. В. Никольского о существовании на этом месте крепости урартского времени, камни которой были использованы для более поздних построек, вполне вероятно.

Ганлиджинская надпись интересна для нас тем, что она дает возможность локализовать страны Эриахи и Ишкигулу, известные по ряду урартских текстов.

Совершенно иное значение, чем крепость и город Эребуни, имел административно-хозяйственный центр в Закавказье Аргиштихинили, построенный, согласно сведениям летописи Аргишти I, на шесть лет позже Эребуни. Он заменил прежний урартский центр Менуахинили, находившийся к югу от Аракса.

В 1892 г. в сел. Сардарабад (ныне Октемберян) был найден камень из стены постройки со следующей надписью: «Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: могущественную крепость   я построил, установил ее имя — Аргиштихинили (с детерминативом собственного имени). Земля была пустынной, ничего там не было построено; я от реки четыре канала отвел, виноградник и сад насадил, совершил дела я там...» (УКН. № 137). Эта надпись, близкая по тексту к найденной на Арин-берде, полностью соответствует тексту летописи Аргишти I, где говорится о построении Аргиштихинили и канала.

Местоположение этой древней крепости, названной по имени урартского царя Аргиштихинили («постройки Аргишти»?), нам хорошо известно. Она находилась на холме у современного сел. Армавир (б. Курдуклю). Здесь же, по всей вероятности, была и древнейшая столица Армении Армавир, основанная, согласно преданию, приведенному Моисеем Хоренским, Армайсом, внуком Хайка. Армавир уже давно привлекал к себе внимание историков и археологов. Одним из первых ученых, высказавших такое мнение, был Дюбуа де Монпере, путешествовавший по Армении в 30-х годах XIX в. Это мнение твердо установилось в исторических трудах по Армении. При описании холма Дюбуа де Монпере отмечал, что на его вершине сохранилась древняя стена, а сам город, расположенный на равнине, совершенно разрушен. Последнее он объяснял тем, что постройки в городе были преимущественно глинобитными³⁷. Основательному разрушению крепости и города содействовало также расхищение камня местными жителями для строительства. С Армавирского холма брались камни и для постройки турецкой крепости в Сардарабаде.

В 1869 г. в этом районе была найдена первая клинообразная надпись, усилившая интерес к Армавиру. Обследование Армавира было поставлено в план работ Подготовительного комитета V Археологического съезда.

Раскопки были начаты в мае 1880 г. А. Д. Ерицовым и продолжены осенью того же года А. С. Уваровым³⁸. На холме Армавир были заложены три траншеи

³⁷ *Dubois de Montpéroux F.* Voyage autour de Caucase chez le tcherkesses et les abchases, en Colchide, en Arménie et en Crimée. III. 1839. P. 418–419.

³⁸ *Уваров А. С.* Исследование местности, на которой предполагались развалины Армавира // Протоколы Подготовительного комитета V археологического съезда в Тифлисе. 1882. С. 439–449. — Перепечатано в «Сборнике мелких трудов А. С. Уварова». II. 1910. С. 140–148.

и в них обнаружены остатки очагов и большое количество обломков керамики. Кроме того, у холма были раскопаны два могильника, давшие разновременные погребения. В северном костяки лежали в направлении с востока на запад; при них были найдены бронзовые кольца и браслеты, а также стеклянные и сердоликовые бусы. Во втором, южном могильнике костяки лежали на правом боку с согнутыми ногами, «при них попадались горшки, обсидиановые ядрища и железные предметы». Могилы были обложены камнями.

А. С. Уваров приводит следующее описание стен, сохранившихся на вершине холма: «Как прямые стены, так и стены башни имеют одну и ту же ширину, аршина в четыре. С внутренней и внешней стороны они облицованы большими квадратными камнями из черно-синеватой базальтовой лавы. Камни эти имеют два аршина в толщину, и в боках заметны углубления для прикрепления каких-нибудь металлических скоб. На лицевой поверхности, по краям, проведена правильная полоска, и затем вся средняя часть выступает вперед в виде босажа (bossage). Таким образом, камни, раз сложенные вместе, обрисовывают желобком всю четырехугольную поверхность, отчего босаж резко выделяется... Такая кладка стен, как я покажу далее, — писал А. С. Уваров, — тождественна с другим армянским памятником IV в., а следовательно, эти развалины не древнего Армавира, а какой-то крепости того же IV в. после Р. Х.»³⁹ Для подтверждения своей датировки А. С. Уваров сравнивал строительные остатки на Армавирском холме с храмом в Гарни и с примыкающей к нему крепостью.

М. В. Никольский с полным основанием возражал против такой датировки стен Армавирского холма и указывал, что рустовка (bossage) характерна именно для урартских построек, приводя в качестве примера камень из стены с урартской надписью, найденной в районе Армавира⁴⁰.

Нам известно пятнадцать урартских клинообразных надписей, происходящих из окрестностей Армавирского холма, причем самые ранние относятся ко времени правления Аргишти, сына Менуа (вторая четверть VIII в.), а самая поздняя, повествующая о постройке крепости, содержит имя Русы, сына Эримена (начало VI в.). Эти надписи свидетельствуют о больших строительных работах, проведенных урартами в районе своего административного центра в южном Закавказье.

На заботу урартов об ирригационной системе в районе Армавира указывает надпись о постройке канала Аргишти, сыном Менуа. Она находилась у русла древнего канала, отходившего от Аракса, неподалеку от места впадения в него р. Ахурия⁴¹ (УКН. № 136).

По всей вероятности, эти работы проводились с целью расширения ирригационной системы, сооруженной местными жителями еще до прихода урартов.

Из района Армавира известны также две базы от колонн с надписями: «Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, этот храм построил»⁴², которые мо-

³⁹ Уваров А. С. Исследование местности, на которой предполагались развалины Армавира // Протоколы Подготовительного комитета V археологического съезда в Тифлисе. 1882. С. 443, 444. — Приписанная А. С. Уваровым датировка храма и крепости Гарни ошибочна.

⁴⁰ Никольский М. В. Клинообразные надписи Закавказья // МАК. V. 1896. С. 57.

⁴¹ Там же. С. 37.

⁴² УКН. № 140, 141; Никольский М. В. Клинообразные надписи Закавказья // МАК. V. 1896. Надпись № IV; Пиотровский Б. Б. Шахриарская клинообразная надпись // ДАН-В. 1931. С. 25.

гут служить доказательством, что в южном Закавказье были храмы, посвященные урартским богам.

На основании большого числа клинописных памятников, отмечающих интенсивную строительную деятельность урартов в южном Закавказье, М. В. Никольский считал, что «по всему вероятно, Армавир имел значение в религиозном отношении еще в дованский период Урарту не меньше, чем город Ван в ванский период. Когда политический центр был перенесен на юг и северные страны, входившие в древнее царство Урарту, настолько отделились от него, что ванским царям приходилось возвращать их вновь посредством завоевания, культ Армавира был в упадке, храмы пришли в ветхость, жертвы прекратились. Завоевав левый берег Аракса в нынешней Эриванской равнине, Аргишти восстановил прежнее религиозное значение этого места»⁴³.

Это свое предположение М. В. Никольский подкреплял ошибочным переводом часто встречающейся в урартских надписях фразы: ÊKÁLLU badusie šidištubi terubi.

Эту фразу, имеющуюся также в армавирских надписях, М. В. Никольский, следуя общепринятому тогда в урартоведении правилу, переводил: «дворец разрушенный я восстановил, обстроил». Такое понимание текста не может теперь считаться правильным, так как прилагательное badusie совсем не означает «разрушенный», а, по-видимому, отмечает качество постройки, например «мощный», «крепкий», имея в своей основе корень bad. Вместе с тем и глагол šidištubi terubi следует переводить не «я восстановил», а «я постройкой закончил», т. е. «я построил». При учете того, что идеограмму «дворец» (ассир. ÊKÁLLU) для урартских надписей в некоторых случаях надо переводить «крепость», «замок», вся вышеприведенная фраза получит перевод, совершенно противоположный старому, а именно: «крепость мощную я построил».

Из района Армавирского холма нам известен большой археологический материал, относящийся к различному времени, часть которого датируется концом III, II и началом I тысячелетия. Эти древнейшие памятники, совершенно аналогичные найденным в других районах Армении, не дают никакого основания говорить о наличии здесь в середине IX в. урартского центра.

Следует, конечно, пожалеть, что до сих пор из Армавирского района мы располагаем лишь подъемным материалом или же случайными находками. Систематические раскопки здесь не производились. В 1927 г. в план работ Кавказского историко-археологического института (Тбилиси) и Комитета охраны древностей Армении было включено исследование Армавира. Тогда же совместная экспедиция этих двух учреждений приступила к работе, отказавшись, однако, от раскопок и ограничив свою деятельность описанием наземных памятников и составлением генерального топографического плана⁴⁴.

Значение Аргиштихинили для истории южного Закавказья второй четверти VIII в. было очень велико, но уже в конце VIII или в начале VII в. он теряет свое прежнее положение, во всяком случае на его территории отсутствуют пись-

⁴³ Никольский М. В. Клинообразные надписи Закавказья // МАК. V. 1896. С. 38, 41.

⁴⁴ Бюллетень Кавказ. ист.-архивного ин-та. Тифлис, 1928. № 1–3. С. 19–20; № 4. С. 15.

менные памятники Русы I и Русы II, проводивших большие строительные работы в Закавказье.

К середине VIII в., как мы видим, области южного Закавказья становятся частью Ванского царства, которое, таким образом, приобрело горные районы, богатые скотом, а также Араратскую долину, одну из лучших земледельческих долин Передней Азии. Эта территория прочно удерживается урартами, там создается крупнейший административно-хозяйственный центр, где, вероятно, пребывал и урартский наместник.

Основываясь на летописи Аргишти I, Г. А. Меликишвили попытался дать и абсолютную датировку правления этого царя. Он обратил внимание на то, что в царствование Салманасара IV в списках эпонимов походы против Урарту отмечены 781–778, 776 и 774 гг. В летописях Аргишти речь о столкновении идет при описании VI, VII, и IX годов. Если признать 781 год VI годом правления Аргишти, то начало его царствования следует отнести к 786 г., а конец, поскольку Г. А. Меликишвили полагает, что летопись содержала описание двадцати трех лет правления Аргишти, падает на 764 г.⁴⁵ Эти свои выводы, встретившие возражение со стороны И. М. Дьяконова, Г. А. Меликишвили считает условными. И. М. Дьяконов, полагая, что надписи Шамшиилу относятся к 774 г., приходит к старому выводу о вступлении Аргишти на престол в 780 г.⁴⁶ В настоящее время этот вопрос определенно решить невозможно, так как упоминания о взаимных столкновениях ассирийцев и урартов могут быть не отражены в обоих источниках, ибо побежденные часто не вспоминают о своих поражениях; сведения летописей всегда тенденциозны.

Урарту к концу царствования Аргишти, сына Менуа (середина VIII в.), находилось в зените своего могущества. Прочно закрепилась власть урартов в Закавказье и в приурмийском районе, успехом завершились походы на запад, в Хеттское государство. Северная Сирия стала зависимой от Урартского государства, которое, таким образом, захватило все основные торговые пути Передней Азии.

Ассирия не могла противодействовать завоеваниям могущественного Ванского царства и начала терять область за областью. Ассирия в первой половине VIII в. (время царствования Ададнирари III, Салманасара IV, Ашурдана III и Ашурнирари IV) находится в состоянии экономического и политического упадка.

В результате всего этого главенствующее положение в Передней Азии перешло от Ассирии к Урарту.

⁴⁵ УКН. 1954. № 1. С. 227; Меликишвили Г. А. Наири–Урарту. Тбилиси, 1954. С. 210.

⁴⁶ Дьяконов И. М. Рецензия: Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. 1. Наири–Урарту. Тбилиси, 1954 // ВДИ. 1956. № 2. С. 69–71.

VI

УРАРТУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VIII века

САРДУРИ, СЫН АРГИШТИ

В 1916 г. экспедиция Русского археологического общества раскопала на южном склоне Ванской скалы две ниши с площадкой перед ними. В западной нише, верхняя часть которой с клинообразной надписью царя Сардури, высеченной на стене, была известна уже давно, И. А. Орбели обнаружил большую стелу на постаменте с текстом летописи Сардури, сына Аргишти (УКН. № 155). Слева от этой ниши была открыта вторая ниша, по размеру несколько меньшая, оказавшаяся пустой, но гнездо в полу для закрепления постамента свидетельствовало, что и в ней находилась стела с клинописным текстом¹.

Судя по расположению ниш, можно предполагать, что начало текста летописи Сардури находилось именно на отсутствующем памятнике.

В церкви Сурб-Погос в Ване еще Лэйардом были обнаружены два камня верхней части стелы с клинописным текстом Сардури, сына Аргишти, занимавшим все четыре грани стелы². Вероятно, они и являются верх-

¹ Март Н. Я., Орбели И. А. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Пг., 1922; Tseretheli M. V. Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu // SPAW. V. 1928.

² До экспедиции Леман-Гаупта была известна лишь одна сторона камня А1, так как камень находился в кладке стены церкви.

ней частью памятника, некогда стоявшего в восточной нише (УКН. № 156). В надписи из церкви Сурб-Погос оказался и начальный текст летописи: «Богу Халди, владыке, эту надпись Сардури, сын Аргишти, воздвиг». Далее помещено указание о принесении в жертву овец богу Халди и божеству царя Сардури и обычная формула проклятия тем, кто уничтожит, повредит или же себе припишет надпись.

От описания событий первого года сохранилась только фраза о вступлении на престол: «Сардури, сын Аргишти, говорит: когда бог Халди дал мне царство, я воссел на отцовское царственное место». К первому году царствования Сардури II относится также текст, высеченный на стене западной ниши, позади стелы, общий смысл которого остается еще не понятным. Он начинается с фразы о вступлении Сардури на престол, после чего идет перечисление колесниц, коней, воинов, скота, оружия, зерна, масла, меди и рабов.

По мнению Г. А. Меликишвили, надпись эта, возможно, является царским декретом, освобождающим определенные категории населения Урарту от некоторых государственных обязательств в отношении комплектования и снабжения войска³.

На оборотной стороне стелы сохранился сильно разрушенный текст о походе урартов на запад, за Евфрат, в страну Мелиту. В нем рассказывается о тех же событиях, что и в надписи Сардури II на скале у сел. Изоглу, недалеко от сел. Кюмюр-хан (УКН. № 158). В надписи отмечается победа над Хиларуади, сыном Шаху, царем страны города Мелита (Мелиталхи), с которым воевал и Аргишти I. В надписи говорится о захвате и разгроме нескольких стран и городов и среди них города Сасини, царского города Хиларуади, и о добыче, состоявшей из 50 боевых колесниц, золота, серебра и скота. Победенный царь был пощажен при условии выплаты дани. Кроме того, к Урарту были присоединены девять городов частью на левом берегу Евфрата (Тумушки), а частью на правом (Мелуиани).

На боковых гранях обломков стелы из церкви Сурб-Погос сохранились еще два разрозненных текста. Один из них, на левой грани, содержит рассказ о походе против страны Рихима и города Хура⁴. Второй текст вызывает настолько большой интерес, что я привожу его полностью: «Бог Халди выступил, своим оружием победил он Мурины, царя страны Уеликухи, победил он Циналиби, племени Луеху, царя страны города Тулиху, победил он Ашурнирари, сына Ададнирари, царя Ассирии, победил он страну Арме, победил он страну царского города Нихириани, поверг их перед Сардури, сыном Аргишти. Сардури говорит: выступил я против страны Уеликухи, завоевал я страну полностью, за один день захватил я ее, крепости разрушил, города сжег...» В этом тексте сведения о победе над Ассирией стоят в одном ряду со сведениями о завоеваниях в странах Закавказья. Ассирия уже не в силах активно бороться против Ванского царства. Ассирийская царская династия постепенно выпускает из рук то, что завоевали Ашурнасилпал II и Салманасар III.

³ УКН. 1953. № 3. С. 193.

⁴ Возможно, название этого города встречается и в ассирийских источниках как город в северной Месопотамии (АВИУ. № 1. Примеч. 9).

В Хорхорской летописи рассказывается о поражениях, нанесенных урартами ассирийским войскам; из приведенного текста Сардури II мы узнаем о его победе над ассирийским царем Ашурнирари, который назван сыном Ададнирари (в действительности он был сыном Ашурдана). Ванское царство, одерживая победы над Ассирией, распространило свое господство не только в северной Сирии, но и в районе верхнего течения р. Тигр. К этому району относились страна Арме (Урме) и страна города Нихириа. Вероятно, страна Арме находилась между Арацани и Тигром и граничила со страной города Нихириа, название которого близко к имени древнейшего армянского города Нефер (Непер, Непер-керт), где был построен Тигранакерт⁵. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Н. Адонц⁶, разбирая топонимику этого района, отмечал доармянскую основу термина *Нефер*. Против локализации страны Арме и страны города Нихириа, предложенной автором этой книги, выступил Я. А. Манандян⁷. По его мнению, страна Арме находилась далеко на юго-западе от Тигра и относилась к арамейским странам. Придется поэтому разобрать данные ассирийских источников, на основании которых сделаны два противоположных вывода. Оба текста Ашурнасирипала II (АВИУ. № 23, 26), на которые ссылается Я. А. Манандян, не дают точной локализации страны Аруму (Уруму), но в обоих случаях эти названия стоят рядом со страной Наири, и порядок их перечисления отводит их дальше от Ассирии. Определенные данные о стране Урме (Арме) содержатся в урартских источниках, например в надписи Менуа из Муша (УНК, № 40, 41), отмечающие территориальную близость страны Урме и города Кулимери, хорошо известного по ассирийским клинописям. Хеттские источники, в которых упоминается город Нихриа⁸, не дают определенных оснований для локализации этого города. Но судя по тому что Хаттушил III предпринял два похода на Ассирию, один из города Алатарма в стране Ишува, а другой из города Нихриа (город Нихриа также надо отнести к территории за пределами Ассирии, т. е. к северу от р. Тигр). Наконец, надпись на одной из стел в Ашуре — «Стела Ашуршезибани, туртана, наместника области города Ниневии, наместника области Кутмухи, наместника области Нихриа...» (АВИУ. № 40) — еще раз указывает на то, что Нихриа находилась дальше от Ассирии, чем область Кутмухи, расположенная к югу от Тигра и севернее гор Кашиари. Таким образом, следует думать, что страна Арме и страна города Нихриа находились близко к стране Шуприа, по непонятной причине не упоминаемой в урартских клинописях, хотя этот район был чрезвычайно важным в урарто-ассирийских взаимоотношениях. Возможно, гористость его способствовала успеху живших там племен в борьбе за самостоятельность.

⁵ Пиотровский Б. Б. О происхождении армянского народа. Ереван, 1946. С. 9. — Другого мнения придерживается С. Т. Еремян [см.: Еремян С. Т. Племенное объединение армян в стране Арме-Шуприа // Историко-филологический журнал. 1958. № 3. С. 41–58].

⁶ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908. С. 6–7.

⁷ Манандян Я. А. О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении. Ереван, 1956. С. 135–141.

⁸ Капанцян Г. А. Хайаса — колыбель армян. Ереван, 1947. С. 112, 193, 198.

При Сардури II продолжалось расширение урартских владений в Закавказье, начатое Аргишти I. В приведенном выше тексте рассказывается о победе над Мурини, царем страны Уеликухи, расположенной на западном побережье оз. Севан, в районе современного Нор-Баязета, и над Циналиби, царем страны города Тулиху, лежавшей южнее Уеликухи.

На скале у сел. Атамхан еще в 1863 г. была открыта клинообразная надпись Сардури, поступившая позднее в Кавказский музей (ныне Государственный музей Грузии) в Тбилиси. В ней рассказывается о факте, упомянутом также и в тексте на обломке стелы из церкви Сурб-Погос в Ване: «По приказу бога Халди Сардури, сын Аргишти, говорит: город Тулиху, царский город Циналиби племени Луеху, в битве я взял, царя, мужчин и женщин я увел. Дошел до страны Удури — Эти[у]ни».

При археологическом обследовании Севанского района нам, по-видимому, удалось установить местоположение города Тулиху. Остатки этого укрепленного города находятся на низменном берегу озера, недалеко от шоссе, примерно между десятым и одиннадцатым километровыми столбами от Мартуни.

Невысокий крепостной холм является наиболее крупной возвышенностью на ровном берегу озера между селениями Атамхан и Эранос. Несмотря на то что крепость плохо сохранилась, все же можно проследить с северо-восточной ее стороны две линии ограждений, опоясывавших довольно широкие террасы, опускавшиеся к озеру. Обнаружены также участки стены, окружавшей площадку крепостного холма. Стены внешних ограждений сохранились в виде кладки в один ряд больших каменных глыб, стена же площадки холма представляет обычную для крепостей урартского времени кладку из двух рядов камней с завалом между ними⁹.

Г. А. Меликишвили полагает, что на стеле, куски которой сохранились в Сурб-Погосе, были описаны события примерно тринадцати лет царствования Сардури, продолжение текста этой летописи за один год было перенесено на восточную стену западной ниши¹⁰, а дальнейшее повествование о годах правления было помещено на дошедшей до нас стеле с постаментом, содержащей 265 строк клинописного текста. Трафаретная формула: «Для бога Халди я эти подвиги за один год совершил» — позволяет безошибочно разделить всю летопись по годам. К сожалению, поврежденность верхней части стелы нарушает изложение, так как описание событий одного и того же года находится иногда в разных столбцах. Г. А. Меликишвили установил следующий порядок расположения текста, аналогичный порядку расположения летописи Аргишти I на стеле из церкви Сурб-Саак: лицевая сторона — оборотная сторона — левая грань — правая грань. Такой порядок последовательности не соответствует изданию летописи Н. Я. Марром, который ее начало видел на левой, узкой грани, исходя из того, что на оборотной стороне упоминается третий поход в стра-

⁹ Пиотровский Б. Б., Гюзальян Л. Т. Крепости Армении доурартского и урартского периода // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 5–6. С. 58.

¹⁰ Возможно и другое предположение, по которому на стене высечен текст, не поместившийся на стеле и постаменте западной ниши. В нем описываются походы в страны Мана, Бабилу, Арме и в Закавказье.

ну Эриахи. Такой порядок чтения надписи был бы верным лишь в том случае, если бы мы первым походом в Эриахи признали поход, описанный на левой, узкой грани. Но нельзя считать исключенной возможность того, что сведения о первом походе в Эриахи находились в отбитой верхней части памятника или же на стеле восточной ниши.

Привожу изложение событий летописи Сардури II в той последовательности, которая была предложена Г. А. Меликишвили, учитывая, что годы летописи не совпадают с годами правления царя.

В тексте I года летописи рассказывается о походе в страну Кулха, о победе над Хахани, царем страны Хушаалхи, и о походе в закавказскую страну Абилианихи. Из побежденных стран было пригнано много пленных и большое количество крупного и мелкого рогатого скота (II, 1–16).

Во II год Сардури снова снарядил походы в страну Эриахи и Абилианихи. «Бог Халди выступил, своим оружием победил он царя страны Эриахи, победил он страну Абилианихи, поверг их перед Сардури, сыном Аргишти» (II, 19–22). «Сардури говорит: выступил я в страну Эриахи, захватил Эриахи, страну в один день покорил» (II, 25–27). После разгрома Абилианихи местный правитель сдался на волю урартского царя, о чем летопись говорит следующими словами: «Пришел Мурини Абилианихский, обнял Сардуровы колени...» (II, 36–38).

В III год был совершен поход на северо-запад от Урарту против Рашуни, царя страны Руишиани, и Диуцини, царя Игании (II, 49–53).

В IV году был снаряжен поход в страну Пулуа и в третий раз — в страну Эриахи: «Сардури говорит: в том же году третий раз направился я в страну Эриахи, страну захватил, поселения сжег и разрушил, страну опустошил, мужчин и женщин угнал в Биайну, крепости там построил, страну в мою страну включил. Богу Халду великому Сардури говорит: пленными там сделал я, 6436 мужчин там я взял, 14 443 женщин угнал, всего 21 989 человек, некоторых убил, некоторых живыми увел. 1613 коней, 115 верблюдов, 16 529 голов крупного рогатого скота я угнал, 37 685 овец я угнал» (IV, 19–33).

В V год летописи Сардури был занят войной на западе, против Кушташпи, царя страны Куммух. Поход этот окончился успешно, Сардури удалось склонить Кушташпи на свою сторону и получить от него богатые дары: 40 мин (около 20 кг) золота, 800 мин серебра, ткани и большое количество бронзы (IV, 36–57).

В VI год были совершены походы в страны Мана, на юг от оз. Урмия, и в Эриахи, к северу от горы Арагац. «Сардури говорит: затем направился я в страну Мана, страну захватил, поселения сжег и разрушил, страну опустошил¹¹, мужчин и женщин угнал я в Биайну. Город Дарабани, крепость укрепленную их, в битве захватил я, людей (отряд) там оставил я, страну в мою страну включил. В том же году затем направилась войска в страну Эриахи, страну они захватили, поселения сожгли и разрушили, страну опустошили, мужчин и женщин в Биайну угнали. Халду великому Сардури говорит: всех (?) людей пленными там я сделал, 3225 мужчин там я взял, 4928 женщин, всего 8153 человека. Некоторых я убил, некоторых живыми увел, 412 коней, 6665 голов крупного рогатого скота, 25 735 овец я захватил» (I, 12–49).

¹¹ Буквально «сожрал», так как в других местах текста этот глагол передан идеограммой рта.

К VII году относятся походы в страны Кулха и Уихи-рухи. Сардури жестоко расправился со страной Кулха, оказавшей ему упорное сопротивление. В побежденной стране были сожжены не только поселения и крепости, но и люди. На развалинах и пепелище страны Кулха Сардури установил свои победные стелы (III, 5–15).

В VIII год был совершен поход в Закавказье, в район оз. Севан, где в стране Уедури-Этиуни покорены цари Аркукини, Каамни и Луеруни (III, 45–53).

События IX года изложены в тексте на постаменте стелы. Там упоминаются походы на северо-запад, в страны Куриани и Игани, причем царем Игани назван уже не Диуцини, упоминаемый при описании событий IV года, а Капуруни. К IX году относятся и походы в Закавказье, а именно — в страны Абилианихи, Эриахи и Уеликухи, имя правителя последней страны — Нидини (V, 19–21). Осенний поход этого же года был направлен в Севанский район, в страны Аркукини, Адахуни, Луипруни, Эшумал, Каамни, Кухаалбани, Ухунини и Териани (V, 21–26).

Данные приведенной летописи отчетливо показывают, что при Сардури II, продолжавшем политику своего отца Аргишти I, территория государства Уарту расширяется, а его мощь возрастает; Уарту занимает ведущее положение среди стран Передней Азии. Уарты совершают походы на запад — в северную Сирию, в страны Мелита и Куммух. После присоединения к Уарту девяти городов, среди которых назван и город Тумишки (Томиса), р. Евфрат становится укрепленной западной границей Уартского государства. Таким образом, Ванское царство захватывает в свои руки основные транзитные пути средиземноморской торговли (рис. 5).

Продолжалось укрепление урартской власти и в горной местности, к юго-востоку от оз. Ван, в районе Шуприи. Летопись отмечает покорение страны Арме и страны города Нихириани. На северо-западе своего государства Сардури II вел борьбу с Игани и Куриани. Много внимания было уделено и странам, лежащим к юго-востоку от центра Уарту, в приурмийском районе. Упоминаются походы в страну Мана и Бабилу, близлежавшую к стране Баруата. Бабилу находилась к югу от оз. Урмия, и И. М. Дьяконов, полагая, что это урартское слово связано с названием «Вавилония», относил эту страну к долине р. Диала, где находилась к тому времени страна Намру. Продолжалось также освоение и присоединение к Ванскому царству и южных областей Закавказья¹².

Крупной военной крепостью при Сардури II оставался город Эребуни, где в 1950 г. была найдена надпись, рассказывающая о постройке закромов вместимостью 5100 капи (УКН. № 164). В Тейшебаини найдено большое количество высокохудожественных бронзовых изделий с именами Сардури I, часть которых ранее хранилась в Эребуни. Из этой крепости уарты направляли свои походы вверх по р. Раздан к оз. Севан.

В Севанском районе уарты подчинили себе западный и южный берега оз. Севан, о чем рассказывают как летопись, так и отдельные надписи, найденные на территории Закавказья. О покорении страны Уеликухи (район Нор-Баязета) мы знаем и из летописи Сардури и по тексту стелы из церкви Сурб-Погос в Ване. Последняя надпись отмечает также покорение города Тулиху, местопо-

¹² АВИУ. № 3. С. 298. Примеч. 20.

ложение которого определяется Атамханской наскальной надписью на юго-западном берегу озера.

Летопись Сардури говорит также о покорении нескольких приозерных стран, среди которых находится и страна Аркукини. Эта страна была окраиной на юго-восточном побережье оз. Севан. У современного сел. Цовак, на массиве, перерезающем низменное побережье, расположена древняя крепость, напоминающая по местоположению крепость у сел. Лчашен (Ордаклю). На скале, под древней крепостью, находится клинообразная надпись, рассказывающая о покорении Сардури страны Аркукини¹³.

Крепость у сел. Цовак представляет характерный образец сооружений урартского времени в Закавказье¹⁴, но выделяется своими крупными размерами.

Около крепости находится большой курганный могильник, материал из которого нам известен по раскопкам Е. А. Лалаяна в 1906 г.¹⁵ На террасе, ниже крепостной площадки, и в балке имеется ряд земляных курганов с каменными склепами.

Материал из раскопок у Цовака, хранящийся в Государственном музее Грузии в Тбилиси, принадлежит разным эпохам, но в основном он датируется второй четвертью I тысячелетия, представляя близкую аналогию материалу, добытому Э. Реслером, В. Бельком и А. А. Ивановским в Азербайджане и Ж. де Морганом и Н. Я. Марром в Армении.

Надпись у Цовака территориально является наиболее восточной из известных урартских клинообразных надписей в Закавказье, но это обстоятельство не дает нам основания считать Цовак пределом урартских походов при Сардури. Летопись в нише Ванской скалы содержит ряд географических названий, связанных с Севанским районом, местоположение пунктов, носивших эти названия, мы не можем определить.

Из Аргиштихинили урарты совершали походы на север, в частности в страну Эриахи, но на этом пути клинообразные надписи Сардури, сына Аргишти, не обнаружены. О победе над Эриахи в летописи рассказывается следующее: «Сардури говорит: выступил я против Эриахи, завоевал я страну Эриахи, за один день захватил. Потаенные склады (?), которые создали отец и дед, и где богатство (?) был собрано, чтобы никогда цари другие не захватывали, — по господнему велению бога Халди я сто (?) пятьдесят потаенных складов (?) завоевал, увел в плен мужчин и женщин». Возможно также, что в страну Эриахи урарты проникали с запада, через побережье Чилдырского озера, на берегу которого была открыта клинопись, рассказывающая о захвате Сардури города Макалтуни страны Ухиме, города, упоминавшегося еще в Хорхорской летописи Аргишти. К оз. Чилдыр урартские войска могли двигаться также и из страны Диауехи, где власть урартов была довольно крепкой; через эту страну лежал путь урартских походов на северо-запад и в восточную Каппадокию.

¹³ Никольский М. В. Клинообразные надписи Закавказья // МАК. V. 1896. № XV.

¹⁴ Пиотровский Б. Б., Гюзальян Л. Т. Крепости Армении доурартского и урартского периода // ПИМК. 1933. № 5–6. С. 56.

¹⁵ Ազգագրական հանդես: XV: Թիֆլիս. 1907. II: Էջ 165–206 (Этнографическое обозрение. XV. Тифлис. 1907. II. С. 165–206).

Во времена Сардури урартским административно-хозяйственным центром в Закавказье оставался Аргиштихинили. Из района Армавирского холма происходят шесть клинообразных надписей строительного и культового характера с именем Сардури, сына Аргишти. В них отмечаются постройка крепостей, храмов, разведение виноградников, сооружение стел с культовыми надписями («ворота бога Халди») и приношения жертв. По этим надписям, Аргиштихинили представляется урартским центром, жившим полнокровной жизнью.

Вместе с тем интенсивная строительная деятельность проводилась и в центре государства. Сохранились надписи о постройке закомов около Вана (УКН. № 163) и около Патноца (УКН. № 163) и о разведении виноградника на севере от оз. Ван, названного именем царя (УКН. № 167). Все это говорит о больших богатствах, скапливавшихся в центре Урартского государства.

В середине VIII в. Ванское царство находилось в расцвете своего могущества, и Сардури, сын Аргишти, носил титулы царя «страны стран» и «царя царей». В это время господство Ванского царства в Передней Азии не встречало противодействия.

ПОХОДЫ ТИГЛАТПАЛАСАРА III ПРОТИВ УРАРТУ

В начале второй половины VIII в. положение дел в Передней Азии изменяется. В 745 г., после восстания в Калху, на ассирийский престол вступил Тиглатпаласар III. Произведя реорганизацию армии, значительно усилившую мощь ассирийского войска, Тиглатпаласар приступил к восстановлению прежних границ Ассирии и к возврату потерянных владений.

Естественно, Ассирию особенно тревожило Ванское царство¹⁶ и в первую очередь укрепление урартов в северной Сирии, через которую шли все торговые сношения с Малой Азией. Можно проследить все этапы усиления урартского влияния в северной Сирии с целью захвата основных узлов транзитной торговли (особенно железом) и изоляции Ассирии¹⁷. Этот процесс вторжения Урарту в северную Сирию, начавшийся при Менуа и особенно усилившийся во времена Аргишти I и Сардури II, т. е. в первой половине и середине VIII в., совпал с сильным экономическим и политическим упадком Ассирии. Урартам в это время удалось создать военный союз Урарту и сирийских стран, направленный против Ассирии.

Северная Сирия как центр транзитной торговли была жизненно нужна Ассирии: без восстановления ассирийского влияния в Сирии возрождение Ассирийского государства было бы непрочным. Это отлично сознавал Тиглатпаласар.

¹⁶ Пиотровский Б. Б. Урартское государство во второй половине VIII в. до н. э. // ВДИ. 1939. № 1 [6]. С. 65.

¹⁷ Rost P. Die Keilschrifttexte Tiglat-Pileasers III. Leipzig, 1893. S. XII; Ungnad A. Eponymen // Reallexikon der Assyriologie. II. 5. Berlin, 1938. S. 430, 431.

По дошедшим до нас ассирийским перечням событий¹⁸ мы знаем, что в III год своего правления, т. е. в 743 г., Тиглатпаласар двинулся в северную Сирию, к городу Арпаду, и одержал победу над урартским войском. Следующие три года он был занят укреплением ассирийской власти в Сирии, после чего стал готовиться к походу на Урарту, который и осуществил в 735 г.

Сведения о войне Тиглатпаласара с урартами имеются в его анналах, в двух надписях из Нимруда и в тексте на глиняной табличке Британского музея¹⁹.

Анналы дошли до нас в сильно разрушенном состоянии, так как большинство камней с текстом было использовано при постройке дворца Асархаддона, причем поверхность камней с клинописью подвергалась отеске. Это весьма затруднило установление последовательности частей текста, вырезанного на отдельных камнях²⁰. Изложение событий в надписях Тиглатпаласара группируется в большинстве случаев не по годам, а по отдельным областям, что затрудняет решение вопроса, к какому году (743 или 735) относятся сообщаемые ассирийскими текстами сведения о военных действиях ассирийцев против урартов.

Текст анналов, в котором рассказывается о победе Тиглатпаласара над Сардури, следует, по-видимому, датировать 734 г. Там сообщается о союзе Сардури с четырьмя сирийскими князьями: Матиилу из страны Агуси, Суламалом, князем Мелиты (район Малатьи), Тархулар из Гургума (Мараш) и Кушташпи из Куммуха (Коммаген), упомянутом в летописи Сардури в нише Ванской скалы. Далее говорится о победе над этой коалицией и захвате огромного числа пленных, которые были уведены в Ассирию. Сам Сардури бежал под прикрытием ночи, и Тиглатпаласар преследовал его только до границ Урарту, до моста (точнее переправы) через р. Евфрат. В анналах перечисляется богатая добыча, захваченная в урартском военном лагере, среди которой находились походное ложе урартского царя, его драгоценности, кольцо-печать и царская колесница²¹.

В надписях из Нимруда (I и II) рассказывается о союзе Сардури с Матиилу и о поражении урартов в местности между Киштан и Халпу (области страны Куммух). В одной из надписей (II) сообщается, что Сардури после разгрома своего войска спасся бегством. «Весь его стан я отнял у него, горечи оружия моего он убоился, и, ради спасения своей жизни, на кобыле усакал он и ночью бежал на недоступную гору Сибан (или Сиху)» (АВИУ. № 43). Указание на то, что урартский царь усакал на кобыле, является, по-видимому, насмешкой над воином, потерявшим своего боевого коня²².

Далее рассказывается о походе ассирийцев в Урарту и об осаде цитадели города Тушпы (Турушпы), в которой отсиживался Сардури. «Сардури урарта в Турушпе, его главном городе, я запер, большое побоище устроил перед городскими воротами, изображение моего величества установил я напротив города».

¹⁸ Все надписи приводятся в указанной книжке Роста; кроме того, надпись из Нимруда (I) и текст глиняной таблички опубликованы Шрадером в серии «Keilinschriftliche Bibliothek». II. 1890. S. 2, 8.

¹⁹ *Schrader E.* Zur Kritik der Inschriften Tiglat-Pileasers II // Abhandl. d. Königl. Akad. d. Wissensch. 1879 (отдельный оттиск, 1880).

²⁰ *Баццева С. М.* Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию // ВДИ. 1958. № 2. С. 18.

²¹ *Rost P.* Die Keilschrifttexte Tiglat-Pileasers III. S. XII.

²² *Lehmann C. F.* Tiglat-Pileser III gegen Sardur von Urartu // VBGAEU. 1896. S. 321.

Разгромив город у Ванской скалы, Тиглатпаласар направился в глубь Урарту и прошел страну «сверху донизу», не встретив сопротивления. «60 беру пути по обширной стране Урарту сверху донизу победоносно я прошел и не встретил соперника. Страны Уллуба и Хабху, расположенные у подножия горы Нал, я завоевал целиком и включил в границы Ассирии. Изображение моего величества я установил в стране Кулимери; в стране Уллуба я построил город и назвал его имя — Ашурикиша» (АВИУ. № 43). В конце описания похода в Урарту сообщается, что несколько урартских крепостей (поселений) и р. Каллама были присоединены к провинции ассирийского туртана, а частью — и к стране Наири²³.

По-видимому, в обоих текстах из Нимруда рассказывается о событиях 735 г., но вполне возможно, что они содержат сведения о войне ассирийцев с урартами сразу за два года (743 и 735). В научной литературе существуют различные мнения относительно маршрута похода Тиглатпаласара в Урарту.

Бельк полагал, что ассирийская армия двигалась прямо из Ассирии, и считал возможным два пути: первый — из Ниневии или Калху по Большому Забу до Джуламерка и далее до Башкала, а оттуда по урартской военной дороге в Ван; второй — из Джуламерка, через Били — Мерване — Шатах и Мукус, к южному берегу оз. Ван.

Но Леман-Гаупт справедливо возражал Бельку, говоря, что путь, восстанавливаемый Бельком, очень труден и почти невозможен для продвижения войска, и считал, что Тиглатпаласар двигался в Ванское царство с запада. На это указывают и ассирийские тексты, в которых страны перечислены в последовательности завоевания, начиная с города страны Энзите (район истоков Тигра). По всей видимости, опорой для походов в Урарту был город Арпад²⁴.

Мы очень мало знаем о конце царствования Сардури. Я думал раньше, что установление летописи Сардури в нише Ванской скалы следует отнести ко времени после 735 г.²⁵ Но это предположение подвергается сомнению в связи с тем, что в летописи упоминается подчинение царя Куммуха Кушташпи, а это могло произойти только до 743 г.

Можно полагать, что летопись Сардури, охватывающая события с самого начала его царствования, была написана на двух стелах, причем летопись о первых годах была установлена в восточной нише, а о последующих — в западной. На стеле, открытой И. А. Орбели, нет описаний походов в Ассирию, совершенных в первой половине царствования Сардури, и отсутствуют описания тех событий, о которых рассказывается в обломке стелы из церкви Сурб-Погос, несомненно относящейся к началу правления Сардури, на что указывает имя ассирийского царя Ададнирари. Выше я уже писал о том, что обломки стелы из церкви Сурб-Погос являются частями памятника, находившегося в восточной нише.

Трудно сказать, кем и когда была разрушена стела восточной ниши. Возможно, она была разбита ассирийцами при осаде Ванской цитадели, так же как урарты после снятия осады до основания уничтожили рельеф с изображе-

²³ *Klauber E.* Assyrisches Beamtentum nach Briefen der Sargonidenzeit. Leipzig, 1910.

²⁴ *Lehmann-Haupt.* Armenien. II. 2. S. 77.

²⁵ *Пиотровский Б. Б.* Урартское государство во второй половине VIII в. до н. э. // ВДИ. 1939. № 1 [6]. С. 67.

нием Тиглатпаласара, который был высечен на скале около Тушпы, о чем рассказывает ассирийская летопись.

Военные успехи Тиглатпаласара нанесли серьезный удар Ванскому царству и привели к тому, что при ослаблении центральной урартской государственной власти от Урарту стали отпадать области, входившие в его состав, и преемнику Сардури, Русе, пришлось заново собирать земли Урарту.

УРАРТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению истории Ванского царства, следует кратко остановиться на характерных чертах государств Передней Азии I тысячелетия. В первую очередь следует отметить крайнюю непрочность государственных объединений и неустойчивость их границ. Эта особенность, присущая всем государствам Древнего Востока, проходит красной нитью через всю историю Урарту.

Естественное разделение труда между отдельными районами, особенно между горными и низменными областями, очень рано привело в Передней Азии к широкому междуобщинному обмену, а затем к развитой торговле.

В начале III тысячелетия в Каппадокии существовала аккадская торговая фактория, и купцы, отлично знавшие караванные пути, предлагали Саргону I свои услуги в качестве проводников его армии, которая доходила до «кедрового леса» и «серебряных гор», т. е. до Ливана и Тавра. В середине III тысячелетия правитель Лагаша Гудеа, как рассказывается в его надписях, доставлял в Шумер строительный лес с гор Амана и диорит для статуй из Аравии, для чего снаряжались специальные караваны.

Передняя Азия начала I тысячелетия была перерезана путями, связывавшими ее отдельные районы, в общих чертах совпадавшими с более поздними караванными дорогами, имевшими немалое значение при возвышении того или иного государства Древнего Востока²⁶.

Сохранились обломки позднеассирийских, написанных на глиняных табличках дорожников, составленных, как и арабские дорожники IX–X вв., с указанием расстояний в днях между отмеченными в них местностями²⁷.

Металл к тому времени (I тысячелетие) стал уже обычным предметом обмена, и в закавказских могильниках встречаются бронзовые браслеты, связываемые по весу с основной древневосточной мерой веса — миной²⁸. В могильниках Нагорного Карабаха, который не входил в состав Ванского царства, но был с ним в постоянных сношениях, обнаружены отдельные золотые предметы переднеазиатского происхождения. Так, в Арчадзорском кургане, раскопанном в 1894 г. Реслером, был найден цилиндр из листового золота с изображениями

²⁶ Billerbeck A., Jeremias A. Der Untergang Nineveh's // Beiträge zur Assyriologie. III, 1898. S. 174; Янковская Н. Б. Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы // ВДИ. 1956. № 1. С. 26.

²⁷ Meissner B. Babylonien und Assyrien. I. Heidelberg, 1920. S. 339.

²⁸ Morgan J. de. Mission scientifique au Caucase. I. Paris, 1889. P. 110.

животных. А в Ходжалинском могильнике, откуда происходит агатовая про- низка с ассирийской клинописью, в которой упоминается имя царя Ададнира- ри, в кургане № 20 был обнаружен золотой обломок в виде головы льва.

На связи Древнего Востока с Кавказом в начале и середине II тысячелетия до н. э. указывают находки как Майкопского кургана, так и курганов эпохи ранней бронзы в Триалети и Кировакане.

Широкие торговые сношения и междубщинный обмен обуславливали так- же частые войны между отдельными областями, во время которых обмен заме- нялся насильственным захватом. При непрочных политических объединениях война приобретала исключительное значение как своеобразная форма обога- щения; куда не мог проникнуть торговец, туда пробирался воин, и ассирийские цари в своих надписях именуются иногда «доблестными героями, открываю- щими горные пути».

Войны сопровождалась походами на дальние расстояния. Во время похода Саргона в 714 г., который по сравнению с другими не может считаться особен- но далеким, ассирийская армия прошла около двух тысяч километров. Эти да- лекие походы совершались не в неведомые страны и никогда не являлись слу- чайными.

Клинописные ассирийские документы показывают, что походам предше- вали подготовительные работы, в частности наблюдения за действиями про- тивников, о чем свидетельствуют донесения ассирийских разведчиков, направ- лявшихся во вражеские страны со специальными заданиями.

Эти постоянные войны приносили огромные разрушения, особенно иррига- ционной системе. Ассирийская литература оставила нам описания опустошений захваченных областей и жестокой расправы с непокорными противниками.

Урарты в этом отношении мало в чем уступали ассирийцам, и в летописях урартских царей постоянно встречается ставшая стереотипной фраза: «Страну захватил, поселения сжег и разрушил, страну опустошил, мужчин и женщин увел в Биайну».

Древневосточные источники постоянно отмечают переселение и угон жи- телей из захваченных областей, особенно четко это отражено в ассирийских источниках как письменных, так и изобразительных. Пленные жители вме- сте со скотом, а часто и со всем имуществом переселялись на другие места, иногда чрезвычайно удаленные от их родины.

Как использовались такие переселенцы, можно видеть из текста, помещен- ного на рельефах Ашурнасирпала II: «Древний город Калху, выстроенный Сал- манасаром, царем Ассирии, моим предшественником, пришел в ветхость и раз- рушился. Этот город я вновь выстроил и в нем поселил людей, захваченных моей рукой, из стран, которые я победил»²⁹. Далее идет перечень местностей, откуда происходят переселенцы. В строительных надписях Синахериба и Асар- хаддона неоднократно приводятся перечни местностей, где были захвачены пленные, участвовавшие в строительных работах.

Часть пленных уводили в Ассирию в качестве рабов. На рельефах дворца Синахериба имеются изображения носильщиков, выполнявших тяжелую ра-

²⁹ Голеницев В. С. Описание ассирийских памятников Государственного Эрмитажа. СПб., 1897. С. 42.

боту по переноске корзин с землей и крупных камней, людей, закованных в кандалы, что указывает на их подневольное положение³⁰. И в Урарту, как во всяком раннеклассовом обществе, рабство имело большое значение. До нас дошли сведения о переселении пленных для построек урартских административных центров (города Эребуни в Закавказье).

Урартские письменные источники и археологические материалы содержат мало данных для разрешения основных вопросов социально-экономической истории Ванского царства, но, несмотря на скудость источников, все же работа в этом направлении предпринята и дала уже некоторые результаты³¹.

Как и все государства Древнего Востока, Урарту было рабовладельческим государством. Это, конечно, не означает, что в Ванском царстве были только рабовладельцы и рабы, безусловно существовали и земледельческие общины, но основная форма эксплуатации была рабовладельческой, а главный источник рабской рабочей силы — военнопленные. Руками рабов возводились величественные, монументальные постройки крепостей, дворцов и храмов, сооружались каналы, обрабатывалась земля государственных хозяйств. На свободное население также накладывались повинности — строительные и военные, часто тяжелые, но все же рабская сила при сооружении тех грандиозных памятников Урарту, которые дошли до наших дней, была основной. Возможно, что вражеские воины, захваченные во время походов, так же как и в Ассирии, включались в урартское войско, хотя Г. А. Меликишвили справедливо указывает на то, что Урарту никогда не достигало такого могущества, такого распространения своей власти, как Ассирия, и не привлекало чужеземцев в свое войско.

Во главе Урартского государства стоял царь, власть которого, как во всех древневосточных рабовладельческих государствах, была наследственной, неограниченной и деспотической. В руках царского рода сосредоточивалась и верховная жреческая власть. Царь был собственником больших земельных территорий, его именем назывались крупные центры (не только военные крепости, но и царские хозяйства), долины и виноградники. Члены царского дома также были владельцами земельных участков. Как подтверждение этой мысли можно привести текст, в котором рассказывается о том, что сделал Саргон после разгрома области Армарили, на северо-востоке от оз. Ван. Он «мимоходом пошел на Арбу, население рода Урсы, и на Рийар, поселение Сардури; семь окрестных селений, где были поселены его братья, семья его царственности, и где охрана была сильна, — эти города я разрушил, сравнял с землей, разрушил его святилище».

Храмы и представители знати, которые постоянно обогащались во время войн, имели также крупные хозяйства. В этих хозяйствах рабский труд применялся, вероятно, очень широко. И в данном случае можно провести аналогию

³⁰ Patterson A. The Palace of Sinacherib. Hague. [S. a.]. Tab. 34–35.

³¹ Меликишвили Г. А. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири–Урарту // ВДИ. 1951. № 4. С. 22; Дьяконов И. М. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту // ВДИ. 1952. № 1. С. 90; Сорокин В. С. Археологические данные для характеристики социально-экономического строя Урарту // ВДИ. 1952. № 2. С. 17; Меликишвили Г. А. К вопросу о царских хозяйствах и рабах-пленниках в Урарту // ВДИ. 1953. № 1. С. 22.

с Ассирией. В надписях Асархаддона отмечалось, что он пленных из Шуприи распределил, как овец, между своими дворцами, своими вельможами, занятыми в его дворцах, и жителями Ниневии, Калху, Какзу и Арбеллы. В этом же тексте пишется о том, что беглым, которые оставили своих господ и бежали в Шуприю, он велел отрезать нос, ухо и выколоть глаз, а затем вернуть этих рабов их владельцам. В Шуприи было большое количество и урартских беглых рабов, которых царь этой страны, несмотря на требования урартского царя, не выдавал. После победы над Шуприей Асархаддон вернул их в Урарту. «Об этих людях я вопрошал, расследовал и дознавался; ни одного беглеца-урарта я не задержал, ни единого не оставил, вернул их в их страну» (АВИУ. № 67).

Частые войны, которые вели урарты, преследовали цель — захват пленных, скота и богатой добычи, а также расширение территории Ванского царства.

Покоренные области обычно включались в состав государства, что в урартских летописях выражалось фразой: «страну в свою страну включил». Описание взятия Мусасира Саргоном заканчивается следующими словами: «Людей области Мусасир к людям Ассирии я причислил, повинности воинские и строительные я наложил на них, как на ассирийцев»³². По-видимому, и урартская политика по отношению к завоеванным странам была близкой к ассирийской.

В покоренные области назначался наместник, обычно военачальник, становившийся там полным хозяином; он следил за порядком и принимал меры к своевременной уплате податей и налогов. Таких наместников, называвшихся в урартской клинописи термином «Bêl pehâti», Урартское государство назначало в завоеванные области, ставшие его окраинами. Из текстов нам известно, что урартские наместники направлялись и в те районы, где сохранялся местный правитель. Так, в Мусасире наряду с местным правителем Урзаной был урартский наместник Аналукуну, известный нам по ассирийским текстам. В тех же текстах говорится и об урартском наместнике в стране Алзи.

Система управления на местах и разделение царства на отдельные округа, во главе которых находились наместники, была проведена в Урарту с большой последовательностью, что, несомненно, имело исключительное значение для укрепления Ванского царства. Форрер полагал даже, что реформа административного управления Ассирии, проведенная Тиглатпаласаром III, имела в качестве образца урартское административное управление. Но в целях борьбы с чрезмерным усилением наместников округа Ассирии были меньше по размерам³³. Дальше мы убедимся в правильности такого деления территории, проведенного Тиглатпаласаром. В Урарту же административные районы были крупнее, и чрезмерно усилившиеся урартские наместники пытались нанести решительный удар царской власти.

До Тиглатпаласара III Ассирийское государство делилось на крупные области во главе с наместниками (ŠAKNU), и только в середине VIII в. в Ассирии была введена система округов во главе с начальниками («Bêl pehâti»), которые в Урарту были известны еще при Менуа (о назначении Титиа правителем одной из областей западной части Ванского царства см. УКН. № 42). Как ука-

³² Thureau-Dangin F. Une relation de la huitième campagne de Sargon. Paris, 1912. P. 65.

³³ Forrer E. Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches. Leipzig, 1921. S. 49.

зывает И. М. Дьяконов, идеограмма наместника, шумерская по происхождению, употреблялась в Вавилонии и в Ассирии в XV–XII вв. По форме знаков урартская идеограмма ближе к вавилонской, отсюда она и была заимствована, так как в Ассирии в X–IX вв., когда формировалось урартское письмо, она не употреблялась³⁴.

Но все же, несмотря на продуманную организацию государственного управления, окраины Урарту были ненадежны. Там постоянно вспыхивали восстания отдельных племен, объединявшихся в союзы против урартов. О непрочности урартской власти на периферии свидетельствуют неоднократные походы урартов в те области, которые считались уже входящими в состав Ванского царства.

Подвижность непокорных небольших племен очень затрудняла борьбу с ними (когда приходили войска из центра государства для их усмирения, они легко снимались с места и уходили в горы). В ассирийских летописях часто употребляется выражение, что при приближении ассирийцев они «улетали, подобно птицам», или «уплывали, подобно рыбам».

Вполне понятно, что отдельные племена окраинных областей больших государств, приведенные в покорность лишь силой оружия, при ослаблении государственной власти восставали и добивались независимости. В свою очередь эта борьба обуславливала постоянные передвижения отдельных племен, теснимых неприятелем или же теснящих своих соседей.

Кроме того, следует отметить, что большинство переднеазиатских государств, как и Урарту, не имели этнического и культурного единства, их окраины существенно отличались от центральной части. Так, области Закавказья, входившие в состав Урарту, по своей культуре были ближе к другим районам Закавказья, не подчиненным урартам, чем к центральной части Ванского царства.

Указанными особенностями переднеазиатских государств объясняется непрочность и Урартского государства, от которого каждый год то отпадали, то снова присоединялись целые области. Все это делает понятным, почему после поражения, нанесенного урартам войском Тиглатпаласара III, государство Сардури распалось.

РУСА, СЫН САРДУРИ

Наши знания по урартской истории ограничены. Некоторые периоды остаются совершенно неосвещенными, и, по существу, мы располагаем лишь фрагментами истории Ванского царства. К таким малоизученным периодам истории Урарту относятся последние годы правления Сардури и начало царствования Русы, вступившего на престол около 730 г.

Руса стал царем Ванского царства в тяжелое для Урарту время. Кроме собиранья земель, отпавших после 735 г., ему пришлось также вести упорную борьбу с наместниками областей, стремившимися к самостоятельности.

³⁴ Дьяконов И. М. Заметки по урартской эпиграфике // ЭВ. IV. 1951. С. 111–112.

В ассирийском тексте о VIII походе Саргона рассказывается, что в Мусасирском храме находилась статуя Русы с надписью: «С моими двумя конями и моим возничим, моими руками завоевал я царство Урарту»³⁵. Издатель этого текста Тюро-Данжен из приведенной надписи сделал заключение, что Руса не был сыном своего предшественника Сардури, а явился узурпатором, основателем новой династии. Он полагал, что царем Сардури, сыном Аргишти, закончилась династия Менуа, и отождествлял Русу I с Русой, сыном Эримена, надписи которого сохранились на обломках бронзовых щитов, найденных при раскопках храма на Топрах-кале.

Леман-Гаупт также считал, что в конце царствования Сардури наступило смутное время и что престол был узурпирован Руса, происходившим из рода Сардури, сына Ишпуини³⁶. Однако Леман-Гаупт возражал против отождествления Русы I с Русой, сыном Эримена, как это делал Тюро-Данжен, которому были неизвестны урартские надписи, где Руса I именовался сыном Сардури. Леман-Гаупт считал, что имя отца Русы лишь случайно совпало с именем его предшественника — Сардури, сына Аргишти. Прямое указание на узурпацию Русой урартского престола Леман-Гаупт видел в надписи на статуе Мусасирского храма. Вторым основным доводом Леман-Гаупта в пользу насильственного захвата Русой престола Сардури является перенос царской резиденции с Ванской скалы на отроги горной цепи Зымзым-даг (Топрах-кале).

Все же доводы, приводимые Леман-Гауптом, нельзя признать убедительными. Перенос резиденции урартских царей с Ванской скалы на Топрах-кале вполне естествен, так как при осаде Тиглатпаласаром цитадели города Тушпы поселение около Ванской скалы было, вероятно, основательно разрушено ассирийцами, а сады вырублены. Надпись же на статуе, по-видимому, указывает вовсе не на узурпацию власти, а на собирание областей, отпавших от Урарту при временном ослаблении государственной власти.

Если бы Руса действительно был узурпатором, то вряд ли стал бы он так четко выписывать свое отчество — Руса, сын Сардури, где имя отца совпадало с именем свергнутого им царя, тем более что упоминание отчества не является обязательным для урартских надписей. Кроме того, если бы Руса был незаконным наследником престола, в ассирийских текстах о войнах Ассирии с Урарту была бы непременно отмечена незаконность его власти, как это часто делалось в отношении узурпаторов.

С самого начала правления Руса принужден был принять меры для защиты своего государства от Ассирии. Именно об этом рассказывается в двуязычной надписи на ассирийском и урартском языках, высеченной на стене, установленной на перевале, связывавшем приурмийский район со страной Мусасир.

Привожу выдержки из этого текста: «Руса, сын Сардури, говорит: Урзана, царь города Ардини (Мусасира), явился перед мной. Взял я заботу о пропитании всего его войска. По причине этой милости, богам, по велению Халди, я воздвиг постройки на высокой дороге, для благоденствия царя Руса. Урзану я поставил правителем области, посадил я его в городе Ардини. В том же году я,

³⁵ Thureau-Dangin F. Une relation de la huitième campagne de Sargon. Paris, 1912. P. 63.

³⁶ Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 461, 685, 855.

Руса, сын Сардури, пришел в город Ардини, Урзана на высокий трон своих предков царей посадил меня... Урзана перед богами в храме богов перед мною совершал жертвоприношения... Урзана предоставил мне вспомогательные войска... боевые колесницы, какие имелись; я повел вспомогательные войска и по велению Халди я, Руса, пошел к горам Ассирии, устроил я резню. Вслед за этим Урзана я взял под руку, я позаботился о нем... посадил я его на его место владыки для царствования».

Из приведенной надписи видно, что Мусасир для урартов играл роль не только защитной крепости, но и плацдарма для нападения на ассирийские земли.

Руса продолжал политику Сардури по расширению границ Ванского царства и укреплению государственной власти на окраинах, причем главное его внимание было направлено на Закавказье.

В Закавказье в это время произошли большие изменения. Аргиштихинили, прежде единый административный центр урартского Закавказья, по-видимому, потерял свое значение, так как Закавказье было разделено на несколько округов, во главе которых стояли самостоятельные наместники. В этом и состояли необходимые меры, направленные против роста силы наместников. Из района Армавира (Аргиштихинили) нам известна только одна строительная надпись Русы, сына Эримена, относящаяся ко времени после правления Сардури, сына Аргишти.

Кроме того, в Закавказье Руса I проводил широкую строительную деятельность, не ограничиваясь районом Аргиштихинили, причем вновь выстроенные крепости в некоторых случаях становились местом пребывания урартского наместника.

В Севанском районе имеются две крепости, построенные, согласно связанным с ними клинообразным надписям, урартами, причем нам известны и их названия: одна крепость носила имя бога Халди, а другая — Тейшебы.

Первая из них находится на высокой скале, господствующей над городом Нор-Баязет. На угловом камне из кладки стены этой крепости сохранилась клинообразная надпись следующего содержания: «...Руса, сын Сардури, говорит: царя страны Уеликухи я покорил, рабом я его сделал, из страны я его удалил, наместника («Bêl pehâti») там я поставил, ворота бога Халди и крепость мощную построил, установил имя — город бога Халди»³⁷.

Название страны Уеликухи, упоминаемой в этой надписи, встречается не только в другой надписи Руса из Севанского района (около Цовинарской крепости), но и в эпиграфических памятниках из центральной части Ванского царства.

Так, в вышеприведенной надписи Сардури из церкви Сурб-Погос в Ване упоминается о покорении Мурины, царя Уеликухи, а в столбце V летописи Сардури говорится о захвате в стране Уеликухи (Уеликуни) двадцати двух крепостей и о подчинении ее правителя Нидини.

³⁷ Ղափսնցյան Գ.Ա. Նոր Բայազետի սեփազիր արձանագրությունը // Տեղեկագիր ՀԱԽՀ գիտ. և արվ. հաստիսունի: IV: Երևան, 1930: Էջ 75–108 (*Капанцян Г. А.* Клинообразная надпись из Ново-Баязета // Изв. Ин-та наук и искусств Арм. ССР. № 4. Ереван, 1930. С. 75–108); *Мещанинов И. И.* Халдская надпись из Нор-Баязета // ДАН-В. 1928. С. 168–174; *Friedlich J.* Inschrift des urartischen Königs Rusa I aus Ner-Bajazet // Archiv Orientalni. III. 2. 1931.

На археологической карте Нор-Баязетского района, составленной С. Г. Бархударяном для Исторического музея Армении, отмечен ряд поселений, центральным из которых является крепость у Нор-Баязета. Камень с надписью Русы из кладки стены свидетельствует о том, что сохранившиеся участки стен относятся к урартскому времени.

Значительная по площади крепость³⁸, имеющая в плане соответственно занимаемому ею массиву вытянутую форму, разделялась поперечной стеной на две части. Восточная часть (над обрывом), меньшая по площади, но обнесенная более мощной стеной, представляла, вероятно, цитадель, в которой находился урартский наместник, заменивший местного правителя.

По всей видимости, «город царский» страны Уеликухи, упоминаемый в летописи Сардури, и есть Нор-Баязетская крепость. Нет достаточных оснований считать «городом царским» крепость, расположенную ниже по р. Гавар, у сел. Кишляг. Эта небольшая крепость (Кишляг), так же как и две другие (Кишляг II, Мртби-дзор), в отношении Нор-Баязетской крепости выполняли лишь защитную роль. Две крепости около сел. Кишляг, расположенные на берегу Гавара, друг против друга, как раз в том месте, где возвышенный массив граничит с прибрежной низменностью, по своим размерам и положению указывают на то, что они не имели самостоятельного значения.

От крепости на правом берегу Гавара сохранились небольшие участки стен, сложенных из крупных каменных глыб.

Левобережная крепость представляет несколько иную картину. В ней, кроме цитадели с довольно хорошо сохранившейся стеной, есть еще внешнее ограждение из крупных камней, не составляющее замкнутой линии. Стены цитадели сложены из двух рядов каменных глыб с завалом из мелких камней между ними. На угловых частях стены, так же как и на прямолинейных ее участках, имеются выступы, как в Нор-Баязетской крепости, наподобие контрфорсов, характерные для урартских построек. Въезд в цитадель находился в ее юго-восточной части.

Третья крепость, очевидно также связанная с Нор-Баязетской, расположена к югу от нее, у оврага Мртби-дзор, или Мтриби-дзор. По внешнему виду она близка к правобережной Кишлягской. Ограда из больших камней, кладкой в один ряд, закрывает северную и восточную стороны крепостного участка, тогда как с юга и запада естественную защиту создает крутой каменистый склон возвышенности. Около укрепления, у восточной его части, находится ряд погребений с остатками каменного навала и круглого в плане ограждения. Эти погребения были раскопаны Е. А. Лалаяном в 1906 г., во время его работ в Нор-Баязетском районе³⁹.

Но кроме отмеченных крепостей, связанных с центральным укрепленным поселением, в Нор-Баязетском районе отрыты другие крепости самостоятельно-

³⁸ Пиотровский Б. Б., Гюзальян Л. Т. Крепости Армении доурартского и урартского времени // ПИМК. 1933. № 5–6. С. 51.

³⁹ Ազգաբնակչան Հանդես: XIV: ԹԻՖԼԻՍ, 1906: Էջ 5–37 (Этнографическое обозрение. № 14. Тифлис, 1906. С. 5–37; Лалаян Е. А. Археологические раскопки в Ново-Баязетском уезде ССР Армении // Русский антропологический журнал. XVII. 3–4. 1929. С. 59.

го назначения. Среди них выделяется крепость южнее сел. Кулалы с хорошо сохранившимся древним поселением.

Не считая все крепости района Нор-Баязета одновременно построенными, вполне возможно основную их часть датировать первой половиной I тысячелетия и относить к древней стране Уеликухи.

Страна Уеликухи, по всей вероятности, занимала долину р. Гавар и прибрежную полосу от древнего монастыря Айраванк и до сел. Башкянд.

Эта небольшая по площади и населению страна, входившая в коалицию приозерных областей, оказывала упорное сопротивление продвигавшимся урартам, на что указывают неоднократно приводимые в урартских надписях сведения о ее покорении.

Вторая урартская крепость, связанная с клинообразной надписью Русы, сына Сардури, находится на южном побережье оз. Севан, между селениями Цовинар и Алучалу⁴⁰. Крепость была сооружена на возвышенности, перерезающей низменный берег озера.

В северной части этой возвышенности, над озером, находится высеченная на скале клинообразная надпись, неоднократно привлекавшая внимание исследователей⁴¹. Основным изданием этого текста являлось издание М. В. Никольского, пользовавшегося эстампажем, снятым А. А. Ивановским. Все предыдущие издания по копиям Месропа Смбатянца и Белька передавали надпись в крайне искаженном виде.

В 1927 г. Комитетом охраны древностей Армении была снаряжена экспедиция, снявшая новый эстампаж с этой труднодоступной надписи. Текст надписи по новому эстампажу был переиздан Г. А. Капанцяном и И. И. Мещаниновым, причем чтение надписи оказалось существенно отличным от чтения М. В. Никольского. Передача текста исследователями, работавшими над эстампажем независимо друг от друга, совпадает в основном, но имеет некоторые разночтения, разрешение которых оказалось возможным лишь при дополнительной работе над подлинником.

Надпись у Цовинарской крепости была мною обследована дважды, в 1932 и 1934 гг. В первый раз я сверял копию эстампажа с подлинником, подплыв на лодке, во второй же раз — спустившись на канате сверху. Ныне уровень воды в озере понизился, и к надписи можно подойти посуху. При уходе воды под скалой с клинописью появились древние стены, сложенные из крупных камней.

Неровности поверхности скалы при нанесении клинописного текста не были сглажены и зачастую смущали исследователей, работавших по эстампажу. Надпись сохранилась лучше, чем можно было предполагать: сбита средняя часть двух верхних строк и нижняя часть правой стороны текста. Остатки нижних

⁴⁰ Пиотровский Б. Б., Гюзальян Л. Т. Крепости Армении доурартского и урартского времени // ПИМК. 1933. № 5–6. С. 57; *Piotrowsky B., Güsalyan L. T. Kyklopische Festungen am Südufer des Sewansees* // Сб. кружка по изучению Древнего Востока при Государственном Эрмитаже. № 1 (8). 1933. С. 39–51.

⁴¹ Впервые надпись опубликована Месропом Смбатянцем в журнале Лазаревского института «Русский вестник». 1863. № 53. — Последующие основные издания: *Никольский М. В.* Клинообразные надписи Закавказья // МАК. 1896. V. Надпись № 18; *Капанцян Г. А.* Халдская надпись Руса I из Келан-крана. Эривань, 1931; *Мещанинов И. И.* Колагранская надпись // Изв. АН. 1932. С. 73; *Он же.* Восточное Закавказье времен халдских завоеваний // ВДИ. 1937. № 1. С. 73.

строк во многих местах покрыты известковым налетом, закрывающим некоторые знаки.

Ниже приводится перевод надписи на основании транскрипции текста, полученной при сверке с подлинником трех копий по эстампажу (копии, сделанные Г. А. Капанцяном, И. И. Мещаниновым и автором этих строк):

«Могушеством Халди, владыки, Руса, сын Сардури говорит: я эти страны в один поход подчинил (?), рабами полонил (?) страны Адахуни, Уеликухи, Луерухи, Аркукини; четырех царей с этой стороны озера, а также страны Гуркумели, Шанатуаини, Териуишаини, Ришуаини ...зуаини, Ариаини, Замани, Иркиматарни, Елаини, Ериелтуани, Аидаманиуни, Гуриаини, Алзирани, Пируаини, Шилаини, Уидуаини, Атазаини Ери — ...аини, Азамерунини; девятнадцать царей с той стороны озера в горах высоких. Всего двадцать три царя в один год я захватил, мужчин и женщин в Биаини увел. Во второй год я пришел, построил эти крепости... области... покорил. Эту крепость мощную построил, установил имя — город Тейшебы для могущества страны Биаини и на устрашение вражеских стран» (УКН. № 286).

Над надписью на скале находятся развалины древней крепости, на которую уже давно было обращено внимание. Бельк⁴² считал Цовинарскую крепость урартской постройкой, поместив ее в список известных ему образцов ванского строительства.

Самая высокая часть крепостной площадки занята цитаделью, обнесенной со всех сторон стеной, с въездом в северо-западной стене. Кладка стен состоит из двух рядов крупных камней с завалом из мелких камней между ними. Ширина стен достигает 3,2 м. Следы сглаживания камней незаметны, видна лишь грубая отеска выступающих поверхностей. Как и для всех известных нам циклопических крепостей Армении урартского периода, сохранившиеся участки стен следует расценивать как основания, на которых возводилась кладка из сырцового кирпича. При разрушении стен крепости обвалившаяся часть сырцовой кладки легко смывалась и тогда обнажалось каменное основание.

На территории крепости, по-видимому, находился и древний могильник, разрушенный местными жителями. Могилы в виде небольших курганов с каменной насыпью или кромехов встречаются на холмах к востоку и юго-востоку от крепости. В этих древних могилах найдены две урартские конические печати, поступившие в 1915 г. в Музей армянского этнографического общества⁴³. Раскопки в крепости, произведенные в 1934 г. экспедицией Эрмитажа, также дали материал урартского времени.

Надпись Руса, сына Сардури, высеченная на скале под Цовинарской крепостью, представляет большой интерес. Как мы видели, в ней сообщается о покорении двадцати трех стран, разделявшихся на две группы. Первая группа состоит всего из четырех названий стран: Адахуни, Уеликухи, Луерухи и Аркукини. Вполне убедительно предположение, что в первой группе перечислены страны побережья оз. Севан; местоположение двух из них, а именно Уеликухи и Аркукини, определяется бесспорно. Страна Уеликухи занимала среднюю

⁴² Belck W. Bauten und Bauart der Chaldir // VBGAEU. 1895. S. 602.

⁴³ Пиотровский Б. Б. Урарту и Закавказье // КСИИМК. III. 1940. С. 33.

часть западного побережья, а Адахуни — восточную часть южного берега. Если мы допустим, что в Цовинарской надписи перечисляются присеванские страны соответственно движению урартского войска (т. е. с севера на юг по западному побережью и затем с запада на восток по южному), то мы должны будем предположить, что страна Адахуни находилась севернее Уеликухи, в районе сел. Лчашен, а Луерухи — в западной или центральной части южного побережья, так как на юго-западном берегу находилась страна города Тулиху.

Если локализация стран первой группы по Цовинарской надписи не вызывает, в общем, сомнений, то установление местоположения девятнадцати стран, перечисленных во второй группе, встречает серьезные затруднения, так как ни одна из них не имеет достоверного соответствия среди названий, упоминаемых в урартских клинообразных надписях. Уже давно высказывалось предположение, что эти страны находились к востоку от оз. Севан, на территории Азербайджанской ССР; но существует и другое мнение, что все двадцать три страны находились в Севанском районе. Предположение, что девятнадцать стран второй группы находились к востоку от оз. Севан, не вызывает серьезных возражений: со стороны озера нет никаких естественных препятствий для продвижения на восток, вплоть до Нагорного Карабаха, который был связан с Арменией. Но если продвижение урартов на восток от озера представляется правдоподобным, то совсем проблематичным остается вопрос относительно присоединения этих областей к Урарту.

Существует и третья возможность локализации этих девятнадцати стран, а именно — отнесение их к областям Передней Азии, выходившим за пределы Закавказья. В этом случае Цовинарскую надпись надо рассматривать как описание походов, совершенных урартским царем за один год. На допустимость этого предположения указывают некоторые названия стран: Замани (ассир. Бит-Замани), Гуриаини (Куриаини летописи Сардури) и Алзирани (ассир. Алзи).

Разумеется, Руса I не ограничивался укреплением своих границ на севере, он вел также упорную и длительную борьбу за влияние в южных от Урарту областях — как в странах Мана, Парсуа, так и в странах Мусасир и Наири.

Крайне сложной была обстановка внутри государства Урарту. Руса I вступил на урартский престол в то время, когда после поражения, нанесенного ассирийцами Сардури II, центральная власть пошатнулась, что естественно вызвало усиление наместников отдельных областей Урарту. Они, как это видно по ассирийским источникам, разбираемым в следующей главе, открыто встали на путь борьбы с царем, организуя мятежи, которые Руса успешно подавил. Но внутренняя борьба осложнилась еще внешними условиями — нападением киммерийцев на северные границы Ванского царства, о чем также много сведений дают ассирийские письменные источники, отмечающие поражение урартов.

В трудных условиях внутренней и внешней борьбы старался Руса, сын Сардури, укрепить мощь Ванского царства, и, как кажется, в этой деятельности он достиг определенных успехов.

В центре Урартского государства и на окраинах продолжалось строительство, но в силу каких-то причин не в прежних центрах, а на новых местах. Неизвестен пока ни один пункт, где были бы обнаружены надписи Русы I вместе с надписями Аргишти I и Сардури II. Возведение новых построек на Ван-

ской скале, в цитадели Тушпы, в Аргиштихинили, в Эребуни прекратилось. Возникли новые административные центры, а царская резиденция, по-видимому, была перенесена с Ванской скалы на Топрах-кале.

Руса искусно проводил внешнюю политику. Учитывая возрастающую опасность со стороны Ассирии, он избегал открытых столкновений с вновь окрепшим постоянным врагом Ванского царства, но старался обеспечить безопасность границ своего государства путем соглашений с правителями соседних стран или поддержкой сторонников Урарту, возводя их на престол правителей.

VII

ПОХОД САРГОНА ПРОТИВ УРАРТУ в 714 году

Ассирийские летописи, содержащие чрезвычайно важный материал для истории Ванского царства, при всей их торжественности и славословии победам ассирийского войска, очень скупо и сжато, в однообразной, трафаретной форме рассказывают о событиях. По сведениям, приводимым летописями, трудно судить о характере того или иного похода и совсем нельзя представить себе его подготовку и ход военных действий.

Но один из эпизодов военной истории Ассирии известен нам довольно хорошо. Это — поход VIII года правления Саргона, снаряженный в 714 г. в страны, находившиеся к северо-востоку от Ассирии. Упоминание об этом событии часто встречается в ассирийских исторических текстах, а в списках событий по годам отмечено, что в 714 г. происходил поход ассирийцев против страны Урарту и города Мусасира¹.

Давно стали известны изображения, иллюстрирующие этот эпизод истории Передней Азии.

При раскопках, произведенных французским консулом Ботта в Мосуле в развалинах дворца Саргона — Дур-Шаррукина (совр. Хорсабад) в 1842–1843 гг., были открыты два зала, украшенные рельефами с военными сценами похода 716 г. в страну Мана, к южному побережью оз. Урмия (зал

¹ Ungnad A. Eponymen // Reallexicon der Assyriologie. II. Berlin, 1938. S. 433.

XIV), и похода 714 г. в Мусасир (зал XIII). К сожалению, оба этих зала находились в сильно разрушенной северо-восточной части дворца, и ко времени раскопок Ботта на стенах сохранились лишь отдельные камни с рельефами².

Рельефы XIII и XIV залов дворца Саргона известны нам по рисункам Фландена, так как сами памятники частью были оставлены на месте раскопок и засыпаны землей, частью затонули в Тигре при их перевозке во Францию. Рисунки Фландена выполнены чрезвычайно точно и тщательно, и по ним мы в полной мере можем получить представление даже о деталях изображений (рис. 6).

В 1912 г. ассириолог Тюр-Данжен опубликовал текст большой таблички, поступившей в Лувр из частных рук, рассказывающий о событиях, изображенных на стенах XIII зала. 430 строк клинописного текста³ в форме реляции богу Ашуру содержат красочное и детальное описание похода 714 г.

Один край таблички был отбит и не поступил в Лувр. Этот недостающий кусок Луврской таблички был обнаружен среди материалов германской археологической экспедиции, производившей раскопки в городе Ашуре. В 1922 г. текст этой таблички был опубликован Мейсснером⁴. Вполне вероятно, что табличка Луврского музея была открыта при раскопках германской экспедицией в Ашуре, но прошла мимо рук немецких археологов.

Детальный рассказ об этом походе Саргона позволил многим ученым заниматься его специальным изучением. Кроме указанной книги Тюр-Данжена и работы Мейсснера, походу 714 г. посвящены две специальные статьи Леман-Гаупта⁵, а также работы Пинчеса⁶, Олбрайта⁷, Вайднера⁸, Ригга⁹, Райта¹⁰ и Эль Амина¹¹. Помимо того, в общих трудах по истории Древнего Востока этому походу обычно уделяется много внимания. Кроме фактических сведений о походе, мы располагаем большим количеством совершенно исключительных документов, позволяющих изучать события и отношения Ассирии с соседними странами.

В Ниневии, во дворце Ашурбанипала, уже давно был найден клинописный архив, из которого громадное большинство памятников поступило в Британский музей.

Текст большой группы табличек этого архива¹², представляющих письма, в клинописной транскрипции стал известен с 1892 г. благодаря труду Гарпера¹³;

² Botta P. E., Flandin E. Monument de Ninive. II. Paris, 1849. Tabl. 139–147.

³ Thureau-Dangin F. Une relation de la huitième campagne de Sargon. Paris, 1912. — Далее этот текст будет именоваться Луврской табличкой или текстом Саргона (сокращенно: «Саргон»).

⁴ Meissner B. Die Eroberung der Stadt Ulhu auf Sargons 8. Feldzug // ZA. XXXIV. 1922. S. 105.

⁵ Lehmann-Haupt C. F. Musasir und der achte Feldzug Sargons II // MVAG. XXI. 1916. S. 119–151; Lehmann-Haupt C. F. Zu Sargons II Feldzug gegen Urartu. 714 v. Chr. // Klio. XV. 1918. S. 439–440.

⁶ Pinches T. G. Sargons eighth campaign // IRAS. XLV. 1913.

⁷ Albright W. F. The eighth campaign of Sargons // JAOS. 35. 1915. P. 226–232.

⁸ Weidner E. F. Neue Bruchstücke des Berichtes über Sargons achten Feldzug // AO. XII. 3. 1938.

⁹ Rigg H. A. Sargons eighth military campaign // JAOS. 62. 1942. № 2.

¹⁰ Wright E. M. The eighth campaign of Sargon II of Assyria (714 b. C.) // JNES. II. 3. 1943.

¹¹ El-Amin M. Notes on the eighth campaign of Sargon II // Sumer. V. 2. 1949.

¹² Сокращенно: «Письма Куянджикского архива»; в скобках ставится номер письма по изданию Вотермена.

¹³ Harper R. F. Assyrian and Babylonian letters belonging to the collection of the British Museum. I–VIII. 1892–1902 (издание Чикагского университета).

перевод их, выполненный Вотерменом, издан в четырех томах¹⁴ в период 1930–1936 гг.

Тексты эти содержали сообщения ассирийских разведчиков и агентов относительно соседних с Ассирией стран, причем большое количество писем касается Ванского царства. Они представляют для нас совершенно исключительную ценность потому, что в них сообщаются такие сведения, о которых ничего нет в других источниках.

На основании их оказалось возможным дать общую характеристику отношений стран Передней Азии в конце VIII и начале VII в. Из числа этих работ следует упомянуть работы Клаубера¹⁵, посвященные политике и культуре эпохи Саргонидов, Форрера¹⁶ о делении Ассирийского государства на провинции и Олмстэда¹⁷, издавшего в 1918 г. книгу о культуре Передней Азии времени Саргона. В своей «Истории Ассирии»¹⁸ Олмстэд специальную главу посвятил табличкам Куянджикского архива, обратив особое внимание на те, которые касаются взаимоотношений Ассирии с Урарту.

Олмстэд в своих работах датировал все письма, касающиеся Урарту, временем не ранее 710 г., считая, таким образом, что в них рассказывается о событиях после 714 г., а упоминаемый урартский царь не Руса, сын Сардури, а его преемник — Аргишти. С этим мнением, разделяемым многими специалистами по Древнему Востоку, трудно согласиться.

Несомненно, значительную часть писем Куянджикского архива, относящихся к Урарту, следует датировать именно временем борьбы Саргона с урартским царем Русой. Теперь стали известны документы и из самого Калху¹⁹.

После постройки дворца Саргона прежняя резиденция ассирийских царей — Калху — остается резиденцией наследника престола. До нас дошли сводки сообщений ассирийских агентов, составленные для Саргона его сыном Синахерибом. В письме Синахериба (№ 198) прямо говорится о приходе гонцов в Калху, и на этом основании Олмстэд делал вывод, что вся корреспонденция относится ко времени после постройки Дур-Шаррукина и в ней описываются события в Урарту, происходившие при царе Аргишти, сыне Русы.

К сожалению, в информационных сообщениях об урартском царе постоянно говорится без упоминания его имени, но один раз в письме Уппахир-бела Саргону (№ 424) сообщается о прибытии гонца от Аргишти. Казалось бы, что этим все сомнения разъяснены, но в действительности дело значительно сложнее.

На одной из сильно разрушенных табличек (№ 441), на которую не обращалось внимания, явственно читается имя урартского царя Руса в обычной ассирийской транскрипции: *Урса*.

¹⁴ *Waterman Leroy*. Royal correspondence of the Assyrian Empire. I–IV // University of Michigan studies. XVII–XX. 1930–1936. Далее: *Waterman Leroy*. Royal correspondence of the Assyrian Empire.

¹⁵ *Klauber E. G.* Politisch-religiöse Texte aus Sargonidenzeit. Leipzig, 1931; *Klauber E. G.* Zur Politik und Kultur der Sargonidenzeit // American journal of semitic languages and literatures. XXVIII. P. 101; XXX. P. 233.

¹⁶ *Forrer E.* Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches. Leipzig, 1921.

¹⁷ *Olmstead A. T. E.* Western Asia in the days of Sargon of Assyria. New York, 1918.

¹⁸ *Olmstead A.* History of Assyria. New York, 1923.

¹⁹ *Saggs H. W. F.* The Nimrud letters. 1952. IV. The Urtian frontier // Iraq. XX. 2. 1958. P. 128–212.

В письмах Куюнджикского архива действительно часто упоминается Дур-Шаррукин, что явилось решающим доводом для датировки Олмстэда, но дело в том, что в группе писем, касающихся Урарту, мы не находим названия Дур-Шаррукин. Среди писем, опубликованных Вотерменом, название дворца Саргона вместе с названием страны Урарту встречается только один раз, в очень непонятном письме (№ 544), имеющем совершенно особый характер.

Правда, упоминание о Дур-Шаррукине встречается в посланиях четырех корреспондентов, сообщавших в других своих письмах сведения об Урарту. Таково письмо Габбуана-Ашура (№ 122), извещающее царя о том, что им вся солома переправлена в Дур-Шаррукин, а также письма Табшар-Ашура (№ 107 и 433), Ша-Ашурдуба (№ 138) и Шулму-бела (№ 890).

Но все они писали царю не один год, и отдельные их письма могли быть написаны через большие промежутки времени. Так, в частности, один из основных агентов, информировавший Саргона о событиях в Урарту, писец гарема Ашуррисуа, нес долголетнюю службу, пережил, по-видимому, самого Саргона и при его сыне Синахерибе впал в немилость.

Среди писем Британского музея есть очень интересное письмо (№ 382) Ашуррисуа, одного из самых деятельных разведчиков ассирийского царя, адресованное приближенному царя: «Второму начальнику, моему господину, — твой раб Ашуррисуа. Привет моему господину. Почему господин мой молчит? Я, как пес, бегаю и молю. Я написал три письма моему господину, почему же господин мой неблагосклонен и не пошлет мне ответ? На должность мою, господин мой, пусть я вернусь! Я, который, как сын, бегал (?) для твоего отца, который для тебя... (непонятный текст. — Б. П.) ...Как я писал, господин мой, пусть сделают. Сейчас я написал моему господину, пусть он скорее пошлет ответ на письмо».

В этом письме провинившегося агента говорится о его долголетней службе как самому царю, так и отцу царя. Так почему же мы должны считать, что другие корреспонденты Саргона писали ему в течение короткого времени, и ограничивать всю корреспонденцию, касающуюся Урарту, 710–709 гг., как это делает Олмстэд?

Несомненно, в письмах Куюнджикского архива, имеющих отношение к Ванскому царству, охватывается большой промежуток времени и повествуется о событиях, происшедших в Урарту как при Русе, сыне Сардура, так и при Аргишти, сыне Русы.

Сопоставляя эти письма, мы можем проследить изменения отношений Урарту с другими странами; так, в частности, в письме № 515 страна Зикирту упоминается как союзник Ванского царства, а в письме № 205 нашли отражение совершенно иные отношения урартского царя к Зикирту.

Для датировки писем Куюнджикского архива большое значение имеет заключительная фраза в сводке донесений, составленной Синахерибом (№ 197): «Письмо, которое принес из Табала Набули, начальник дома Ахатабиши, я отправил царю, моему господину». Саргон свою дочь Ахатабиши выдал замуж за царя Табала Амбариса, который в 713 г. восстал против Ассирии, был побежден Саргоном и уведен в плен. Таким образом, это донесение не может быть позже 714 г.²⁰

²⁰ АВИУ. № 50, строка 10; см. также: *Барамидзе А. А.* К вопросу о датировке проникновения киммерийцев в Переднюю Азию // *Сообщения Акад. наук ГрузССР. XVI. № 8. 1955. С. 647–654.*

Вряд ли можно отнести ко времени после 714 г. сообщение Ашуррисуа о том, что «манеи восстали в поселениях урартского царя в области морского побережья» (№ 381), так как после похода 714 г., как мы увидим ниже, урарты потеряли власть над страной Мана и вообще над всем южным и юго-восточным побережьем оз. Урмия. Несомненно, другие сообщения в письмах Куянджикского архива относятся ко времени похода Саргона против Русы. Последнее может быть показано при сопоставлении с другими ассирийскими источниками.

Большое значение для датировки некоторых писем Куянджикского архива имеют заключительные строки Луврской таблички, содержащей описание похода 714 г., так как они донесли до нас имя автора реляции, участника похода. Это — главный *абаракку* Табшар-Ашур²¹, хорошо нам известный по информационным донесениям из архива, где сохранилось 17 его подлинных писем, часть которых касается Урарту. Разве это не является убедительным доводом, что часть куянджикской корреспонденции относится именно ко времени VIII похода Саргона?

Здесь пришлось более подробно задержаться на вопросе датировки писем Куянджикского архива потому, что в научной литературе, как указывалось выше, распространено мнение, недостаточно обоснованное.

Следует также указать, что в вопросе о датировке писем этого архива немалую роль при отнесении их ко времени после VIII похода сыграли сведения о неурядицах и смутах в Урартском государстве, которые обычно связывались с положением Ванского царства, создавшимся после поражения, нанесенного ему Саргоном. Но это соображение ни в коей мере не может быть признано убедительным, так как оно продолжает чрезвычайно распространенное представление о конце истории Урарту в 714 г., опровергаемое нами при внимательном изучении последующих ассирийских источников и материалов раскопок на Топрах-кале и на Кармир-блуре.

Из предыдущей главы мы уже знаем, что после нанесения поражения Сардури Тиглатпаласаром урартская государственная власть сильно ослабла и от Ванского царства стали отпадать входившие в его состав страны, особенно на окраинах государства. Русе, вступившему на престол после Сардури, пришлось заново собирать Урартское государство и, кроме того, вести тяжелую борьбу с усилившимися наместниками областей, стремившимися выйти из-под зависимости от урартского царя.

Закончив внутренние дела, Руса стал проводить политику своих предшественников по расширению территории Урарту, но теперь это расширение шло главным образом за счет областей южного Закавказья.

Такая политика не вызывала противодействия Ассирии, для которой особенно опасным было укрепление Урарту в северной Сирии и в приурмийском районе. В 20-х гг. VIII в. отношения Ассирии к Ванскому царству носили мирный характер. Салманасар V, занятый внутренними делами страны, не обращал особого внимания на Урарту.

²¹ Текст Луврской таблички, № 427: «Я послал доставить донесение Ашуру, моему владыке, Табшар-Ашура, главного абаракку».

Но это положение изменилось после 722 г., когда на ассирийский престол вступил Саргон, родной сын Тиглатпаласара III и брат свергнутого им ассирийского царя. Последнее стало известно из надписи на зигатти (декоративном гвозде), находящемся в Стамбульском музее²². С самого начала своего правления Саргон стал внимательно следить за событиями, происходившими в соседних странах. Об этом свидетельствуют письма ассирийских разведчиков в Куянджикском архиве. События в Урарту особенно интересовали Саргона.

В этом отношении очень характерно письмо Уппахир-бела Саргону (№ 424), в котором, между прочим, сообщается: «Я послал специального гонца, чтобы узнать новости страны Урарту. Он возвратился и сообщил по этому поводу следующее: правитель, который находится против нас в городе Харда, отправился с другим правителем... от города к городу до Турушпы я установил наблюдение...»

Габбуана-Ашур из пограничной ассирийской крепости писал (№ 123): «Мои гонцы пойдут к Набули, Ашурбельдану и Ашуррисуа, которые должны были отправиться. Мы не преминули записать имена всех людей. Каждый выполняет свою работу, нет никакого упущения. Мы многократно слышали следующее: урартский царь из Турушпы не вышел, и мы будем вести наблюдения, как приказал господин, мой царь. 16 (?) числа месяца Таммуза я прибыл в город Курбан. 20 числа месяца Аб я отправил письмо царю, моему господину».

Интересно, что лица, упоминаемые в приведенном письме, сами были посланы в Урарту ассирийским царем. В коллекции Британского музея среди табличек Куянджикского архива хранится одиннадцать подлинных писем Ашуррисуа, а в восьми письмах других корреспондентов приводятся сообщенные им сведения²³. Подлинных писем Набули не сохранилось, но его информации приводятся в трех письмах²⁴.

Сводки донесений составлялись наследником ассирийского царя Синахерибом. До нас дошел ряд клинописных табличек, в которых Синахериб докладывает Саргону сообщения, полученные от разных лиц. Все эти донесения представляют для нас громадный интерес. В частности, из них мы узнаем о военных столкновениях урартов с киммерийцами, появившимися в Передней Азии в конце VIII в. Вот что сообщал о них Саргону Синахериб (№ 197): «Царю, моему господину, — твой раб Синахериб. Привет царю, моему господину. Ассирия благополучна, храмы благополучны, все царские крепости благополучны, пусть сердце царя, моего господина, будет весьма довольно. Мне писали уккийцы: когда царь урартский пошел на страну Гамир, все его войско было побито, сам он, его наместники с их войском были отброшены... Вот сообщение уккийцев... Набули, наместник города Хальсу, писал мне — я писал страже пограничных крепостей относительно вестей об урартском царе. Когда он отправился в страну Гамир, все его войско было побито, трое из его начальни-

²² Unger E. Sargon II von Assyrien, der Sohn Tiglatpileasers III // Publikationen der Kaiserl. Osmanischen Museen. IX. 1933.

²³ Waterman Leroy. Royal correspondence of the Assyrian Empire. № 101, 123, 144, 145, 146, 147, 148, 197, 198, 380, 381, 382, 383, 488, 490, 491, 492, 619, 1079.

²⁴ Ibid. № 123, 197, 1307.

ков со своими отрядами убиты, сам же он бежал и вступил в собственную землю; его лагерь до сих пор не достигнут. Вот сообщение Набули...»

О неудачном походе урартов против страны киммерийцев, во время которого был убит правитель страны Уаси (к юго-западу от оз. Ван), есть также сообщение Ашуррисуа, приведенное им со слов Урзаны, правителя Мусасира (№ 1079). В нем указывается, что поражение урартского войска вызвало в стране смуту. Воспользовавшись временным ослаблением центральной государственной власти, окраинные области Ванского царства стали отделяться. В письме Ашуррисуа сообщает Саргону (№ 381): «Манеи восстали в поселениях урартского царя, в области морского побережья, унесли добычу и поднялись в горы. Аналукуну (Абалукуну), наместник Мусасира, и Тунаун, наместник Кар-Сипара, отправились на манейскую границу для охраны».

Но кроме восстаний в окраинных областях Ванского царства, произошел мятеж и в центре Урарту, вызванный борьбой за власть между отдельными правителями урартских областей. Несомненно, это было также самым тесным образом связано с разделением урартских наместничеств на более мелкие, с борьбой государственной власти против чрезмерно усилившейся местной администрации.

Во главе восстания стоял урартский полководец (туртан) Каккадану. Ашуррисуа писал Саргону (№ 444): «Пять наместников страны Урарту вошли в страну Уаси. Ситину, наместник страны ...тени, Каккадану, который находится против страны Уккая, Сакуата из страны Каниун, Сиплиа из страны Алзи, Туту из страны Армираллиу — вот их имена... в Уаси они вошли, теперь силы свои отдаленные они приблизили, войска усилились. Царь вышел из Турушпы и направился в Каниун».

По-видимому, к мятежникам присоединилась и часть урартского войска, о чем рассказывается в другом письме Ашуррисуа (№ 492): «В начале месяца Нисан, урартский царь, вышел из Турушпы и направился в город Елизаду. Каккадану, его туртан, пошел в страну Уаси, войско всего Урарту схватил, царь спустился в Елизаду».

Русе удалось довольно скоро подавить этот мятеж, о чем сообщают ассирийские источники, опять-таки со слов Ашуррисуа (№ 197): «Весть об урартском царе. Прежнее, что я писал, подтвердилось, у них произошла большая резня, теперь страна его успокоилась. Начальники его — каждый в свою страну отправились. Каккадану, его туртан, схвачен. Царь урартский находится в стране Уаси».

Но, по-видимому, в то время как Руса ходил усмирять восстание в Уаси, за его спиной, в Тушпе, также произошло восстание, которое вскоре было подавлено, о чем сообщал Саргону основной разведчик ассирийского царя в Ванском царстве — Ашуррисуа (№ 144): «По поводу Нарагу, командира, о котором я писал господину моему, царю. Вместе с ним 20 начальников, которые злоумышляли против царя, схвачены. Теперь царь урартский вошел в Турушпу и стеснил их. Остальные, которые следовали (?) за ними... всего 100 воинов — убиты. Урсине, второй туртан, брат Аплиукну, схвачен в Турушпе» (сводка Синахериба).

Восстановив порядок в стране, Руса приступил к укреплению границ Урартского государства.

По-видимому, киммерийцы не особенно тревожили урартов, защитой которым служило Закавказье, где урарты построили ряд своих крепостей. Особую

опасность для государств Передней Азии киммерийцы стали представлять несколько позднее, в первой половине VII в.

Создав крепкую защиту северных частей Ванского царства, Руса, сын Сардури, приступил к скрытой борьбе против Ассирии.

На западе он заключил соглашение, направленное против Ассирии, с Амбарисом, правителем страны Табал, и с Мита, правителем мушков²⁵. Но в 713 г. Саргон направил свое войско в Табал и увел пленного Амбариса в Ассирию.

На юге Руса укрепил свое влияние в стране Мусасир, в главном городе которой находился храм бога Халди. Мусасир, по всей вероятности, входил в состав Ванского царства, так как там, наряду с местным правителем Урзаной, находился урартский наместник.

В горах к юго-западу от оз. Урмия, на перевале дороги, ведущей из Ревандуза в Ушне, врачом американской миссии Лобделлем в 1855 г. была открыта стела Русы с текстом на урартском и ассирийском языках. Памятник этот находится неподалеку от Келяшинской стелы, в полутора километрах от сел. Топузава, по дороге к сел. Сидикан. Топузавскую стелу курды в отличие от стелы Келяшин (Синий столб) называют «Келягяур» (Серый столб). К сожалению, надпись стелы сильно разрушена²⁶ и нет возможности восстановить ее полностью, но в сохранившихся строках речь идет о продвижении урартов до гор Ашура, возведении на мусасирский престол Урзаны и о принесении жертв в храме бога Халди в продолжение пятнадцати дней.

Мусасир имел важное стратегическое значение, чем и объясняется постоянное стремление урартов подчинить его своему влиянию. Страна Мусасир находилась к югу от Урарту и была для Ассирии малодоступна, так как отделялась от нее труднопроходимыми горами. В тексте Топузавской стелы говорится о достижении урартами гор страны Ашура. Но несмотря на эту естественную преграду, ассирийские цари имели все же сношения с Мусасиром.

Среди табличек Куюнджикского архива находится письмо (№ 409) Урзаны одному из ассирийских сановников, в котором мусасирский правитель отвечает на запрос, где находится урартский царь со своими отрядами и собирается ли он посетить Мусасир.

Урзана сообщает, что Руса еще не прибыл, но ожидается в скором времени, и на замечание о том, что никто без разрешения ассирийского царя не может приводить в Мусасир свои отряды, пишет: «Когда царь Ашура прибыл, мешал ли я ему: то, что он, ассирийский царь, сделал, этот, урартский царь, делает. Поэтому, как я могу ему помешать?»

По-видимому, это письмо относится ко времени начала царствования Саргона, но не исключена также возможность отнесения его ко времени правления Салманасара V или к концу правления Тиглатпаласара.

²⁵ Winckler H. Die Keilschrifttexte Sargons. I. Leipzig, 1899. S. 130.

²⁶ Разрушение стелы Леман-Гаупт относит к 714 г. На повреждение текста стелы именно ассирийцами указывает то обстоятельство, что на памятнике особенно тщательно выбит титул бога Халди — «владыка мира», совпадающий с обычным титулом бога Ашура. На Топузавской стеле также бесследно сбито и имя ассирийского царя (*Lehmann-Haupt. Armenien. II. I. S. 299*).

С самого начала своего царствования Саргон вел борьбу в трех районах. В Сирии и Палестине ему пришлось столкнуться с мелкими княжествами, пользовавшимися поддержкой египтян, на юге он ставил своей целью подчинение Вавилона, а на севере ему предстояла встреча с сильнейшим из противников — с Ванским царством. Борьба на этом фронте несколько облегчалась внутренними неурядицами в Урарту, о которых речь шла выше.

Первые два года правления Саргон был занят военными действиями в Сирии и Палестине, где уже на второй год ассирийцы добились крупных успехов, разбив войска египетского фараона Шабаки²⁷.

С III года Саргон перенес действия на северный фронт. Особенно упорная борьба между Ассирией и Урарту шла за влияние в стране Мана и в других приурмийских областях. Ассирийские летописи рассказывают, что после смерти правителя Маны Иранзу Саргон возвел на престол его сына Аза. Руса же организовал восстание против Аза и после убийства Аза содействовал вступлению на манейский престол Уллусуну, который подарил ему двадцать два города (поселения)²⁸.

Создались очень напряженные отношения между Ассирией и Урарту, но ни один из противников не решался начать открытую борьбу.

Армии ассирийцев и урартов избегали встречи и поочередно отступали. Так, в 761 г. Саргон направился походом в Мана, взял приступом крепости и разрушил главный город Изирту, но урартский царь не оказал помощи своему ставленнику, оставив его на произвол судьбы.

Разумеется, страна Мана не смогла выдержать напора ассирийской армии, значительно превосходившей по силе войска других государств Передней Азии.

Ассирийская армия состояла из следующих основных четырех родов войск: пехоты, конницы, колесниц и строительных отрядов. Наиболее многочисленной группой, естественно, была пехота, самостоятельно решавшая иногда военные задачи.

Пехота уже с древнейших времен делилась на два вида: тяжелую и легкую. К первой относились воины, игравшие главным образом оборонительную роль. Обычно они были вооружены копьем или мечом и имели щиты, своими размерами иногда превышавшие человеческий рост. Легкая пехота состояла из лучников, пращников и копейщиков и играла активную роль в наступательных действиях. Сила ассирийской пехоты была в том, что в ней эти два вида пехоты были слиты воедино. Боевое звено ассирийской армии состояло из двух или трех человек: легковооруженного лучника или двух лучников, действовавших под прикрытием воина, имевшего щит и вооруженного лишь копьем или мечом. Благодаря такой организации и наступательная и оборонительная сила армии была очень велика.

Организация ассирийской конницы совпадала с организацией пехоты. Там также основное боевое звено составляли два воина; один, вооруженный луком, другой — копьем и щитом.

²⁷ Winckler H. Die Keilschrifttexte Sargons, I. Leipzig, 1899. — Вместе с Шабакой был побежден и Ганно, правитель Газы, уведенный в ассирийский плен.

²⁸ [Schrader E.] Keilinschriftliche Bibliothek. II. Berlin, 1890. S. 57–59.

Большую силу в ассирийском войске, особенно при атаках на открытом месте» представляли колесницы (правда, ввиду значительной материальной ценности число их было ограничено). Увеличение числа колесниц ассирийские цари считали своей заслугой, и Тиглатпаласар I особо отмечал, что он для укрепления своей страны умножил, по сравнению с прежним, число боевых колесниц.

На рельефах, в сценах осады и штурма крепостей, показаны также и стенобитные машины-тараны. Они устанавливались на повозках и подкатывались к стенам крепости по особо сооруженному деревянному настилу. Устройство таранов было простым: на высокой деревянной конструкции, на цепях или канатах, опускавшихся сверху, подвешивалось тяжелое бревно, на передний конец которого надевалась металлическая оковка, а к заднему прикреплялся груз. Бревно, служившее тараном, приводилось в действие раскачиванием. При такой конструкции таран мог пробить не только основания крепостных стен, но также и верхние их части на высоте 8–10 м²⁹.

Войска Саргона, вступившие в 716 г. в страну Мана, легко одержали победу. На одном из рельефов XIV зала Дур-Шаррукина изображены ассирийский военный лагерь и сцена переписи взятых в плен манейцев, закованных в кандалы³⁰. Уллусуну, отдавший себя в руки победителя, был прощен. Саргон вернул ему престол, установил в стране Мана угодную ему власть и в подтверждение этого в столице Изирту поставил свою статую.

Но на следующий год Руса опять организовал в Мана восстание, во главе которого встал Даиукку. И снова, сразу же после ухода урартских войск, Саргон появился в мятежной стране, подавил восстание и пленного Даиукку увел в Хамат³¹. Вместе с тем он проводил подготовку решительной борьбой с Урарту, широко пользуясь информацией о внутреннем положении своего противника.

В 714 г., в VIII год своего правления, Саргон снарядил поход в страны к востоку от оз. Урмия. Этот поход нам хорошо известен благодаря тексту Луврской таблички.

Заключительные строки текста сохранили, кроме имени его автора, абаракку Табшар-Ашура, также и имя писца: «Таблица Набу-Шалимшуну, великого царского писца, главного мудреца, везира Шаррукина царя Ассирии, старшего сына Хармакку, царского писца из Ашура»³².

В XIII зале Дур-Шаррукина, на его стенных рельефах, были изображены отдельные эпизоды этого похода. К сожалению, сохранилась лишь часть рельефов юго-западной половины зала. Они относятся к концу похода, к взятию города Мусасира, прекрасно дополняя и иллюстрируя соответствующую часть Луврской таблички³³.

В начале лета 714 г. войско Саргона с большим караваном верблюдов и ослов выступило из Калху. Переправившись через Верхний и Нижний Заб во вре-

²⁹ Пиотровский Б. Б., Флиттнер Н. Д. История техники древнего Двуречья // Очерки по истории техники Древнего Востока. М.; Л., 1940. С. 116–121.

³⁰ Botta P. E., Flandin E. Monument de Ninive. II. Paris, 1849. Tabl. 146.

³¹ Winckler H. Die Keilschrifttexte Sargons. I. Leipzig, 1899. S. 17.

³² Thureau-Dangin F. Une relation de la huitième campagne de Sargon. Paris, 1912. P. 66.

³³ Botta P. E., Flandin E. Monument de Ninive. II. Paris, 1849. Tabl. 140–143.

мя половодья, Саргон вступил в ущелье гор Куллар и взял путь на север, третий раз снарядив свою армию «внутрь гор»: «К странам Зикирту и Андиа направил я дышла колесниц Нергала и Адада» (14)³⁴.

Прежде чем попасть в приурмийскую низменность, ассирийцам пришлось преодолеть трудные горные пути с переходами через перевалы и переправами через горные реки: «Я прошел между Никиппой и Упои, горами высокими, поросшими всякими деревьями, чья поверхность мятежна, перевалы опасны, простирающими тень над окрестностями, подобно кедровому лесу, так что тот, кто идет их путями, не видит сияния солнца, а реку Буйа, что между ними, переходил я двадцать шесть раз». Движение армии проходило успешно, и, согласно тексту, воины, как «храбрые орлы, перелетали через горы», а верблюды и груженные ослы «перепрыгивали подобно козерогам горным» (18).

Перевалив через шесть гор (Синахулзи, Бируатти, Туртани, Синабир, Ахшуру и Суйа) и переправившись через две реки (Раппа и Аратта), Саргон спустился в Сурикаш, провинцию страны Мана, граничившую со странами Карраллу и Аллабрия, правители которых, Ашурли и Итти, еще в 716 г. выступали против ассирийского царя.

Правитель Мана Уллусуну вышел навстречу ассирийскому войску, приветствовал Саргона в своей пограничной крепости и привел ему в дар табун коней, а также стада крупного и мелкого рогатого скота (32–36). Подобные подарки Саргон получил и от царя Аллабрия Бел-апал-иддина (38), по-видимому, ставленника Саргона, заменившего Итти.

Впоследствии Саргон так описывал свой поход: «Уллусуну с людьми страны своей в сердечной готовности служить мне поджидал моего подхода в своей крепости Сирдакка. Подобно моим доверенным, ассирийским наместникам, он устроил склады муки и вина для прокорма моего войска, поручил мне своего старшего сына с подношением и приветственным даром и для укрепления своего царства посвятил мне свою стелу».

Саргону принесли дары также правители малых стран, которые просили ассирийского царя заставить Русу уйти из страны Мана. Саргон обещал нанести Урарту поражение, освободить страну Мана и восстановить ее прежние границы (56). Но все же сразу он не стал предпринимать против Урарту никаких военных действий, а взял путь на восток, в страны Зикирту и Анди. По пути ассирийцы создавали свои базы (по всей видимости, на случай вынужденного отступления или же перехода к обороне).

Так, в Панзиш, мощной пограничной крепости между странами Зикирту и Анди, были сложены зерно, масло и вино (76–78). Только после этого Саргон вторгся в пределы Зикирту. Метатти, правитель Зикирту, союзник урартского царя, не принял битвы и скрылся в горах, так что ассирийцы не смогли его обнаружить. «Метатти, зикиртиец, сбросивший ярмо Ашура, презревший Уллусуну, своего владыку, забывший свою службу, полагался на Урсу, урарта, — что, как и сам он, не ведал порядка, — на союзника, неспособного спасти его жизнь, — в страхе поднялся он на Уашидирикку, трудную гору, и как увидел он издали движение моего войска — оцепенела плоть его; всех людей страны сво-

³⁴ В скобках указываются строки текста Луврской таблички.

ей он собрал, заставил их подняться с трудом в далекие горы, и не было найдено их место». Свой город Парда он бросил, оставив сокровища дворца на разграбление (80–84)³⁵.

Прекратив преследование врага, Саргон вдруг резко изменил путь своего войска. Дело в том, что ассирийский царь неожиданно узнал, что Руса вместе со своими союзниками, вождями горных племен, взошел на гору Уауш (Сохенд) и в горном ущелье построил свою боевую армию (96–111). Об этом рассказывается в следующих словах: «После прежних своих грехов он совершил великое безрассудство на разгром страны своей и истребление своим людям: на Уауше, большой горе, чья глава воздвигнута посреди небес, наравне с облаками, где от века не проходила ни одна живая душа, чьих путей не видывал путник, да и крылатые птицы небес не летали над нею, не выводили птенцов, не вили гнезда на высокой горе, что торчит словно острие кинжала и где зияют пропасти и далекие горные ущелья. В сильную жару и сильные морозы гора эта — гибель, утром и вечером на ней сияние, день и ночь на ней копится снег, во весь рост она покрыта льдом; у того, кто переходит ее предел, — тело его поражают порывы бури, а от холода горит его плоть. Здесь он (Урса) собрал свое многочисленное войско и своих союзников и для отмщения за Метатти зикиртца выстроил боевые силы, бойцов своих, опытных в битве... построил, посадил их на верховых быстрых коней и вручил оружие». В Луврской табличке мы читаем, что о подготовке нападения урартов Саргону сообщил его разведчик: «В ущелье этой горы он построил войско; о сближении и умножении боевых сил меня известил мой гонец».

Среди писем Куянджикского архива сохранилось одно письмо (№ 515), в котором можно видеть донесение, упоминаемое в Луврском тексте, об урартском царе: «Гонец андийского правителя и гонец правителя Зикирту прибыли в Уаси и сказали ему: царь Ассирии против нас. Как только он повидался с гонцами, он вступил в страну Зикирту. Он был со своими войсками и хубхийским правителем в 5 переходах, но вернулся. Среди своих вельмож он сказал: собирайте ваши воинские силы для истребления царя Ассирии обходом...». Письмо написано на плохом ассирийском языке с грамматическими ошибками и описками.

Очень заманчиво предположение, что автор этого письма Бел-иддина и правитель страны Аллабрия Бел-апал-иддина, упоминаемый в тексте Луврской таблички (38), одно и то же лицо.

Саргон, получив сведения о том, что в его тылу находится урартское войско, решительно изменил свой путь и стремительно двинулся в страну Уишдиш против Русы. Ассирийский царь направился на врага лично, в боевой колеснице, в сопровождении всадников и отряда Синахусура (132), своего близкого друга, которому Саргон построил дворец в Дур-Шаррукине, рядом со своим дворцом.

Внезапно, среди ночи, напал он на лагерь урартов и разбил их наголову. Урартские воины — лучники и копейщики — не выдержали нападения, «ущелья гор были заполнены их трупами, и кровь убитых врагов текла как река».

³⁵ Winckler H. Die Keilschrifttexte Sargons. I. Leipzig, 1899. S. 27.

Много всадников, знатных уратов, было взято в плен. «Войскам Урату, злого врага, и его союзникам нанес поражение, на горе Уауш обратил их в бегство; их конями я наполнил горные пропасти и ущелья, а сами они, как муравьи в беде, отправились трудными путями».

Сам Руса, как рассказывается в тексте, бросил свою боевую колесницу и был принужден спасаться верхом на кобыле³⁶. В образной форме переданы испуг и отчаяние уратского царя: «Как у птицы ушей, что спасается от орла, содрогнулось его сердце, как проливший кровь, он покинул Турушпу, свой царский город, и, как бегущий от охотника, он достиг краев своих гор; как роженица, бросился он на ложе, отвергал от уст своих хлеб и воду, неизлечимый недуг на себя навел он» (148).

И в заключение в тексте говорится, что поражением Русы был нанесен решительный удар антиассирийскому союзу стран Урату, Зикирту и Андиа, и Саргон торжественно заявил: «Стопы злого врага отвратил я от страны манеев» (154).

После поражения, нанесенного ассирийцами уратскому войску в стране Уишдиш, Саргон двинулся в Урату по восточному побережью оз. Урмия. «Уишдиш, область страны манеев, которую отнял и взял себе Урса (Руса), — ее многие поселения, что как звезды небесные, не имели числа, покорил я, их укрепленные стены вместе с насыпью их основания я разбил, как горшки, и сровнял с землею, многочисленные их амбары без числа я открыл и ячменем без счета накормил мое войско» (162). Сломив сопротивление мощной пограничной крепости Ушкайа, стены которой на высоком основании достигали 8 локтей (4 м толщины), Саргон двинулся к северу, вступив в провинцию Суби, где разводились верховые лошади для уратской конницы (167–177).

По тексту Луврской таблички можно заключить, что восточное побережье оз. Урмии было богатым земледельческим районом, так как при описании захвата отдельных крепостей и поселений этой провинции особо отмечается разграбление закромов с ячменем.

Очень красочно описывается взятие города Улху, находившегося в районе современного Маранда. Эта часть текста сохранилась на том обломке таблички, который поступил в Берлинский музей³⁷.

Вначале рассказывается о работах, проведенных уратским царем Русой, в результате которых пустынная местность превратилась в цветущий район. К городу была подведена питьевая вода, безводные участки стали орошаться при помощи каналов с отходящими от них арыками. Не орошаемая прежде земля использовалась под пашнями и плодовыми садами, большие участки стали пастбищами для скота. Далее говорится о роскошном дворце, выстроенном на берегу канала.

Жители, узнав о приближении ассирийцев, скрылись в горах, оставив свой город. Ассирийские воины ринулись, «подобно урагану и ливню», и, вступив в захваченный район, смели все на своем пути.

³⁶ О битве на склоне Сохенда подробно рассказывается и в анналах Саргона; в них же говорится о том, что Саргон вернул Уллусуну, царю страны Мана, часть захваченной у Русы территории.

³⁷ Meissner B. Die Eroberung der Stadt Ulhu auf Sargons 8. Feldzug // ZA. XXXIV. 1922. S. 113–122.

Каменная стена города была разрушена, «как глиняный горшок», «железными кирками и мечами» и сровнена с землей. Та же судьба постигла и дворец. «Полные закрома города» и винные погреба были отданы ассирийскому войску на разграбление. «Устье канала было запружено, и его воды превращены в болото». Во всем районе «гремел грохот железных топоров», сады вырубались, а срубленные деревья складывались в кучи и тут же сжигались. Посевы были уничтожены до последнего колоса, а луга вытоптаны конницей и пехотой. В тексте отмечается, что эти опустошения совершались для того, «чтобы в битве никогда жители не оставляли сердечного страха, во веки веков чтоб томились неисполнимым желанием».

Особым богатством отличалась провинция Сангибуту (северо-восточное побережье оз. Урмия), имевшая много городов, которые «на высотах хребта Арзаба сверкали мощными стенами». Очень высокие стены (в 120 рядов кирпича, т. е. около 14 м) были обнесены глубокими рвами, а около ворот находились башни. Кроме того, для наблюдения в горах были построены небольшие сторожевые башни, на которых постоянно дежурили дозоры, и в случае опасности зажигались сигнальные огни (239–249). При приближении ассирийской армии жители Сангибуту покинули свою страну и скрылись в горах (249).

В тексте Луврской таблички от лица Саргона рассказывается: «Как темная туча вечера, покрыл я эту страну, все покрыл я, подобно стае саранчи... Громадные запасы ячменя и пшеницы, которые за большое время они собрали в свои амбары, я приказал нагрузить на спины лошадей, мулов, верблюдов и ослов. В лагере своим зерно я нагромоздил, подобно холмам», зерно было отдано воинам (253, 262–264).

Из Сангибуту ассирийцы двинулись в страну Армарили, упоминаемую в донесениях ассирийских разведчиков³⁸, и взяли город Арбу, «город рода отца Русы», и Риар, «город Сардури» (277). Семь укрепленных городов, где помещались гарнизоны и жили родственники урартского царя, Саргон сравнял с землей (278–279).

Далее путь ассирийского войска шел через «гору Уизукки, гору кипарисовую, из пестрого мрамора», в страну Аиади (280), в которой было «30 городов, укрепленных на берегу волнующегося моря, у склонов великих гор».

В тексте особо отмечены города Аргиштиуна и Каллания. Эти крепости «сверкали, подобно звездам», и «основания их достигали высоты 4 раза 60 локтей» (около 120 м)³⁹.

Далее ассирийские войска выступили из Аиади, перешли реки Аллуриу, Каллания и Кинайя и прибыли в Уаиаис «его (Урсы) опорную область, конец пределов Урарту, что рядом с Наири» (297).

Тюро-Данжен, опубликовавший текст Луврской таблички, в комментариях к изданию дал детальный разбор маршрута ассирийской армии во время похода Саргона. Но маршрут, установленный Тюро-Данженом, вызвал возражения со стороны Леман-Гаупта⁴⁰. В основном их расхождения начинаются с локали-

³⁸ *Waterman Leroy*. Royal correspondence of the Assyrian empire. № 44. — В этом донесении упоминается наместник «страны Армиралиу» — Туту.

³⁹ По-видимому, речь идет о высоте скал, на которых были построены крепости.

⁴⁰ *Lehmann-Haupt*. Armenien. II. I. S. 317–323.

зации страны Аиади (Аиаду). Леман-Гаупт признавал правильным восстановление пути движения ассирийского войска до горы Сохенд и согласился с тем, что урартская пограничная крепость Ушкайа находилась в районе современного Тебриза, а город Улху — поблизости от современного Маранда.

Но Леман-Гаупт решительно возражал против локализации страны Аиади на северном побережье оз. Ван и полагал, что она занимала низменное восточное побережье озера, т. е. находилась в центральной части Ванского царства⁴¹. Свое мнение он подкреплял отождествлением лесистых гор Уизукки, богатых мрамором, о которых говорится в Луврском тексте, с Зымзымдагским хребтом, действительно имеющим выходы мрамора. А в упоминаемых в тексте крепостях страны Аиади, сооруженных на горных вершинах, Леман-Гаупт видел крепости Ванского района, как, например, Анзав, Каладжик (Аралезк) и Хуркум. Указывая на то, что ни одна из этих крепостей не связана с именем Аргишти, он высказал предположение, что под городом Аргиштиуна следует подразумевать Ванскую цитадель. Леман-Гаупт считал также, что, вероятно, в той нише Ванской скалы, где имеются следы стесанной клинообразной надписи, была вырезана победная надпись Саргона, позднее уничтоженная Аргишти, сыном Русы.

Леман-Гаупта в этом вопросе поддержал также Г. А. Меликишвили, который страну Аиаду(ни) и город Уишини, встречающиеся в надписи, находившейся в Ахтамарском монастыре (УКН. № 62), отождествляет, так же как и И. М. Дьяконов, со странами Аиади (Аиаду) и городом Уаиаис текста Саргона. Локализация этих местностей южным берегом оз. Ван основывается на предположении о том, что надпись на острове Ахтамар могла быть привезена только с южного берега озера, из района Хуркума⁴². Если даже согласиться с отождествлением приведенных терминов, то первоначальное нахождение камней с клинописью все же остается неясным: они могли быть привезены в Ахтамарский монастырь и с северного и с восточного берега озера. Линч рассказывает о лодочниках, совершавших постоянное каботажное плавание по озеру, у Ахтамара он встретил тех лодочников, которые его доставили из Арджиша в Ван⁴³. Таким образом, надписи, хранившиеся в монастыре на острове Ахтамар, никак не могут служить твердым основанием для локализации имеющихся в них названий стран и городов.

Локализация страны Аиади имеет решающее значение для ответа на вопрос, проникал ли Саргон в центральную часть Урарту. Если мы примем маршрут, предложенный Тюрю-Данженом, то на этот вопрос мы принуждены будем дать отрицательный ответ, в то время как Леман-Гаупт твердо был уверен в том, что Саргон прошел через самый центр Ванского царства. Если мы сопоставим эти два довода и обоснования, то увидим, что мнение Леман-Гаупта оставляет больше неясностей и спорных моментов.

Представляется совершенно невероятным, чтобы в тексте о походе ассирийцев в самое сердце Урарту не была упомянута столица этого государства Тушпа, тем более что ее название часто встречается в информационных пись-

⁴¹ Ibid. S. 320.

⁴² Меликишвили Г. А. Урартоведческие заметки // ВДИ. 1951. № 3. С. 177.

⁴³ Линч Х. Ф. Б. Армения. II. Тифлис, 1910. С. 166.

мах, связанных с подготовкой похода 714 г. У нас нет никаких данных для отождествления города Аргиштиуна с цитаделью Ванской скалы, сооруженной в главной ее части Менуа, и более вероятно сопоставление древнего Аргиштиуна с современным городом Арджишем⁴⁴. В Луврском тексте говорится о тридцати укрепленных городах страны Аиади, находившихся «на берегу волнующегося моря, у склонов великих гор». И эта фраза делает более вероятным предположение Тюр-Данжена, так как такому описанию соответствует северное побережье оз. Ван.

Мне представляется, что маршрут похода 714 г. (рис. 7) установлен Тюр-Данженом с большей обоснованностью, нежели маршрут, предложенный Леман-Гауптом, и поэтому в дальнейшем изложении я буду придерживаться мнения французского ученого.

Нам неизвестны причины, по которым Саргон отказался от похода к столице Ванского царства Тушпе, но следует думать, что это не было случайностью и что Саргон, учтя полученные им сведения относительно положения в Урарту, не рискнул двинуться в самый центр страны.

Надо заметить, что все ассирийские походы имели более тщательную подготовку, чем нам это обычно представляется, и их маршруты далеко не были случайными.

Обойдя оз. Ван с севера и запада, ассирийское войско попало в область Уаси, часто упоминаемую в информационных письмах Куянджикского архива, и осадило город Уаиаис, «крепость великую, могущественную более других крепостей» (299). В ней содержался большой урартский гарнизон, а также разведчики-шпионы (amil da-a-li).

Гарнизон города заперся в крепости. Город этот был взят с тыла, и в Луврском тексте от лица Саргона написано: «Воинов его я перебил перед воротами, как ягнят» (301).

После этого, покинув район современного Битлиса, армия Саргона вошла в страну Наири, находившуюся в долине р. Бохтан. Саргона встретил местный правитель Ианзу, который в своей царской резиденции, городе Хубушкии, принес ассирийскому царю богатые дары: лошадей, крупный и мелкий рогатый скот (306).

При обратном движении армии Саргон внезапно принял новое решение — предпринять поход против страны Мусасир. Об этом существует следующая запись в Луврской табличке: «При моем возвращении Урзана Мусасирский, совершивший грех и преступление, нарушивший клятву богов, непокорный владычеству, злой горец, который согрешил против договора с Ашуром, Набу и Мардуком и затем возмутился против меня, прервал мое продвижение вперед при возвращении с похода, так как со своими тяжелыми подношениями он не поцеловал мои ноги; подать, дань, свои подношения он удержал и ни разу не послал своего гонца, чтобы приветствовать меня» (309–312).

На обратном пути Саргон с тысячным отрядом направился к Мусасиру. Текст дает подробное описание трудного пути к Мусасиру, расположенному в леси-

⁴⁴ Никольский М. В. Об одном из древних названий Ванского озера и о современном названии города Арджиш // Сб. статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916. С. 167–175.

стых горах; а лесистые горы служили обычно самым тяжелым препятствием, так как в них всегда можно было ждать внезапного вражеского нападения. «С одной только колесницей ног моих и 1000 моих всадников горячих, лучников, людей, вооруженных щитом и копьем, моих яростных воинов, сведущих в сражении, я привел в порядок и затем дорогу на Мусасир, путь трудный, я взял, на Арсиу, гору могучую, склоны которой подобны острию и не имеют подъема, я заставил подняться мои войска. Реку Верхний Заб, которую жители Наири и Килху называют Еламуниа, я перешел между Шейак, Ардикши, Илайау, Аллурриу, горами высокими, гребнями возвышенными, остриями трудных гор, которые исключают всякое описание. Между ними нет пути для продвижения пехоты, внутри их образуются могучие водопады, шум падения которых... гремит, как гром; они покрыты всевозможными деревьями и всеми желаемыми плодовыми деревьями и виноградными лозами, куда никакой царь еще не проходил, и властитель, бывший до меня, не видел их пути. Их большие стволы я срубил и затем крупные их острия медными кирками вытесал. Дорогу узкую, проход, тропинку, которую пехотинцы прошли бочком, для прохода моих войск между ними я устроил, колесницу ног моих я положил на затылки людей, а я верхом на лошади стал во главе моего войска» (320–331)⁴⁵.

Относительно местоположения Мусасира, страны и одноименного ей города (по-урартски «город бога Арда»), до сих пор нет единого мнения.

Тюро-Данжен полагал, что страна Мусасир была расположена на западном склоне горного хребта, отделяющего бассейн оз. Урмия от Тигра. По его мнению, в Келяшинской и Топузавской стелах отмечалась южная граница страны в хорошо укрепленной естественными условиями горной местности, в районе современного Диза, сам же город Мусасир находился в северной части страны. В Луврском тексте написано, что ассирийская армия, прежде чем вступить в город Мусасир, должна была переправиться через р. Верхний Заб, «которую жители Наири и Килху называют Еламуниа». Тюро-Данжен полагал, что место переправы армии Саргона через Верхний Заб было несколько севернее впадения в него р. Нигзиль-чая. По его мнению, такое местоположение Мусасира в труднодоступной горной местности вполне соответствует описанию на цилиндрической печати Урзаны⁴⁶, в котором Мусасир образно называется змеей в горах, раскрывшей свою пасть.

Леман-Гаупт не согласился с локализацией Мусасира, предложенной Тюро-Данженом, и считал, что страна Мусасир была небольшой, но имела несколько городов; на западе она простиралась до Ревандуза, на юге вряд ли доходила дальше долины р. Топузава, и только на севере она могла уходить в глубь гор. Город Мусасир, по его мнению, находился в непосредственной близости от Келяшинской и Топузавской стел, подтверждение чему он видел в тексте Келяшина. Леман-Гаупт предполагал, что город был на холме, к востоку от стелы. Там сохранились остатки крепостной стены и развалины каменных построек⁴⁷.

⁴⁵ Перевод А. П. Рифтина.

⁴⁶ *Menant J. Recherches sur la glyptique orientale*. II. Paris, 1886. P. 95–96. Fig. 92.

⁴⁷ *Lehmann-Haupt. Armenien*. II. I. S. 299–300.

Внутренняя стена крепости охватывает площадь примерно 36 на 32 м. В. Ф. Минорский считал, что эта площадь слишком незначительна для Мусасира, и на этом основании отвергал локализацию Мусасира, предложенную Леман-Гауптом⁴⁸. Но последний, как бы предвидя это возражение, указывал на то, что внутри стен могли поместиться и дворец и храм, так как урартские храмы были небольшого размера.

Леман-Гаупт высказывал мнение, что ассирийское название *Мусасир* можно этимологизировать как «Нора (выход) змеи» (*muša-širi*), что подтверждается также метафорическим образом текста печати Урзаны. Он пытался объяснить эту метафору местоположением города; «голова змеи» в таком случае находилась около Сидекана, где сливаются реки Бора и Топузава. Гётце полагал, что название *Мусасир* связано со словом *сверчок* или *саранча*⁴⁹.

Так как ассирийские цари бывали в Мусасире еще до 714 г., Леман-Гаупт предполагает следующий путь из Ниневии в Мусасир: Ниневия — Малтайа — Дехогский перевал — Дауджиа — Гавар, с выходом на урартскую военную дорогу Ван — Мусасир. Но во время похода 714 г. ассирийцы шли другим путем, с запада.

Следует признать, что до археологических исследований как в районе Келяшина и Топузавской стелы, так и в районе Диза, где, по мнению Тюрро-Данжена, находился Мусасир, вопрос о местоположении Мусасира остается открытым.

Но в предположениях Леман-Гаупта имеется еще одно затруднение — локализация страны Уаси и города Уаиаис, упоминаемого в Луврском тексте.

По мнению Леман-Гаупта и Белька, страна Уаси находилась поблизости от Мусасира, так как из письма Урзаны известно, что среди лиц, сопровождавших урартского царя к Мусасиру, были наместники Уаси, страны уккийцев. Главный город Уаси, Уаиаис, представлял собой мощную крепость с большим гарнизоном и центр разведки. Несомненно, эта крепость находилась в чрезвычайно важном в стратегическом отношении пункте.

Леман-Гаупт отождествлял крепость Уаиаис-Уаси с современным городом Башкала, к юго-востоку от Вана. Он указывал, что название *Башкала* (*головная*, или *главная крепость*) говорит об исключительном стратегическом значении этого пункта. Крепость действительно расположена на перекрестке двух важных дорог: Ван — Диза — Нери — Ревандуз и оз. Урмия — перевал Чух — Ван.

По Луврскому тексту крепость Уаиаис (Уаси) называлась «пограничной ногой» Урарту и находилась по соседству с Наири-Хубушкиа, в то время как крепость Ушкайа (в районе современного Тебриза) называлась «пограничной головой» и находилась против страны Мана. Таким образом, обе эти крепости, по ассирийским источникам, являлись главными крепостями на западной и восточной окраинах южной границы Ванского царства. По мнению Леман-Гаупта, Тюрро-Данжен отметил это совершенно правильно, но отнес Уаиаис-Уаси слишком далеко на запад⁵⁰.

⁴⁸ Минорский В. Ф. Келяшин, стела у Топузава и древнейшие памятники вблизи Урмийского озера // ЗВО. XXIV. 1917. С. 145–193.

⁴⁹ Goetze A. Musas(s)ir // RA. XLVI. 3. 1952. P. 158–150.

⁵⁰ Леман-Гаупт в своей заметке, посвященной походу 714 г. (*Lemann-Haupt C. F. Zu Sargons II Feldzug gegen Urartu, 714 v. CRr. // Klio. XV. 1918. 3–4. S. 439–440*), справедливо отвергает отождествление Уаси с Ушне.

Здесь пришлось много внимания уделить вопросу о местоположении Мусасира, относительно которого существуют две изложенные выше точки зрения. Находящийся в нашем распоряжении материал не дает возможности определенно принять одну из них, но все же вполне вероятно, что старое мнение Тюроданжена более обосновано, страна Аиади (Луврский текст) гораздо легче отождествляется с названием страны на северном побережье оз. Ван, чем с именем центральной части Урарту, и вместе с тем есть больше оснований для отнесения страны Уаси в район Битлиса, нежели в район Башкала. Но несомненно, что страна Уаси находилась в труднодоступной горной местности к юго-востоку от Тушпы.

Очень возможно, что Руса, ожидая вторжения Саргона в центральную часть своего государства, перевез царскую казну в страну Мусасир, правитель которой был союзником ванского царя. Может быть, именно это обстоятельство и толкнуло Саргона на чрезвычайно трудный поход через лесистые горы.

Но вернемся к тексту Луврской таблички, который дополняется также анналами и другими надписями Саргона.

Внезапно подступив к Мусасиру, ассирийское войско, «подобно саранче»⁵¹, покрыло всю местность. Правитель Мусасира Урзана бежал в горы, оставив в городе свою жену и детей⁵². При приближении ассирийцев в Мусасире началась паника, и в Луврском тексте подробно описывается смятение, охватившее город.

Жители взывали о помощи к своему богу: «Больших быков, жирных баранов без счета они перед ним приносят в жертву, бога Халди они венчают коронной владычества, они дают ему держать скипетр царства Урарту.... Над этим городом клич моего войска я заставил греметь, как гром... Его люди, старики и старухи поднялись на крыши своих домов и горько плачут, ради спасения своих жизней они ползают передо мной на четвереньках. Так как Урзана, царь их, правитель, по слову Ашура не смирился и затем сбросил ярмо моего владычества и пренебрег служением мне, я задумал взять в плен людей этого города; увод бога Халди, опоры Урарту, я повелел. Перед большими его воротами победоносно я посадил его, его (Урзаны) жену, его сыновей, его дочерей, его людей, семя дома отца его я взял в плен. Я присчитал их к 6110 людям, 12 мулам, 380 ослам, 525 быкам, 1235 баранам и затем ввел их в укрепление моего лагеря»⁵³. В Мусасир, местопребывание Халди, победоносно я вошел и во дворец, жилище Урзаны, я воссел как властитель» (341–350).

С кладовых, переполненных нагроможденными в них сокровищами, были сбиты «печати их хранения». Все содержимое стало добычей ассирийского царя. В тексте приводится длинная опись захваченной добычи, причем одного только золота было взято около 1040 кг (34 таланта и 18 мин), а серебра — 5060 кг (167 талантов и полмины)⁵⁴. Кроме того, во дворце были взяты чистая медь,

⁵¹ [Schrader E.] Keilinschriftliche Bibliothek. II. Berlin, 1890. S. 63.

⁵² Winckler H. Die Keilschrifttexte Sargons. I. Leipzig, 1899. S. 31.

⁵³ В анналах и торжественной надписи Саргона даются другие цифры: людей 6170 (анналы), 20170 (торжественная надпись). В анналах говорится о 690 мулах и ослах, 920 быках и 100225 овцах.

⁵⁴ В анналах Саргона даются следующие цифры: золота 34 таланта и 18 мин, серебра 160 талантов и 2½ мины.

свинец, сердолик, лазурит и несметное количество разных драгоценных камней (351–352).

Далее приводится перечень отдельных, главным образом металлических, вещей, причем в некоторых случаях особо отмечается их урартское производство. Захватив имущество в кладовых дворца, Саргон направил своих приближенных и начальников отрядов в храм бога Халди, где добыча оказалась еще более значительной.

На рельефах Дур-Шаррукина имелось изображение разграбления ассирийцами Мусасирского храма. В центре этой сцены изображен храм, соответствующий описанию ассирийского текста, в левом верхнем углу — ассирийский чиновник, ведущий счет захваченным богатствам. Перед ним стоят два писца, один из которых записывает клинописью на глиняной табличке, а другой — арамейским письмом на папирусе. Рядом находился другой рельеф с изображением взвешивания добычи на весах.

Согласно сведениям Луврской таблички в храме было взято, кроме большого количества золота (цифра не сохранилась), около 500 кг серебра (162 таланта и 20 ⁶/₃₆ мины) и 109 080 кг меди в слитках (369). В тексте приводится пространное описание отдельных вещей, захваченных в храме.

В храме находились также большие бронзовые статуи урартских царей (Сардури, сына Ишпуини, неизвестного по урартским источникам, являвшегося, по-видимому, правителем Мусасира, Аргишти и Руса со своим возничим на колеснице) и другие монументальные скульптуры из металла (статуи «великих привратников»), фигуры быка и коровы с теленком.

Описание колоссальной добычи, захваченной в Мусасире, заканчивается словами: «Имущество дворца Урзаны и храма бога Халди с его несметными богатствами, которые в Мусасире я захватил, я нагрузил во всей их бесчисленности на мое многочисленное войско и в Ассирию заставил я тащить эту добычу. Людей области Мусасира к людям Ассирии я причислил, повинности воинские и строительные я наложил на них, как на ассирийцев» (408–410).

Разгромом Мусасира Саргон сильно ослабил Урарту, лишив эту страну надежного союзника, защищавшего с юга центральную часть Ванского царства.

В летописи Саргона рассказывается, что когда «Руса (Урса), правитель Урарту, услышал, что Мусасир разрушен, его бог Халди увезен, то собственной рукой, железным кинжалом своего пояса лишил себя жизни», и в заключение говорится: «...на Урарту и всю его область нанес я несчастье и заставил людей, живущих там, стонать и плакать»⁵⁵.

Так окончился снаряженный в 714 г. поход Саргона против Урарту, хорошо нам известный благодаря разнообразным и подробным источникам.

Мы не знаем потерь ассирийской армии во время этого похода, хотя в Луврском тексте и указывается, что «начальник колесницы, два всадника и три са-

⁵⁵ [Schrader E.] Keilinschriftliche Bibliothek. II. Berlin, 1890. S. 63. — Сведения о самоубийстве Русы встречаются очень часто в надписях Саргона (Winckler H. Keilschrifttexte Sargons. I. Leipzig, 1899. S. 177), в частности, об этом рассказывается и в тексте стелы от монументальных скульптур дворца Саргона, хранящейся в Государственном Эрмитаже. В Луврском тексте говорится только об отчаянии, охватившем Русу, который «упал на землю, разорвал свои одежды и опустил свои руки» (411).

пера были убиты» (426). Можно думать, что в данном случае упомянуты лишь командиры и не отмечены потери рядовых воинов, но все же кажется более вероятным, что этот перечень убитых является обычной формулой реляции богам, так как дословно то же перечисление убитых имеется и в текстах Асархаддона⁵⁶.

Поход VIII года правления Саргона является характерным образцом грабительских войн того времени. Ассирийская армия, за которой упрочилась слава непобедимой, держала Переднюю Азию в подчинении лишь недолгое время.

Народы, захваченные Ассирией, объединялись против своего могучего врага, и в конце царствования Саргона его военная слава стала меркнуть.

До сих пор не установлены обстоятельства смерти Саргона; некоторые из источников указывают как будто на то, что он пал на поле битвы, а другие позволяют думать, что он был убит во время дворцового заговора.

Несмотря на исключительный успех похода 714 г., Ассирия все же не смогла сломить окончательно мощь Ванского царства, хотя и нанесла ему жестокое поражение.

После этого похода Урарту продолжало еще существовать около 130 лет и даже пережило своего постоянного соперника — Ассирийское государство, которое через 100 лет после похода VIII года правления Саргона пало под ударами союзной армии вавилонян, мидян и скифов.

⁵⁶ *Luchenbill D. Ancient records of Assyria and Babylonia. II. Chicago, 1927. P. 99.*

VIII

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ УРАРТУ

После смерти Русы урартским царем стал его сын, Аргишти, от времени которого до нас дошли только три клинописных памятника (УКН. № 275–277).

Сохранившиеся и известные нам документы очень слабо освещают историю Ванского царства этого времени. Хотя в одной из своих надписей Саргон при перечислении завоеванных стран, среди которых упоминается также Урарту, говорит, что он своих «приближенных (*šutreši-šu*) наместниками (*šaknu-ti*) над ними поставил, дань и подать, как на ассирийцев, наложил»¹, все же Урарту после похода VIII года правления Саргона не потеряло своей самостоятельности.

В 713 г. Саргон предпринял поход против Амбариса, правителя стран Табал и Мита, правителя мушков (мосхов), прежних союзников Русы², а в следующем 712 г. он возводил укрепления на границе урартов и мушков.

В ассирийских надписях рассказывается также о расправе в 708 г. (XIV год правления Саргона) с Муталлу, правителем Куммуха, который приносил дары и платил ежегодную дань урартскому царю Аргишти, рассчитывая на его помощь³.

¹ [Schrader E.] Keilinschriftliche Bibliothek. II. Berlin, 1890. S. 41 (текст на глиняном цилиндре); Winckler H. Die Keilschrifttexte Sargons. I. Leipzig, 1899. S. 5, 11.

² Winckler H. Die Keilschrifttexte Sargons. I. Leipzig, 1899. S. 31.

³ [Schrader E.] Keilinschriftliche Bibliothek. II. Berlin, 1890. S. 67; Winckler H. Die Keilschrifttexte Sargons. I. Leipzig, 1899. S. 117.

И после похода 714 г. Саргон продолжал внимательно следить за событиями в Урарту, о чем свидетельствуют информационные письма Куюнджикского архива. В письме Уппахир-бела ассирийскому царю (№ 424) рассказывается об организации наблюдения в районе города Харда, севернее современного Диярбакыра, и о том, что туда прибыл гонец Аргишти, который передал приказ урартского царя не выполнять его прежнего указания и беречь коней до прибытия второго гонца. Тут же говорится о вооруженном столкновении в связи с противодействием увозу ассирийцами бревен. В другом письме (№ 548) Уппахир-бел сообщает о движении урартского войска к городу Харда.

В последние годы царствования внимание Саргона было отвлечено от севера. Да и после смерти Саргона в Ассирии произошли политические осложнения, возможно, даже попытки государственного переворота, о чем рассказывается в одном из документов Куюнджикского архива (№ 473). Таким образом, Урартское государство имело возможность оправиться после поражения, нанесенного ассирийцами. Клинописные памятники свидетельствуют нам об интенсивных строительных работах Аргишти, проводившихся в центре государства и, в частности, в тех местах, через которые прошла армия Саргона. Две его стелы, найденные около Арджиша, рассказывают о постройке города, сооружении искусственного озера и о постройке канала.

По-видимому, Аргишти был царем Урарту почти на протяжении всего царствования Синахериба (705–681 гг.). Ассирийские источники этого времени умалчивают о событиях, происходивших в Урарту. Синахериб был занят войнами с Вавилоном, Сирией и Палестиной, а также подготовкой похода в Египет и не вел, во всяком случае открытой, борьбы со своими северными соседями, несмотря на то что граница Урартского государства была в это время сравнительно близко от центра Ассирии. Судя по текстам Синахериба, гора Тас (современный Бавиан), где ассирийский царь устроил свой охотничий парк, находилась «на границе Урарту»⁴.

В 681 г. Синахериб был убит во время дворцового заговора, причем после вступления на престол Асархаддона убийцы царя бежали в страну Шуприю. В Библии, сохранившей эти сведения, сообщается, что сыновья Синахериба, убившие отца, бежали в Урарту: «И когда он (Синахериб. — Б. П.) поклонялся в доме Нисроха, бога своего, Адрамелех и Шарецер, сыновья его, убили его мечом, а сами убежали в землю Араратскую»⁵.

Моисей Хоренский в новой «Истории Армении» передал этот же рассказ. Он писал, что Сеннахерим, царь ассирийский, был «умерщвлен своими сыновьями — Адрамелом и Санасаром, которые спаслись бегством к нам» (I, 23).

Санасар, по рассказу Моисея Хоренского, поселился на юго-востоке Армении, на границе с Ассирией. Впоследствии его потомки, «показав на службе верность нашим царям, удостоились получить достоинство бдешха в этих стра-

⁴ Luckenbill D. The Annals of Sennacherib. Chicago, 1927. № 79, 12; № 84, 54.

⁵ 2-я Книга царств 19: 37, а также Иеремия 2: 27 и Иса 37: 38. — Иосиф Флавий в своей истории иудеев (X. Гл. 1, 2) приводит этот рассказ со слов Бероза, называя сыновей Сеннахерима Адрамелеком и Селенаром.

нах. Аграмозан (Адрамел) поселился на юго-востоке той страны, от него произошли роды Арцруни и Гнуни».

Армянский народный эпос также сохранил рассказ об убийстве Синахериба его сыновьями. Но там ассирийский царь выступает в образе багдадского халифа, идолопоклонника, которого убивают его сыновья Санасар и Багдасар.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают возможности установить время окончания царствования Аргишти. В текстах Асархаддона (681–668 гг.) мы встречаем также имя нового урартского царя, Русы, сына Аргишти.

Среди оракулов Асархаддона, вопросов к богу Шамашу, сохранился текст, в котором ассирийский царь спрашивал бога о том, осуществляются ли замыслы Русы (Урсы), правителя Урарту, или народов гимирра (киммерийцев). Его беспокоил также вопрос, двинутся ли урарты и киммерийцы походом в страну Шуприа⁶. В другом тексте Асархаддон спрашивал Шамаша о том, удадутся ли планы «воинов гимирра, или воинов мидийских, или воинов манейских»⁷.

Таким образом, мы видим, его тревожили северные соседи — киммерийцы, урарты, мидийцы и манейцы. И не случайно Ашуршалим в письме к Асархаддону говорит об организации наблюдения в странах Урарту, Мана, Мидии и Хубушкии (АВИУ. № 434).

В том же письме дается также инструкция для приема и допроса перебежчиков из вражеских стран.

Но, по-видимому, ассирийцы не желали вести открытую борьбу со своими северными соседями, и, когда Асархаддон во время похода в страну Шуприа (673–672 гг.) захватил в крепости Уппум скрывавшихся в ней урартских беглецов, он вернул их урартскому царю⁸. Возможно, что и урарты, в свою очередь, избегали столкновений с Ассирией.

Период правления Русы, сына Аргишти, по дошедшим клинописным источникам, представляется нам периодом интенсивного строительства и укрепления мощи Урарту. Поэтому некоторые историки называют Русу II «реставратором Ванского царства». Он вел также борьбу на западе за восстановление урартского владычества над выходом к Средиземному морю, и в одной из его надписей в Адильджевазе, на северо-западном побережье Ванского озера, упоминаются пленные, захваченные в странах Мушкини, Хати и Халиту⁹.

Громадное большинство археологического материала, дошедшего до нас, относится к концу Ванского царства, начиная со времени царствования Русы II. При раскопках на Топрах-кале, у Вана, кроме остатков древнего города, обнаружены также развалины храма и дворца. Посвятительная надпись на бронзовом декоративном щите из храма, содержащая имя Русы, сына Аргишти, указывает на то, что Руса III, сын Эримена, не строил храм заново, а только его обновлял.

⁶ Knudtzon J. A. Assyrische Gebete an den Sonnengott für Staat königliches Haus der Zeit Assarhaddons und Assurbanipals. II. Leipzig, 1893. № 48. Далее: Knudtzon J. A. Assyrische Gebete an den Sonnengott...

⁷ Knudtzon J. A. Assyrische Gebete an den Sonnengott... № 1.

⁸ Bauer Th. Ein Erstbericht Asarhaddons // ZA. VI. 3–4. 1931. S. 246–249.

⁹ Меликишвили Г. А. Фрагменты урартской клинообразной надписи из Адильджеваза // Сообщения Акад. наук ГрузССР. XII. 2. 1951. С. 123–127.

На Топрах-кале были найдены также таблички из клинописного архива урартской столицы, причем один из документов был датирован так: «[в] год Русы, сына Аргишти, когда Сагаштара, царь Ишкигулу, пошел на страну Мана».

Урартские надписи свидетельствуют о больших строительных работах, проведенных Русой II на севере государства, в частности в Закавказье.

Об этом говорится в надписи, открытой в Маку¹⁰, а также в тексте большой стелы, обнаруженной при раскопках Звартноца, древнего армянского храма VII в. н. э. около Эчмиадзина¹¹. Стела эта, высотой в 2,7 м, содержит сорок семь строк клинописного текста, в котором рассказывается о крупных строительных работах, проведенных Русой II. В надписи содержатся сведения о разведении виноградников, плодовых деревьев и о каких-то посевах, об отводе канала от р. Ильдаруни (вероятно, Раздан) и о жертвоприношении животных богам Халди, Тейшебе и Шивини. Кончается надпись обычной формулой проклятия разрушителям памятника.

Одни исследователи полагали, что эта стела происходит из ближайших окрестностей Звартноца, а Ильдаруни — это р. Касак; другие относили ее к числу армавирских надписей.

Мне оба эти предположения кажутся маловероятными. В районе р. Касак нет ни одного большого городища урартского времени, с которым можно было бы связать эту стелу, рассказывающую о больших строительных работах. А из окружи Армавирского холма нам неизвестен, за исключением небольшой строительной надписи Русы III, ни один памятник позже времени Сардури, сына Аргишти, в котором говорилось бы о строительстве в этом районе. Как уже было указано, по-видимому, в связи с политикой Русы I, направленной на ослабление наместников областей Ванского царства, Армавир (Аргиштихинили) потерял свое прежнее значение единого урартского административного центра в Закавказье, уступив место нескольким новым центрам. Более вероятно, что Звартноцкая стела происходит из такого нового административного центра, а именно из района древнего города Тейшебаини. Возможно, стела находилась на правом берегу р. Раздан, против города и цитадели Тейшебаини, около прорубленного в скале древнего канала, действующего и поныне. Я думаю, что о пуске именно этого канала и приуроченных к этому событию жертвоприношениях и говорит Звартноцкая надпись.

Город Тейшебаини, цитадель которого находилась на холме, называемом ныне Кармир-блур, был крупнейшим урартским административным центром в Закавказье. В него стекалась и в нем обрабатывалась богатая дань, собранная в закавказских областях (в цитадели находились закрома для зерна, кладовые для вина, мастерская для изготовления кунжутного масла). В цитадели хранились роскошные бронзовые изделия, выдающиеся памятники урартского искусства, ткани и пряжа, железное и бронзовое оружие и орудия, различные украшения и среди них золотые и бронзовые изделия. Найдены предметы ассирийского, малоазийского и египетского происхождения, обнаружены также и отдельные скифские вещи (удила, бусы, резьба из рога). Последние, по-види-

¹⁰ Март Н. Я. Надпись Русы II из Маку // ЗВО. XXV. 1922. С. 1.

¹¹ Голенищев В. С. Надпись древневанского царя Русы II // ЗВО. XIII. 1901. С. 86.

мому, указывают на то, что урартские административные центры Закавказья были посредниками при связях скифов с Передней Азией.

Раскопки Кармир-блуря показывают, что город Тейшебаини был одним из важных оплотов урартской власти в Закавказье.

Такое укрепление урартов в Закавказье в середине VII в. не было случайным. Можно предположить, что в это время урарты вступили в союз с киммерийцами и скифами, проникшими в Закавказье. Именно это обстоятельство, вероятно, и тревожило Асархаддона, который в своих вопросах к богу Шамашу спрашивал о намерениях Урсы урартского и киммерийцев¹². Но нам известно, что Руса не вступал в борьбу с Ассирией, и летописи Ашурбанипала рассказывают о прибытии в Ассирию около 654 г. урартского посольства: «В то время урартский царь Руса услышал о могуществе моих богов и страх перед моим величием победил его. Он послал своих князей приветствовать меня в Арбеле».

Урартские послы прибыли в Арбелу сразу же после победы Ашурбанипала над Теумманом эламским и взятия Суз¹³. На рельефах Куянджикского дворца изображен даже прием урартских послов ассирийским царем. Очень характерно переданы низкорослые фигуры послов, один из которых — молодой, безбородый, а другой — бородатый. На них длинные одежды, украшенные бахромой, поверх которых накинута плащи, на головах мягкие, вероятно войлочные, шляпы с кистями, ноги обуты в высокие зашнурованные сапоги¹⁴.

В одном ассирийском тексте, относящемся к этому изображению, говорится: «Урса, царь Урарту, отправил послов спросить о моем благополучии. Я поставил им в пример Набудамика и Умбадару, послов Элама, принесших письмо с дерзким посланием. Перед ними Манукиахе, помощнику Дуану, и Нинурта-усалл, коменданту его города, я вырвал язык, кожу их содрал».

Сохраняя мир с Ассирией, Руса II все же продолжал военные действия на западе — в восточной части Малой Азии и в северной Сирии. В Мазгерде, на юге Дерсимских гор, т. е. на западной окраине Ванского царства, в урартской крепости сохранилась клинообразная надпись Русы II при входе в обширное помещение, высеченное в скале¹⁵.

В этой надписи, так же как и в надписи из Адильджеваза, рассказывается об урартских военных походах. Тут упоминаются походы против хеттов и мушков. Мазгердская надпись свидетельствует также и о том, что Урарту в это время не потеряло своих западных владений и его западной границей, по-видимому, оставался Евфрат. Нам неизвестны обстоятельства и время окончания царствования Русы, сына Аргишти, но летописи Ашурбанипала отмечают около 639 г. (после второго аравийского похода) прибытие посольства нового урартского царя, Сардури III¹⁶: «Сардури, услышав о мощи и подвигах, которые судили мне великие боги, приветствовал мое величество, как сын отца, и соот-

¹² Knudtzon J. A. Assyrische Gebete an den Sonnengott... № 48.

¹³ Streck M. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige. I. Leipzig, 1916. S. 286.

¹⁴ Maspero G. Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. III. Paris, 1899. P. 412–413. — В этой работе автор ошибочно считает, что урартское посольство после Эламского похода отправил Сардури, а не Руса.

¹⁵ Lehmann-Haupt. Armenien. I. S. 467.

¹⁶ Streck M. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige. I. Leipzig, 1916. S. 286.

ветственно этому писал: привет царю, моему господину. В почтении и смирении тяжелый дар свой он послал мне»¹⁷.

Урартский царь Сардури, наследник Русы, сына Аргишти, известен нам только по приведенному тексту ассирийских летописей. Связанные с его именем урартские памятники найдены лишь на Кармир-блуре (клинописная табличка, передающая от имени Сардури, сына Русы, приказ относительно передела земли, и надпись на печати, оттиснутой на булле от кладовой для зерна).

Мы довольно хорошо знаем культуру последнего периода Урарту, но плохо осведомлены относительно его истории, в то время как для раннего периода — картина обратная: имея представление о политической истории того времени, мы не располагаем достаточным материалом для изучения культуры.

Во второй половине VII в. в Ванском царстве, по-видимому, последовательно царствовали три царя, но памятники дошли только от времени последнего из них, Русы, сына Эримена. И если Сардури упоминается в ассирийских источниках, то следующий урартский царь, Эримена, известен нам лишь по отчеству его сына Русы.

Отсутствие памятников, как урартских, так и ассирийских, которые бы с уверенностью можно было отнести к периоду правления Эримена, дало основание некоторым историкам исключить его имя из списков царей Урарту, ибо, по их мнению, нет истории без письменных документов.

Было высказано и другое предположение, что Эримена не существовал вовсе и что отчество последнего царя Русы следует понимать как Руса страны Эримены (Армении)¹⁸.

Но оба эти предположения представляются неубедительными, и я думаю, что нет оснований подвергать сомнению существование урартского царя Эримена лишь вследствие того, что до нас не дошли его памятники и упоминания его имени в письменных источниках. Если мы исключим его из списка урартских царей, то правления Сардури и Русы III окажутся очень долговременными. А относительно умалчивания о нем ассирийских текстов следует заметить, что после правления Ашурбанипала в Ассирии наступил период упадка, окончившийся гибелью этого некогда могущественного государства Передней Азии. То, что Эримена не упоминается ассирийцами, неудивительно, например урартский царь Сардури III, в существовании которого никто не сомневается, в ассирийских письменных источниках упоминается всего лишь один раз.

В храме на Топрах-кале было найдено большое количество бронзовых художественных предметов, относящихся ко времени правления Русы, сына Эримена. На обломках шести декоративных бронзовых щитов сохранились его посвящения, а на куске бронзовой обивки дверей храма имеется надпись, говорящая о том, что этот храм построил Руса, сын Эримена¹⁹. Другие надписи этого урартского царя из центральной части Ванского царства нам неизвестны, но в Закавказье, в окрестностях Армавирского холма, был найден камень из кладки стены, с клинообразным текстом, рассказывающим о постройке зерно-

¹⁷ [Schrader E.] Keilinschriftliche Bibliothek. II. Berlin, 1890. S. 231.

¹⁸ Мещанинов И. И. К анализу имени Эримена // Язык и мышление. I. 1933. С. 37.

¹⁹ СICh. P. 157–163.

хранилища²⁰. По содержанию эта надпись аналогична надписи Аргишти, сына Менау, найденной у Ганли-тапа.

Определение времени правления Русы, сына Эримена, представляет большие трудности. Леман-Гаупт, исходя из того, что Ванское царство прекратило свое существование около 585 г., т. е. когда мидийцы прошли через его территорию перед встречей с лидийскими войсками Алиата на р. Галис, и считая Русу, сына Эримена, последним урартским царем, окончание его царствования относит именно к 585 г.²¹, а начало его правления условно датирует 605 г.

Неясными до сих пор остаются еще обстоятельства и время гибели Тейшебаини. И. М. Дьяконов полагает, что эта крепость скорее всего была разрушена мидийцами²², я же остаюсь при старом мнении, что последний удар был ей нанесен закавказскими племенами, среди которых были и скифы. Исследуя скифские предметы конца VII в., происходящие из Кармир-блуре, Сулимирский²³ полагает, что время гибели Тейшебаини следует отнести именно к VII в. (не позднее 625 г.). Но он не учитывает того обстоятельства, что указанные скифские предметы хранились в кладовых цитадели, где было много вещей VIII в., и не являлись украшениями коней врагов, разрушивших крепость. Урартские надписи, найденные на Кармир-блуре, как указано выше, содержат имя царя Сардури, сына Русы. Если разгром Тейшебаини, положивший конец урартскому господству в Закавказье, действительно произошел бы при Сардури, то остается непонятной находка на Араратской равнине надписи Русы, сына Эримена, о постройке зернохранилища. Вряд ли после этого разгрома Урарту смогло восстановить главенствующее положение в Закавказье.

Урартское государство пережило Ассирию, которая во второй половине VII в. стала терять свои владения, вступив в тяжелую борьбу с отпавшей от нее Вавилонией и возвысившейся к тому времени Мидией. Союз с Египтом не спас Ассирию; в 614 г. мидийцы взяли и разрушили Ашур, в 612 г. после длительной осады Ниневии вавилонянами, мидийцами и скифами пала вторая столица Ассирии. Последний ассирийский царь Ашурубалит должен был отступить в Харран, где он смог продержаться до 610 г., и в 605 г., после падения Кархемиша, Ассирийское государство перестало существовать.

Вавилонская хроника (клинописная табличка Британского музея № 21 901), описывающая события 616–609 гг.²⁴, рассказывает о походе, по-видимому, Набупаласара в 609 г. в Урарту (область города Урашту), но результаты этого похода остаются нам неизвестными, так как текст хроники обрывается.

Некоторые историки считают 609 год годом гибели Урартского государства, разрушения Тушпы и перехода урартской территории во владение Мидии. Но это предположение опровергается как недавно опубликованным текстом продолжения Вавилонской хроники, так и сведениями Библии. На клинописной табличке Британского музея (№ 22047) оказалось описание событий 608–

²⁰ Никольский М. В. Клинообразные надписи Закавказья // МАК. V. 1896. № XIX.

²¹ Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2.

²² Дьяконов И. М. История Мидии. Л., 1956. С. 318.

²³ Sulimirski T. Scythian antiquities in Western Asia // Artibus Asiae. XVII. 3–4. 1954. P. 313.

²⁴ Gadd G. J. The fall of Nineveh. Oxford, 1923. P. 24, 36, 42.

605 г.²⁵ В тексте рассказывается о походе против Урарту, о продвижении к Тигру и вступлении в горную местность Бит-Хануния, «область страны Урарту». Возможно, что и поход 609 г., так же как и поход 608 г., был направлен на окраины страны Урарту, а не в ее центральную часть. В Библии, в пророчестве Иеремии, в части, датированной IV годом царствования Цидкия (т. е. 594 г.)²⁶, против Вавилона призываются мидийцы, урарты (Арарат), манеи и скифы (II, 27). Значит, Ванское царство продолжало существовать и после похода Набу-паласара в 609 г.

Таким образом, более правильно предположение о гибели Урарту в начале VI в. К этому времени Ванское царство окончательно потеряло свое прежнее значение, чему содействовали также и кочевые племена, проникшие в Переднюю Азию с севера, из-за Кавказского хребта. Этими кочевыми племенами, как показывают раскопки на Кармир-блуре, в начале VI в. были разгромлены урартские административные центры в Закавказье.

В начале VI в. Урартское государство перестало существовать. На смену ему пришли новые государства Передней Азии. Район оз. Ван, прежний центр Урарту, сначала стал мидийским владением, а затем на долгое время перешел к ахеменидской Персии. На Ванской скале сохранилась клинообразная надпись ахеменидского царя Ксеркса, рассказывающая о его строительных работах. Поэтому трудно согласиться с мнением Леман-Гаупта, считавшего, что в это время бывшая столица Урарту, город Тушпа, представляла собой развалины, а урарты покинули свою страну, переселившись на север.

Владычество Мидии в Передней Азии было недолгим: уже в 550 г. столица Мидии Экбатаны была взята персами.

В середине VI в. западная часть территории Ванского царства была занята новым союзом племен, во главе которого стояли армены.

Об этом нам говорят ахеменидские клинообразные надписи. В перечнях стран, покоренных Дарием (около 520 г.), в вавилонском тексте Накширустемской и Бехистунской надписей стоит еще древнее название Урарту (в вавилонской форме — *mātu U-ra-aš-tu*, которая читалась как *Oralt*), в то время как в древнеперсидском и эламском текстах оно заменено термином *Армения* (др. перс. *Armina*, эламск. *Har-mi-nu-ia*)²⁷. Таким образом, территория Ванского царства стала называться по имени нового политического объединения, захватившего значительную ее часть.

Термин *Урашту* имеется также и в надписях Ксеркса (начало V в.). Последний раз он встречается в надписи печати Шамаш-баракку, сына Нидинту-бела, «начальника (*saknu*) над людьми Урашту и Мелиду», оттиснутой на табличке времен Дария II (около 415 г.)²⁸.

В античной литературе название *урарты* сохранилось только у Геродота, сообщавшего, что в восемнадцатый податной округ Персии входили матиены, саспирь (саспейры) и алароды.

²⁵ Wiseman D. J. Chronicles of Chaldean kings (625–556 B. C.) in the British Museum. London, 1956. P. 65.

²⁶ Дьяконов И. М. Последние годы Урартского государства // ВДИ. 1951. № 2. С. 33.

²⁷ Weissbach F. H. Die Keilinschriften der Achämeniden. 1911. S. 10–13, 88–89.

²⁸ Unger E. Urartu // Reallexicon der Vorgeschichte. XIV. 1928. S. 32.

Матиены могут быть локализованы без труда, так как, по сведениям Геродота, «река Аракс течет из земли матиенов» (I, 202). На это указывает и Страбон (XI, 14, 13). Таким образом, Матиенскими горами мы должны считать горы в районе Эрзурума, что согласуется и со сведениями Гекатея Милетского, сообщавшего, что матиены — соседи колхского племени мосхов.

По тексту Геродота легко устанавливается и место обитания саспиров, а именно: по среднему течению Аракса или Куры, при описании пути из Меотиды в Мидию указывается: «а из Колхиды недалеко уже пройти в Мидию; между этими странами живет только один народ — саспиры; миновав его, будешь в Мидии» (I, 104).

Несмотря на то что точных указаний для локализации алародов у Геродота нет, все же мы можем отнести их к югу от саспиров, к району оз. Ван. В «Истории» Геродота алароды упоминаются еще один раз при описании войска Ксеркса (VII, 79), причем и там они называются вместе с саспирами.

Судьба урартов после падения Ванского царства интересовала многих историков. В западноевропейской литературе наибольшее распространение имеет теория Леман-Гаупта, считавшего, что урарты под давлением арменов отступили на север, причем часть их, ушедшая в Понтийские горы, сохранилась под именем халдаев (*χαλδαῖοι*), встречающихся у античных и средневековых писателей²⁹.

При этом сопоставлении была допущена неправильная предпосылка, определившая весь ход догадок и предположений. Дело в том, что в истории Древнего Востока было принято неверное положение Леман-Гаупта, согласно которому урарты якобы называли себя халдами, а свою страну Халдией³⁰. Это его положение, на основании которого он делал выводы, уже давно вызвало возражение таких историков, как Иенсен и Мейер³¹, а в последнее время и лингвистов, занимавшихся урартским языком³².

Предположение Леман-Гаупта зародилось давно, в то время когда при переводах урартских надписей ученые шли ощупью, без достаточного знания структуры урартского языка.

Дело в том, что в клинописи имя главного урартского бога Халди, которому посвящаются многие надписи, встречается иногда в формах *Халди-ни* и *Халди-ни-ни*, отягченных суффиксами, в которых Леман-Гаупт, так же как Сэйс и М. В. Никольский, неправильно принимал их за показатели множественного числа.

Исходя из необоснованной предпосылки о теократизме Урартского государства, Леман-Гаупт полагал, что как страна, так и ее жители назывались по имени бога Халди. Он писал: «Главным богом был Халди, “божествами Халди” или “детьми Халди” (“халдини”) назывались, как видно, собирательно все другие боги. Но все члены халдского народа считались детьми или подчиненными бога (“халдини”)... Навряд ли известен другой случай, в котором идея теокра-

²⁹ *Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 708.*

³⁰ *Lehmann-Haupt C. F. Chaldische Forschungen, I. Der Name «Chalder» // VBGAEU. 1895. S. 578.*

³¹ *Meyer E. Geschichte des Altertums. II. 2-e Auflage. Berlin, 1928. S. 419.*

³² *Friedrich J. Chalder oder Urartäer // ZDMG. XC. L. 1936. S. 60–82. Дanee: Friedrich J. Chalder oder Urartäer; Меццининов И. И. Древневанский бог Халд-Халдин // Восточные записки. 1927. С. 173–181; Ղափանցյան Գ. Ս. Ուրարտուի ցամաքային: Երևան, 1940: էջ 16, 32 (Капанцян Г. А. История Урарту. Ереван, 1940. С. 16, 32).*

тизма получила бы столь точное проведение в жизнь, заметное также и во внешних формах»³³.

Но именно это обстоятельство является особенно сомнительным во всей концепции Леман-Гаупта. Термины *Халдиа* и *халдинини*, в которых австрийский ученый хотел видеть название страны и народа, в урартской клинописи всегда пишутся с детерминативом бога, а не страны или же народа, причем нет ни одного отступления от этого правила, и мы не знаем случая, когда в клинописи названию страны или народа предшествовал бы детерминатив бога.

Такое положение в корне противоречило бы основным принципам клинообразного письма, в котором детерминативы имеют решающее значение.

Кроме того, в истории Древнего Востока трудно найти пример, чтобы страна и народ носили имя бога. Обычно в этом случае указывают на Ассирию, полагая, что название этой страны и народа происходит от имени бога. Но необходимо учесть, что название страны Ассирии и ее народа произошло непосредственно от названия города Ашура, центра страны, имевшего, правда, своего локального бога Ашура, который впоследствии был поставлен во главе ассирийского пантеона.

Не стоит останавливаться на вопросе о несостоятельности с лингвистической стороны перевода термина *халдинини* (*халдейцам*, т. е. *людям Халди*) как формы дательного падежа множественного числа, на чем основываются все переводы этого термина. Фридрих очень четко показал грубую ошибку такого перевода и доказал, что такое понимание Сэйса было основано на неверной копии одного урартского текста³⁴.

Неправильность применения термина *Халдиа* как названия Ванского царства очень четко показывает и титулатура урартских царей, из которой становится совершенно очевидным, что сами урарты свою страну называли *Биайни(ли)*.

Приведенный материал неоспоримо свидетельствует о неправильности предположения, что урарты называли себя халдами, а свою страну — Халдией. Это — недоразумение, к сожалению, надолго укоренившееся в изучении истории Древнего Востока. Даже и теперь, когда специалисты по урартской клинописи с полным основанием отвергли термин *халды* в применении к урартам, некоторые ученые, как, например, Кёниг, все еще продолжают его употреблять³⁵.

Не стоило бы останавливаться на этом вопросе дольше, если бы Леман-Гаупт не создавал всех трудностей предлагаемого им перевода. Отлично понимая их, он упорно с ними не считался, полагая, что решающими в вопросе о племенном названии урартов являются сведения античных писателей, из которых, по его мнению, с очевидностью вытекает, что ассирийскому термину «урарты» соответствовал местный — «халды». На этом основании он и отождествлял халдаев (халдеев) античных авторов с урартами.

Еще Ксенофонт, описывая отступление десяти тысяч греков после неудачного похода Кира Младшего (конец V в.), упоминает халдаев (*χαλδαῖοι*). При пере-

³³ Леман-Гаупт К. Ф. Вступительная лекция по истории и культуре халдов // Труды Тбилисского гос. ун-та. VI. 1937. С. 259.

³⁴ Friedrich J. Chalder oder Urartäer. S. 63.

³⁵ König F. W. Handbuch der chaldischen Inschriften. Graz, 1955.

праве греков через р. Бохтан, отделявшую страну кардухов от Армении, они встретились с войском Оронта, среди воинов которого были наемники-халдаи. Ксенофонт замечает: «Говорили, что халдаи свободны и сильны; оружием им служат большие плетеные щиты и копья» (VI, 3, 4). В двух других местах (V, 5, 17; VII, 8, 25) Ксенофонт снова упоминает о халдаях, как о воинственном и независимом племени, с которым грекам пришлось воевать, но район их обитания не указывает.

Остановимся кратко на маршруте отступления греков. Перейдя через р. Заб и выйдя к Тигру, войско шло по его левому берегу до тех пор, пока путь не был прегражден горами, спускавшимися к самой реке. В этих горах, к югу от оз. Ван, носящих ныне название Курдистанских, жило воинственное племя кардухов. Не имея возможности переправиться через Тигр, греки с боем стали продвигаться по Кардухским горам и дошли до р. Кентрит (современный Бохтан), отделявшей область кардухов от Армении. Далее путь шел к истокам Тигра, а оттуда на север, с переправами через реки Телебой и Евфрат. Миновав еще одну реку, названную Фасис, греки вступили в области, где жили независимые племена таохи и халибы, и подошли к р. Арпа. Пройдя эти страны, они поднялись на высокие горы и оттуда увидели Черное море. Миновав область макронов, греки пришли в Трапезунд, а оттуда двинулись на запад по побережью, встречая на своем пути племена мосинойков, халибов и тибаренов, нам хорошо известные по многочисленным сведениям античных авторов.

Таким образом, в «Анабасисе» нет описания похода через страну халдаев, несмотря на то что в перечислении областей, через которые прошли греки, названы как автономные племена кардухи, халибы, халдаи, макроны, колхи, мосинойки, кеты и тибарены (VII, 8, 25).

Диодор (XIV, 29), описывая маршрут отступления десяти тысяч греков, при перечне местных племен несколько расходится с Ксенофонтом. По его сведениям, греки после переправы через Фасис попали в область хаев и фасианов и затем через Халдайскую область прошли к р. Арпаг. Вместо таохов Ксенофонта Диодор называет хаев, а вместо халибов — фасиан, причем страну он именует Халдайской областью. Получается впечатление, будто бы названия *халибы* и *халдаи* или равнозначны, или близки друг другу.

Это подтверждается также и Страбоном (XII, 3), указывавшим, что халдеи живут в районе Трапезунда и Фарнакии и что «нынешние халдеи в древности назывались халибами». Евстафий (XII в. н. э.) писал, что халдаи жили в Малой Армении, а за ними жили халибы.

Надо заметить, что в античной и средневековой литературе не было достаточной ясности относительно халдаев, и Стефан Византийский даже указывал: «Есть и халдеи — народ вблизи Колхиды, однако более сведущие говорят, что они живут около Вавилона». Тут произошло смешение двух совершенно различных племенных названий, обозначавшихся, согласно греческой фонетике, одним именем, и совершенно очевидно, что южномесопотамские халдеи (древнее *калду*, *кашду*) никакого отношения к припонтийским халдаям не имеют.

Отождествляя последних халдаев с древними урартами, Леман-Гаупт приводит сведения, согласно которым название области Халдия дожило до современности.

Действительно, на южном берегу Черного моря существовала область, называвшаяся Халдейской, в которую входил Трапезунд. По Константину Порфирогенету (X в. н. э.), восьмая фема Византии называлась Халдией, а по грузинской хронике Багдатилов, византийский император Василий (XI в. н. э.) зимовал «в стране Халдейской, в городе Трепизонде», о чем упоминают и армянские источники.

Рюи Гонзалес де Клавихо в описании своего путешествия (начало XV в.) рассказывает, что, выехав из Трапезунда в Эрзинджан, он должен был перевалить снежные горы провинции Халдия.

При отождествлении античного народа халдаев с халдами-урартами основным источником для Леман-Гаупта была «Киропедия» Ксенофонта, где дается характеристика халдаев как племени, живущего войной, «ибо страна их гориста и в незначительной части плодородна». Прямое указание на тождество халдаев с урартами Леман-Гаупт находил в сообщении о том, что армены, заняв лучшие земли, пригодные для земледелия, оттеснили халдаев в горы.

Не останавливаясь на критике этого источника и указав лишь, что «Киропедия» является литературным произведением дидактического характера, в котором уже давно были замечены исторические неточности, следует подчеркнуть, что в «Киропедии» не может идти речь о вытеснении урартов из района оз. Ван. В этом произведении, так же как и в «Анабасисе», говорится лишь о западной Армении, без района оз. Ван, т. е. основной территории бывшего Урартского государства.

Н. Я. Марр уже давно указал на неправильность отождествления жителей Ванского царства с халдаями (*καλδαῖοι*) античных авторов³⁶. Он разъяснил, что этот термин является греческой передачей местного термина, встречающегося в армянских источниках как *Халтик* (*Խաղտիկ*) *ħağ-ti-q* (**ħal-ti-q*), причем термин *ħağ-ti-q* представляет форму множественного числа на *-te -ti* со вторым суффиксом *-q*. В кавказских языках при образовании множественного числа часто встречается сочетание двух (а иногда даже и больше) показателей множественности. Так, в данном термине *ħağ-ti-q* имеются два показателя: *-ti* и *-q*. Таким образом, основой племенного термина, передаваемого греками как *καλδαῖος*, является не *ħald*, а только *ħal*. Эта же основа есть и в другом племенном названии, а именно *ħal-ib/ub* с суффиксом множественного числа *-ib*.

Разъяснение рассматриваемого термина, данное Н. Я. Марром, объясняет и смешение античными авторами терминов *халибы* и *халдаи*. По всей вероятности, различие этих терминов основано на том, что греки получили их из разных источников и что соседи халибов-халдаев прибавляли к слову признак множественности соответственно своему языку, причем армяне к суффиксу *-и* прибавили еще показатель множественности *-q*.

В этой связи уместно напомнить, что термин *Халтик* (*Халтик*) сопоставляется со страной Халиту, название которой прочитано в надписи Русы, сына Аргишти, из Адильджеваса (УКН. № 278).

Для нашей темы большой интерес представляет уточнение местоположения страны Халтик (*ħağ-ti-q*), приводимое армянскими источниками. Так, Мо-

³⁶ Марр Н. Я. Надпись Русы II из Маку // ЗВО. XXV. С. 41.

исей Хоренский пишет в «Истории Армении», что император Тацит был убит в «Джанике Понтийском, т. е. в Халтике» (III, 76). В другом месте той же книги эта страна упоминается вместе с Лазикой (II, 4).

В «Армянской географии» VII в. н. э. мы находим следующий текст: «Колхида, т. е. Егер (Мегрелия), находится к востоку от Понтийского моря, близ Сарматии, и сопредельна с Иверией и Великой Арменией; Егер разделяется на четыре провинции: Манрили, Егревина, Лазив, Джанив, т. е. Халтик»³⁷.

В обоих приведенных текстах указывается, что Халтик — то же самое, что и Джанив, т. е. Чаны, которые Арриану были известны под именем (Σάννος), а Прокопию — ζάννοι.

Таким образом, мы видим, что предположение Леман-Гаупта о тождестве урартов с халдаями, упоминаемыми античными и средневековыми авторами, рушится, а вместе с ним рушится и утверждение, что урарты называли себя халдами, так как Леман-Гаупт оба своих недостоверных положения доказывал одно другим.

Для того чтобы окончательно убедиться в несостоятельности отождествления урартов с припонтийскими халдаями, следует рассмотреть методологические корни этой теории. Они становятся совершенно ясными из текста работы Леман-Гаупта, который, намечая основные задачи урартоведения, писал: «Надо систематически и энергично бороться с лишенными всякого исторического понимания попытками, доказывающими на основании самых узких мелкофилологических исследований, что названия народов и империи “Халды” и “Халдия” неправильны. Нужно будет, продолжая мои и Пауля Кречмера открытия, расширить и углубить исследования о первоначальной родине халдов в западной Малой Азии»³⁸.

В главе III я пытался показать ошибочность теории Леман-Гаупта относительно прихода урартов из западной части Малой Азии. Эта теория оказывается теснейшим образом связанной с вопросом о племенном термине урартов и представлением об их переселении после падения Ванского царства. Как было уже отмечено выше, ассирийские источники начиная с XIII в. показывают шаг за шагом образование Урартского государства в районе оз. Ван и тем самым лишают оснований поиски прародины урартов на западе, поиски, основанные на миграционной теории, не опирающейся на конкретный материал. По этой миграционной теории, господствовавшей одно время в западноевропейской исторической науке, урарты приходили в район оз. Ван для создания Ванского царства и после его падения куда-то ушли. Эта теория обусловила поиски путей, по которым якобы двигались урарты в VI в.

Урарты, не составлявшие в своем государстве большинства населения, так как при помощи оружия в состав Ванского царства были включены многочисленные мелкие племена Передней Азии, после падения Урартского государства никуда не ушли, а остались жить в Ванском районе, сохраняя племенное название, переданное Геродотом в греческой форме, — алароды.

³⁷ Патканов К. П. Армянская география VII века. СПб., 1877. С. 39.

³⁸ Леман-Гаупт К. Ф. Вступительная лекция по истории и культуре халдов // Труды Тбилисского гос. ун-та. VI. 1937. С. 267.

При решении вопроса о судьбе урартов после падения Ванского царства необходимо рассмотреть также древнюю историю армян, народа, обитавшего на территории Урарту и позднее создавшего свое государство. В исторической литературе господствует мнение, согласно которому армяне появляются в Передней Азии лишь в начале VI в. Это убеждение основывалось на представлении о том, что в надписях царя Дария на победном памятнике в Бехистуне и на гробнице в ущелье Накши-Рустем в первый раз упоминается страна Армина и народ армены. В связи с этим и возникла теория, согласно которой армены признаются пришлыми из западных областей Малой Азии или же с Балканского полуострова.

Специальной работой, посвященной происхождению армян, является небольшая книга Маркварта³⁹, который критически принимает сведения античных писателей относительно связи армян с фригийцами. Он считает, что армяне пришли на территорию Передней Азии в отдаленнейшие времена, лежащие за пределами исторических знаний.

Европейское происхождение армян Маркварт обосновывал лингвистическим материалом, утверждая, что на основании данных сравнительного языкознания армянский язык — это язык индоевропейский, принадлежащий к европейской группе этой семьи. По фонетике он стоит между славяно-литовскими и албанским языками, а в словаре встречаются соответствия греческому и фракийскому. Это положение, по мнению Маркварта, свидетельствует о том, что армяне некогда жили в Европе поблизости от предков греков и фракийцев. Вместе с тем он подчеркивал, что большая часть армянских слов заимствована из какого-то чуждого, неиндоевропейского языка. Кроме того, по физическому типу армяне не имеют никакого сходства с индогерманцами, и, скорее всего, они ближе к народам, изображенным на древних скульптурах Малой Азии и северной Сирии (т. е. хеттам). Маркварт полагал, что армянский народ сформировался в процессе весьма древнего скрещения различных этнических групп, и считал возможным сближение армянского языка с хеттским, как это делал Иенсен. Небольшая книжка Маркварта является единственной работой, посвященной вопросу происхождения армян, основанной на материале более широком, чем лингвистический. Остальные же труды о происхождении армян целиком основаны на лингвистическом материале и направлены на исследование вопроса о происхождении армянского языка.

Виднейшие индоевропеисты, такие как Петерман, Виндишман, Мюллер и ряд других, выдвинули теорию, по которой армянский индоевропейский язык принадлежит к иранской подгруппе. В 1854 г. была опубликована анонимная работа, в которой автор пытается связать армянский язык с санскритом⁴⁰. Теория происхождения армянского языка от иранских была вскоре отвергнута. Гюбшман доказал, что иранизмы в армянском языке являются заимствованием и что другие индоевропейские черты армянского языка заставляют выделить его в самостоятельную ветвь индоевропейской группы. Невозможность доказать близость армянского языка к какому-либо определенному индоевропей-

³⁹ Marquart J. Die Entstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation. Potsdam, 1919.

⁴⁰ Zur Urgeschichte der Armenier. Berlin, 1854.

скому языку заставила виднейшего индоевропеиста и армениста Мейе⁴¹ утверждать, что вообще фонетическая и морфологическая система армянского языка резко отличается от системы индоевропейского языка. В том же 1903 г., когда вышла в свет книга Мейе, устои чистого индоевропеизма в армянском языке были еще более поколеблены Н. Я. Марром, показавшим в «Грамматике древнеармянского языка», что сближение индоевропейских черт армянского языка с чертами какого-либо определенного из существующих ныне индоевропейских языков невозможно. Исследование этого вопроса развил Г. А. Капанцян⁴², который пришел к следующим выводам: 1) армянский язык с типологически-конструктивными и стадияльно-идеологическими проявлениями или свойствами несомненно роднится с древними малоазийскими (азианическими) языками, а не с индоевропейскими; 2) звуковой феномен армянского языка с его артикуляционными навыками определенно тяготеет к малоазийскому (азианическому) языковому субстрату и 3) количество точно установленных слов индоевропейского происхождения составляет не более десяти процентов. Следовательно, вся остальная масса заимствованных слов, которые в большинстве несомненно исконные, армянские, должны считаться местными, азианическими по происхождению. Г. А. Капанцян, таким образом, полагает, что армянский язык вырос на малоазийской языковой основе и имеет связи с хеттским, хуррито-урартским и грузинским языками. Свое положение Г. А. Капанцян обосновал рядом специальных работ, показывающих связи армянского языка с другими древними языками Передней Азии. Лингвистические данные оказываются неполноценными в разрешении вопроса происхождения армянского народа, тем более что языки индоевропейской группы на территории Передней Азии отмечены еще во время, предшествующее образованию Урартского государства (первая половина II тысячелетия). Таким образом, языковой материал никак не может служить основой теории прихода армян из Европы после падения Хеттского царства. А между тем именно лингвистический материал, подкрепленный сведениями античных писателей, является главным источником всех миграционных представлений.

Геродот считал армян «фригийскими выселенцами» и указывал на то, что «армении, потомки фригийцев», были вооружены подобно последним (VI, 73). Но следует подчеркнуть, что Геродот «земли армений», которые «живут выше ассирийцев» (I, 194), рассматривал преимущественно как приевфратские земли, считая, что граница между Арменией и Киликией проходила по р. Евфрат (I, 52). Поэтому и сведения о населении этой области нельзя переносить на всю Армению, ибо во времена Геродота территория, называемая Арменией, была заселена не одним народом, а многочисленными племенами и мелкими народами, отличными по этническим и языковым признакам, оставшимися там после распада Урарту.

Некоторые античные писатели приводят мифологические сказания о происхождении армян. Так, Страбон (кн. IX, гл. IV, § 8) писал: «Армен (спутник Язона) происходил из Армении, одного из городов, лежащих у Вивендского

⁴¹ Meillet A. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. Vienne, 1903. P. 111.

⁴² Капанцян Г. А. К происхождению армянского языка // Изв. Акад. наук АрмССР. 1946. № 7. С. 3–30.

озера, между Ферами и Ларисой, спутники его (будто бы) заселили Акилисену и Сиспириту до Калахены и Адиабены. От имени Армена осталось и название Армении». По Стефану Византийскому, Антипатр в трактате о Родосе утверждал, что Армен — родосец. Евстафий в комментариях к труду Дионисия скептически приводил все разноречивые мнения, не давая ни одному из них предпочтения. Он писал, что Армения получила свое название или от указанной Армянской горы, или от какого-то родосца Армена. По другим источникам, эта страна названа Арменией по имени героя Армена, происходившего из фессалийского города Армения и сопутствовавшего Язону в его походе... Нужно знать, что Геродот называл армян фригийскими выселенцами, говоря также, что они богаты овцами. И Евдокс в «Объезде земли» говорил о том, что армяне ведут род из Фригии и что в их языке есть много фригийского (§ 694). Направленность всех этих сведений ясна. Они стоят в тесной связи с колониционными стремлениями господствующего класса античного мира и со своеобразным отношением к географии и этнографии со стороны античных писателей. Совершенно очевидно также и то, что рассказы о предках армян, якобы живших в пределах Древней Греции и Малой Азии, отражают намерения авторов подобных рассказов закрепить этим колониционный приоритет родного города или родной области. Вспомним, что античные писатели предками мидийцев, персов и даже египтян считали выходцев из Греции, но эти высказывания никто серьезно не принимал.

В древнеармянской литературе мы встречаем другое объяснение происхождения армян, хотя оно также построено на отождествлении имени страны и народа с именами предков. Моисей Хоренский эпонимом Армении называет Арама, считая его прямым потомком библейского мифического предка Яфета. В 12-й главе своей первой книги он писал: «Рассказывают, что Арам совершил много воинских подвигов в боях, что он раздвинул пределы Армении на все стороны, что все народы стали называть нашу страну по его имени: греки — Армен, персы и сирийцы — Армни». В анониме, приписанном к истории Себеоса, и у Нерсеса Шноргали эпонимом армян считается не Армен, а Арменак, что стоит в связи с другим циклом сказаний. Надо заметить, что Моисей Хоренский включил в «Историю Армении» различные самостоятельные циклы сказаний: о Хайке, о его сыне Арменане, об Арме, о Шамирам и Ара. Эти сказания уже давно обратили на себя внимание историков Армении, считавших, что в них получили отражение реальные исторические события⁴³. Все эти сказания повествуют о борьбе народов, населявших южные части Армянского нагорья, с ассирийцами (Нином), вавилонянами (Белом) и мидийцами. Но почему-то при написании древнейшей истории армян оказывалось предпочтение античным сказаниям перед местными армянскими.

Индоевропейский характер армянского языка служил достаточным основанием для того, чтобы считать армян не коренным народом Передней Азии, и обычно при исследовании вопроса о происхождении армян главное внимание

⁴³ Патканов К. П. Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии // ЖМНП. 1881 (отдельный оттиск); Манандян Я. А. О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении. Ереван, 1956. С. 145–155.

уделялось установлению их первоначального местожительства и тех путей, по которым они пришли в Переднюю Азию. А между тем в армянских сказаниях сохранилось много данных по древнейшей истории тех племен, которые вошли в состав армянского народа. Внимательное отношение к этим данным позволяет связать их с действительными событиями древней истории Передней Азии.

Урартские материалы также дают много важных сведений по древнейшей истории современных народов Закавказья, отражающих процесс их образования.

В состав Урартского государства входили отдельные страны, имевшие династии своих правителей, и многие названия этих стран, как указывалось выше, сохранились в армянской средневековой топонимике. Особенно интересно то обстоятельство, что наименования урартского времени сохранились в названиях именно тех областей, которые имели чрезвычайно важное значение в политической жизни Армении с самого начала образования Армянского государства. Это обстоятельство приобретает еще большее значение при учете того, что на Древнем Востоке названия страны и ее населения обычно совпадали, так что топонимические термины можно рассматривать и как этнонимические (урарт. Цупа-ни, греч. Софе-на, арм. Цопк; ассир. Энзите, греч. Анзитена, арм. Андзит; хетт. Алше, ассир. Алзи, арм. Алдзник и др.).

Эти сопоставления, отмечавшиеся уже давно, дополняются еще одним, свидетельствующим о древнем происхождении и автохтонности того термина, который лег в основу слова *Армения*. Я имею в виду название страны Арме в надписи Сардури, сына Аргишти (УКН. № 156). В тексте имя царя упомянуто рядом со «страной города Нихириа», что подтверждает локализацию Арме районом к юго-западу от оз. Ван. В этом урартском тексте середины VIII в. говорится о стране Арме, название которой созвучно с термином *Армина* в древнеперсидских надписях и словом *Армина* в греческих источниках. Действительно, обычным суффиксом в названии стран в урартской клинописи является *-ни-*, а клинописный знак второй части названия Арме может передавать слоги *-ме* и *-ми*. Таким образом, полное название этой страны, находившейся вблизи от Нефферкерта (арм. Неф-керт), будет Арме-ни или Арми-ни. Итак, вопреки прежнему мнению, термин, который стал племенным названием армян, появился не в VI, а в VIII в., в период могущества Урарту. Маркварт⁴⁴ был совершенно прав, когда он предположил, что древнеперсидский термин *Армина* происходит от корня *Арм-* и урартского суффикса *-ини-*, принявшего под влиянием мидийского языка форму *-ина*, и противопоставлял свое объяснение старому мнению о том, что термин *Армина* состоит из двух частей *-хар* и *мини*, означая «горы страны Мини (Мана)».

Маркварт также оказался прав, сопоставляя термин *Армина* с ассирийским и урартским термином *Урме-ни*.

Связи древних армянских терминов с урартскими можно наблюдать не только в географических названиях. Не раз с полным основанием указывалось, что и древнейшие родовые фамилии армянских князей восходят к урартскому времени, поскольку конечный суффикс *-ни-* особенно характерен для урартского

⁴⁴ Marquart J. Die Entstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation. Potsdam, 1919. S. 67.

языка. Таковы древние фамилии армянских князей: Рштуни, Бзнуни, Мандакуни, Хорхоруни и др.

В этом отношении значительный интерес представляет и армянская историческая традиция, по которой первый армянский царь жил во времена гибели Ассирии, в конце VII в. Моисей Хоренский, например, 21-ю главу первой книги «История Армении» посвящает «Паруйру, сыну Скайорди, первому венценосцу Армении».

Далее приводится текст из книги Моисея Хоренского: «Последним из живших во время Ассирийского царства, со времен Шамирам и Нина, был наш Паруйр при Сарданапале. Он оказал немалую помощь мару Варбаку, который отнял у Сарданапала его царство... Варбак родом из одной из небольших, но сильно укрепленных областей Мидии, муж хитрейший в житейских делах, замечательный в бою, зная женоподобный нрав и сладострастную изнеженность слабохарактерного Конхолероса, хитростью и щедрыми дарами окружает себя приверженцами из людей мужественных и полезных, которые в то время, как известно, твердо правили ассирийской монархией. Он склоняет на свою сторону храброго нахарара нашего Паруйра, обещая ему царские почести и венец, и многих мужественных воинов, искусно владеющих копьем, луком и мечом».

Таким образом, Варбак, завладев царством Сарданапала, господствует над Ассирией и Ниневией. Поставив здесь других правителей, он переносит царский престол в Марк (Мидию).

В приведенном отрывке рассказывается об армянском князе Паруйре, который оказал помощь мидийскому Варбаку, разгромившему Ассирию, за что Варбак дал ему самостоятельность и объявил его царем Армении.

М. Чамчан в первом томе «Истории» (Венеция, 1785), на основании не известных нам источников, приводит список древнейших правителей Армении с точным указанием продолжительности их царствования. По-видимому, автор «Истории» имел в своем распоряжении рукопись, в которой список правителей содержал указания на время правления каждого из них. М. Чамчан начало правления Паруйра относил к 748 г. до н. э., а смерть Сарданапала и свержение ассирийского ига к 743 г. до н. э., т. е. допуская ошибку примерно на 130 лет.

Уже давно была отмечена близость текста 21-й главы I книги «Истории» Хоренского к тексту хроники Евсевия Кесарийского, который, в свою очередь, заимствовал рассказ у Ктесия и Диодора Сицилийского (кн. II, гл. XXIV).

Евсевий, описывая время Сарданапала, царя Ассирии, рассказывал следующее: «Некто Варбак (или Арбак), родом мидиец, человек добродетельный по мужеству своему и прекрасным качествам души, был военачальник мидийцев, один из тех, которые ежегодно отправлялись в город Нина. Во время своего военачальства, при личном свидании с полководцем вавилонским он подружился с ним и, будучи упрасиваем им, он сокрушил царство Ассирийское». И в другом месте: «Тоннос Конхолерос, которого греки называют Сарданапалом, потерпев поражение от Варбака и Белесиса, предал себя в жертву пламени... Отняв царство ассирийское, Варбак назначил Белесиса царем над вавилонянами, а сам перенес престол в Мидию».

Таким образом, Евсевий рассказывал (по Диодору) о личном свидании и заключении союза между Варбаком и Белесисом, о победе их над Ассирией и об уходе Варбака в Мидию.

Сравнение текста книги Хоренского с приведенным отрывком из хроники Евсевия обнаруживает их близкое сходство с той только разницей, что Хоренский ничего не говорит о Белесисе, а приводит рассказ об армянском князе Паруйре.

Этого сопоставления текстов Моисея Хоренского и Евсевия было достаточно для того, чтобы считать сведения армянского историка лишенными оснований (К. Патканов, Г. Халатянц). Действительно, текст Моисея Хоренского настолько близок к тексту Евсевия, что вопрос их зависимости совершенно очевиден: можно предположить, что армянский историк в свой текст включил сведения, взятые им из хроники Евсевия, вставив в них рассказ о выдуманном им самим Паруйре, сыне Скайорди.

Поэтому историки часто игнорируют сведения Моисея Хоренского о первом армянском царе Паруйре. Те исследователи, которые обвиняли Моисея Хоренского в недобросовестности, в подлоге, в переписывании рассказов античных и византийских историков с некоторыми видоизменениями и включением вымышленных им армянских имен, не учли одного весьма важного обстоятельства, что Моисей Хоренский — писатель раннего Средневековья и что зависимость текста его книги от текста использованных им историков является своеобразным литературным приемом. Они не учли также, что во времена Хоренского писали именно так и что средневековый армянский историк, рассказывая о древних временах, и не мог писать иначе. Они не могли этого учесть потому, что подходили к Хоренскому с требованиями современной им науки, а не средневековой.

Моисей Хоренский при написании древнейшей истории Армении за основу брал доступные ему рукописи историков (в данном случае, вероятно, армянский перевод хроники Евсевия, и включал в него сведения из других источников: из не дошедших до нас хроник, а также легенд, рассказов и песен, сохранившихся в народе).

В этом нас убеждают сопоставления текста Хоренского с текстами античных историков, неоднократно приводимыми исследователями, желавшими уличить в подлоге и Хоренского, и источники (например книга Мар-Абас Катина), которыми он пользовался. Возьмем для примера 16-ю главу «Истории Армении», рассказывающую о постройке ассирийской царицей Шамирам города Вана.

Г. Халатянц⁴⁵, установив зависимость текста этой главы от рассказов Диодора, Иосифа Флавия и Евсевия, считал, что Хоренский снабдил «Историю» вольными добавлениями, пересказом книг указанных историков, описавших строительство в Вавилоне и Экбатанах при Шамирам. Но он не учел того, что Хоренский при описании приводит детальные сведения, которые могут относиться только к Вану. В «Истории» точно описана Ванская скала, ее форма, расположение пещер и клинописей. И не будет большим преувеличением утверждение, что до последнего времени самыми точными описаниями Ванской

⁴⁵ Халатянц Г. Армянский эпос в «Истории Армении» Моисея Хоренского. М., 1896. С. 145–146.

скалы являлись описание Моисея Хоренского и Шульца. Г. Халатьянц допускал, что при изложении рассказа о строительстве при Шамирам Хоренский мог исходить от топонимических названий. Но мне кажется, следует держаться обратного мнения, а именно, что топонимика Средневековья была тесно связана с известными в то время народными легендами, которые вряд ли были созданы Диодором, Иосифом Флавием и Евсевием. Имелся обширный цикл южноармянских народных легенд о Шамирам; вероятно, они и являлись главным источником для Хоренского, когда он писал 16-ю главу «Истории Армении».

Вернемся к рассказу Моисея Хоренского о Паруйре и связи рассказа с хроникой Евсевия.

Совершенно очевидно, что в текстах Евсевия и Хоренского говорится о тех же событиях, что и в приведенной выше хронике Набупаласара. В этом нет никаких сомнений.

Хоренский рассказывает об армянском князе Паруйре, жившем при Ашурбанипале, которого он, так же как и античные писатели, называет Сарданапалом, т. е. собирательным именем последних ассирийских царей.

Под именем Варбака следует подразумевать мидийского царя Киаксара или же мидийского военачальника, а возможно, их обоих вместе (т. е. как собирательную личность).

Для нашей темы особый интерес заключается в том, что хотя в хронике Евсевия и в «Истории» Моисея Хоренского говорится о тех же событиях, что и в хронике Набупаласара⁴⁶, однако содержатся отличные друг от друга сведения, совпадающие с данными вавилонской хроники и других античных источников.

Евсевий говорит только об одном союзнике Киаксара (Варбака) — о Набупаласаре (Белесисе). Хоренский же, не упоминая о вавилонском царе, приводит сведения об армянине Паруйре, сыне Скайорди, князе одной из тех зависимых стран, которые оказали помощь мидийцам и вавилонянам при взятии Ниневии, т. е. при окончательном разгроме Ассирии. Вавилонская хроника называла их «umtân manda», а Геродот — «скифским войском». Примечательно и то обстоятельство, что отец Паруйра носит имя Скайорди, причем в некоторых рукописях «Истории Армении» это имя пишется раздельно: «скай» и «орди». В переводе оно означает «сын исполина» или «сын скифа». Н. Я. Марром уже давно было разъяснено, что грузинский термин «гимир» — «герой» — связан с племенным названием киммерийцев, так же как и армянское слово «h̄ska» — «великан» — с именем скифов-саков. Раскопки в Мингечауре, проведенные археологической экспедицией Академии наук Азербайджанской ССР, показали, что такая взаимосвязь указанных терминов возможна. При исследовании скифских погребений, открытых в Мингечаурском могильнике, были обнаружены костяки, отличающиеся исключительным ростом (более 2 м).

Рассмотрим теперь сведения о Скайорди, приводимые Хоренским в виде добавления к 23-й главе. Там мы читаем: «Около 80 лет до воцарения Навуходоносора жил Сеннакирим, царь ассирийский, который осадил Иерусалим при Езекии, начальнике евреев. Он умерщвлен своими сыновьями — Адрамелом и Саннасаром, которые спаслись бегством у нас. Одного из них, т. е. Саннасара,

⁴⁶ Gadd G. J. The fall of Niniveh. London — Oxford, 1923.

мужественный родоначальник наш Скайорди поселил на юго-востоке нашей страны, близ пределов Ассирии. Его потомки, размножившись, населили гору, называемую Сим».

Таким образом, по тексту Хоренского об убийстве Синахериба устанавливается, что Скайорди был современником ассирийских царей Синахериба и Асархаддона. Он был князем, но не царем страны, граничившей с Ассирией и, по сведениям Библии, входившей в состав Урарту. Сасунские горы (гора Сим) находились близ юго-восточных пределов этой страны.

Паруйр, сын Скайорди, был современником Ашурбанипала и последних ассирийских царей. В Урарту в это время правили цари Сардури и Эримена, от которых до нас не дошла ни одна клинописная надпись; первый из них известен по летописи Ашурбанипала, а второй — по надписям своего сына.

По-видимому, Урарту, подобно Ассирии, переживало тяжелые времена и не участвовало в войне против своего векового врага — Ассирии, и противники Ассирии в 609 г. выступили в поход против Урарту. Об этом рассказывают последние из сохранившихся строк хроники Набупаласара.

В этот период истории Передней Азии, в период падения могущественных государств Древнего Востока, особенно усилились племена, которые мы называем скифскими.

То, что древневосточные государства имели связи с киммерийцами и скифами, подтверждается многими источниками. Поэтому нет ничего удивительного, что, по армянской традиции, первым царем считается сын Скайорди, внук скифа. Паруйр, по-видимому, был князем одной из небольших стран, которая, согласно «Истории» Хоренского, входила в состав Урарту и находилась у северо-западной границы Ассирии. Другими словами, та страна, князем которой считался Паруйр, находилась в непосредственной близости со страной Арме, если не являлась ею. Возможно, что это обстоятельство, а вернее, одноименность страны Арме и Армении, послужило поводом для предположения, что Паруйр был первым армянским царем.

Паруйр, сын Скайорди, оказал военную помощь мидийцам и вавилонянам в разгроме Ассирии и за это получил самостоятельность и царский венец в 612 г.

Вскоре начался распад Ванского царства, территория которого до 585 г. была захвачена Мидией.

Уже в конце VII в., при ослаблении урартской государственной власти, от Ванского царства отделились мелкие страны его западной и юго-западной частей, которые до того находились под постоянной угрозой со стороны Ассирии и стран восточной части Малой Азии. Первая угроза отпала, вторая же оставалась еще реальной. Поэтому страны, входившие раньше в состав Урарту и защищавшиеся урартской армией, принуждены были сами объединяться, чтобы сохранить свою самостоятельность. Новый союз охватил примерно ту же территорию, которую пятьсот лет до этого занимали страны Наири. В истории Передней Азии второй раз, но уже на новой основе, образуется союз стран западной части Армянского нагорья. Рабовладельческие государства, объединявшие большое число разнородных маленьких стран, не создали еще прочной общности людей. Основой этих государств был не один народ, а конгломерат малых народов, находившихся под властью господствующей страны.

Но в отличие от племенных догосударственных объединений эти малые народы, входившие в состав государств, были примерно на одинаковой ступени развития. Тот уровень производительных сил, которого достигли малые народы в недрах древневосточных государств, они не могли поддерживать, будучи разьединены, и это обстоятельство явилось важнейшей предпосылкой для возникновения новых объединений уже путем ассимиляции. Во главе стран юго-западной части нагорья, по-видимому, встала страна Арме (Армина), и соседние народы (персы) стали называть эту область Арминой, в то время как вавилоняне продолжали именовать ее старым термином — Урарту. Греки называли этот союз племен Армения.

При падении Урартского государства в его бывшем центре, в районе оз. Ван, возникло, как думает С. Т. Еремян, новое политическое объединение, во главе которого стояла армяно-мидийская династия Еруандуни⁴⁷. Таким образом, центр бывшего Урартского государства подвергся арменизации значительно раньше, чем это было принято думать. Остававшиеся там жить урарты-алароды были ассимилированы армянами. По этому вопросу существуют работы А. С. Гарибьяна, изучавшего диалекты армянского языка. Он обратил внимание на то, что армянский диалект в Ванском районе сохранил древнюю урартскую фонетику. Фонетика оказалась более устойчивой, чем словарный запас языка, и теперь по произношению легко отличить ванского армянина. Языковая ассимиляция произошла очень быстро, и Страбон отмечал, что в его время все области Великой Армении были одноязычными.

В то время как на юго-западе Армянского нагорья образовался союз стран Армина, на северо-западе его укреплялся другой союз, находившийся в сфере культурных влияний стран Малой Азии. Он так же, как и союз стран, на основе которого сформировался грузинский народ, усваивал культурное наследие, главным образом Хеттского царства. Это был хайский племенной союз.

Адонц совершенно правильно отмечал, что деление Армении на две части относится к отдаленным временам, далеко отстоящим от 189 г., когда, согласно Страбону, Артаксий и Зариандр, разделив Армению на две части, объявили себя самостоятельными царями. Деление Армении на две части существовало уже в ахеменидский период. О восточной и западной Армении, имевших наряду с сатрапами и местных царей, рассказывает Ксенофонт (около 400 г.), отмечавший различие культуры, в частности поселений, в этих двух областях. Правителем восточной Армении был Оронт (арм. Ерванд), а западной — Тирибаз.

Позднее в битве при Гавгамелах участвовали два армянских сатрапа — Оронт и Митраваст.

Западная Армения была обширной областью и включала значительное число небольших стран, входивших некогда в состав Ванского царства и объединившихся после его распада в союз, существовавший наряду с союзом Армина. Обе эти области слились, когда стал формироваться армянский народ, но два элемента в культуре армян продолжали жить и дальше, что отчетливо замечается и на языковом материале⁴⁸.

⁴⁷ Еремян С. Т. К вопросу об этногенезе армян // Вопросы истории. 1952. № 7. С. 140.

⁴⁸ Марр Н. Я. Грамматика древнеармянского языка. СПб., 1903.

Существует предположение, что Малая Армения была древнейшим центром армянской культуры. Так, Маркварт выводит все миграционные волны армян именно из этого центра, считая, что приход армян из Европы в Малую Азию лежит за пределами наших исторических знаний. Я также думаю, что при рассмотрении вопроса происхождения армянского народа мы ни в коей мере не должны недооценивать значение стран верховьев р. Евфрат и Малой Армении. Еще Страбон указывал на то, что первоначальными областями Армении были область Акилисена (арм. Екелеац), т. е. район нынешнего Эрзинджана, и область Супиритис-Шуприи, т. е. верховьев р. Тигра.

В этой работе уделяется больше внимания второй области только потому, что она лучше освещена в источниках. Несомненно, что изучение древнейшего центра Западной Армении — Ани Даранахийского (Камах), на Верхнем Евфрате, даст совершенно неожиданные результаты, отражающие связи армянской области с древнейшими восточными культурами. Но это дело будущего. Для нас особенно интересен тот факт, что Страбон сохранил сведения о двух центрах древнейшей армянской культуры времени, предшествовавшего образованию Армянского государства.

Иенсен еще в 1898 г. связывал армянский племенной термин *хай* со словом *хатти*, т. е. с названием народа Хеттского государства, установив связи армян с хеттами. Это имеет, несомненно, больше оснований, чем сопоставление имени хаев с корнем *пай-* — в названии Паиония, страны в Македонии, считавшейся родиной фригийцев. Справедливая, но чрезмерно резкая критика работы Иенсена охладила на некоторое время эти очень для нас интересные по своему направлению искания. Только гораздо позже к этой работе приступил Г. А. Капанцян, на большом количестве примеров показавший, что есть много общего в армянском и хеттском словарях.

Термин *хай*, которым именуют себя армяне, уже давно привлекал исследователей. К. Патканов высказывал предположение, что хаи вначале были отдельным племенем, которое, достигнув господства над другими племенами, передало им свое название.

Когда стали известны хеттские тексты, исследователи обратили внимание на то, что в текстах XIV в. до н. э. области северо-западной Армении называются страной Хайаса. Ряд ученых, независимо друг от друга, высказали предположение, что племенной термин *хай* связан с этим древнехеттским названием страны.

В армянской научной литературе этот вопрос был подробно рассмотрен А. Хачатрянном. Но все же оставалось много неясностей; трудно было объяснить, почему термин *Хайаса*, встречаемый только в древних текстах, перешел в армянский язык. Вопрос о происхождении армянского народа, а также о хеттской стране Хайаса был подробно исследован Г. А. Капанцянном. В самом термине *Хайа-са* он видел корень *hai-* с характерным для языков Малой Азии суффиксом, при помощи которого образуются названия стран и местностей: *-sa-* или *ša-*. В книге Г. А. Капанцяна собран и систематизирован большой материал относительно страны Хайаса и показано ее влияние на формирование армянского и грузинского народов.

Пауль Кречмер, занимавшийся вопросами лингвистики и этногенеза Передней Азии, связал термин *Хайаса* с названиями племен северо-западной Арме-

нии — хоями или хаями, полагая, что они близки к термину, которым обозначается племя армян. Действительно, это наблюдение, которое связало армянский термин с хеттским, заслуживает серьезного внимания.

Из всего сказанного мы видим, таким образом, что в формировании армянского народа исключительное значение имели два союза племен: один — на юго-западе Армянского нагорья, союз Армина, или восточная Армения, другой — на северо-западе — Хайский союз, т. е. западная Армения.

В конце IV в., после смерти Александра Македонского, существовали четыре крупных армянских объединения: восточная Армения (южные области Армянского нагорья, включая Ванский район) и западная Армения (Софена), вошедшие в состав государства Селевкидов как отдельные сатрапии. Малая Армения (с центром Ани Камах на Евфрате) и область Айратат (в Закавказье, с центром Армавир), отказавшиеся признать власть Селевкидов. Позже, во II в. до н. э., происходит слияние этих четырех частей в единое государство⁴⁹. Так заканчивается длительный процесс формирования армянского народа.

Но не все малые народы были быстро ассимилированы армянами; во многих местах, особенно в горах, оставались еще племена, чуждые армянам, говорившие на не понятном для них языке. Так, при описании жителей Сасуна Фома Арцруни (X в. н. э.) указывал, что часть хутцев говорила на каком-то чужом языке; он называл их «сирийскими (ассирийскими) простолюдинами». Я. А. Манандян видел в них остатки урартских племен⁵⁰.

Как мы видим, процесс образования современных закавказских народов — процесс очень сложный, который нельзя рассматривать в рамках одного Закавказья, так же как нельзя искать на Древнем Востоке прямых предков современных народов. От могущественных государств Передней Азии осталось большое культурное наследие и незначительное этническое. Как мы указывали, урарты, продолжавшие и после распада Урартского государства жить в районе оз. Ван, быстро потеряли свой язык, были ассимилированы армянами, которые унаследовали их культуру. Уже давно была замечена близость урартов и армян даже в одежде. Так, головные уборы урартских послов, изображенных на рельефах Ашурбанипала, имеют большое сходство с такими же мягкими шляпами, с завязками, какие носят армены, изображенные на ахеменидских рельефах. Материальная культура древнейших армянских государств еще мало изучена, но, несомненно, изучение ее выявит элементы урартского культурного наследия.

⁴⁹ Еремян С. Т. К вопросу об этногенезе армян // Вопросы истории. 1952. № 7. С. 107.

⁵⁰ Манандян Я. А. Народные восстания в Армении против арабского владычества. Ереван, 1939. С. 26.

IX

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Ванское царство занимало высокий горный массив Передней Азии, так называемое Армянское нагорье (средняя высота 1500–1800 м над уровнем моря), находящееся между двумя другими нагорьями — Анатолийским и Иранским¹.

С севера Армянское нагорье ограничено Понтийскими горами, спускающимися к южному побережью Черного моря, с северо-востока — системой горных хребтов, образующих Малый Кавказ, а на юге оно отделяется от Верхней Месопотамии высокими Таврскими и Курдистанскими горами.

Рельеф, растительность и климат отдельных частей Армянского нагорья отличаются друг от друга настолько большим разнообразием, что Армении справедливо называют «страной контрастов».

Центральное вулканическое плато, имеющее сравнительно сглаженный рельеф, куполообразные вершины, пологие склоны и котловины с озерами, ограничено высокими складчатыми горами со скалистыми вершинами, крутыми склонами и глубокими ущельями. Таким образом, территория,

¹ О природе Армянского нагорья см.: *Blanchard R. Asie occidentale // Géographie universelle. VIII. 1929; Линч Х. Ф. Б. Армения. II. Тифлис, 1910. С. 494–525.*

на которой протекала жизнь Ванского царства, представляла собой как бы естественную крепость, хорошо защищенную с севера и юга высокими, труднопроходимыми, лесистыми горами.

Вот как описывается поход в горную область юго-восточной части Урарту, на восток от оз. Урмия, в тексте Саргона: «Симмирия, большой горный пик, что вздымается, словно острие копья, возвышаясь главой над горами, жилищем владычицы богов, главой вверху упирается в небо, а корнями внизу достигает глубин преисподней и со склона на склон, как рыбий хребет, не имеет прохода, — по бокам его извиваются пропасти и горные ущелья, и при взгляде очам посылает он ужас — для подъема и бега коней неудобен и для прохода пехоты пути его трудны».

Центральное плато также имеет несколько мощных хребтов, разделяющих его на отдельные районы. Например, Агридаг несколько походит на окраинные горы и имеет в восточной части самую крупную горную вершину Передней Азии — Большой Арарат (Масис), высотой 5156 м над уровнем моря. Некоторые из этих огражденных горами районов связаны друг с другом лишь путями через перевалы, становящимися иногда в зимнее время непроходимыми.

На Армянском нагорье берут свое начало самые большие реки Передней Азии — Евфрат и Тигр.

В центральной части Армянского нагорья имеются две большие реки, текущие в разные стороны: Аракс (Араз) — с запада на восток и Арацани (Мурат), протекающая с востока на запад и вливающаяся в Евфрат.

Аракс, самая большая река нагорья (длиной 915 км), берет свое начало от многочисленных горных родников и речек Бингельдага и на всем протяжении часто меняет облик. В верхнем течении Аракс имеет характерный вид горной реки, в среднем же течении он проходит через плодороднейшую Араратскую равнину, лежащую на высоте 700–900 м над уровнем моря, славящуюся как житница Передней Азии. Далее, ниже Нахичевана, Аракс пробивает себе путь через горное ущелье и вступает в Мегринскую теснину. В нижнем течении он проходит через степи. Аракс полноводен в мае, летом он сильно мелеет и во многих местах доступен для перехода вброд. Течение Аракса очень быстрое, что делает реку непригодной для судоходства. Бурный характер реки отмечался в свое время античными писателями, и Вергилий называл его «не терпящим мостов».

Берега Арацани на всем протяжении также разнообразны; река много раз меняет свое направление, пробивается через горные ущелья или течет по широким низменностям, разветвляясь на множество рукавов. Арацани протекает через плодородные Малазгиртскую и Мушскую низменности. Мушский бассейн (1260 м над уровнем моря) связан во всякое время года с соседними районами и отличается большим плодородием (хлебные злаки и виноград). Однако превращению его в хлебный район Армении мешает заболоченность берегов, вследствие чего требуются сложные ирригационные сооружения.

Три больших озера на территории древнего Урарту также отличаются друг от друга.

Озеро Ван находится на высоте 1720 м над уровнем моря и занимает площадь 3690 кв. км; уровень воды в нем изменяется. Вода озера насыщена содой и непригодна для питья. Об очищающих свойствах щелочной воды озера зна-

ли еще античные писатели. В озере водится только один вид рыбы — тарех, и то главным образом у устья рек, впадающих в озеро. Восточный и северо-восточный его берега имеют мягкий климат и удобны для ирригационного земледелия при использовании воды горных речек, стекающих к озеру. Не случайно именно здесь возникла столица Ванского царства Тушпа.

Второе озеро — Урмия, лежащее на высоте около 1250 м над уровнем моря, отличается от Ванского. Вода его насыщена солью с превышением в шесть раз количества соли в воде океана. Низменное побережье озера Урмия весьма благоприятно для земледелия.

От этих двух озер существенно отличается высокогорное оз. Севан (Гокча), находящееся в Закавказье, на высоте 1915 м над уровнем моря. Вода в нем пресная; озеро богато рыбой.

Климат Армянского нагорья чрезвычайно разнообразен; в основном он резко континентальный, близкий к степному. Особой суровостью отличается северо-западная часть нагорья (в частности, Эрзурумское плато, расположенное на высоте около 1800 м над уровнем моря), представляющая собой высокогорные степи с длительными, до семи месяцев, снежными зимами, с морозами, доходящими до 40°. Страна лишена леса, но имеет чрезвычайно плодородную почву. Земледелие в этих районах, несмотря на долгую зиму, возможно и на высоте до 2600 м над уровнем моря (культуры пшеницы, ячменя и овса). Горные луга являются прекрасными пастбищами для скота.

Низменные районы Армянского нагорья бедны осадками; особенной сухостью отличается Араратская равнина, плодородие которой обеспечивается искусственным орошением.

На юго-востоке нагорья находится плато с мягким климатом, непродолжительными зимами, покрытое растительностью, близкой к средиземноморской.

Растительность Армянского нагорья необычайно разнообразна, так как нагорье находится как бы на стыке двух резко различных ботанико-географических районов: влажного, лесистого Понто-Гирканского и сухого, безлесного Иранского².

В Армении есть незначительные участки пустынь, полупустыни с бедной травяной растительностью, степи, леса и альпийские высокогорные луга (2700–2950 м над уровнем моря).

Лесов в Армении мало, и только окраинные хребты нагорья — Понтийские и Курдистанские горы — покрыты лесом, в остальных же местах можно наблюдать лишь остатки древесной растительности. В древности лесов было значительно больше, и их исчезновение должно быть отнесено за счет деятельности человека (особенно при развитии скотоводства).

Рудные богатства Армянского нагорья довольно значительны: в центральной его части имеются богатые месторождения железа, а также меди, свинца и олова.

Приведенный краткий обзор природных условий Армянского нагорья, территории Ванского царства, имеет целью показать то природное разнообразие, которое до некоторой степени обусловило и разнообразие форм хозяйства.

² Тахтаджян А. Л. Ботанико-географический очерк Армении. Ереван, 1941. С. 7.

Естественно, на низменных плодородных землях занимались земледелием, в то время как на высокогорных лугах — скотоводством. Это повлекло за собой и естественное разделение труда между населением низменных и горных районов, создало преобладание земледелия в долинах и низменностях и скотоводства — в горах.

Прежде чем приступить к характеристике основных видов хозяйства Ванского царства, следует подчеркнуть, что речь может идти только о преобладании земледелия или скотоводства в той или иной части Армении. Как археологические материалы, так и исторические сведения показывают, что на Армянском нагорье в древности не было племен, занимавшихся исключительно земледелием или скотоводством; земледелием занимались также в горных районах, а скотоводством — на равнинных.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

О высоком уровне урартского земледелия красноречиво свидетельствуют как клинописные источники, так и данные археологических исследований.

На Армянском нагорье, где имеются благоприятные условия, появление земледелия восходит еще к неолиту. В тот период оно развивалось в нагорных и предгорных районах, причем для орошения использовались горные речки, и только позднее земледелие было перенесено в долины больших рек, где при сложной ирригационной системе получило интенсивное развитие.

Ботанические исследования подтверждают это положение. Армения отличается богатством видов и сортов культурных пшениц и многообразием диких — однозернянок и двузернянок; в высокогорных районах широко распространена рожь.

Древнейшие поселения на территории Армении, относящиеся к III тысячелетию до н. э., позволяют восстановить картину развития земледельческой культуры. Исследование зерновых остатков, добытых при раскопках этих поселений, произведенное М. Г. Туманяном, дало весьма интересные результаты³.

По остаткам зерен можно предположить, что в то далекое время еще не культивировались чистые сорта злаков и посев был смешанным; вместе с пшеницей и ячменем возделывалась также полба. Для ячменя и пшениц этого времени характерны круглозерные формы, отсутствие остей и голозерности. Двурядный ячмень, составляющий основную массу возделываемых в настоящее время в Армении ячменей, среди остатков древних поселений III тысячелетия до н. э. отсутствует.

М. Г. Туманян полагал, что биологические условия того периода не благоприятствовали формированию двурядного типа ячменей и что круглозерность пшеницы и ячменя свидетельствует о значительно более влажном климате сравнительно с современным. Сопоставление материалов из Шенгавитского посе-

³ Туманян М. Г. Культурные растения урартского периода в Армянской ССР // Изв. Акад. наук АрмССР. 1944. № 1-2.

ления энеолитического периода с материалами из Кармир-блур, а также со средневековыми отчетливо выявляет процесс изменения климата Армении от влажного к более сухому.

Палеоботанические исследования установили, что в Армении к урартскому периоду времени произошла окончательная дифференциация культур пшеницы и ячменя, причем круглозерные, реликтовые пшеница и ячмень, обычные в энеолитическую эпоху и приспособленные к более влажным почвенно-климатическим условиям, в начале I тысячелетия до н. э. постепенно исчезли, уступив место новым видам, близким к современным.

Урартские земледельческие культуры были тесно связаны с ассирийскими. В Ассирии⁴ ячмень был наиболее широко распространенным злаком, на что указывает и его термин «še'u», означающий также и вообще «зерно», а также полба-эммер (*kunāšu, butuṭtu, alappānu*), употреблявшаяся для хлебопечения и пивоварения.

Пшеница (*kibtu*), несмотря на то что она культивировалась с древнейших времен, ценилась примерно вдвое дороже ячменя и полбы.

Древние письменные источники и археологические находки говорят о возделывании в Ассирии проса (*duḥnu*), причем, по Геродоту (I, 193), просо в Месопотамии достигало высоты дерева.

Из масличных культур особенно был распространен кунжут (*šamaššammu*), из которого вырабатывалось растительное масло, употреблявшееся почти на всем Древнем Востоке. Наряду с кунжутом разводился также и лен (*kitu, pištū*).

О древнем земледелии Армянского нагорья (в начале IX в.) рассказывается в ассирийских источниках при описании добычи, захваченной у племен, входивших в союз Наири.

Так, Ашурнасирипал II в своих летописях рассказывает о том, что он «собрал жатву Наири». Несомненно, в период образования Урартского государства земледельческая культура была достаточно развита, и, надо думать, будущие археологические работы это подтвердят.

Урартское земледелие ярко описано в тексте Луврской клинописной таблички. Согласно этому тексту в стране Уишдиш, на западном берегу озера Урмия, в руки ассирийцев попали закрома с большим количеством ячменя (163). Такие же кладовые, переполненные зерном, оказались и в городе Аниаштания, на границе Сангибуту, страны, расположенной на северо-восток от озера Урмия. В Луврском тексте страна Сангибуту упоминается как богатый земледельческий район; описываются горы ячменя и пшеницы, ставшие добычей ассирийского войска (262–264).

Сведения Луврской таблички касаются и центральной части Ванского царства. На северном побережье оз. Ван ассирийцы также захватили закрома с большим количеством ячменя (295).

Урартские клинообразные надписи содержат очень скудный материал, относящийся к земледелию. Некоторые из них говорят о полях с посевами *ú-še* (надписи Русы без отчества у оз. Кешишгель и Русы II из Звартноца; УКН. № 268, 281). В обоих случаях перед *ú-še* стоит детерминатив *дерево* (растение)

⁴ Meissner B. Babylonien und Assyrien. I. Heidelberg, 1920. S. 198–199.

и идеограмма *поле*. С названием этих посевов можно сопоставить и название зерна *ú-ša* (с детерминативом *зерно*), встреченное в перечне добычи в летописи Сардури, сына Аргишти (VI, 10), которое, возможно, следует понимать как общее название для зерна (ср. ассир. *še'u*).

Громадный материал, показывающий высокий уровень урартского земледелия, дали раскопки урартского административного центра в Закавказье — города Тейшебы.

В надписи на стеле Русы, сына Аргишти, найденной в 1901 г. при раскопках Звартноцкого храма, рассказывается о больших работах, проведенных урартами на правом берегу р. Раздан, напротив Кармир-блур: «Руса, сын Аргишти, говорит: в долине Каурлини (или Кублини) обработанной земли там никогда не существовало. По приказу бога Халди я этот виноградник развел, поля с посевами, плодовые сады кругом устроил я там, города я ими окружил. Канал из реки Ильдаруни я провел». Далее идет предписание о принесении жертв богам в честь пуска воды в канал. Из этого текста видно, какое большое значение придавали урартские цари ирригационным работам; красноречивым свидетельством размаха этих работ является упомянутый в тексте канал. Через большой тоннель, пробитый в толще андезито-базальтовых скал, проложен древний канал. Он подвергался неоднократным переделкам, но до наших дней сохранился тоннель, пробитый урартами. От тоннеля в восточную сторону отходит рукав, круто опускающийся вниз. Возможно, он служил также резервуаром для воды.

Зерновые остатки, найденные при раскопках Кармир-блур, обработаны М. Г. Туманяном, В. А. Петровым, М. М. Якубцинером и Ф. Х. Бахтеевым. Цитадель города Тейшебы являлась местом, где хранились запасы зерна, собранного на землях вокруг города и поступившего в виде дани из закавказских областей (рис. 8).

Среди хлебных злаков наиболее широко были распространены мягкая пшеница (*Triticum vulgare* Will.) и многорядный ячмень (*Hordeum vulgare* L.) различных сортов, происходивших от аборигенных форм этих злаков. М. Г. Туманян, обработавший кармир-блурский материал, отмечает чистоту и сравнительную однородность зернового материала, а также отсутствие семян сорняков⁵.

Наряду с высокими сортами пшеницы⁶, представленными крупными, иногда круглыми, зернами, встречается низкокачественная мелкозернистая пшеница. Обильны были и запасы ячменя⁷ (в некоторых случаях ячмень извлекался из хранилищ целыми ведрами).

Весьма распространенной зерновой культурой в Урарту было просо (*Panicum miliaceum*); из сортов проса на Кармир-блуре особенно хорошо представлено итальянское просо-могар (*Setaria italica*), найденное как в виде оокосовавшихся, плотно спекшихся кусков, так и в виде необуглившихся, сохранивших даже

⁵ Туманян М. Г. Культурные растения урартского периода в Армянской ССР; Он же. Основные этапы эволюции ячменей в Армении // Изв. Акад. наук АрмССР. 1948. № 1. С. 76.

⁶ Якубцинер М. М. К истории культуры пшеницы в СССР // Материалы по истории земледелия СССР. II. М., 1956. С. 63.

⁷ Бахтеев Ф. К. К истории культуры ячменя в СССР // Материалы по истории земледелия СССР. II. М., 1956. С. 220–224.

свой цвет остатков зерна, наполнявшего крупные сосуды и зернохранилища. Известны и немногочисленные остатки зерен сорго (*Sorghum*, по определению В. О. Гулкяна).

В 1948 г. при раскопках одного из помещений в северо-западной части цитадели среди пищевых запасов были найдены остатки хлеба, выпеченного из просяной муки крупного помола (рис. 9). Хлеб этот был плоским, имел овальную форму с утолщенными краями и отверстием посередине⁸. Такой формы хлеб выпекают в Закавказье и в наши дни. На Кармир-блуре обнаружены также остатки пшенной каши и лепешки, выпеченные из непромолотого зерна проса.

Из проса также приготавливалось пиво. В жилище, во дворе цитадели, в 1940 г. был обнаружен крупный сосуд удлинённой формы, сходный с тем, в котором был найден солодоватый ячмень (рис. 10). Зерно и в этом сосуде носило явные следы солодования, чешуйки проса были растопырены и слабо удерживали зерно. На дне сосуда, так же как и в сосуде с ячменем, находился фильтр из соломы, который удерживал зерно в сосуде при смачивании ослуженного зерна кипятком. Сосуд для приготовления просяного пива был обнаружен в хорошо сохранившемся углу жилища, среди другой посуды. Там находились два караса с пшеницей, сосуд с семенами рыжика, масляного крестоцветного растения (*Camelina microcarpa*), а в чашке, сделанной из разбитого горшка, лежали рубленые листья и стебли одного из видов закавказского чабреца (*Thymus*). Это растение в сушеном виде и в настоящее время в Закавказье примешивают как пряность в сыр или кислое молоко; употребляют его также и для приготовления настойки.

В одном из сосудов, найденном на Кармир-блуре, оказались, по определению П. М. Жуковского, бутоны растения ночная красавица (*Mirabilis jalapa*), обладавшего в свое время приятным запахом.

В Урарту, как и в Ассирии, широкое распространение получила культура кунжута (*Sesamun orientale* L.), из которого приготавлилось растительное масло⁹. На Кармир-блуре запасы кунжута были обнаружены в четырех карасах, помещенных в небольшой кладовой (№ 7) северной части цитадели.

Три обширных помещения в северо-западной цитадели (№ 1–3) были предназначены для изготовления кунжутного масла. В одном из них (№ 3) была установлена большая ванна, высеченная из одного куска туфа, от которой шел каменный желоб, по нему отработанная жидкость отводилась за пределы цитадели. Эта ванна служила для размачивания кунжутного зерна до его обработки. Тут же лежали каменные ступки с пестами и терки, предназначенные для очистки от шелухи вымоченного и подсушенного зерна. В помещении, находившемся рядом (№ 2), в углублении глинобитного пола обнаружено большое количество кунжутных жмыхов. Обилие жмыхов и размеры каменной ванны говорят о значительном количестве кунжутного масла, производившегося в урартском административном центре.

⁸ Кармир-блур. I. С. 29.

⁹ И. М. Дьяконов сведения о масле видит в летописи Сардури (VI, 10), где говорится о 86 акарки, 7 теруси и 20 кали масла (?), т. е. о громадном запасе (более 20 тыс. литров).

Пресс для выжимания масла, изготовленный из дерева и находившийся, вероятно, в помещении № 2, сгорел без остатка во время пожара. Оба помещения, так же как и крайнее (№ 1), где, возможно, хранились бурдюки с кунжутным маслом, носят следы пожара, при котором глиняные кирпичи стены не только приобрели красный цвет от сильного огня, но частично и оплавилась.

Следует отметить, что техника производства кунжутного масла в Урарту мало чем отличалась от современного кустарного способа приготовления в Закавказье¹⁰.

Кунжут был найден также и в смешанном запасе зерна, среди ячменя и семян двух бобовых: нута (*Cicer arietinum*) и чечевицы (*Ervum len*).

Урарты не только жестоко эксплуатировали области Южного Закавказья, но и содействовали развитию земледелия, улучшая и расширяя ирригацию как необходимое условие поднятия плодородия.

Забота о воде, об орошении была постоянным делом урартов. Воду приходилось подводить к крепостям, расположенным на скалистых отрогах, через овраги по акведукам, по глиняным или каменным трубам, подобным обнаруженным в крепости Эребуни, на холме Арин-берд. Воду приходилось подводить и к большим поселениям и на поля, расположенные в местах с непригодной для питья водой.

Сохранилось значительное количество урартских клинописей, рассказывающих о проведении каналов; одни надписи вырезаны на камнях ирригационных сооружений, другие — на скалах над каналами. Упоминание о проведении каналов часто встречается в строительных надписях урартских царей.

Остатки древних урартских каналов сохранились как в центре Урарту, так и на его окраинах, причем некоторые и в наши дни орошают поля. Их русла или прорыты в грунте, или прорублены в скалах, а иногда каналы проходят по искусственным тоннелям.

Урартское государство проявляло постоянную заботу об ирригации, о чем рассказывается в тексте Саргона: «...царь Урса (Руса), правитель их, по желанию сердца своего... указал выход вод, он вырыл канал, несущий проточную воду... (воду) изобилия, как Евфрат, он заставил течь. Он вывел бесчисленные арыки от его русла и... воистину оросил нивы... как дождь пролил плоды и виноград. Платану, дереву высокому, украшению дворца его... как лесу над его окрестностями, он дал простереть тень... и как бог дал его населению возглашать радостные “алалу” (может быть, «песни жатвы»), 300 имеров посева... хлеба при урожае (?) он дал течь»¹¹.

Остатки ирригационных сооружений, дошедшие до нас от Ванского царства, грандиозны и многочисленны. Кроме целой сети каналов, имеются также искусственные озера, служившие резервуарами для воды. Так, к востоку от Вана сохранилось искусственное оз. Кешишгель, имевшее целью, как указывает найденная около него стела с клинообразной надписью, водоснабжение

¹⁰ Хатисов К. Кустарные промыслы Закавказского края. Отчет 1891 г. // Отчеты и исследования по кустарной промышленности России. II. СПб., 1894. С. 365–366; 3. М. Касабян. Изготовление кунжутного масла в Урарту // Изв. Акад. наук АрмССР. 1957. № 4. С. 107–116.

¹¹ Meissner B. Die Eroberung der Stadt Ulhu auf Sargons 8. Feldzug // ZA. XXXIV. 1922. S. 115.

города Русы (Топрах-кале)¹². Вдоль речки, вытекающей из этого озера по направлению к Вану, сохранились еще участки плотин, сложенных из громадных камней. К сожалению, клинописный текст стелы труден для понимания, и я привожу наиболее доступную переводу часть надписи: «...[провел] воду там для каналов и арыков, установил ему имя “Русы озеро”, отвел арык оттуда в Русахинили». Далее говорится о том, что на землях, ставших плодородными, начали разводить виноград, сады и засеяли поля.

Из всех ирригационных сооружений Ванского царства особой известностью пользуется канал, протяженностью свыше 70 км, построенный урартским царем Менуа, сыном Ишпуини. По этому каналу, который существует до сих пор и носит имя легендарной царицы Шамирам, вода подводилась к урартской столице — городу Тушпа¹³.

Вода в канал поступала из многочисленных родников в скалах к югу от р. Хошаб, у сел. Верхний Мешинкерт. Эти родники бьют из трещин, встречающихся на протяжении 30–40 м, и, по подсчету Белька, дают около 1500 литров воды в секунду. Вода, собранная в искусственное древнее русло, быстрым и шумным потоком, подобно водопаду, устремляется вниз, к р. Хошаб. Есть сведения, что на скале над источниками была клинообразная надпись, но она не сохранилась. Русло канала имеет 4,5 м ширины, при 1,5 м глубины, а скорость течения в нем достигает 3 м в секунду. Канал проходит по мосту из бревен через р. Хошаб, а затем резко поворачивает на запад. Примерно в 100 м от моста, на скале, на высоте 15 м обнаружена первая строительная надпись Менуа, к сожалению, плохо сохранившаяся.

В настоящее время известны 14 надписей, связанных с этим каналом (УКН. № 43–46). Они находились в разных местах (обычно там, где прокладка канала была особенно трудной) и содержали от трех до четырнадцати строк клинописного текста. В надписях постоянно встречается следующая фраза: «Menuaše Išpuiniḫiniše ini pili aguni Menuai — pili tini...» ‘Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел, «канал Менуа» имя его’.

Иногда за этой фразой следует угроза разрушителям надписи или канала или тем, кто припишет себе его постройку.

Большие трудности представляло проведение канала через ущелья. Там канал устроен весьма своеобразным способом: по краю ущелья возводились громадные подпорные стенки циклопической кладки, достигавшие иногда 20 м высоты, в верхних частях которых проходило русло канала (рис. 68). Но не всегда канал шел по верху этой стены, иногда его русло, высеченное в скале, отходило вбок, примерно на расстояние 20 м. В этих случаях циклопическая стена служила для предотвращения обвала склона под действием быстро текущей воды.

Путешественников обычно поражали чистота и прозрачность воды «канала Шамирам» («канала Менуа») и быстрота ее течения.

От канала на всем протяжении были устроены отводы — небольшие каналы; на некоторых из них теперь стоят водяные мельницы; очень возможно, что

¹² Дьяконов И. М. Заметки по урартской эпиграфике // ЭВ. IV. 1951. С. 112.

¹³ Belck W., Lehmann C. F. Über neue armenische Keilinschriften // ZE. 1892. S. 133; Lehmann-Haupt. Armenien. II. I. P. 95.

такие же мельницы существовали и в древности. Если каменный жернов с горы Вараг, хранящийся в Государственном музее Грузии, действительно относится к урартской эпохе, то он будет лучшим подтверждением существования в Ванском царстве водяных мельниц¹⁴.

Грандиозное сооружение, каким был «канал Менуа», несомненно охранялось в древности. Следы урартских укреплений такого назначения, по-видимому, сохранились на полуострове у сел. Хуркум. Эта небольшая крепость господствовала над всей низменностью юго-восточного берега оз. Ван, над устьем Хошаба и каналом.

Менуа, сын Ишпуини, проводивший ирригационное строительство, не ограничился сооружением в центральной части своего государства только одного мощного канала.

От времени Менуа до нас дошло еще шесть клинообразных надписей (УКН. № 57–62), отмечающих проведение других каналов. Один из камней с такой надписью был найден в Беркри, у северо-восточного берега оз. Ван¹⁵. По-видимому, надпись относится к ныне еще существующему каналу, отходящему от реки Бендимахи, при выходе ее в долину. Канал этот, отводящий воду в сторону, выше уровня реки, имеет русло, укрепленное мощной циклопической кладкой. Каналы, сооруженные при Менуа, встречаются и к северу от оз. Ван, в районе Арджиша, а два мощных канала орошали долины Малазгирта и Хотанлу, по левому берегу Арацани¹⁶.

Ирригация имела исключительное значение в Ванском царстве; без искусственного орошения вся растительность погибла бы. Путешественник Линч писал о восточном берегу озера: «Я уже несколько раз имел случай заметить, как незначителен человеческий элемент в этих армянских ландшафтах. В Ване, в первый раз, мы получаем другое впечатление, зависящее, однако, вовсе не от людей, населяющих теперь эту страну, но от памятников давно прошедшей цивилизации, которыми изобилуют окрестности Вана и от которых на нас через много веков еще веет духом древней культуры, — здесь массивный фундамент акведука, там остаток циклопической стены повествуют нам о господстве человека над природой и невольно воскрешают перед нашим умственным взором равнину, пересеченную большими дорогами, реки с переброшенными через них мостами, водопроводы, приносящие издалека оплодотворяющую воду»¹⁷. И действительно, многочисленные древние памятники свидетельствуют о том, что тут подчинение природы человеком представляло многовековой процесс.

Все поля с посевами также орошались искусственно. Трудно сейчас представить себе вид урартского поля и его размеры. Но можно предположить, что урартские поля располагались на тех же местах, где и современные. На южном берегу оз. Севан, у сел. Цовак, есть поля, орошаемые древним каналом (возможно, урартского времени), русло которого вырублено в скале. На полях к за-

¹⁴ Церетели Г. В. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939. С. 63.

¹⁵ Belck W. Die Bewässerung der Ebene, von Bergri und der Bendimahi-Tschai // ZE. XXXI. 1899. S. 244–248.

¹⁶ Bericht über die armenische Forschungsreise der Herrn W. Belck und C. F. Lehmann // VBGAEU. 1900. S. 57.

¹⁷ Линч Х. Ф. Б. Армения. II. Тифлис, 1910. С. 68–69.

паду от Цовинарской крепости мною был случайно найден обломок обсидианового лезвия серпа. Так как, несмотря на тщательный осмотр места, я никаких других предметов древности там не обнаружил, то остается предположить, что этот обсидиановый вкладыш серпа выпал в древности во время работы и что на этом самом месте, где находятся современные посевы, и в урартское время были поля.

Урартская техника земледелия была очень высокой. Основные сельскохозяйственные орудия, известные по раскопкам на Топрах-кале и на Кармир-блуре, изготовлялись из железа. На Топрах-кале найдены железные лемехи (сошники) плугов или мотыги, серпы и вилы (рис. 69, 70, 71)¹⁸.

Плуг (соха) в странах Передней Азии известен с древнейших времен. Первоначально он был деревянным, на что указывает и его шумерское название *giš-arīn*, но металлические принадлежности плуга встречаются уже с III тысячелетия. В древней Месопотамии было два типа плугов — легкий и тяжелый. Легкий плуг, по изображению на одной шумерской цилиндрической печати, имел сошник, представлявший собой заостренный кусок дерева, закрепленный в двух рукоятках; такой плуг обычно тянули ослы, реже — быки.

Тяжелый плуг, наиболее распространенный в Ассирии, изображение которого есть на плитках дворца Саргона и на одном рельефе Асархаддона, состоял из деревянного сошника, закрепленного в рукоятках, и дышла, к которому была присоединена труба-сеялка с воронкой для посева. Обслуживался плуг тремя людьми, и в него впрягалась обычно пара, а реже — четверка быков.

Судя по массивности железных лемехов, найденных на Топрах-кале, надо думать, что этот урартский плуг был тяжелым, вероятно, близким к ассирийскому. Его лемех имел вид узкой лопаты, напоминающий по форме наконечники мотыг.

В 1949 г. в поселении Тейшебаини в одном из его домов был найден тяжелый наконечник мотыги, весьма близкий по форме к происходящим из раскопок на Топрах-кале. Возможно, что железные лопатовидные наконечники меньших размеров служили одновременно наконечниками мотыг и для сельскохозяйственных работ и для замешивания глины. Мотыга и лопата были незаменимыми орудиями при регулировании воды в арыках.

Железные серпы слегка изогнутой формы, найденные на Топрах-кале и Кармир-блуре, существовали в Закавказье наряду с серпами из кремневых или обсидиановых вкладышей, закрепленных в деревянную или костяную рукоятку.

При раскопках поселений урартского времени было найдено громадное число каменных пестов, ступок, чаш и зернотерок, служивших для обработки зерна.

В большинстве временных жилищ, раскопанных во дворе цитадели, в их центре, иногда около стены, имелись очаги, наподобие современных закавказских тондыров, или вкопанные в земляной пол, или возвышающиеся над полом, как в Ассирии. Третьим видом очага являются плоские жаровни с высокими бортами, вылепленные из глины.

В жилищах около очагов постоянно лежали зернотерки и ступки из пористого базальта. Зернотерки состояли из двух либо одинаковых, либо различных

¹⁸ *Lehmann-Haupt. Materialien. Zeichnung 72; Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 546–547.*

по размерам и виду камней овальной формы, с плоской рабочей стороной и выпуклой тыльной. Иногда нижний камень достигал значительных размеров и был прямоугольной формы. Эти ручные зернотерки нам хорошо известны по древневосточному археологическому и изобразительному материалу.

Каменные чаши, часто хорошо обработанные, снабженные пестами, служили для рушения зерна перед растиранием на ручных зернотерках. Жерновов с осью вращения среди находок не было. В цитадели Тейшебаини нередко находили запасы пшеничной и просяной муки крупного помола.

Урартские зернохранилища были различных типов. Раскопки на Кармир-блуре открыли хранилища в виде углублений, высеченных в скале (зерновые ямы), в виде больших карасов, помещенных иногда в особую пристройку, и, наконец, в северной части цитадели обнаружена целая комната, засыпанная пшеницей.

При обработке зерна из этой комнаты М. Г. Туманяну удалось найти даже остатки древних вредителей — долгоносиков.

В урартских клинообразных надписях зернохранилища обозначаются термином 'arī¹⁹, емкость сыпучих тел — karī. В надписях постоянно указывается количество зерна, которое могут вместить зернохранилища: например, от 1432 до 18 400 капи. Надписи, обнаруженные на холме Арин-берд, около Еревана, рассказывают о двух зернохранилищах; одно сооружено Аргишти I, а другое — его сыном Сардури.

САДОВОДСТВО И ВИНОГРАДАРСТВО

Передняя Азия — родина многих плодовых деревьев, разводимых там с древнейших времен. Исторические документы свидетельствуют о пышном расцвете садоводства в древних странах Месопотамии и в горных областях. Постоянные культурные сношения стран Передней Азии друг с другом привели к тому, что достижения в культуре садоводства одного района передавались другому, так что теперь очень трудно установить действительную родину того или иного культурного растения. Возможно, что культура винограда возникла в нескольких местах земного шара, независимо друг от друга, и это привело не только к созданию различных видов винограда, но и к различным способам его возделывания. То же можно сказать и про многие фруктовые деревья. Значение заимствования культурных растений отразилось в языке и в терминах.

Согласно ассирийскому преданию, Саргон Древний (начало III тысячелетия), совершив поход в Каппадокию, вывез оттуда два сорта смоковниц, виноградную лозу, розу и другие растения. Ассирийские тексты рассказывают нам и о более поздних попытках акклиматизации растений. Так, Синахериб в садах Ниневии разводил плодовые деревья и растения других стран. Он даже отме-

¹⁹ Меликишвили Г. А. Некоторые вопросы социально-экономической истории Урарту // ВДИ. 1951. № 4. С. 25.

чал, что некоторые из них растут у него лучше, чем на своей родине. Интересно указать, что Синахерибом было ввезено в Ассирию «дерево, приносящее шерсть» (т. е. хлопок)²⁰.

Урартские цари также уделяли большое внимание садоводству. В строительных надписях часто можно прочесть: *iese ini (GİŞ) uldie terubi* (поле) (*GİŞ*) *ure (GİŞ) ùari ... iptini terubi* (УКН. № 281) «я этот виноградник устроил, поле посевов, плодовые деревья там устроил». Приведенный текст, взятый из надписи, обнаруженной в Звартноце, рассказывает, таким образом, о разведении виноградников и о посевах. Урартский термин *sarî* с детерминативом «дерево» уже давно и вполне правильно сопоставлялся с армянским словом «дерево» (*ծառ*). И очень возможно, что тут идет речь именно о плодовых деревьях. О насаждении деревьев (*ùari*) говорится в трех урартских надписях из Закавказья, рассказывающих о больших работах на Араратской равнине (УКН. № 126, 141, 143).

Садоводство в Закавказье существовало задолго до прихода урартов, и поэтому в урартскую эпоху происходит расширение территории садов.

Несомненные следы садоводства были обнаружены при раскопках древних поселений конца II или же начала I тысячелетия у Ханлара (Азербайджанская ССР)²¹. Наряду с органическим материалом, свидетельствующим о большом значении собирательства (косточки караса — *Celtis caucasica* Wild, семена лебеды — *Atriplex* и мари — *Chenopodium*), в древнем поселении были обнаружены косточки винограда (*Vitis vinifera*), находившиеся в большом карасе, заделанном в пол жилища, и косточка персика (*Prunus persica*) или миндаля (*Prunus amygdalus*).

При раскопках на Кармир-блуре обнаружено пока небольшое количество остатков плодов. В одной кладовой оказалась кучка слив-алычи, в других найдено несколько половинок яблок, целый плод айвы, косточки мелкой вишни (определение А. М. Вермишян). А в одном сосуде сохранились остатки плодов граната (куски корки плода). Обнаружены также орехи, обугленный цветок граната и одна бусина, изготовленная из косточки персика.

В 1948 г. были найдены также семена культурного арбуза (*Citrullus aedulis* Pang). Принадлежность этих семян культурному арбузу, а не дикому (*Citrullus colocynthis* L.) подтверждается хорошо сохранившимся и ясно выраженным ободком и рубчиком по краю семян, что совершенно отсутствует у диких арбузов (определение С. С. Хачатряна).

Кроме садов, урарты насаждали также и рощи деревьев. В надписи у озера Кешишгель говорится об устройстве «виноградника, рощи, посевов и сада», причем для слова «роща» употреблена соответствующая ассирийская идеограмма: *kištu*.

Виноградники в урартских текстах упоминаются очень часто; иногда в виде ассирийской идеограммы, а иногда и в урартской фонетической передаче — (*GİŞ*) *uldi*; отождествление этого урартского термина с ассирийской идеограммой «виноградник» в настоящее время бесспорно. В Ванском царстве вино-

²⁰ Meissner B. Babylonien und Assyrien. I. Heidelberg, 1920. S. 209.

²¹ Гуммель Я. И. К проблеме археоботаники Закавказья, I // Сообщения Груз. фил. Акад. наук. I. № 10. 1940. С. 745; Он же. Археологические очерки. Тбилиси, 1940. С. 98.

градарство было широко распространено и имело многовековое развитие, так как Армянское нагорье является одним из мест, где культивировалась виноградная лоза. Были даже сделаны попытки искать прародину винограда в Армении²².

В древности особенно ценилось вино из горных районов Передней Азии, и недаром даже во времена Геродота славилось вино из «земли армениев». Оно привозилось и в Северную Месопотамию, несмотря на то что виноградная лоза культивировалась там с древнейших времен. В южном Двуречье из-за неблагоприятного климата виноградарство развито слабо.

Ассирийские изображения передают нам виноградники двух видов: один, состоящий из пышных кустов, другой — из лоз, свободно вьющихся по деревьям. Оба эти вида встречались в центре Ассирии; первый дан в сцене возведения дворца Синахериба в Ниневии, а второй — на изображении дворцового парка Ашурбанипала.

Сорта винограда, разводившегося урартами в Закавказье, нам хорошо известны по кармир-блурским материалам. Раскопки дали большое количество углей виноградной лозы и семян винограда, свидетельствующих о разнообразии культивируемых сортов. Обнаружены семена винограда не только сортов воскеат (харджи), но и мсхали, арарати (хачабаш), кишмиша (назели, еревани), а также некоторых сортов черного винограда. На одном деревянном блюде были найдены остатки изюма из сорта типа кишмиш. Изюм этот хранился в прессованном виде (определение С. А. Погосьяна).

Виноградники в Ванском царстве находились как в частном, так и в государственном владении; существовали также виноградники, принадлежавшие и царствующему дому. Около сел. Катепанц, на левом берегу «канала Шамирам», был обнаружен камень с трехстрочной клинообразной надписью, повторенной дважды: «Таририи, дочери Менуа, этот виноградник. Таририахинили имя (его)». Этот камень с надписью, показывающей, что виноградник принадлежал урартской царевне и носил ее имя, лежал на искусственной террасе, т. е. на том месте, где был разведен сад. Таким образом, мы можем судить и о размерах сада: терраса имеет в ширину около 18 м и в длину около 70 м; с нее открывается очень красивый вид на Ванское озеро, на цепь гор и на Сипандаг²³. Вряд ли выбор этого места для разведения виноградника царевны был случайным.

У нас недостаточно сведений об урартском виноделии²⁴. По существу говоря, мы только знаем, что у урартов было вино, но способ его приготовления, сорта и качество остаются неизвестными.

Очень вероятно, что обломки крупных сосудов с клинописными отметками емкости, найденные на Топрах-кале и в Хайкаберде, являются остатками кара-

²² *Hehn V. Kulturpflanzen und Haustieren in ihrem Übergang aus Asien nach Griechenland und Italien, sowie in das übrige Europa. 8. Auflage, neu herausgegeben von O. Schroeder. Berlin, 1911. S. 65.*

²³ *Belck W. Mitteilungen über armenische Streitfragen // VBGAEU. 1901. S. 310; Lehmann-Haupt. Armenien. II. I. S. 108. — Возможно, сад занимал несколько террас.*

²⁴ *Пиотровский Б. Б., Джанноладян Л. М. Виноделие в Урарту // Виноделие и виноградарство в СССР. 1956. № 1.*

сов для хранения вина. На Топрах-кале была раскопана часть кладовой для вина, в которой находилось около 20–25 крупных карасов, вкопанных в земляной пол. Небольшая кладовая с подобными карасами была обнаружена и в Дур-Шаррукине, в здании около дворца Саргона.

Надпись царя Менуа, сына Ишпуни, найденная на холме Бостанкая, около Малазгирта, где и поныне имеются обширные виноградники, рассказывает о постройке крупной кладовой для вина (урарт. *gie*), общей емкостью в 900 акарки. Урартская мера жидких тел — акарки и ее дробные части — теруси (ранее читалось *хируси*) — оказались выписанными на обломках крупных карасов, найденных на Топрах-кале и в Хайкаберде. На основании того, что на этих обломках и в других клинообразных надписях число теруси не превышает 9, Леман-Гаупт считал, что акарки делилась на 10 или 12 теруси. А после реконструкции сосудов, на обломках которых были отмечены меры емкости, он заключил, что акарки равнялась примерно 120–150 литрам, и соответственно этому теруси была не меньше 10 литров. Но оказалось, что величину акарки Леман-Гаупт преуменьшил.

При раскопках 1949, 1950, 1953–1955 гг. в цитадели города Тейшебы, на Кармир-блуре, было открыто и исследовано семь кладовых, предназначенных для хранения вина. Первая из них (№ 25), площадью более 300 кв. м, содержала 82 караса (рис. 11), вделанных в земляной пол и расположенных в четыре ряда²⁵. Все карасы имели обозначения емкости в мерах акарки и теруси, частью выполненные клинописью, а частью иероглифами (рис. 13). Удалось установить, что акарки равнялась примерно 240 литрам, почти вдвое превышая величину, установленную Леман-Гауптом. Теруси равнялась ее девятой или десятой части.

Вторая кладовая (№ 28), отделенная от первой проходной комнатой, по размеру немного меньше первой, вмещала 70 карасов (рис. 12), на которых были только иероглифические обозначения мер. Винные карасы имели емкость 800–1200 литров²⁶.

Таким образом, две винные кладовые насчитывали 152 караса вместимостью около 150 тыс. литров.

В небольшой кладовой (№ 29) около этих винных погребов был открыт склад посуды для вина, состоявший из 1036 красных лощеных кувшинов с одной ручкой, 55 плоских чаш и 16 сосудов разного рода. Такое громадное количество кувшинов вполне соответствовало большим запасам вина, хранившимся в цитадели города Тейшебы.

В 1953 и 1954 гг. в центральной части цитадели Тейшебаини открыто еще четыре кладовые для вина (№ 40, 46, 47, 48), в которых было не менее 130 карасов (одна кладовая в разрушенном состоянии). Карасы имели как иероглифические, так и клинообразные обозначения емкости или количества вина, так как на некоторых карасах видны два различных обозначения.

Седьмая кладовая для вина с 48 карасами, имевшими лишь иероглифические обозначения, была обнаружена в 1957 г. в северо-западной части цитадели.

²⁵ Кармир-блур. II. С. 16–27.

²⁶ Там же. С. 28–40.

Все упомянутые кладовые находились в первом этаже, в сырых помещениях, лишенных дневного света. Большое количество глиняных светильников (рис. 14), обнаруженных как в самих кладовых для вина, так и в помещениях, где были сложены кувшины, подтверждает предположение, что в кладовых было темно, а о сырости свидетельствуют косточки жаб (определение С. К. Далья), найденные около карасов. От кладовых, размещенных в первом этаже, отличается крупная кладовая для вина (№ 50), площадью около 132 кв. м, расположенная на уровне второго этажа. Так как деревянное перекрытие или сырцовый свод не смогли бы выдержать тяжесть карасов, заполненных вином, то помещение первого этажа было целиком забутовано камнем. Карасы в этой кладовой установлены по пяти в ряд, без проходов, и общее их число было около ста (сохранились лишь днища карасов в западной части помещения).

Эта кладовая, очевидно, не имела крыши, назначение ее не совсем ясно, но несомненно, что большая работа по забутовке помещения первого этажа была произведена для того, чтобы создать, по мнению Л. М. Джанполадян, на возвышенной части цитадели хорошо прогреваемую солнцем и защищенную от пыли площадку для каких-то процессов виноделия. Выдержанное на солнце вино становилось густым и сладким, а мы знаем, что такое вино было распространено в древности в Греции. Аракатская равнина дает виноград высокой сахаристости, из которого можно получить густое и сладкое вино, выдерживая его длительное время в карасах на открытом воздухе, под лучами солнца.

Раскопки Кармир-блур до 1958 г. показали, что в крепости находились кладовые для вина, вмещавшие около 400 карасов, каждый емкостью от 800 до 1200 литров. Карасы не были однотипными, они отличались и формой венчика и приемами украшения. Видимо, они изготовлялись в разных мастерских, на что указывают и различные знаки, помещенные на массивном венчике караса до его обжига (кресты, пятилучевые звезды, три углубления, вертикальные линии с кружками).

Раскопки кладовых выявили также некоторые детали, связанные с хранением вина. Найдены крупные глиняные воронки для переливания или смешивания вин (рис. 15). В одном из помещений (№ 33) обнаружены не вкопанные, а стоящие и лежащие на полу карасы, около которых лежали куски серы. Это обстоятельство указывает на то, что уже в урартское время применялось окуривание карасов серой (для дезинфекции).

Винные погреба были обязательной принадлежностью каждой крупной урартской крепости. Так, при описании похода Саргона в Урарту указывалось, что в пограничной крепости Панзиш имелись, кроме запасов зерна и масла, запасы вина.

В том же тексте Саргона рассказывается о разграблении ассирийцами в городе Улху «потаенных винных погребов», переполненных вином, и о том, как ассирийские воины тянули душистое вино через трубки, как речную воду²⁷.

На Арин-берде в 1948 г. была обнаружена кладовая с остатками одиннадцати карасов. В летописи Сардури, сына Аргишти, в числе добычи упоминается 111 акарки вина (ассир. идеограмма), что составляет приблизительно

²⁷ Meissner B. Die Eroberung der Stadt Ulhu auf Sargons 8. Feldzug // ZA. XXXIV. 1922. Zeile 220.

26 тыс. литров (VI, 10). В перечнях жертвоприношений в одной из надписей Аргишти, сына Русы, упоминается 6 теруси вина (т. е. около 150 литров).

Наряду с вином излюбленным напитком в Передней Азии было пиво; оно готовилось обычно из ячменя, но существовало пиво, готовившееся из эммера или проса. По древним переднеазиатским клинописным текстам известно большое число названий различных сортов пива; дошли до нас также и рецепты их приготовления. Во время раскопок на Кармир-блуре были обнаружены чан для вымачивания ячменя и два крупных сосуда удлиненной формы, в которых готовилось пиво; в одном из них был солодовый ячмень, а в другом — просо.

СКОТОВОДСТВО

На Армянском нагорье скотоводством люди занимались еще в неолитическую эпоху; природные условия страны оказали существенное влияние на весь ход развития этой отрасли хозяйства.

Задолго до возникновения Урартского государства скотоводство наряду с земледелием стало основным видом хозяйства, а скот — главным источником накопления богатства и собственности.

На основе скотоводства еще в глубокой древности усилилось имущественное неравенство отдельных племен, а затем и классовое расслоение внутри них. Развитие скотоводства обострило враждебные отношения между племенами Армянского нагорья, главным предметом раздора были скот и пастбища.

История отчетливо показывает нам, что в развитии общества Передней Азии скотоводство играло весьма важную, первостепенную роль. Скот был основной добычей ассирийцев во время их походов в страны Наири. В надписи Тиглатпаласара I об успешной борьбе ассирийцев против союза стран Наири упоминается также дань, наложенная на побежденных и состоявшая из 1200 коней и 2000 голов крупного рогатого скота.

Древнейшие памятники, освещающие культуру древневосточных государств Передней Азии, дают картину развитого скотоводства, прошедшего многовековую историю. В Урарту существовала полукочевая отгонная форма скотоводства, явившаяся закономерным следствием его развития в горных условиях. Для увеличивающихся стад не хватало прежних пастбищ, расположенных около поселений. Стремясь расширить пастбища, урарты начали постепенное освоение горных и высокогорных (альпийских) лугов. Скот на летнее время угонялся в горы, на пастбища, куда вместе с ним перекочевывала и часть племени. Скотоводство приобрело полукочевой (яйлажный) характер, что вместе с тем определило разделение труда между горными и долинными районами Армянского нагорья.

Этот процесс развития скотоводства можно проследить на археологическом материале Закавказья и представить историю скотоводства Армянского нагорья, не документированную еще археологическим материалом²⁸.

²⁸ Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье // СА. XXIII. 1955. С. 5–15.

Урартские клинообразные надписи содержат много данных относительно скотоводства. В них уже с конца IX в. постоянно упоминается крупный и мелкий рогатый скот, причем названия животных переданы ассирийскими идеограммами, иногда раскрытыми фонетически, что позволяет установить их урартское чтение. Таковы идеограммы *бык* (урарт. *raḫini*), *бычок*, *дикий бык*, *корова*, *овца* (урарт. *ṣiše*) и *ягненок*. Возможно, что идеограммами *бык* и *овца* передавались также понятия «крупный рогатый скот» и «мелкий рогатый скот» независимо от их вида и пола.

К сожалению, изображениями урартского скота мы не располагаем вовсе, если не считать рельефов Балаватских ворот Салманасара III, где показан угон скота из страны Гилзан (на северо-западном побережье оз. Урмия), входившей позднее в состав Урарту, да сильно стилизованных орнаментальных фигур быков.

Кости животных из раскопок на Топрах-кале не были определены, и археологи не обратили на них внимания.

Громадный материал об урартском животноводстве дали раскопки цитадели Тейшебаини. Материал этот, детально обработанный и изученный С. К. Далем²⁹, весьма значителен по объему и делится на три основные группы: 1) комплектные костяки животных, погибших от пожара во время штурма цитадели, 2) отдельные кости (видимо, остатки мясной пищи) и 3) сильно пережеванные кости от жертвоприношений.

Во время пожара цитадели, возникшего при штурме крепости, на крыше ее находились животные — крупный рогатый скот, лошади и ослы, поднятые туда во время осады. Когда деревянная кровля помещения была объята пламенем, обезумевшие животные, сорвавшись с привязи, металась среди огня, попадали на перегоревшие перекрытия и вместе с ними обрушивались вниз. Раскопки неоднократно устанавливали факт падения животных с большой высоты, на что указывали положение скелетов и сильное повреждение костей. От животных, погибших в пожаре, сохранились не только костяки, но и ошлакованные остатки мяса и кожи, а также некоторые внутренности и содержимое желудков.

Крупный рогатый скот, представленный несколькими костяками, по типу был весьма близок к *Bos primigenius*; на это указывают также и бронзовые головки бычков, украшавшие ведро, найденное в одной из кладовых.

Особенно хорошо нам известны материалы о скотоводстве Закавказья со времени энеолита (III тысячелетие до н. э.), дающие определенную картину развития древних аборигенных пород домашнего скота. Но эта стройная линия развития скотоводства нарушается иногда побочным явлением — одомашниванием диких видов. Так, в погребениях вождей закавказских племен середины II тысячелетия до н. э. встречаются кости весьма крупного рогатого скота, близкого к дикому туру и не связанного с низкорослыми породами, разводившимися в Закавказье издревле.

Во время гибели цитадели Тейшебаини мелкий рогатый скот находился еще на горных пастбищах, поэтому раскопками обнаружено небольшое количество костей овец и коз.

²⁹ Даль С. К. Результаты изучения млекопитающих из раскопок урартского города Тейшебаини // Изв. Акад. наук АрмССР. 1952. № 1. С. 75–86.

С. К. Даль различает овец двух типов (*Ovis aries*); один из них является древней тонкорунной овцой (меринос), на что указывают также остатки высококачественной шерстяной пряжи; другой тип отличается крупными размерами и грубым руном. Козы, кости которых найдены на Кармир-блуре в сравнительно незначительном количестве, близки современной местной породе (*Capra domestica*). Среди костных остатков был обнаружен один скелет полностью и много отдельных костей домашней свиньи (*Sus scrofa domestica*).

Богатый остеологический материал из раскопок на Кармир-блуре дополняется находками из Цовинарской крепости, находившейся на южном берегу озера Севан, на самой окраине Урарту. Среди костей, найденных во время раскопок 1934 г., В. И. Громова определила кости крупного рогатого скота (*Bos taurus*), домашней овцы (*Ovis aries*) и домашней свиньи (*Sus scrofa domestica*).

По сравнению с Кармир-блуром в Цовинарской крепости обнаружено большее количество костей диких животных, убитых на охоте, что объясняется географическим положением крепости. Нельзя забывать, что в урартское время берега оз. Севан были покрыты густыми и высокоствольными лесами, впоследствии истребленными человеком.

Летописи Аргишти и Сардури, описывающие победоносные походы урартов в страны Передней Азии, в перечнях добычи дают громадные цифры скота, угнанного в центральную часть Ванского царства, причем в этих текстах явно выступает значительное преобладание мелкого рогатого скота над крупным. Согласно сохранившемуся тексту летописи за все отмеченные в ней походы Сардури, сын Аргишти, привел в Биайну около 110 тыс. голов крупного и около 200 тыс. голов мелкого рогатого скота (I, 46–47; II, 44; III, 39–40; IV, 32–33; V, 31; VI, 7–8).

Только за два похода в Закавказье из страны Эриахи было угнано 23 194 головы крупного и 63 420 голов мелкого рогатого скота. Из этой сводки мы видим, что число захваченных овец и коз почти в три раза превышает число быков и коров. Кстати, можно отметить, что по переписи 1916 г. в Александропольском уезде Эриванской губернии насчитывалось 132 тыс. голов крупного и 157 тыс. голов мелкого рогатого скота. Если мы учтем, что страна Эриахи занимала лишь часть территории б. Александропольского уезда и что урарты завладели не всем скотом страны Эриахи, то цифры летописи Сардури еще ярче будут свидетельствовать о громадном количестве скота у племен древнего Закавказья, входивших в состав Ванского царства.

Весьма интересны сведения летописей о том, что походы урартских царей совершались в году дважды, по-видимому, весной и осенью. Это обстоятельство связано не столько с климатическими особенностями, сколько с основной формой скотоводства, господствовавшей в Передней Азии, а именно — с полукочевым (яйлажным) скотоводством. Урартские войска появлялись или весной, когда скот еще не ушел на горные пастбища, или осенью, по его возвращении с гор, когда была обеспечена богатая добыча. Основной целью урартских походов в Закавказье был захват скота и людей.

Мясо было, вероятно, основной пищей урартов. Например, в перечнях жертв, приносимых богам (надпись на скале «Дверь Мхера»), упоминаются одни только жертвенные животные.

В 1949 г. на Кармир-блуре была обнаружена кладовая, засыпанная пережженными костями жертвенных животных. Все кости принадлежали крупному и мелкому рогатому скоту, причем среди них отсутствовали кости голов и нижних частей конечностей. Таким образом устанавливается, что шкура жертвенного животного, отделенная с головой и конечностями, выделялась особо; это хорошо иллюстрируется и кавказским этнографическим материалом. Во всяком случае, роль животных в урартской религии выступает особенно четко, если мы сравним перечни жертв в урартских текстах хотя бы с шумерскими и древнеегипетскими.

Крупный рогатый скот в Урарту имел важное значение, так как давал мясо и молоко. На изготовление масла указывают крупные «маслобойки», сосуды с одной горизонтальной ручкой для раскачивания и отверстием для заливания молока в верхней части боковой стенки. Такие сосуды были найдены как в цитадели Тейшебаини, так и в поселении. Интересной деталью, отличающей эти «маслобойки» от закавказских, является наличие клиньев, наклепанных на внутренней поверхности сосудов. Эти клинья содействовали убыстрению процесса сбивания масла.

Урартам было знакомо и сыроварение. В нескольких помещениях цитадели Кармир-блур были обнаружены крупные воронки из туфа, диаметром около одного метра, установленные на деревянных конструкциях над плоским каменным чаном с желобом, по которому ненужная жидкость отводилась за пределы крепости. Очень вероятно, что такие конструкции использовались при сыроварении для процеживания молока в сосуды, устанавливавшиеся в плоском чане под воронкой. Тут же происходила и мойка сосудов.

На связь этих конструкций с сыроварением указывает и одна находка в помещении № 51, объясненная В. О. Гулкянном. Около каменного желоба и лежавшей около него туфовой воронки (диаметром 1,06 м) был обнаружен небольшой сосуд, состоящий из двух отдельных сосудиков высотой около 8 см, слепленных вместе и соединенных сквозным отверстием. В одном из них оказалась спекшаяся масса, которую В. О. Гулкянн, произведший тщательный анализ, считает остатком сычужной закваски для сыра. В этой массе оказались зерна сорго, ягоды винограда (изюма, судя по их внешнему виду) и обуглившееся органическое вещество, вероятно сычуг (вырезка из желудка животного). Это вполне соответствует и современной закваске, употребляемой в Закавказье, которая готовится из сычуга, зерен пшеницы или гороха и сушеных ягод винограда или кизила.

Двойной сосуд применялся для предохранения от попадания в молоко веществ закваски, находившейся в одной части сосуда, в другой же была жидкая закваска, которую и сливали в приготовленное для сыра молоко.

Важное значение в хозяйстве урартов имела и кожа животных. Так, в одном из документов Кармир-блурского хозяйственного архива сохранилось перечисление шкур животных и шерсти. В ней упоминается в одном случае 23 шкуры, а в другом 196 шкур телят, 162 шкуры овец и 16 шкур коз.

Некоторые породы овец разводились в Урарту специально с целью получения шерсти, обработка которой в Передней Азии известна с чрезвычайно отдаленных времен. При раскопках урартских поселений и крепостей часто встре-

чаются дисковидные или полушаровидные пряслица от примитивного веретена, дожившего в своей архаической форме и до наших дней.

На Кармир-блуре были найдены не только крупные глиняные грузила от ткацкого станка, имеющие форму усеченной пирамидки, с отверстием в верхней части, но также клубки и мотки шерстяных ниток и обрывки тканей различных типов; есть ткани из очень тонкой шерсти, а в одном случае найдены обрывки толстой и плотной ткани с участками хорошо сохранившейся ворсовой поверхности.

О существовании в Урарту высококачественных шерстяных тканей, окрашивавшихся в различные цвета, рассказывают ассирийские клинописные тексты.

В тексте Саргона, в перечне добычи, захваченной в Мусасирском храме (366), упоминаются «130 одежд многоцветных и туник из льна, шерсти голубой и шерсти пурпурового цвета стран Урарту и Хапху». В 1952 г. на Кармир-блуре были обнаружены части кафтана из шерстяной ткани, на подкладке, с вшитыми вставками из ткани с узорами, выполненными гобеленовой техникой. Эта находка подтверждает сведения ассирийских источников о высоком уровне ткацкого дела у урартов.

КОНЕВОДСТВО

По ассирийским источникам известно, что в Ассирию с древнейших времен лошади доставлялись из соседних стран, находившихся на северо-востоке.

Тиглатпаласар I после победы над союзом «царей стран Наири» наложил на них дань — 1200 коней и 2000 голов крупного рогатого скота. Салманасар III большое количество лошадей получал из приурмийского района; на рельефах Балаватских ворот изображен, в частности, угон из страны Гилзан целого табуна жеребцов. В урартских клинообразных надписях неоднократно рассказывается о захвате и уgone из покоренных стран (часто из областей Закавказья) в центр Ванского царства лошадей, причем в перечнях добычи лошади упоминаются в первую очередь.

В урартской клинописи для термина *конь* употребляется ассирийская идеограмма, буквально означающая *осел гор*, причем фонетическое ее чтение еще не установлено.

В летописи Сардури, сына Аргишти, отчет о каждом походе обычно сопровождался перечнем громадной добычи, главным образом скота, среди которой были и кони (I, 45; II, 15, 43; III, 38; 31; V, 31 и VI, 6). Общее число захваченных лошадей, по сохранившимся данным летописи, было около 18 тыс., но это, значительно меньше общего числа угнанного из тех же областей крупного и мелкого рогатого скота.

Лошадь в Урарту была наиболее распространенным домашним животным, что характерно для общества с полукочевым скотоводством, и отдельные районы Ванского царства, вероятно, даже славились своим коневодством. Так, судя по тексту Луврской таблички (169–170), в провинции Суби, на восточном по-

бережье оз. Урмия, специально разводили верховых лошадей и оттуда доставлялись жеребцы для урартской конницы. «Люди, живущие в этой области, — говорится в тексте, — во всем Урарту не имеют равных в умении обучать лошадей для конницы». В том же тексте, при описании города Улху (район современного Меренда), рассказывается, что урартский царь Руса устроил вокруг города роскошные пастбища для коней.

В местности Сигкех, к северо-востоку от Вана, там, где в Средние века находился ипподром армянских князей, был найден камень с коротким клинообразным текстом:

«Менуа, сын Ишпуини, говорит: с этого места конь по имени Арциби («Орел») под Менуа прыгнул 22 локтя»³⁰. Таким образом, в этом тексте отмечается «выдающееся спортивное достижение» урартского царя в конной езде. Конь под ним прыгнул на 22 локтя, т. е. на расстояние около 11,4 м.

Уже самые ранние урартские тексты (конец IX в.) говорят о наличии в урартском войске как конницы, так и колесниц (и в этом случае термины переданы ассирийскими идеограммами), изображения же их нам известны только от позднего времени истории Ванского царства. Изображения всадников и колесниц имеются на бронзовых шлемах и колчанах, найденных на Кармир-блуре; рисунок колесницы обнаружен также на поврежденном оттиске печати при раскопках на Топрах-кале (рис. 72)³¹.

По типу урартские боевые колесницы очень близки к ассирийским. Они имеют тот же легкий кузов, сильно выгнутое вверх дышло и колеса, помещенные не посередине дна кузова, а у заднего его края.

Имеющиеся материалы позволяют нам даже в деталях проследить совершенствование форм ассирийской колесницы, особенно эволюцию колеса.

С середины III тысячелетия исчезает массивное дисковидное колесо, и на смену ему приходит колесо со спицами. Первым шагом по пути облегчения веса колеса была замена крестовидной сплошной средней части диска, что привело к созданию примитивного колеса с четырьмя спицами; с течением времени спицы делались тоньше и их число увеличивалось. В Ассирии еще до середины IX в. употреблялось колесо с шестью спицами, как это можно видеть на рельефах ворот Салманасара III. При Тиглатпаласаре III (середина VIII в.) колесо с шестью спицами продолжало еще существовать наряду с обычным в то время колесом, имевшим уже восемь спиц. При Саргоне и позднее колесо с восемью спицами становится самым распространенным³².

В колесах урартских колесниц также восемь спиц, что сближает их с позднеассирийскими, но они имеют все же и некоторые особенности. На кармир-блурском колчане колеса показаны с очень массивным ободом, а на оттиске печати — с фигурными спицами. Форма кузова урартских колесниц также совпадает с формой позднеассирийской: те же пропорции отдельных частей, тот же характерный выступ сзади.

³⁰ Дьяконов И. М. Заметки по урартской эпиграфике // ЭВ. IV. 1951. С. 115.

³¹ Lehmann-Haupt. Armenien. I. S. 261.

³² Пиотровский Б. Б., Флиттнер Н. Д. История техники древнего Двуречья // Очерки по истории техники Древнего Востока. Л.; М., 1940. С. 100.

В колесницу чаще всего запрягались два коня, хотя в некоторых случаях на изображениях у кучера в руках показаны четыре вожжи, что при наличии боковой тяги, связывающей пристяжную лошадь непосредственно с кузовом колесницы, говорит скорее о запряжке трех коней. В кузове помещались два человека — возничий и воин.

В 1957 г. в кладовой для вина, расположенной в северо-восточном углу цитадели, была обнаружена бронзовая голова коня прекрасной работы, служившая навершием дышла колесницы (см. рис. 21). Такое украшение дышла имеется на изображении царской колесницы во дворце Синахериба.

Урартские колесницы, вероятно, получили распространение и в Закавказье. В одном погребении в Ахтала (VII в.) был обнаружен пояс из листовой бронзы с резным изображением колесницы, запряженной двумя конями³³ (рис. 106). Хотя рисунок очень схематичен и колесница дана в чрезвычайно своеобразной проекции, свойственной примитивному искусству, все же в нем без труда можно узнать изображение колесницы урартского типа. Особенно характерно сильно выгнутое дышло, имеющее на конце украшение в виде цветка. Число спиц в колесе (четыре) можно отнести за счет схематичности рисунка. Перед нами настолько характерный тип переднеазиатской колесницы, что нет никаких оснований связывать изображение колесницы на поясе из Ахтала с древнеегипетскими колесницами³⁴.

В 1956 г. на побережье оз. Севан, у сел. Лчашен, на осушенной территории были раскопаны курганы, относящиеся ко времени, предшествующему урартскому завоеванию Севанского района (XIII–XI вв.). В одном из этих курганов была обнаружена бронзовая модель колесницы³⁵, в кузове которой помещены две фигурки воинов, в шлемах с большим гребнем, напоминающих скорее всего хеттские шлемы, распространенные в IX в. до н. э. и у урартов, как это можно видеть на рельефах Балаватских ворот Салманасара III. Форма колесницы, без сомнения, напоминает древневосточные. У колесницы легкий кузов, колеса в восемь спиц (на одном колесе показано девять спиц), помещенные ближе к задку кузова, сильно выгнутое дышло и на задке петля. Единственным архаическим элементом лчашенской колесницы является сильно выгнутое вверх дышло, как бы нависающее над конями, все остальные части характерны для конца II тысячелетия. (Выгнутое над спинами лошадей дышло колесницы встречается на хеттских колесницах северной Сирии конца II тысячелетия до н. э.)

Способ запряжки, применявшийся урартами, как это видно по изображениям на шлемах и колчанах, найденных на Кармир-блуре, был близок к ассирийскому. Ассирийская упряжь состояла из уздечки, кожаного ремня, охватывавшего шею лошади наподобие ошейника, и подпруги (рис. 107, 108 и 109). Эти части упряжи, а также пышное надголовное украшение у коней можно видеть и на урартских изображениях.

³³ *Morgan de J.* Mission scientifique au Caucase. I. Paris, 1889. P. 141, 145.

³⁴ *Muskeli L.* Kaukasische Parallele zu einem altaegyptischen Rennwagen // *Bulletin Musée de Géorgie*. VIII. 1935. P. 143.

³⁵ *Мнацаканян А. О.* Раскопки курганов у селения Лчашен // *СА*. II. 1957. С. 146.

До нас дошло несколько экземпляров урартских удиц. При раскопках 1940 г. на Кармир-блуре, около крепостной стены восточного здания, была обнаружена группа металлических предметов, среди которых оказались обломки удиц весьма характерной формы, близкой к ассирийским удилам из Калху³⁶ (рис. 110). Урартские удила состояли из трех частей; двух бронзовых изогнутых псалий и железной мундштучной части, образующих одно целое с псалиями. Каждый псалий имеет три отверстия — большое среднее для повода и два меньших — для ремней, скреплявших удила с уздечкой. Удила из Кармир-блуре по форме совпадают с найденными в кладе из Мерса (Мехчиссиче) Карсской области, на которых так же отчетливо сохранились остатки железной мундштучной части (Музей этнографии АН СССР, № 378–10). В 1954 г. в кладовой № 48 на Кармир-блуре было обнаружено много бронзовых частей конского убора с надписями Сардури II (налобники, нащечные пластины, круглые бляшки, колокольчики, подпружные пояса и удила). Удила состояли из бронзовых псалий изогнутой формы с вычеканенным на них именем Сардури и мундштучной железной части, которая была закреплена ковкой в бронзовых псалиях и составляла, таким образом, с ними одно целое. На псалиях сохранились петли для прикрепления ремней уздечки; в отличие от вышеописанных удиц петли на удилах лошади Сардури помещены перпендикулярно к пластинке псалия, что является их характерной особенностью.

Удила описанных типов были распространены на очень большой территории³⁷. Их находили на территории Закавказья, Передней Азии, вплоть до Египта (рис. 111). Подобные удила происходят также из Афин и датируются концом VI в. до н. э. Они, по-видимому, распространялись вместе с лошадьми и боевыми колесницами из Передней Азии в древние страны Европы.

На серебряном ритоне в форме лошадиной головы, происходящем из Мазендерана и датируемом V в., отчетливо видно место прикрепления повода к большому среднему отверстию и ремней уздечки к двум боковым³⁸.

Наряду с удилами описанного типа существовал другой, с напускными псалиями, появившийся, возможно, ранее первого. У более древних удиц на мундштук, имеющий на концах кольца для прикрепления повода, надеты свободно движущиеся псалии с отверстиями для ремней. Этот тип удиц был распространен на той же территории, что и удила первого типа, а также в Закавказье и Иране³⁹. Обнаружен он и на Кармир-блуре. В 1952 г. в одном из помещений цитадели среди бронзовых предметов оказался конский убор, состоящий из двух удиц, двух налобников, четырех крупных колокольчиков и двадцати двух бляшек разного размера. Каждый свободно движущийся псалий одной пары удиц, снабженный двумя парами отверстий для прикрепления ремней уздечки, имел короткую клинообразную надпись: «[Царя] Менуа». Имя этого же царя

³⁶ Potratz H. A. Die Pferdegebisse des zwischenstromländischen Raumes // AO. XIV. 1–2. 1941); Wolff M., Opitz D. Jagd zu Pferde in der altorientalischen und klassischen Kunst // AO. X. 1936. S. 14; Lefebvre des Noettes R. La force motrice animale à travers les âges. Paris, 1934. Dessin 49.

³⁷ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. I. Тбилиси, 1941. С. 61.

³⁸ The illustrated London news. 1935. March 2.

³⁹ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. I. Тбилиси, 1941. Рис. 57.

было вычеканено на одном из налобников и на бляшке небольшого размера. Таким образом, мы имеем четко датированные началом VIII в. до н. э. удила, принадлежавшие царю Менау, первому из урартских царей, вступившему на территорию Закавказья (рис. 16).

В Закавказье наряду с указанными встречаются и удила более архаического типа. К ним относятся бронзовые удила с колосовидными псалями, отлитые целиком в одной разъемной форме. Они были найдены в кладе Квемо-Сасирети в Грузии и в Севанском районе, в частности и в Лчашенских курганах⁴⁰. Этот тип удил широко распространен на всем Древнем Востоке начиная с начала II тысячелетия до н. э. К раннему типу удил, изображенных на рельефах дворца Ашурнасирапала II, относятся также удила с плоскими напускными псалями⁴¹. Такие удила известны с 1951 г. по старым находкам и по раскопкам А. О. Мнацаканяна в сел. Астхадзор Севанского района.

Существование в Закавказье в конце II и в первой четверти I тысячелетия до н. э. различных типов удил объясняется, вероятно, тем, что Закавказье не являлось районом, где был создан собственный, характерный только для него, тип удил; племена Закавказья пользовались древневосточными образцами. Большое различие в технике отливки удил говорит о том, что многие из них являлись привозными предметами, но некоторые могли изготавливаться и в Закавказье по привозным образцам.

Кости лошадей, найденные на Кармир-блуре, позволили С. К. Далю восстановить внешний облик одной из пород урартских лошадей⁴². Лошадь оказалась представителем низкорослой (высота холки 1,25 м) выведенной породы, с небольшой головой (ширина лба 12,8 см), с широко расставленными, слегка повислыми маленькими ушами и глазами, резко обращенными вперед. Ноги были тонкими и стройными, копыта маленькими и крутыми. Возможно, эта низкорослая урартская лошадь была представителем одной из пород, а наряду с ней существовали высокорослые лошади. Ассирийские памятники изображают высоких коней, например во дворце Синахериба, и низких, подобных тем, что на рельефе дворца Ашурбанипала, в сцене чистки и кормежки лошадей. В Ассирии особенно славились кони, доставлявшиеся из Каппадокии, с Армянского нагорья и из Мидии, а также из Эфиопии. В Урарту они обычно использовались для верховой езды, но применялись и как вьючные животные наряду с мулами и ослами.

На Кармир-блуре обнаружены остатки нескольких костяков ослов, которые, по заключению Н. О. Бурчак-Абрамовича, по размерам, пропорциям и внешнему виду не отличались от современной аборигенной породы ослов, широко распространенной в Закавказье⁴³. При изучении зубов осла урартского времени С. К. Даль заметил некоторые признаки, характерные для кулана.

⁴⁰ Makalathia S. Découvertes archéologiques en Géorgie en 1930 // Mitteilungen der Anthropol. Gesellsch. in Wien. LXII. 1932. S. 105.

⁴¹ Potratz H. A. Die Pferdegebisse des zwischenstromländischen Raumes // AO. XIV. 1–2. 1941. S. 5.

⁴² Даль С. К. Лошадь времен Урарту из раскопок Кармир-блур // Изв. Акад. наук АрмССР. 1947. № 10. С. 41–61.

⁴³ Бурчак-Абрамович Н. Остатки домашнего осла в древней культуре Урарту // Изв. Акад. наук АрмССР. 1948. № 5. С. 423–427.

Ванское царство имело разветвленные пути сообщения, связывавшие как отдельные части страны, так и страну с соседними государствами. Следы этих древних путей в некоторых частях сохранились; прокладывая дорогу в горах, урарты принуждены были зачастую врубаться в скалы. Такие участки древних дорог можно видеть в горах между озерами Ван и Урмия. В районе Келяшин и Топузавы еще до сих пор сохранились остатки дороги; участки ее, прорубленные в скале, были шириной от 1,7 до 3 м, что может дать также и некоторое представление о размерах урартских повозок⁴⁴.

Благоустроенных дорог, с мостами (деревянными, а возможно, и каменными) через реки, в Урарту было немного, и нередко путникам, как и в Ассирии, приходилось переправляться через реки вплавь на бурдюках, причем лошади следовали за пловцами; вероятно, для переправы сооружался также плот, наподобие ассирийского *калакку*, с привязанными внизу бурдюками.

ВЕРБЛЮДЫ

В качестве вьючных животных в Урарту использовались также верблюды. В Передней Азии они встречаются с древних времен. На Балаватских воротах имеется изображение угона верблюдов из страны Гилзан; упоминаются они и в перечнях добычи в летописях Аргишти и Сардури. Так, из страны Эриахи (Закавказье) Сардури угнал 1613 коней, 155 верблюдов, 16 529 голов крупного и 37 685 голов мелкого рогатого скота (IV, 31–33). Но приведенные цифры указывают на то, что верблюды все же были немногочисленны.

На Кармир-блуре кости верблюдов до сих пор обнаружены не были. Единственная кость одногорбого верблюда (*Camelus dromedarius*) была найдена при раскопках на холме Арин-берд.

Родина двугорбых верблюдов (ассир. *udru*) — восточные области Передней Азии, а одногорбые были особенно распространены в Аравии. В Ассирии верблюды получили широкое распространение при Тиглатпаласаре I, о чем упоминают его надписи. Позднее верблюд стал обычным вьючным животным военного обоза. В тексте Саргона говорится, что «верблюды и вьючные ослы прыгали по вершинам, как козероги, порождение гор». Далее, при описании дани, полученной с мидийских князей, рассказывается: «Они принесли мне из своих стран свою тяжелую дань и в Парсуаше они изъявили свою покорность... я принял беговых коней, буйных мулов, двугорбых верблюдов, порождение стран их...». В том же тексте Саргона при описании деятельности урартского царя Русы I отмечается, что «он (Руса) сделал верблюдов известными всей... стране, и они работали при насыпке плотин»⁴⁵.

В Закавказье верблюды применялись и для верховой езды. В 1896 г. А. А. Ивановский при раскопках кургана у сел. Карабулак (Азербайджан) открыл боль-

⁴⁴ *Lehmann-Haupt. Armenien. II. I. S. 302, 304.*

⁴⁵ *Meissner B. Die Eroberung der Stadt Ulhu auf Sargons 8. Feldzug // ZA. XXXIV. 1922. S. 115.*

шую могилу, в которой находились два скелета верблюдов, украшенных богатым золотым убором, что в Закавказье встречается сравнительно редко⁴⁶.

В этой могиле были обнаружены скелеты трех человек; один из них лежал в вытянутом положении, два же других, вероятно слуги, убитые при погребении, были помещены по сторонам, в сидячем положении. Этот курган представлял, по-видимому, захоронение вождя одного из закавказских племен. Вместе с вождем и были похоронены принадлежавшие ему богато убранные верховые верблюды.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ХОЗЯЙСТВА ВАНСКОГО ЦАРСТВА

Как мы видели, земледелие и скотоводство были в Ванском царстве основными отраслями хозяйства, и обусловленное природными особенностями естественное разделение труда выразилось в преобладании земледелия в долинах и низменностях, а скотоводства — в горах.

Развитое ремесло, требовавшее особых навыков, а зачастую и большого мастерства, находилось в руках специалистов-ремесленников, которые в условиях рабовладельческого общества нередко были рабами (особенно если они принадлежали к числу военнопленных); о приводе ремесленников из побежденных стран постоянно рассказывают ассирийские летописи.

Города как центра ремесла и торговли еще не существовало. Урартские города, даже крупные административные центры, не имели торговых площадей, ремесленных кварталов. Среди населения таких городов были земледельцы и скотоводы. Раскопки города бога Тейшебы показали, что этот город являлся крупным административно-хозяйственным урартским центром в Закавказье. В него поступала и в нем обрабатывалась дань из окрестных областей, а в тексте Звартноцкой стелы рассказывается о том, что вокруг города были обширные поля, виноградники, плодовые сады и рощи. В крепости, как показали раскопки, находились большие винные погреба, хранившие около 400 тыс. литров вина, громадные зернохранилища, мастерская по изготовлению кунжутного масла. Есть данные, свидетельствующие о ткачестве, металлургии, обработке рогов и др. Все это требовало значительного числа рабочих рук. Нет сомнения, что в городе, расположенном вокруг цитадели, жили люди, которые обслуживали это большое хозяйство. Раскопки проведены еще не в достаточных масштабах, но и теперь они уже дали некоторый материал для вывода о характере населения. Открыты три квартала; два из них оказались однотипными, на них располагалось несколько жилищ под одной крышей, состоявших из трех помещений — открытого двора и двух жилых комнат. Никаких помещений складского назначения для продуктов и для содержания скота не обнаружено, входы в жилища настолько узки, что крупный рогатый скот никак не мог

⁴⁶ *Ивановский А. А.* По Закавказью // МАК. VI. М., 1911. С. 164.

бы пройти через них, да иногда у входа находилась еще лесенка в две ступени. Один раскопанный квартал как будто указывает на то, что в нем были две общие кладовые для продуктов и орудий. По-видимому, жители этих двух кварталов не имели собственного хозяйства и находились на государственном довольствии⁴⁷. Город строился по заранее намеченному плану, с однотипными жилищами, что напоминает раскопанные жилища в Вавилоне. Различные жилища имели общие стены; характер их постройки противоречит представлению о том, что жилища строились индивидуально. Третий из исследованных кварталов дал несколько иную картину: западная половина его была построена в отличие от других кварталов из мелкого камня-булыжника, а не из крупных блоков, а восточная представляла собой единый комплекс жилых помещений и кладовых. В ней открыты зерновые ямы и крупные карасы для вина, подобные тем, которые были обнаружены в винных погребах цитадели. Этот комплекс помещений условно назван «домом богатого урарта»⁴⁸.

Есть много данных, свидетельствующих о централизованном хозяйстве в городе Тейшебы. В первую очередь об этом говорит хозяйственный архив, из которого до сего дня известны лишь шесть документов и пять обломков глиняных табличек с клинописными текстами. Пять документов являются распоряжениями от имени царя или вельмож. Они снабжены печатями: в одном случае царя Сардури, сына Русы, во втором — Русы, сына Русы, по-видимому, царевича, и в третьем — должностного лица. Документы эти содержат распоряжение об отправке ремесленников, лошади с фуражом и шести быков, а также о переделе земли, о сборах дани и как будто о возврате рабыни. Лишь одна табличка письма, с ошибками в написании знаков и без печати, непосредственно относится к архиву самой цитадели города Тейшебаини, она представляет собой расписку об отправке или же приеме шкур и шерсти⁴⁹. Раскопки Кармир-блур дают нам также возможность судить об организации хранения в кладовых. Так, кладовые для вина и зерна запечатывались печатями двух ответственных лиц. В дверных проемах двух кладовых (№ 25 и 63) найдены комки глины, замешанной на битуме, что придавало ей пластичность. Ею запечатывались узлы веревок, скреплявших двери⁵⁰. На обоих комках, которые, судя по отпечатку на обороте, были примазаны к косяку деревянной двери, находились оттиски двух разных печатей, принадлежавших двум лицам. На втором из комков сохранился оттиск цилиндрической печати с остатками текста: «Эта печать (детерминатив имени) ...дома [Сардури?], сына Русы»⁵¹.

Но, кроме печатей хранения, принадлежавших должностным лицам государственного хозяйства, существовали также печати и индивидуальные, находимые в большом количестве⁵².

⁴⁷ Кармир-блур. I. С. 17; Кармир-блур. II. С. 79.

⁴⁸ *Мартиросян А. А.* Раскопки города Тейшебаини, 1956 // СА. I. 1958. С. 163–170.

⁴⁹ *Арутюнян Н. В.* Новонайденная клинописная табличка из раскопок Кармир-блур // ВДИ. 1957. № 3. С. 44. — Содержание других табличек передано по сообщениям И. М. Дьяконова, подготавливающего их к изданию.

⁵⁰ Кармир-блур. II. С. 48. Рис. 24; Кармир-блур. III. С. 14, 58.

⁵¹ *Пиотровский Б. Б.* Урартские надписи из раскопок Кармир-блур, 1952 // ЭВ. IX. 1954. С. 77.

⁵² *Он же.* История и культура Урарту. Ереван, 1944. С. 175. Рис. 36.

Хозяйственный архив находился также и в центральной части Урарту. При раскопках на Топрах-кале были обнаружены две целые глиняные таблички и четыре обломка. На одной из них оказалось 28 строк текста с перечислением быков, коров и овец, а также пяти слонов⁵³. Другая табличка содержала перечень людей разных профессий (с подытоживающими цифрами)⁵⁴. Эти люди, вероятно, участвовали в постройке упомянутого в тексте города Русахинили. В начальных строках текста имеется дата: «[в] год Русы, сына Аргишти, когда Сагаштара, царь страны Ишкигулу, пошел в страну Мана». На обломках других табличек есть счетные записи, причем на одной из них цифры размещены в графах.

О составе населения урартских административных центров мы можем судить по следующему тексту летописи Аргишти I (УКН. № 127), рассказывающему о построении города Эребуни (Арин-берд): «Город Эребуни я построил для возвеличения страны Байаны и на устрашение вражеских стран... Могучие дела я совершил там, 6600 пленных страны Хати и страны Цупани я поселил там». Таким образом, в крепость, построенную на побережье Севана, были поселены пленные, захваченные в северной Сирии (страна Хати) и в Цопке (район западной излучины Евфрата). Этим пленным пришлось совершить тяжелый и длинный путь (от 700 до 1000 километров) по гористой местности, через трудные перевалы; пленные навсегда были оторваны от своих родных мест, так как в одиночку беглецам вернуться на родину было невозможно. В надписях Русы II, найденных в Адильджевазе, рассказывается о захвате пленных в стране мушков, Хати и Халиту. По контексту можно заключить, что они также были переселены в город, построенный на северном берегу оз. Ван⁵⁵.

Вероятно, и население города Тейшебаини состояло из переселенных военнопленных, которые занимались в мастерских крепости переработкой поступавшей дани, работали на полях и виноградниках вокруг города и за это получали жилье и пропитание. Они входили в состав урартского (биянского) народа, возвращение их на родину фактически было неосуществимо, а национальное самосознание в условиях рабовладельческого строя было крайне слабым и не играло такой роли, как при феодализме.

Г. А. Меликишвили считал город Тейшебы характерным образцом царского хозяйства древневосточного типа, полагая, что его население следует причислять к рабам⁵⁶. В. С. Сорокин, возражая Г. А. Меликишвили, считал, что основную часть жителей города составляли воины-урарты⁵⁷. Кроме этого, он полагал, что сведения о переселении военнопленных в город Эребуни нельзя переносить на Тейшебаини. Сообщения о судьбе пленных в Ассирии были подробно рассмотрены И. М. Дьяконовым, который писал, что в Урартском госу-

⁵³ Sayce A. H. The cuneiform inscriptions of Van // JRAS. 1893. P. 15.

⁵⁴ Lehmann-Haupt. Materialien. S. 105.

⁵⁵ Меликишвили Г. А. Клинообразная надпись урартского царя Руса II из Адильджаваза // Сообщения Акад. наук ГрузССР. XI. 1950. № 10. С. 685.

⁵⁶ Он же. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту // ВДИ. 1951. № 4. С. 29.

⁵⁷ Сорокин В. С. Археологические данные для характеристики социально-экономического строя Урарту // ВДИ. 1953. № 3. С. 130.

дарстве, как и в Ассирии, пленные включались в войска, прикреплялись к царским и храмовым хозяйствам, а также передавались как рабы в частные руки⁵⁸.

В государствах Древнего Востока нередко были случаи, когда переселенных пленных сажали на землю и давали им возможность вести самостоятельное хозяйство при условии выполнения государственных повинностей.

Мы совершенно не знаем о положении сельского населения Урарту, о нем источники умалчивают. Лишь по тексту Саргона можно заключить, что они платили царю подать. При описании похода на восточное побережье озера Урмия (в страну Суби) в тексте рассказывается: «...Малые жеребята, порождение страны его (т. е. царя Руса. — Б. П.) обширной, которых он взращивает для своего царского полка и ежегодно берет как подать» (isabbat — термин «подати скотом»)⁵⁹.

Урартские письменные источники содержат сведения о царских и храмовых хозяйствах. Именем царя или именами членов царского дома назывались долины, виноградники, каналы. Урартские цари постоянно рассказывают в своих летописях о сооружении каналов, называя крупные каналы своим именем.

О храмовых хозяйствах можно судить по числу скота, продаваемого храмам. Так, в Келяшинской надписи Ишпуини и Менуа мы читаем о пожертвовании Мусасирскому храму бога Халди 1112 голов крупного и 21 600 голов мелкого рогатого скота (УКН. № 19, строка 13). Справедливо сомнение в том, что все это громадное количество скота было предназначено для жертвоприношений. В надписи «Мхери-дур» говорится об устройстве для бога Халди виноградников и садов (УКН. № 27, строки 27 и 28).

Г. А. Меликишвили устанавливает, что наряду с царскими и храмовыми хозяйствами существовали крупные частные хозяйства представителей урартской знати. В одной из надписей Аргишти II упоминаются «лес Гилурани» и «сад Ишпилини, сына Бату» (УКН. № 277). Сведения о виноградниках и землях, принадлежавших частным лицам, содержатся в документах кармир-блурского архива.

Документы архива города Тейшебаини дают нам основание полагать, что при дальнейших раскопках урартских городов и крепостей будут обнаружены государственные и храмовые архивы, которые осветят многие стороны жизни Ванского царства.

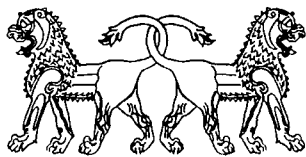
Приведенные материалы показали, что хозяйство Урартского государства, по-видимому, мало отличалось от гораздо лучше и полнее изученного хозяйства Ассирии; во всяком случае основные черты их сходны.

⁵⁸ Дьяконов И. М. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту // ВДИ. 1952. № 1. С. 96.

⁵⁹ АВИУ. 1951. № 3. С. 326, 335.

Х

РЕМЕСЛО

ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА

Одной из проблем истории Передней Азии является изучение древней металлургии, высокая степень развития которой отмечается древними источниками. Особое положение в этом вопросе занимает Урарту, где, по мнению многих исследователей, при наличии высокоразвитой бронзовой металлургии, раньше, чем в других местах, появилось и вошло в широкое употребление железо¹. В трудах по истории железа широкое распространение получило мнение о том, что обработка железа началась в середине II тысячелетия в стране халибов, лежавшей у северных границ Урарту, и оттуда железо постепенно распространилось по всему древнему миру².

Для доказательства высокого развития металлургии в Урарту обычно приводят ассирийский текст, описывающий разграбление Саргоном дворца и храма в Мусасире во время похода 714 г.³ В этом тексте, в пе-

¹ Тураев Б. А. История Древнего Востока. II. СПб., 1914. С. 53.

² France Lanord M. Evolution de la technique du fer en Europe occidentale de la préhistoire au Haut Moyen Âge // Actes du Colloque international «La Fer à travers les Âges». Nancy. 1956. P. 27–43.

³ Thureau-Dangin F. Une relation de la huitième campagne de Sargon. Paris, 1912.

речне добычи, приводится громадное количество металлических предметов разного рода, причем в некоторых случаях особо отмечается их местное производство. Во дворце и храме мусасирского царя Урзаны было захвачено около двух тонн золота, около 10 т серебра и более 100 т меди.

Герцфельд считал большинство металлических изделий, найденных в центре Ассирии, предметами неассирийского происхождения и видел в них добычу, захваченную в других областях Передней Азии. При этом он полагал, что текст Саргона с описанием разграбления Мусасира служит достаточным доказательством высказанного им мнения⁴.

Шахермейер отмечал, что особенностью урартской (халдской) культуры в восточной части Передней Азии являлось высокое развитие металлургии и близость культуры к традициям хеттов и митанни. Металлические изделия урартов, по мнению Шахермейера, экспортировались на север (Майкоп, Келермес), в Сирию и Месопотамию (Кархемиш, Ассирия), а также в Мидию, в Иран и на запад Передней Азии, вплоть до Эгейского моря⁵.

Такое широкое влияние урартской металлургии (до Этрурии включительно) связывалось с этническим происхождением урартов, их миграцией с запада на восток⁶.

Хотя исследователи Передней Азии придают металлургии Ванского царства очень большое значение, памятники материальной культуры Урарту остаются изученными далеко не достаточно. Мы располагаем лишь археологическим материалом из двух пунктов — Топрах-кале и Кармир-блур. Многие из бронзовых художественных предметов, полученных при раскопках в этих местах, имеют клинообразные надписи с именами урартских царей VIII и VII вв., что является прочной основой для их датировки; на некоторых предметах есть даже указания, для какого города они изготовлены. К сожалению, следов производства металлических изделий пока еще не обнаружено, но на Кармир-блуре найдены слитки меди, а также заготовки металла.

При раскопках на Топрах-кале и на Кармир-блуре железных орудий и оружия было обнаружено значительно больше, чем бронзовых предметов. На Топрах-кале были найдены железные лемехи плугов и наконечники мотыг, серпы, вилы, топоры и молоты, крючья, петли для запоров, наконечники стрел копий, ножи и различные мелкие предметы⁷ (рис. 17). Аналогичные железные предметы, такие как мотыги, серпы, вилы, топоры, крючья, петли для запоров, пилы и оружие, в большом количестве обнаружены и на Кармир-блуре, откуда происходят также железные мечи и пластинчатые панцири (рис. 18).

⁴ Herzfeld E. Khatistische und khaldische Bronzen // Janus. I. 1921. S. 40.

⁵ Schachermeyer F. Tuschpa // Reallexikon der Vorgeschichte. XII. Berlin. 1929.

⁶ Urartu // Encyclopaedia Britannica. — О связях Урарту и Средиземноморья по памятникам искусства см.: Amandry P. Objets orientaux en Grèce et en Italie aux VIIIe et VIIe siècles avant J. — C. // Syria. XXXV. 1–2. Paris, 1958. P. 73–109; Maxwell-Hyslop K. R. Urartian Bronzes in Etruscan Tombs // Iraq. XVIII. 2. 1956. P. 150–167; Hawkes C. F., Smith M. A. On some buckets and cauldrons of the bronze and early iron ages // The antiquaries journal. XXXVII. 3–4. 1957. P. 165–176; Pallottino M. Urartu, Greece and Etruria // East and West. IX. 1–2. Rome, 1958. P. 29–52.

⁷ Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 544–546; Кармир-блур. I.

Раскопки на Топрах-кале и на Кармир-блуре отчетливо показывают, что в Урарту основным материалом для орудий и оружия было железо. В Ассирии железо начинает вытеснять бронзу около 800 г., и при Саргоне оно становится наиболее распространенным металлом. Высказывалось также предположение, что среди громадного количества железа (около 160 т), частью необработанного, обнаруженного во дворце Саргона в Хорсабаде, быть может, находилась и добыча из Урарту, захваченная во время войны с Русой, сыном Сардури (во всяком случае в перечне добычи, захваченной Саргоном в Мусасире, железные предметы упоминаются).

Урартская металлургия была обеспечена местными рудами. Особенно много месторождений железа имелось в центральной части Урарту⁸. Железом богаты Мушский, Битлисский и Ванский районы, а также горы к западу от озера Урмия.

Разработки меди известны в Хнысском районе, к юго-востоку от Эрзурума, у истоков Тигра, в горах к югу от Эрзинджана, а также в горах к западу от озера Урмия, на территории древней страны Мусасир, неподалеку от знаменитой Келяшинской стелы. Возможно, что именно здесь были древние урартские разработки меди, так как в Мусасирском храме и дворце хранилось очень много бронзовых изделий (общим весом около 114 т), при сравнительно небольшом количестве железных. Медь доставлялась в центр Урарту и из Закавказья, на что указывают медные слитки, найденные на Кармир-блуре.

Свинец и олово также имелись в Урарту. Свинец добывался на восточном побережье оз. Ван, к северу от урартской столицы Тушпы, а также в Курдистанских горах, в районе современного Джуламерка. Олово в центральную часть Урарту могло доставляться с восточного побережья оз. Урмия (гора Сохенд), входившего в состав территории Ванского царства.

В геологическом отношении Армянское нагорье изучено очень мало; несомненно, дальнейшие исследования значительно уточнят наши знания, а может быть, и откроют древние урартские разработки, известные по источникам.

Следует заметить, что на Древнем Востоке при условии постоянных связей между отдельными государствами и странами металлургия могла развиваться и без непосредственной зависимости от рудных месторождений.

Уже в конце III тысячелетия, как указывают архивы ассирийских колоний, в Передней Азии существовала развитая торговля, в которой роль денег выполняли металлы (обычно серебро, реже свинец, олово и медь)⁹. Кроме обмена, существовал еще и другой способ получения металла — захват во время войн, весьма характерный для рабовладельческих государств Древнего Востока.

Так, в ассирийских анналах сообщается¹⁰, что во время походов было захвачено следующее количество золота: в Тире — 4,5 т, в Мусасире — около 2 т,

⁸ *Quiring H.* Die Erzgrundlagen der ältesten Eisenerzeugung // *Zeitschrift für praktische Geologie*. XLI. 1933. Н. 8. S. 128.

⁹ *Landsberger B.* Assyrische Handelskolonien in Kleinasien aus dem dritten Jahrtausend. Leipzig, 1925. S. 20–25.

¹⁰ Приводимые сведения взяты из статьи: *Янковская Н. Б.* Некоторые вопросы экономики ассирийской державы // *ВДИ*. 1956. № 1. С. 28–46.

в Иудее — 900 кг, в Дамаске — 600 кг, в Хатти — 345 кг, в Табале — 300 кг. Кроме того, было увезено серебра из Мусасира — около 10 т, из Иудеи — 24 т, из Дамаска — 69 т, из Хатти — более 63 т и из Табала — 30 т. Ассирийские летописи содержат данные и о захвате меди, свинца и олова. Громадная добыча меди (в количестве 900 т) была взята в Дамаске. Свинцом (может быть, оловом) особенно была богата Шуприя (район современных Сасунских гор). Меньше сведений содержат летописи относительно железа, но и по запасам его на первом месте стоит Дамаск (150 т), являвшийся одним из крупнейших центров древневосточной металлургии. Н. Б. Янковская¹¹ установила, что ассирийцы получали из стран Передней Азии главным образом золото, серебро, медь, свинец (олово) и железо в слитках. Очевидно, в некоторых районах практиковалась плавка руды, которая в виде слитков транспортировалась в страны, где особенно была развита обработка металлов. Таким образом, производственные центры, изготавливавшие металлические предметы, использовали не только естественные богатства страны, но чаще привозное сырье.

Дошедшие до нас урартские бронзовые изделия довольно многочисленны. Особенно богато представлены предметы урартского вооружения (рис. 18).

Ценнейшие указания по этому поводу содержит текст Саргона, рассказывающий о взятии Мусасира. В храме бога Халди ассирийцы захватили много бронзовых вещей: 25 212 щитов «тяжелых и легких», 1514 копий «тяжелых и легких», 30 5412 (!) мечей «тяжелых и легких», 607 сосудов «тяжелых и легких» и, кроме того, бронзовые луки (гориты?) и штандарты (392–394).

Вооружение урартов IX в. нам хорошо известно по рельефам Балаватских ворот Салманасара III. Урартские воины в короткой одежде, опоясанные широким поясом, вооружены коротким копьём и луком, копейщики держат в руках небольшие щиты круглой формы. На головах воинов шлемы, украшенные оперением, напоминающие, как и все вооружение, хеттские изделия.

В VIII в. форма урартского вооружения изменилась и стала близкой ассирийской. Именно таковы многочисленные предметы урартского вооружения, часто снабженные клинообразными надписями урартских царей, найденные на Кармир-блуре, при раскопках цитадели города Тейшебы.

Все 20 найденных бронзовых шлемов имеют типичную форму ассирийского остроконечного шлема-шишака, совпадающую с ассирийской формой шлема, обнаруженного в Фивах¹² (рис. 19 и 20). Четыре шлема с клинообразными посвященными надписями царей Аргишти I и Сардури II являются выдающимися памятниками урартского искусства. Лобная часть их украшена одинадцатью изображениями священных деревьев со стоящими по их сторонам божествами; у пяти деревьев расположены фигуры безбородых божеств в длинном одеянии, в головном уборе с рогами, с ведром в левой руке и священным плодом в правой. У других шести деревьев помещены подобные же божества, но имеющие бороды и крылья, что сближает их, судя по иконографическим изображениям, с ассирийскими керубами. Священные деревья на лобной части обрамлены восемью фигурами змей со львиными головами, оскалившими

¹¹ Она же. Некоторые вопросы экономики ассирийской державы. С. 37.

¹² Flinders Petrie W. M. Six temple at Thebes. London, 1897. Tab. XXI.

пасти. Височные и затылочные части шлемов украшены изображениями восьми урартских боевых колесниц с десятью всадниками. Нет сомнения, что эти оба шлема изготовлены разными мастерами. Отделка изображений различна, шлем Аргишти отличается менее детальной гравировкой.

Раскопки на Кармир-блуре дали хорошие образцы двух урартских панцирей, аналогичных ассирийским, составленных из удлиненных бронзовых пластинок с закругленным нижним концом. В 1952 г. был обнаружен панцирь из пластинок, украшенных выпуклыми розетками, имеющими крупные отверстия для скрепления горизонтальными ремнями, как это видно на изображениях ассирийских воинов. На бронзовой пуговице, найденной вместе с этими пластинками, есть короткая клинообразная надпись Аргишти, сына Менуа, позволяющая надежно датировать этот замечательный предмет вооружения (рис. 112).

При раскопках Кармир-блур найдено 18 бронзовых колчанов ассирийского типа, часть которых была переполнена стрелами с железными наконечниками и поэтому плохо сохранилась. На пяти из них имеются клинообразные надписи Аргишти I и Сардури II. Колчаны эти представляли собой незамкнутую трубку из согнутой бронзовой пластины; длина трубки около 70 см, диаметр — около 10 см. К верхней и нижней частям колчана прикреплены кольца, в которые пропусклся ремень для ношения колчана через одно плечо, как это можно видеть на изображениях во дворце Саргона; та часть колчана, которая соприкасалась с плечом воина, имела кожаную вставку, чем и объясняются несомкнутость трубки и сквозные отверстия по краю пластины.

Наиболее богато украшены колчаны Сардури, сына Аргишти: на них в восьми полосах помещены изображения боевых колесниц и всадников. На колесницах — по две фигуры: одна, безбородая, возницы, другая, бородатая, воина. Колчаны подобной формы были обнаружены на Топрах-кале и в гробнице Алтын-тепе, около Эрзинджана.

На Кармир-блуре найдено четырнадцать крупных бронзовых щитов декоративного назначения с посвятельными клинообразными надписями урартских царей VIII в. (преимущественно Аргишти I). Щиты имели выпуклую среднюю часть и широкий плоский борт. Особый интерес представляют щиты Аргишти I и Сардури II, обнаруженные в 1951 и 1953 гг. Средняя их часть украшена тремя концентрическими полосами, на которых размещены изображения львов и быков, тонкой чеканной работы, аналогичные тем, что мы видели на обломке колчана. Подобные щиты и их обломки были найдены в разное время на Топрах-кале. Они богато орнаментированы и имеют клинообразные надписи, содержащие имена урартских царей — Русы, сына Аргишти, и Русы, сына Эримены¹³. Щиты эти также украшены тремя концентрическими поясами, с фигурами львов и быков, и крупной розеткой в центре. Композиция фигур чрезвычайно характерна; она рассчитана на неподвижное положение щита, так как при наклоне некоторые животные окажутся помещенными вверх ногами. Щиты с внутренней стороны имеют три бронзовые ручки, среднюю —

¹³ *Lehmann-Haupt. Materialien.* 99. Zeile 70; *Lehmann-Haupt. Armenien.* II. 2. S. 51. — В примечании дан перечень щитов и обломков, хранящихся в Британском музее (№ 22481, 22482, 22484–90; 116735 и 116736).

крупную и две боковые — меньшего размера, прикрепленные к листу щита заклепками.

На изображении Мусасирского храма, имеющемся среди рельефов дворца Саргона, показаны такие же щиты, висящие на стене и на колоннах фасада. В тексте Луврской таблички рассказывается, что в храме бога Халди было взято «шесть щитов золотых, которые в его жилище (храме) справа и слева были повешены и сверкали ослепительно, из середины которых выступали головы оскаленных собак и которые весили 5 талантов 12 мин красного золота цвета пламени» (370–371). Эти громадные золотые щиты, каждый из которых весил около шести с четвертью килограммов¹⁴, имели золотые отлитые умбоны в виде голов собак. Кроме золотых щитов, в храме Халди находились «двенадцать щитов из серебра, на которых головы дракона, льва и тура украшали (диски)» (379).

В тексте Саргона рассказывается также, что в Мусасирском храме были крупные скульптуры, отлитые из бронзы, для изготовления которых требовались чрезвычайно высокие технические навыки. Две статуи в молитвенной позе, с поднятой вверх правой рукой изображены на рельефе: возможно, что это две из четырех отмеченных в тексте бронзовых (медных) статуй «великих привратников, хранителей дверей его» (399).

В храме находились также большие бронзовые статуи урартских царей. При перечислении богатств храма упоминаются: «статуя в позе молитвы, в царственной позе, Сардури, сына Ишпуини, царя Урарту¹⁵, трон которого был из литой бронзы; статуя Аргишти, царя Урарту, в звездной тиаре богов, правая рука которого благословляла, с нишей его, все в целом весом 60 талантов бронзы (около 2 т); статуя Урсы с его двумя конями и его возничим с пьедесталом (?), все из литой бронзы...» (400–403).

В сцене взвешивания добычи, захваченной в Мусасире, около весов изображены три ассирийских воина, разбивающих топорами одну из отмеченных в тексте статуй¹⁶.

Но, кроме статуй царей, в Мусасирском храме имелась также крупная бронзовая скульптура, изображавшая корову с телянком, которую мы видим на рельефе дворца Саргона перед фасадом храма. По-видимому, кроме коровы, перед храмом находилась также бронзовая фигура быка. О них в тексте Саргона говорится следующее: «Бык, корова и ее теленок, на которых Сардури, сын Ишпуини, бронзу дома Халди отдал и приказал отлить» (401).

Несомненно, одно только перечисление монументальных бронзовых скульптур в таком документе свидетельствует о высоком металлургическом искусстве урартов. Некоторые из дошедших до нас урартских бронзовых предметов также являются образцами высокого художественного и технического мастерства. В 1957 г. в одном из юго-западных помещений цитадели Тейшебаини был обнаружен медный котел с массивным бронзовым бортом и двумя ручками

¹⁴ Возможно, что сами щиты были бронзовые и имели только золотую обтяжку. В Британском музее хранятся обломки бронзовых щитов с отверстиями для прикрепления к какой-то основе (вероятно, деревянной).

¹⁵ На самом деле Сардури, сын Ишпуини, царем Урарту не был. — Б. П.

¹⁶ Botta P. E., Flandin E. Monument de Ninive. II. Paris, 1849. Tabl. 140.

(диаметр борта 1,28 м, наибольший диаметр тулова 1,68 м), емкостью около 70 ведер. Такие крупные котлы изображены также в сцене разграбления Мусасирского храма. Но, кроме этих котлов, вызывающих удивление размерами, до нас дошло много урартских предметов, выделяющихся по своим художественным и техническим качествам. Например, части роскошных тронов, стоявших в храме или дворце¹⁷. Они представляют собой фигуры фантастических животных — крылатых быков (рис. 73, 74 и 75) или львов с человеческими лицами или торсом. На многих из них, кроме штифтов и скреп, в местах их соединения с другими предметами вырезаны знаки, служившие рабочими метками.

Германской экспедицией на Топрах-кале была обнаружена ножка трона¹⁸. Она очень массивна и украшена двумя орнаментальными венцами листьев, характерными для урартского искусства. Совершенно такая же ножка, но только с фигуркой фантастического животного — крылатого льва-быка¹⁹ — находилась ранее в коллекции Вогюэ и ныне хранится в Лувре (рис. 113). По-видимому, эта фигурка поддерживала сиденье. Ручки трона были украшены фигурами (рис. 73–74) двух лежащих крылатых быков (Эрмитаж и Британский музей) с головами, повернутыми в разные стороны; их крылья инкрустированы с обеих сторон. Массивные статуэтки без инкрустации на крыльях (рис. 75) должны были находиться где-то внизу. У фигур божеств, стоящих на животных (рис. 76), на боках прорезы, в которые вставлялся соединительный брусок, и очень возможно, что они являлись боковыми частями спинки кресла.

Такие роскошные троны изображены на ассирийских памятниках, и на них обычно восседали цари или боги.

Отмеченная группа предметов представляет собой, вероятно, части одного или двух тронов (один с фигурами львов, другой — быков). Точная реконструкция трона затруднительна²⁰, так как местные жители, найдя его на Топрах-кале, разбили и продали по частям частным лицам (скупщикам древностей), от которых эти части поступили в крупнейшие музеи мира²¹.

Эти бронзовые предметы имеют настолько определенные черты «ассирийского искусства», особенно в трактовке и орнаментации фигур животных, что их считали ассирийскими изделиями. Некоторые из них, хотя определенно установлено их происхождение из Вана, до сих пор в книгах по истории культуры Древнего Востока приводятся как образцы ассирийского искусства.

Эта группа урартских бронзовых изделий выделяется и по технике изготовления. Каждой отдельной вещи свойственны свои, совершенно индивидуальные черты, отличающие ее от подобных, на первый взгляд даже тождественных предметов. При изучении предметов эрмитажного собрания становится совершенно ясным, что они отлиты из бронзы по восковой модели (Барнет

¹⁷ Пиотровский Б. Б. Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа. Л., 1939. С. 45–60.

¹⁸ *Lehmann-Haupt*. Armenien. II. 2. S. 485–487.

¹⁹ *Perrot G., Chipiez Ch.* Histoire de l'art dans l'Antiquité. II. Paris, 1884. P. 125. — Передние ноги животного имеют копыта.

²⁰ *Barnett*. Iraq. XII. 1. P. 43.

²¹ Пиотровский Б. Б. Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа. Л., 1939. С. 49. — Некоторые из этих предметов получены при раскопках.

указывает на то, что подобные статуэтки Британского музея отливались по разъемным формам).

Сущность способа отливки по восковой модели заключается в том, что сначала из какой-нибудь пористой массы изготовлялась болванка, в грубых чертах передававшая форму предмета. Она покрывалась слоем воска, в котором производилась вся лепка. После обработки вылепленной во всех деталях статуэтки ее заформовывали в огнеупорную массу (обычно в глину с песком), оставляя два отверстия — одно для литья металла, другое для выхода воздуха при литье. Затем после тщательной просушки форму нагревали, причем воск модели плавился, частью впитывался в пористое вещество ядра, закрепленного внутри формы, а частью вытекал наружу. В освободившееся от воска пространство вливался металл, который, заполнив образовавшуюся пустоту, точно повторял всю моделировку оригинала. Чтобы извлечь готовый предмет, форму разбивали и через отверстие в бронзовой статуэтке, образовавшееся в том месте, где ядро модели скреплялось с формой, извлекали массу, из которой состояло ядро. Таким образом, статуэтка получалась полой внутри. Именно внутри, на необработанной поверхности, отчетливо видны налепы восковой массы, которые не оставляют сомнения в том, что статуэтки эрмитажного собрания отливались по восковой модели.

Этим дорогим способом отливки, позволяющим по одной модели отлить только одну металлическую статуэтку, достигалась чрезвычайно мелкая моделировка предмета, которую невозможно выполнить чеканом или резцом. Урартские статуэтки, отлитые таким способом, не имеют швов, получающихся при отливке в разъемной форме, и передают ту тонкую отделку, которая возможна только при лепке из пластичной массы.

После отливки предметы украшались иногда дополнительно чеканкой, что имело значение и при последующем покрытии их листовым золотом, остатки которого сохранились на всех предметах выделенной нами группы. Способ золочения был крайне прост — вещи обтягивались тонким золотым листком, края которого закреплялись зачеканкой в специально просеченные для этого бороздки. Благодаря большой пластичности золото повторяло все детали орнамента бронзовой основы и держалось достаточно крепко.

Лица фигурок изготовлялись, как это показывают статуэтки Эрмитажа (рис. 77) и Берлинского музея, из белого камня с инкрустированными глазами и бровями. Ячейки крыльев были заполнены цветной красной пастой²².

В Британском музее среди материалов из раскопок Клейтона на Топрах-кале имеется бронзовая фигурка змеи с головой хищника (№ 91 253), покрытая листовым золотом и украшенная инкрустацией из цветной стекловидной пасты²³.

В урартском искусстве, по-видимому, часто применялись украшение предметов золотом и инкрустация из драгоценных камней. Так, из текста Саргона нам известно, что в храме Халди в Мусасире находилось «ложе бога, украшенное драгоценными камнями и золотом», а также «кольцо с печатью золотое, предназначенное подтверждать решения Багбарту, супруги Халди, в которое

²² Пиотровский Б. Б. Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа. Л., 1939. С. 57.

²³ *Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 967.*

были вставлены драгоценные камни» (389 и 385). А из Мусасирского дворца были взяты «сосуды из алебастра, украшенные драгоценными камнями и золотом» (357).

К выдающимся памятникам урартской скульптуры из металла относится бронзовая статуэтка, открытая на Кармир-блуре в 1941 г. Она изображает стоящую безбородую фигурку бога Тейшебы в длинной одежде с рукавами до локтей и в своеобразном головном уборе, украшенном рогами. В правой, вытянутой, руке бог держит булаву, а в левой, согнутой, — боевой топор. Эта статуэтка была навершием штандарта; в верхней ее части есть массивная петля для продевания обруча, а в нижней, под орнаментальным венцом из листьев, — железный стержень. Эта статуэтка могла быть отлита в разъемной форме, но на ее сильно потертой поверхности не сохранилось следов швов.

К числу высокохудожественных бронзовых урартских предметов следует отнести и бронзовый канделябр (рис. 78), открытый при раскопках на Топрак-кале²⁴. Высокий стержень канделябра, украшенный пятью венцами из листьев, установлен на треножнике, каждая ножка которого заканчивается ногой быка, выходящей из пасти хищника. В верхней части треножника помещены фигурки лежащих сфинксов.

Эта форма канделябра является чрезвычайно распространенной на Древнем Востоке. Железный канделябр такой формы был обнаружен и на Кармир-блуре²⁵. Леман-Гаупт нашел очень много общего между урартскими и этрускими бронзовыми канделябрами и в этом видел подкрепление своей теории о генетической связи урартов с народами Средиземноморья. Действительно, бронзовые канделябры из Этрурии даже в деталях имеют сходство с урартскими, но его следует объяснять не генетической связью этрусского искусства именно с урартским, а тем влиянием, какое в целом оказало древневосточное искусство на итальянское (VIII—VI вв.)²⁶.

Среди этих металлических предметов особую группу составляют бронзовые украшения котлов, изображающие птиц с человеческим, а в громадном большинстве случаев с женским (?) торсом²⁷. Детали их, а именно диск между крыльями, указывают на возможность рассматривать их как изображения божества солнца (рис. 114).

Размеры фигурок соответствуют размерам котлов, которые они украшали, и ширина их (размах крыльев) колеблется между 6 и 35 см.

В большинстве случаев эти фигурки были найдены отдельно от котлов, нередко при раскопках святилищ, но все они имеют следы бронзовых приклепок. Известны также целые котлы с фигурками, помещенными у верхнего края,

²⁴ *Lehmann-Haupt. Materialien. Zeile 63; Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 483.* — Курциус без всякого основания считал этот канделябр ассирийским и датировал его временем Ашурнасирпала II.

²⁵ Кармир-блур. I.

²⁶ *Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 520.*

²⁷ Одна бородатая фигурка происходит из Олимпии [*Furtwängler A. Die Bronzen und die übrigen kleineren Funde von Olympia // Olympia. IV. Berlin. 1890. № 783*], а во Флорентийском музее хранится котел из Ветулонии (19619), на котором среди украшений имеются две бородатые фигурки, такие же фигурки оказались и на бронзовом котле из Гордиона. Возможно, ручки изображают не женские, а мужские торсы.

устанавливавшиеся на бронзовых подставках, но эти котлы найдены за пределами Ванского царства.

О существовании в Урарту крупных бронзовых сосудов нам известно из ассирийского текста с описанием похода Саргона в 714 г., а также по изобразительным памятникам. Так, в перечне добычи, взятой в Мусасирском храме, упоминается «один большой сосуд (чан) из бронзы, вмещающий 80 мер воды, с крышкой из бронзы, который цари Урарту, при совершении жертвоприношений перед Халди, наполняли вином возлияний» (397–398). На рельефе из дворца Саргона, в сцене разграбления Мусасирского храма, перед храмом изображены два крупных сосуда, установленных на треножных подставках, ножки которых имели форму ног быков²⁸.

Бронзовые украшения котлов в виде крылатой человеческой фигурки (птица с женским торсом) (рис. 115) стали известны сравнительно давно, еще до раскопок на территории Ванского царства²⁹. В Гордионе (Фригия), в одном из крупных курганов, раскопанных в 1957 г., были найдены три таких котла; один имел украшения в виде голов быков, другой — в виде крылатых безбородых фигурок, а третий был украшен двумя бородатыми и двумя безбородыми фигурками³⁰.

В 1931 г. Леман-Гаупт дал перечень известных ему фигурок этого типа, содержащий описание 43 экземпляров, но число их с того времени увеличилось³¹.

Из числа учтенных Леман-Гауптом экземпляров около десяти происходит с территории Передней Азии, главным образом из Армении, в частности из Ванского района.

В Эрмитаже хранится фигурка из урартской гробницы, открытой в скале на границе Закавказья и Ирана; в Британском музее имеется фигурка из Ниневии (№ 12 060).

Все же наибольшее количество фигурок птиц с женским торсом происходит из Греции, как с материка, так и с архипелага, особенно из святилища в Дельфах и Олимпии, а также из Афин, Беотии и с острова Родос. Западной границей распространения этих фигурок является Этрурия, где было найдено шесть экземпляров подобных украшений котлов (Палестрина, Ветулония).

Таким образом, мы видим, что они встречаются на громадной территории, от Ирана на востоке и до Италии на западе. Эти украшения котлов в виде крылатых человеческих фигурок неоднократно служили темами специальных исследований³².

²⁸ Botta P. E., Flandin E. Monument de Ninive. II. Paris, 1849. Tabl. 141. — Две миниатюрные бронзовые подставки, с ножками в виде львиных лап, хранятся в Государственном историческом музее Армении.

²⁹ Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St. Petersburg. XVI. 1871. P. 462; MA VI. 1873. P. 487.

³⁰ Young R. S. The Gordion tomb // Expedition. The Bulletin of the University Museum of the University of Pennsylvania. I. 1. 1958. P. 3–13; *Idem*. The Gordion campaign of 1957 // American journal of archaeology. 62. 2. 1958. P. 139–154.

³¹ Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. 1931. Anmerkung 21; New times from Athens // American journal of archaeology. 42. 3. 1938. P. 400.

³² Lehmann-Haupt. Materialien. S. 86; Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 488; Furtwängler A. Die Bronzen und die übrigen kleineren Funde von Olympia // Olympia. IV. Berlin, 1890. № 783; Perdrizet P. École française d'Athènes. // Fouilles de Delphes. V. Paris, 1905. P. 80; Karo G. Orient und Hellas in archaischer Zeit // Athen. Mitteilungen. XXXV. 1920. S. 139; Herzfeld E. Khattische und khaldische Bronzen. // Janus. I.

Статистический подсчет находок ни в коей мере не может служить обоснованием для установления места их происхождения, так как территория Греции в археологическом отношении изучена гораздо лучше Передней Азии, а, кроме того, греческие святилища одновременно дали большое количество таких предметов (Дельфы — 12, Олимпия — 7 и Афины — 3 экземпляра).

Относительно происхождения котлов, украшенных крылатыми человеческими фигурками, существует два мнения: по первому рассматриваемые нами предметы — образцы переднеазиатского искусства, в частности урартского (Леман-Гаупт, Герцфельд, Паллоттино, Максвелл)³³ или ассирийского (Фуртвенглер); сообразно второму, они относятся к средиземноморскому искусству — к коринфскому (Ипсен) или к ионийскому (Дукати).

Дукати в своей работе, посвященной этрусскому искусству, считал крупные бронзовые котлы на подставках предметами ионийского происхождения, относя к этой группе и бронзовый сосуд, найденный в одном из курганов южной Франции³⁴.

Но вопрос о месте изготовления выделенной нами группы бронзовых изделий на самом деле гораздо сложнее, и мы не можем считать все эти украшения котлов в виде птиц с человеческим торсом происходящими из одного центра. Последнее подтверждается тем, что среди них выделяются две основные группы, отличающиеся друг от друга по стилю³⁵. Некоторые из найденных в Греции фигурок имеют следующие характерные черты: прямой, выступающий вперед нос, тонкие губы, отмеченные одним штрихом брови (иногда они отсутствуют вовсе), узкие веки, прическа уступами и небольшие крылья, без прорисовки оперения.

Однако эта группа немногочисленна. Для большей части предметов характерны как раз обратные стилистические особенности, а именно: сильно изогнутый нос, тонкий у переносицы и расширяющийся книзу, мясистые губы, выпуклые брови, широкие веки, гладкая прическа и крупные крылья с деталями, выполненными гравировкой.

Ипсен, с которым соглашается Леман-Гаупт, по-видимому, совершенно правильно относит первую группу к греческому (не ионийскому) искусству, связывая ее с архаической греческой скульптурой VI в. и устанавливая их коринфо-аргивское происхождение. Основную же группу, несомненно, следует считать переднеазиатской, связывая ее с урартским искусством, и датировать второй половиной VII и началом VI в.

К рассмотренной нами группе металлических изделий, служивших украшением бронзовых котлов, следует также отнести скульптурное изображение головы быка, помещенной на пластинке, имеющей очертания птицы с распростертыми крыльями (рис. 116 и 79). Детали головы, характерная челка и глаза выполнены рельефом, птичьи крылья и хвост — гравировкой.

1921. S. 151; *Pallottino M.* Gli scavi di Karmir-Blur in Armenia e il problema delle connessioni tra l'Urartu, la Grécia e l'Etruria // *Archeologia classica*. VII. 2. Roma, 1956. P. 109.

³³ *Maxwell-Hyslop K. R.* Urartian bronzes in etruscan tombs // *Iraq*. XVIII. 2. 1956. P. 150–167.

³⁴ *Ducati P.* Storia dell'arte etrusca. I. Firenze, 1927. P. 121–122.

³⁵ *Lehmann-Haupt.* Armenien. II. 2. S. 490–493.

Таких предметов стало известно уже много, и их изучению посвящено немало специальных статей³⁶. Большинство из них, так же как женские крылатые фигурки, служили украшениями котлов, а частично мебели. Один такой котел, украшенный четырьмя головками быков, был найден в гробнице на Алтын-тепе, около Эрзинджана; такие же головки обнаружены в двух других урартских гробницах в сел. Гуши на северо-восточном побережье озера Урмия и на границе Ирана и Нахичеванской АССР. Из второй гробницы была извлечена описанная выше женская крылатая фигурка. Наряду с крупными, тонко моделированными головками быков известны более простые украшения бронзовых сосудов и ведерок³⁷. На Кармир-блуре были найдены обломки великолепного крупного черного лощеного сосуда, украшенного расписным пояском со скульптурными бычьими головками, возможно, воспроизводящего в глине форму бронзового сосуда.

Кроме головок быков, найдены также в немалом количестве ножки скамеек и треножников в форме бычьей ноги или львиной лапы³⁸ (рис. 23).

Богато представлены и бронзовые конские уборы, состоящие из налобных пластин нащечных блях, удила и колокольчиков. Некоторые предметы конских уборов имеют клинообразные надписи с именами урартских царей³⁹.

До нас дошло со времени Урарту также большое количество простых бронзовых предметов, таких как браслеты, фибулы, кинжалы, наконечники стрел и других, отлитых в разъемных двухстворчатых формах.

Наряду с отливкой в формах некоторые бронзовые предметы изготавливались либо путем только одной проковки, либо путем склепки из прокованных листов. Известны бронзовые пластинчатые пояса (рис. 24) с узорами и изображениями, выполненными штампом с последующей гравировкой.

На Кармир-блуре были открыты сосуды и чаши, целиком выкованные из медного листа или же выжатые на особом станке.

Из металлических предметов, происходящих с Топрах-кале, следует еще отметить бронзовую чашу с ложчатыми украшениями (выступами) в нижней части⁴⁰, входящую в группу древневосточных и античных металлических сосудов, известных под названием фиал⁴¹. Около борта чаши вырезаны два иероглифических знака (рис. 80). Эта чаша входит в группу «Zungenphialen» (IX–VI вв.), по

³⁶ *Hanfmann G.* Four urartian Bull's heads // *Anatolian studies*. VI. 1956. P. 205–213; *Amandry P.* Chaudrons a protomes de taureau en Orient et en Grece // *The Aegean and Near East. Studies presented to Hetty Goldman*. New York. P. 239–261; *Pallottino M.* Gli scavi di Karmir-Blur in Armenia e il problema delle connessioni tra l'Urartu, la Grecia e l'Etruria // *Archeologiclássica*. VII. 2. Roma, 1956. P. 109–123; *Hanfmann M. A., Hansen P.* Hittite bronzes and other near Eastern figurines in the Fogg art museum of Harvard university // *Türk arkeoloji dergisi*. VI. 2. 1956. Ankara. P. 43–58, а также публикации: *Schäfer H., Andrae W.* Die Kunst des alten Orients. Berlin, 1925. Tab. 546; I. 2; *The illustrated London news*. 1955, April 9. P. 653. Drawing 16.

³⁷ Кармир-блур. I. Рис. 44. — Подобную голову на краю сосуда из собрания П. Крюгера см.: *Bielefeld E.* Antike Kunst in deutschem Besitz // *Wissensch. Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität Greifswald. Gesselsch.* — *Sprechwissenschaft*. № 4–5. V. 1955–1956. Tab. 2.

³⁸ *Barnett.* Iraq. XII. I. Tab. 3.

³⁹ Кармир-блур. III.

⁴⁰ *Lehmann-Haupt.* Materialien. S. 100. Zeile 71.

⁴¹ *Luschey H.* Die Phiale. Bleicherode am Harz, 1939.

классификации Гейнца Лушея, и имеет многочисленные аналогии на Древнем Востоке (Ашур, Ниневия, Калах, Богазкёй, Зенджирли, Телль-Халаф, Девезёйюк в северной Сирии, Мазендеран, Амударьинский клад) и в античном мире (Кипр, Греция, Балканский полуостров, Северное Причерноморье)⁴².

На Кармир-блуре найдено несколько фиал самых разнообразных форм. Среди них есть чаши с узкими выступами, с кружками между лучами, с лучами, принявшими вид коротких ребристых выступов, и др.

Это разнообразие форм фиал было отмечено еще в работе Лушея, разделившего фиалы на определенные группы. Из бронзовых фиал особенно выделяется одна, необычная по своим крупным размерам. Кроме фиал, на Кармир-блуре обнаружены еще чаши с округлым дном и высоким бортом в виде раструба и украшенные рельефом стаканы.

Но, кроме сосудов, выкованных из целого бронзового листа, существовали также сосуды, склепанные из нескольких частей, как кованых, так и литых (например ручки)⁴³.

Золотые урартские изделия известны в небольшом количестве. При раскопках на Топрах-кале был найден только один медальон (рис. 81), представляющий собой диск из листового золота толщиной около одного миллиметра и диаметром около 6,5 см. Очень возможно, что там были найдены и другие золотые изделия, но вследствие недостаточного наблюдения и небрежного ведения работ они прошли мимо рук исследователей. Даже золотой медальон, найденный в одном из карасов кладовой, открытой в центральной части Топрах-кале, был похищен рабочими и продан ювелиру, который вернул его руководителям раскопок⁴⁴.

В верхней части медальона имеется ушко для подвешивания. Изображения на медальоне выполнены металлопластически, они выдавлены с оборотной стороны и затем дополнительно обработаны резцом снаружи. На медальоне изображена сидящая на троне женщина с веткой в левой руке, перед которой стоит вторая женщина в таком же одеянии⁴⁵.

Изображение на золотом медальоне получило двойное объяснение. Некоторые исследователи видели в нем царицу и служанку (Мессершмидт), другие — богиню плодородия. Последнее предположение подкрепляется сходным изображением на одной иранской цилиндрической печати⁴⁶, датируемой первой половиной V в. (коллекция Клерк). На рисунке печати царица, идущая к богине, сидящей на троне с цветком в руке; перед богиней стоит служанка с птицей в руках.

⁴² *Luschey H.* Die Phiale. S. 76–78. — Автором не учтены находки подобных бронзовых сосудов в Армении (Малакю, Головино, Нор-Баязетский район).

⁴³ *Пиотровский Б. Б.* История и культура Урарту. Ереван, 1944. С. 55.

⁴⁴ *Belck W., Lehmann C. F.* Entdeckungen in Armenien // *VBGAEU*. 1898. S. 587.

⁴⁵ *Lehmann-Haupt.* Materialien. S. 84, Zeile 56. — Автор датировал этот медальон VIII–VII вв., но позднее отказался от этой датировки и отнес его к персидскому времени, что разделяется ныне большинством исследователей (см.: *Lehmann-Haupt.* Armenien. II. 2. S. 502–505). Фотографическое изображение: *Lehmann-Haupt.* Armenien. II. I. S. 265.

⁴⁶ *Menant J.* Recherches sur la glyptique orientale. II. 1886. P. 174. Tabl. IX, 2; *Furtwangler A.* Die Antiken Gemmen. Geschichte der Steinschneidekunst. 211. Leipzig; Berlin, 1900. S. 120. Zeile 80.

Полную аналогию изображенной на золотом медальоне сидящей женской фигуре представляет бронзовая статуэтка (рис. 117), хранящаяся в музее Армении⁴⁷, в виде сидящей женщины, вероятно богини, в совершенно таком же платье, как на медальоне, и в той же позе: правая рука с открытой ладонью протянута вперед и слегка поднята вверх, левая, тоже вытянутая вперед, сжата. Отверстие в левой руке указывает на то, что в него вставлялось бронзовое изображение ветки или цветка.

Отдельные золотые предметы были обнаружены и при раскопках Кармир-блур. Среди них выделяются серьги в форме калачика с выгнутой дужкой, украшенные зернью или же тонкой перевитой проволокой, напаянной на основу. Эти серьги примыкают к типу изделий из Средиземноморья и Малой Азии, относящихся к VIII–VI вв. В 1953 г. при раскопке кладовой для вина в центральной части цитадели на дне карасов были найдены обломки листового золота — части обкладки фигурки льва. Сохранилась обкладка головы с раскрытой пастью, с инкрустированным глазом из пасты и с голубой бусиной на лбу. Найдены также обломки пластин с изображением гривы.

В кладовой № 47 среди костей погибших людей был обнаружен золотой браслет с головками львов на концах, а из кладовой № 36 происходит сегмент дисковидного золотого слитка весом 14,85 г. В 1957 г. в помещениях северо-западной части цитадели найдены обломок серебряной гривны с покрытой золотым листком фигуркой лежащего льва, булавка и мелкая биконическая бусина из тончайшей, туго перевитой золотой проволоки.

Текст Саргона (Луврская табличка) свидетельствует о большом количестве золота, находившегося в Мусасире, во дворце царя Урзаны. Там были золотые кинжалы, 6 мечей и опахала, а также «жезлы из слоновой кости, черного дерева и бука с навершиями из золота и серебра» и сосуды из тех же материалов, отделанные золотом и серебром (353–357).

В Мусасирском храме было еще больше золотых изделий. Кроме золотых щитов, украшавших стены храма, там находилась масса других предметов, перечисленных в тексте Луврской таблички: «Большой меч из золота, меч тяжелый, меч его руки, весом в 26 и $\frac{3}{36}$ мины золота (т. е. около 13 кг. — *Б. П.*)... замок золотой в форме человеческой руки, засов его, на котором покоился окрыленный дракон, один колышек золотой, который закрывал замок», и, кроме того, «два рога туров, окованных золотом... кресла черного дерева и бука, окованные золотом и серебром» (370–390). Из этого перечня предметов видно, что среди золотых урартских вещей мы встречаем как кованные изделия, так и литые.

Вероятно, урартские золотые изделия по технике изготовления примыкали к древневосточным, имевшим очень старую традицию⁴⁸.

Возможно также и предположение, что в Ванском царстве применялось цветное золото, очень характерное для ювелирного дела Древнего Востока.

⁴⁷ Пиотровский Б. Б. Урартская бронзовая статуэтка Государственного музея Армении // СА. VI. 1940. С. 89.

⁴⁸ Золото на территории древнего Ванского царства известно в районе горы Сгерт, на юге от озера Ван. Но, несомненно, большое количество урартских золотых предметов изготовлялось из металла, полученного путем переплавки вещей, захваченных в соседних странах.

Быть может, на это указывает цвет золотых щитов Мусасирского храма, отмеченных в тексте как щиты «красного золота цвета пламени».

Большого технического искусства урарты достигли также и в изготовлении изделий из серебра.

В Мусасирском храме хранилось громадное количество серебряных предметов, причем не все они были местного производства. В тексте Луврской таблички особо отмечаются «393 чаши из серебра, тяжелых и легких, изделия стран Ашур, Урарту и Хабхи» (383), а во дворце Урзаны — «курильницы и чаши из серебра страны Табал» (361).

Кроме того, в тексте упоминаются: «96 копий серебряных, штандарты из серебра, инкрустированные и окованные золотом... 67 тазов из серебра... 33 колесницы, серебряные луки в серебряных горитах, кривые мечи из серебра, серебряный жезл... щиты из серебра» (378–383). Во дворце находились «серебряный сосуд Русы с крышкой... 34 серебряные чаши... 54 сосуда, покрытых серебром... полумесяцы и кольца серебряные» (358–360).

Из серебряных изделий, найденных на Кармир-блуре, выделяются крупный (высотой 24 см) кувшин с ручкой и два медальона. Первый из медальонов по изображению на нем близок к золотому медальону из Тушпы. На его поверхности — сидящая на троне богиня, перед которой стоит женщина, держащая за рога жертвенного козла. На втором серебряном медальоне изображен бог, стоящий в позе, близкой к позам ассирийских божеств, перед ним фигура мужчины, подводящего жертвенного козла. Весьма интересно, что головы божеств на обоих медальонах вычеканены на золотых пластинках, напаянных на серебро.

В 1956 г. в кладовых северо-западной части цитадели Тейшебаини был обнаружен крупный серебряный дисковидный предмет, который можно считать украшением средней части щита или крышкой сосуда. Поверхность предмета отделана четырьмя напаянными золотыми пластинками, образующими концентрические полосы, с характерным урартским орнаментом в виде гирлянды бутонов. В центре помещено массивное золотое навершие в форме граната. На крышке сохранились остатки клинообразной надписи с именем Аргишти, сына Мена.

На Кармир-блуре, кроме того, найдены серебряные украшения мебели, конской сбруи, браслеты, колечки и мелкие подвески.

Очень интересные изделия из серебра были обнаружены германской экспедицией на Топрах-кале. В одном из карасов кладовой, откуда происходит и золотой медальон, оказалась сильно попорченная огнем серебряная баночка цилиндрической формы (высотой около 18 см) с крышками на обоих концах, окованными золотыми гвоздиками. Верхняя крышка имела в центре золотое колечко, а сбоку отверстие. На обороте крышки была прикреплена соединенная с золотым колечком электрова пластинка в форме полумесяца.

При реставрации предмета выяснилось, что эта пластинка с изображением сидящей на троне богини, к которой женщина подводит жертвенного козла, являлась амулетом. На боковых частях амулета виден рисунок, изображающий хвойные деревья. Устройство верхней крышки баночки указывает на то, что она служила для хранения какого-то порошка. Снаружи баночка была покрыта

плетением из тонких серебряных нитей, по всей видимости тянутых, а не кованых. В баночке обнаружен порошок, оказавшийся сернистым серебром⁴⁹.

Леман-Гаупт полагал, что этот порошок имел техническое назначение, и высказал предположение, что он применялся для чернения серебра. Этот прием украшения серебряных вещей и доныне весьма распространен в Закавказье и в Турции. Но пока не найдены урартские предметы, украшенные таким способом, трудно говорить о правильности предположения Леман-Гаупта, тем более, что находка порошка в драгоценной баночке говорит скорее о том, что он употреблялся для косметических целей.

Кроме этой баночки, в кладовой на Топрах-кале были найдены два небольших серебряных сосуда, также имевших следы сплетения из серебряных нитей⁵⁰.

Приведенный нами материал показывает исключительное разнообразие и богатство металлических изделий, производившихся в Ванском царстве. В тексте Саргона о походе VIII года правления перечисляется громадное количество замечательных вещей, которые иногда кажутся сказочными, и перечню их даже трудно верить. Но представим на минуту, что до нас дошли только древние списки вещей, положенных в царские могилы Ура и в гробницу Тутанхамона. Очень возможно, что мы усомнились бы в их реальности так же, как многие не верили в подлинность клада, открытого Шлиманом в Микенах.

В научной литературе неоднократно встречаются замечания о том, что количество металла, захваченного Саргоном в Мусасире, сильно преувеличено в древнем тексте. Но напомним, что, когда Плас раскапывал в свое время заброшенный и разграбленный дворец Саргона (Дур-Шаррукин), он в кладовой дворца обнаружил 160 т железа и разборка этой кладовой продолжалась несколько дней⁵¹.

У нас нет оснований сомневаться в правильности сведений, сообщаемых в тексте Луврской таблички, автор которого, Табшар-Ашур, нам известен как агент, информировавший царя о событиях в соседних странах; его письма сохранились в Куянджикском архиве. Вместе с тем мы должны признать, что дошедший до нас от Ванского царства археологический материал лишь в слабой степени отражает реальную действительность.

Урартские металлические изделия по своему стилю оказываются очень близкими к ассирийским. Не отвергая ни в коей мере влияние Ассирии на искусство Ванского царства, следует признать, что урартское искусство не копировало рабски ассирийское; памятники урартского искусства всегда можно отличить от ассирийских.

Особенности искусства переднеазиатских государств, в частности и урартского, обусловлены характером этих государств. В обстановке непрочных политических объединений, широкого обмена и постоянных войн металлические изделия из одного района Передней Азии распространялись на большой территории. Основная единица меры веса — мина (урартская мана) была во всей Передней Азии общая, но, несмотря на развитую торговлю, весовые ее выра-

⁴⁹ *Lehmann-Haupt. Materialien.* S. 89–92, Zeile 59–61; *Lehmann-Haupt. Armenien.* II. 2. S. 482; *Meyer G. R.* Ein neuentdeckter urartäischer Brustschmuck // *Das Altertum.* I. 4. Berlin. S. 209.

⁵⁰ *Lehmann-Haupt. Materialien.* S. 92 (№ 17); *Lehmann-Haupt. Armenien.* II. 2. S. 480.

⁵¹ *Place V. Ninive et l'Assyrie.* I. Paris, 1867. P. 84.

жения бывали различными, и часто правители отдельных стран пытались их унифицировать. Такие меры были проведены Саргоном Древним и шумерским правителем Шульги (III династия Ура); эталонами твердой единицы веса, установленными последним, пользовался также Навуходоносор. Разновесы Урука показывают, по-видимому, три различные мины, колебавшиеся между 491,5 и 511,4 г. Ассирийская мина равнялась 505 г (вес воды $\frac{1}{240}$ части кубического локтя). Урартскую мину условно можно определять тем же весом.

Возможно также, что сообщаемый в тексте Саргона вес металлических предметов Мусасирского храма, выраженный в талантах и минах без дробных частей, объясняется не тем, что ассирийцы округляли вес урартских изделий, а тем, что меры веса ассирийцев и урартов были общими или очень близкими. Летописи урартских царей сообщают о большом количестве металла (металлических изделий), получаемого в качестве дани.

Так, в летописи Аргишти I мы читаем о том, что царь страны Диауехи доставил 41 мину чистого золота, 37 мин серебра и свыше 10 тыс. мин меди (или бронзы). Царь страны Куммух послал Сардури II 40 мин чистого золота и 800 мин серебра (летопись Сардури в нише Ванской скалы).

Несомненно, в виде дани в Урарту доставлялись различные металлические предметы, поступавшие в царские и храмовые кладовые.

Как мы видели выше, в тексте Саргона отмечается наличие металлических изделий в Мусасирском храме из Ассирии, Урарту и Хапху. Там же говорится, что ассирийцы вернули себе те драгоценности, которые враги «в городе, дворце и храме, постройках Ашура и Мардука захватили».

Кроме того, металлические изделия в Передней Азии являлись основным предметом обмена, будучи в некоторой мере и всеобщим эквивалентом (например браслеты определенного веса). Так, в частности, в пророчестве Иезекииля (начало VI в. до н. э.) о Тире говорится: «Яван, Тубал и Мешех торговали с тобой. На души человеческие и бронзовые изделия выменивали они твои товары» (26: 13).

Постоянные связи Урарту с соседними странами способствовали формированию своеобразного стиля в искусстве Передней Азии, который стал отличительным переднеазиатским, но в каждой области получил свое развитие. Возьмем для примера ассирийских крылатых быков (шеду), урартские бронзовые статуэтки, изображающие эти же фантастические существа, а также соответствующие скульптурные памятники из Митанни (Телль-Халаф) и Хеттского государства. Наряду с общими чертами и сходством даже в деталях в этих памятниках отчетливо выступают и их характерные особенности, присущие искусству каждого из этих государств.

ОБРАБОТКА КАМНЯ

В центральной и северной частях Передней Азии не было недостатка в камне. Люди жили там среди скал, обрабатывали каменистую почву, применяли камень для строительства.

Весьма долго, уже наряду с бронзовыми и железными изделиями, в хозяйственной жизни продолжалось употребление каменных орудий: обсидиановых (реже — кремневых) ножей, скребков, вставных лезвий серпов и наконечников стрел. Все это можно встретить в закавказских могильниках первой половины последнего тысячелетия до н. э., а древние поселения дают нам громадное количество разного рода терок, ступок, терочников и пестов как из туфа, так и из твердого камня (трахита и базальта).

И в Ванском царстве, как показывает археологический материал, камень прочно вошел в быт. Раскопки на Кармир-блуре дали значительное количество базальтовых зернотерок, ступок с пестами и чаш. Крупные камни зернотерок обнаружены у дверей временных жилищ, расположенных во дворе цитадели, такие же зернотерки были найдены и в самой цитадели (одна из них имела длину 60 и ширину 30 см):

Из базальтовых предметов, найденных на Кармир-блуре, выделяется крупное базальтовое блюдо (диаметром 55, высотой 12 см), правильной круглой формы и исключительно тщательной отделки.

Хорошо обработанные базальтовые блоки употреблялись и при строительстве. Из таких блоков сложен цоколь стен цитадели города Эребуни (Аринберд). Верхние части цитадели Тейшебаини (Кармир-блур) были украшены башенками и карнизом из хорошо отесанных базальтовых блоков. На камнях выполнялись клинообразные надписи.

Нередко русло оросительного канала приходилось проводить в горах, создавая для него тоннель, а прокладывая дороги, уарты принуждены были зачастую врубаться в скалы.

Уартские крепости свидетельствуют об изумительном мастерстве древних каменотесов. На Ванской скале сохранились остатки многочисленных лестниц, площадок, ниш, а также обширных высеченных помещений. Сооружения в скалах встречаются почти на всей территории древнего Ванского царства, но о них речь будет в следующей главе, здесь же остановимся лишь на одном из памятников этой группы — на пещерном помещении около Баязета, имеющем около входа рельефные изображения. Баязетские наскальные изображения являются пока единственным памятником этого рода на территории Уарту и поэтому, несмотря на их плохую сохранность, представляют исключительный интерес.

По обеим сторонам входа помещены две колоссальные фигуры людей, обращенные вправо, выполненные плоским рельефом, а над входом находится изображение козленка (рис. 118). Люди облачены в длинные одежды, на головах у них небольшие остроконечные шапки (тиары), стоят они в молитвенной позе, с приподнятой вверх правой рукой, причем правая из фигур держит еще длинную палицу (?).

Отсутствие надписей и плохая сохранность этих своеобразных предметов не позволяют пока с полной уверенностью отнести их к памятникам уартского искусства, хотя Зарре и Герцфельд датировали его доахеменидским временем, с чем согласился и Леман-Гаупт. Последний, судя по одеждам фигур, склонялся отнести Баязетский рельеф к образцам мидийского искусства⁵².

⁵² *Belck W.* Aus den Berichten über die armenische Expedition // *ZE.* 1899. S. 241; *Ивановский А. А.* По Закавказью // *МАК.* VI. М., 1911. *Lehmann-Haupt.* Armenien. II. 2. S. 754–757.

Если Баязетский рельеф действительно относится к урартскому времени, то он является редким образцом монументального урартского искусства. Недавно в Адильджевазе были обнаружены шесть камней из постройки с частями рельефа, изображающего бога (вероятно, Тейшебу), стоящего на быке, перед божеством, и за ним были помещены «деревья жизни». Рельеф был очень крупным, около 3 м высотой⁵³.

Из крупных каменных скульптур Ванского царства до нас дошла лишь одна сильно поврежденная статуя из серого базальта. Верхняя часть ее обнаружена в 1898 г. у Ванской скалы во время работ германской археологической экспедиции, позднее был найден и обломок нижней части памятника. В настоящее время обе части хранятся в Государственном музее Грузии, где они смонтированы в одно целое⁵⁴.

Голова статуи и вся нижняя часть фигуры отбиты. Высота сохранившейся части равняется 1,28 м. Можно заключить, что вся статуя в целом достигала человеческого роста. Все детали фигуры выполнены невысоким рельефом. В верхней части сохранились завитые волосы, ниспадающие на спину и плечи, и суживающаяся борода. Руки сложены на груди, правая держит палицу или плеть с раздвоенным концом, а левая — лук и стрелы. С левой же стороны изображен длинный меч, висающий на портуpee.

Формы фигуры и ее отделка выполнены без деталей, что придает всей статуе архаический облик. Это позволило некоторым исследователям связывать рассматриваемый урартский памятник с древнеассирийской скульптурой (статуи Ашурнасирапала II и бога Набу в Калху)⁵⁵.

Отсутствие головы не дает возможности с достоверностью решить вопрос, изображает ли эта статуя царя или бога, так как на такой вопрос можно ответить, только имея представление о головном уборе. Вероятнее всего, статуя изображает не бога, а урартского царя, и притом царя первого периода истории Ванского царства.

При раскопках на Топрах-кале найден небольшой обломок камня (высотой около 17 см) с изображением сцены поклонения священному дереву. Сохранилось лишь изображение верхней части фигуры царя в молитвенной позе, с поднятой правой рукой, держащего в левой руке ветку дерева⁵⁶. Фигура царя выполнена низким рельефом и инкрустацией, ныне не сохранившейся. Вставными были лицо, руки, бахрома и квадратные украшения платья, детали тиары и ветка дерева. Таким образом, серый камень фона и основного контура изображений был инкрустирован белым и цветным камнем, а возможно, и металлом.

Инкрустация камнем — излюбленный прием урартского искусства. Вспомним хотя бы бронзовые, покрытые листовым золотом, фигурки тронов: лица этих сказочных полулюдей-полуживотных вырезаны из белого камня, со вставными глазами и бровями, платье и крылья также украшены цветной инкруста-

⁵³ Burney C. A., Lawson G. R. Urartian reliefs at Adilcevaz, one lake Van // *Anatolian studies*. VIII. 1958. P. 211–218; Hulin P. Urartian stones in the Van museum // *Ibid*. P. 235–239.

⁵⁴ Цепелели Г. В. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939. С. 62.

⁵⁵ Lehmann-Haupt. Materialien. S. 76, Zeile 47–48; Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 55.

⁵⁶ Lehmann-Haupt. Materialien. S. 81, Zeile 53; Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 547–548.

цией. На Топрах-кале найдено много изображений рук, сжатых в кулак или с вытянутыми пальцами, вырезанных из мягкого белого камня и имеющих углубления для закрепления их штифтами.

Эти изображения считали votivными предметами магического назначения, но мне кажется более вероятным, что они представляли собой части каменной инкрустации. Ниже мы остановимся на каменной разноцветной инкрустации пола одного из зданий, раскопанных на Топрах-кале.

Стены урартских зданий также иногда украшались каменными панелями с вырезанными на них изображениями. Раскопки, произведенные И. А. Орбели на Топрах-кале, дали много обломков такого фриза из красного мрамора, на котором были изображены быки (сохранились лишь части туловища) и дерева, заключенные в орнаментальную рамку⁵⁷.

Изображения быка на рельефах из Адильджеваза⁵⁸ также очень близки по стилю к резьбе на фризе из раскопок И. А. Орбели. Все туловище быка покрыто мелким орнаментом, аналогичным гравировке, которой украшены фигуры быков на бронзовых щитах из храма на Топрах-кале и статуэтки тронов. Такие крупнейшие знатоки древнего искусства Передней Азии, как Зарре и Герцфельд, без колебания считали изображение быка из Адильджеваза характернейшим образцом урартского искусства, что впоследствии и подтвердилось.

Мелкие изделия из камня были очень распространены в Ванском царстве. Из мягкого камня изготовлялись, например, головки животных, известных по раскопкам Топрах-кале и Кармир-блур. Из жировика и змеевика вырезано большое количество дошедших до нас урартских печатей, дисковидных, конических или в виде гирек, с ушком в верхней части. Нижняя их часть, а у печатей третьего типа и боковые стороны покрыты мелкими, тщательно вырезанными изображениями.

Но мелкие каменные изделия изготовлялись не только из мягкого камня. До нас дошли обломки небольшого сосуда из красноватого порфира с фигуркой лежащего бычка и маленькая плакетка (длиной 10 см) из базальта с изображением «молнии» (возможно, символом бога Тейшебы)⁵⁹.

В двух кладовых северо-западной части цитадели Кармир-блур в 1955 г. были найдены две коробочки из стеатита, обе с крышками, отодвигающимися на штифте. Первая из них (несомненно, урартского происхождения) имела нижнюю часть, напоминающую пиалу, разделенную мелкими ложчатыми выступами; на ее плоской крышке вырезано священное дерево со стоящими по его сторонам фигурками крылатых гениев с птичьими головами. Вторая каменная коробочка, возможно, неурартская. Стенки ее украшены рельефным изображением сцены охоты (животные, всадник, коленопреклоненный лучник, воин с кинжалом в руке). На крышке помещена скульптурная фигурка лежащего льва. Очень вероятно, что этот предмет происходит из областей северного Ирана, хотя крышка имеет аналогии и в Средиземноморье.

⁵⁷ МАР. Табл. 34; *Пиотровский Б. Б.* Урарту, древнейшее государство Закавказья. Л., 1939. С. 37. Рис. 17.

⁵⁸ Части изображения опубликованы Леман-Гауптом по эстампам (*Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 742–743*).

⁵⁹ *Lehmann-Haupt. Materialien. S. 80. Zeile 49, 50.*

Обработка крупных камней железным теслом и бучардой, а мелких каменных изделий железным резцом была в Ванском царстве обычной техникой. Резцом же выполнялись на каменных стелах, камнях построек и скалах клинообразные надписи, поражающие иногда тщательностью работы.

Следует еще упомянуть многочисленные бусы из полудрагоценных камней. Особенно излюбленными были шаровидные бусы из красного и розового сердолика (рис. 28). Их отделка говорит о высокой технике обработки камня (сверление различными способами и полировка его).

КЕРАМИКА

Урартские керамические изделия многочисленны и разнообразны. Раскопки как в центральной части Ванского царства, так и на его окраине дали бесчисленное количество глиняных сосудов и их обломков. При раскопках Кармир-блур были открыты две кладовые с глиняными изделиями; в одной из них, раскопанной в 1951 г., оказалось 1036 кувшинов, а в другой около 120 разных сосудов. Разнообразие урартской керамики достигалось не только формами и размерами (от больших карасов вместимостью около 1200 литров и до миниатюрных сосудиков высотой в 2 см), но и техникой изготовления.

Встречаются грубые сосуды, вылепленные от руки и иногда очень плохо обожженные; некоторые сосуды изготовлены на свободно вращающейся подставке, без оси, и, наконец, наиболее характерная группа урартской керамики представлена высококачественными изделиями, выполненными на гончарном круге.

И по цвету урартская керамика весьма разнообразна. Встречаются желтые, красные и черные изделия различных тонов и с различной поверхностью — матовой или лощеной. Цвет сосудов определяется как составом глины, так и условиями их обжига. Темный цвет обожженных глиняных изделий в значительной степени зависит от присутствия в глине окислов железа (Fe_2O_3).

Блеск на поверхности керамики создается как сглаживанием (лощением) глины до обжига, так и полировкой после обжига. Оба этих приема постоянно применялись урартами. Известны сосуды, на которых по их матовой поверхности наводился линейный узор (зигзаги, перекрещенные линии).

Раскопки Топрах-кале и находки на Ванской скале дали большое число образцов расписной керамики, относящейся к раннему периоду урартской истории, когда существовала и красная лощеная керамика. Урартская расписная керамика — полихромная; роспись обычно наводилась черной и бурой красками по желтому фону, мотивы росписей в большинстве случаев представляют простой геометрический орнамент. На Топрах-кале был найден также кувшин с росписью, изображающей идущих водяных птиц. Подобный сосуд известен и из Закавказья (Исторический музей Армении).

Среди большого разнообразия урартских керамических изделий немало глубоких и плоских мисок и чашек, горшков с широким или суживающимся горлом, карасов, кувшинов с ручками и без ручек (рис. 26–28), а также сосудов

специфической формы (курильницы, плошки, сообщающиеся сосудики, подставки под сосуды и др.)⁶⁰. Венчики и края сосудов часто имеют очень сложный профиль, под верхним валиком помещаются иногда орнаментальные пояски или углубления. Рельефные пояски встречаются и на туловище сосуда. Вдавленный орнамент, как можно видеть по образцам из Кармир-блуре, выполнялся нередко гребенчатым штампом.

Уже давно было замечено, что очень часто урартская керамика копирует формы металлической посуды. Таковы кувшины с ручками, имитирующими прикрепленные металлические горловины и ручки⁶¹, и сосуды с выступами, повторяющими характерные украшения металлических фиал; особенно выразительные образцы таких глиняных сосудов были найдены при раскопках Аринберда в 1953 г.

Из урартских керамических форм особенно интересны чаши на высокой ножке и кувшины с удлинённым носиком⁶², наподобие чайников, указывающие на связь урартской керамики с керамикой древнейшей переднеазиатской.

Большой интерес представляет та урартская расписная керамика, которая передает зачастую очень архаичные формы и мотивы. Археологические работы, проведенные в Ване экспедицией Лейка, доказали существование расписной керамики в урартское время. Это подтверждают и материалы, обнаруженные на Кармир-блуре. В 1956 г. в кладовой северо-западного угла цитадели был найден сосуд в форме аска, покрытый росписью, помещенной в полосах (круги, шахматный, заштрихованный и лучевой орнамент), и имеющий красный лощеный венчик, напоминающий венчик кувшинов, найденных в громадном количестве в кладовой № 29. Этот сосуд с первого взгляда показался привезенным из Средиземноморья или из Ирана (действительно, он по форме и характеру росписи близок к аскам VIII–VII вв. и сосудам из могильника Сиалк-Б, около Кашана), но более внимательный анализ отчетливо выявляет в нем черты, характерные для урартской керамики этого же времени.

Широкое распространение в Ванском царстве имели большие сосуды — карасы, служившие для различных целей. Они применялись не только для хранения жидкостей, но и для зерна. В карасах, предназначенных для зерна, днища имели сквозное отверстие, чтобы зерно не отсыревало. Орнаментация этих карасов весьма разнообразна. Имеется рельефный орнамент в виде перекрученной веревки или пояска вдавленных, находящихся друг на друга треугольников. Часто рельефный узор сочетается со штампованным, резным или наведенным лощением.

На Топрах-кале были найдены обломки краев больших карасов красного цвета, украшенных скульптурными фигурками животных. Обычно это геральдическая группа из двух животных — хищник, нападающий на бычка. Бычок с поджатыми или свисающими ногами помещен на верхней плоскости борта, нападающий же хищник, вцепившийся в бок бычка, распластан вертикально,

⁶⁰ Об урартской керамике см.: *Lehmann-Haupt. Materialien*. S. 109–120; *Lehmann-Haupt. Armenien*. II. 2. S. 559–587.

⁶¹ *Lehmann-Haupt. Armenien*. II. 2. S. 562–563.

⁶² *Ibid.* S. 567, 576.

по наружному краю борта (рис. 82). Известны также отдельные головки хищников с оскаленным ртом, очень детально моделированные⁶³ (рис. 83).

Скульптурные изображения животных встречаются и на металлических урартских изделиях, например на бронзовом топоре из Ванского района⁶⁴. По размещению глиняные фигурки карасов напоминают бронзовые (крылатый женский торс, головка быка), помещавшиеся на борту бронзовых котлов. Глиняные фигурки, украшавшие урартские керамические изделия, очень близки к хеттским образцам (так называемой каппадокийской керамике), хорошо известным по материалам из раскопок в Анатолии (Богазкёй, Алишар и др.)⁶⁵. Но хеттская керамика этого типа относится к более раннему времени.

Нам известна также и мелкая урартская скульптура из глины. В 1949 г. в кладовой для вина на Кармир-блуре были найдены три статуэтки богов. Они представляют собой стоящие бородатые человеческие фигуры с головным убором в виде рыбьей головы и ниспадающей на спину рыбьей кожей с хвостом. Правая, выдвинутая рука статуэток, видимо, держала копьё или ветку дерева, так как в подставках фигурок имеются углубления. Статуэтки были раскрашены, на спине и на головном уборе сохранились следы ярко-голубой краски, очень непрочной, осыпавшейся, как порошок.

В 1950 г. во второй кладовой для вина была также найдена глиняная статуэтка божества в виде человека-скорпиона. Лицо статуэтки было выкрашено белой краской, глаза — красной, а борода и волосы — бурой. Головной убор имел ярко-голубую окраску, аналогичную той, которая была на спине рыбообразных божеств.

Во временных жилищах во дворе цитадели Тейшебаини были найдены две грубые фигурки животных — лошади и бычка, вылепленные из глины и служившие, возможно, детскими игрушками. Из числа керамических изделий, обнаруженных на Кармир-блуре, особый интерес заслуживает крупный черный лощеный сосуд (высотой около 50 см), украшенный расписным пояском и тремя скульптурными головками бычков, напоминающими описанные выше бронзовые головки. Роспись нанесена на венчике и на рельефном пояске под высоким венчиком. На желтоватом фоне помещены кружки коричневого цвета с черным диском посередине. Сверху кружки закрашены черной полосой, а снизу обрамлены двумя линиями — коричневой и черной. Роспись венчика состоит из двух рядов чередующихся прямоугольников желтого и бурого цвета.

Керамика, открытая при раскопках Кармир-блуре, чрезвычайно разнообразна, но в ней отчетливо можно различить три основные группы. Первая из них представлена образцами керамики из центральной части Ванского царства или подражаниями им. Это красная, лощеная или крашенная, керамика определенной формы: кувшины с ручками, профилированные чаши и небольшие двойные сообщающиеся сосудики.

⁶³ *Lehmann-Haupt. Materialien. S. III. 115; Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 470–471.*

⁶⁴ *Flinders Petri W. M. Tools and weapons, illustrated by the Egyptian collection in University college. London, 1917. Tab. XI.*

⁶⁵ *Genouillac H. Céramique Cappadocienne // Musée du Louvre. I–II. 1926.*

Кувшины с ручками обычно имеют горло энохи и иногда, под ручкой, клеймо с урартскими иероглифическими знаками.

Вторая группа кармир-блурской керамики представляет грубую местную керамику, настолько своеобразную и архаичную по своему внешнему виду, что даже трудно верить, что она изготовлялась одновременно с первой группой. Сосуды грубые, черного цвета, часто в форме горшков с широкой горловиной, украшенные елочным гребенчатым узором, семечковым орнаментом или же вдавленным орнаментом в виде волны. Встречаются грубо сделанные сосуды и без всякой орнаментации.

Третью группу составляет керамика, имеющая аналогии в закавказских могильниках VII–VI вв. Это сосуды обычно темного цвета с узорами, выполненными лощением. Ручки кувшинов этой группы имеют характерное украшение в виде ряда глубоко вдавленных треугольников, которые заходят друг на друга вершинами. Такие же сосуды происходят из раскопок Моргана в Лорийском районе (могильник Шайтандаг); близкая к этой керамика имеется и среди материалов из раскопок Е. А. Лалаяна в Севанском районе. Крупный кувшин этого типа с характерной ручкой и узором, наведенным лощением, был открыт при раскопках цитадели.

Но эти три группы далеко не исчерпывают все разнообразие форм керамических изделий, полученных при раскопках. В большом количестве найдены миниатюрные сосуды различного назначения.

Особую и весьма характерную группу урартской керамики составляют небольшие сосуды (преимущественно кувшины и чашки) с блестящей красной поверхностью.

С технологической стороны они были детально изучены Кобертом и Лешке⁶⁶.

Красный блестящий слой, покрывающий сосуды, легко отщепляется и по своему составу однороден с глиной самого черепка сосуда; разница между ними определяется лишь характером обжига. Если черепок сосуда обожжен сравнительно слабо, в изломе видно, что середина имеет даже сероватый цвет, хотя ангоб сосуда (красный блестящий слой) обожжен очень хорошо.

Техника изготовления урартской керамики этого типа нам представляется следующей: для сосуда и для ангоба бралась одна и та же глина, но глина ангоба подвергалась особой предварительной обработке. Ее обжигали при большой температуре, затем обожженную массу толкли, разводили в воде и этим ангобом покрывали поверхность сосуда (иногда кувшины окрашивались). При обжиге керамики температура не достигала той высоты, при которой ангоб сплавлялся бы с черепком сосуда, поэтому он так легко и отщепляется. После обжига сосуд тщательно полировался; таким образом, согласно указанным наблюдениям, урартская красная керамика по своей технике совершенно отлична от древнегреческой краснолаковой или же римской (*terra sigillata*).

Разумеется, изучение технологии древней керамики представляет большие трудности, и исследователи не всегда могут уловить «секреты» древнего керамического производства, особенно различных примесей, влиявших на цвет и

⁶⁶ *Lehmann-Haupt. Materialien.* S. 118–120; *Lehmann-Haupt. Armenien.* II. 2. S. 577–580.

плотность керамического черепка. Об этом красноречиво говорят этнографические данные и попытки реконструкции керамики по древним образцам.

На красных сосудах, на дне или на нижней части, имеются изображения, выполненные штампом, лощением или же гравировкой.

На мелких кувшинах и чашах из Топрах-кале были оттиски штампов, которые можно считать марками мастерских. Штампы эти очень простой формы: кружки, подковки, звездочки, фигуры в виде цифры 8, кружок с вписанным крестом или же ступенчатой фигурой. Все они оттискивались до обжига⁶⁷.

Знаки, наведенные лощением, также разнообразны: кружки и полукруги со связанными с ними черточками и точками, зигзаги, перекрещенные линии; по всей вероятности, такими знаками обозначали меры емкости⁶⁸. Особенно многочисленны разные изображения на сосудах, нацарапанные по слою ангоба. Тут несомненно имеются и знаки мер емкости, и знаки собственности, и даже нечто вроде иероглифических надписей. На сосуды наносились рисунки голов животных, деревьев и различных фигур: пятилучевая звезда, треугольники, сходящиеся вершинами, и многое другое⁶⁹.

Особую, но немногочисленную группу составляет урартская тонкостенная керамика серого цвета, украшенная выпуклым орнаментом, выполненным иногда штампом⁷⁰. К сожалению, от сосудов этого типа дошли до нас лишь небольшие обломки.

Некоторые из урартских сосудов, служивших хранилищем, имели глиняные крышки или пробки, обмазывавшиеся глиной, на которых бывали оттиснуты печати. Такие оттиски печатей в большом количестве дали раскопки на Топрах-кале.

При раскопках урартских поселений и крепостей в большом количестве обнаружены пастовые и стеклянные бусы (фигурные и округлые бусы, а также бисер). Цветная паста служила и для украшения бронзовых изделий (инкрустация). Пастовые (смальтовые) бусы изготовлялись путем вытягивания из стекловидной массы трубочки, которая потом разрубалась на короткие цилиндрики. Красителем голубой и зеленой пасты, по-видимому, служила медь, а красной — железо. Поверхность бус иногда покрывалась глазурью. На Кармир-блуре были найдены глиняные бусы с выступами, покрытые разноцветной глазурью. Оттуда же происходят и черные стеклянные бусы с желтой волнистой полосой, а также литые бусы из прозрачного стекла.

В 1953 г. на Кармир-блуре был найден обломок фигурного фаянсового сосуда, покрытого цветной глазурью, изображавшего женщину с коротко подстриженными волосами и в низком головном уборе. Сзади имелась петля для подвешивания. По внешнему виду этот сосуд несколько напоминает известные нам ассирийские фигурные сосуды.

Следует заметить, что в отношении мелких предметов украшения, найденных при раскопках урартских памятников, у нас постоянно остается сомнение

⁶⁷ *Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 572–575.*

⁶⁸ *Ibid. S. 579.*

⁶⁹ *Ibid. S. 577–579, 586.*

⁷⁰ *Ibid. S. 576.*

в их действительно урартском происхождении, так как они могли быть доставлены путем обмена из различных мест Передней Азии и даже из Египта.

Кроме многочисленных изделий из металла, камня и глины, до нас дошло также большое количество образцов тканей, пряжи и предметов из рога, кости и дерева.

По сведениям Леман-Гаупта, в одном сосуде, найденном на Топрах-кале, оказался обрывок шелковой ткани⁷¹.

Мелкие изделия, вырезанные из рога, дошли в большом количестве. Раскопки Клейтона на Топрах-кале дали нам два прекрасных образца скульптуры из слоновой кости. Первая фигурка изображает нагую богиню в невысоком головном уборе, украшенном диадемой из розеток; вторая же, плохо сохранившаяся фигурка жреца или прислужника в длинной одежде, с широким поясом и лентой через правое плечо⁷².

На Кармир-блуре найдено и значительное число деревянных предметов (рис. 30). Среди них крупная ложка, с крючком для подвешивания, совки, сосудик и чашечка, изготовленные на токарном станке, и части мебели с инкрустацией из рога.

Дифференциация производства в Урарту привела к развитию большого числа ремесел, требовавших специальных навыков и мастерства. Но, несмотря на наличие ремесленных мастерских, особенно в административных центрах, некоторые изделия производились в домашнем хозяйстве.

Так, в 1949 г. при раскопках поселения к западу от цитадели Тейшебаини в одном из жилых помещений был найден глиняный гончарный круг и железное кайло для добывания глины, куча которой обнаружена в соседнем помещении⁷³. Эта находка указывает на изготовление глиняных сосудов не только в гончарных мастерских, но и дома.

Остатки гончарных мастерских и печей для обжига в Тейшебаини еще не обнаружены, но материалы раскопок свидетельствуют о том, что гончарных мастерских было несколько. На некоторых сосудах можно видеть оттиски овальных клейм с иероглифическими знаками. Таких клейм известно два, причем их оттиски имеются на разнородных сосудах. Это свидетельствует о том, что из одной мастерской выходили различные изделия — красные лощеные кувшины и керамика без лощения. Раскопками 1951 и 1953 гг. были открыты два склада красных лощеных кувшинов с ручкой. Сравнение кувшинов из двух складов показывает, что они изготовлены различными мастерами или в различных мастерских. В кладовых для вина четко различаются карасы, вылепленные различными мастерами, что подтверждается также знаками, поставленными на горловине карасов до их обжига.

В таком большом административном центре, как Тейшебаини, в мастерских крепости должно было работать значительное число ремесленников — гончаров, ткачей, мастеров по металлу, каменотесов, резчиков по кости и рогу, мастеров по изготовлению кунжутного масла, виноделов и др.

⁷¹ *Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 967.* (Определение профессора Ратгена.)

⁷² *Barnett. Iraq. XII. 1. 1950. Tab. 14.*

⁷³ *Сорокин В. С. Раскопки древнего поселения // Кармир-блур. II. С. 86.*

Из руды, доставлявшейся в Тейшебаини, выплавлялся металл, о чем говорят не только многочисленные слитки определенного вида, но и найденная в крепости каменная форма для отливки украшения-подвеска, свидетельствующие о существовании производства металлических изделий.

В двух помещениях цитадели было найдено большое количество распиленных кусков оленьего рога, разложенных соответственно качеству в разные кучки. Около этих заготовок были обнаружены мелкие изделия и железные пилки, которыми производилась распиловка рогов (рис. 31).

В помещении привратника около главных ворот цитадели, у лежанки, также были обнаружены два оленьих рога с отпиленными концами и незаконченные изделия. Это указывает, что резьбой по рогу занимались неспециалисты-ремесленники (в данном случае — сторож-привратник, работа которого была прервана штурмом).

В настоящее время мы не располагаем данными относительно положения ремесленников в Урартском государстве. В тексте глиняной таблички, найденной на Кармир-блуре в 1949 г., упоминается об отправке четырех поименованных ремесленников, но общий смысл текста остается все еще неясным.

Так же как и в других государствах Древнего Востока, в Урарту было значительное число ремесленников, захваченных в покоренных странах. Эти ремесленники находились либо на положении рабов, либо причислялись к урартам, т. е. были свободными. В легенде о постройке города Вана (Тушпы), приведенной Моисеем Хоренским, рассказывается, что Шамирам привела из Ассирии и подвластных ей стран «двенадцать тысяч простых работников и шесть тысяч мастеров, искусных резчиков по дереву, камню, меди и железу, знающих в совершенстве свое искусство». О таком угоне ремесленников из покоренных стран постоянно упоминают ассирийские тексты.

Можно надеяться, что дальнейшие археологические исследования урартских памятников откроют клинописные документы, которые осветят нам положение ремесленников в Урартском государстве.

XI

АРХИТЕКТУРА. КРЕПОСТНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

По всему обширному Армянскому нагорью разбросаны развалины урартских крепостей, немые свидетели былой мощи Ванского царства. Иногда на камнях их стен можно видеть клинообразные надписи, в которых рассказывается о постройке крепости и упоминается имя соорудившего ее царя. При непрочном государственном объединении, державшемся главным образом военной силой, крепости в Ванском царстве имели исключительное значение. Как на всем Древнем Востоке, урартские крупные поселения и города обносились крепостной стеной или имели сильно укрепленную цитадель, способную выдержать длительную осаду. Крепости были различного назначения: чаще всего они служили целям охраны местности и защиты населения, некоторые из них являлись административными центрами или базами для больших походов. В связи с различными назначениями тип самих крепостей и выбор места для них бывали различными.

В 1956 г. древние крепости Ванского района были обследованы Бэрнеем, давшим краткое описание многих из них с приложением схематических планов¹.

Охранные крепости сооружались на труднодоступных местах, на высоких холмах или утесах, господствующих над мест-

¹ Burney C. A. Urartian fortresses and towns in the Van Region // *Anatolian studies*. VII. 1957. P. 37–53.

ностью. Обычно для них выбирался выступ горного кряжа близ горной речки или родника, расположенного выше крепости, и вода по каменным или керамическим трубам подводилась к крепости. Нельзя забывать, что вопрос водоснабжения крепости был вопросом первостепенного значения.

Из числа урартских крепостей, расположенных на неприступном утесе, особенно интересна крепость Амкуберд на берегу оз. Ван, в 10 км западнее острова Лим. Прибрежный утес со всех сторон имеет крутые и обрывистые склоны, и расположенная на нем крепость была доступна только со стороны озера: над самой водой вырублен проход в крепость. Таким образом, при осаде враг мог штурмовать крепость только с озера, и то при помощи плотов или лодок. На труднодоступной скале, господствующей над окружающей местностью, была построена и крепость у сел. Аралеск², а также крепость на Ванской скале, цитадель города Тушпы, крепость на Топрах-кале (выступ Зымзымдага) и Цовинарская крепость на холме, перерезающем южный берег оз. Севан, между селениями Алучалу и Цовинар.

Крупные урартские поселения крепостного характера обычно занимали большую площадь, целиком или частично обнесенную стеной. Такого рода образцом является крепость Хайкаберд, занимавшая скалистый массив Болдага³. Вся территория крепости, расположенной на нескольких холмах, делится на две примыкающие друг к другу части, обнесенные стенами циклопической кладки (крепости I и II). Внутри стен различимы остатки круглых в плане жилищ из сырцового кирпича на каменном фундаменте, а в южной части крепости II находится большой земляной холм, образовавшийся от разрушенной постройки из сырцового кирпича.

Урартские крепости на окраинах Ванского царства, служившие административными центрами и местопребыванием урартских наместников с гарнизоном, обычно имели цитадель, отделенную мощной стеной от укрепленного поселения.

Таковы урартские крепости Закавказья: Арин-берд, Кармир-блур, Нор-Баязет, Цовинар. Некоторые большие крепости имели отдельные форты, вынесенные вперед⁴, служившие часто целям охраны воды, которой пользовалось население.

Урартские надписи дают немного названий различных построек, не всегда еще достоверно переводимых. Крепости Закавказья в урартских надписях детерминируются или знаком *город* («город бога Тейшебы» — Кармир-блур; «город бога Халди» — крепость у Нор-Баязета), или же знаком *дворец*, буквально «большой дом» (в надписи о постройке крепости Эребуни). Последнее обозначение крепостей часто встречается в текстах с описанием походов. Возможно, термином *город* назывались административно-хозяйственные центры, а идеограммой и детерминативом *дворец* — крепости военного назначения, в которых находился дворец урартского наместника.

² Belck W. Bauten und Bauart der Chalder // VBGAEU. 1895. S. 602; Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 623.

³ Lehmann-Haupt. Armenien. II. 1. S. 60–64.

⁴ Пиотровский Б. Б., Гюзальян Г. Т. Крепости Армении доурартского времени // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 5–6. С. 51.

До сооружения крепости выбранный для нее холм или скала подвергались специальной обработке. Путем возведения подпорных стенок закреплялись склоны холма. Этот способ предохранения холма от оползней и размыва приводил к тому, что склон крепостного холма превращался в ряд террас, защищенных стенами; это увеличивало вместе с тем полезную площадь, которую можно было использовать под постройки. Разрушение подпорных стен нередко приводило к катастрофе. Например, в крепости у сел. Согютлу, на западном склоне Арагаца, наблюдались сильные оползни и размывы холма, после того как местные жители разобрали подпорные стенки, которые не отличались особенной массивностью.

Перед постройкой стен крепости обычно производилось выравнивание площадки; если крепость строилась на скале, то в скале вырубались ступени или углубления для камней основания, специального фундамента крепости не имели. Чтобы предотвратить размыв стен, в скале высекался желоб для стока воды. Такие желоба сохранились на северном склоне Ванской скалы, на том же самом месте, где имеются ступени, на которых покоилась древняя стена. Если стена или башня сооружались на краю холма, то склон холма первоначально облицовывался камнем, и затем уже возводилась стена. Нижние части высоких стен Ванской цитадели представляют как раз такую облицовку обрыва скалы. Облицовка скалы, являвшаяся одновременно и подпорной стенкой, подведена и под угловую башню Цовинарской крепости (Бельк ошибочно считал, что высота башни 8 м, тогда как на самом деле она была значительно ниже).

Стены урартских крепостей обычно строились по прямой линии, они имели выступы, наподобие контрфорсов, и изгибы. Урартские крепости сооружались либо целиком из камня, либо из сырцового кирпича на каменном основании; второй способ был более распространен. При разрушении крепостей верхняя часть стены, сложенная из сырцового кирпича, быстро размывалась, и от стены оставалась лишь каменная кладка основания. Этим и объясняется, что большинство урартских крепостей в Закавказье имело невысокие, иногда менее 2 м, стены с очень ровной верхней линией. И совершенно очевидно, что в данных случаях перед нами не развалины крепостей, сооруженных из камня, а остатки каменного основания, на котором возводилась стена из сырцового кирпича.

Стены урартских крепостей были очень мощными; толщина их обычно превышала 3 м. Кладка состояла из двух рядов крупных камней с завалом из более мелких камней между этими рядами и сооружалась без связывающего материала. Стены иногда облицовывались тщательно обработанными камнями правильной формы или их поверхность покрывалась слоем глиняной обмазки. Остатки построек с облицовкой сохранились на вершине Армавирского холма. Хорошо отесанные базальтовые блоки лежали в основании цоколя стены на Арин-берде, а в Тейшебаини были открыты декоративные башенки и карнизы, сложенные из базальтовых блоков отличной отделки.

У западного подножия Ванской скалы находятся остатки древнейшей из известных урартских крепостей. Стена этого укрепления сложена из огромных известняковых глыб, правильно обработанных. Отдельные ее камни достигают 6 м длины при высоте 0,75 м. На стене сохранились три надписи на

ассирийском языке, рассказывающие о том, что эта крепость была построена царем Сардури, сыном Лутипри, правившим в середине IX в.

Величина камней и мощность кладки «стены Сардури», как обычно называют эту крепость, отражают характерную для всех урартских построек особенность — преувеличенный запас прочности.

Изучая урартские постройки различного времени, можно наблюдать тенденцию уменьшения размера камней (например в Закавказье). Здесь стены наиболее древних крепостей сложены из огромных камней циклопической кладкой, тогда как поздние крепости — из сравнительно мелких камней. Следует иметь в виду, что размер камней крепостных стен стоял также в зависимости от мощности всего сооружения, но это обстоятельство, однако, не противоречит общей тенденции уменьшения их размеров с течением времени.

Характерным образцом урартского крепостного строительства служит крепость на Ванской скале. Стены этой крепости были целиком сложены из камня, причем облицовка их состояла из больших камней, хорошо отесанных; при кладке стены тщательно соблюдался прием перевязки швов, так же как и в постройках из кирпича. Линия стены крепости на Ванской скале не была прямой, она разбивалась выступами, наподобие контрфорсов или ложных башен, без помещений внутри их. Ассирийские изображения дают нам материал для реконструкции урартских крепостей, особенно верхней их части, увенчанной зубцами. Каменные зубцы известны и по Ванской цитадели.

Из урартских памятников архитектуры лучше изученной считается цитадель города Тейшебаини⁵. Громадная постройка занимала площадь около четырех гектаров и состояла из 120–150 помещений.

Северный и восточный фасады здания, примыкавшего к обрывистым склонам холма, имели неправильную, уступчатую в плане форму, соответственно поверхности Кармир-блур. Западный фасад выходил на просторный, огражденный крепостной стеной двор, имевший два входа — один в южной части, а другой в северо-западной. Основной вход представлял хорошо укрепленные ворота с двумя большими башнями по сторонам въезда и внутренним помещением, а второй, расположенный у северо-западного угла цитадели, состоял из небольших ворот, через которые свободно могла проехать повозка, и узкой калитки для пешеходов. Проем первых ворот был вымощен громадными, неправильной формы каменными плитами, а вторых — булыжником и галечником.

Стены цитадели, возведенные с преувеличенным запасом прочности, сложены из крупных сырцовых кирпичей на цоколе высотой около 2 м, сооруженном из огромных грубо обработанных камней. Камни цоколя, уложенные без раствора, были покрыты сверху глиняной обмазкой. Толщина внешней стены достигала 3,5 м, а внутренних стен — 2,1 м.

Здание, соответственно строительному материалу, имело прямолинейные формы; линия фасада разбивалась контрфорсами, а по углам цитадели стояли массивные башни. Высота стен в различных частях была разной, от 6 до 12 м, так как все здание, в связи с рельефом холма, имело уступчатую форму.

⁵ Кармир-блур. IV; *Оганесян К. Л.* Исследование архитектуры урартского города Тейшебаини: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ереванский политехнический ин-т. 1953.

Окна устраивались, по-видимому, в верхней части стены, под самым перекрытием, как это видно и на ассирийских изображениях урартских зданий, в частности на рельефе из дворца Саргона со сценой взятия Мусасира.

Полы в помещениях были на разном уровне, и из одной комнаты в смежную можно было попасть при помощи лестницы, деревянной или кирпичной, а иногда и пандуса — земляной наклонной насыпи. Соответственно ступенчатой форме здания окна комнат одного уступа выходили на крышу комнат второго уступа. Кроме того, для лучшего освещения центральных комнат устраивались также световые колодцы. Внутреннего большого двора, обычного в ассирийских дворцовых постройках, в цитадели на Кармир-блуре не было.

Около цитадели Тейшебаини, к югу и юго-западу от нее, располагался город, занимавший большую территорию и частично огражденный стеной. Город был построен по намеченному плану, имел длинные и широкие улицы, по сторонам которых тянулись кварталы жилищ. Исследованные кварталы состояли не из отдельных домов, а представляли постройку, в которой под общей крышей находилось несколько однотипных жилищ. Каждое — из открытого или полуоткрытого двора и двух жилых помещений. Вся постройка выполнялась из камня, без применения сырцовых кирпичей. Для отдельных ее частей, требующих более тщательной обработки, — баз для деревянных столбов, держащих кровлю, пяточных камней для оси двери и отдельных предметов хозяйственного или ремесленного назначения — употреблялся туф, совершенно не применявшийся при сооружении цитадели. По архитектурным формам и строительным приемам постройки города существенно отличались от здания на холме. В то время как цитадель была сооружением, характерным для архитектуры государств Месопотамии и восточной части Малой Азии, широко использовавших в строительстве сырцовый кирпич, город, по-видимому, представлял образец закавказской строительной техники начала I тысячелетия до н. э. Таким образом, город, по типу и планировке повторявший древневосточные города, был построен с применением местной строительной техники и, по всей вероятности, силами подчиненного, возможно пригнанного, населения.

ПАМЯТНИКИ УРАРТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Урартские каменные постройки сохранились в сильно разрушенном виде, да, кроме того, большинство этих развалин находится еще под землей.

Во время археологических работ на Топрах-кале в 1879–1880 гг. были раскопаны развалины храма, расположенного в северной части крепости.

Раскопки открыли нижние части стен, сложенных из крупных, хорошо отесанных блоков светло- и темно-серого камня, чередовавшихся в шахматном порядке⁶. Позднее эти стены были по камням растащены местными жителями, и германская экспедиция обнаружила только один фундамент постройки.

⁶ *Rassam H. Asshur and the land of Nimrod. New York, 1879. P. 377; Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 458–459.*

Фундаментом храма служила платформа высотой от 0,5 до 4,5 м, сложенная из крупных камней, обработанных рустовкой. Такая техника обработки камня встречается и в урартских постройках Армавира (Аргиштихинили).

По размерам храм на Топрах-кале был небольшим, длина платформы равнялась всего 21 м, а ширина 13,5 м.

Остатки стен, обнаруженные при раскопках, не дали возможности реконструировать храм, и о внешнем виде урартских храмов мы можем судить только по изображению на рельефе из дворца Саргона (сцена разграбления ассирийцами храма бога Халди в Мусасире)⁷.

Трудно определить время постройки Мусасирского храма, но из указания Луврской таблички о том, что в храме находилась статуя Сардури, сына Ишпуини, можно заключить, что Мусасирский храм уже существовал в конце IX или в начале VIII в. Очень вероятно, что он был сооружен в конце IX в. братом Сардури, урартским царем Менуа, присоединившим Мусасир к урартским владениям еще в начале своего правления, о чем говорится в двуязычном тексте Келяшинской стелы.

Архитектурные формы храма бога Халди в Мусасире представляют исключительный интерес. Они совершенно отличны от известных нам месопотамских, ассирийских и вавилонских форм храмов.

Храм сооружен на высокой платформе (четверть общей высоты здания); на платформу вела лестница, которая на рельефе была отмечена, по-видимому, краской и потому не сохранилась. Храм имел двускатную крышу с высоким фронтоном, увенчанным изображением копья. Невысокая дверь, вход в храм, расположена в центре фасада, по сторонам входа помещались два больших копья и две статуи в молитвенной позе.

Фасад украшен шестью столбами или колоннами без капителей и баз, но с поперечными валиками. По изображению нельзя решить, были колонны храма в сечении круглыми, прямоугольными или представляли пилястры. Первое предположение более правдоподобно и вероятно. До нас дошло большое количество отдельных частей урартских колонн, всегда имеющих круг в сечении; квадратное или прямоугольное сечение не встречалось ни разу.

Из центра Урарту и из его окраинных областей происходят базы колонн, части стержней и капители, причем древнейшие из них, с именем Ишпуини, сына Сардури, относятся к IX в. В Закавказье (район Армавира) были обнаружены две базы колонн с посвятельными надписями Аргишти, сына Менуа. Урартские колонны составлялись из отдельных частей — базы, капители и нескольких барабанов ствола. Каждая часть имела сверху углубление, а внизу выступ, так как при установке колонн верхний барабан вставлялся в нижний. Никаких металлических скреп, по-видимому, не существовало. Поперечные валики на колоннах Мусасирского храма, быть может, передают декоративно отмеченные швы на месте скрепления отдельных частей стержня.

Стены храма были украшены круглыми щитами, с сильно выступающей средней частью, помещенными как на колоннах, так и в простенках между ними.

⁷ Botta P. E., Flandin E. Monument de Ninive. II. Paris, 1849. Tabl. 141.

Эти декоративные щиты, по форме совпадающие со щитами, найденными на Топрах-кале и Кармир-блуре, подробно описываются в тексте Луврской таблички, где отмечаются также и скульптуры из бронзы, поставленные перед храмом.

Уже с первого взгляда устанавливается связь Мусасирского храма с некоторыми архитектурными памятниками Малой Азии, с прототипами классических древнегреческих храмов.

Храм в Мусасире, таким образом, открывает нам неизвестные страницы истории архитектуры Передней Азии, представляя древнейший из известных типов храма с фронтоном и колоннадой, который лег в основу античной архитектуры.

Леман-Гаупт совершенно справедливо связывал Мусасирский храм с памятниками Пафлагонии⁸, а Герцфельд указывал на то, что фронтон храма, украшенный геометрическим узором, напоминает фригийские образцы⁹.

Связи малоазийского искусства с урартским не ограничиваются лишь Мусасирским храмом. В частности, довольно давно было отмечено, что капители колонн ионийского стиля имеют декоративные элементы, сходные с урартскими. Так, характерный для Ионии орнаментальный мотив «овы» (kymation), представляющий стилизованный венец из листьев, свой реалистический облик сохранил в урартском искусстве, но не на архитектурных памятниках, а на металлических изделиях¹⁰. Тут следует отметить одну чрезвычайно характерную особенность урартской архитектуры — незначительную роль орнаментации в камне. Все дошедшие до нас обломки и части урартских колонн лишены какой бы то ни было резьбы по камню. Скульптура не была органически связана с архитектурой. И даже в пещерных помещениях, где резьбе был предоставлен широкий простор, этот вид искусства не получил своего развития. Помещения, высеченные в скалах, имеют на стенах лишь несложные декоративные изображения, тесно связанные с формой сооружения или же имитирующие особенности наземных построек, которые служили образцом для оформления пещерных помещений.

Урартские архитектурные памятники украшались или металлическими предметами (как щиты и статуи), не имеющими органической связи с архитектурой, или разноцветной каменной инкрустацией.

Вопрос цвета в урартской архитектуре, по-видимому, имел большое значение. Выше было указано, что храм на Топрах-кале был построен из разноцветного камня. Моисей Хоренский, приводя легенду о постройке города Вана царицей Шамирам, говорит о роскошных зданиях, разукрашенных различными красками и разноцветными камнями.

Об искусстве использования в декоративных целях цветного камня свидетельствует другой архитектурный памятник, открытый на Топрах-кале. Около него находились развалины какого-то здания, возможно дворца, построенного из сырцового кирпича, с остатками каменного пола и стеной панели, укра-

⁸ *Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 577.*

⁹ *Sarre F., Herzfeld E. Iranische Felsreliefs. Berlin, 1910. S. 8.*

¹⁰ *Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 483, 484.*

шенными каменной инкрустацией¹¹. В светлых и темных плитах пола вырезались круглые лунки, куда вставлялись концентрические кольца из разноцветного камня: черного, темно-красного и белого. В центре колец помещалась коническая вставка плоским основанием вверх, которая закреплялась посредством металлического штифта. Наряду с инкрустацией этого типа в том же здании обнаружены прямоугольные и фигурные вставки. Сложный узор составлялся также из комбинации вставок «ласточкин хвост» и ромбов¹².

Раскопки на Арин-берде и на Кармир-блуре свидетельствуют о том, что в урартской архитектуре и роспись стен имела широкое распространение.

При разведочных раскопках 1950 г. одного из разрушенных помещений на Арин-берде удалось обнаружить остатки замечательных росписей, выполненных в основном синей и красной красками по белому фону стен. Раскопки в южной части помещения позволили установить последовательность орнаментальных элементов. В верхней части стены, на выступающем вперед карнизе, располагались круги с вписанными в них многолучевыми звездами. Ниже шел ряд пальметок характерного ассирийского типа, с чередованием синих и красных цветов, а под ним полоса, заполненная рядом ступенчатых башенок, также обычных в ассирийских росписях. Под этими тремя орнаментальными рядами шел неширокий фриз, заполненный фигурками бычков и баранов, а еще ниже роспись, изображающая священные деревья со стоящими по их сторонам божествами. По форме деревья близки к изображениям деревьев на шлемах Аргишти и Сардури, но выполнены они гораздо схематичнее; синей краской отмечены внешний контур, ствол и ветви, оканчивающиеся круглыми плодами. Фигуры божеств также напоминают изображенных на шлемах; они безбородые и бескрылые, в руках держат плод и корзину. Ниже этого фриза были помещены более крупные изображения божеств (например божество на льве, обнаруженное в 1952 г.).

На Кармир-блуре в 1949 г., в кладовой № 25, были найдены обломки росписей, по всей вероятности, украшавших помещения верхнего этажа. Небольшие обломки глиняной обмазки стен с росписью содержат орнаментальные мотивы (круги с вписанными в них крестами, перекрещенные полосы, связанные кругами с розетками в центрах, части фигур крылатых божеств — лицо, части крыльев и платья и обломки дисков с отходящими лучами, на концах которых помещены пальметки и гранатовые яблоки). По-видимому, около этих дисков с обеих сторон и были помещены коленопреклоненные фигуры крылатых божеств.

От сильного пожара, возникшего во время штурма Тейшебаини, изменился цвет росписей, но исследования, произведенные В. Н. Кононовым, позволяют дать реконструкцию красок. Роспись выполнялась на белом фоне, создаваемом огнестойкой белой глиной (каолин), нанесенной толстым слоем. Для прорисовки контуров росписи и для нанесения вспомогательной сетки применялась черная краска (сажа), также не изменяющаяся при высокой температуре. Из природных минеральных красок для росписей использовались две красные

¹¹ *Lehmann-Haupt. Materialien. S. 72–74; Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 551; Пуотровский Б. Б. Урарту, древнейшее государство Закавказья. Л., 1939. Рис. 17.*

¹² *Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 552–553.*

краски: одна — ярко-красная, богатая железом красная охра, потерявшая при высокой температуре в пожаре яркость и приобретшая красно-коричневый тон, и другая красная краска, более светлая, чем первая, перешедшая под влиянием температуры в тусклую красную краску.

Синей краской была замешанная на клёсу фритовая лазурь (толченая смальта), широко применявшаяся в Древнем Египте и в Ассирии. На росписях из Арин-берда синяя краска сохранилась в виде осыпающегося порошка, так как клеящее вещество уже разложилось.

На Кармир-блуре были найдены комки ярко-синей краски, замешанной на глине; такой же порошок обнаружен при раскопках 1916 г. на Топрах-кале в обломке сосуда.

На Древнем Востоке стенная роспись была широко распространена, образцами ее могут служить ассирийские памятники. Во дворце в Кар-Тукулти-Нинурта (XIII в. до н. э.) роспись стен выполнена так же, как и урартская, синей и красной красками по белому фону¹³. Наряду с разнообразными орнаментальными мотивами там имелись изображения священных деревьев, со стоящими по их сторонам крылатыми божествами с птичьей головой.

Остатки росписей были обнаружены и при раскопках дворцов ассирийских царей Ашурнасирпала и Саргона в середине прошлого столетия, но там богатые каменные рельефы, украшавшие стены парадных залов, отвлекли внимание от росписей, расчистка и фиксация которых неизмеримо сложнее, чем расчистка и зарисовка каменных рельефов; вследствие этого о росписях ассирийских дворцов IX–VIII вв. мы располагаем лишь отрывочными сведениями и отдельными публикациями¹⁴. При последних раскопках в Дур-Шаррукине, в здании к юго-востоку от храма Набу (в помещении № 2 здания К), были обнаружены остатки стенной росписи, выполненной синей, красной и черной красками по белому фону¹⁵. Сохранились части росписи — громадные, в два раза превышающие человеческий рост, фигуры бога Ашура и стоящих перед ним царя Саргона с приближенными. Вся группа была обрамлена орнаментальным фризом и фигурами крылатых божеств, стоящих над дисками, подобными помещенным на архивольтах ворот в основном дворце Саргона. Панель стены, ниже этой группы, расписанная на высоту около 6 м, содержала три фриза изображений, разделенных орнаментальными полосами. Центральный фриз состоял из фигур быков, попарно помещенных перед дисками, обрамленными дугообразными линиями. Верхний и нижний фризы были заполнены фигурами коленопреклоненных крылатых божеств с плодом в правой руке, с корзиной — в левой, стоящими перед дисками, которые заменены в композиции священными деревьями.

Прекрасные образцы ассирийских стальных росписей были открыты и при раскопках дворца ассирийского наместника в Тил-Барсибе, на Евфрате. Кроме целых сцен: приношение даров, привод пленных и царская охота, — там име-

¹³ *Andrae W.* *Fabrique Keramik aus Assur.* Berlin, 1923. Taf. 3.

¹⁴ *Contentau G.* *Manuel l'archéologie orientale, depuis les origines jusqu'à l'époque d' Alexandre, III.* Paris, 1931. P. 1324.

¹⁵ *Loud G., Altman Ch.* *Khorsabad. II.* Cambridge, Mass., 1939. Pl. 89.

лись также декоративные панно, на которых были изображены хорошо известные по ассирийским росписям фигуры быков, козлов и коленапреклоненных крылатых божеств, помещенных перед дисками. В Тил-Барсибе божества представлены безбородыми фигурами, держащими в руках не плод и корзину, а цветы¹⁶.

Раскопки в Тил-Барсибе указывают на то, что на окраинах Ассирийского царства в дворцовых постройках каменные раскрашенные рельефы заменялись стенными росписями.

На основании археологического материала мы еще не можем судить о внешнем виде построек, украшавших некогда столицу Ванского царства — город Тушпу. Моисей Хоренский (I, 16) рассказывает о том, что в Ване существовали роскошные здания в два и в три этажа. Одно из таких именно зданий изображает крупная бронзовая пластинка с Топрах-кале¹⁷. Фасад трехэтажного здания расчленен на две части, причем каждая из них имеет самостоятельный вход с закругленным верхом. Верхняя часть изображенного здания снабжена зубцами сложной ступенчатой формы, под которыми находится орнаментальный пояс с узорами из мелких треугольников. С этой бронзовой пластинкой связано и изображение башенки, также увенчанной зубцами (рис. 84). Это здание, построенное, вероятно, из кирпича, отличается от Мусасирского храма и имеет характернейшие черты архитектуры Месопотамии.

Такие же архитектурные формы имеет и цитадель на Кармир-блуре. Высокие отвесные стены, покрытые глиняной обмазкой, расчлененные контрфорсами и имеющие угловые башни, напоминают по внешнему виду оборонительные сооружения крупных ассирийских городов.

Убранство внутренних помещений Кармир-блурской цитадели было очень простым; большинство комнат имело глиняную обмазку, иногда в виде декоративной имитации кирпичей. Некоторые помещения украшались многоцветными коврами, циновками и висящими на стенах крупными бронзовыми предметами.

Вероятно, при дальнейших работах будут еще открыты урартские постройки со стенными росписями и украшениями из глазурованных кирпичей.

Панели с рельефами, подобные найденным в ассирийских дворцах, в Урарту неизвестны, хотя существование их вполне вероятно, на что указывают и обломки фриза из красного мрамора с резными изображениями, украшавшего некогда стены здания, находившегося в юго-восточной части древней крепости на Топрах-кале. Историки ассирийского искусства не раз уже указывали на то, что стенные рельефы, характерные памятники ассирийского искусства, тесно связаны с искусством так называемых горных народов Передней Азии, влияние которых отчетливо заметно и в культуре Ванского царства.

¹⁶ Thureau-Dangin F., Dunand M. Til-Barsib. I—II. Paris, 1936. Tabl. XVI.

¹⁷ Herzfeld E. Archaeological history of Iran. London, 1935. P. 8; Лунч Х. Ф. Б. Армения. II. Тифлис, 1910. Рис. 125.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА

В Урарту, как мы видели выше, существовали два основных вида строений, различающихся по стилю, — строения из отесанного камня и строения из сырцового кирпича. Первый вид зодчества, по-видимому, был связан с горными областями Малой Азии, второй же — со странами Месопотамии.

В Передней Азии с древнейших времен, начиная с энеолита, в строительстве применялся кирпич из глины, высушенный на солнце.

Как показывают археологические исследования урартских поселений и крепостей, постройки из сырцового кирпича были самым распространенным видом строительства, что отчетливо видно после раскопок на Топрах-кале, в Хайкаберде, на Арин-берде и на Кармир-блуре. Во всех этих местах, наряду с остатками сооружений из камней, имеется огромное количество развалин строений из кирпича.

Урартские кирпичи бывали различных размеров; в большинстве случаев они имели прямоугольную форму, но для перевязки швов в ряд прямоугольных кирпичей, в разной последовательности, клались кирпичи квадратной формы. В цитадели Тейшебаини прямоугольные кирпичи имели размеры: $51,8 \times 35 \times 14$ см, а квадратные: $51,8 \times 51,8 \times 14$ см. В основе размеров этих кирпичей лежал урартский локоть, равный 51,8 см.

В цитадели Эребуни кирпичи были иного стандарта. Их длина (47,4 см), по мнению К. Л. Оганесяна, указывает на другую единицу урартской линейной меры. Соответственно размерам кирпичей внешняя стена цитадели Тейшебаини достигала 3,5 м, т. е. возводилась в десять рядов кирпичей, а внутренняя — 2,1 м, — равнялась шести рядам. Урартские кирпичи отличались по форме и размерам от обычных ассирийских квадратных кирпичей со сторонами от 0,32–0,38 м при толщине в 0,06–0,10 м; более крупные ассирийские кирпичи применялись при сооружении платформы зданий, но и они по длине не превышали 0,44 м. Урарты при изготовлении кирпичей в глину примешивали рубленую солому, остатки которой хорошо видны в постройках Тейшебаини и Эребуни, пользовались деревянными формами; штампы с иероглифическими или клинообразными знаками, характерные для месопотамских кирпичей, на урартских кирпичах не обнаружены, но иногда попадаются какие-то знаки, видимо, прочерченные пальцем по сырой глине.

Работы по строительству из сырцового кирпича были сезонными, производились они обычно в самый разгар лета. Из ассирийских текстов известно, что в жаркий месяц Сиван приступали к выделке кирпичей, а в месяц Аб, «укрепляющем фундаменты», — к сооружению построек.

Строения в большинстве случаев возводились с преувеличенным запасом прочности, что указывает на отсутствие архитектурных расчетов.

В некоторых случаях первоначально изготовлялась модель здания; возможно, что эти модели и изображены в ассирийских дворцах в сценах приношения даров. Там среди драгоценной утвари, оружия, мебели мы видим небольшие «крепости», умещающиеся на ладони. Вероятно, подношение этих моделей одновременно служило знаком выражения покорности, сдачи крепости.

Для сложных построек составлялись также планы с указанием размеров отдельных частей сооружения. Среди древних памятников Месопотамии до нас дошло несколько образцов таких планов.

В шумерском городе Лагаше (середина III тысячелетия до н. э.) были открыты две каменные статуи правителя Лагаша, Гудеа, изображавшие его в виде архитектора. На коленях статуй показаны резцы для нанесения изображений и линейки, а также план сложного крепостного сооружения. Линейка с делениями на коленях Гудеа представляет меру длины (локоть), разделенную на 16 частей; пять из них имеют более дробные деления (от двух до шести), самое мелкое деление — $\frac{1}{96}$ локтя. В нижней части линейки это деление, в свою очередь, разделено на две и на три части, воспроизводя, таким образом, $\frac{1}{288}$ часть локтя¹⁸.

Древнемесопотамские архитектурные планы сохранились и на глиняных табличках различного времени; на некоторых из них клинописью обозначены размеры отдельных частей построек.

Но надо заметить, что эти архитектурные планы никогда не выполнялись в масштабе, а представляли лишь схематический, эскизный план строения. Вероятно, дальнейшие археологические работы на территории Ванского царства дадут нам и урартские планы этого же типа, так как перед постройкой производилась разбивка площади. И тогда при изучении остатков урартского строительства можно будет установить размер основной древней меры длины — локтя.

При обследовании Кармир-блур архитектор А. В. Сивков обратил внимание на то, что все тесаные камни имеют одинаковую высоту [примерно 0,52 (0,518) м] и равняются длине кирпичей. Это совпадение дало повод А. В. Сивкову предположить, что камни и кирпичи соответствуют величине урартской единицы измерения¹⁹. Многочисленные промеры отдельных основных частей построек (длина и ширина комнат, размеры выступов и др.) дали цифры, кратные 0,52 (0,518) м, доказывая таким образом, что урартский локоть был близок по длине к ниппурскому (0,518 м). Это наблюдение подтверждается и тем, что ниша «Дверь Мхера», один из основных культовых урартских памятников, в высоту имела 5,18 м, т. е. ровно десять локтей.

Особенно ценны результаты наблюдений А. В. Сивкова, установившего, что одна из основных линейных мер древнеармянских архитектурных памятников оказалась очень близкой к урартской: 0,518–0,525 м. Этим хорошо подтверждается культурная преемственная связь Армении и Урарту.

Кладка стен урартских построек обычно была массивной и состояла из нескольких рядов кирпичей.

Перекрытия строений делались в виде бревенчатого наката, засыпанного сверху землей. Потолок подземного помещения на Топрах-кале подтверждает именно эту технику перекрытия, там можно различить изображения как несущего бревна, так и наката.

¹⁸ Пиотровский Б. Б., Флиттнер Н. Д. Техника древнего Двуречья // Очерки по истории техники Древнего Востока. М.; Л., 1940. С. 52–53.

¹⁹ Сивков А. В. Об основных линейных мерах Урарту и древней Армении // Изв. Акад. наук АрмССР. 1944. № 1–2. С. 83–88.

В Луврском тексте рассказывается о том, что Руса в городе Улху выстроил дворец и потолок его соорудил из кипарисовых балок, дававших прекрасный запах, и когда ассирийские войска вступили в Улху, то они дворец разрушили, а длинные кипарисовые стволы перекрытия обтесали топорами и отправили вместе с другой добычей в Ассирию²⁰.

Материалы из раскопок Кармир-блур, обработанные архитектором К. Л. Оганесяном, позволили реконструировать две системы потолочных перекрытий, доживших в Армении до наших дней. Для них использовались балки из сосны, тополя, дуба и, редко, бука (определения А. А. Яценко-Хмелевского). Потолок первого типа состоял из стесанных с одной стороны балок, плотно положенных друг подле друга, поверх которых укладывались слой камыша, затем сучья и второй слой камыша; верхняя же часть потолка, т. е. поверхность крыши, состояла из плотно утрамбованной земли. Потолок второго типа отличался от первого только тем, что в нем сплошное бревенчатое перекрытие было заменено клеткой из поперечных балок и продольных жердей, через которые был виден нижний слой тростника. Такой потолок был в кладовых для вина, исследованных в 1949–1950 гг.

Но наряду с таким плоским перекрытием существовали также перекрытия коробовым сводом, представление о которых дают большие комнаты пещерных помещений «Ичкала» и «Нафт-кую» (Ванская скала). Это нас не должно удивлять, так как в Ассирии арки и сводчатые перекрытия не были редкостью.

Ассирийские своды, согласно Страбону, вследствие недостатка дерева выполнялись без применения кружала. Сущность этого способа заключалась в том, что свод возводился из отдельных отрезков, клавшихся наклонно и опиравшихся на щековую стену (т. е. отдельными наклонными арками).

Дверные проемы урартских построек иногда также имели арочные перекрытия. Сами же двери были деревянными, одностворчатыми или двустворчатыми, и обшивались металлическими пластинами. В надписях во дворце Саргона рассказывается, что двери были изготовлены из кипарисового и пальмового дерева, обшитого блестящей медью. Опорами дверей служили базальтовые блоки с углублением для дверной оси. А в помещениях цитадели Тейшебаини в проемах не были обнаружены углубления для дверной оси. По-видимому, в проем вставлялась деревянная рама, в которой дверь закреплялась, но рамы эти погибли при пожаре. И только в помещении № 28 (раскопки 1948 г.) были найдены остатки деревянной двери из толстых досок, скрепленных поперечными брусками и деревянными гвоздями. Около двери лежала часть запора, железная накладная петля, а в стену была вставлена балка с отверстием для задвижки.

Пол в помещениях цитадели в большинстве случаев земляной, утрамбованный, а в некоторых комнатах сложен из крупных сырцовых кирпичей, покрытых сверху слоем глины. В одном из помещений (№ 1) на такой обмазке были отчетливо видны отпечатки пальцев людей, выравнивавших поверхность пола.

²⁰ Meissner B. Die Eroberung der Stadt Ulhu auf Sargons 8. Feldzug // ZA. XXXIV. 1922. Zeilen 211 und 217.

ПОМЕЩЕНИЯ, ВЫСЕЧЕННЫЕ В СКАЛАХ

Мастерство обработки камня в значительной степени было обусловлено жизнью урартов среди скалистых гор. Урартам постоянно приходилось врубаться в скалы, проводя в горах дороги или каналы, отвоевываая участки, пригодные для земледелия и строительства.

На Армянском нагорье почти на каждом шагу можно встретить следы изумительной работы древних каменотесов. Большие сглаженные поверхности скал, высеченные площадки, лестницы, террасы для насаждений (как в крепостях Бостанкая и Мазгерда) и гигантские ступени, достигающие иногда одного метра высоты, красноречиво свидетельствуют о том, что работа над камнем была для урартов привычной. Огромные ступени вызвали в научной литературе ряд разноречивых мнений, получив даже название «иррациональные лестницы».

Леонард, изучивший подобные памятники в Пафлагонии, высказывал предположение, что эти ступени имели культовое значение и считались ступенями лестниц, ведущих к трону божества, находящегося на горе. Леман-Гаупт разделял мнение Леонарда, хотя некоторым памятникам этого рода он приписывал и практическое значение²¹.

Изучение древних крепостей показывает, что эти ступени имели в большинстве случаев строительное значение: на них возводилась кладка стен крепости или укладывались камни облицовки. Таково назначение ступеней Ванской скалы, Топрах-кале и Хайкаберда. И. А. Орбели по этому поводу писал: «Если же стену предстояло класть на склоне горы, то высекались соответственные ступени в виде лестницы, для каждого ряда кладки по ступеньке, то в ширину всего ряда кладки, то весьма узкие, так что камень ложился на ступень только одним своим краем; вследствие этого склоны всех трех указанных возвышенных пунктов — Топрах-кале, пожалуй, менее других — сплошь покрыты такими ступенями, которые на южной стороне Ванской скалы тянутся на головокружительной высоте; тут, кстати, над самым обрывом видна и халдская башня, еще стоящая на этих ступенях; ступени прекрасно видны и на северном склоне скалы Ванской цитадели, в этой части особенно пострадавшей. Эти ступени — ценный материал, на основании которого можно восстановить и направление стен и их конструкцию»²².

Если эти высеченные в скалах лестницы, оказывается, имели строительное назначение, то к памятникам культового характера можно отнести ниши, высеченные в скале, на внутренней поверхности которых вырезался клинописный текст религиозного или реляционного содержания. Эти ниши назывались урартами «воротами бога» и обозначались в клинописи идеограммой *ворота*²³. Они бывали больших размеров. Так, знаменитая ниша «Дверь Мхера», содержащая религиозный текст Ишпуини и Менуа, как уже указывалось, достигала высоты

²¹ *Lehmann-Haupt*. Armenien. II. 2. P. 624.

²² *Март Н. Я., Орбели И. А.* Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Пг., 1922. С. 10.

²³ Ср. надписи 16 и 18 (C1Ch); в первом случае слово «надпись» передано идеограммой *VAB*, во втором — фонетически *susie*.

51,8 м; к ней вела лестница, а у подножия скалы было устроено подземное помещение культового назначения.

В горах между озерами Ван и Урмия, неподалеку от сел. Салхане, на р. Каперсу, находится вторая ниша этих же урартских царей («Дверь Ашрута»), также с религиозным текстом; она имеет вид прямоугольника высотой 4,10 м и шириной 2,61 м; к нише ведет лестница из семи ступеней²⁴.

В Мазгердской крепости, в нише, где помещена клинообразная надпись Русы II, есть дверь, ведущая в обширное помещение, высеченное в скале²⁵. Надо указать, что ниша в Мазгерде не прямоугольной формы, а имеет в верхней части закругление, в чем усматривалось западное влияние²⁶. Но для такого предположения у нас нет никаких оснований, так как полуциркульную арку имело здание, изображенное на бронзовой пластинке, а также ниши северного склона Ванской скалы, в которых были установлены каменные стелы с летописью Сардури, сына Аргишти. По своим размерам эти памятники были очень внушительными: правая ниша со стелой достигает 8,19 м высоты при ширине 2,52 м, а левая, без стелы, имела высоту около 6,50 м и ширину 2,74 м.

Среди урартских памятников, связанных с обработкой скал, особой славой пользуются искусственные пещеры и обширные помещения, высеченные в Ванской скале. Подробное описание их было приведено еще Шульцем, а план Хорхорской пещеры опубликован Лэйардом. Много внимания помещениям Ванской скалы уделили в своих записках о путешествии Тозер и Мюллер-Симонис²⁷. Планы и разрезы основных пещерных помещений приведены Леман-Гауптом²⁸, но они очень неточны. Искажены не только высоты отдельных комнат, но и их расположение; описание, сопровождающее чертежи, также содержит неправильности, объясняемые тем, что Леман-Гаупт при выполнении чертежей и описаний пользовался чужими обмерами и сведениями. В 1916 г., во время работ экспедиции Русского археологического общества в Ване, архитектор П. Е. Княгницкий произвел детальные обмеры всех помещений, высеченных в Ванской скале²⁹. Планы и разрезы искусственных пещер, приводимые мной, выполненные на основании этих очень точных обмеров, дают не только новый материал, но и в значительной мере уточняют и корректируют ранее известный.

Наиболее замечательные искусственные пещеры находятся на южной стороне Ванской скалы. В юго-западной ее части расположена группа из трех помещений, высеченных в скале, известная как «Хорхорские пещеры», а в научной литературе называемая «комнатами Аргишти». С верхней площадки скалы к пещерам вела лестница, ныне сильно разрушенная.

Первое из помещений этой группы представляет небольшой грот с каменной скамьей, из которого открывается вид на южное и юго-восточное побережье Ванского озера.

²⁴ Müller D. H. Die Keilinschrift von Aschut-Darga // DWA. XXXVI. 1888. Tabl. II, III.

²⁵ Lehmann-Haupt. Materialien. S. 70.

²⁶ Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 627.

²⁷ Tozer F. H. Turkish Armenia and Eastern Asia Minor. London, 1881. S. 347; Müller-Simonis, Hyvernat K. Du Caucase au golfe Persique. Paris; Lyon, 1892. P. 246.

²⁸ Lehmann-Haupt. Armenien. II. I. S. 120–132; 143–153.

²⁹ Материалы П. Е. Княгницкого обработаны архитектором А. В. Сивковым.

Справа от входа в грот скала тщательно сглажена и имеет довольно глубокую нишу, в которой некогда находилась плита из камня или металла, покрытая клинописью. Возможно, текст этой плиты был началом большой клинообразной надписи, высеченной на скале справа от ниши. Надпись, составляющая восемь столбцов, является одним из важнейших урартских эпиграфических текстов; она содержит описание событий четырнадцати лет царствования Аргишти, сына Менуа (так называемая Хорхорская летопись). Три столбца надписи помещены на скале, над лестницей, ведущей к главной пещере, а остальные пять — ниже, перед пещерой и над входом в нее.

Эстампаж с этой большой и труднодоступной надписи был снят впервые Дейроллем еще в 1870 г.

Вход, обрамленный текстом летописи, ведет в обширный, высеченный в скале зал (рис. 119) вышиной 3,5 м, с плоским потолком, около 10,5 м длины и 6 м ширины. Стены зала имеют десять ниш, наподобие окон, и вырезанные фигуры (глубиной 0,01 м) в виде квадратов с вогнутыми во внутрь сторонами (шириной 0,31 м), с глубокими углублениями в центре, которые были, вероятно, заполнены плитками из цветного камня или металла; высказывалось также предположение, что в углубления вставлялись металлические светильники.

В левом углу длинной стены высечены ступеньки, служившие, по мнению Шульца, для размещения каких-то предметов. В полу, около средней части стены, под двумя нишами, имеются два углубления (глубиной 0,02–0,03 м), первое — прямоугольное (2,07 × 2,60 м), второе — квадратное (со сторонами 1,11 м).

К большому залу примыкают четыре комнаты, не связанные друг с другом и имеющие в стенах ниши, подобные тем, что в центральном зале.

В северо-западной комнате обнаружен колодец, забитый щебнем. Было высказано предположение, что он был подземным ходом к воде или же связывал помещение с третьей из Хорхорских пещер, находящейся непосредственно под большой пещерой. К малой Хорхорской пещере вела лестница, начинавшаяся от грота, ныне почти совершенно разрушенная. Малая Хорхорская пещера (рис. 120) состоит из продолговатого зала длиной 2,68 м, шириной 2,90–3,09 м и высотой около 2,10 м. В северной стене зала высечены четыре крупные ниши, пол которых возвышается над полом основного помещения примерно на 0,20 м.

Из всех пещер Ванской скалы верхняя Хорхорская пещера пользовалась наибольшей известностью, ее подробно описали Шульц и Лэйард.

Вторая большая группа искусственных пещер находится в средней, самой высокой части скалы, неподалеку от надписи Ксеркса. Здесь в скале вырублена большая площадь, открытая с южной и восточной сторон, с запада и севера ограниченная высокими отвесными стенами среза скалы. В северной стене есть вход, ведущий в обширные помещения, известные под названием «Нафт-кую», или «нефтяной колодец» (рис. 121).

Фасад пещеры оформлен в виде большой ниши шириной 24,90 м и высотой 8,60 м, причем над дверью вырублено окно. Поверхность скалы у входа сильно повреждена, никаких следов надписей или рельефов не обнаружено.

Первый зал шириной 7,27–7,28 м при длине 12,40–12,42 м и высоте 7,90 м имеет потолок наподобие коробового свода. В верхней части стены, у начала свода, можно видеть рельефный орнамент из ряда полукружий; этот же орна-

мент есть и на камнях, найденных Н. Я. Марром при раскопках дворца на Топрак-кале. Обращают на себя внимание тщательность отделки стен помещений «Нафткую» и правильность углов большого зала. Двери длинной стены ведут в два помещения: в левое, с двумя нишами, и в правое, с тщательно отшлифованными стенами, украшенными рельефным орнаментом, таким же, как и в первом зале.

В северо-западной стене этой комнаты вырублена ниша с уступом. Короткие стены большого зала имеют по одной двери, левая от входа в пещеру ведет в небольшую комнату прямоугольной формы, правая же — в комнату, так и оставшуюся неотделанной.

В северо-западной стене искусственной площадки высечен второй комплекс помещений, называемый «Ичкала» (рис. 123). Помещения «Ичкала» по своему плану отличаются и от «Нафткую» и от верхней Хорхорской пещеры тем, что мелкие комнаты группируются не вокруг первого большого зала, а вокруг двух зал.

Первый зал не совсем правильной формы (длина 9,28–9,38 м, ширина 5,49–5,97 м) имеет потолок, передающий коробовой свод, потолок второго зала, меньшего по площади и высоте (6,30 × 4,33 м), плоский. К первому залу примыкают две боковые комнаты, ко второму — три; из них две боковые имеют уступы, возвышающиеся на 0,19 м над полом.

Особый интерес представляет третья, примыкающая ко второму залу комната, лежащая на оси входа. Она прямоугольной формы (длиной 4,80–4,82 м, шириной 2,60–2,71 м), и в северо-восточной стене у нее есть возвышение в 0,87 м, на которое ведет лестница из трех ступеней. В возвышении вырезано правильной формы углубление (длиной 1,67 м, шириной 0,88 м), а под ним, в стене, круглые отверстия диаметром 2 см, в которых, по-видимому, крепились украшения стены; такие отверстия имеются и во втором большом зале. Пещера «Ичкала» сохранилась хуже других, она вся покрыта трещинами, и только при внимательном осмотре можно заметить тщательно выполненную древнюю отеску и шлифовку ее стен.

Ниже площадки, куда выходят пещеры «Нафткую» и «Ичкала», находится еще одна искусственная пещера, состоящая из зала не совсем правильной формы (длиной 3,44–3,71 м, шириной 1,92–2,02 м, высотой около 2 м), с тремя глубокими нишами, также неправильными в плане (рис. 122).

Восточнее описанных пещер, неподалеку от Тавризских ворот, ведущих в цитадель, находится еще одна группа комнат, высеченных в скале, которую ванцы называли «Большой пещерой» (рис. 124).

Перед пещерой высечена обширная площадка, на которую сверху вела величественная лестница шириной около 2 м, от которой сохранилось 25 ступеней. Фасад пещеры тщательно сглажен и имеет карниз в виде уступа; к двери ведет лестница, по бокам которой, по линии фасада, сделан уступ (завалинка) шириной 0,65 м. Дверь открыта в большой зал (длиной 9,34–9,42 м, шириной 6,17–6,18 м, высотой 5,95–5,99 м). К залу примыкают три другие комнаты, две боковые — вытянутой формы с дверьми в длинной стене³⁰, и третья, расположенная против входа, с возвышением в западной стене, на которое ведет лестница.

³⁰ На плане «Большой пещеры», приведенном Леман-Гауптом, расположение и размер комнат даны неправильно (*Lehmann-Haupt. Armenien. II. I. S. 150*).

На северном склоне Ванской скалы есть только одна искусственная пещера (рис. 127), представляющая обширный зал (длиной 20,46 м, шириной 7,81–7,95 м, высотой 2,53 м), с широким входом (8,48 м), в проеме которого помещена клинообразная надпись Менуа, сына Ишпуини (рис. 125).

Относительно назначения этих искусственных пещер до сих пор еще нет единого мнения. Моисей Хоренский, описывая строительство Шамирам в Ване, рассказывает, что в твердой скале были высечены «различные дворцы, покои с почивальнями, казнохранилища» (I, 16). Леман-Гаупт сначала отвергал предположение, что они служили гробницами урартских царей, но потом стал склоняться к этому мнению. Возможно, искусственные пещеры могли быть различного назначения и что среди них есть как помещения религиозно-культового назначения (храмы), так и погребального.

К числу погребальных относится комплекс скальных помещений, открытых в 1916 г. А. Н. Казнаковым в Ванской крепости, около арсенала³¹ (рис. 126). Проем с углублением для дверной оси во внутренней его части вел в квадратное помещение около 20 кв. м площадью и высотой в 2,55 м. В левой от входа стене помещения на некоторой высоте от пола находился вход в две небольшие комнаты. Первая из них, прямоугольная в плане (длиной 4,76 м, шириной 1,42 м, высотой 0,95 м), в которой можно передвигаться только ползком, имела плоский потолок, а следующая — куполообразный. Вторая комната оказалась весьма интересной; на уровне пола соседней комнаты она имела вырез для закрепления плиты, служившей ей полом и перекрывавшей подполье, из которого вел ход в небольшую камеру (шириной 1,07 м, высотой 0,85 м), принятую исследователем за тайник. Характер этих небольших помещений позволяет присоединиться к мнению А. Н. Казнакова, считавшего описанную им ванскую искусственную пещеру погребальной. Саркофаг в ней находился, по-видимому, в подполье, в то время как в «Большой пещере», «Ичкала» и «Нафт-кую» саркофаги могли устанавливаться на возвышениях.

Иранские и малоазийские аналогии к этим урартским памятникам подкрепляют предположение о том, что ванские пещеры служили гробницами.

В середине XIX в. на правом берегу Аракса, напротив поста Алишар (ныне Нахичеванская АССР), была случайно открыта гробница, высеченная в скале, относящаяся к урартскому времени³². Она состояла из двух помещений: небольшой передней комнаты с потолком в виде коробового свода и погребальной камеры с плоским потолком и прямоугольными нишами в стене (рис. 127). В этой гробнице были найдены несомненно урартские бронзовые изделия — фигурки птицы с человеческим торсом и головка быка, служившие украшениями котлов. Оба эти предмета поступили в 1859 г. в Эрмитаж.

Подземное помещение в северо-западной части Топрах-кале несколько отличается от описанных помещений Ванской скалы и представляет, возможно, пещерный храм.

³¹ Казнаков А. Н. Пещера с тайниками в Ванской цитадели // Изв. Кавказского музея. XI. 1–2. 1917. С. 28–32. Табл. I и II.

³² Архив Государственного Эрмитажа. Оп. I. 1858. № 62.

С поверхности Топрах-кале по крупным ступеням можно спуститься на площадку, откуда вход ведет в подземное помещение. Чтобы попасть туда, надо пройти наклонный коридор (шириной 2 м и высотой 2,75–3 м), имеющий лестницу в 56 ступеней. Небольшие световые отверстия освещают большую комнату, высеченную в скале и имеющую в полу прямоугольное углубление, которое Леман-Гаупт считал бассейном.

Леман-Гаупт, описывая пещерные помещения Вана, связывает их с аналогичными памятниками Малой Азии (Пафлагонии, Фригии), Греции и Палестины и видит в этом еще один довод, подкрепляющий положение о западном происхождении урартов. Рассматривая связь палестинских гротов с урартскими, Леман-Гаупт указывает на разницу их планов. В палестинских гротах, часть которых Бранденбург относит ко времени около 1300 г. до н. э., мелкие комнаты группируются вокруг второго большого зала, а не первого, как в большинстве ванских пещер. Только в «Ичкала» имеются два зала, из чего Леман-Гаупт сразу же делает вывод о том, что «Ичкала» относится к более раннему, доурартскому периоду, а это вряд ли можно считать правдоподобным.

Правильно сопоставляя ванские искусственные пещеры с малоазийским материалом и приводя сравнительный материал по пещерным помещениям Египта, Этрурии, Греции, Финикии и Палестины, Леман-Гаупт совершенно игнорирует большой иранский материал, близкий к урартскому по времени. Но, несмотря на все это сходство, пещерные помещения Вана имеют много самобытных черт, связанных с урартской наземной архитектурой, и помогают нам даже в некоторой степени ее реконструировать. Так, потолки пещерных залов, как было указано, воспроизводят потолки урартских построек — плоское перекрытие бревенчатым накатом или же коробовые кирпичные своды.

XII

РЕЛИГИЯ

При изучении религии Ванского царства мы располагаем двумя основными видами источников.

Первый из них — урартские клинообразные надписи, второй — изобразительные памятники, в которых нашла отражение не только официальная урартская религия, но и народные верования, не упоминаемые в клинописных текстах. Поэтому только совместное изучение этих двух видов источников может дать правильное представление о религии Ванского царства в целом.

Сведения клинообразных надписей весьма ограничены: в них называются имена богов, рассказывается о сооружении храмов, перечисляются жертвоприношения.

Тексты собственно религиозного характера, как мифы, молитвы, магические заклинания, нам еще неизвестны. Культовые предметы и изображения дополняют сведения письменных источников и открывают некоторые стороны религии, о которых умалчивается в надписях.

Урартские клинописные тексты в начальных строках содержат обычно обращение к богу или к богам. На их основании можно заключить, что главным урартским богом был Халди, к которому обращено громадное большинство надписей. Сведения о военных победах урартов принимают часто форму реляции царя богу Халди.

Во многих клинообразных надписях наряду с именем Халди упоминаются имена

богов Тейшебы и Шивини, выделявшихся вместе с Халди из среды остальных богов.

Они представляют для нас исключительный интерес, так как сочетание трех указанных богов отображает культурно-исторические связи Урарту.

Дело в том, что для Тейшебы (бог бури и войны), тесно связанного с малоазийским богом Тешубом, так же как и для Шивини (бог солнца), в урартском письме использованы ассирийские идеограммы богов Адада и Шамаша, в то время как имя Халди всегда выписывается фонетически. Из этого факта можно заключить, что бог Халди был местным, исконным урартским богом, по всей вероятности, богом одного из племен, вошедших в Урартское государство. Очень вероятно, что он приобрел свое исключительное значение еще до введения в Ванском царстве ассирийской письменности.

С этим исконным урартским богом были связаны Тейшеба, малоазийский (хуррито-хеттский) бог, и Шивини, воспринявший символы месопотамской (ассиро-вавилонской) области. Таким образом, эти три бога в некоторой мере отражают три культурно-этнических элемента в религии Ванского царства.

Следует отметить, что бог Халди почитался также и в пограничных районах Ассирии. На это указывают такие ассирийские теофорные имена, как Халди-насир (Халди-хранитель), Халди-ибни (Халди создал), Халди-этир (Халди спас), Халди-илаи (Халди — мой бог) и другие, обнаруженные в деловых документах и письмах¹.

Среди лапидарных надписей из Ванского царства особое значение для изучения урартской религии представляет надпись в нише скалы около Вана (рис. 130), так называемая «Мхер-Капуси» («Дверь Мхера», СICh, 18), повторенная дважды и с незначительными вариантами.

В этом тексте, восходящем к концу IX в., приводится перечень имен урартских богов с указанием полагавшихся им жертв (быков, коров, овец), ярко иллюстрирующий связь официальной религии Ванского царства с его государственной структурой. В состав урартского пантеона вошли также боги завоеванных областей и городов, боги соседних народов и боги, связанные с тотемистическими и анимистическими представлениями.

Далее приводятся имена богов с указанием приносимых им жертв:

1. Халди — 17 быков, 34 овцы.
2. Тейшеба — 6 быков, 12 овец.
3. Шивини — 4 быка, 8 овец.
4. Хутуини — 2 быка, 4 овцы.
5. Турани — 1 бык, 2 овцы.
6. Уа — 2 быка, 4 овцы.
7. Налаини — 2 быка, 4 овцы.
8. Шебиту — 2 быка, 4 овцы.
9. Арсимела — 2 быка, 4 овцы.
10. Анапша — 1 бык, 2 овцы.
11. Дидуаини — 1 бык, 2 овцы.
12. Шеларди — 1 бык, 2 овцы.

¹ АВИУ. № 80.

13. Оружию бога Халди — 1 бык, 2 овцы.
14. Атбини — 1 бык, 2 овцы.
15. Куера — 1 бык, 2 овцы.
16. Элипри — 1 бык, 2 овцы.
17. Тараини — 1 бык, 2 овцы.
18. Адарута — 1 бык, 2 овцы.
19. Ирмушини — 1 бык, 2 овцы.
20. ILU aluše uguliliue šiuāli — 1 бык, 2 овцы.
21. Алаптушини — 1 бык, 2 овцы.
22. Эрина — 1 бык, 2 овцы.
23. Шинири — 1 бык, 2 овцы.
24. Унина — 1 бык, 2 овцы.
25. Аираини — 1 бык, 2 овцы.
26. Зузумару — 1 бык, 2 овцы.
27. Хара — 1 бык, 2 овцы.
28. Араза — 1 бык, 2 овцы.
29. Зиукуну — 1 бык, 2 овцы.
30. Ура — 1 бык, 2 овцы.
31. Арцибедина — 1 бык, 2 овцы.
32. Арни — 1 бык, 2 овцы.
33. Халдиево iniriašie — 1 бык, 2 овцы.
34. Халдиево alsuišie — 1 бык, 2 овцы.
35. Халдиево dirušie — 1 бык, 2 овцы.
36. Воинство бога Халди — 2 быка, 4 овцы.
37. Воинство бога Тейшебы — 2 быка, 4 овцы.
38. Артухарасау — 2 быка, 34 овцы.
39. Бог города Арда, т. е. Мусасира, — 1 бык, 2 овцы.
40. Бог города Кумену — 1 бык, 2 овцы.
41. Бог города Тушпы — 1 бык, 2 овцы.
42. Боги города Халди — 1 бык, 2 овцы.
43. Боги города Арцуниуни — 1 бык, 2 овцы.
44. Халдиево dašie — 1 бык, 2 овцы.
45. Шуба — 1 бык, 2 овцы.
46. Ворота бога Халди — 1 бык, 2 овцы.
47. Ворота бога Тейшебы города Эридиа (Ирдия) — 1 бык, 2 овцы.
48. Ворота бога Шивини города Уишини — 1 бык, 2 овцы.
49. Элиаха — 1 бык, 2 овцы.
50. Халдиево arnie — 1 бык, 2 овцы.
51. Халдиево uštašie — 1 бык, 2 овцы.
52. Боги susi Халди — 1 бык, 2 овцы.
53. Талапура — 1 бык, 2 овцы.
54. Килибани — 1 бык, 2 овцы.
55. Бог стран (может быть, земли) — 1 бык, 2 овцы.
56. Бог границ (гор) — 1 бык, 2 овцы.
57. Бог озер (морей) — 1 бык, 2 овцы.
58. Боги... атхананау — 2 быка, 14 овец.

59. Бог... — 2 быка, 14 овец.
60. ILANI Gamruti — 4 быка, 18 овец (всем богам).
61. Халдиевому nirible — 4 овцы.
62. Ворота бога Уа города Ниши... — 2 овцы.
63. Горы — 10 овец.
64. Арубаини — корова, овца.
65. Хуба — корова, овца.
66. Тушпуеа — корова, овца.
67. Ауи — корова.
68. Аиа — корова.
69. Сарди — корова.
70. Цинуарди — 2 овцы.
71. Ипхари — 2 овцы.
72. Барциа — овца.
73. Силиа — овца.
74. Арха — овца.
75. Адиа — овца.
76. Уиа — овца.
77. Аинау — 4 овцы.
78. Арди — 2 овцы.
79. Инуанау — 17 овец.

Весьма важные и интересные наблюдения над этим текстом были сделаны Г. А. Меликишвили². Ему с достаточной убедительностью удалось не только выделить божества, олицетворяющие мужское начало (1–63), и божества, олицетворяющие женское начало (64–79), но также установить верховную триаду богов.

В перечне божеств бог Халди занимает первое место и ему приносится наибольшая жертва.

В Урарту в жертву приносились животные; у нас нет сведений о растительных жертвоприношениях, как в Египте. В одной из кладовых Кармир-блур (№ 26) было обнаружено громадное количество пережженных костей крупного и мелкого рогатого скота³. Обработка их, произведенная С. К. Далем, установила, с одной стороны, отсутствие костей черепов и нижних частей конечностей, а с другой — наличие костей молодых особей (в возрасте нескольких дней), употребление которых в качестве пищи было бы весьма нерациональным. Вероятно, эта масса костей являлась остатками жертвоприношения. С этим согласуется отсутствие черепов и нижних частей конечностей, остающихся при шкуре жертвенного животного, что иллюстрируется большим этнографическим материалом. Наличие костей молодых особей также соответствует жертвенным ритуалам, по которым обязательны приношения молодых, недавно родившихся, телят, козлят и барашков. Об этом говорится в вавилонских и ассирийских ритуальных текстах.

² Меликишвили Г. А. К интерпретации урартской надписи Мхер-Капуси // Сообщения Акад. наук ГрузССР. XIV. 1953. С. 175; *Он же*. Наири–Урарту. Тбилиси, 1954. С. 365–375.

³ Кармир-блур. II. С. 23.

Есть основания полагать, что в Ванском царстве, кроме обычных жертвоприношений, существовали и человеческие жертвоприношения, на что как будто указывают и некоторые тексты.

При раскопках одного участка Топрах-кале было найдено большое количество костей животных и людей, причем у человеческих костяков отсутствовали черепа. Леман-Гаупт высказал предположение, что тут складывались трупы принесенных в жертву богу Халди людей, головы которых хранились в особом месте⁴. Урартские памятники подтверждают существование человеческих жертвоприношений. На урартской печати, принадлежащей К. В. Тревер и происходящей из Хайкаберда, изображен жертвенник, около которого лежит обезглавленное человеческое тело; тщательно отмеченные ребра дают основание полагать, что с туловища содрана кожа.

В Ванском царстве богу Халди были посвящены многие храмы, о чем свидетельствуют посвященные клинообразные надписи, вырезанные на базах колонн из храмов.

О существовании храма бога Халди в Мусасире подробно рассказывается в ассирийских источниках.

Супругой бога Халди, верховной богиней урартского пантеона, была Арубани (Арубаини, Уарубани)⁵, имя которой в нескольких надписях встречается рядом с именем Халди.

Возможно, что богиня Арубани изображена на золотом медальоне, найденном на Топрах-кале, и на серебряном медальоне из Кармир-блур; весьма вероятно также, что бронзовая статуэтка сидящей женщины, хранящаяся в Государственном историческом музее Армении, и изображение богини на пекторали Берлинского музея являются изображениями этой богини⁶.

Раньше супругой верховного урартского бога считалась богиня Багбарту (возможно чтение Багмашту).

В тексте Луврской таблички говорится, что Саргон послал своих приближенных и начальников отрядов в храм Халди и что там были захвачены (речь, по-видимому, идет о статуях): «Халди, его (т. е. Урзаны. — Б. П.) бог, и Багбарту, его богиня, с многочисленными богатствами его храма» (368) и «драгоценности Халди и Багбарту, его супруги» (391). Можно думать, что с Багбарту были связаны также храмовые оракулы, так как, согласно тексту Луврской таблички, в Мусасирском храме хранилось «золотое кольцо с печатью, предназначенное подтверждать решения Багбарту, супруги Халди» (385).

О богине Багбарту мы знаем только по ассирийским источникам; в урартских письменных памятниках, дошедших до нас, не упоминается даже ее имя. По-видимому, прав Г. А. Меликишвили, считающий Багбарту божеством Мусасира⁷, но его утверждение, что Мусасир был древнейшим центром почитания бога Халди, требует еще дополнительных обоснований. Очень важно,

⁴ *Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 476.*

⁵ *Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954. С. 371.*

⁶ *Пиотровский Б. Б. Урартская бронзовая статуэтка Государственного музея Армении // СА. VI. 1940. С. 89; Meyer G. R. Ein neuentdeckter urartäischer Brustschmuck // Das Altertum. I. 4. Berlin, 1955. S. 205.*

⁷ *Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954. С. 161.*

что после присоединения Мусасира к Урарту главным божеством той области стал Халди, а местное божество — Багбарту — заняло место его супруги.

Бог Халди изображается в человеческом облике стоящим на льве (рис. 32), атрибуты и символы этого божества нам неизвестны. Не исключена возможность, что символом Халди являлся крылатый солнечный диск (ассирийский знак Ашура и Шамаша), но мне кажется более вероятным, что крылатый диск олицетворял бога солнца — Шивини.

Неясна также и этимология имени Халди; были высказаны предположения, что в основе его имени лежит корень *hal*, означающий в языках западного Закавказья *небо*, и тогда имя главного урартского бога будет означать *небесный*⁸.

В урартской религии бог Халди имел ряд форм (ипостасей), что является характерным для всех древневосточных религий. В надписи «Мхер-Капуси» приведено несколько имен божеств, связанных с именем Халди (по списку 13, 33, 34, 35, 36, 42, 44, 46, 50, 51, 52).

Такие олицетворения Халди, как *Haldini al uišie* и *Haldini ušmašie*, невольно заставляют поставить вопрос о правильности обычного понимания эпитетов бога Халди, встречающихся в лапидарных надписях. И не будет ничего удивительного, если эти эпитеты окажутся обозначением различных форм (ипостасей) главного божества урартов.

В религиозных представлениях урартов бог Халди обычно имел облик воина (рис. 32); он благословлял царя на выступление в поход, он помогал ему одерживать победы над врагом. И не случайно в Мусасирском храме отчетливо выступал культ копья и щита. Копьем увенчан фронтон храма, копья помещены по обеим сторонам входа, около статуй «великих привратников», а щиты развешаны на стенах и колоннах фасада, да и сам храм назывался «домом щита».

Указывалось на то, что культ щита связывал Ванское царство со Средиземноморьем, где он принял особенно четкие формы (Крит, Этрурия, архаическая Греция), в то время как в восточной части Передней Азии этот культ играл меньшую роль, и там его место занял культ пояса, семантически тесно связанный с культом щита.

В перечне богов из «Мхер-Капуси» упоминаются ворота (идеограмма *BĀBU* или фонетическое чтение *šeštiei, susi*), Халди (46) и боги ворот Халди (52).

Как было уже указано выше, под воротами бога в урартских текстах подразумеваются ниши в скалах. Ниши эти имеют иногда три уступа, как бы три ниши, высеченные одна в другой, что должно было соответствовать трем ведущим в скалу дверям, поэтому и название этих ниш в клинописи выписывается часто с суффиксом множественного числа.

По религиозным верованиям, через эти двери выходило божество, находящееся в скале. Выход бога из горы — обычное представление в древних религиях Передней Азии. На это указывают зиккураты храмов южной Месопотамии (храм Мардука в Вавилоне, Наннар — в Уре, Шамаша — в Сиппаре⁹, а

⁸ *Lehmann-Haupt*. Armenien. II. 2. S. 935.

⁹ *Andrae W.* Das Gotteshaus und die Urformen des Bauens im alten Orient. Berlin, 1930. Fig. 2.

также храм Ашура в Кар-Тукулти-Нинурта), где в зиккурате, находящемся при храме, устроена ниша, к которой ведет лестница¹⁰.

В научной литературе по Древнему Востоку можно встретить указание, что урарты называли себя по имени их главного бога халдами, а свою страну Халдией. Это положение совершенно ошибочно и должно быть решительно отвергнуто, так как оно основано на устаревшем понимании некоторых стереотипных фраз, встречаемых в урартских текстах.

На втором месте среди урартских богов стоит бог Тейшеба (Te-e-i-še-ba)¹¹ (рис. 33), который в клинописи обозначался ассирийской идеограммой бога Адада.

И само имя бога, тождественное с распространенным по всей Малой Азии именем бога Тешуба, и использование идеограммы Адада указывают на то, что перед нами бог войны, бури, непогоды и водной стихии.

В надписи «Мхер-Капуси» рядом с «воинством бога Халди» стоит «воинство бога Тейшебы», а также «ворота бога Тейшебы города Эридиани» (Ирдиа).

При раскопках крепости на Кармир-блуре в 1941 г. была найдена бронзовая статуэтка, которую с большой вероятностью можно считать изображением бога Тейшебы. Это — безбородая фигура в длинной одежде и в характерном для божества головном уборе, украшенном рогами. В левой руке бог держит боевой топор, в правой — палицу с дисковидным навершием. Безбородый бог, стоящий на быке, изображенный на рельефе из Адильджеваза, также, вероятно, изображает Тейшебу.

Супругой бога Тейшебы была богиня Хуба (хурр. Хебат), имя которой в надписи «Мхер-Капуси» ошибочно читалось как Баба. Изображение ее, по-видимому, сохранилось на печати из Хайкаберда, хранящейся в Эрмитаже. Там изображено женское божество с поднятыми вверх руками, в позе, очень близкой к обычной позе хурритской Хепа, супруги Тешуба. Справа от богини стоит козленок, а слева — дерево, по бокам — две фигуры в молитвенной позе, над которыми помещены полумесяцы.

Третьим из главных богов Ванского царства был бог солнца Шивини (рис. 34) (ассирийская идеограмма бога Шамаша, которая в урартской клинописи, так же как и в ассирийской, означала *солнце, день*). Имя этого бога раньше неправильно читалось как Арди (Ард).

Вероятно, символом Шивини и являлся крылатый солнечный диск, часто встречающийся на урартских печатях с культовыми изображениями. Он совпадает и с ассирийским символом бога Шамаша. Этот символ сочетается с изображениями рыбы, птицы или же голов животных.

На основании последовательности имен богинь, приведенных в надписи «Мхер-Капуси», можно предположить, что супругой Шивини считалась богиня Тушпуеа, занимавшая третье место в верховной триаде урартских богинь. Если крылатый солнечный диск действительно олицетворяет бога Шивини, то частые украшения культовых котлов крылатыми женскими фигурами могут изображать богиню Тушпуеа.

¹⁰ Andrae W. Das Gotteshaus und die Urformen des Bauens im alten Orient. Berlin, 1930. S. 18. Zeile 10.

¹¹ Надпись на Ванской скале: Sayce A. H. The cuneiform inscriptions of Van // JRAS. XIV. 1882. № XX. P. 15.

В перечне богов, приводимом в тексте «Мхер-Капуси», встречается лунное божество урартов Шеларди (Še-e-la-ar-di), выписанное в строке 41 фонетически, а в строке 7, в параллельном тексте, ассирийской идеограммой бога луны — Сина.

В той же надписи имеются еще два сходных имени богинь. Это богини Сарди (69) и Цинуарди (70). В последнем имени Г. А. Меликишвили видит богиню урартов, соответствующую ассирийской богине Иштар. Начало имени Сардурри в надписях обычно выписывается ассирийской идеограммой богини Иштар. Сарди была, возможно, или божеством звезды, или планеты Венеры. На Кармир-блуре был найден бронзовый амулет в форме лунницы, на котором был выписан текст молитвы.

На концах этого амулета, по двум сторонам текста, помещены символ Шеларди — лунный серп и, вероятно, символ Сарди — звезда, совпадающая по внешнему виду с символом богини Иштар.

Надо заметить, что большинство имен богов, перечисленных в надписи в нише «Мхер-Капуси», в других урартских письменных памятниках пока еще не встречалось. Даже из числа семи богов, следующих за Халди, Тейшебой и Шивини, которым надлежало приносить большее количество жертв, нежели другим богам, в клинообразных надписях упоминаются только боги Хутуини (4), Куера (15) и Елип(у)ри (16).

Урарты изображали своих богов обычно в образе людей, но в некоторых случаях можно усмотреть и остатки первоначального их образа — отдельные черты животных и птиц.

Так, головной убор богов имел в качестве обязательных атрибутов рога; богини, ранее изображавшиеся в образе птиц, сохранили крылья, а некоторые божества приняли вид фантастических существ с головами животных при человеческом туловище. Все это — различные стадии антропоморфизации божеств, имевших вначале облик животных и птиц. Некоторые из богов по внешнему виду совершенно не имели ничего общего с первоначальным образом животного, и тогда эти животные, которые ранее сами являлись божеством, при антропоморфизации божеств стали выполнять роль посвященного им животного.

В урартской иконографии изображения божеств, стоящих на различных животных, обычны. При раскопках Арин-берда в 1951 г. были открыты остатки росписи стены одного из помещений, на которой изображалась процессия богов. Сохранилась лишь одна фигура бородатого божества, стоящего на льве. Известны четыре бронзовые детали урартских тронов, в виде богов на животных, в одном случае на льве и в других — на быках или на фантастических существах, имеющих части разных животных. Подобные композиции обычны в переднеазиатской иконографии; в ассирийских наскальных изображениях Бавиана представлена процессия богов, стоящих на животных, и нет сомнения, что большинство этих животных является прежним зооморфным образом самих богов.

Трудно определить, с какими богами урартского пантеона связаны лев и бык, но все же некоторые данные для этого имеются.

В 1952 г. на Кармир-блуре была обнаружена четырехгранная печать с ушком для подвешивания; на одной грани этой печати изображена фигура бога-

громовика, стоящего на быке. Таким образом, можно заключить, что с богом Тейшебой был связан бык, а с Халди — лев. Изображения именно этих животных особенно часты на урартских посвященных предметах и на печатах.

Посвященные щиты в храмах урартских богов были украшены, согласно тексту Саргона, умбонами в виде голов льва, быка, дракона (птицы) и собаки. Щиты, найденные при раскопках на Топрах-кале и Кармир-блуре, заполнены изображениями львов и быков, размещенными на концентрических полосах. На многих бронзовых предметах с короткими клинообразными надписями помещены изображения голов львов и быков. Очень вероятно, что эти знаки были посвящениями предметов богам Халди и Тейшебе.

Некоторые из божеств, сочетающие в себе черты человека, животных и птиц, были искусственно созданным образом, занявшим важное место в магии. Таковы божества шеду — крылатые быки или львы с человеческим лицом или торсом, перешедшие в Урарту из Ассирии, или крылатые гении, иногда с головами животных, обслуживающие священное дерево, также неразрывно связанные с ассирийской иконографией.

Интересный материал по урартской иконографии дает бронзовый пояс, найденный на Кармир-блуре в 1956 г. Там имеются изображения божеств на льве (Халди), на быке (Тейшеба) и коленопреклоненная фигура с поднятыми вверх руками, поддерживающая крылатый солнечный диск (Шивини) (рис. 32–35). Кроме этих трех божеств, которых можно отождествить с главными богами урартского пантеона, на поясе представлены еще крылатый бык (или лев) с человеческой головой, напоминающий ассирийского шеду, крылатое животное с головой грифона, помещенное на пальметке, а также сильно стилизованное священное дерево в картуше.

Изображения на поясе имеют аналогии и в других памятниках из Кармир-блуре. Так, на одной стеатитовой столбчатой печати с ушком из раскопок 1956 г. помещена композиция, состоящая из четырех фигур: священного дерева, крылатого быка на пальметке, стреляющего в него из лука божества, стоящего на льве, и крылатой человеческой фигуры с поднятыми руками.

На Кармир-блуре были найдены также три серебряных амулета-медальона с изображениями божеств или их символов. На одном¹² из них изображено мужское божество, голова которого вычеканена на припаянной золотой пластинке; над божеством неразличимый символ (крылатый диск?), перед божеством стоит жрец или адорант, держащий козла. На другом¹³ медальоне — женское божество, возможно Арубани (рис. 85), сидящая на троне; голова богини также вычеканена на припаянной золотой пластинке, и перед ней стоит жрица или адорантка, подводящая козла. На третьем серебряном медальоне помещены лишь три символа: в верхней части крылатый солнечный диск, под ним звезда и ветки.

Как было уже указано, перечень урартских богов («Мхер-Капуси») содержит также имена богов народов, входивших в состав Ванского царства. Так, мы видим бога города Арда, называвшегося ассирийцами по имени страны

¹² Кармир-Блур. III. С. 18. Рис. 11.

¹³ Там же. С. 11. Рис. 5.

Мусасиром (39), бога города Кумену (40), бога города Тушпы, столицы Урарту (41)¹⁴, богов городов Халди (42) и богов городов Арсуниуни (43).

Кроме приведенных имен богов, можно выделить группу божеств, отражающих древние тотемистические представления.

Таковы боги Эбани, т. е. бог страны или земли (55), Суинина (Su-i-ni-na-u-e), бог моря, воды (57), бог страны Бабаниа, т. е. «горной страны» (63), Арни, бог возвышенностей, гор (32), Хара, бог дорог (27), и Аираини, бог пещер (25).

Урартские изобразительные памятники дают нам большой материал и по тем культам, которые, несмотря на их широкое распространение в Ванском царстве, не получили никакого отражения в надписях. Например, культ дерева. Изображение священного дерева — древа жизни — часто встречается в Урарту, особенно в композиции с двумя крылатыми гениями по его сторонам, чрезвычайно характерной для ассирийского искусства.

Священное дерево (рис. 87), связанное иногда со звездными (астральными) символами, часто встречается на урартских печатях.

Очень интересное изображение дает отпечаток печати, опубликованный Леман-Гауптом¹⁵. На нем мы видим человеческую фигуру в молитвенной позе, стоящую перед деревом и тремя каменными стелами, около дерева — кувшин с водой, а позади стел — культовый предмет (рис. 86).

Каменные стелы с закругленным верхом, подобные изображенным на печати, в Ванском царстве были очень распространены, причем на них часто помещались клинообразные надписи. И. А. Орбели видел около Вана большие камни — двойные стелы без надписей (рис. 88).

Каменные стелы урарты называли *пулуси*, но термин этот применялся не только к стелам, установленным на постаменте, но и к надписям, высеченным на скалах¹⁶.

Сцена поклонения священному дереву, подобная рассмотренной выше, была изображена и на каменной облицовке стены, украшенной инкрустацией. На ней мы видим урартского царя, стоящего в молитвенной позе перед деревом и держащего в руке ветку священного дерева.

На бронзовой обивке ящика, хранящейся в Британском музее¹⁷, также имеются изображения священного дерева (на этот раз — пальмы с волнообразными ветвями), сосуда и алтаря.

Церемонию, связанную с поклонением священному дереву, воспроизводит отпечаток урартской печати, обнаруженный на Топрах-кале¹⁸. На нем изображена четырехколесная повозка с помещенным в ней деревом, позади нее стоит царь (или жрец), за которым шествует чудовище с головой дракона; над дышлом повозки и перед драконом находятся изображения звезд. Леман-Гаупт эту сцену рассматривал первоначально как хорошо известную по вавилонским и

¹⁴ Кроме того, в этой надписи встречается имя бога города Тушпы (66).

¹⁵ *Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2.* — На рисунке неверно передана композиция: человеческую фигуру надо воспринимать стоящей перед деревом и стелами. На это указывал и Леман-Гаупт.

¹⁶ *Lehmann-Haupt. Armenien. II. 1. S. 50.*

¹⁷ *Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. Anmerkung 31*.*

¹⁸ *Lehmann-Haupt. Materialien. S. 197; Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 580.*

ассирийским текстам процессию с кораблем, что как будто подтверждалось и присутствием дракона — бога водной бездны — Эа. Но впоследствии Леман-Гаупт принял объяснение Шефера, указавшего на то, что предмет, который понимался как мачта корабля, в действительности является сильно стилизованным рисунком дерева, помещенного на повозке. Известен и другой оттиск печати со стилизованным деревом на повозке, у дышла которой помещена голова животного, а позади — шествующая с жезлом фигура. В левой части оттиска можно различить божество, сидящее на троне.

На урартских печатях, оттиски которых были открыты при раскопках на Топрах-кале, представлены сцены, связанные с культом. На одних изображается царь, возможно, в роли верховного жреца, шествующий под зонтом, который несет приближенный; позади находится какой-то предмет в виде трезубца. Иногда на рисунке около царя помещался лев, содержащийся, возможно, как священное животное при урартском храме¹⁹.

Печати дают нам очень интересные сложные сцены культового и религиозного характера, к сожалению, в большей части не поддающиеся объяснению. Известно громадное количество печатей (рис. 89) с изображениями шествующих птиц, грифонов или фантастических существ²⁰, около которых обычно помещены астральные символы — полумесяц и звезда. Иногда птица держит в клюве ветку, напоминая ворона из эпоса Гильгамеша. На одной печати изображен ряд символических, наподобие иероглифических, знаков²¹.

Сложная сцена изображена на средней части печати, принадлежащей К. В. Тревер; в нижней части печати вырезаны жертвенник и обезглавленная человеческая фигура. Среди изображений на этой печати мы видим знак Ашура, помещенный над рыбой, по сторонам которого находятся божество на троне и стоящий жрец или царь; далее божество в виде рыбы, как на известных месопотамских памятниках, стоящее перед ложем (?), слева от него помещены фигура животного (козла), полумесяц и звезда. Несомненно, перед нами изображения религиозно-магического значения, которые могут быть объяснены с помощью религии Месопотамии и Передней Азии.

На описанной печати особый интерес представляют изображения рыбообразного божества (рис. 36). Три глиняные фигурки таких божеств были найдены на Кармир-блуре около жертвенника в кладовой № 25, предназначенной для хранения вина. Статуэтки однотипны — они представляют собой стоящие бородатые фигуры, головы и спины которых были покрыты рыбьей кожей так, что голова рыбы служила головным убором. Левая рука богов покоится на животе, а правая выдвинута вперед; в ней находилось, вероятно, копье или же ветка дерева, так как на всех подставках этих фигурок имеется углубление, в котором закреплялась палочка. Статуэтки были окрашены: на спине сохранились следы ярко-голубой краски.

Из раскопок в Ашуре происходят глиняные статуэтки бородатых божеств в облачении рыбы, причем головной убор бога представляет собой голову рыбы.

¹⁹ *Lehmann-Haupt. Armenien.* I. S. 56; II. I. S. 15, 34, 198.

²⁰ *Ibid.* I. S. 115, 165, 306, 358; II. I. S. 288, 345.

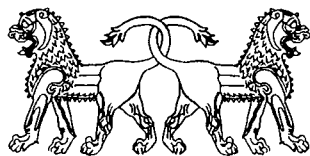
²¹ *Lehmann-Haupt. Armenien.* II. 2. S. 833.

В другой кладовой для вина (№ 28) была также найдена глиняная фигурка, но на этот раз не рыбообразная, а в виде божества с хвостом скорпиона (рис. 37). На фигурке сохранились следы красок. Лицо было окрашено белой краской, глаза — красной, волосы и борода — бурой, а головной убор — ярко-голубой. Такие изображения богов мы встречаем в Месопотамии на памятниках Ура, особенно часты они на поздних вавилонских и ассирийских печатях.

На основании приведенного материала можно заключить, что религия Ванского царства была теснейшим образом связана с религией окружавших ее стран Передней Азии. Кроме местного, урартского, элемента, в ней четко прослеживаются элементы месопотамские (ассиро-вавилонские), малоазийские (хуррито-хеттские) и иранские. Некоторые урартские религиозные элементы получили также широкое распространение по всей Передней Азии, доходя даже до Средиземноморья, и не случайно в святилищах архаической Греции были найдены урартские или изготовленные как урартские статуэтки, изображающие крылатое женское божество.

XIII

СКИФЫ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

В конце VIII в. в политической жизни Древнего Востока произошли большие перемены. При ослаблении старых государств стали появляться новые, что сопровождалось также этническими перегруппировками. Особенно интенсивно этот процесс протекал в северных областях Передней Азии, в частности в Малой Азии.

В ассирийских клинописных памятниках этого времени впервые встречается упоминание народа гимирра (киммерийцев античных авторов), появившегося в приурмийском районе, в стране Мана.

Среди табличек Ниневийского (Куянджикского) клинописного архива сохранились письма разведчиков, осведомлявших ассирийских царей о событиях в Урарту, которое после поражения, нанесенного ему Тиглатпаласаром III в 735 г., стало снова подниматься¹.

Ряд донесений относится ко времени правления урартского царя Русы, сына Сардури, и связан с подготовкой ассирийского похода 714 г., но в одном из писем, наиболее раннем, упоминаются имена урартского царя Сардури и мусасирского правителя Урзаны. Некий Арад-Син сообщает, что «киммериец этот (начальник киммерийского отряда. — Б. П.) вышел из [страны ма]неев

¹ *Waterman Leroy*. Royal correspondence of the Assyrien empire. — Перевод текстов дается по АВИУ.

и в Урарту вступил»². Письмо Арад-Сина — первое свидетельство о пребывании киммерийцев в стране Мана.

В донесениях, относящихся ко времени Русы, сына Сардури, неоднократно упоминается неудачный поход урартов против киммерийцев, но не в приурмийский район, а в восточную часть Каппадокии.

Ассирийский агент Ашуррисуа в одном из донесений писал, что «Гуриания — область между Урарту и страной Гимирра. Она платит дань урартскому царю»³. Отождествление упоминаемой в этом письме страны Гуриании с Куриани урартских текстов подтверждает предположение о том, что страна Гимирра находилась к северо-западу от Ванского царства, вероятно, в восточной части Каппадокии.

Сохранилось письмо Синахериба его отцу Саргону, в котором ассирийский наследник приводил сводку сведений о положении в Урарту, полученных от разных лиц⁴. В сообщениях из страны Уккая и от правителя города Халсу Набули рассказывалось о неудачах урартов при походе в страну Гамирра.

Синахериб в своей сводке дословно приводил сообщение Набули: «Я писал страже пограничных крепостей относительно вестей об урартском царе. Когда он отправился в страну Гамир, все его войско было побито, трое из его начальников со своими отрядами убиты, сам же он бежал и вступил в собственную землю, его лагерь до сих пор не был достигнут».

В другом письме Синахериб сообщал сведения, полученные через Ашуррисуа от Урзаны, касающиеся похода урартов против киммерийцев, окончившегося поражением урартов и гибелью правителя области Уаси⁵.

На одном из обломков писем Куянджикского архива имеется перечисление девяти урартских наместников, убитых, по-видимому, во время этого похода. В конце письма сообщается, что урартский царь после поражения бежал в горы, спасая свою жизнь⁶.

Указанные письма были написаны до похода Саргона, снаряженного в 714 г., и относятся к тому времени, когда Саргон внимательно следил за действиями своего противника Русы, сына Сардури. Мы знаем, что в осведомлении ассирийцев мусасирский правитель Урзана, выступивший впоследствии против Ассирии, играл немалую роль.

Проникновение киммерийцев через Закавказье в Переднюю Азию было связано с ослаблением урартской власти на периферии государства после поражения в 735 г. Реформа управления странами Закавказья, проведенная царем Русой, выразившаяся в замене старых административных центров новыми, была, по-видимому, вызвана не только стремлением ослабить чрезмерно усилившихся наместников, но и тем, что эти наместники не противодействовали продвиже-

² АВИУ. № 50. Строка 8.

³ *Waterman Leroy*. Royal correspondence of the Assyrian empire. № 146; АВИУ. № 50. Строка 11.

⁴ *Waterman Leroy*. Royal correspondence of the Assyrian empire. № 197; АВИУ. № 50. Строка 10.

⁵ *Thureau-Dangin F.* Une relation de la huitième campagne de Sargon. Paris, 1912. XV; *Waterman Leroy*. Royal correspondence of the Assyrian empire. № 1079. — Вотерман не приводит восстановления Тюроданжена (слова Гамир) и придерживается буквально копии текста, сделанной Харпером.

⁶ *Klauber E.* Assyrisches Beamtentum nach Briefen aus der Sargonidenzeit. Leipzig, 1910. S. 70; *Waterman Leroy*. Royal correspondence of the Assyrian empire. № 646.

нию киммерийцев. Если бы урартские центры оказали сопротивление киммерийцам, то они были бы разрушены и разграблены, а мы знаем, что сокровища кладовых в старых урартских центрах, упраздненных царем, были перенесены во вновь созданные. При Синахерибе Ассирия не вела крупных боевых действий против Урарту, несмотря на то что урартская граница проходила на расстоянии 70 км от Ниневии, за горою Тас⁷, где при Синахерибе строился канал для снабжения ассирийской столицы питьевой водой. В ассирийских анналах упоминается только успешный поход против уккийцев, находившихся под властью урартов; киммерийцы в текстах Синахериба не упоминаются.

В конце 681 г. Синахериб был убит во время мятежа своим сыном, и убийцы, согласно библейским сведениям, бежали в Урарту (по-видимому, в страну Шуприа). Асархаддону, сыну Синахериба, вступившему на ассирийский престол, в первые годы царствования пришлось выдержать набег киммерийцев. «[Кимм]ерийцы пошли на Ассирию и были в Ассирии перебиты» — рассказывается в одном вавилонском тексте⁸.

Асархаддону и Ашурбанипалу также приходилось вести постоянную борьбу с киммерийцами. В Передней Азии известны два района длительного пребывания киммерийцев: один — в Каппадокии, другой — в стране Мана, на юге озера Урмия.

Можно полагать также, что киммерийцы входили в состав наемных войск ассирийской армии. В одном документе о продаже огородов в Ниневии, датированном 679 г., среди свидетелей называется ассириец Ишди-Харрана, «начальник полка киммерийского»⁹.

В числе вопросов Асархаддона к богу Шамашу сохранился один текст, отражающий тревогу царя за северные окраины Ассирии¹⁰. Царь спрашивал своего бога, осуществятся ли замыслы Русы (Урсы), правителя Урарту, или народа гимирра. «Двинутся ли они в поход, на войну, на бой, в битву, чтобы убивать, грабить и захватывать, в страну Шуприа, будь то на город Пуму или на Куламери, будь то и на другие крепости Шуприа?» По-видимому, здесь речь идет о союзе киммерийцев с урартами, о чем упоминается и в других текстах Асархаддона. Киммерийцы, совершавшие набеги на северные границы Ассирии, представляли опасность и для северо-западных районов, прикрывавших выход к Средиземному морю. В анналах Асархаддона сообщается: «Теушпу киммерийца, — умман манда, чье место отдаленно (т. е. из далекой страны. — Б. П.), я поразил оружием вместе со всем его войском в землю страны Хубушна»¹¹. Основываясь на термине *умман манда*, т. е. *войско манда*, некоторые исследователи считали киммерийца Теушпу мидийским военачальником. Но такой вывод из текста не следует, так как термин *умман манда* в надписях Асархаддона не означает обязательно «войско мидийцев»¹². Совершенно ясно, что

⁷ АВИУ. № 60.

⁸ АВИУ. № 63.

⁹ АВИУ. № 66.

¹⁰ Knudtzon J. A. Assyrische Gebete an den Sonnengott; АВИУ. № 68 А.

¹¹ [Schraeder E.] Keilinschriftliche Bibliothek. II. Berlin, 1890. S. 129; АВИУ. № 65.

¹² Gadd C. J. The fall of Nineveh. London; Oxford, 1923. P. 14; Streck M. Assurbanipal und die leisen assyrischen Könige. I. Leipzig, 1916. S. 376.

не во всех случаях термин *умман манда* означал «войско мидийцев», и часто им объединяли мидийцев с другими кочевыми народами, как киммерийцы и скифы, а позднее, особенно в VII в., применялся чаще всего для обозначения этих кочевников, сыгравших важную роль при распаде Ассирийского царства.

Война ассирийцев с киммерийцами в районе Средиземного моря при Асархаддоне не была еще такой острой, как позднее, и особое внимание ассирийцам приходилось обращать на киммерийские отряды, находившиеся в приурмийском районе. Об этой борьбе до нас дошло значительное число интересных документов. Во время гадания Асархаддон спрашивал своего бога: «Шамаш, великий владыка, на то, о чем я тебя вопрошаю, дай мне верный ответ: с этого дня, с третьего дня месяца Айару, до одиннадцатого дня месяца Аб, на сто дней и сто ночей (установленный срок совершения гадания. — *Б. П.*) ...будь то Каштарити с его войском, будь то войско киммерийцев, будь то войско манеев, будь то войско мидийцев, будь то какой бы то ни было враг — захватят ли они этот город Кишассу, войдут ли в этот город Кишассу, покорит ли этот город Кишассу рука их, будет ли причислен он к их владениям?»¹³ Ответы на вопросы Асархаддона не сохранились, но нам известно, что отряды Каштарити были разгромлены ассирийцами.

Киммерийцы особенно беспокоили ассирийцев в стране Мана. Среди табличек Куюнджикского архива имеется письмо некоего Белушезиба Асархаддону, извещавшее о злодеяниях киммерийцев: «Хотя царь писал своим войскам — вступайте в страну манеев, — но все войско не должно вступать туда... а что до киммерийцев, которые говорили: манеи остаются у вас, мы удержим наши стопы (т. е. не будем вторгаться. — *Б. П.*), — то, конечно, это ложь; разве они не семья беглых, не знающих клятвы богам и присяги? Колесницы и повозки пусть встанут по сторонам на перевале...»¹⁴ В письме дается совет устроить засады на перевалах и предсказывается изгнание киммерийцев из страны Мана.

Из того же архива происходит очень плохо сохранившееся письмо Ашурбанипала его отцу Асархаддону, в котором царевич передавал сведения о киммерийцах.

Тщательную организацию разведки характеризует письмо некоего Ашуршалима¹⁵. «Относительно охранной службы, которая учреждена против укреплений Урарту, страны манеев, Мидии и Хубушкии, как писал царь, господин мой, — дай приказ им, между их глазами смеряно. Не пренебрегайте вашей службой, и пусть их внимание будет обращено на перебежчиков, что вокруг них. Как только перебежчик перебежит к ним из страны манеев, из Мидии, из Хубушкии, быстро ты должен передать его гонцу и послать его к царевичу. А если у них есть сообщение, то ты должен заблаговременно сказать царевичу, известий от себя не задерживай...»

Но, кроме киммерийцев, в стране Мана были и скифы — *ашгуза* (анналы) или *ишгуза* (оракулы). В анналах Асархаддона, где рассказывается о пораже-

¹³ Knudtson J. A. Assyrische Gebete an den Sonnengott... II. № 1; АВИУ. № 68, строка 2.

¹⁴ Waterman Leroy. Royal correspondence of the Assyrian empire. № 1237; АВИУ. № 69. Строка 1.

¹⁵ Waterman Leroy. Royal correspondence of the Assyrian empire. № 434; АВИУ. № 69, 1.

нии киммерийца Теушпы, имеется следующий текст: «Я — рассеявший людей страны манеев, неусмиранных кутиев, который побил оружием войско Ишпака, скифа, союзника, не спасшего их».

Среди вопросов к богу Шамашу есть и такой текст: «В этот установленный срок войско скифов, которые живут в области страны манеев и которые пришли на границу страны манеев, задумывают ли они, замышляют ли они, выйдут ли они через перевалы Хубушкии к городам Хараниа и Анисускиа? Разграбят ли, полонят ли многочисленную добычу, тяжкий полон с границ Ассирии?»¹⁶ Из этого текста мы узнаем, что в то время скифы были в районе озера Урмия, где, согласно приведенному письму Белушезиба, находились также киммерийцы.

Отрывочные и случайные сведения ассирийских клинописных источников кратко, но достаточно определенно отмечают то большое, главным образом разрушительное влияние, которое имели с конца VIII в. киммерийцы и скифы. Это же отмечают и античные писатели, особенно Геродот и Страбон. Противники Ассирии, урарты и мидийцы, искали среди киммерийцев и скифов своих союзников, а ассирийцы, в свою очередь, также всячески старались склонить их на свою сторону.

Среди табличек оракулов найден один текст, в котором Асархаддон спрашивал бога Шамаша о том, будет ли царь скифов («царь страны ишкуза») Парта-туа соблюдать дружбу, если Асархаддон, согласно его просьбе, переданной через посла, выдаст за него замуж свою дочь¹⁷.

При Ашурбанипале борьба с киммерийцами продолжалась. По-видимому, последние находились в союзе с урартами, о чем упоминается в гимне богу Аштуру, написанном собственноручно Ашурбанипалом: «Также и урарты, горцы гордые, с умман манда, коварным врагом, ведут козни, великую мерзость для тебя постоянно делают»¹⁸. Этот союз урартов с кочевыми племенами, называемыми по старой памяти киммерийцами, а также со скифами отчетливо вырисовывается в материалах из раскопок на Кармир-блуре.

Киммерийцы на северных границах не тревожили ассирийцев, они действовали особенно активно в западной части Малой Азии. В анналах Ашурбанипала рассказывается о победе мидийского царя Гуггу (Гигеса), который «моих предков не боялся и мои, царя, ноги не обнимал». После поражения киммерийцев в Лидии Гигес прислал Ашурбанипалу вместе с другими драгоценными подарками двух пленных киммерийских военачальников, закованных в железные кандалы. Там же говорится и о борьбе египетского фараона Псамметиха (Пишамилку) с киммерийцами. Но успех Гигеса не был окончательным. После того как он, отказавшись от помощи Ассирии, заключил союз с Псамметихом, киммерийцы вторглись в Лидию и опустошили страну, причем в одном из сражений был убит сам Гигес. Но в приурмийском районе киммерийцы не переставали тревожить ассирийцев, об этом свидетельствуют оракулы Ашурбанипала. Царь спрашивал Шамаша об исходе по-

¹⁶ Knudtson J. A. Assyrische Gebete an den Sonnengott... II. № 35; АВИУ. № 68 А.

¹⁷ Knudtson J. A. Assyrische Gebete an den Sonnengott... II. № 29; АВИУ. № 68 А.

¹⁸ АВИУ. № 77.

хода в страну Мидия (Илипи) — подвергнется ли его войско нападению мидийцев или киммерийцев¹⁹.

Таким образом, в ассирийских документах устанавливается, что киммерийцы появлялись в приурмийском районе, на территории страны Мана, на протяжении почти ста лет.

Античные писатели сохранили нам и рассказы о проникновении скифов в Переднюю Азию.

Геродот приводит рассказ о том, что «скифы вторглись в Азию вслед за изгнанными ими из Европы киммерийцами и, преследуя бегущих, дошли таким образом до Мидийской земли» (I, 103–104). Далее он описывает ближайший путь из Меотиды в Мидию и движение скифов. «Скифы, однако, вторглись не этим путем, — писал Геродот, — они уклонились в сторону и пошли по верхней, гораздо более длинной дороге, имея по правую руку Кавказскую гору. Здесь мидийцы сразились со скифами, но потерпели поражение и потеряли свое господство, а скифы завладели всей Азией. Отсюда скифы пошли на Египет. Когда они появились в Палестинской Сирии, египетский царь Псамметих, выйдя к ним навстречу, дарами и просьбами отклонил их от дальнейшего движения (I, 104–105).

Эти сведения Геродота относятся к концу VII в., ко времени войны скифов с мидийским правителем Киаксаром; между тем, как мы видели выше, киммерийцы и скифы появились в Передней Азии значительно раньше, да и скифский царь Мадий, сын Прототия, упоминаемый Геродотом, есть не кто иной, как сын Партавута (клинописные тексты), союзника Асархаддона.

Указание на вторжение киммерийцев в Переднюю Азию мы встречаем и у Страбона (III, 2, § 12). «Гомер, зная, что киммерийцы поселились в северных и мрачных местностях у Боспора, — писал Страбон, — поместил их возле преисподней, — быть может, даже вследствие общей ионийцам ненависти к этому племени: ведь именно во времена Гомера, или немного раньше его, как говорят, произошло вторжение киммерийцев в Азию до Эллады и Ионии».

Страбон (I, 3, § 2) сохранил нам также имена скифских и киммерийских предводителей; говоря о переселении народов, он отмечает «отдельные странствования вождей, как, например, Мадея скифского, Теарко эфиопского, Коватрисского (киммерийского)».

В вавилонских источниках говорится об участии скифов и мелких кочевых отрядов в разгроме Ассирийского царства.

В 1923 г. была опубликована клинописная табличка Британского музея, содержащая описание событий с десятого по семнадцатый год правления вавилонского царя Набупаласара, т. е. с 616 по 609 г. В этом замечательном тексте о последнем периоде истории Ассирии перечисляются события не только по годам, но и по месяцам²⁰.

Согласно вавилонской хронике, в 614 г. мидийские войска Киаксара осадили ассирийские столицы Ниневию и Ашур. Ниневия выдержала осаду, но Ашур был взят мидийцами и разрушен, на его развалинах произошла встреча Набупаласара с Киаксаром, в результате которой был заключен военный союз.

¹⁹ Knudtzon J. A. Assyrische Gebete an den Sonnengott... № 23; ABIV. № 75.

²⁰ Gadd C. J. The fall of Nineveh. London; Oxford, 1923.

В 612 г. к этому союзу присоединились *умман манда*, среди которых, по мнению Гэдда, издавшего текст хроники, были не только скифы, но и другие мелкие племена, освободившиеся из-под ассирийского ига²¹. Летом того же года союзные войска осадили Ниневию. Произошли три битвы, и Ниневия пала.

Геродот (I, 103), описывая осаду Ниневии мидийцами, рассказывает, что под стенами Ниневии появилось большое скифское войско под предводительством Мадия, сына Прототия (т. е. Партатуа ассирийских текстов). Страбон называет этого же Мадия киммерийцем. Надо заметить, что и в ассирийских текстах вполне возможно смешение терминов *киммерийцы* и *скифы*. Древневосточные термины обычно живут очень долго, становясь архаичными. Так, термин *умман манда* перестал означать лишь отряды племен *манда* и употреблялся для обозначения отрядов кочевников, в том числе и скифов. Вавилонские тексты особенно отличаются архаичностью этнонимии и топонимии. Так, в вавилонском тексте Бехистунской надписи Дария I (VI в.) саки-скифы называются гимирри, т. е. киммерийцами, а страна Армина — Урашту, т. е. Урарту.

Далекie походы кочевых племен, среди которых были киммерийцы и скифы, нашли отражение в Библии, в рассказах о вторжении иноземных народов. В библейском генеалогическом списке, где имена народностей получили форму личных имен, Гомер (киммерийцы, гимирра клинописных текстов) считается сыном Яфета и отцом трех сыновей: Ашкеназа (скифы, ашгуза клинописных текстов), Рифата (жители Пафлагонии) и Тогарма (Тиль-Гаримму ассирийских текстов) в приевфратском районе.

Сведения о киммерийских и скифских походах имеются также у библейских пророков. Так, Иеремия (5: 15–16) вкладывает в уста бога следующие слова: «Вот, я приведу на вас, дом Израилев, народ издалека, ... народ сильный, народ древний, народ, языка которого ты не знаешь и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его — как открытый гроб, все они — люди храбрые».

В пророчестве Иезекииля (38: 6) бог обещает послать против народа Израиля «Гомера (т. е. киммерийцев. — Б. П.), со всеми отрядами его, дом Тогарма (т. е. армян. — Б. П.), от пределов севера, со всеми отрядами его...»

Среди археологических памятников Передней Азии мы не можем установить ни одного определенного комплекса, связанного с киммерийцами или же со скифами.

Но при внимательном рассмотрении археологического материала из Месопотамии, района Передней Азии, лучше других обследованного в археологическом отношении, оказывается возможным выделить группу предметов, носящих следы иноземного влияния.

При раскопках ассирийских дворцов были найдены памятники искусства, происходящие из далеких от Ассирии стран или имеющие следы иноземных влияний: таковы вещи египетского, сирийского и ионийского стиля²².

²¹ И. М. Дьяконов полагает, что в этом тексте под термином *умман манда* следует подразумевать мидийцев и царем их считать Киаксара (в этом месте текст поврежден), но в таком случае трудно объяснить, почему в одном и том же тексте мидийское войско называется двумя разными терминами. Если восстановление И. М. Дьяконова правильно, то можно было считать, что термином *умман манда* обозначались объединенные силы мидийцев и кочевников под общим начальством Киаксара.

²² Poulsen F. Der Orient und die frühgriechische Kunst. Leipzig; Berlin, 1912. S. 38.

Несомненно, среди вещей, найденных в Месопотамии, имеются также отдельные предметы, происходящие из стран, расположенных от нее к северу²³ и востоку, но они в большинстве случаев остаются для нас пока не опознанными.

Кроме памятников искусства, встречаются также отдельные предметы вооружения, среди которых представляется возможным выделить группу предметов, определенно происходящих из северных по отношению к Ассирии областей.

При раскопках во многих местностях Передней Азии в комплексах материалов VII в. (а возможно, и конца VIII в.) были найдены бронзовые наконечники стрел характерной формы (двуперые, с шипом сбоку или же трехгранные), отличные от обычных переднеазиатских, но совпадающие по форме со скифскими (рис. 131). Весьма вероятно, что эти бронзовые наконечники стрел проникли в Переднюю Азию вместе с киммерийцами и скифами в VII в.²⁴ Эти наконечники могли принадлежать также мидийцам, так как их войско имело вооружение, близкое к скифскому, и мидийские лучники наряду со скифскими славились своим искусством стрельбы из лука. Много стрел скифского типа было собрано на местах древних сражений, в которых участвовали мидийцы.

Из центральной части Урарту, из крепости Хайкаберд, происходят крупные двуперые наконечники стрел, иногда с боковым шипом, и трехгранные, по форме совпадающие с архаическими скифскими конца VII и начала VI в. Трехгранный наконечник стрелы, также архаической формы, был найден и на Топрах-кале²⁵.

Подобные бронзовые наконечники стрел встречаются при раскопках древних ассирийских городов и крепостей. Один такой экземпляр опубликован Роулинсоном среди наконечников из Нимруда и Куянджика²⁶.

В столице Ассирии, в городе Ашуре, при раскопках оборонительных сооружений было найдено несколько трехгранных бронзовых наконечников стрел, причем некоторые из них имели боковой шип²⁷. Андрэ считал, что этими стрелами осаждавшие забрасывали защитников, и, не поняв назначения шипа на втулке, объяснил его как приспособление для прикрепления зажигательных материалов, полагая, что он согнулся от удара. Боннэ также считал, что эти типы наконечников стрел редки в Ассирии, и приписывал их вражеским отрядам, отмечая вместе с тем широкое их распространение в районе Кавказа²⁸.

В Вавилоне, как указывал Кольдевей²⁹, трехгранные наконечники стрел того же типа, что были приведены нами выше, так же как и в Ашуре, были найдены главным образом около остатков стен городских укреплений, подтверждая предположение, что они принадлежали вражеским стрелам.

Нет надобности называть все пункты Передней Азии, где были найдены бронзовые наконечники стрел скифского типа. Укажу только, что в Тарсе,

²³ Herzfeld E. Khattische und khaldische Bronzen // Janus. I. 1921. S. 148.

²⁴ Sulimirski T. Skythian antiquities in Western Asia // Artibus Asiae. XVII. 3–4. 1954. P. 282–318.

²⁵ Основной тип урартских наконечников стрел совершенно отличен от этого.

²⁶ Rawlinson G. The five great monarchies of the ancient eastern world. II. London, 1864. P. 59.

²⁷ Andrae W. Die Festungswerke von Assur. Leipzig, 1913. S. 143.

²⁸ Bonnet H. Die Waffen der Völker des alten Orients. Leipzig, 1926. S. 165.

²⁹ Koldewey R. Das wieder erstehende Babylon. 2-e Auflage, Leipzig, 1913. S. 275.

в комплексе предметов VII–VIII вв., были найдены хорошо сохранившиеся образцы этого типа с боковым шипом и отверстиями на втулке³⁰.

Такие же образцы были открыты в Сирии (Аль-Мина) в комплексе предметов, отражающих связь северной Сирии с Египтом и восточной частью Передней Азии³¹.

Археологические исследования в центральной части Малой Азии (Алишар) также дали много образцов двуперых наконечников стрел (иногда с боковым шипом)³².

Особо следует отметить большое количество бронзовых наконечников стрел скифского типа, обнаруженных вместе с литейными формами при раскопках Кархемиша, в слое, относящемся к последнему периоду жизни города, т. е. к самому концу VII в. (около 604 г.)³³. Эта находка створчатых литейных форм для наконечников стрел рассматриваемого типа свидетельствует о местном их производстве.

В Британском музее хранится разъемная бронзовая форма для отливки наконечников стрел, происходящая из Мосула³⁴. Форма состоит из шести частей, и в ней одновременно можно отлить три наконечника — два трехгранных и один двуперый. Таким образом, форма наконечников скифского типа (трехгранность и двуперость) определяется техникой отливки нескольких стрел в одной форме. Это портативное приспособление для отливки наконечников указывает на то, что они могли изготовляться в разных местах, так как вместе с вооружением распространялись и формы для отливки стрел.

В южной Палестине, в Джераре, также было найдено большое число бронзовых наконечников стрел архаического скифского типа, как двуперых, так и трехгранных³⁵. Флиндерс Петри, производивший там раскопки, основную их часть датировал временем XXVI династии египетских фараонов, т. е. второй половиной VII в.; некоторые же он относил к VIII в.; но последняя датировка вызывает сомнения в ее правильности, тем более что в другой своей работе Флиндерс Петри относит трехгранные наконечники стрел преимущественно ко времени XXVI династии и связывает появление этого типа стрел в Египте со скифским нашествием на Сирию³⁶.

В Египте трехгранные бронзовые наконечники стрел обнаружены также в сравнительно большом числе и главным образом в северной части страны. Исследователи египетского вооружения относят обычно эти типы стрел к позднему времени (конец VII — начало VI в.), считая их вооружением иноземного войска.

Таким образом, бронзовые наконечники стрел так называемого архаического скифского типа встречаются на обширной территории, но относятся

³⁰ Goldman H. Excavations of Gözlu-kule // American journal of archaeology. 2. 1937. P. 277. Drawing 33.

³¹ Woolley L. The excavations at al-Mina, Sueidia // The journal of Hellenic studies. 1938.

³² Schmidt E. F. Anatolia through the ages // Oriental institute communications. № 11. 1931. P. 138. Drawing 196.

³³ Woolley Ch. L. Carchemish. II. London, 1921. P. 125–126.

³⁴ Flinders Petrie W. M. Gerar. London, 1928. Tabl. XXIX. P. 15.

³⁵ Flinders Petrie W. M. Tools and weapons, illustrated by the Egyptian collection in University college. London, 1917. Tabl. XLII.

³⁶ Wolf W. Die Bewaffnung des altägyptischen Heeres. Leipzig, 1926. S. 86. Anmerkung I.

к сравнительно непродолжительному времени (VII–VI вв.). Форма их настолько специфична, что предположения о самостоятельном возникновении этого типа в различных районах не могут быть признаны основательными.

Европейские трехгранные наконечники стрел, например греческие³⁷, несколько отличны от описанных выше переднеазиатских. Трехгранный наконечник стрелы, найденный в Галлыштатском могильнике³⁸, также отличается от рассмотренных.

Очень вероятно, что описанные бронзовые наконечники стрел, служившие предметами переднеазиатского вооружения, на что указывают находки в Мосуле, Кархемише и Джераре, были местного изготовления. Не случайно они тождественны скифским, известным также на очень обширной территории (вплоть до Сибири и Средней Азии), и вполне возможно, что они тесным образом связаны с появлением киммерийцев и скифов в Передней Азии в VIII–VII вв.

Этот чрезвычайно важный период истории Передней Азии, период больших политических изменений, приведших к гибели прежних гегемонов, сопровождавшийся изменением старых границ, возникновением новых объединений и этническими перегруппировками, остается для нас еще не изученным.

Киммерийцы появились в VIII в. в западной части Закавказья и проникли в восточную Каппадокию, где, по-видимому, находилась «страна Гамир», упоминаемая в ассирийских текстах. В армянском языке сохранилось племенное название киммерийцев в названии Каппадокия — Гамирк (gamir-q)³⁹.

Скифы в противоположность киммерийцам известны нам в восточном Закавказье. В конце VII и в первой половине VI в. они двигались на запад Передней Азии, доходя до Палестины, где один из городов получил название Скифополя (Бетшан).

В гибели старых могущественных государств Передней Азии скифы сыграли немаловажную роль.

В 610 г., через два года после разгрома Ниневии, скифы в составе «умман манда», вместе с вавилонянами, двинулись на Харран. Ассирийский царь Ашурбалит со своим войском отступил в Сирию, оставив Харран; попытка ассирийцев и египтян отбить в следующем году этот город была безуспешной.

Многие урартские города и поселения были, по-видимому, также разрушены скифами, или, вернее сказать, кочевыми племенами, проникавшими в Закавказье и центральную часть Передней Азии из-за Кавказского хребта.

Очень вероятно, что именно на это указывают бронзовые наконечники стрел скифского типа, найденные на поверхности холма Топрах-кале и в урартской крепости Хайкаберд.

Очень показательную и четкую в этом отношении картину дали раскопки урартской крепости на Кармир-блуре⁴⁰. Археологические исследования, про-

³⁷ Bulanda E. Bogen und Pfeil bei den Völkern des Altertums. 1913. S. 105; Walters H. B. Catalogue of the bronzes Greek, Roman and Etruscan in the British Museum. London, 1899. P. 346–357; Граков Б. Н. Техника изготовления стрел у скифов и сарматов // Труды секции археологии РАНИОН. V. 1930. С. 70.

³⁸ Sacken E. Das Grabfeld von Hallstatt in Oberösterreich und dessen Alterthümer. Wien, 1868. Tabl. VII.

³⁹ Март Н. Я., Орбели И. А. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Пг., 1922. С. 55.

⁴⁰ Кармир-блур. I.

веденные там в 1940 г., позволили установить не только время, но и обстоятельства гибели урартской крепости и поселения, имевшие большое значение для южного Закавказья конца VII и начала VI в.

При раскопках западного фасада цитадели на Кармир-блуре было обнаружено большое количество бронзовых наконечников стрел, отличающихся по форме от урартских железных наконечников. Бронзовые наконечники, в большинстве трехгранные, реже двуперые, имеют иногда на втулке боковой шип, и в основном тип этих стрел совершенно совпадает с типом скифских стрел начала VI в. (рис. 38, 39).

Особенно интересны обстоятельства, при которых эти бронзовые наконечники были обнаружены. Большинство их оказалось не в культурном слое поселения, а в перекрывающем его грунте из разрушенных верхних частей стен, сложенных из сырцового кирпича. Из этого можно вывести заключение, что первоначально, до разрушения стен строения, стрелы находились в кладке стены. Некоторые из них имеют изгибы и обломы на концах, образовавшиеся от удара о камень, а один из наконечников, когда его нашли, торчал в слое глиняной обмазки, прикрывавшей каменный фундамент стены. Таким образом, стрелы с наконечниками скифского типа принадлежали врагам, которые обстреливали крепость на Кармир-блуре. С этим согласуется и находка одного наконечника у внешней линии оборонительных стен на северном склоне холма.

При раскопках Арин-берда в 1956 г., в постройке западной его части, в святилище (*susi*), в помещении к югу от него (участок, раскопанный М. А. Исраелян), было найдено более ста штук бронзовых наконечников стрел скифского типа, принадлежавших врагам, обстреливавшим крепость. В отличие от Кармир-блур, где преобладают трехгранные и двухгранные наконечники со втулкой и шипом, на Арин-берде большая часть стрел — трехгранные, ромбической формы, но без втулки. Этот тип, отличный от кармир-блурских наконечников, без сомнения, относится к более позднему (уже ахеменидскому) времени⁴¹. Другие предметы, найденные на Арин-берде, в частности милетские монеты, позволяют датировать эти наконечники VI–V вв.

В большинстве из отмеченных пунктов, где были обнаружены наконечники стрел скифского типа, согласно историческим данным, могли быть и скифы и мидийцы, особенно усилившиеся в период падения могущественных государств Древнего Востока. Урарту пережило Ассирию, своего постоянного и грозного противника. В пророчестве Иеремии, датированном около 594 г., против Вавилона призываются царства Арарат (Урарту), Минни (Мана) и Ашкеназ (скифы).

И. М. Дьяконов справедливо приписывает решающую роль в разгроме Урартского государства мидийцам, взявшим и разрушившим около 590 г. Тушпу⁴². Но так как мидийцы в это время были заняты военными действиями на западе, в Малой Азии, то, надо думать, что не они разрушили административные урартские центры на севере, в Закавказье.

⁴¹ *Ghirshman R.* Village Perse-Achéménide [Mémoires de la Mission archéologique en Iran. XXXVI. Paris, 1954. Pl. XXIV. 4 (более ранние), Pl. XLIII, XLIV].

⁴² Дьяконов И. М. Последние годы Урартского государства // ВДИ. 1951. № 2. С. 38.

Раскопки Кармир-блур показывают, что Тейшебаини продолжал, по-видимому, существовать и после падения центральной урартской власти, но последние годы находился в упадке и запустении. Разграбление его жителями после осады храмовых кладовых указывает, возможно, на то, что наместник уже покинул город. Вероятно, Тейшебаини, последний оплот урартской власти в Закавказье, был разрушен и сожжен именно кочевыми племенами (скифами). Получилось так, что прежние союзники в связи с создавшейся обстановкой стали врагами.

Кочевые племена, вторгшиеся в Закавказье с севера, не были для урартов совершенно неизвестными, неизвестно откуда появившимися. Материалы из раскопок Кармир-блур свидетельствуют о тесных взаимосвязях урартов и скифов. В кладовых цитадели обнаружено много бронзовых втульчатых наконечников стрел скифского типа, употреблявшихся урартами наряду со своими, железными. Среди бус в урартских ожерельях встречаются типичные скифские пастовые полушаровидные бусы с рубчиками, характерные как для Северного Кавказа, так и для Приднепровья.

Большой интерес представляет и группа роговых изделий, найденных на Кармир-блуре и имеющих близкие аналогии у скифов. Как уже отмечалось, при раскопке главных ворот цитадели была обнаружена «комната привратника», в которой на полу, около лежанки из сырцовых кирпичей, были найдены два больших оленьих рога. Тут же лежали кусок рога, обработанный в виде рукоятки ножа, и небольшая головка грифона с бараньими рогами, имеющая внизу выступ с отверстием для скрепления этой головки с другими частями предмета. Принадлежность этой вещицы к числу образцов скифского искусства очевидна, особенно при сравнении ее с роговыми предметами из Келермесских курганов, а также из скифских курганов, раскопанных у сел. Смелы.

В одном из помещений цитадели (№ 15) около распиленных роговых заготовок, среди законченных предметов, лежала головка грифона, отличающаяся от приведенных выше отсутствием рогов. В 1950 г. в другом помещении была найдена вторая головка грифона из рога, а в 1954 г. — еще три таких же. Они служили пряжками для ремней и совершенно не отличались от таких же пряжек из Келермесских курганов.

Образ грифона в архаическом скифском искусстве появился под влиянием древнего искусства Малой Азии. В Ассирии и Урарту грифон определенно выступает как один из распространенных мифических и художественных образов. Вероятно, через Закавказье он перешел к скифам и, сообразно их понятиям, претерпел некоторые формальные изменения: длинные загнутые уши, характерные для грифона в Средиземноморье, были заменены рогами и, таким образом, рогатый грифон стал типичным для скифского искусства. На Кармир-блуре были обнаружены оба типа грифонов.

Найденные при раскопках Тейшебаини скифские конские уборы представлены тремя типами. На костяке лошади, погибшей при штурме цитадели, были обнаружены остатки украшений — дисковидный серебряный фалар с полушаровидной выпуклостью в средней части и четыре бронзовые пряжки для ремней: две в виде птичьего клюва с весьма стертым стержнем и две в форме трехлопастной свастики.

Второй убор, найденный в куче металлических вещей в углу винной кладовой (№ 25), состоял из железных удил, железных псалий удлинённой формы с загнутыми концами и тремя отверстиями на стержне и четырех массивных пряжек для ремней: три пряжки в форме птичьего клюва, а четвертая — в виде головки барана (рис. 40), наподобие роговых пряжек.

Третий убор, найденный в помещении № 18, отличался от двух приведенных. Он состоял из железных удил, костяных пластинчатых псалий и четырех пряжек в виде птичьего клюва, отличающихся отсутствием кубического основания. Пластинчатые псалии очень пострадали от пожара: сохранились только копытца на нижних частях, а головы животных на верхних концах, к сожалению, погибли.

Последний конский убор, найденный при раскопках Кармир-блуре, представляет особый интерес. Подобные уборы с пластинчатыми псалиями не характерны для скифов Прикубанья и Северного Кавказа и имеют широкое распространение в Приднепровье. По-видимому, отсюда этот конский убор и был доставлен в Тейшебаини. Установление таких связей не является для археологов неожиданностью. В сел. Подгорцы, около Киева, был найден клад металлических предметов, в котором оказался бронзовый пояс с гравировкой закавказского типа. Из раннескифских курганов на Украине извлечены отдельные предметы, проникавшие туда с Кавказа или через Кавказ. Таким путем, видимо, попала ассирийская цилиндрическая печать из халцедона с изображением лошади и эмблемы бога Ашура, обнаруженная в одном из курганов у сел. Смелы Киевской области. У Канева и сел. Жаботин тоже в Киевской области в курганах VI в. до н. э. были найдены сосуды, несомненно, кавказского происхождения (рис. 132), склепанные из листовой бронзы, с расширенным венчиком и двумя литыми ручками в форме головок хищников. Такие сосуды, ставшие предметом специального исследования Е. И. Крупнова⁴³, встречаются на Кубани, в горных районах Северного Кавказа и в центральном Закавказье, доходя до урартского могильника около Игдыра, на северном склоне Арарата. Обломки подобного же сосуда с литыми ручками были обнаружены и в кладовой № 25 на Кармир-блуре (рис. 132).

Проникновение закавказских металлических изделий, бронзовых и железных, в Посулье, в лесные области Скифии, было отмечено В. А. Ильинской при исследовании архаических памятников этого района⁴⁴. Там был обнаружен бронзовый топор кобанского типа и ряд северокавказских и закавказских бронзовых и железных предметов. Это обстоятельство, а именно наличие находок кавказских предметов на окраине распространения скифской культуры, при их незначительном количестве в центральной части, вполне понятно. В архаический скифский период, в VII и в начале VI в., местная сырьевая база скифской металлургии была еще слаба и не могла полностью обеспечить потребности в железе и бронзе. В это время металл в значительном количестве поступал в области Северного Причерноморья извне, как с запада, из Фракии и Семи-

⁴³ Крупнов Е. И. Жемталинский клад. М., 1952. Карта на с. 31; Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944. С. 320–323.

⁴⁴ Ильинская В. А. Памятники скифского времени Посулья: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Киев, 1949. С. 7.

градья, так и с востока, через Кавказ. Металл привозился обычно в виде готовых изделий, которые в центральных районах скифской культуры сразу же переплавлялись в скифские предметы, а на окраинах, где металлургия была слабее развита, эти кавказские изделия не подвергались переплавке.

Связь скифов с урартскими центрами в Закавказье, в частности с Тейшебаини, в VII и VI вв. была основана главным образом на обмене металла. Скифы получали из закавказских центров бронзу и особенно железо, которое, в свою очередь, поступало в Закавказье из Урарту. Теперь хорошо известно, что формы закавказских железных изделий теснейшим образом связаны с урартскими. Бронзовые изделия Закавказья имеют самобытные, на Кавказе возникшие и развившиеся формы, а железные — первоначально копировали урартские, если не являлись привезенными из Ванского царства. Изготовление из железа орудий типа закавказских бронзовых относится к более позднему времени, к тому периоду, когда на базе местных месторождений железа возникла уже собственная металлургия Закавказья.

Урартский административный центр Тейшебаини, имевший постоянные связи со скифами в VII–VI вв., был центром второго периода урартской истории, заменившим более ранние, исчезнувшие в конце VIII в. центры. Те ранние центры еще не исследовались, но, без сомнения, они были связаны с Северным Причерноморьем и Закавказьем. Эти связи были настолько тесными, что киммерийцы и скифы не ограничивались лишь обменом с урартами на закавказской почве, но и проникали за пределы Закавказья, на периферию древневосточных государств Урарту и Ассирии. Такие продвижения, как указано выше, были частыми и особенно усилились в 30-х гг. VIII в.

Племена, которые можно назвать скифами лишь условно, находились с урартами в постоянном общении, но при ослаблении центральной государственной власти Ванского царства именно они нанесли решающий удар северным урартским крепостям.

Проникновение в Переднюю Азию через Кавказ и с востока кочевых племен, называемых собирательным термином «киммерийцы и скифы», было, по-видимому, явлением частым, и эти пришельцы не всегда были врагами переднеазиатских государств.

Топонимика Восточного Закавказья сохранила нам названия местностей, связанных с племенным названием скифов (саков).

Так, в стране Ути нам известна область Шикашен (Шикашен — Շիկաշեն), в переводе — «поселение саков», это название встречается у Страбона в форме «Сакасене» (Σακασηνή), а у Плиния — «Сакасани» (Sacasani).

По сообщению Моисея Каланкатуйского, в области Арцах одна местность носила название Шикакар (Շիկաքար), которое К. П. Патканов понимает как «скала скифов»⁴⁵, а в древней Албании была область, называвшаяся Шаке.

Из ассирийских текстов нам известно, что в первой половине VII в. скифы появились в стране Мана, на юге оз. Урмия. По-видимому, они пришли туда, обогнув озеро с востока, без столкновения с урартами.

⁴⁵ Патканов К. П. Армянская география VII века. СПб., 1877. С. 51. Примеч. 170; см. также: Март Н. Я. Избранные работы. V. С. 20 и 35.

Последние работы, посвященные тем народам, которых мы уверенно называем термином «скифы», с очевидностью показывают, что подойти к правильному решению «скифской проблемы» можно лишь, изучая древнее общество VIII–VI вв. на широкой территории. Но этот общий, чрезвычайно важный вопрос выходит далеко за рамки настоящей работы. В данном случае хочется отметить лишь тесные связи раннескифской культуры Северного Причерноморья с Кавказом и Закавказьем.

В 1938 г. при раскопках раннескифского могильника у станции Моздок⁴⁶ мне бросилось в глаза сходство материала из раскопок с материалом, происходящим из горных районов Кавказа, в частности из Кобанского могильника в Осетии: скорченное положение костяков в могилах, архаичность керамики, украшенной резным орнаментом, а также бронзовые изделия (фибулы, браслеты, перстни и бусины). Аналогичные материалы с горного Кавказа позволяют датировать этот скифский могильник началом VI в.

Скифские памятники Северного Кавказа, изученные А. А. Иессеном и Е. И. Крупновым, оказывается, имели широкое распространение на северных склонах и в предгорьях Кавказского хребта. А. А. Иессен собрал материалы по ранним северокавказским памятникам VIII–VII вв., связывая их создание с киммерийцами⁴⁷. Он решительно возражал против отнесения к киммерийцам всей культуры медно-бронзового века в степях Северного Причерноморья и Предкавказья. По мнению А. А. Иессена, киммерийцы возглавляли первое крупное объединение племен после их перехода к кочевому хозяйству, приблизительно на рубеже VIII и VII вв. они частично были вытеснены из Северного Причерноморья пришлыми с востока племенами, вставшими во главе скифского объединения.

Останавливаясь на вопросе о путях движения киммерийцев и скифов через Кавказ, Е. И. Крупнов⁴⁸ указывает, что их продвижение шло по древним и давно освоенным путям, связывавшим население Северного Кавказа и Закавказья еще с эпохи энеолита и бронзы. Киммерийцы, как уже давно стало известно, прошли в Закавказье по меото-колхидской дороге; скифы же, по мнению Е. И. Крупнова, двигались по четырем маршрутам: по меото-колхидской дороге, через Мамисонский перевал, через Дарьяльский и Дербентский проходы. Путь по каспийскому побережью был основным.

Большой материал о продвижении киммерийцев и скифов в Переднюю Азию приведен и разобран И. М. Дьяконовым в его книге «История Мидии», который считает, что термин *киммерийцы* на Древнем Востоке являлся общим термином для кочевых племен, в том числе и для скифов (*шкуда*)⁴⁹.

Археологами Закавказья обнаружено довольно много скифских памятников VII–VI вв.⁵⁰, и не в одном ограниченном районе, а на всем пространстве

⁴⁶ Пиотровский Б. Б., Иессен А. А. Моздокский могильник // Археологические экспедиции Эрмитажа. I. Л., 1940.

⁴⁷ Иессен А. А. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 112.

⁴⁸ Крупнов Е. И. О походах скифов через Кавказ // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 186.

⁴⁹ Дьяконов И. М. История Мидии, М.; Л., 1956. С. 228–254.

⁵⁰ Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949. С. 114–131.

Закавказья, от Черного до Каспийского моря. В Абхазии скифские памятники стали известны по находкам М. М. Трапша в сел. Куланурхва Гудаутского района⁵¹ и по раскопкам А. Н. Каландадзе в Сухуми⁵². Около Сухуми в 1956 г. М. М. Трапш исследовал богатое, ахеменидское по времени, погребение, в котором оказались бронзовое украшение щита в виде стилизованной фигуры орла, удила древневосточного типа и бронзовый браслет.

В Грузии большое количество скифских предметов дали исследования могильника у сел. Двани (раскопки С. И. Макалатия)⁵³ и знаменитого могильника Самтавро (близ Мцхеты). Много скифских памятников на территории Армении известно по раскопкам Кармир-блур и могильников на склоне горы Арагац и в ущелье р. Дебед. В Восточном Закавказье богатые комплексы скифских предметов дали раскопки Мингечаурского могильника⁵⁴.

Существование многочисленных перевалов, связывавших в древности Северный Кавказ с Закавказьем, приводило к проникновению скифов в Закавказье на широкой территории; этим, вероятно, и следует отчасти объяснить резкое отличие западных скифских памятников Закавказья от восточных, например отличие скифских предметов в Самтавро от найденных в Мингечауре, что не может быть объяснено лишь разницей во времени. Несомненно, Самтаврский могильник свидетельствует о проникновении в Закавказье западных скифских племен, а Мингечаурский — восточных.

В истории Передней Азии выделяются три этапа вторжения кочевых племен с севера, через Кавказ, и с востока. Первый — это киммерийский этап, связанный с появлением кочевых племен в конце VIII в. и образованием страны Гамир в Каппадокии, второй — скифский, начавшийся в середине VII в. и приведший к образованию в приурмийском районе скифского царства («царство Ашкуз» или «Ашкеназ»), упоминаемого в Библии («Книга Иеремии»), в части, датированной 593 г., и третий — сакский, начавшийся уже в VI в. и характеризующийся вторжением сакских племен из Средней Азии⁵⁵.

Связи Закавказья с Северным Кавказом прослеживаются по известному нам археологическому материалу. Далее стоит остановиться только на одной группе предметов — на бронзовых наконечниках стрел скифского типа, найденных в закавказских могильниках⁵⁶. Эти предметы имеют чрезвычайно важное зна-

⁵¹ *Трапш М. М.* Грунтовые погребения с инвентарем скифского типа в сел. Куланурхва // Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории. XXIV. 1951. С. 325.

⁵² *Каландадзе А. Н.* Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1953 (на груз. яз. с русским резюме).

⁵³ *Макалатия С. И.* Раскопки Дванского могильника // СА. XI. 1949. С. 225.

⁵⁴ *Казиев С. М.* Археологические раскопки в Мингечауре // Материальная культура Азербайджана. I. Баку, 1949; *Ионе Г. И.* Археологические раскопки в Мингечауре // Доклады Акад. наук АзССР. Серия II. 1946. № 9.

⁵⁵ *Струве В. В.* Поход Дария I на саков-массагетов // Изв. АН. 1946. № 3. С. 243; *Он же.* Дарий и скифы Причерноморья // ВДИ. 1949. № 4. С. 28.

⁵⁶ *Вырубов В.* Предметы древности в хранилище Общества любителей кавказской археологии. Тифлис, 1877. Табл. I. Рис. 1–3 и 8. — Наконечники стрел скифского типа встречаются в других местах Грузинской ССР, в частности в Государственном музее Грузии хранятся подобные наконечники из сел. Мохиси Горийского района (157–1913) и Квабис-хеви Ахалцхского района (65–1914).

чение для датировки комплексов предметов, но, к сожалению, они крайне редки, да к тому же многие из них плохо документированы.

Обычно закавказскими наконечниками стрел являются плоские бронзовые стрелы с длинным черенком для насадки. Этот тип наконечников по форме напоминает каменные наконечники стрел из Закавказья. Черенок у бронзовых экземпляров имитирует закрепление наконечника в расщепе древка стрелы.

Укажем также, что из Самтаврского могильника происходят бронзовые плоские стрелки, копирующие с большой точностью каменные. В том же Самтаврском могильнике, в гробнице № 592, был найден бронзовый наконечник стрелы ромбической формы со втулкой⁵⁷.

Археологические работы, возобновленные на Самтаврском могильнике в 1938 г., дали новый, весьма ценный материал. В грунтовом погребении № 20—1938 г. трехгранный бронзовый наконечник стрелы был обнаружен вместе с костяным и плоской бронзовой стрелкой, передающей форму каменной. В погребении № 27—1939 г., где при покойнике находились весьма характерные железные предметы, например короткий меч-акинак с рукояткой, украшенной волутами, и небольшой серповидный нож, было обнаружено 20 бронзовых наконечников стрел скифского типа (рис. 133), часть которых имела боковой шип⁵⁸.

Погребение, относящееся примерно к этому же времени, было раскопано Г. С. Читая в 1924 г. у сел. Цицамури Мцхетского района. В грунтовой могиле находился скелет человека в скорченном положении, на правом боку; рядом с ним лежал костяк коня с железными удилами. При погребенном находились железный акинак, бронзовый браслет, украшенный головками длинноухих животных, бронзовые булавки и наряду с другими вещами — четыре наконечника стрел: один железный, один костяной и два бронзовых⁵⁹.

Наконечник стрелы, подобный происходящему из раскопок Байерна, был найден Морганом в могильнике у сел. Мусиери, в долине р. Дебед⁶⁰.

В могиле № 242 из тех же раскопок в Мусиери у костей ног скелета было обнаружено восемь бронзовых наконечников стрел разнообразной формы⁶¹, среди которых есть наконечники раннескифского типа ромбической формы с боковым шипом у нижней части втулки. Морганом опубликованы также снимки трехгранных наконечников стрел⁶².

В 1939 г. у сел. Махмуджуг Артикского района было найдено более двадцати бронзовых трехгранных наконечников стрел различной формы. Они проис-

⁵⁷ Выхубов В. Предметы древности в хранилище Общества любителей кавказской археологии. Тифлис, 1877. Табл. I. Рис. 12.

⁵⁸ Материалы работ еще не опубликованы. Мною использованы сообщения руководителя работ А. Н. Каландадзе.

⁵⁹ Wesendonk O. G. Archäologisches aus dem Kaukasus // Archäologischer Anzeiger. XL. 1—2. 1925. S. 49—50.

⁶⁰ Morgan de J. Mission scientifique au Caucase. I. Paris, 1889.

⁶¹ Ibid. P. 69. Dessin 26.

⁶² В книге Моргана (Morgan de J. La préhistoire orientale. III. Paris, 1927. Dessin 284) приведен рисунок трех бронзовых наконечников стрел, абсолютно тождественных помещенным в вышеуказанной работе того же автора, но, по-видимому, с ошибочной подписью: «Têtes de fleches en bronze du Talyche».

ходят или из размытого ручьем могильника или из разрушенного жертвенного места⁶³.

На юго-западном побережье оз. Севан, в сел. Астхадзор, А. О. Мнацаканяном был исследован могильник с большим количеством железных предметов, сходных с урартскими. В тазовой кости одного из погребенных в этом могильнике оказался застрявшим бронзовый наконечник стрелы скифского типа. Много бронзовых наконечников этого типа, двугранных и трехгранных с втулкой, часто имеющей боковой шип, обнаружено при раскопках Кармир-блур.

Они напоминают наконечники из Ирана (Саккызский клад), изображения которых опубликованы Гиршманом; к более позднему типу иранских стрел (трехгранных, ромбических, с короткой втулкой или без нее) относятся наконечники стрел из раскопок на Арин-берде.

Большое число разновременных наконечников стрел VI–IV вв. найдено в Мингечауре⁶⁴.

При раскопках Н. Я. Марра в Ворнаке (сел. Акнер) были обнаружены два бронзовых трехгранных наконечника, датируемых скифским материалом V–IV вв. (Государственный Эрмитаж).

Такие же поздние (IV в.) экземпляры наконечников стрел были открыты А. А. Ивановским при раскопке одного из каменных ящиков (№ 48) в районе Кедабека⁶⁵. Эта находка также является чрезвычайно важной для датировки закавказских древностей.

Изображения бронзовых наконечников ромбической формы с шипом на втулке опубликованы Флиндерсом Петри как происходящие из Ленкорани⁶⁶.

Подобные наконечники стрел стали теперь известны и из Туркмении. В 1937 г. при раскопках на Гяур-кала, у старого Мерва, где нижний слой дает материал, аналогичный Анау IV, были найдены два плоских наконечника стрел, один из которых имел боковой шип. Трехгранные наконечники более позднего типа, датирующиеся концом VI или V в., есть среди материалов Помпелли из раскопок в Анау и на Гяур-кала⁶⁷, где был исследован слой скифского времени.

Указанный материал, приведенный с далеко не исчерпывающей полнотой, связывает отмеченные выше бронзовые наконечники стрел скифского типа, найденные в Передней Азии, с археологическим материалом Северного Кавказа и степей Причерноморья.

Следует еще раз подчеркнуть, что наконечники стрел скифского типа в Закавказье и Передней Азии встречаются наряду с другими и не являются основными формами этого вида оружия, хотя в Передней Азии они вошли в широкое употребление и там изготовлялись, на что указывает находка формы для их отливки.

⁶³ Работы О. Егиазаряна. Материал хранится в Государственном историческом музее Армении.

⁶⁴ Ионе Г. И. Мингечаурская разновидность наконечников стрел скифского типа // Материальная культура Азербайджана. III. Баку, 1953. С. 81.

⁶⁵ Ивановский А. А. По Закавказью // МАК. VI. Рис. 35, 36.

⁶⁶ Flinders Petrie W. M. Tools and weapons. London (British School of Archaeology in Egypt), 1916. Tab. X. 1. P. 133, 134.

⁶⁷ Pumpelly R. Explorations in Turkestan. I. 1908. P. 183. Tab. 39, 7; 51, 6, 7.

Кавказские горы никогда не были непреодолимой стеной, разгораживающей два различных мира. Через Ванское царство Закавказье было связано с древними культурами Передней Азии, и далее, через Кавказ, это влияние древних культур передавалось на Северный Кавказ и в степи Причерноморья.

Уже давно в культуре и искусстве скифов Причерноморья и Северного Кавказа отмечались древневосточные элементы⁶⁸. В курганах также встречаются предметы явно переднеазиатского происхождения или же изготовленные под сильным влиянием, а возможно, и по образцам этого древнего искусства.

В одном из курганов у станицы Келермесской на Кубани, хищнически раскопанном Д. Г. Шульцем в 1903 г., были найдены золотые ножны короткого скифского меча — акинака, украшенные изображениями в древневосточном стиле. На ножнах — фантастические существа с туловищами быков и львов, с крыльями в виде рыб, с головами львов, баранов, быков и грифонов. Некоторые из них (фигуры с головами львов и грифонов) держат натянутые луки со стрелами, готовыми к спуску. В верхней части ножен имеется изображение священных деревьев, около которых стоят две крылатые человеческие фигуры. Подобная же сцена и на рукоятке клинка. На боковом выступе ножен помещены изображение оленя, выполненное в скифском стиле, и стилизованные головы птиц по краю.

Этот выдающийся образец скифского искусства, отражающий древневосточные влияния, не уникален. Гораздо раньше, еще в 1763 г., на Украине, в Херсонской губернии, были найдены поступившие в Кунсткамеру вещи, ставшие известными под названием Мельгуновского клада, среди которых находятся ножны меча, очень похожие на келермесские и отличающиеся от них лишь в деталях декорировки⁶⁹. На мельгуновских ножнах среди фантастических существ, которые держат луки, есть существа с головами людей. Рукоятка акинака из Мельгуновского клада отличается от Келермесского также тем, что в нижней ее части вместо изображения священных деревьев помещены две фигуры лежащих козлов.

По поводу этих памятников исследователи, придерживавшиеся точки зрения об иранском происхождении скифов, указывали, что скифские изделия были «продуктом иранских или работавших в Иране восточных, негреческих мастеров, приспособившихся к вкусам и заданиям скифских заказчиков»⁷⁰. Другие же считали, что в них «ясно выражен ассиро-вавилонский характер»⁷¹.

Описание условий, при которых предметы были обнаружены вместе с ножнами акинака, свидетельствует о том, что этот так называемый Мельгуновский клад представляет набор вещей из случайно открытого древнескифского погребения (Литой курган).

Материалы из этого кургана, а также из группы курганов, раскопанных в Келермесе Д. Г. Шульцем и Н. И. Веселовским, указывают на то, что комплексы предметов с золотыми ножнами следует датировать временем не позже на-

⁶⁸ Пиотровский Б. Б. Урарту, древнейшее государство Закавказья. Л., 1939. С. 52–56.

⁶⁹ Придик Е. М. Мельгуновский клад 1763 года // МАР. 1911. № 31.

⁷⁰ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Пг., 1925. С. 470.

⁷¹ Готье Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. I. М., 1925. С. 224.

чала VI, а возможно, и концом VII в. Таким образом, сама датировка Литого и Келермесского курганов исключает возможность влияния ахеменидского Ирана, которое распространилось в последующее время.

Наиболее близкие аналогии к изображениям на ножнах этих двух акинаков имеются в Закавказье.

В 1904 г. близ сел. Заким б. Ольгинского округа Карсской области с другими вещами, составляющими, по-видимому, клад⁷², был найден пояс из листовой бронзы, украшенный рисунками, среди которых имеются стилизованное дерево жизни, фигуры крылатых коней, львов и быка, изображение человека с луком и отдельные головы львов и человека. При публикации этого клада в «Отчете Археологической комиссии» было указано, что «вещи примечательны по близкому отношению изображений на поясе к фигурам Мельгуновского клада; они могут быть относимы приблизительно к VI в. до Р. Х. или к несколько более раннему времени»⁷³.

Подобный же пояс (рис. 135) известен нам теперь с территории Армянской ССР, где в 1930 г. при раскопках в Ани-пемза Комитетом охраны древностей Армении в одной из могил (№ 6) был обнаружен обломок пояса из листовой бронзы с рисунками, очень близкими к рисункам на поясе, найденном у сел. Заким (рис. 134). Тут мы видим сильно стилизованное дерево жизни, фигуры бегущих быков, львов, и птицы, а также изображение фантастического существа с туловищем птицы и человеческими головой и ногами⁷⁴.

Материалы раскопок на Кармир-блуре с очевидностью показывают, что эти пояса принадлежат урартам. Там же найдено несколько обломков листовых бронзовых поясов, к сожалению, плохо сохранившихся, два из которых имели на концах пластины с изображениями сильно стилизованных деревьев. На других обломках поясов это упрощенное священное дерево помещено в картуш, так же как и на шлемах Аргишти I и Сардури II.

Обломок пояса из Кармир-блуря особенно интересен тем, что обстоятельства находки (в слое несомненно урартского времени) позволяют датировать его доахеменидским периодом.

Чрезвычайная близость рисунков указанных поясов с изображениями на акинаках из Литого и Келермесского курганов особенно четко выступает при сравнении стилизованных деревьев жизни, помещенных у края поясов, с такими же на рукоятках акинаков, где орнаментация несколько богаче.

Деревья жизни находятся в центре изображений низа рукоятки келермесского акинака и в верхней части ножен из Литого и Келермесского курганов. Все изображения различаются лишь в деталях.

Центральное место в этих сценах занимает стилизованное дерево жизни, по обеим сторонам от которого помещены два меньших хвойных дерева. По краям

⁷² Отчет Археологической комиссии. № 215 — 1904 г.

⁷³ Там же. 1904. С. 131.

⁷⁴ Обломки пояса с изображением бегущих козлов, быков и львов, а также птиц с человеческим торсом и ногами происходят из сел. Гуши, на берегу оз. Урмия [Ազգային թանգարանի Էթնոգրափիկական զոնայի. XIII. 1912. էջ 121]. — Реконструкция пояса приведена в работе: Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арапата. Табл. XI.

изображены две человеческие фигуры с крыльями, обращенные лицом к священным деревьям.

На ножнах и на рукоятке акинака из Келермеса человеческие фигуры держат в руках плоды пальмы, подобно гениям на ассирийских рельефах. Над этими фигурами помещены розетки, возможно, символизирующие солнце. На ножнах из Литого кургана они держат в руках какие-то предметы, по-видимому, ветку с плодом. Все фигуры изображены с поднятой правой рукой, т. е. в позе молитвы, обычной в древневосточном искусстве. Именно так на ассирийских памятниках изображался молящийся царь и гений перед священным деревом.

На золотой обкладке рукоятки секиры из Келермесского курганного могильника имеется изображение дерева со стоящими около него козлами в человеческой постановке тела, а в верхней части той же секиры, на обкладке самого железного топора, изображены отдельные человеческие фигуры в молитвенной позе, с поднятой правой рукой и держащие в левой руке какой-то трудноопределимый предмет, похожий на топорик. Фигуры — в длинных одеждах и остроконечных головных уборах.

Изображения священных деревьев на золотых ножнах акинаков весьма характерны (рис. 136); они составлены из двух ярусов поднятых вверх ветвей, соединенных ромбами, на концах этих ветвей имеются плоды двух видов — остроконечные и круглые, с пальметкой в верхней части. Завершается дерево также плодами первого или второго типа.

Священное дерево с поднятыми вверх ветвями и с остроконечными плодами часто встречается в изображениях на ассирийских памятниках, причем иногда дерево увенчивается еще солнечным диском⁷⁵.

С такой схемой священного дерева очень сходно изображение на обломке бронзового пояса из Государственного исторического музея Армении. В левой части этого обломка изображен бегущий грифон, а перед ним дерево или, вернее, ветвь, увенчанная диском, имеющая поразительное сходство как с подобным же изображением на фрагменте кармир-блурского пояса, так и со священными деревьями золотых ножен акинаков из Келермесского и Литого курганов. И обломок пояса из Исторического музея и золотые ножны акинаков имеют очень сходный орнамент, состоящий из витого жгута, пояска из пальметок и остроконечных плодов.

Следует заметить, что в различных районах Передней Азии деревья изображались по-разному⁷⁶. Из всех древневосточных изображений священного дерева наиболее близкими к сохранившимся на разбираемых скифских памятниках оказываются рисунки священных деревьев на оттисках урартских печатей, обнаруженных при раскопках на Топрах-кале. На одном оттиске, опубликованном Леман-Гауптом, имеется изображение дерева со стоящей около него крылатой зооморфной фигурой⁷⁷. На урартских печатях встречаются также и более стилизованные деревья жизни. Следует напомнить, что священные деревья

⁷⁵ Ward W. H. The seal cylinders of Western Asia. Washington. 1910. № 585, 693.

⁷⁶ Perrot N. Les représentations de l'arbre sacré sur les monuments de Mésopotamie et d'Elam // *Babylonica*. XVII. 1937. P. 99.

⁷⁷ Lehmann-Haup. Armenien. I. S. 323.

нам известны в росписях одного из помещений цитадели Эребуни, где они составляют орнаментальный фриз, и на шлемах Аргишти I и Сардури II. Лобная часть шлемов украшена изображениями одиннадцати деревьев со стоящими по их сторонам богами.

На золотых обкладках акинаков из Литого и Келермесского курганов по бокам центрального священного дерева помещены еще два изображения хвойных деревьев, значительно меньших размеров. Значение их трудно объяснить, но подобная композиция встречается также на одной цилиндрической печати с хеттскими иероглифическими знаками. На ней изображено священное дерево, по сторонам которого стоят фантастические крылатые фигуры с львиными ногами и лошадиными головами, а между ними и деревом, в верхней части, изображены звезда и полумесяц, в нижней же части — небольшое хвойное дерево⁷⁸.

Подобное изображение имеется и на урартской печати из Хайкаберда, хранящейся в коллекции Эрмитажа: справа, между адорантами и центральной крылатой богиней, находится небольшое дерево, а слева — фигура козла.

Отдельные детали изображений на золотых обкладках тоже отмечают их связи с переднеазиатским искусством; в частности, украшения одежды гениев на келермесском акинаке напоминают урартские, где излюбленным мотивом декорировки платья были квадраты с помещенными внутри их розетками⁷⁹.

В 1930 г. в одном из докладов в Академии истории материальной культуры К. В. Тревер на основании сравнения изображений на скифских акинаках из Литого и Келермесского курганов с урартскими бронзовыми изделиями и с рисунками на поясе из Карсской области высказала предположение, что они связаны с урартским искусством. К. В. Тревер сравнивала также изображения человеческих голов фантастических животных мельгуновских ножен с урартскими памятниками. Близость этих фигур с урартскими подтверждается и фигурами животных на бронзовых щитах из храма на Топрах-кале⁸⁰, выполненных, кстати сказать, технически так же. В Литом кургане были найдены четыре серебряные ножки от скамеечки⁸¹, которые по форме очень близки к урартским изделиям, в чем можно убедиться, сопоставив их с украшением части бронзового урартского трона в виде бронзовой статуэтки крылатого быка⁸².

Но было бы ошибкой считать эти золотые ножны из скифских курганов урартскими изделиями, случайно попавшими в Скифию. На них наряду с изображениями явно древневосточного характера имеются элементы несомненно скифского стиля: фигура оленя и орнамент в виде сильно стилизованных птичьих голов на боковом выступе акинака, обтянутом тем же листом, что и сами ножны.

Поэтому следует предположить, что эти интереснейшие скифские памятники или делались скифами под влиянием образцов урартского (или вообще

⁷⁸ Ward W. H. The seal cylinders of Western Asia. № 795.

⁷⁹ Ср., например, украшения одежды на бронзовых урартских предметах, а также платья женщин на золотом медальоне из Топрах-кале.

⁸⁰ Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 747, 853.

⁸¹ МАР. № 31. С. 17. Табл. I.

⁸² Пиотровский Б. Б. Урарту, древнейшее государство Закавказья. Л., 1939. С. 37.

древневосточного) искусства, или же изготовлялись для скифов в кавказских районах, где урартская культура была еще жива. Мельгуновские и келермесские ножны не единственная находка такого рода; в раннескифских курганах Северного Кавказа встречается ряд предметов, главным образом из драгоценного металла, которые считаются переднеазиатскими. Таков, например, серебряный сосуд с орнаментом в виде лотосов и с рядом идущих сфинксов, купленный в 1907 г. в Майкопе⁸³, или же золотая чаша с изображением животных, найденная в 1903 г. в одном из курганов у станицы Келермесской⁸⁴, на связи которой с древневосточным искусством уже неоднократно указывалось.

Очень возможно, что и другие предметы несомненно ионийского происхождения или же изготовленные под ионийским влиянием, такие как зеркало, обтянутое листовым золотом, и серебряный ритон с изображением богини-матери, владычицы зверей, происходящие из Келермеса, попадали в Прикубанье через Закавказье, так как Урарту было самым тесным образом связано с Ионией.

Мы знаем, что урартские бронзовые изделия, например бронзовые крылатые человеческие фигурки, служившие украшением верхних частей котлов, были найдены в архаических греческих храмах⁸⁵. Да и сходные формы некоторых урартских и этрусских металлических изделий объясняются, по-видимому, ролью Ионии как посредника⁸⁶.

То обстоятельство, что мельгуновский акинак найден далеко от Кавказа, не должно нас смущать, так как теперь становится возможным проследить весьма древние связи между Кавказом и территорией современной Украины, что доказывается распространением бронзовых ситул с ручками в виде головок хищников с острыми ушами.

Для исследования связей Скифии и Закавказья с Древним Востоком громадное значение имеет одна группа вещей, ставшая известной в недавнее время и связанная, возможно, с пребыванием скифов в приурмийском районе.

В 1950 г. Годаром и Гиршманом⁸⁷ опубликованы предметы, среди которых было большое количество золотых изделий, найденные в конце Второй мировой войны в местности Зивийе, около Саккыза, в Иранском Курдистане. Ранее эта находка считалась кладом, но Барнет убедительно показал, что эти вещи находились в погребении с бронзовым саркофагом в виде ванны, часть которого оказалась среди предметов так называемого Саккызского клада. Приводя аналогии этим саркофагам из Ура и Вавилона, он датирует это погребение не ранее конца VII в.⁸⁸ Саккызская находка вызвала очень большой интерес; вещи, разошедшиеся по рукам, стали стекаться в разные музеи и частные собрания, причем за найденные в Зивийе начали выдавать и предметы, ничего общего с ними не имеющие⁸⁹.

⁸³ Смирнов Я. И. Восточное серебро (Атлас). Табл. XCIX.

⁸⁴ Там же. Табл. CXI.

⁸⁵ *Lehmann-Haupt*. Armenien. II. I. S. 489. Anmerkung. S. 21.

⁸⁶ *Mühlenstein H.* Die Kunst der Etrusker. Berlin, 1929. S. 25–97 (искусство периода около 725–625 гг.).

⁸⁷ *Godard A.* Le trésor de Ziwiye. Haarlem, 1950; *Chirshman R.* Le trésor de Sakkez // *Artibus Asiae*. XIII. 3. 1950. P. 181–206.

⁸⁸ *Barnett R. D.* The treasure of Ziwiye // *Iraq*. XVIII. 2. 1956. P. 111–116.

⁸⁹ *Godard A.* A propos du trésor de Ziwiye // *Artibus Asiae*. XIV. 8. 1951. P. 241.

Среди вещей Саккызского клада отчетливо выделяются три группы предметов, различных по стилю. Первая состоит из древневосточных предметов, в нее входят и несомненные ассирийские изделия, вторая содержит изделия с элементами древневосточного и скифского стиля и третья — памятники местного, возможно манейского, искусства. Среди ассирийских предметов имеются образцы резной кости VIII в. Фалькнер датирует их временем Тиглатпаласара III и считает, что они были изготовлены для одного из ассирийских наместников. Но Саккызский клад, безусловно, состоит из разновременных предметов, и ассирийская резная кость VIII в. не может датировать его в целом. Для нас особый интерес представляют предметы именно второй группы, сочетающие элементы древневосточного стиля со скифским.

Обращают на себя внимание обломки пластинчатого золотого пояса, сплошь покрытого узором, образующим ячейки, расположенные тремя рядами. Средний ряд заполнен изображениями козла, с подобранными в прыжке ногами; изображения напоминают фигуры козлов ахеменидского искусства, а в ячейках верхнего и нижнего рядов помещены фигуры оленей, типичные для скифского искусства⁹⁰. Этот пояс по форме и композиции входит в круг хорошо известных по находкам на территории Карсской области и Закавказья (Кармир-блур, Заким, Ани-пемза) урартских поясов (рис. 135).

Второй предмет — это золотая пластинка (сохранилась в обломках)⁹¹, на которой изображены два священных дерева, расположенных одно над другим. По сторонам верхнего стоят два шеду — крылатые быки с человеческими головами, а за ними крылатые львы с головами грифонов (сохранилась одна фигура). По сторонам нижнего дерева расположены крылатые и рогатые львы с хвостами скорпионов, а позади них — крылатые гении с птичьими головами, держащие в руках ведерки. Все эти фигуры очень характерны для урартского искусства и напоминают по стилю изображения на ножнах келермесского и мельгуновского акинаков. Это сходство дополняется орнаментальной плетенкой, обрамляющей композицию. Изображение сильно стилизованного священного дерева полностью относится к тем изображениям, о которых говорилось выше. Этот предмет, несомненно, является копией древневосточного предмета с утратой смыслового значения — крылатые гении, которым надлежит находиться непосредственно около священного дерева, оттеснены фантастическими животными, нарушившими всю композицию.

Такое же характерное стилизованное дерево помещено в центре двух рядов фигур на золотой пекторали⁹². Эта пектораль имеет орнаментальное обрамление из бутонов. В верхнем ряду по сторонам дерева помещены стоящие на задних ногах козлы, а в нижнем ряду — бегущие быки. И здесь отдельные фигуры, размещенные в полосах пекторали, утратили свое смысловое значение; получается впечатление, что они просто скопированы с древневосточных

⁹⁰ Ghirshman R. Le trésor de Sakkez // *Artibus Asiae*. XIII. 3. 1950. P. 185. Dessin 8; Godard A. A propos du trésor de Ziwiye. *Artibus Asiae*. XIV. 8. 1951. P. 57. Dessin 48.

⁹¹ Godard A. A propos du trésor de Ziwiye. *Artibus Asiae*. XIV. 8. 1951. P. 35. Dessin 25.

⁹² Godard A. A propos du trésor de Ziwiye. Dessin 10, 13, 15–18, 20–24. — Реконструкция пекторали приведена в книге: Дьяконов И. М. История Мидии. М.; Л., 1956. С. 406. Рис. 74.

памятников, как изображения на золотых скифских ножнах. В верхнем ряду расположены следующие фигуры: сфинкс, крылатый бык с человеческой головой, лев, рысь (или пантера) и заяц. В нижнем ряду за фигурами бегущих быков помещены фигура атланта (крылатый бык с человеческим торсом), крылатый грифон, крылатый лев с головой барана, сфинкс, хищник и заяц. Этот предмет, который признается за образец манейско-мидийского искусства, в отдельных деталях имеет сходство как с урартскими, так и со скифскими изделиями. Вздвигавшиеся и стоящие у дерева козлы напоминают животных, помещенных на золотой рукоятке секиры из Келермеса.

Но значительно большее сходство с изображениями на рукоятке келермесской секиры имеют изображения на другом предмете из Саккызского клада: на серебряной обивке щита или блюда⁹³. Эта обивка украшена концентрически расположенными рядами изображений.

Первый ряд, у наружного края, состоит из характерных для урартского искусства лепестков, второй, четвертый и шестой — из голов птиц, третий и седьмой — из фигурок животных с подогнутыми ногами, и, наконец, на пятом изображены бегущие зайцы. Фигуры животных третьего и седьмого рядов очень напоминают те, которые помещены на рукоятке келермесской секиры. Там в вертикальном ряду разнообразные, частью непонятные и искаженные фигуры животных, несомненно, скопированы с других предметов.

В кладке была найдена еще одна вещь, подтверждающая сходство с предметами из Келермесского и Мельгуновского курганов, — золотой наконечник ножен акинака, украшенный двумя животными, стоящими друг перед другом на задних лапах. Этот предмет, не понятый Гиршманом и опубликованный как изображение головы животного (анфас), полностью совпадает с наконечником ножен скифских акинаков. Для скифского искусства эта композиция не характерна.

В цитадели Кармир-блур в 1941 г. была найдена небольшая костяная пластинка с фигурами вертикально поставленных борющихся животных (рис. 137). Сопоставление этого предмета с бронзовой бляхой из скифского погребения на Тамани⁹⁴ с обычными фигурами дерущихся львов и наконечниками ножен мечей указывает, с чем мы должны связывать эту не обычную для скифского искусства композицию.

Клад в Зивийе представляет очень большой интерес, так как найденные там предметы связаны со скифским царством, находившимся у границ страны Мана. Гиршман полагал даже, что в самом названии Саккыз сохранилось имя скифов (Sakaz — Skuza — Σκυθαί), и считал, что на месте Саккыза была столица Парта-туа и его сына Мадия⁹⁵. Крепость Зибиа (Иззибиа, Узбиа), с названием которой возможно сопоставление названия сел. Зивийе⁹⁶, упоминается в ассирийских текстах среди взятых манейских крепостей дважды — в текстах Саргона и Ашурбанипала. Несомненно, предметы, носящие следы влияния древнево-

⁹³ Ghirshman R. Le trésor de Sakkez. P. 186–188. Dessin 9, 10.

⁹⁴ Прушевская Е. О. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // Изв. Археологической комиссии. 63. С. 56–58.

⁹⁵ Ghirshman R. Le trésor de Sakkez // *Artibus Asiae*. XIII. 3. 1950. P. 201.

⁹⁶ Дьяконов И. М. История Мидии. М.; Л., 1956. С. 247. Примеч. 4.

сточного и скифского искусства, были изготовлены на месте, но они не дают еще основания говорить о переднеазиатском происхождении звериного стиля в искусстве скифов, как это думает Годар. Те скифские изделия, которые сопоставляются с предметами из Саккызского клада, являются образцами лишь одной группы памятников скифского искусства, изготовленных под влиянием Древнего Востока и отличающихся от других образцов скифского звериного стиля. Наоборот, в саккызских предметах я усматриваю скифское влияние (фигура оленя, головы птиц, фигуры хищников) и уверен, что между ними и памятниками из келермесских курганов нет большой временной разницы. Нет никакого сомнения в том, что находка в Саккызе содержит разновременные предметы, которые нельзя датировать целиком IX–VIII вв., как это делает Годар, учитывая только дату ассирийских резных костей. Гиршман, обращая внимание на изображения скарабеев на одной бронзовой пластинке, датирует клад второй четвертью VII в., временем Асархаддона⁹⁷.

Как было указано выше, Барнет убедительно доказывает, что все предметы происходят из погребения (по-видимому, вождя), которое не могло быть совершено раньше конца VII в. Исходя из этого я и полагаю, что моя датировка VII и даже началом VI в. золотых предметов, отражающих скифовосточный стиль и сопоставляемых с памятниками искусства из скифских курганов Прикубанья и Северного Причерноморья, может соответствовать действительности⁹⁸. По всей видимости, в этом богатом наборе драгоценностей из погребения вождя большинство предметов составляет захваченную добычу, а такой грабеж, в котором приняли участие и скифы, мог быть осуществлен, наиболее вероятно, в конце VII в., при разгроме Ассирийского государства.

Киммерийские и скифские походы в Переднюю Азию имели важное значение на последнем этапе существования государств Древнего Востока. При своем продвижении киммерийцы и скифы получали поддержку малых стран, входивших в рабовладельческие государства Передней Азии и пытавшихся освободиться от их ига. Скифы содействовали быстрому распаду древневосточного рабовладельческого строя, но не они стали новой организующей силой на территории стран Древнего Востока, а союзы малых стран, входивших ранее в могущественные рабовладельческие государства. Скифы были грозной разрушительной силой: как указывалось выше, в конце VII в. они вступили в антиассирийскую коалицию, участвуя вместе с вавилонянами и мидийцами в разгроме Ассирийского государства.

В настоящее время еще неясно участие скифов в разгроме Мидией Урартского государства, но нет сомнения в том, что окончательный удар урартским центрам в Закавказье был нанесен именно кочевыми племенами, среди которых, вероятно, были и скифы⁹⁹.

⁹⁷ Ghirshman R. Le trésor de Sakkez // *Artibus Asiae*. XIII. 3. 1950. P. 198.

⁹⁸ Barnett R. D. The treasure of Ziwiye // *Iraq*. XVIII. 2. 1956. P. 116.

⁹⁹ Пиотровский Б. Б. Скифы и Древний Восток // *СА*. XIX. 1954. С. 56.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение остается сказать несколько слов по поводу того значения, какое имело Ванское царство для истории Закавказья.

В конце IX в. урарты стали совершать первые походы в южное Закавказье. Вначале эти походы преследовали преимущественно грабительские цели и власть урартов к северу от р. Аракс не была прочной.

В Закавказье урарты встретились с населением, отличным от них по своей культуре, а также со множеством племен, во главе которых стояли вожди, называемые в урартских клинописных текстах царями. Общего объединения племен Закавказья в то время еще не было; это чрезвычайно отчетливо показывают урартские источники.

Общество Закавказья начала I тысячелетия до н. э. находилось на последней стадии разложения доклассовых отношений, и в нем уже зарождалась классовая дифференциация, усилившаяся и оформившаяся после того, как области южного Закавказья вошли в состав Ванского царства.

Урарты утверждали свою власть в Закавказье не только огнем и мечом — они стремились установить также и экономическую зависимость захваченных областей. Мы знаем, что урарты, закрепляя свое влияние в южном Закавказье, заботились об ирригационных сооружениях, строили каналы, разводили виноградники, фруктовые сады и рощи, возводили крепости, дворцы и храмы. С теми областями, которые не вошли в состав Ванского царства, урарты, по видимому, имели торговые сношения. Этим можно объяснить, в частности, то, что предметы древневосточного типа из драгоценного материала были найдены в могильниках Нагорного Карабаха, откуда происходит и агатовая пронизка с клинописью, содержащей имя ассирийского царя Ададнирари.

Я старался показать, как в конце II тысячелетия на территории Армянского нагорья происходил процесс образования Урартского государства из союзов племен Уруатри и Наири. В начале VI в. Урартское государство перестало существовать, начался процесс укрепления нового союза племен, ранее входивших в состав Ванского царства, и образование на этой основе нового государства.

Сначала этот союз возглавляло племя арменов, живших в юго-западной части Ванского царства, затем главенствующее положение в нем перешло к племени хаев, упоминаемому в античных источниках, но соседние народы продолжали еще называть это объединение по-старому — Арминой (Арменией), а не Хайк или Хайастан, как называют свою страну сами армяне.

Армянское государство выросло на основе союза племен, входивших в Урарту. История этих отдельных племен уходит в глубокую древность. Вниматель-

ного отношения заслуживают рассказы Моисея Хоренского о родоначальных армянского народа — Хайке, Арменаке и Араме, причем в их родословной мы встречаем имена Гомера и Торгома, связанные с именами народов, упоминаемых в Библии. Надо иметь в виду, что Моисей Хоренский поместил рассказы о Хайке в начале своего повествования, перед рассказами об Арменаке и Араме, поскольку в его время приоритет принадлежал хаям.

Всяческого внимания заслуживают упоминания Моисея Хоренского о борьбе Араму с мидийцами и ассирийцами, и то, что Араму как будто приписываются деяния урартов, а Паруйру, союзнику мидийца Варбака, — участие в разгроме Ассирии.

Все это, несомненно, имеет свои основания и относится к истории племен, входивших в состав Урарту. Много сведений дают древневосточные материалы и материалы по древнейшей истории Грузии. Формирование этого народа происходило в северо-западных областях Урартского государства, испытывавших сильное хеттское влияние.

К сожалению, совершенно недостаточно изучен период VI—V вв., период образования новых государств Передней Азии, сменивших государства Древнего Востока.

Выше уже указывалось, что нельзя ни один из современных закавказских народов непосредственно выводить от урартов, считая урартов его прямыми и единственными предками. В Передней Азии чрезвычайно сложный процесс этнообразования происходил на основе общего переднеазиатского субстрата, чем и объясняется тесная связь многих этнических терминов Передней Азии.

Для древней истории народов СССР особое значение приобретает вопрос о культурном наследии древнейших государств. Трудно и, вероятно, даже невозможно ответить на вопрос, кто прямые потомки ассирийцев, вавилонян и древних египтян, но исключительная роль этих древних народов в создании мировой культуры ясна каждому. Также и в вопросе о значении Урарту для истории Закавказья мы должны исходить не только из установления генетических связей современных народов Кавказа с древним населением Ванского царства, но и из того значения, какое имело Урарту для развития культуры народов Кавказа.

Влияние культуры Древнего Востока на Закавказье и Кавказ прослеживается со II тысячелетия до н. э. Это нам показывают материалы из раскопок в Прикубанье (Майкоп), Триалети и Кировакане, открывшие богатые погребения вождей племен.

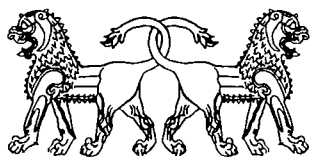
Нельзя согласиться с распространенным одно время мнением, что урарты, заняв в X—IX вв. область Вана, как бы отрезали население Закавказья от влияния ассиро-вавилонской культуры. Материал, приведенный в книге, показывает как раз обратную картину — чрезвычайно большое влияние урартской культуры на Закавказье и отражение этого влияния на севере, за Кавказским хребтом.

Культурное наследие урартов перешло не только к их наследникам, армянам, государство которых выросло непосредственно на территории Ванского царства, но и к другим народам Кавказа.

ИСКУССТВО УРАРТУ

VIII-VI вв. до н. э.

ОЧЕРК ИЗУЧЕНИЯ УРАРТСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Более ста лет назад, в 1859 г., в Эрмитаж из Еревана была доставлена небольшая коллекция древностей. Она состояла из девяти бронзовых предметов: ручки от котла в форме птицы с человеческим торсом, пластинки со скульптурной головкой быка, также служившей украшением котла, части подставки в виде бычьей ноги, трех колокольчиков, двух бляшек конского убора и обломка ручки сосуда или браслета¹ (рис. 138, 139, 210). Все эти древности были случайно найдены курдами в скале, около которой они расположились лагерь. Скала находилась на персидской территории, на правом берегу р. Аракс, напротив казачьего пограничного поста Алишар.

В Эрмитаж часть из найденных курдами старинных бронзовых предметов была передана ереванским военным губернатором генерал-майором Н. П. Коллюбакиным.

В архиве Эрмитажа хранятся рисунок пещеры и сопровождающее его письмо без подписи, написанное по-французски, подробно рассказывающее об обстоятельствах находки.

Привожу текст письма в русском переводе: «Рисунок представляет скалу, высотой около 250 футов, на равнине за нашей границей, в двух верстах от казачьего поста

¹ [Gille F.] Musée de l'Ermitage Imperial. Saint Pétersbourg, 1860. № 38. Р. 194; Рукописный каталог Г. Е. Кизерицкого. Т. III. № 1092–1101. С. 44–50.

Алишар (Ереванская губерния, Шарурский уезд). В четверти версты от подножия скалы протекает Аракс... Пещера была открыта курдами из племени Джалали, которые расположились лагерем у подножия скалы. По указанию какого-то муллы они сместили большие камни с вершины кряжа и открыли три больших отесанных камня, которые образуют крышу камеры № 1 (см. рис. 127. — *Ред.*). Чтобы проникнуть туда, они проделали отверстие (№ 2) в среднем камне и спустились в камеру, почти полностью заполненную мелкой землей, ссыпавшейся, вероятно, через щели в углах потолка и стен, сложенных из тесанных камней. Расчистив до известной глубины камеру, они открыли семь квадратных ниш (№ 3). В каждой нише находился сосуд (№ 6). Расчищенная в верхней своей части дверь ведет в другое помещение (№ 7) неправильной формы, потолок которого, видимо, сводчатый. Эта камера № 7, которая является более низкой, чем № 1, по-видимому, спускается и сообщается с тремя камерами, находящимися у подножия скалы с другой стороны. В камере № 1 были найдены все предметы, отправленные в Петербург. Вазы, наполненные золотом и серебром, по уверению курдов, были доставлены ими Макинскому хану. В камере № 7 находится несколько шариков от четок и несколько бронзовых обломков в форме змеиных голов. Нельзя заключить, чтобы это была гробница, так как там не было никаких признаков гроба или скелета, а скорее всего это было место, где прятали сокровища. В другой стороне скалы (рисунок на обороте) виден огромный камень (№ 8), закрывающий вход в среднюю комнату (№ 9). № 10 и 11 — две камеры, стены и потолок которых, подобно камере № 1, сделаны из необработанного камня, полы засыпаны щебнем. Отверстие (№ 12), через которое теперь входят, находится под большим камнем (№ 8), оно так низко, что туда только проползают. Камеры сообщаются достаточно высокими и широкими отверстиями»².

Из текста письма видно, что курды проникли, вопреки мнению автора письма, именно в древнюю гробницу, высеченную в скале и состоявшую из двух помещений. В письме описывается находка каменных бус, обломков бронзовых браслетов со змеиными головками на концах и приводится явно вымышленный рассказ о вазах, наполненных золотом и серебром, якобы переданных Макинскому хану. Кроме рисунка скалы, дан также рисунок одного сосуда, с отверстиями на плечиках и глиняной пробкой, что указывает на возможность определения этих сосудов как урн для праха покойного.

В 1860 г. в Тегеран через Закавказье проезжало прусское посольство, секретарем которого был египтолог Генрих Бругш, получивший впоследствии широкую известность. В своей книге, посвященной поездке в Персию в 1860–1861 гг., он много места уделяет рассказу о встречах с Н. П. Колюбакиным, поразившим его блеском французской речи, и городничим Нахичевани Н. Н. Квартано, хорошо владевшим многими иностранными языками, который ознакомил его с прошлым края и показал скалу, где, по его словам, были найдены интересные древности. От городничего Г. Бругш получил бронзовую нож-

² Архив Государственного Эрмитажа. Опись № 1. 1858. № 62; связь этого письма, так же как и сведений Г. Бругша о полученных им древностях, с предметами, переданными в Эрмитаж в 1859 г. Н. П. Колюбакиным, была установлена А. А. Иессеном.

ку какого-то предмета в виде бычьей ноги, подобную поступившей через Н. П. Колюбакина в Эрмитаж, и другой, бронзовый же предмет, описанный им как «ассирийский крест с петлей», по-видимому, ручку котла, состоящую из крестовидной пластинки с кольцом³.

Таким образом, анонимное письмо, раскрывающее происхождение поступивших в 1859 г. из Еревана древностей, могло принадлежать не только генерал-майору Н. П. Колюбакину, но и Н. Н. Квартано, причем форма письма, написанного в виде рапорта, почерк и отсутствие подписи делают второе предположение более вероятным.

В 1860 г., через год после поступления в Эрмитаж, древности, найденные напротив поста Алишар, были описаны в каталоге Эрмитажа как сасанидские, причем фигурка птицы с человеческим торсом и головка быка при консультации известного нумизмата генерал-лейтенанта И. А. Бартоломея, богатейшая коллекция сасанидских монет которого хранится в Эрмитаже, связывались с мифологией Авесты⁴.

Сто лет назад, когда хранитель Эрмитажа принимал и описывал древности, доставленные из Еревана, он не мог сравнить их с какими-либо предметами, хранившимися тогда в Эрмитаже, а мнение Г. Бругша об ассирийской их принадлежности еще не было известно.

Хранитель не мог также подозревать, что на одном из бронзовых колокольчиков Алишарской коллекции через 94 года под слоем патины будет открыта клинообразная надпись. Если бы клинопись и не была тогда скрыта от взоров, то хранитель все же не смог бы правильно определить принадлежность древностей определенной культуре, поскольку никто в это время не умел перевести эту короткую однострочную надпись, содержащую имя урартского царя Аргишти I. Урартские клинообразные надписи в 1860 г. были еще не прочитаны, а памятники искусства этого царства оставались еще неизвестными. Урарту было забытым государством Древнего Востока.

* * *

В «Истории Армении» знаменитого средневекового армянского историка Моисея Хоренского (Мовсеса Хоренаци) сохранилась легенда об Ара Прекрасном и ассирийской царице Шамирам, в которой подробно рассказывается о постройке города на восточном берегу озера Ван (кн. I, 16).

«Объездив множество мест, достигает она (т. е. Шамирам) Соленого озера, с восточной его стороны, и видит продолговатую гору, по долине тянущуюся к западу, в северной части пологую, в южной же вздымающуюся к небу и обрывающуюся крутым утесом. К югу от него и к востоку от горы раскинулась обширная долина, переходящая в снижающееся к берегу озера ущелье, изобилующее питьевой водой, которая ручьями стекала с горы и сочилась из падей и расселин,

³ *Brugsch H. Reise der K. Preussischen Gesandtschaft nach Persien 1860 und 1861. I. Leipzig, 1862. S. 126–128, 143–145.*

⁴ [*Gille F.*] *Musée de l'Ermitage Impérial. P. 194, 374; [Жиль Ф.] Музей Императорского Эрмитажа. СПб., 1861. С. 218, 408.*

а еще ниже, у подножия, красиво сочетаясь, сливалась в большую реку, слева и справа от которой, по склонам, находилось немалое количество поселений. К востоку от облюбованного ею холма высился другой, поменьше...»

Решив построить здесь город, Шамирам, согласно легенде, дает приказание немедленно привести из Ассирии и подвластных ей стран «...двенадцать тысяч простых работников и шесть тысяч из ее мастеров, искусных резчиков на дереве, камне, меди и железе, знающих в совершенстве свое искусство... Спустя немного лет завершает она дивное строительство возведением крепчайших стен с медными воротами. В самом городе понастроила она множество роскошных зданий, с большим разнообразием в камне и цвете, в два и три этажа. Мастерски распланировала она город широкими улицами. Выстроила посреди города прекрасные купальни, достойные удивления... И много еще достопримечательного создала она в этой великолепной твердыне и населила ее множеством жителей. А все то чудесное, что сооружено было ею в нагорной части города, — непостижимо для большинства людей и неопишимо. Опоясав стенами вершину, на которую никому не взойти, не взобраться, воздвигла она там царский дворец, таинственный и страшный. Как и что там сооружено — в точности ни от кого нам не довелось слышать, и мы не решаемся описать. Достаточно сказать, что из всех царских сооружений это, как мы слышали, считается самым величественным. На стороне горы, обращенной на восток, по поверхности которой не проведешь черты железом, такова твердость ее, высечены различные дворцы, покои с опочивальнями, казнохранилища, продолговатые углубления — и кто расскажет о том, какие чудеса она понастроила там. По всей поверхности скалы, как стилем по воску, начертала множество писмен. Один только вид этой скалы приводит в изумление всякого. Этого мало, Шамирам во многих местах страны армянской воздвигла столбы с подобными же письменами, приказала начертать какие-то надписи...»⁵

Этот рассказ, который рассматривался как одна из легенд, связанных с именем Семирамиды (Шамирам), привлек особое внимание востоковедов после того, как молодой ученый, профессор университета в Гисене, Фридрих Эдуард Шульц, командированный в 1827 г. Французским Азиатским обществом в Турцию, сообщил о тех древностях, которые он обнаружил в городе Ване, на восточном берегу озера Ван⁶. Удивление вызвало и то обстоятельство, что в районе города Вана много названий развалин, холмов и даже действующего канала было связано с именем Шамирам. Поразительно точно оказалась описанной Моисеем Хоренским и Ванская скала, возвышавшаяся на низменном берегу озера, на которой находилась слабо укрепленная турецкая крепость. Стены крепости были возведены на остатках древних стен, сложенных из громадных камней. Шульцу удалось получить разрешение на доступ в крепость и подробно описать замечательные высеченные в скале помещения, которые были не

⁵ История Армении Моисея Хоренского / Русский перевод Н. О. Эмина. М., 1893. С. 28–29; мною приведен уточненный перевод Л. А. Калантара.

⁶ *Saint-Martin J.* Notice sur le voyage littéraire de M. Schulz en Orient, et sur les découvertes qu'il a faites récemment dans les ruines de la ville de Sémiramis en Arménie // *Journal Asiatique*. Paris, 1828. V. II. P. 161.

дворцами и казнохранилищами, как думал армянский историк, а, по-видимому, царскими гробницами. Он тщательно копировал древние клинообразные надписи, высеченные на поверхности скалы, иногда около входа в искусственные пещеры, а также на камнях из древних построек, вложенных в стены церквей или городских домов.

Несмотря на то что Шульц не имел представления ни о системе письма, ни о языке нерасшифрованных ванских клинописей, его копии оказались очень точными и ими долгое время пользовались ученые, работавшие над расшифровкой этих надписей. В обстоятельных и подробных отчетах, посланных Шульцем во Французское Азиатское общество, нет сообщений о находках в районе Вана древних предметов: по-видимому, в это время они еще не привлекали внимание местных жителей, которые, вероятно во время своих строительных работ на месте древнего города, их обнаруживали, но не придавали им значения. Успешная деятельность Шульца была внезапно прервана — в 1829 г. в горах, около Джуламерка, он был убит. Только в 1840 г. были опубликованы его материалы, отправленные им в Париж в июне 1828 г., содержавшие 42 копии клинообразных надписей, описание помещений, высеченных в Ванской скале, и некоторых крепостей⁷. После смерти Шульца работы востоковедов в Ванском районе были надолго прерваны; расшифровка ванских клинописей и собирание новых эпиграфических памятников этого рода продолжались, но в полном отрыве от археологических работ, хотя интерес к древностям все возрастал. Блестящие археологические открытия в центре Ассирии, раскопки П. Э. Ботта в Хорсабаде (1842–1843 гг.) и А. Г. Лэйарда в Нимруде (1845–1849 гг.) привлекли всеобщее внимание к древним памятникам Месопотамии, но так как археологи в Ване не появлялись, то их место заняли кладоискатели.

* * *

В результате деятельности кладоискателей, пока еще неизвестными нам путями, отдельные древности из Вана начали проникать к антикварам и в музеи.

Известный фотограф Д. И. Ермаков, живший в Тбилиси и сохранивший в фотографиях многие ценные памятники древнего и средневекового искусства, включил в свои альбомы также снимки двух бронзовых предметов из Вана, поступивших в Константинопольский музей (№ 376, 405–407). Это уже известные нам по алишарской находке две ручки от котлов в форме птицы с человеческим торсом (рис. 140). В своем каталоге Д. И. Ермаков отметил их как «бронзовая фигура, изображающая святого Духа». В 1871 г. на эти фотографии обратил внимание М. Броссе, который опубликовал небольшую статью по поводу воспроизведенных на них бронзовых фигурок из Вана и, не соглашаясь с определением, данным в каталоге Д. И. Ермакова, относил их не к византийской, а к ассирийской культуре⁸.

⁷ Schulz F. E. Mémoire sur le lac de Van et ses environs // Journal Asiatique. Paris, 1840. V. IX. P. 257–323.

⁸ Brosset M. Etudes sur les monuments Géorgiens photographiés par M. Iermakof, et sur leurs inscriptions // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. 1871. XVI. P. 433–464, перепечатано в Mélanges Asiatiques. VI (1869–1873). St. Pétersbourg, 1873. P. 486–523.

Вместе со своей статьей М. Броссе опубликовал два письма, одно крупнейшего русского искусствоведа В. В. Стасова, а другое французского востоковеда А. де Лонперье.

В. В. Стасов, указывая на то, что в статуэтках нет элементов ни «семитического», ни «арийского» искусства, считал, что они отражают третий элемент и являются крайне важными памятниками для изучения древностей Передней Азии. Тем самым он предугадал значение еще не известных в его время хурритской и хеттской культур, важнейших элементов древневосточной культуры на территории Передней Азии. А. де Лонперье также отмечал, что опубликованные М. Броссе статуэтки не имеют черт египетского и греческого стиля и ближе всего стоят к вавилонским памятникам. Он допускал две возможности их определения: 1) как вавилонских изделий, попавших в Армению путем торговли и 2) как памятников культуры алародиев Геродота, которых Г. Роулинсон и Ф. Ленорман сопоставляют с урартами, упоминаемыми в ассирийских письменных источниках⁹.

Таким образом, уже в 1871 г. были правильно определены первые памятники искусства государства Урарту (Ванского царства), представленного в то время лишь клинообразными надписями, собрание которых продолжалось, а расшифровка их делала только первые шаги.

Но, несмотря на это, памятники урартского искусства еще долго причислялись к ассирийским и не выделялись из обзора ассирийского искусства. Так, Ж. Перро и Ш. Шипье в «Истории искусства в древности», приводя из статьи А. де Лонперье рисунок определенной им урартской бронзовой статуэтки из Вана, поместили ее в общий ряд с ассирийскими памятниками, вместе с другими ставшими в то время известными ванскими древностями¹⁰.

Также и Д. И. Ермаков, сфотографировав еще одну урартскую статуэтку — фигуру бога на фантастическом животном, долго находившуюся в неизвестности и недавно объявившуюся в частной коллекции Стоклэ (Stoclet) в Брюсселе, в описи фотографий отметил: «№ 7445–7448. Персеполис. Бронзовый ассирийский идол на быке».

С середины 70-х гг. и особенно в первой половине 80-х гг. количество древностей из Вана на антикварном рынке заметно увеличилось, ванские кладоискатели развили интенсивную деятельность, преимущественно на холме Топрах-кале, который местные жители называли «Зымзым-магара». Ванская крепость была им недоступна.

В 1874 г. в Британский музей от Д. Ормузда (G. Hormuzd) поступила первая урартская бронзовая статуэтка, изображающая стоящего бога, коническая тияра которого украшена рогами.

Мы располагаем интересными сведениями о торговцах древностями в Ване, которые уточняются сопоставлениями архивных материалов, хранящихся в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург. — *Ред.*) и Лондоне¹¹.

⁹ Longpérier A. de. Deux bronzes antiques de Van. Oeuvres A. M. Longpérier. I. Paris, 1883. P. 276.

¹⁰ Perrot G., Chipiez Ch. Histoire de l'Art dans l'Antiquité. Paris, 1884. P. 584. Fig. 281.

¹¹ Пиотровский Б. Б. Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа // ТОВЭ. I. Л., 1939. С. 44–60; Barnett. Iraq. XII. I. 1. P. 1–43; Iraq. XVI. I. 1954. P. 3–22.

Характерным документом этого рода является написанное по-армянски письмо из Вана профессору Петербургского университета К. П. Патканову (10/22 июля 1884 г.).

«Вот уже более шести лет в Васпуракане мною приобретены постепенно следующие древности, которые сохраняю со всей бережностью, как бесценные перлы национальной древности доисторических времен и которые могут дать новое освещение как истории нашей древней жизни, так и нынешней науки вообще. Вот краткий список древностей: 1) один большой щит яйцевидно-округленной формы из чистой меди с искусно выполненными, в два ряда расположенными, выгравированными изображениями львов и быков, вокруг щита имеется клинопись; 2) маленький идол богини из того же материала, покрытый чистым золотом. Голова фигуры утеряна, но найденная рядом с ней половина головы фигуры представляется принадлежащей ей; 3) фигура грифона («птице-льва») того же материала и также некогда покрытая чистым золотом. Рисунок этого (предмета) как образец получите в приложении. Хотя древний металл и является медью, однако обладает особой тяжестью, а покрывающее его золото отпало, частью вследствие пребывания под развалинами извечных времен, частью же содрано нашедшими (предмет) невеждами; 4) маленькие красные кувшины из глины, на некоторых из них клинопись; 5) земледельческий лемех неимоверной величины; 6) молоты; 7) возможно, стол для жертвоприношений с круглыми отверстиями, на боках которого, вероятно, были надписи; 8) две чаши того же металла. Одна плотная, другая тонкая и изукрашенная; 9) наконечники копий; 10) разноцветная, с тонким вкусом выделанная мозаика от дворца или храма, называемая как будто «ванакн», мелкие детали различных украшений, клинописи и т. д.

Принадлежащие мне древности обнаружены рядом с Айгестаном в развалинах крепости «Зымзым-магара», которая представляется скорее дворцом или большим храмом. У подножия этой голой скалы и расположена «Мхери-дур», сплошь покрытая клинописью, которая в свое время была скопирована. В прошлом году англичане покопали немного эти обширные развалины на средства Британского музея. Было обнаружено прекрасное здание, похожее на дворец, но, несмотря на большие расходы, извлекли лишь щит и маленькую фигурку, подобную моим, которым английская пресса придала весьма крупное значение. Они намерены подробно исследовать.

Некогда в указанных развалинах было обнаружено множество прекрасных вещей, как неимоверной величины трон, сплошь покрытый клинописью и позолоченный, но больно сообщить, что по возвращении моем из Европы я узнал, что, расколов, его уничтожили. Я помню в детстве, какое огромное количество различных фигур обнаруживали в этих развалинах, но, принимая их за проклятое дело рук сатаны или джиннов, ударами молота разбивали и выдвигали из них бронзовые сосуды или лопаты и лемехи. На этом месте монеты не обнаруживали и их нет. В других развалинах мною найдены серебряные и бронзовые змеи (обломки браслетов, украшенные головками змей. — *Б. П.*)... С целью расширения моих археологических исследований и для приобретения более ценных древностей я вынужден, против своего желания, продать имеющиеся у меня древности... При сем обращаюсь к Вам с просьбой предложить

их в Петербургский Музей... с помощью русского консула в Ване, моего друга К. Камсаракана, все это упакую и отправлю Вам, беря на себя расходы по отправке, и как Вы договоритесь с Дирекцией Музея, я на то и соглашусь. Я беру все тут взвесить и опечатать. Полагаю, что минимально указанные древности стоят от 3 до 5 тысяч, а еще больше, если я отправлю их в Лондон или Париж. Седрак (окончание подписи неразборчиво)»¹².

Несмотря на то что подпись под письмом целиком не читалась, все же имя его автора, как показал Р. Барнет, устанавливается с полной очевидностью. Это был торговец ванскими древностями Седрак Девганц, который в 1885 г. предлагал некоторые из перечисленных в письме предметов известному венскому востоковеду Д. Мюллеру¹³. Дальнейшая судьба всей упомянутой в письме коллекции нам хорошо известна, она полностью попала в Берлинский музей и была опубликована К. Леман-Гауптом¹⁴, который не указал ни времени, ни способа поступления этих предметов в музей.

Седрак Девганц в своем письме к К. П. Патканову писал о том, что древности он собирает более шести лет и вполне возможно, что армянин, предлагавший А. Лэйарду в 1877 г., в первый год его пребывания послом в Константинополе, «ассирийские древности из Вана»¹⁵, был также Девганц. В эту коллекцию древностей, купленную Британским музеем, вошли бронзовые фигурки лежащего и стоящего крылатых быков, один с человеческим торсом, части трона, плоское изображение трехэтажного здания, обломки щита. По поручению А. Лэйарда О. Рассам, посетив Ван, установил, что предметы ассирийского стиля, предложенные в Константинополе к покупке, были найдены на холме Топрак-кале, расположенном неподалеку от Ванской скалы. Там в 1879 и 1890 гг. на средства Британского музея были произведены раскопки, о которых Девганц и писал в своем письме к К. П. Патканову.

Большинство урартских древностей, принадлежавших, возможно, трону, о находке которого писал Девганц, поступило в музей и частные коллекции от торговцев древностями в период от 1877 г. до 1885 г. Они и по сей день являются лучшими образцами урартского искусства. Интересные бронзовые предметы, попавшие в коллекцию Воге (Франция), были опубликованы Ж. Перро и Ш. Шипье в 1884 г., фигурка, изображающая бога на фантастическом животном, происходящая, по сведениям, из Эрзерума, поступила в Лувр в 1885 г., две статуэтки собрания А. С. Уварова находились в нем также до 1885 г.

Возможно, что и после окончания раскопок Британского музея работы кладовискателей на Топрак-кале вспыхнули с новой силой. Во всяком случае, Д. Рейнольдс информировал Британский музей о том, что в феврале и июне 1884 г. местные жители приносили для продажи бронзовые фигурки. Для нас особенно интересно его письмо от 20 июня 1884 г., в котором Рейнольдс писал: «Вчера рабочий, который копал на своем участке около траншей г-на Рассама, нашел

¹² Письмо хранится в делах К. П. Патканова в Архиве Института народов Азии Академии наук СССР.

¹³ *Barnett. Iraq. XVI. I. P. 18*, со ссылкой на указание D. H. Müller'a (*Denkschriften der Wiener Academie d. Wiss. Phil-Hist. Kl. XIII. 1886. S. 15*).

¹⁴ *Lehmann-Haupt. Materialien. S. 96-100*.

¹⁵ *Barnett. Iraq. XII. I. P. 3-8*.

бронзового идола очень хорошей сохранности. Тело его львиное с крыльями, но остальное тело перьями не покрыто. Сюда же присоединена человеческая голова и руки, сложенные спереди. Лицо сделано из кости. Если Вы получили мое предыдущее письмо, содержащее описание и изображение идолов, которые здесь продаются, то эта (фигурка) напоминает одного из изображенных там, но немножко меньше, около 7 дюймов длины и 5 дюймов высоты»¹⁶.

Нет сомнения в том, что это письмо, хранящееся в архиве Британского музея, сообщает о находке урартской статуэтки, поступившей в Эрмитаж 24 декабря 1885 г.

В Архиве Эрмитажа имеется следующая расписка Ф. Бернштама, у которого была приобретена небольшая коллекция древностей из Вана: «Продано мною для Отделения древностей Имп. Эрмитажа за три тысячи рублей следующие ассирийские вещи, а именно: 1 серебряный браслет (со львиными головками), 1 подобный же браслет, но разломанный, 1 бронзовый крылатый лев с человеческим лицом из алебаstra, 1 бронзовый баран с испорченным лицом, 1 бронзовый наконечник от посоха, 1 бронзовое кольцо, 1 кусок бронзовых лат, бронзовые фрагменты и разные куски из алебаstra, все это найдено г-ном К. Камсараканом в г. Ване, на холме Топрах-кале в 1884 г.»¹⁷

Вспомним, что именно через русского консула в Ване К. Камсаракана намеревался и Седрак Девганц переправить в Россию имевшиеся у него древности. К. Камсаракан не был единственным любителем старины, и в других иностранных консульствах и миссиях Вана составлялись ценные археологические коллекции.

Таким образом, сопоставление архивных данных освещает интересный период собирания материалов по истории древней культуры Урарту, когда поиски и обнаружение древностей находились преимущественно в руках кладоискателей, к счастью, облюбовавших лишь один памятник — древнюю крепость на высотах Топрах-кале, около Вана.

* * *

Находки кладоискателей послужили поводом и для первых археологических работ в Ване. В 1877 г. после предложения к покупке ценной коллекции урартских древностей А. Лэйард направил в Ван своего испытанного помощника по раскопкам ассирийских дворцов Ормузда Рассама, опытного «расхитителя древностей», с именем которого связано много сенсационных открытий в области археологии Ассирии, это ему удалось в Ниневии на участке, переданном Франции, браконьерски произвести раскопки и обнаружить не только самый лучший зал дворца Ашурбанипала с рельефами, изображавшими царскую охоту на львов, но и найти на полу зала вторую часть знаменитой библиотеки Ашурбанипала, первую часть которой он открыл в экспедиции

¹⁶ Barnett. Iraq. XII. I. P. 20, 21; Barnett. Iraq. XVI. I. P. 19.

¹⁷ Архив Эрмитажа, 1885, № 20 — «Дело канц. Имп. Эрмитажа о покупке у г. Бернштама бронзовых ассирийских вещей». Неточности в определении размеров фигурки и неправильное определение материала, из которого изготовлена голова, не могут служить доводом против отождествления фигурки крылатого льва из этой расписки с фигуркой, описанной Рейнольдсом.

Лэйарда несколькими годами раньше. Позднее ему посчастливилось откопать на холме Балават, в развалинах дворца Салманасара III, великолепные бронзовые обивки ворот с изображениями сцен из ассирийских походов.

В 1879 г. на Топрах-кале начала работать экспедиция Британского музея, во главе которой стоял английский вице-консул капитан Э. Клэйтон; в экспедиции приняли участие американский миссионер Д. Рейнольдс и О. Рассам¹⁸. Экспедиция работала два года, но городище Топрах-кале не оправдало ожиданий исследователей: в траншее попадались лишь мелкие предметы, представлявшие незначительный интерес. Больше музейных древностей дали раскопки храма в северо-восточной части холма, с которого раскопки и начались.

Были откопаны стены из хорошо обработанных камней светлого и темного цвета, сложенных в шахматном порядке. Внутри храма и около него были найдены следующие вещи: крупный каменный жертвенник, бронзовые декоративные щиты, украшенные изображениями животных и снабженные клинообразными надписями царя Русы, сына Эримены, бронзовые статуэтки — части мебели (бог, стоящий на быке и лежащий лев), фигурки из слоновой кости, обломки каменной мозаики и глиняные сосуды. Безусловно, от раскопок в Ване ожидали большего, надеялись обнаружить монументальные памятники, похожие на ассирийские дворцы, каменные рельефы, большое количество предметов искусства. Но коллекция древностей из Вана, купленная в 1877 г., была богаче коллекции предметов, найденных при раскопках. Рассам в книге, посвященной его раскопкам в Передней Азии, работам на Топрах-кале уделил всего две страницы и опубликовал фотографии процесса расчистки храма и кучи найденных на Топрах-кале предметов. Топрах-кале он рассматривал как малоинтересный памятник окраины ассирийской культуры.

Материал, найденный при раскопках, в основной своей части поступил в Британский музей, где был выставлен в зале ассирийских древностей; некоторые предметы попали через Рейнольдса в Америку. Долгое время коллекция урартских древностей находилась в музее без обработки. В 1882 г. А. Сэйсом, составившим первую сводку урартских клинописей, были опубликованы надписи на бронзовых предметах, но сами предметы, представлявшие большой интерес для истории искусства и культуры Урарту, оставались лежать в витринах и музейных запасах без должного внимания. Лишь в 1931 г. К. Леман-Гаупт опубликовал далеко не полный список урартских древностей Британского музея и несколько их фотографий¹⁹. В общих трудах по истории искусства Древнего Востока также приводились отдельные предметы из Вана, но не самостоятельно, а в обзоре ассирийского искусства²⁰.

Только через 80 лет после окончания раскопок коллекция урартских древностей Британского музея была достойно издана Р. Барнетом, обработавшим также архивный материал, относящийся к поступлению отдельных предметов и раскопкам в Ване²¹.

¹⁸ *Rassam H. Asshur and the Land of Nimrod*. New York, 1897. P. 377, 378.

¹⁹ *Lehmann-Haupt*. Armenien. II. 2.; *Urartu // The Encyclopaedia Britannica*. XXII. London, 1929.

²⁰ *Schäfer H., Andrae W.* Die Kunst des alten Orients. XXIV. 1925. Taf. 546.

²¹ *Barnett*. Iraq. XII. I. P. 1–43; *Barnett*. Iraq. XVI. I. P. 3–22.

Археологические работы на Топрах-кале были возобновлены в 1898 г. германской экспедицией К. Леман-Гаупта и В. Белька²². Холм в это время был уже в сильной степени испорчен кладоискателями и местными жителями. Вся его поверхность была изрыта ямами, а камни открытых древних построек растащены. Экспедиция расчистила остатки фундамента храма, раскопанного англичанами, но никаких находок там не оказалось. Для добычи археологического материала археологи заложили раскопы в разных местах городища, на месте дворца, где в большом количестве были обнаружены обломки разноцветной каменной инкрустации пола, на месте кладовой для вина, где оказалось более двух десятков крупных кувшинов-карасов, сильно разрушенных, и в других жилищах городища, погибших во время сильного пожара, возникшего при внезапном нападении врагов. Раскопки дали большое количество бытовых предметов, железного и бронзового оружия, орудий, керамики и мелких украшений, но памятников урартского искусства оказалось мало. Из них следует отметить бронзовую ножку трона, бронзовый канделябр, в нижней части изогнутых ножек украшенный фигурками крылатых бычков с человеческими головами, и тонкий дисковидный медальон из золота с изображением богини, сидящей на троне, и стоящей перед ней женщины. Этот медальон, найденный в одном из карасов для вина, был похищен рабочими, и руководителю работ пришлось его выкупать у ванского ювелира.

Долгое время материал раскопок К. Леман-Гаупта лежал в Берлинском музее недоработанным. Недавно Г. Мейер, разобравший оставшиеся неразобранными ящики экспедиции, проведя реставрационную работу, обнаружил в старом материале много нового: крупный кусок листовой бронзы с круглыми вырезами для каменной инкрустации, обивку с изображением крупной пальметки, часть крупной пластины, изображающей трехэтажное здание, аналогичное пластине Британского музея. При реставрации подвески-лунницы из электра на ней было открыто изображение сидящей богини, стоящей женщины и двух деревьев²³.

Реставрирован был и бронзовый канделябр, поступивший в Гамбургский музей, причем при реставрации на стержне канделябра обнаружилась клинообразная надпись, упоминающая имя урартского царя Русы²⁴.

Таким образом, не только раскопки в земле, но и раскопки музейных хранилищ, как видно на примерах Британского и Берлинского музеев, могут дать интересные и новые результаты.

После работ германской экспедиции холм Топрах-кале долгое время не привлекал к себе внимания археологов. Лишь зимой 1911/12 г. И. А. Орбели произвел небольшие раскопки на его восточном склоне, около места, где германская экспедиция нашла бронзовый канделябр. Им были найдены обломки облицовки стены из красного мрамора с изображением быков и деревьев в орнамен-

²² Предварительные отчеты напечатаны в: *Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*. Berlin, 1898. S. 127, 522, 568; *Lehmann-Haupt*. Materialien. S. 65–1248; *Lehmann-Haupt*. Armenien. I; Armenien. II. I; II. 2.

²³ *Meyer G. R.* Ein neuentdeckter urartäischer Brustschmuck // *Das Altertum*. I. 4. Berlin, 1955. S. 205–213.

²⁴ *Hoffmann H.* King Rusa's Candelabrum: The largest urartian Bronze ever found, rediscovered in Hamburg and restored // *The Illustrated London News*. 19 Nov., 1960. P. 896.

тальном обрамлении, большое количество каменных колец и конических вставок от инкрустации пола и различные предметы²⁵. В 1916 г., когда Русскому археологическому обществу удалось снарядить археологическую экспедицию в Ван, ее руководитель Н. Я. Марр снова для раскопок выбрал Топрах-кале. Но к этому времени холм был настолько изрыт кладоискателями и археологами, что на нем невозможно было найти нетронутое место. Материал этих раскопок, хранящийся в Эрмитаже, состоит преимущественно из обломков керамики и железных и бронзовых изделий, предметов же, характеризующих урартское искусство, найдено не было.

После работ экспедиции Русского археологического общества археологические исследования в Ванском районе были прерваны на 22 года, и только летом 1938 г. на Ванской скале и на Топрах-кале работала американская экспедиция под руководством К. Лэйк, которая ставила своей задачей проверку датировки материалов прежних раскопок. На северном склоне Ванской скалы экспедиция расчистила всю площадку перед нишами, раскопанными еще в 1916 г. И. А. Орбели, который в одной из них обнаружил каменную стелу со знаменитой летописью урартского царя Сардури. Ничего нового, по сравнению с работами 1916 г., это исследование американской экспедиции не дало, также не были получены интересные результаты и при разведочных работах в других древних крепостях Ванского района²⁶. Археологические исследования в центре Урарту постепенно затухали.

* * *

В то время как изучение памятников центральной части Урарту, расположенных на территории Турции, приостановилось, в северной части древнего царства, в Закавказье, на территории Армянской ССР, их исследование получило широкое развитие.

Долгое время единственными памятниками, свидетельствовавшими о том, что Араратская равнина, горные районы Арагаца и побережье озера Севан входили в состав Урарту, были клинообразные надписи, высеченные на скалах и камнях древних построек. Урартские надписи в Закавказье стали известны с 1862 г., но археологические памятники, относящиеся к этому царству, долго оставались неизвестными. В 1880 г. подготовительный комитет к V Всероссийскому археологическому съезду поручил А. С. Уварову и А. Д. Ерицяну произвести раскопки на Армавирском холме в Араратской равнине, откуда происходило наибольшее количество известных в то время урартских надписей. Но работы эти не дали ожидаемых результатов, находки были крайне бедны, а строительные остатки исследователи отнесли к Средневековью²⁷.

²⁵ Орбели И. А. Предварительный отчет о командировке в азиатскую Турцию. 1911–1912 гг. // Изв. Академии наук. Пб., 1912. С. 922; Фармаковский Б. В. Архаический период на юге России // МАР. № 34. П. 1914. Табл. XVII–XVIII.

²⁶ Lake K. Vanda yapilan halfriyat. 1938. Turk Tarih, Arckeologya ve Etnografye Dergisi. IV. 1940. P. 179–191; Otto H. Die amerikanischen Ausgrabungen am Burgfelsen von Van // АО. XIV. 1–2. 1941. S. 87–95.

²⁷ Уваров А. С. Исследование местности развалин Армавира // Протоколы подготовительного комитета к V Археологическому съезду. М., 1882. С. 439–448.

В 1893 г. М. В. Никольский, совместно с А. А. Ивановским, предпринял поездку в Закавказье для изучения урартских клинописей на месте. Во время этих работ они обращали внимание на древние крепости, развалины которых находились около надписей, а А. А. Ивановский произвел небольшие раскопки на северных отрогах Арарата, на развалинах крепости у сел. Ташбурун, где были обнаружены урартские надписи, рассказывавшие о постройке царем Менуа (конец IX — нач. VIII в. до н. э.) крепости, названной Менуахинили²⁸. Раскопки и тут дали незначительный археологический материал, который частично относился к средневековому городу Цолакерту. Работы по изучению древних крепостей, связанных с урартскими клинописями, были возобновлены в 1930 г.²⁹ Они имели разведывательный характер и были направлены на поиски места для стационарных работ. В 1934 г. археологическая экспедиция Эрмитажа начала раскопки урартской крепости на южном берегу оз. Севан, у сел. Цовинар (Келагран). Развалины крепости находились на скале, преграждающей путь по низменному берегу озера, над надписью урартского царя Русы I, рассказывающей о завоевании прибрежных районов озера и других областей, а также о постройке крепости — города бога Тейшебы. Но и эти раскопки были малоинтересными, так как культурный слой в крепости оказался сильно разрушенным и оползшим. Казалось, что нет уже надежды найти среди древних крепостей Закавказья объект, который дал бы интересные результаты и открыл бы культуру тех, кто высекал на базальте победные и строительные надписи, но разведочные работы все же ежегодно продолжались. И только на десятом году, в 1939 г., на холме Кармир-блур, около Еревана, совместная археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа и Комитета по охране исторических памятников Армении начала систематические раскопки, которые продолжаются и ныне Академией наук Армянской ССР и Эрмитажем.

Раскопки открыли цитадель, расположенную на холме, и кварталы древнего города на равнине у холма с южной и восточной его стороны. Северо-западная часть цитадели не была застроена в Средние века, и после дождя на ее поверхности отчетливо вырисовывался план древнего здания, так как стены, сложенные из сырцового кирпича, высыхали медленнее, чем грунт, заполнявший помещения. За 18 лет раскопок на Кармир-блуре открыто более ста помещений первого этажа, служивших мастерскими для переработки сельскохозяйственных продуктов и кладовыми для зерна, вина и разных предметов³⁰. В одной из кладовых была найдена часть бронзового запора в виде стержня с кольцами на концах, на большем из них сохранилась клинообразная надпись: «Русы, сына Аргишти, цитадель («дом оружия») города Тейшебаини», датирующая крепость временем правления Русы II (VII в. до н. э.) и открывающая древнее название города. Город называется Тейшебаини, т. е. «город бога Тей-

²⁸ Ивановский А. А. По Закавказью // МАК. VI. М., 1911.

²⁹ Аджян А. А., Гюзальян Л. Т., Пиотровский Б. Б. Циклопические крепости Закавказья // СГА-ИМК. Л., 1931. № 1–2. С. 61–64.

³⁰ Пиотровский Б. Б. Город бога Тейшебы // СА. 1959. № 2. С. 169–186; Кармир-блур. I; Кармир-блур. II; Кармир-блур. III; Кармир-блур. IV.

шебы», по имени одного из трех верховных урартских богов, а именно бога войны и бури, бронзовое изображение которого было найдено на Кармир-блуре в 1941 г.

Урартские письменные источники не упоминают этот город, одноименный с построенным Русой I на южном берегу оз. Севан, но археологические исследования позволяют выяснить характер этого города и проследить его сравнительно короткую жизнь, вплоть до гибели в начале VI в. до н. э.

Тейшебаини был крупным административно-хозяйственным урартским центром в Закавказье, где пребывал наместник, где стоял гарнизон, куда свозилась собранная в окрестных областях дань, которая в нем же перерабатывалась. Город был окружен садами, виноградниками и полями, о чем рассказывает большая надпись Русы II на каменном памятнике, вероятно, стоявшем некогда на правом берегу р. Раздан (др. Ильдаруни), напротив Тейшебаини (рис. 128). В надписи рассказывается о проводке канала, которому, судя по списку жертв при пуске воды, придавалось большое значение. Этот канал сохранился и доныне, он пробит в толще андезито-базальтовых скал и уже более 26 веков орошает большую площадь земель правого берега реки, над ущельем.

Город Тейшебаини заменил более ранние урартские центры в Закавказье, относящиеся к VIII в. до н. э., и в него было перевезено содержимое их кладовых. Этим и объясняется то обстоятельство, что при раскопках Кармир-блур было найдено много предметов с надписями царей именно VIII в. до н. э. — Менуа, Аргишти I, Сардури II и Русы I. Крепость погибла при внезапном нападении, штурм ее сопровождался сильным пожаром, и обвалившиеся сгоревшие перекрытия погребли под собой содержимое кладовых.

Поэтому раскопки Кармир-блур дали громадное количество урартских предметов прикладного искусства, преимущественно бронзовых, хорошо датированных вычеканенными на них надписями, упоминающими урартских царей. Без преувеличения можно сказать, что раскопки Кармир-блур открыли богатейший музей урартских древностей, позволяющих обрисовать различные стороны культуры этого древнего государства.

В цитадели Тейшебаини обнаружено 14 крупных бронзовых щитов декоративного назначения, снабженных посвятельными надписями Аргишти I, Сардури II и Русы I, помещенными на борте. Четыре щита украшены изображениями быков и львов, размещенными в трех концентрических поясах; такие же щиты, но относящиеся к урартским царям VII в., были найдены на Топрахкале, около Вана. Вычеканенные на некоторых кармир-блурских щитах надписи указывают на то, что они были изготовлены для города Эребуни.

Из раскопок Кармир-блур происходят 20 бронзовых шлемов ассирийского типа в виде шишака; одиннадцать из них имели рельефный знак на лобной части, возможно, перун — символ бога Тейшебы, и посвятельную надпись по нижнему краю, девять (целыми дошли лишь четыре шлема) были украшены изображениями священных деревьев и богов, боевых колесниц и всадников.

Художественные предметы, связанные с вооружением, дополняются еще 18 бронзовыми колчанами (многие из них, наполненные железными стрелами, совершенно разрушены окисью), имеющими изображения колесниц и всадни-

ков, таких же как на шлемах. В одном из карасов кладовой для вина было обнаружено 97 бронзовых чаш, часть которых сохранила свой блеск и звон. Все чаши в центре внутренней поверхности имели клинообразные надписи с именами царей VIII в. до н. э.

На Кармир-блуре было найдено большое число других предметов урартского искусства: мелкие бронзовые скульптуры, чаши-фиалы, сосуды, пояса, украшенные изображениями богов, части конского убора, браслеты, прекрасные образцы ювелирного искусства (золотые серьги, браслет, серебряные медальоны), резьба по камню и кости, художественная керамика.

В кладовых Тейшебаини хранились также изделия, доставленные из других стран Древнего Востока: ассирийские цилиндрические печати, египетские фаянсовые амулеты и различные бусы.

Как уже было указано, большинство датированных надписями предметов из кладовых цитадели относится к VIII в. до н. э., а часть из них была изготовлена, судя по надписям, для города Эребуни, известного нам по летописи царя Аргишти I.

Город Эребуни находился поблизости от Тейшебаини. В 1950 г. на холме Арин-берд (рис. 129), на юго-восточной окраине Еревана, при консервационных работах была найдена надпись Аргишти I о постройке крепости-дворца Эребуни (в надписи употреблена ассирийская идеограмма «дворец»). Раскопки этой крепости были начаты Кармир-блурской экспедицией, а затем продолжены экспедицией Академии наук Армянской ССР и Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина³¹.

В отличие от Тейшебаини, цитадель Эребуни состояла не из одного здания, а представляла собою комплекс построек, в который входили дворец, храмы и сооружения хозяйственного назначения (рис. 129).

Храмовые и дворцовые помещения были богато украшены росписями, в основном выполненными тремя красками — красной, синей и белой, — близко стоящими по своему стилю к ассирийским памятникам этого рода.

Эребуни был заброшен еще при урартах, все содержимое кладовых было вывезено, большей частью, если не полностью, в Тейшебаини. В этом отношении Арин-берд можно сравнить с крепостью на Ванской скале, в центре Урарту, где имеются надписи урартских царей только VIII в. до н. э., а Кармир-блур с крепостью Топрах-кале, раскопки которой также обнаружили следы сильного пожара.

Около Арин-берда в 1957 г. при строительных работах был открыт также могильник, представлявший собою урны с пеплом сожженных покойников. Тут же были найдены бронзовые украшения, конские удила и бронзовые пояса с изображениями охоты на львов и быков³².

³¹ *Оганесян К.* Арин-берд (Ганли-тапа) — Урартская крепость города Ирпуни // Изв. Акад. наук АрмССР. 1951. № 8. С. 75–88; *Лосева И. М.* Новые археологические исследования отряда ГМИИ им. А. С. Пушкина на холме Арин-берд // СА. 1958. № 2. С. 179–195; *Израелян М. А.* Аринбердский храм «суси» и его надписи // Изв. Акад. наук АрмССР. 1957. № 9. С. 93–105.

³² *Мартirosян А., Мнацаканян А.* Нор-Арешский урартский колумбарий // Изв. Акад. наук АрмССР. 1958. № 10. С. 63–84 (на арм. яз.).

Урартские могильники нам известны только по случайным находкам, и только один из них, около сел. Малаклю, на северном склоне Арарата, был раскопан в 1914 г. П. Ф. Петровым³³. Около урн с пеплом найдено много железного оружия, бронзовых украшений и чаш, различных бус, среди которых были и урартские печати.

Могильник у сел. Малаклю, так же как и Аринбердский, представляют собою рядовые могильники; погребения знатных лиц также были обнаружены случайно.

К ним относится могила в скале, открытая в 1859 г. у поста Алишар, с описания которой и начат этот очерк.

В 1905 г. богатая гробница с урартскими предметами была обнаружена крестьянами у сел. Гуши, на северо-западном побережье озера Урмия³⁴. В ней были найдены бронзовые головки быков и пояс, богато украшенный изображениями козлов, быков, львов и фантастических существ с луками.

При прокладке дороги у Эрзинджяна, на холме Алтын-тепе, тоже была открыта гробница с большим количеством урартских предметов (бронзовый котел на треножнике, щит, колчан, части мебели, чаши и др.)³⁵.

Раскопки на Алтын-тепе были продолжены в 1959–1960 гг. турецким археологом Т. Эзгюч. Были открыты гробницы, высеченные в скале, со стенами, сложенными из крупных камней, наподобие гробницы, открытой у поста Алишар. В стенах, так же как и в Алишаре, были устроены ниши. Обнаружены каменные крупные саркофаги с крышкой, полукруглой в сечении. В гробницах найдено много бронзовых предметов, дополняющих известные ранее. На некоторых из них оказались клинообразные надписи царя Аргишти (вероятно, сына Русы I). Многие из них (части мебели, ножки в виде лап льва и ног быка) напоминали предметы, происходящие из раскопок Кармир-блур. Очень интересны бронзовые диски с изображением божеств, стоящих на крылатых лошадях и львах, а также пластинчатые бронзовые пояса с изображением всадников, быков, крылатых львов, кентавров с луком в руке и др. Эти пояса подтверждают урартское происхождение подобных же предметов, найденных в Закавказье.

К инвентарю гробниц этого же характера относятся и предметы, найденные в 1947 г. в сел. Зивийе, в иранском Курдистане, известные под названием Саккызского клада, большинство которых, к сожалению, пошло по рукам и постепенно объявляется в разных музеях и частных собраниях³⁶. Среди этих предметов есть изделия (в частности, золотой пояс), сочетающие элементы урартского, ахеменидского и скифского искусства. Р. Барнет достаточно убедительно считает эти предметы происходящими из гробницы с саркофагом

³³ Куфтин Б. А. Урартский колумбарий у подошвы Арарата // Вестник Гос. музея Грузии. XIII В. 1943. С. 1–72.

³⁴ Амрнет. Култ быка в древней Армении // Азгагракан Хандес (Этнографическое обозрение). Тбилиси, 1912. № 2. С. 121 (на арм. яз.).

³⁵ Barnett R. D., Gökcce N. The Find of urartian bronzes at Altin Tepe, near Erzincan // Anatolian Studies. III. 1956. P. 111–116.

³⁶ Godard A. Le Trésor de Ziwiye. Haarlem, 1950; Barnett R. D. The Treasure of Ziwiye // Iraq. XVIII. 1956. P. 111–116.

в виде бронзовой ванны, относящимся к рубежу VII и VI вв. В комплексе имеется ряд ассирийских памятников, относящихся к VIII в. до н. э., но они попали в него, вероятнее всего, как захваченная при грабеже ассирийских центров добыча и не могут датировать весь набор предметов целиком. Предметы Саккызского клада имеют совершенно исключительное значение при изучении вопроса формирования одного из стилей скифского искусства, представленного такими великолепными образцами, как золотые ножны акинаков из Мельгуновского и Келермесского курганов. Да и раскопки Кармир-блуря выявляют на археологическом материале тесные связи скифов с урартскими центрами в Закавказье³⁷.

* * *

Мною приведен обзор изучения истории материальной культуры Урарту начиная с 1859 г., когда поступили в Эрмитаж первые найденные урартские древности.

За эти сто лет археологическое изучение Урарту прошло длинный путь развития, но надо сказать, что на этом пути у археологов было много разочарований и трудностей, вследствие чего наступали периоды застоя в изучении. Археологи, работавшие в центральной части Урарту, в районе города Вана, шли по следам кладоискателей. Раскопки четырех экспедиций, изучавших культуру Урарту, производились лишь на Топрах-кале, но и они отделены друг от друга большими промежутками времени (1879–1880 гг.; 1898–1899 гг.; 1911 г.; 1916 гг.) и не были систематическими. Это привело к тому, что памятники урартского искусства были изучены плохо и часто не выделялись из ассирийского искусства, с которым они стилистически связаны.

Начавшееся 30 лет назад систематическое изучение урартских памятников в Закавказье значительно расширило наши знания о древнем Ванском царстве и увеличило количество образцов урартского искусства. Стало возможным написать книгу об искусстве Урарту, выделив среди известных урартских памятников три различные по стилю группы³⁸.

За последнее десятилетие среди исследователей Древнего мира интерес к культуре Урарту особенно возрос. Были составлены сводки урартских клинообразных надписей, значительно продвинулось вперед изучение урартского языка, опубликованы сведения об Урарту в ассирийских и вавилонских письменных источниках, написаны обобщающие труды, заново обработаны коллекции древностей из старых раскопок, в Ванском районе проведены разведочные работы для подготовки стационарных археологических исследований, постепенно вводится новый материал, собранный в районе оз. Ван в период спада археологических работ.

На международных конгрессах востоковедов возрастает интерес к культуре Урарту, появляется много работ, посвященных связям древнего Ванского царства со скифским миром, Кавказом, Малой Азией и Средиземноморьем.

³⁷ Пиотровский Б. Б. Скифы и Древний Восток // СА. XIX. 1954. С. 141–158.

³⁸ Akurgal E. Urartäische Kunst // Anatolia. IV. Ankara, 1959. S. 77–114.

Нет сомнения в том, что мы стоим на пороге нового усиления интереса к Урарту, новых археологических открытий, которые значительно продвинут вперед изучение долго пребывавшего в забвении древнего Ванского царства.

Эта работа имеет целью подвести итог изучению памятников урартской культуры за сто лет, со дня поступления в Эрмитаж и опубликования первых образцов урартского искусства.

II

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Государство Урарту появилось на исторической арене лишь в первой половине IX в. до н. э., когда такие могущественные державы Древнего Востока, как Египет, Вавилония, Хеттское царство и Ассирия, прошли уже многовековой путь своего развития и достигли высокого уровня культуры или переживали время упадка. До IX в. до н. э. на территории Армянского нагорья Передней Азии и в горах к югу от озера Ван в ассирийских письменных источниках упоминаются лишь объединения племен, названные Уруатри и Наири и состоявшие из мелких «стран» со своими правителями.

На основе этих союзов племен в районе озера Ван и образовалось государство, которое препятствовало продвижению ассирийцев на север. Ассирийцы стали называть его Урарту и этот термин прочно вошел в научные труды по истории Древнего Востока.

Ассирийскому царю Салманасару III (860–825 гг. до н. э.) с первого года правления пришлось начать против Урарту войну, которая на протяжении всего его царствования то затухала, то вспыхивала вновь.

В 1878 г. при раскопках дворца Салманасара III на холме Балават были обнаружены бронзовые пластины, служившие обшивками деревянных ворот, покрытые изображениями сцен походов с пояснительными к ним надписями¹. На одной из пластин име-

¹ Billerbeck A., Delitzsch F. Die Palasttore Salmanasars II aus Balawat // Beiträge zur Assyriologie. 1909. VI. I.

ются рельефы, относящиеся к походу, снаряженному против Урарту в 860 г. до н. э., о котором подробно рассказывают ассирийские летописи. В композиции, размещенной в двух полосах, приведены разновременные события, происходившие в разных местах. Действие начинается с левого нижнего угла, где показан укрепленный ассирийский лагерь, из которого выступало войско, состоящее из колесниц и пехотинцев. Далее изображено взятие «города Сугунии Араму урартского», что и пояснено надписью, помещенной над сценой. В горящей крепости, расположенной на горе или холме, изображены ее защитники — урартские лучники и копейщики; из крепости уводят пленных. В верхней полосе изображен переход ассирийцев через три перевала к озеру Ван, на берегу которого Салманасар III приносит жертву, о чем говорит пояснительная надпись: «Изображение мое у моря страны Наири я поставил, жертвы богам моим я принес».

По сведениям, сообщенным летописями, можно заключить, что город Сугуния находился к югу от озера Ван и ассирийский царь после его разгрома спустился «омыть свое оружие» к южному берегу озера.

В третьем году правления Салманасару III пришлось снова идти походом против урартов, во время которого была взята крепость Арзашку, расположенная не к югу от озера Ван, а на севере или северо-востоке от него.

Этот эпизод красочно описан в летописи: «К Арзашку, царскому городу Араму урартского, я приблизился. Араму урартский испугался горечи моего могучего оружия и сильной битвы и оставил свой город. В горы Аддури он поднялся, за ним поднялся и я, сильную битву устроил я в горах, 3400 воинов поверг я своим оружием, как Адад тучу над ними пролил я дождем, их кровью гору окрасил я как шерсть, его лагерь я захватил, его колесницы, всадников, коней, мулов, телят, имущество и богатую добычу привел я с гор. Араму, свою жизнь спасая, убежал на недоступную гору. В моей могучей силе, как тур, раздавил я его страну, поселения превратил в развалины и сжег огнем. Кучи из голов устроил я напротив городских ворот»².

Взятие Арзашку также изображено на Балаватских воротах. В центре одной из полос показана горящая крепость с двумя линиями стен, а около крепости изображена битва ассирийцев с урартами, которые отступают в горы.

Возможно, к походу третьего года относится одна из обшивок ворот с надписью в верхней части: «битва против Урарту». И здесь действие развивается из левого нижнего угла, колесницы и конница вступают в бой с пешими урартами. Далее показана осада расположенной на горе безымянной крепости с башнями и двумя воротами. Из крепости к четырехугольному в плане ассирийскому лагерю ведут пленных урартов. В лагере стоит лошадь, насыпана гора зерна, два человека заняты размолотом на ручной зернотерке муки и выпечкой хлеба. В верхней полосе снова изображена битва с урартами и крупная горящая крепость, около которой ассирийцы, опустошая местность, вырубаят деревья, а далее видна небольшая крепость с посаженными на кол врагами и кучей голов у стены. Из крепости на четырехколесной повозке, которую тянут люди, в большом сосуде увозят захваченную добычу.

² Schrader E. Keilinschriftliche Bibliothek. I. Berlin, 1889. S. 167.

В таких больших глиняных сосудах, как известно по раскопкам, ассирийцы и урарты обычно хранили вино, но иногда в них же складывали ценности и в случаях осады продукты питания. Так, в урартской крепости на Кармир-блуре в одном подобном сосуде было обнаружено 97 бронзовых чаш с вычеканенными на них надписями урартских царей³, а в других оказались различные бронзовые предметы, а также зерно и мука.

Рельефы Балаватских ворот, описанные нами подробно, представляют для истории культуры Урарту большой интерес, так как именно на них сохранились самые ранние изображения урартов, причем их одежда и вооружение переданы довольно точно. Урарты одеты в стянутые широким поясом длинные до колен рубахи с короткими рукавами. На голове урартские воины имеют шлемы с гребнем, что, по-видимому, было для них весьма характерной чертой, так как при изображении угоняемых нагих пленных шлемы на их головах все же показаны. Урартские воины в IX в. до н. э. были вооружены луками и копьями и имели небольшие круглые щиты с выпуклой средней частью.

По одежде и вооружению урарты отличались от ассирийцев и ближе всего стояли к хеттам, для которых шлем с гребнем, копье и небольшой круглый щит были также характерны (рис. 141)⁴.

Таким образом, изображения на Балаватских воротах показывают, что урартские воины сохраняли одежду и вооружение Хеттского царства.

Археологический материал, ставший известным в последнее время, отчетливо выявляет различие в развитии культуры к северу от Армянского Тавра и к югу от него. Лесистые высокие горы Армянского Тавра, служившие границей между Ассирией и Урарту, всегда были трудно преодолимы. Из ассирийских летописей мы хорошо знаем, что во время походов на Урарту ассирийцы не переваливали через эти горы, а всегда шли обходным путем, часто очень длинным.

Горы Армянского Тавра, один из самых значительных в Передней Азии хребтов, делили ее на два культурных мира, имевших и различные темпы развития. К югу от этих гор, в плоскогорьях, равнинах степей и долинах рек, уже давно, еще в IV тысячелетии до н. э., была распространена высокая своеобразная культура, на основе которой образовалось первое из государств Передней Азии — Шумер, в то время как на ее севере наиболее раннее государство — Хеттское царство — сложилось значительно позднее, лишь на рубеже III и II тысячелетия до н. э.

Древние культуры медно-каменного века (энеолита) на юге Передней Азии характеризуются богатой расписной керамикой и уже в конце IV тысячелетия до н. э. переходят на более высокий этап развития, в то время как на севере на всем протяжении III тысячелетия до н. э. господствовала иная энеолитическая культура, характерным признаком которой была не расписная керамика, а черная, до блеска лощеная, с выпуклым или углубленным орнаментом, сохранившим еще черты пиктографичности. Памятники этой культуры обнаружены в центральном Закавказье, с распространением на терри-

³ Кармир-блур. II. С. 54.

⁴ Баццеева С. М. Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию // ВДИ. 1958. № 2. С. 18–26.

торию также Северного Кавказа, в районе Эрзерума, озера Ван и озера Урмия⁵. На территории Анатолии подобная культура предшествовала образованию Хеттского царства. В свете этих археологических данных становится вполне понятным сохранение у урартов середины IX в. до н. э. характерных черт хеттской культуры.

В последние годы царствования Салманасару III пришлось снова вести войну с Урарту. Анналы XXVII года (834 г. до н. э.), рассказывая о походе в западные области Ванского царства, упоминают уже нового царя Сидури (Сардури).

Этому царю принадлежат и самые ранние из известных в настоящее время урартских памятников.

У западного подножия Ванской скалы сохранилась стена, сложенная из громадных камней, достигающих 6 м длины. На ней были высечены строительные надписи Сардури, сына Лутипри, на ассирийском языке, в которых урартский царь называл себя «царем страны Наири».

Самый факт использования для надписей ассирийского языка уже свидетельствует о том, что во второй половине IX в. до н. э. Урартское государство находилось уже под культурным воздействием Ассирии. Так как собственная иероглифическая письменность не могла удовлетворять потребности быстрорастущего государства, то урарты свои надписи сначала писали по-ассирийски, а затем, заимствовав систему и знаки ассирийской письменности, приспособили ее к своему языку. Вместе с письмом урарты заимствовали у ассирийцев и форму царских повествовательных надписей, причем стиль надписей, относящийся к IX в. до н. э., продолжал существовать на всем протяжении урартской истории без изменений⁶. Так же и урартское искусство, восприняв ассирийские художественные формы в IX в. до н. э., сохранило их на протяжении своего трехвекового существования. Это обстоятельство и служило часто причиной неправильной датировки многих урартских памятников VIII–VII вв. до н. э., которые ученые сопоставляли со значительно более ранними ассирийскими.

Урартское государство в конце IX в. до н. э. быстро возвышалось, Ассирия же была ослаблена непрерывными войнами и внутренними неурядицами и не могла противодействовать росту своего противника.

* * *

Самые ранние надписи на урартском языке дошли до нас от времени правления Ишпуини, сына Сардури, который возвел много построек в районе столицы своего царства — города Тушпы. Сохранились каменные основания колонн с короткой клинообразной надписью: «Ишпуини, сын Сардури, этот храм построил». В надписях, выполненных на ассирийском и урартском языках,

⁵ Куфтин Б. А. Урартский колумбарий у подошвы Апарата... С. 73–127; Пиотровский Б. Б. Поселения медного века в Армении // СА. XI. 1949. С. 171–184; Kosay H. Z. Turfan, Erzerum — Kazaz kazisi Raporu // Türk Tarih kurumu Belleten. 1959. XXIII. С. 349–413; Burney C. A. Eastern Anatolia in the chalcolithic and early bronze age // Anatolian Studies. 1958. VIII. P. 157–209; Brown Burton. Excavations in Azarbaijan. 1948. London, 1951.

⁶ Меликишвили Г. А. Наири—Урарту. Тбилиси, 1954. С. 375.

Ишпуини носит уже пышный царский титул, причем ассирийскому титулу «царь страны Наири» в урартском тексте соответствует «царь страны Биайни(ли)». Термин Биайни(ли), которым урарты сами называли свою страну, сохранился в имени озера Ван, поэтому в исторической литературе Урартское государство часто называют также Ванским царством.

В конце IX в. до н. э. Урарту начало расширять свою территорию. С этой целью совершались походы в области между озерами Ван и Урмия (район ассирийского Мусасира, урартского города Арди), на южное побережье оз. Урмия и в Закавказье. Окрепла и центральная власть, оформился пантеон богов, включавший в себя множество мелких божеств, бывших прежде богами отдельных племен, но во главе их стоит уже триада богов центральной части Урарту — Халди, Тейшеба и Шивини.

При сыне Ишпуини, царе Менуа (Минуа), начинается период наивысшего подъема Урарту, которое становится крупнейшим государством Передней Азии, занявшим уже всю территорию Армянского нагорья.

Во многих местах своей страны строил Менуа крепости, города, дворцы, храмы, проводил каналы, разводил сады и виноградники, о чем подробно рассказывают его клинообразные надписи. Усиленное строительство продолжал он и в своей столице — городе Тушпе. Все постройки Менуа давно уже разрушены, и камни неоднократно служили материалом для поздних построек, и только канал, подводивший воду к столице, сохранился до сих пор, и жители Вана называли его «каналом Шамирам», именем ассирийской царицы Шамурамат (Семирамиды), матери царя Ададнирари III.

Подъем Урарту продолжался и при Аргишти, сыне Менуа, вступившем на престол в первой четверти VIII в. до н. э. Летопись Аргишти, высеченная на Ванской скале, рассказывает о многочисленных походах, расширявших территорию Урарту. При нем к Урарту были присоединены и южные области Закавказья. Для расширения своих завоеваний Аргишти в предгорьях Араратской равнины (холм Арин-берд, около Еревана) строит дворец-крепость по имени Эребуни, где, возможно, во время походов пребывал и сам урартский царь, а через несколько лет в Араратской долине (на холме Армавир) создает крупный административно-хозяйственный центр — Аргиштихинили.

Время Аргишти I также было временем расцвета урартской культуры и искусства. В Эребуни сохранились великолепные росписи дворцовых и храмовых помещений, для него же было изготовлено и бронзовое оружие, украшенное чеканными изображениями и посвятельными надписями (щиты, шлемы, колчаны), чаши, ювелирные изделия. Эти предметы являются выдающимися образцами прикладного искусства.

Урарту стало возвышаться и над Ассирией. Летопись Сардури, сына Аргишти, вступившего на престол в середине VIII в. до н. э., рассказывает о военных успехах против Ассирии, о значительном расширении территории Ванского царства и о выходе урартов к Средиземному морю с захватом основных торговых путей. Тем самым Урарту спасает Малую Азию от ассирийского завоевания и урартская культура проникает в страны Средиземноморья и Малой Азии. В гробнице царя Фригии Гордия (сер. VII в. до н. э.) встречаются бронзовые урартские изделия — котлы с ручками в виде крылатых человеческих фи-

гурок или бычков, ведерки в виде голов животных⁷. Подобные образцы урартского искусства проникли не только на островную и материковую Грецию, но и в Италию. Причем урартские образцы стали служить прототипами для мелких изделий. Возможно, в это же время в Средиземноморье появился и тип храма с колоннами по фасаду, треугольными фронтонами, возведенного на стилобате, встречающийся в Урарту, по сведениям ассирийских изобразительных и письменных источников, еще в конце IX в. до н. э.

Возвышение Урарту, захватившего пути к Средиземному морю, коренным образом затрагивало интересы Ассирии, отодвигало ее на второй план, но Ассирия не была в силах противодействовать Урарту.

Положение в Передней Азии изменилось после того, как в 745 г. до н. э. на ассирийский престол вступил Тиглатпаласар III. Произведя реорганизацию армии, значительно увеличив этим военную мощь страны, он приступил к восстановлению прежних границ Ассирии, к возврату потерянных владений и в первую очередь к восстановлению положения в Северной Сирии.

В 743 г. до н. э., в третий год правления, Тиглатпаласар III двинулся к Средиземному морю и около Арпада одержал победу над войсками Сардури. Ассирийские анналы рассказывают о том, что после поражения Сардури бежал под прикрытием ночи и ассирийцы преследовали его «до моста через Евфрат, границы его страны». Анналы перечисляют богатую добычу, захваченную в урартском лагере, среди которой находились царский шатер, походное ложе, колесница, печать, которую Сардури носил на шее, и кольца.

После укрепления ассирийской власти в Северной Сирии Тиглатпаласар III стал готовиться к походу в центр Урарту, который и был совершен в 735 г. до н. э. Ассирийцы дошли до Тушпы и осадили крепость на скале, в которой урарты выдержали осаду. «Сардури урарта в Турушпе (Тушпе), его главном городе, я запер, большое побоище устроил перед городскими воротами, изображение моего Величества установил я напротив города».

Хорошо укрепленная крепость на Ванской скале выдержала осаду, ассирийцы разрушили город у крепости и двинулись в глубь Урарту, пройдя страну «сверху донизу» и не встретив сопротивления. Победа Тиглатпаласара III над Сардури ослабила Урарту, от которого стали отпадать области; пошатнулась и государственная власть.

Преемнику Сардури, царю Русе, вступившему на престол около 730 г. до н. э., пришлось заново собирать государство, вести тяжелую борьбу с наместниками областей, стремившимися к самостоятельности. В ассирийских письменных источниках имеется сведение о том, что в Мусасирском храме находилась бронзовая статуя Русы со следующей надписью на пьедестале: «С моими двумя конями и моим возничим, моими руками завоевал я царство Урарту».

Ф. Тюро-Данжен, первый, опубликовавший этот текст, делал из него вывод, что Руса I не был законным наследником престола, а являлся узурпатором⁸, но этот вывод не подтвердился материалом, и более вероятно видеть в надписи ука-

⁷ Young R. S. The Gordion Tomb // Expedition. The Bulletin of the University Museum of the University of Pennsylvania. 1958. I. P. 3–13.

⁸ Thureau-Dangin F. Une Relation de la huitième campagne de Sargon. Paris, 1912. P. 65.

зание на то, что Русе пришлось силой оружия восстанавливать царство и собирать отпавшие от него при ослаблении центральной власти области. Недавно М. Римшнейдер, считая доказанным законное право Русы на престол, предположила, что надпись на урартской статуе в Мусасирском храме была неточно переведена ассирийцами и что в действительности это была статуя, установленная в храме в честь победы урартского царя на Олимпийских играх⁹. Предположение это маловероятно, автор указывает на слабые его места, но определенный интерес представляют приводимые М. Римшнейдер материалы, свидетельствующие о том, что урарты после 735 г. до н. э., потеряв Северную Сирию, сохраняли еще связи со Средиземноморьем через Малую Азию, в частности через Тарс, вплоть до его разрушения в 696 г. до н. э. Синахерибом, когда прекратился непосредственный контакт Урарту со странами Средиземноморья.

После укрепления ассирийцев в Северной Сирии, Урарту продолжало расширять свои северные границы за счет Закавказья, а также усиливать свое влияние в восточной части Малой Азии и в приурмийском районе. Оправившись от поражения, оно снова стало представлять для Ассирии серьезную опасность. Назревала новая война.

Ассирийский царь Саргон, вступивший на престол в 722 г. до н. э., с самого начала царствования стал готовить военные действия в трех районах. В Сирии и Палестине он вел борьбу с мелкими княжествами, пользовавшимися поддержкой Египта. На юге он поставил своей целью подчинить Вавилон, а на севере разбить снова возвысившегося врага Ассирии — Урарту, границы которого были в непосредственной близости от центра Ассирии.

За первые два года он успешно справился со странами Сирии и Палестины, нанеся поражение войскам египетского фараона XXV династии Шабаки. После этого он все свое внимание перенес на северный фронт. Особенно упорной была борьба Ассирии и Урарту за влияние в приурмийском районе, в частности в стране Мана. В Мане все время происходит смена царей, ставленников то Сирии, то Урарту, создается очень напряженное положение, но ни один из противников не решается первым начать открытую войну.

Подготовка похода Саргона в Урарту прекрасно освещена ассирийскими письменными документами царских архивов в Кальху и Ниневии¹⁰. Это письма ассирийских разведчиков, направленных во вражеские страны, и сводки их сообщений, составленные наследником престола, бывшим также начальником разведывательной службы. Нам стали хорошо известны имена разведчиков: Ашуррисуа, Табшар-Ашур, Набули, Уппахир-бел и др. Они писали о том, как налажена разведывательная служба, о том, что «от города к городу до Тушпы» установлено наблюдение, о движении урартского войска, о волнениях манеев в «области морского побережья», о войне урартов с киммерийцами, о восстании урартских наместников против царя и подавлении этого восстания. Письма

⁹ *Riemschneider M.* Die Bedeutung Urartu für Griechenland // *Acta Antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. VII. 1–3. Budapest, 1959. S. 45–68.

¹⁰ *Waterman L.* Royal correspondence of the Assyrian Empire. I–IV // *University of Michigan Studies*. XVII–XX. 1930–1936; *Saggs H. W. F.* The Nimrud letters. 1952. IV. The Urartian frontier // *Iraq*. XX. 2. 1958. P. 182–212; *Пиотровский Б. Б.* История и культура Урарту. Ереван, 1944. Гл. VII. С. 103–128.

разведчиков представляют совершенно исключительный интерес, так как они рассказывают о событиях, о которых другие письменные источники умалчивают.

Саргон готовился к походу против Урарту очень долго, не решаясь вступить со своим врагом в открытую борьбу и совершая карательные походы в те страны, которые находились под урартским влиянием. В 716 г. до н. э. ассирийцы воевали со страной Мана, а в 714 г. до н. э. направились на восток, в страны Анди и Зикирту, но, изменив во время военных действий маршрут похода, вступили в бой с войсками урартского царя Русы I. Разбив его, они вторглись в Урарту и, не встречая сопротивления, прошли через страну, миновав, по-видимому, центральную часть государства.

Поход Саргона 714 г. до н. э. известен нам очень хорошо. Подробное его описание имеется в тексте большой глиняной таблицы, происходящей из Ашур¹¹, а изображения эпизодов похода сохранились на рельефах одного из сильно разрушенных залов Дур-Шаррукина — дворца Саргона¹².

Согласно описанию похода 714 г. ассирийское войско с большим караваном верблюдов и ослов выступило из Кальху летом, в половодье переправилось через Верхний и Нижний Заб и вступило в труднопроходимые горы. Текст красочно описывает лесистые с глубокими ущельями горы, где воинам приходилось «перелетать как орлам», а верблюдам и ослам обоза «прыгать подобно козерогам горным». После перевалов через шесть хребтов и переправы через две реки армия Саргона спустилась в страну Мана, где ассирийский царь принял подарки правителей стран. Загрузив провиант в пограничные крепости, Саргон вторгся в пределы страны Зикирту, но ее правитель Метатти не принял боя, бросил свой город Парда на произвол судьбы и скрылся в горах. Прекратив преследование врага, Саргон вдруг резко изменил путь своего войска. Он узнал, что Руса вместе со своими союзниками, вождями горных племен, зашел к нему в тыл и построил войска в ущелье горы Уауш (Сохенд). Ассирийский царь на своей боевой колеснице в сопровождении конницы внезапно, среди ночи, напал на урартский лагерь и разбил врага наголову. Текст рассказывает, что ущелья гор были заполнены трупами и кровь врагов текла как река, рассеянные враги «как муравьи в беде уползали трудными путями». Сам Руса, бросив свою боевую колесницу и боевого коня, ускакал на кобыле.

Армия Саргона, преследуя урартов, двинулась по восточному побережью озера Урмия, разрушая крепости, опустошая всю местность и забирая богатые запасы зерна, хранившиеся в амбарах. Достигнув района озера Ван, ассирийцы обошли его как будто по северному и восточному побережью озера и вступили в страну Наири, не встречая сопротивления.

На обратном пути Саргон внезапно решил напасть на страну Мусасир, правитель которой Урзана был в союзе с урартским царем. Мусасир, называвшийся урартами Ардини, находился в глубине гор. Совершив трудный переход, ассирийское войско неожиданно появилось перед городом и «подобно саранче» по-

¹¹ Thureau-Dangin F. Une Relation de la huitième campagne de Sargon. Paris, 1912; Meissner B. Die Eroberung der Stadt Ulhu auf Sargons 8 Feldzug // Zeitschrift für Assyriologie. XXXIV. 1922. S. 105.

¹² Botta E., Flandin E. Monument de Ninive. II. Paris, 1850. Pl. 139–147.

крыло всю местность. Текст красочно описывает панику и смятение, охватившие город, жертвоприношения богу для отвращения гибели и штурм, во время которого Саргон «над этим городом клич войска заставил греметь как гром». Город был взят, и ассирийский царь победоносно вошел во дворец царя Урзаны и там «воссел как властитель». С дворцовых кладовых, переполненных нагроможденными в них сокровищами, были сбиты «печати их хранения», и все содержимое кладовых стало добычей Саргона. Золота было взято около 1040 кг (34 таланта и 18 мин), а серебра около 5060 кг (167 талантом и полмины). Во дворце было взято более 400 кг драгоценных предметов, причем текст перечисляет 44 их названия. Среди них были: «6 золотых мечей... золотые книжалы, золотые опахала... 11 серебряных чаш Урсы (Русы) с крышками, чаши из страны Табал с золотыми ушками... серебряные копья, выложенные золотом»¹³.

Забрав имущество дворцовых кладовых, Саргон своих приближенных и начальников отрядов направил в храм бога Халди, где добыча оказалась значительно богаче. Кроме большого количества золота (цифра не сохранилась), там было взято около 5 т серебра (162 таланта и 20 мин без $\frac{6}{36}$ мины), более 109 т (3600 талантов) бронзы в слитках.

Текст приводит подробный перечень захваченных в храме драгоценностей, упоминая 61 название (более 333 500 предметов).

Этот перечень, представляющий громадный интерес для изучения искусства и материальной культуры Урарту, перечисляет: «6 золотых щитов, которые были повешены в его покое справа и слева и блестели ослепительно, из середины их выступали головы оскаленных псов, весили они 5 талантов 12 мин (ок. 150 кг) огненно-красного золота... “шелалате” и “аштарту” дверей его, которые были отлиты из чистого золота в 2 таланта (ок. 60 кг) весом; 1 золотой засов в виде руки человека, скрепа створки, на котором положено крылатое чудовище; 1 золотой колышек, закрывающий засов, закрепляющий затвор храма, охраняющий скопленное имущество и богатство; 2 золотых ключа (может быть, запора) в виде “ламассу” в тиаре, держащие изогнутый меч и обруч, подпирающих подошвами своих ног оскаленных псов. Эти четыре части дверного запора, украшение святилища, которые весили 2 таланта 12 мин (ок. 66 кг) золота и закрывали двери; 1 большой меч, оружие его пояса, на который истрачено 26 мин 3 су (ок. 14 кг) золота; 96 серебряных дротиков, серебряных “гурпису”, серебряных луков, серебряных копий, выложенных золотом и в оправе; 12 тяжелых серебряных щитов, чьи умбоны сделаны в виде голов чудовищ, львов и диких быков... 33 серебряных колесниц, серебряных луков, серебряных колчанов, серебряных изогнутых мечей, серебряных скипетров... серебряных щитов... серебряных штандартов; 393 серебряные чаши, тяжелые и легкие, изделия Ассирии, Урарту и Хабхи; 2 рога больших туров с оправой, обведенной золотыми кругами; 1 золотой перстень с печатью для подтверждения решений Багмашту, супруги Халди, со вставленными драгоценными камнями; 9 тканей, одежду божественности его, на которую нашиты золотые диски... 1 кровать слоновой кости, ложе серебряное для отдыха его божественности, выложенное камнями и золотом; 139 жезлов из слоновой кости, ство-

¹³ Перевод этого текста приведен в АВИУ. Талант — ок. 30 300 г; мина — ок. 505 г.

лов из слоновой кости, корзин для растений из слоновой кости, мечей из слоновой кости, кинжалов из слоновой кости и черного дерева (?) в золотой оправе; 10 самшитовых столов, кресел черного дерева и самшита с золотой и серебряной оправой, 2 алтаря, 14 разных камней убора божественности, драгоценности Халди и Багмашту, его супруги; 25 212 медных (бронзовых) щитов тяжелых и легких... 1514 медных дротиков тяжелых и легких, тяжелых медных наконечников дротиков... медных копий с их медными же подставками; 305 412 медных мечей, тяжелых и легких, медных луков... медных копий; 607 медных сосудов, тяжелых и легких, медных купальных лоханей... 3 тяжелых медных котла, берущих по 50 мер воды; 1 большой котел, берущий 80 мер воды, с большим медным ковшом к нему, который цари Урарту при жертвоприношении перед Халди наполняли жертвенным вином».

Дальше текст перечисляет крупные медные (бронзовые) скульптуры, установленные в храме и являющиеся памятниками урартского искусства:

«4 медные статуи великих привратников, охраны его дверей, четыре подставки, которые вместе с сиденьем — литая медь.

1 статуя в позе молитвы, царское изображение Сардури, сына Ишпуини, царя Урарту, сиденье его — литая медь.

1 бык и 1 корова со своим теленком, которых отлил Сардури, сын Ишпуини, путив в переплавку (?) медь храма Халди.

1 изображение Аргишти, царя Урарту, увенчанного звездной (?) тиарой божественности, благословляющего правой рукой, с вместилищем его, весом 60 талантов (ок. 1,8 т) меди.

1 изображение (царя) Урсы с его двумя ездовыми конями и возничим, с их сиденьем (пьедесталом) — литая медь, — на котором можно прочесть его собственную похвалу — «с моими двумя конями и возничим рука моя захватила царство Урарту»». Таковы сведения, сообщаемые текстом Луврского музея.

На одном из рельефов дворца Саргона, известном лишь по рисунку Фландэна, так как сам рельеф затонул в Тигре при перевозке его во Францию, была изображена сцена разграбления Мусасирского храма (рис. 142). По сторонам входа в храм стоят две статуи: «великих привратников» (в тексте отмечены четыре статуи), справа от входа фигура коровы с теленком, «отлитая Сардури, сыном Ишпуини», фигура же быка на рисунке отсутствует. У подножия платформы, по-видимому, по сторонам лестницы, изображены два громадных медных котла, установленных на треножниках. На колоннах фасада храма и в простенках между ними развешены щиты, «из середины которых выступали головы оскаленных псов». Ассирийские солдаты уносят их как добычу, учет которой ведется чиновником, сидящим на складном стуле. Перед ним стоят два писца, записывающие захваченные сокровища, один клинописью на глиняной табличке, другой арамейским письмом на папирусе. Соседний рельеф сохранил изображение взвешивания добычи и уноса учтенных предметов. Около весов три ассирийских воина топорами разбивают статую, по всей вероятности, одну из описанных в тексте Саргона. Мы видим, что ассирийские источники, связанные с походом против Урарту в 714 г. до н. э., с исключительной яркостью описывают эпизоды похода и подробно перечисляют памятники урартского искусства и художественного ремесла, хранившиеся во дворце и храме Мусасира.

Летописи Саргона сообщают, что когда «Руса (Урса), царь Урарту, услышал, что Мусасир разрушен, а его бог Халди увезен, то собственной рукой, железным кинжалом своего пояса лишил себя жизни»¹⁴.

* * *

Жестокое поражение, нанесенное Саргоном урартам, не сломило Ванское царство. В 713 г. до н. э. ассирийцам пришлось предпринять поход против бывших союзников Русы I, царей страны Табал и Мушку, а в следующий год возводить укрепления на урартской границе, остававшейся беспокойной. Письма ассирийских разведчиков продолжают сообщать о движениях урартских войск, о распоряжениях урартского царя Аргишти II, а также о вооруженном столкновении с урартами из-за бревен в пограничных лесах¹⁵. Только в 708 г. до н. э., т. е. через шесть лет после успешного похода в Урарту, Саргон смог расправиться с союзником урартов, царем страны Куммух, который продолжал платить ежегодную дань Аргишти II, рассчитывая на его помощь. Ванское царство постепенно оправлялось от нанесенного разгрома и восстанавливало свое прежнее положение.

Аргишти II правил около тридцати лет, и его надписи свидетельствуют об интенсивных строительных работах в тех районах Урарту, через которые прошли войска Саргона. Около современного города Арджеша, на северном берегу оз. Ван, он построил город, соорудил искусственное озеро и провел канал. Вполне вероятно, что обнаруженный там рельеф на строительных камнях, изображающий бога Тейшебу на быке, относится именно к этому времени, хотя датировка этого интереснейшего памятника урартской культуры остается неясной¹⁶.

Все внимание Русы было обращено на расширение земель на севере, в Закавказье.

Большое значение для прочного положения Ванского царства в Передней Азии имел союз, заключенный между урартами и скифами, который особенно тревожил ассирийских царей.

Асархаддон продолжал пристальное наблюдение за страной Урарту, о чем прямо рассказывают сообщения разведчиков и приказ царя о немедленной доставке в центр Ассирии перебежчиков и полученных сведений. А в оракулах Асархаддона, в записанных на глиняных табличках вопросах богу Шамашу, сохранился вопрос — осуществляются ли замыслы Урсы (Русы), правителя Урартов или же народов Гимирра? (киммерийцев, этим архаическим термином часто обозначались и скифы)¹⁷.

Ассирийского царя тревожил также вопрос — двинутся ли урарты и киммерийцы в Шуприю, область к юго-востоку от озера Ван. Но обе стороны, и ассирийцы, и урарты, столкновений избегали, и когда в 673–672 гг. до н. э. Асархаддон во время похода в Шуприю захватил там беглых урартов, то он вернул

¹⁴ Winckler H. Keilschrifttexte Sargons. I. Leipzig, 1889. S. 177.

¹⁵ Waterman L. Royal correspondence of the Assyrian Empire. N 427, 424, 705, 548.

¹⁶ Hulin P. Urartian stones in the Van Museum // Anatolian Studies. VIII. 1958. P. 235.

¹⁷ Waterman L. Royal correspondence of the Assyrian Empire. N 434; Knudtson J. A. Assyrische Gebete an den Sonnengott. N 48.

их урартскому царю¹⁸. Руса II со своей стороны также не вступал в борьбу с ассирийцами. В 654 г. до н. э., после победы Ашурбанипала над Эламом, он направил своих послов в Арбелу приветствовать ассирийского царя. Об этом имеется сведение в ассирийских летописях, а прием урартских послов Ашурбанипалом, заставившим их присутствовать при жестоких казнях эламитян, изображен на рельефах дворца в Ниневии¹⁹.

Низкорослые урарты имеют длинные одежды, украшенные бахромой, поверх которых накинута плащи (рис. 143). Ноги обуты в высокие зашнурованные сапоги, детали подобной обуви хорошо переданы на глиняных кубках в форме сапог, найденных на Кармир-блуре в 1959 г. На головах послов мягкие войлочные шляпы с кистями, которые с полным основанием сопоставляются со шляпами арменов, изображенных на рельефах Ксеркса в Персеполе²⁰.

О большом строительстве, проводившемся в это время как в центре Урарту, так и на его северной окраине, в Закавказье, свидетельствуют не только эпиграфические памятники, но и мощные развалины крепостей, например цитадель города бога Тейшебы (холм Кармир-блур, около Еревана).

Цитадель Тейшебаини, вместе со двором, занимала поверхность скалистого холма, площадью около 4 га. Первый этаж раскопанного здания содержал около 150 помещений с высокими и толстыми стенами (выс. до 7 м, толщ. 2,10–3,50 м), перекрытых частью бревенчатым накатом, а частью, по-видимому, сводами из сырцового кирпича. На постройку этого здания пошло около двух миллионов крупных сырцовых кирпичей (дл. 51,8 см, шир. 35,0 см; толщ. 14,0 см), а количество леса для перекрытий не поддается учету. Таким образом, сооружение этого здания требовало громадной затраты труда по изготовлению и укладке кирпичей, по транспортировке балок, по обработке и ломке камня для цоколя здания и обработке базальтовых блоков для архитектурных частей второго этажа и карниза крепости. Нет сомнения в том, что такая трудоемкая и тяжелая работа могла быть осуществлена лишь силами большого числа людей, вероятно трудом военнопленных.

В цитадели Тейшебаини открыто восемь кладовых для вина, с крупными сосудами-карасами, вкопанными в земляной пол, общей емкостью около 400 тыс. л, а в кладовые для зерна, расположенные по сторонам коридора у западной стены центральной части цитадели, засыпалось около 750 т зерна. Но надо учесть, что для хранения зерна служили еще и другие помещения цитадели, в которых помещалось не меньшее количество зерновых запасов.

Приведенные данные красноречиво свидетельствуют о могуществе урартской власти в Закавказье в середине VII в. до н. э. Лишь при высоком уровне производительных сил и при крепком политическом положении урарты были способны возвести в Закавказье такое грандиозное сооружение, как крепость Тейшебаини, в кладовых которой хранились ценности, лишь частично попавшие в руки археологов. Язык археологических данных для VII в. до н. э.

¹⁸ Bauer Th. Ein Erstbericht Asarhaddons // Zeitschrift für Assyriologie. VI. 1931. S. 246.

¹⁹ Streck M. Assurbanipal und die letzten assyrische Könige bis zum Untergange Niniveh's. I. Leipzig, 1916. S. 286.

²⁰ Barnett R. D. Persepolis // Iraq. XIX. I. 1957. P. 67.

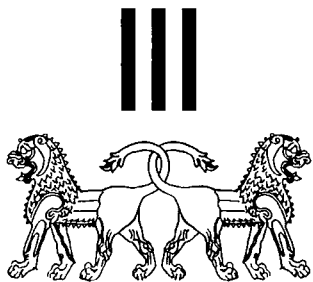
оказывается значительно выразительнее скурых сведений письменных источников.

Иная картина наблюдается для периода первого расцвета Ванского царства в VIII в. до н. э., история и культура которого восстанавливается почти исключительно по ассирийским и урартским клинописям. Историческую канву второго периода истории Ванского царства мы знаем значительно хуже. На 125-летие приходится пять известных в настоящее время урартских царей. Правление каждого из них должно было быть слишком продолжительным, и историки не удивятся, если новые письменные документы назовут нам имена еще не известных царей. Как будто такие возможности уже намечаются при изучении эпиграфических материалов из Кармир-блур. Гибель Тейшебаини, по-видимому, совпадает с падением государства Урарту в начале VI в. до н. э.

Урарту пережило своего постоянного политического соперника Ассирию; в 612 г. до н. э. столица Ассирии Ниневия была разрушена объединенными силами Вавилона, Мидии и кочевых племен, среди которых были и скифы. В это время Урарту ещо существовало и походы в западные его части отмечаются вавилонскими хрониками в период 609–605 гг.

В библейском пророчестве Иеремии, в части, датированной 594 г. до н. э., урарты еще названы как враги Вавилона. Но это были уже последние годы Ванского царства. Около 590 г. до н. э. оно было разгромлено мидийцами, к которым присоединились подвластные урартам племена, стремившиеся сбросить с себя иго завоевателей. Как показывают археологические материалы, последние оплоты власти урартов были разрушены мечом и огнем. На долю археологов выпало исследование их пожарищ, на которых жизнь долго не возобновлялась.

ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ УРАРТСКОГО ИСКУССТВА

Урартское искусство представлено в настоящее время сравнительно небольшим количеством памятников, и его исследователь в состоянии охватить весь известный материал как опубликованный, так и хранящийся в разных музеях. Памятники урартского искусства, дошедшие до нас, лишь в слабой степени отражают бывшее его богатство, о котором мы можем судить по рассказу ассирийского царя Саргона о ценностях, захваченных им в 714 г. до н. э. во дворце и особенно в храме Мусасира.

Напомним, что там перечисляются шесть золотых щитов с умбонами в виде голов оскаленных псов, весом около 150 кг, две фигуры хранителей дверей из чистого золота, весом около 60 кг, два золотых запора в виде фигур божества, стоявших на животных, весом около 66 кг, и громадное количество других предметов из золота и серебра.

Текст Саргона отдельно отмечает крупные бронзовые (в тексте медные) статуи Мусасирского храма, среди которых была статуя урартского царя Аргишти, весом в 60 талантов, т. е. около 1,8 т. Разумеется, кроме материальной ценности, эти предметы имели большую художественную ценность, отражая также высокую ступень урартской металлургии. Подобные предметы до нас дойти и не могли, золотые и серебряные изделия переходили из рук одного победителя к другому и переплавлялись в иные предметы, а громадные бронзовые

статуи разбивались топорами на месте, что и изображено на рельефе дворца Саргона (рис. 144).

Из монументальных памятников урартского искусства сохранились лишь одна сильно попорченная каменная статуя, выброшенная из земли при взрыве порохового погреба турецкой крепости на Ванской скале, остатки крупного рельефа (выс. ок. 3 м), изображавшего бога Тейшебу на быке, случайно обнаруженные на шести строительных камнях в Адильдживазе, и стенные росписи дворца и храма, открытые при раскопках Арин-берда в Ереване.

Большинство сохранившихся образцов урартского искусства принадлежит прикладному искусству. Из них наиболее известны бронзовые фигурки мифических существ, служившие частями парадных царских или храмовых тронов. Эти предметы, бесспорно, наиболее художественные из всех урартских древностей, но, к сожалению, почти все они поступили в музеи и частные собрания из рук кладонскателей и антикваров.

Вторая группа предметов урартского искусства представлена хорошо известными археологам украшениями бронзовых котлов в виде птиц с человеческим торсом или головы быка.

Подобные котлы оказываются широко распространенными не только на территории Урарту, но также в Малой Азии, Греции и Италии. С них-то и началось сто лет назад изучение урартских древностей.

Третью большую группу составляют бронзовые предметы вооружения (щиты, шлемы, колчаны), богато украшенные различными изображениями и имеющие посвятительные клинообразные надписи, в которых названы имена урартских царей, что является надежной датировкой этих предметов. Особенно много художественного урартского вооружения было обнаружено при раскопках Кармир-блур.

Мелкая бронзовая скульптура, изображающая урартских богов, а также отдельные декоративные предметы дошли до нас в небольшом количестве, так же как и ювелирные изделия из золота и серебра. В отдельную группу могут быть выделены бронзовые пластинчатые пояса, украшенные орнаментом, изображениями божеств и мифических животных.

Рассматривая памятники урартского искусства, мы остановимся на изделиях из камня, включая глиптику, на резьбе из кости, художественной керамике и на стенных росписях, прекрасные образцы которых были открыты раскопками последних лет.

Несмотря на малочисленность памятников урартского искусства, представляется все же возможным выявить его стилистические особенности и установить сочетание в нем самобытности и влияния искусства соседних крупнейших государств Передней Азии, в частности Ассирии. Без сомнения, некоторые из приведенных в книге художественных изделий урартских мастеров заслуживают быть причисленными к выдающимся памятникам искусства Древнего Востока.

Обзор урартского искусства мы начнем с бронзовых статуэток, некогда украшавших парадную мебель. Эти фигурки, выполненные с большим искусством, изображали фантастические существа, сочетавшие части птиц (крылья, голова), быков (туловище, ноги, рога), львов (туловище, лапы, морда), а также людей (голова, лица, торс). Бронзовые статуэтки были покрыты листовым золотом и разукрашены цветными камнями и смальтой. Вероятно, трон, которому они принадлежали, был весьма роскошным.

Кроме этих фигурок, от тронов дошли также массивные ножки и бронзовые части основы, в которых имелись пазы для монтировки трона из отдельных частей. Около таких пазов и вырезов чеканились метки — иероглифические знаки, соответствовавшие меткам на отдельных фигурках.

Как уже указывалось, большинство статуэток появилось у торговцев древностями в период с 1877 по 1885 г., причем продавались они через разных лиц, в разное время и в разных местах, что предостерегает от доверчивости к сообщениям продавцов о месте их находки. По всей вероятности, они происходили из одного источника.

В письме к проф. К. П. Патканову один из антикваров, С. Девганц, писал о находке местными жителями на холме Топрах-кале у Вана крупного позолоченного трона, который находчиками был разломан. Возможно, что именно этому трону и принадлежали рассматриваемые нами статуэтки, ведь, кроме них, дошли три бронзовых угла основы и две массивные его ножки.

Предпринимались попытки реконструкции этого трона¹, но обе попытки были в значительной степени условны, так как имеющийся материал все же для достоверной реконструкции недостаточен, а ассирийские изображения не дают близких аналогий.

Не ставя перед собой задачу восстановления внешнего вида трона, перейдем к описанию бронзовых его частей и статуэток, которые могут ему принадлежать².

1. Массивная ножка трона с угловой частью рамы, на которой закреплена крупная фигурка (ок. 15 см высоты) лежащего крылатого животного с головой и задними лапами льва, с рогами и передними лапами быка (рис. 145). Предмет состоит из трех частей: самой ножки, угла рамы и статуэтки. Высота ок. 0,46 м, что соответствует примерно высоте современных стульев, но парадный трон, без сомнения, был выше и основа сиденья находилась над фигуркой. Средние части нижней рамы, скреплявшие бронзовые углы над четырьмя ножками, были деревянными, как у урартских и ассирийских табуретов, остатки которых были обнаружены при раскопках крепости на Кармир-блуре и гробницах Алтын-тепе, а изображения имеются на ассирийских рельефах³. Ножка находится в част-

¹ Пуотровский, ТОВЭ. I; Barnett. Iraq. XII. I. P. 43.

² Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2.; Lehmann-Haupt. Materialien.

³ Кармир-блур. I. С. 53. Рис. 31; Barnett R. D., Gökce N. The Find of Urartian Bronzes from Erzincan // Anatolian Studies. III. 1953. P. 127; Perrot G., Chipiez Ch. Histoire de l'art dans l'Antiquité. II. Paris, 1884. P. 728. Fig. 390.

ной коллекции Вогэ в Париже, куда она поступила до 1884 г. Первая ее публикация: *Perrot et Chipiez. Histoire de l'art. II. Paris, 1884. С. 725. Рис. 383, фотография приведена: Barnett. Iraq. XII. 1. Табл. XIX.*

2. Массивная ножка трона, подобная предыдущей с угловой частью нижней рамы (рис. 90). На верхней поверхности рамы — орнамент, свидетельствующий о том, что она не была прикрыта сиденьем. На внешней стороне — углубления для каменной инкрустации (круги и четырехугольные фигуры с вогнутыми внутрь сторонами), с боков — выступы для скрепления ножки с деревянными брусками. Высота 31 см. Найдена в 1898–1899 гг. германской экспедицией при раскопках на Топрах-кале VA 755. Опубликовано: *Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. С. 485–487; Materialien. С. 95. Рис. 65.*

3. Угловая часть рамы, помещавшаяся над ножкой трона, подобная предыдущей. Украшена так же, как № 1 и 2. Высота 8,5 см. Куплена Лэйардом в 1877 г. в Константинополе вместе с другими предметами из Вана (Британский музей, 91 251. *Barnett. Iraq. XII. I. Табл. II и IV, 3).*

4. Массивная фигурка крылатого быка со вставным утраченным лицом, возможно грифона, поскольку шея фантастического существа разделана чеканкой под перья птицы (рис. 75, 215, 216). Голова повернута влево. Крыло левой стороны украшено ячейками для инкрустации, правое же имеет лишь расчеканку. На затылке прямоугольное углубление для скрепления фигурки посредством бруска с другими частями трона. На краях крыльев и на животе сохранились следы листовой позолоты. Листовое золото, покрывавшее фигурку, зачеканивалось в специальную бороздку. На верхней части головного убора иероглифические знаки-метки для сборки. Высота 22,5 см. Государственный Эрмитаж. Отдел Востока. Из коллекции А. С. Уварова. Опубликовано Пиотровским (ТОВЭ, I. С. 51. Табл. V). Впервые издана в Каталоге собрания древностей А. С. Уварова. (№ 498, 1887 г.).

5. Массивная фигурка крылатого быка с человеческим торсом, повернутым влево (рис. 91). Вставное лицо из камня утрачено. Крыло левой, лицевой, стороны украшено ячейками для инкрустации, правое же, подобно № 4, разделано лишь чеканкой. Следы листовой позолоты. На верхней части головного убора иероглифические знаки — метки для сборки. Высота 20,3 см. Куплена Лэйардом в 1877 г. в Константинополе вместе с другими предметами из Вана (Британский музей, 91247. *Barnett. Iraq. XII. I. 1950. Табл. VI–VII).* Массивные предметы № 4 и 5, ввиду своей тяжести должны были находиться в нижних частях трона. Приводимые далее предметы легкие, полые внутри, они, вероятно, служили украшениями верхних частей.

6. Фигура лежащего льва с передними ногами быка, помещенная на ажурной колонке, составленной из перекрещенных трубочек (наподобие «сруба»), торцы которых и прорезы в верхней части были заполнены цветной смальтой (рис. 92). Барнет считает этот предмет ручкой трона. Сохранились следы листовой позолоты. Высота 28 см (Британский музей, 91 253. Из раскопок 1880 г. на Топрах-кале. *Barnett. Iraq. XII. I. Табл. XI).*

7. Обломок колонки, аналогичной колонке предыдущего предмета. Кружки, заполненные смальтой, расположены лишь на одной из сторон, между рядами кружков квадратные прорезы. Высота 31 см. Частная коллекция Вогэ в

Париже. Первая публикация: *Perrot et Chipiez. Histoire de l'art*. II. С. 725. Рис. 384. Фотография приведена: *Barnett. Iraq*. XII. I. Табл. XXII. 6.

8. Фигурка лежащего крылатого быка с головой, повернутой влево (рис. 74). Вставное лицо (человека или льва?) утрачено. Крылья украшены ячейками для инкрустации с обеих сторон. Следы листовой позолоты. Внизу выступ с отверстием для скрепления предмета с другими частями трона. Высота 10,8 см. Британский музей, 91 248. Куплена Лэйардом в 1877 г. в Константинополе вместе с другими предметами из Вана (*Barnett. Iraq*. XII. I. Табл. V).

9. Фигурка лежащего крылатого быка с головой, повернутой вправо (рис. 73, 213, 214). Вставное лицо утрачено. Крылья с обеих сторон украшены ячейками для инкрустации. Следы листовой позолоты. Внизу выступ с отверстиями для скрепления статуэтки с другими частями трона. Предмет, парный № 8, отличается лишь поворотом головы. Высота 10,6 см. Государственный Эрмитаж, 16 001. Приобретена в 1886 г. у К. Камсаракана как найденная «в г. Ване, на холме Топрах-кале в 1884 г.» (*Пиотровский. ТОВЭ*. I. С. 50. Табл. I).

10. Фигурка крылатого льва с человеческим торсом. Лицо из белого камня было закреплено посредством двух штифтов, глаза и брови инкрустированы (утрачена инкрустация левого глаза и брови). Головной убор с рогами, через грудь торса перекинута лента, на шее подвеска-лунница (рис. 77, 211, 212). Нижняя часть фаса статуэтки как будто разделана под оперенье птицы. Крылья с обеих сторон имеют лишь чеканку, без углублений для инкрустации. Следы листовой позолоты. На нижних частях лап шипы для скрепления, возможно, фигурка закреплялась на деревянной раме. Высота 16,0 см. (Государственный Эрмитаж, 16002). Приобретена в 1885 г. у К. Камсаракана как найденная в 1884 г. на Топрах-кале. Барнет приводит письмо Рейнольдса Бэрчу из Вана от 20 июня 1884 г., в котором рассказывается, что подобная фигурка (вероятно, эта самая) накануне была предложена ему в покупке рабочим, нашедшим ее якобы около раскопа Рассама на Топрах-кале (*Пиотровский. ТОВЭ*. I. С. 50. Табл. II–III; *Barnett. Iraq*. XII. I. С. 20–21; *Barnett. Iraq*. XVI. I. С. 13–14).

11. Фигурка крылатого грифона. Глаза и брови были инкрустированы (рис. 93, 219, 220). Крылья с обеих сторон разделаны лишь чеканкой, все туловище покрыто орнаментом, передающим оперенье птицы, четыре ноги имеют форму птичьих лап. Следы листовой позолоты. Высота 21,2 см (Берлинский музей, VA 775). Во время войны временно хранилась в Государственном Эрмитаже (*Lehmann-Haupt. Materialien*. С. 96. Рис. 66). Рисунок этого предмета был приложен к письму С. Девганца из Вана проф. К. П. Патканову от 22 июля 1884 г., в котором он предлагает статуэтку, найденную на Топрах-кале, к продаже (*Пиотровский. ТОВЭ*. I. С. 48–50).

12. Фигурка, изображающая бога, стоящего на фантастическом животном — рогатом льве, с передними бычьими ногами (рис. 146). Бог в длинном платье, на голове тиара, украшенная рогами, как на статуэтке № 10. Туловище на месте рук имеет удлиненные прямоугольные прорезы, вставное лицо утрачено. Эта единственная из пяти подобных статуэток, сохранившаяся на полную высоту, у четырех других (№ 13–16) верхние части отломаны. Высота 30 см. Находится в частной коллекции Стоклэ в Брюсселе (*Barnett. Iraq*. XVI. I. С. 14–15,

рис. 18). Фотографии этого предмета до приобретения Стоклэ имеются в фонде Д. И. Ермакова (№ 7445–7448).

13. Фигурка бога на лежащем фантастическом животном — рогатом льве с передними бычьими ногами (рис. 147), аналогичная № 12. Верх статуэтки отломан, высота сохранившейся части 15 см (Лувр). Куплена в 1885 г. в Эрзеруме (*Heuzey L. Les Origines Orientales de l'Art. I. Paris, 1891. Табл. IX*).

14. Фигурка бога на лежащем быке. Вставная голова животного (может быть, львиная?) утрачена (рис. 94). На туловище сбоку, на месте рук, прорезы. Следы листовой позолоты. Верх статуэтки отломан, высота сохранившейся части 21,5 см (Британский музей, 91243). Из раскопок 1880 г. на Топрах-кале (*Barnett. Iraq. XII. I. Табл. VII, 3*).

15. Фигурка бога на лежащем быке, аналогичная № 14. Вставная голова животного утрачена (рис. 76, 217, 218). Верх статуэтки обломан, на боках вместо рук прорезы. На нижней плоскости предмета иероглифические знаки — метки сборки. Следы листовой позолоты. Высота сохранившейся части 23,0 см. Государственный Эрмитаж. Из коллекции А. С. Уварова. *Пиотровский. ТОВЭ, I (1939). С. 51, табл. IV*. Впервые опубликована в каталоге А. С. Уварова, № 497 (1887 г.).

16. Фигурка бога на лежащем быке, аналогичная № 14 и 15. Вставная голова животного утрачена (рис. 148). Верх статуэтки обломан, на боках прорезы. По-видимому, четыре вышеприведенные статуэтки были поломаны при освобождении их от бруска, пропущенного через прорезы. Высота сохранившейся части 17,5 см. (Музей Метрополитен в Нью-Йорке, 50. 163. *Metropolitan Museum Bulletin. March. 1952. С. 216. Табл. III. I*).

Все описанные выше пять статуэток, в древности покрытые листовым золотом, имели одинаковое назначение, поскольку прорезы на туловище антропоморфных фигур находятся на одинаковом уровне. Считая их частями парадного трона, я все же напомним сведение Саргона о том, что в Мусасире были захвачены среди добычи два золотых запора в виде фигур божеств, стоявших на оскаленных животных. Это сведение невольно вызывает предположение о том, что фигурки могли быть частями запора; в таком случае через них продвигался засов-здвижка, прихватывавший ушки запираемых створок хранилища.

К подробно мною описанной группе урартских бронзовых изделий, покрытых листовым золотом, следует причислить еще одну статуэтку, отличающуюся от приведенных своими размерами.

17. Фигура, изображающая стоящего человека в длинном платье (вероятно, жреца). Через левое плечо перекинута лента, концы которой были украшены вставками из цветной смальты, подобные вставки круглой формы имелись и на подвеске-луннице, висящей на шее (рис. 221, 222). Левая рука, согнутая, придерживает ленту, в правой руке, вытянутой вдоль туловища, цветок или же опахало в виде пальметки. Во многих местах сохранились остатки листового золота. Лицо изготовлено из белого камня, глаза и брови инкрустированы. Головной убор не сохранился. Сбоку на правой руке и внизу у каймы платья два прямоугольных выреза для соединения этой статуэтки с другими предметами. Сзади на нижней кайме платья небольшое сквозное отверстие. Высота 36 см. (Берлинский музей, VA 774). Во время войны была спасена Советской армией

и временно хранилась в Эрмитаже (*Lehmann-Haupt. Materialien.* С. 98. Рис. 69). В письме С. Девганца из Вана проф. К. П. Патканову от 22 июля 1884 г. этот предмет, найденный на Топрах-кале, предлагался к продаже (*Пиотровский. ТОВЭ. I.* С. 48–50).

Приведенные нами бронзовые урартские изделия высокого художественного мастерства, несомненно, принадлежат к парадному придворному искусству⁴. Каждый отдельный предмет имеет свои совершенно индивидуальные черты, отличающие его от подобных, на первый взгляд даже тождественных предметов. Все они изготавливались сложным способом, так называемым «отливки с утраченной моделью». В этих случаях изделия всегда имеют отчетливые особенности, так как модель при отливке уничтожалась и для изготовления второго подобного же предмета требовалась новая модель. Сущность этого способа отливки заключалась в том, что статуэтку, вылепленную из легкоплавкого материала, обычно из воска, заформовывали в огнеупорную массу. В форме оставляли два отверстия — одно для литья, другое для выхода расплавленного воска и газов. После тщательной просушки форма нагревалась при высокой температуре, воск плавился, вытекал наружу или же впитывался в пористое закрепленное внутри формы ядро (из смеси угля с глиной). Затем в нагретую форму вливался металл, который заполнял все пустоты, повторяющие форму восковой модели. Этот способ отливки всегда точно передает самые мелкие детали и сохраняет особенности фактуры модели. При нем отсутствуют также швы, обязательные при отливке, в разъемных формах. Не всегда предметы отливались целиком, иногда они изготавливались по частям и затем уже монтировались. Это относится в первую очередь к особенно выступающим деталям, например к рогам. На статуэтке № 1 по излому ясно видно, что рога были отлиты отдельно и уже в готовом виде прикреплены к головке фигурки. На крупной фигуре № 17 голова с прической также отливалась особо и для ее монтажа служил выступ в верхней части туловища, на который голова насаживалась и припаивалась к основе статуэтки. Далее мы увидим, что отдельные детали, составлявшие предмет, изготавливались иногда из различных сплавов для того, чтобы иметь разный цвет.

При детальном рассмотрении предметов эрмитажного собрания признаки отливки по восковой модели отчетливо заметны. Детали орнамента статуэток выполнены с рельефностью, присущей лишь лепке из пластической массы. Узор крыльев на лежащем быке (№ 16 001), выполненный штампом, передает мягкий рельеф, лепка из воска отчетливо видна и на фигурке сфинкса (№ 16 002). В полых предметах фактура воска особенно ясна во внутренних частях. Там хорошо различимы налепы, придававшие статуэтке-модели большую прочность и не заглаженные при обработке и штамповке внешней поверхности. Большинство предметов, отлитых способом «по утраченной модели», дорабатывались чеканом, подправлялся орнамент, иногда наносились детали, отсутствовавшие на восковом оригинале. Это также отчетливо видно на некоторых описанных изделиях. Подправки орнамента имели значение и для последующего покрытия статуэток листовым золотом. Способ золочения был

⁴ *Пиотровский. ТОВЭ. I.* 1939. С. 56–58.

крайне прост — фигурки обтягивались тонким золотым листком, по-видимому, без всяких скрепляющих веществ. Благодаря своей высокой пластичности золото повторяло все детали орнамента бронзовой основы и держалось достаточно крепко. Край золотой пластинки закреплялся путем зачеканки в особые, специально для этого просеченные бороздки, что заметно на всех предметах. Золотые, по своему внешнему виду, части трона украшались различными вставками из цветного камня или смальты. Во время реставрации предмета № 4 в одной из ячеек крыла был обнаружен мелкий осколок непрозрачной стекло-видной массы киноварного цвета. Несомненно, существовали смальты и других цветов (голубая и белая). Для лиц фигурок применялся белый камень, глаза и брови инкрустировались темным (черным) камнем. Таким образом, на золотой поверхности статуэток выделялись в основном четыре цвета: белый, красный, голубой и черный, что соответствовало и основной гамме урартских стенных росписей.

Парадные предметы дворца и храма на Топрах-кале, безусловно, были разрушены или разломаны при гибели крепости в начале VI в. до н. э. Тогда же было собрано с них золото, камни и смальта. Местные жители, нашедшие, по рассказу С. Девганца, в 70-х гг. XIX в. трон на развалинах Топрах-кале, обнаружили, вероятно, лишь сломанные части давно разрушенного великолепного памятника урартского искусства. Этим можно объяснить плохую сохранность обобранных статуэток и их «некомплектность». Через торговцев древностей в музеи и частные собрания рано или поздно просочились бы если не все украшения трона, то значительная их часть. По-видимому, нами в основном зафиксировано все то, что было найдено жителями Вана, воспользовавшимися беспечностью археологов.

В прошлом, да отчасти и теперь, именно кладоискатели и случайные находчики обнаруживали лучшие памятники древнего искусства. Это объясняется тем, что они перерывают землю в значительно большем количестве, чем археологи, а также и тем, что внимание их обращено только на выдающиеся предметы. Трудно сказать, какой громадный археологический материал, не бросающийся в глаза, загублен кладоискателями и выброшен при случайных находках. Только систематические раскопки на отдельных памятниках дают теперь хорошие коллекции древностей, раскрывающие различные стороны давно прошедшей жизни.

При систематических раскопках урартских памятников еще не обнаружены богатые художественные предметы, подобные описанным выше, но части более простой мебели были найдены, и они дают полную возможность реконструировать внешний ее вид.

При раскопках Кармир-блур были обнаружены остатки сгоревших деревянных табуретов с сохранившимися бронзовыми деталями (рис. 41). Среди них были верхние части ножек, на которых укреплялось сиденье, украшения поперечной деревянной рамы, средние части ножек, на которых эта рама держалась, и наконечники ножек⁵. Средние части были украшены круглыми венчиками из свисающих листьев, характерного для урартов орнаментального мотива.

⁵ Кармир-блур. I. С. 53.

Подобные бронзовые детали мебели были обнаружены и в могилах Алтын-тепе, около Эрзинджана в 1938 г. и при последующих раскопках 1959–1960 гг.⁶

Кроме простых бронзовых украшений, известны части мебели в форме лап льва и ног быка. Ассирийские и ахеменидские аналогии позволяют установить местоположение этих деталей⁷. Они помещались в нижней части ножки, но под ними находился еще наконечник ножки, соприкасавшийся с полом. Парадная ножка в виде лапы льва, богато украшенная инкрустацией и имевшая на верхней плоскости спереди изображение крылатого солнца и двух звезд над ним, была куплена Лэйардом в 1877 г. вместе с другими древностями, найденными на Топрах-кале. Ножки более простые, в форме лап льва или ног быка, происходят из раскопок на Кармир-блуре⁸ и Алтын-тепе.

* * *

На Топрах-кале во время работ германской экспедиции в 1898–1899 гг. в одном из древних помещений к югу от храма была сделана находка, которой бы позавидовали кладоискатели. Это крупный (выс. ок. 136 см) бронзовый парадный канделябр⁹. Его стержень, украшенный четырьмя венцами свисающих листьев, держался на трех ножках, заканчивающихся копытами быков, выходящих из лвиной пасти (рис. 78). На изгибе ножек были помещены фигурки лежащих крылатых быков с человеческой головой (ассирийские «шеду»). Низ стержня для устойчивости имел массивный полусферический выступ и был украшен крупным венцом листьев. Вверху прикреплялась плоская с высокими краями чаша-светильник. Канделябр был найден сломанным, стержень был в трех обломках, так же как и одна из ножек, две фигурки «шеду» отсутствовали. Этот один из лучших предметов урартского искусства сразу же обратил на себя внимание, и Л. Курциус отнес его к ассирийской культуре, как и большинство в то время известных художественных предметов из Вана. Но стилистические особенности (узор из листьев, фигурки лежащих крылатых быков с головой человека, отличные по внешнему виду от ассирийских) противоречили мнению крупнейших искусствоведов. Теперь же урартское происхождение этого канделябра вне сомнения. Недавно канделябр в Гамбургском музее искусства и ремесла, в котором он хранится с 1903 г., был реставрирован¹⁰; при этом на стержне была обнаружена короткая четырехстрочная надпись, упоминающая имя урартского царя Русы (вероятно, одного из последних, сына Аргишти или сына Эримены).

Но все же и к этому предмету ванские торговцы древностями приложили свою руку — через них одна из статуэток, украшавших ножку канделябра, попала в музей Эчмиадзинского монастыря¹¹. Канделябр Гамбургского музея бли-

⁶ Barnett R. D., Göke N. The Find of Urartian bronzes at Altin-Tepe, near Erzincan // *Anatolian Studies*. III. 1953. P. 127.

⁷ Perrot G., Chipiez Ch. Histoire de l'Art dans Antiquité. II. Paris, 1884. P. 101. Fig. 24; P. 652. Fig. 317; Barnett. Iraq. XII. I. 1950. Pl. IV. 2.

⁸ Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 179. Рис. 42.

⁹ Lehmann-Haupt. Materialien. S. 93. Zeichn. 63.

¹⁰ Hoffman H. King Rusa's candelabrum // *The Illustrated London News*. November 19. 1960. P. 896.

¹¹ Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944. С. 225. Рис. 67.

зок по стилю к бронзовому трону, головы львов на ножках по стилистическим особенностям очень близки к фигурке льва трона (№ 6) (ср. полукружие на лбу, стилизация носа), и нет сомнения, что он относится к предметам дворцовой обстановки. Найденные на Кармир-блуре железные канделябры-светильники гораздо скромнее, хотя по размерам и выше (145 см). Они состоят из длинного стержня с плоской чашей-светильником, заканчивающегося внизу декоративной шишкой, и треножника из гнутых железных прутьев¹². Таких светильников было обнаружено три.

* * *

Вторую хорошо известную группу памятников урартского искусства составляют украшения бортов крупных бронзовых котлов. Это — фигурки птиц с распростертыми крыльями, имеющие человеческую верхнюю часть туловища и головки быков. Они снабжены петлями, в которые продевались кольца, служившие для переноски и подвески котлов. Фигурки отливались отдельно и приклеивались к верхней части котла. В большинстве случаев эти предметы доходили до музеев и коллекционеров в уже отломанном от котлов виде, как отдельные статуэтки.

Первая такая ручка в виде крылатой фигурки поступила в Эрмитаж в 1859 г. из случайно открытой гробницы в скале, находившейся на иранской территории, напротив русского пограничного поста Алишар (Эрмитаж, 1603).

Как было рассказано в первой главе, именно эти крылатые фигурки с женской, судя по прическе, головой были в 1871 г. определены как памятники, относящиеся к культуре урартов. Марий Броссе по фотографиям Д. И. Ермакова опубликовал две такие статуэтки из Вана (Топрах-кале), хранящиеся в Константинопольском музее, которые давно вошли в общую археологическую и искусствоведческую литературу по Древнему Востоку. Недавно они были вновь переизданы Е. Акургалом (Истамбул, № 41 и 42), присоединившим к ним неизданную третью фигурку (№ 1271)¹³. В каталоге Константинопольского музея, кроме этих трех, упомянута еще четвертая подобная же статуэтка (№ 3543) из раскопок на Родосе¹⁴.

Кроме них, из Вана определенно происходят еще две фигурки. Первая поступила в коллекцию Вогэ в Париже и была впервые опубликована с другими предметами той же коллекции в 1884 г.¹⁵ Это массивная ручка котла в виде птицы с двумя женскими головками при одном туловище (рис. 95).

Вторая, отличающаяся крупными размерами (шир. крыльев — 33 см), была приобретена в Вана в 1899 г. и передана в Берлинский музей (УА 2988)¹⁶. Эта фигурка одна из лучших по качеству, покрытая разнообразным чеканным узором (рис. 223, 224).

¹² Кармир-блур. I. С. 69–70. Рис. 42.

¹³ *Akurgal E. Urartäische Kunst // Anatolia. Ankara, 1959. Taf. XX–XXIII.*

¹⁴ *Istanbul Müzeleri. Asariatika Müzesi. Tunc eserler Rehberi. Istanbul, 1937. С. 39.*

¹⁵ *Perrot G., Chipiez Ch. Histoire de l'Art. II. Paris, 1884. P. 735. Fig. 397; Maxwell-Hyslop K. R. Urartian Bronzes in Etruscan Tombs // Iraq. VIII. 2. 1956. Pl. XXVI, 1–2.*

¹⁶ *Lehmann-Haupt. Materialien. S. 86. Zeichn. 58.*

Таким образом, с территории Урарту известно уже шесть экземпляров отмеченных изделий¹⁷.

Фигурки птиц с женским туловищем, украшавшие борт культового котла, по-видимому, изображали божество, связанное с солнцем, на что указывает диск, помещенный иногда на спине птицы между распростертыми крыльями. В урартской иконографии еще твердо не установлено — с каким из богов связывается крылатый солнечный диск. В Ассирии он являлся символом бога Шамаша, идеографическое написание которого урартами перенесено на их бога солнца — Шивини.

На бронзовом поясе из Кармир-блур были изображены три божества, вероятно, три главных представителя урартского пантеона: Халди, Тейшеба и Шивини, причем последний изображен поддерживающим именно крылатый солнечный диск. Это дает нам право предположить, что крылатая богиня, изображения которой помещались на котлах культового назначения, могла быть супругой бога солнца — богиней Тушпуеа.

Как уже указывалось выше, наряду с котлами, украшенными изображениями богини, в Урарту были и котлы с головками быков, выступающими из плакеток, напоминающих фигуру птицы с распростертыми крыльями, а иногда и расчekanенных как птичьих крылья и хвост.

Из Вана в Британский музей попали две хорошо сохранившиеся головки, принадлежащие, по-видимому, одному котлу¹⁸. Именно на одной из них сохранился обломок плакетки, расчekanенной как крыло и хвост (рис. 96). Другая же головка была содрана находчиками с пластинки, как большинство подобных предметов. П. Амандри полагает, что к тому же котлу могут относиться и две другие головки; одна из галереи искусств в Балтиморе, а вторая из частной коллекции в Париже¹⁹. Все эти четыре головки имеют одинаковые стилистические особенности, как пояска у основания рогов, и расчekanку узором елочкой тяжелой брови, нависающей над глазом.

В Алишарской гробнице в 1859 г. ручка с головкой быка (Эрмитаж, 1604) была найдена вместе с крылатой фигуркой, которые принадлежали, вероятно, двум разным котлам.

В 1905 г. у сел. Гуци (оз. Урмия) в случайно открытой могиле, по сведениям находчиков, были найдены две разные по размеру головки быков, якобы от статуй быков, разбитых в поисках золота. В действительности же они также принадлежали котлам (рис. 149). Эти две головки, фотографии которых были опубликованы армянским писателем и любителем — этнографом Атрпетом²⁰, попали в руки торговцев древностями и на долгое время пропали из вида. Лишь благодаря труду Ханфмана²¹ их удалось найти в Лувре (АО 17–207) и Кливленд-

¹⁷ У Перро и Шипье одна из истамбульских статуэток неверно отмечена как хранящаяся в Эрмитаже (Санкт-Петербург), а в списке, приводимом Леман-Гауптом, две статуэтки приписаны коллекции В. С. Голенищева (вероятно, путаница с теми же истамбульскими, опубликованными М. Броссе).

¹⁸ Barnett. Iraq. XII. I. Pl. XVI.

¹⁹ Amandry P. Chaudrons à protomes de taureau en Orient et en Grèce // The Aegean and the Near East. Studies presented to H. Goldman. New York. P. 239–260.

²⁰ Атрпет. Культовый бык в древней Армении // Этнографическое обозрение. XXIII. 2. 1912 (на арм. яз.).

²¹ Hanfmann G. M. A. Four Urartian Bulls' heads // Anatolian Studies. VI. 1956. P. 205–213.

ском музее (42–204). К этой же находке могут также относиться головка из коллекции Эмери в Цинциннати, приобретенная от Келекяна, и головка из музея при Гарвардском университете (1943, 1321) (рис. 150). Обе они очень близки к головке из Кливлендского музея (США). Если это сопоставление верно, то Атрпету было сообщено лишь о части находок в гробнице у сел. Гуши, которые были поделены между несколькими лицами.

Б. А. Куфтин считал, что опубликованные головки быков из Гуши не могли служить украшениями сосудов, так как они имеют ободок у края, закреплявшего их в «трубчатом предмете»²². Но этот ободок, вероятнее всего, закреплял их в прорезе плакетки, приклепанной к борту котла, и находчикам легче было вырвать их из пластинки, чем оторвать приклепанную пластинку. Не могут быть эти головки быков и украшениями мебели, так как там применялись лишь головки телят, без рогов²³. В 1938 г. в гробнице, обнаруженной на Алтын-тепе, у Эрзинджяна, был найден прекрасно сохранившийся котел (рис. 151), борт которого был украшен четырьмя плакетками в форме птиц, с выступающими головками быков (музей в Анкаре, 8823). Котел этот стоял на треножнике из согнутых бронзовых прутьев, искусно выполненных в виде бычьих ног²⁴.

Две небольшие головки бычков украшали также бронзовое ведро, найденное в обломках на Кармир-блуре²⁵ (Исторический музей Армении) (рис. 42). К ушку над головой прикреплялась ручка.

Таким образом, с территории Урарту известно уже достаточное количество головок быков — украшений котлов для того, чтобы считать их характерными предметами урартского прикладного искусства. Крылатые фигурки и головки быков по своим художественным качествам проще статуэток, украшавших парадные троны и выделенных нами в первую группу. После отливки по восковой модели их дорабатывали чеканкой и наносили орнамент, который на первоначальной модели отсутствовал. Некоторые головки быков монтировались из отдельных частей, отлитых из бронзы разного состава, а вероятно и цвета. Так, химический анализ металла головки, хранящейся в Гарвардском университете, и рога, прикреплявшегося к ней, показал различное содержание сплава. В роге, кроме меди и олова, оказалась еще присадка цинка²⁶. Котлы, украшенные фигурками птиц с женской головой и головками быков, встречаются далеко за пределами Урарту, они доходят до Греции и Италии. Считалось, что в Средиземноморье они попадали через Сирию, минуя Малую Азию по трассе: Ван — Кархемиш — Аль Мина — Родос — Коринф — Италия²⁷. Теперь прекрасные образцы таких котлов стали известны и в центре Малой Азии. В 1957 г. в Гордионе, около древней столицы Фригийского царства, американская экспедиция под руководством Р. Юнга раскопала громадный курган, высотой

²² Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арапата... С. 41.

²³ Манцевич А. П. Головка быка VI в. до н. э. на р. Калитве // СА. 1958. № 2. С. 196.

²⁴ Barnett R. D., Göktepe N. Urartian Bronzes from Erzincan // Anatolian Studies. III. 1953. Pl. XIIIa, XIV.

²⁵ Кармир-блур. I. С. 70. Рис. 44.

²⁶ Hanfmann M. A., Hansen P. Hittite Bronzes and other Near Eastern Figurines in the Fogg Art Museum of Harvard University // Turk Arkeoloji Dergisi. VI. 2. Ankara, 1956. P. 43–57. К статье приложен анализ, выполненный R. J. Gettens (там же. С. 58).

²⁷ Smith Sidney. The greek trade at Al-Mina // Antiquaries Journal. XXII. 1942. P. 87.

ок. 50 м. В нем было открыто богатое царское погребение середины VIII в. до н. э., которое исследователи отнесли к фригийскому царю Гордию. В деревянной камере кургана было обнаружено много бронзовых и деревянных инкрустированных предметов при полном отсутствии золотых и серебряных изделий. У южной стены камеры на железных подставках стояли три крупных бронзовых котла²⁸. Один из них был украшен четырьмя фигурками птиц с женским торсом, по форме и по стилю совпадающими с урартскими фигурками (рис. 152). На втором котле были две женские крылатые фигуры и две мужские, которые отличались от женских бородой и иной формой прически (рис. 153). Третий же котел был украшен двумя головками быков. Все три котла были признаны урартского происхождения, настолько они близки к подобным же предметам, известным из центра Ванского царства.

Кроме котлов, в гробнице были найдены два ведерка, одно с головой льва на дне, другое — с головой барана, ручки их были прикреплены к ушкам пластинок, по контуру напоминающих птицу с распростертыми крыльями, как на урартских изделиях. Но стилистически эти ведерки отличаются от урартских и скорее напоминают ассирийские изделия, если не являются местными фригийскими.

Находки в кургане фригийского царя урартских котлов указывают на то, что в середине VIII в. до н. э. связи Урарту со странами, лежавшими на западе, не ограничивались лишь Северной Сирией, куда достигали урартские войска, но распространялись и на Анатолию.

В 1931 г. Леман-Гаупт привел список известных тридцать лет назад украшений котлов в виде птиц с женским и редко с мужским торсом. Список состоял из 43 предметов²⁹. Причем около десяти из них происходит с территории Передней Азии (Урарту и Ассирия)³⁰, а большая часть из Средиземноморья (Греция, Италия). Они были найдены на острове Родос, в Афинах, Беотии, Дельфах, Олимпии, а также в этрусских гробницах³¹.

Статистический подсчет находок ни в коей мере не может служить обоснованием для установления места их изготовления, так как территория Греции в археологическом отношении изучена гораздо лучше Передней Азии; кроме того, греческие святилища одновременно дали большое количество таких предметов (Дельфы — 12; Олимпия — 7; Афины — 3 экземпляра). В музее во Флоренции имеются две фигурки птиц с торсом женщины и две с торсом бородастого мужчины из Ветулонии, в богатой «Tomba Bernardini» в Пренесте также были найдены две подобные женские фигурки, близкие к переднеазиатским.

²⁸ Young R. S. The Gordion Tomb // Expedition. The Bulletin of the University Museum of the University of Pennsylvania. 1958. I. N 1. P. 3–13; Young R. S. The Gordion Campaign of 1957 // American Journal of Archaeology. 62. N 2. 1958. P. 139–154.

²⁹ Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2.

³⁰ Perrot G., Chipiez Ch. Histoire de l'Art. II. Paris, 1884. С. 734, упоминает статуэтку Британского музея из Ниневии (№ 12 060); Herzfeld E. Khattische und Khaldische Bronzen // Janus. I. 1921. S. 151.

³¹ Karo G. Orient und Hellas in archaischer Zeit // Athenische Mitteilungen. XLV. 1920. S. 139; Furtwängler A. Die Bronzen und die übrigen kleineren Funde von Olympia. IV. Berlin, 1890; Ridder. Catalogue des bronzes trouvés sur l'Acropole d'Athènes. P. 287. N 764–766; American Journal of Archaeology. XLII. 3. 1938. P. 400; Perdrizet P. Fouilles de Delphes. V. Paris, 1905. P. 80.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что плакетка с торсом двуликого бородатого мужчины находится на котле с выступающими наружу крупными головами грифонов, т. е. на котле этрусской формы. Мы можем предположить, что фигурка копировалась с переднеазиатских образцов, что, по мнению Максвелл-Хислоп, подтверждается и стилистическими наблюдениями.

Если несколько лет тому назад были ещё споры относительно происхождения котлов, украшенных фигурками птиц с женским торсом, причем, кроме мнения о переднеазиатском их центре (Леман-Гаупт, Герцфельд, Фуртвенглер), существовали предположения об отнесении их к средиземноморскому искусству (Ипсен, Дукати), то теперь мнение археологов относительно происхождения большинства их из Передней Азии единодушно³².

Разумеется, все их нельзя считать происходящими из одного центра и среди них несомненно есть подражания переднеазиатским экземплярам. Так, Леман-Гаупт выделил небольшую группу (6 экземпляров) фигурок, которую он связывает с архаической греческой скульптурой VI в. до н. э. В переднеазиатских экземплярах можно отметить: сильно изогнутый нос, тонкий у переносицы и расширяющийся книзу, мясистые губы, выпуклые брови, широкие веки, причёску гладкую сверху и с вертикальными локонами сзади, крупные крылья с детальной гравировкой. В греческой группе, коринфо-аргивской, как ее определял Леман-Гаупт, отличительные черты иные: прямой выступающий вперед нос, тонкие губы, отмеченные одним штрихом брови, узкие веки, причёска уступами, небольшие крылья без гравировки³³. Мы видим, что эти две группы отчетливо имеют совершенно разные стилистические особенности и нет никакого сомнения в том, что они и по происхождению различны. При детальном анализе всех предметов этой группы, вероятно, можно будет выделить и другие локальные признаки, не так резко бросающиеся в глаза.

Аналогии к фигуркам, изображающим комбинированное существо с торсом человека и телом птицы, имеются и в Иране. В Лувре хранится бронзовый сосуд из Луристана с носиком на тулове, ограниченным крупными полушаровидными выступами (рис. 154). На обратной носику стороне сосуда имеется приклепанное контурное изображение птицы с оперением, переданным гравировкой, имеющее торс бородатого человека со сложенными у груди руками³⁴. Вряд ли можно сомневаться в том, что приклепанная фигурка связана с вышеприведенными украшениями бронзовых котлов, настолько они близки друг к другу. В Гамбурге хранится луристанский сосуд той же формы с приклепанной головкой льва, а Максвелл-Хислоп опубликовала подобный сосуд, найденный на острове Самос³⁵. Мы видим, что культурные связи Передней Азии и Средиземноморья привели ко многим общим элементам в искусстве и, вероятно, к частым подражаниям и копированию.

³² Pallottino M. Urartu, Greece and Etruria // East and West. IX. N 1, 2. Rome, 1958. P. 29–52; Amandry P. Objets orientaux en Grèce et en Italie aux VIII et VII siècles avant J.-C. // Syria. XXXV. 1–2. Paris, 1958. P. 73–109; Maxwell-Hyslop K. R. Urartian Bronzes in Etruscan Tombs // Iraq. XVIII. 2. 1956. P. 150–167.

³³ Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. P. 490–493.

³⁴ A Survey of Persian Art. Vol. IV. Oxford University Press, 1938. Pl. 63, 64a.

³⁵ Goldman B. Luristan Pitchers // Artibus Asiae. XX. 4. Ascona, 1957. P. 251–264. Fig. 24; Maxwell-Hyslop K. R. Urartian Bronzes in Etruscan Tombs // Iraq. XVIII. 2. 1956. Pl. XXXIV, 4.

Украшения котлов в виде бычьих головок также имеются в Средиземноморье, притом в тех же самых пунктах, где фигурки птиц с женским торсом. П. Амандри приводит головки с острова Родос, острова Самос, из Афин, Дельф (6 штук) и Олимпии (5 штук)³⁶. Причем локальные их отличия выступают еще более ярко. Из Италии происходит один котел, украшенный двумя плакетками в виде контура птицы с выступающими головками быков. Он поступил в 1900 г. в Копенгагенский музей от антиквара как найденный в Кумах³⁷. Этот котел стилистически близок к урартским изделиям и, в частности, котлу из кургана в Гордионе (рис. 151, 2).

Выше было указано на то, что украшение борта котла с двуликой мужской фигуркой находится на сосуде этрусского типа, украшенного выступающими наружу крупными головами грифонов³⁸. Такие котлы встречаются в богатых этрусских гробницах, иногда они имеют по четыре головы. Но встречаются также котлы, на которых декоративные головы чудовищ направлены не наружу, а внутрь. Так, на котле из «Tomba Regolini-galassi» (рис. 155) на внешнем борту помещены 6 голов оскаленных львов, с очень удлиненными шеями, как бы засматривающих внутрь котла³⁹. Шея льва с гривой отделена от дальнейшего продолжения ручки горизонтальными полосками.

Этому котлу имеется и урартская аналогия. В 1957 г. на Кармир-блуре была найдена бронзовая ручка котла (рис. 22), оканчивающаяся оскаленной головой льва⁴⁰. Ее положение на котле могло быть только таким же, как на вышеприведенном этруском. И на урартском образце зверь как бы наклонялся над содержимым сосуда. На шее льва в двух графленных строчках была клинообразная надпись «(царя) Сардури, сына Аргишти».

* * *

Третью большую группу памятников урартского прикладного искусства составляют предметы вооружения, украшенные изображениями, орнаментом и часто снабженные клинообразными надписями, упоминающими имена царей.

Наибольшую известность из этих предметов получили крупные бронзовые щиты, украшенные изображениями львов и быков, помещенных в концентрических полосах. Обломок одного из них, ходивший по рукам торговцев древностями, попал в Берлинский музей (УА 805)⁴¹, а два других, сравнительно хорошо сохранившихся, поступили в Британский музей из раскопок 1880 г. на Топрах-кале.

³⁶ *Amandry P.* Chaudrons à protomes de taureau en Orient et en Grèce // *The Aegean and Near East*. New York, 1956. P. 249.

³⁷ *Ibid.* Pl. XXVIII.

³⁸ *Ducati P.* Storia dell' Arte Etrusca. I. Firenze, 1927. P. 121.

³⁹ *Mazunt M. G.* Lebeti Etruschi // *Studi Etruschi*. XXVII. Firenze, 1959. Taf. XIIa. P. 68. Подобную ручку из Олимпии см.: *Jantzen U.* Griechische Greifenkessel. Berlin, 1955. Taf. 9, 3.

⁴⁰ *Пиотровский Б. Б.* Бронзовые изделия с надписями Сардури II из раскопок на Кармир-блуре // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.; Л., 1960. С. 119–122.

⁴¹ *Lehmann-Haupt.* Materialien. S. 99. Fig. 70. Он упоминается в приведенном в первой главе письме С. Девганца К. Н. Патканову.

Крупный щит (22 481) Британского музея стал известен с 1884 г., когда Перро и Шипье опубликовали рисунок этого щита, еще не вполне реставрированно⁴². Эти три щита и обломки других, найденные на Топрах-кале, относились, как указывают посвяtitельные надписи, ко времени последнего урартского царя Русы, сына Эримены.

Бронзовые щиты более раннего времени с надписями Аргишти I, Сардури II и Русы I в количестве 14 были обнаружены в разное время при раскопках Кармир-блур. Четыре из них имели изображения львов и быков и надписи Аргишти I и Сардури II (рис. 43 и 44).

Урартские щиты имеют характерную форму, напоминающую шляпу с полями. Диаметр их колеблется от 0,70–1,00 м.

Средняя часть щита представляет собою конический выступ на низком барабане. Чаще всего щит бывает гладким, но иногда и богато украшенным изображениями львов и быков (рис. 45), расположенных в трех concentрических полосах, разделенных орнаментальными фризами. Один щит Британского музея (22 482) украшен лишь двумя рядами львов. На борту щита, по кругу, помещена обычно посвяtitельная надпись от имени царя, иногда дословно повторенная в двух строках. Центральная часть конуса бывает гладкой или украшенной многолепестковой розеткой. С внутренней стороны к щиту приклепаны три ручки, служившие для его подвешивания: одна крупная в верхней части щита, по линии вертикального сечения, и две меньшие, в правой и левой половине также верхней части щита. Толщина бронзового листа, размеры и системы ручек для подвешивания указывают на то, что эти щиты не были боевыми, а являлись приношением в храм. Урартские щиты описанной формы хорошо известны по рельефам дворца Саргона и по тексту из Ашура, описывающему поход против Урарту в 714 г. до н. э. На рельефе, изображающем Мусасирский храм, такие щиты показаны висящими как на стене фасада, так и на колоннах или пилястрах, текст же рассказывает, что они изготовлялись из золота и серебра и были украшены в центре головками животных.

Щиты, найденные на Топрах-кале и Кармир-блуре⁴³, были менее парадные и лишены умбонов. Фигуры животных на этих щитах расположены с учетом их вертикального положения. В четырех секторах щита они помещены в разные стороны, так что ни одна из фигур не смотрится в перевернутом виде. Количество изображений животных на щитах бывает различным, от 56 до 24. Ряды их разделены орнаментальной полоской, на топрах-калининских — в двух случаях плетенкой и в одном — орнаментом из бутонов, на кармир-блурских — лишь вторым орнаментом.

Техника их изготовления, вероятно, была такой: фигурки животных сначала наносились на поверхность щита штампом (на это указывает сильная вдавленность изображений на внутренней стороне), а затем расчеканивались набором разных инструментов, среди которых были и трубочки микроскопического

⁴² Perrot G., Chipiez Ch. Histoire de l'Art. 1884. II. Fig. 415. Полный рисунок щита приведен у Линча (Армения. II. Тифлис, 1910. С. 80. Рис. 124). Фотографии и надписи у Barnett (Iraq. XII. I. Pl. IX–X. P. 13–15). Один щит из Топрах-кале (22 483) без изображений и надписи.

⁴³ Кармир-блур. III. С. 26–30.

диаметра, которыми наносились кружки. Система украшения урартских вотивных щитов была очень устойчивой, во всяком случае, за срок более 150 лет, отделяющий щит Аргишти I из Кармир-блур от щита Русы III с Топрах-кале, способ украшения в основном не изменился, даже разделка фигур животных выполнялась по одной схеме. Правда, Е. Акургал в изображениях на щитах Аргишти I и Русы III видит различные художественные стили: в первых — «стиль завитков», а во вторых — «стиль выпуклостей»⁴⁴, но они могут объясняться личными качествами мастеров.

Не менее художественными, чем щиты, были также урартские шлемы, известные по раскопкам на Кармир-блуре⁴⁵, где их было найдено 20 штук. Все они имели форму остроконечного шишака, обычную для ассирийских шлемов.

11 шлемов были украшены на лобной части выпуклым символическим знаком: вертикальной полосой, идущей от лба к макушке, и под ней зигзагообразной фигурой, которая, возможно, передает молнию — символ бога Тейшебы⁴⁶. У нижнего края, между выпуклыми горизонтальными ободками, помещалась клинообразная надпись.

9 других шлемов, из которых только четыре дошли целыми, а остальные — в обломках, отличались большим искусством исполнения. Один из них имел надпись с именем царя Аргишти I, а три — Сардури II (рис. 46).

Лобная часть шлемов украшалась одиннадцатью священными деревьями, по пяти в двух рядах; одно же помещалось выше. Около каждого дерева изображены боги в шлемах, украшенных рогами: одни из них безбородые, другие же бородатые с крупными крыльями (керубы). Сами священные деревья обнесены рамкой, напоминающей по форме стелу с закругленным верхом.

Все 11 священных деревьев с двух сторон обрамлены изображениями змей со львиными головами, по четыре с каждой стороны, представляющими магическую защиту от злых сил. Ручка котла, украшенная оскаленной головой льва с надписью Сардури II, найденная на Кармир-блуре в 1957 г., напоминает эти фигуры, обрамляющие лобную часть шлема. Иногда вместо нескольких священных деревьев помещалось одно крупное дерево или же колесница и скачущий всадник, что можно видеть на обломках шлемов.

Затылочная и височные части шлемов украшены двумя рядами урартских боевых колесниц и всадников. Воины имеют шлемы наподобие тех, на которых они изображены, и круглые щиты. Всего на шлеме помещалось десять всадников и восемь колесниц. Урартские колесницы, изображенные на шлеме, по своему типу очень близки к ассирийским VIII в. до н. э. Колесница имеет облегченный кузов, легкое дышло и колеса в 8 спиц. На колесницах помещено по две фигуры — одна безбородая, кучер, держащий в руках вожжи и кнут, а другая бородатая, воин, чье копьё укреплено на задке колесницы. Каждый ряд изображений обрамлен двумя лентами, заполненными выступающими сверху и снизу треугольниками, образующими зигзагообразную

⁴⁴ Akurgal E. Urartäische Kunst // Anatolia. IV. 1959.

⁴⁵ Пиотровский Б. Б. Город бога Тейшебы // СА. 1959. № 2. С. 178.

⁴⁶ Кармир-блур. I. С. 63–67; Кармир-блур. II. С. 49 и вклейка развернутого изображения на шлеме Аргишти I.

полосу. Около нижнего края шлема помещалась клинообразная посвятельная надпись, заканчивающаяся иероглифическими знаками, возможно метками мастера. Техника выполнения фигурок на шлемах была аналогичной нанесению изображений на щитах. И на шлемах мы видим удивительно тонкую расчеканку фигур, не теряющую художественности даже при большом увеличении.

Раскопки на Кармир-блуре обнаружили также 18 бронзовых колчанов, в которые укладывалось по 35–40 штук стрел. Многие из них, заполнявшиеся стрелами с железными наконечниками, были совершенно разрушены окисью. Колчаны представляли собою несомкнутую металлическую трубку (дл. 65–70 см) с двумя петлями для ремня. Часть колчана, соприкасавшаяся с плечом или спиной воина, была кожаной. Способ их ношения через плечо хорошо иллюстрируется ассирийскими изображениями. Колчаны украшались орнаментальными поясками, между которыми часто помещались изображения. Обычным орнаментальным мотивом был узор из треугольников, направленных вершинами в разные стороны и образующих зигзаг. Лучшие образцы урартских колчанов украшены восемью полосами, заполненными изображениями всадников и боевых колесниц, аналогичных изображенным на затылочных и боковых частях описанных выше шлемов. В каждой полосе помещалось по три всадника и по две колесницы. Таким образом, общее количество изображений на одном колчане доходит до 40. Под верхним краем обычно чеканилась клинообразная надпись, упоминающая имя царя.

На Кармир-блуре был найден обломок колчана, который составлял пару не шлемам с изображением воинов, а щитам с фигурами животных. На нем сохранились два ряда шествующих животных, в верхнем львов, в нижнем быков⁴⁷. На мелком обломке другого колчана сохранились остатки двух фигур. От первой сохранились лишь бычьи ноги и хвост, а вторая представляла собою фантастическое крылатое животное с передней частью льва и задней быка. Оба обломка имели орнаменты не в виде зигзага, как на шлемах, а в виде пояса бутонов, как на щитах. Образцы колчанов нам известны и из центральной части Урарту. В Британском музее хранится обломок верха колчана с изображением льва и пальметки⁴⁸; орнаментальные полосы колчана были аналогичны полосам на шлемах и на большинстве других колчанов.

В Эрмитаже имеется обломок колчана, на котором сохранилось изображение пешего воина с поднятой рукой. По-видимому, обломок поступил в Эрмитаж в 1885 г. вместе с другими древностями из Вана.

Хорошо сохранившийся колчан, без изображений, украшенный лишь орнаментальными полосами, был найден в 1938 г. в могиле на Алтын-тепе⁴⁹. Последние раскопки открыли там же новые образцы колчанов.

Художественно украшенные урартские щиты, шлемы и колчаны, описанные выше, особенно ценны тем, что имеющиеся на них клинообразные надпи-

⁴⁷ Кармир-блур. II. С. 37, 38. Рис. 20.

⁴⁸ Barnett. Iraq. XVI. P. 9.

⁴⁹ Barnett R. D., Gökçe N. Urartian bronzes from Erzincan // Anatolian Studies. III. 1953. P. 126. Pl. XVIII.

си являются надежной датировкой, что позволяет сравнивать разновременные изделия. Так, сопоставляя шлемы Аргишти I и Сардури II, можно ясно различить работу разных мастеров, причем мастер времени Сардури II по квалификации был выше своего предшественника, хотя полностью повторил прежний рисунок.

* * *

Археологические материалы из раскопок Кармир-блуре позволяют почти полностью восстановить облик урартского воина. Имеются бронзовые шлемы двух типов, щиты, колчаны. Были найдены остатки пластинчатых панцирей, как бронзовых, так и железных. Пластинки одного из них были украшены штампованными розетками. Судя по надписи на большой относящейся к нему пуговице, этот панцирь принадлежал царю Аргишти, сыну Менуа.

Из оружия до нас дошли железные мечи, кинжалы, наконечники копий и стрел. В находках отсутствуют лишь луки, которые, судя по ассирийским изображениям, были крупными по размерам и носились не в горитах, а прямо через плечо.

Особое место среди предметов амуниции воинов и одежды занимают бронзовые пояса, изготовленные из тонкой раскованной пластины, которая нашивалась обычно на кожаную или войлочную основу. Пояса эти часто украшались сложным штампованным и гравированным орнаментом, среди которого размещались изображения, главным образом божеств и животных.

Такие широкие пояса на Древнем Востоке были обычным предметом амуниции воинов-лучников, заменявшим щит. Вместе с тем пояс имел определенное значение в культе и магии. Опясывание, заключение себя в круг, было магическим средством защиты от злых сил, что хорошо иллюстрируется этнографическими примерами. Этим объясняется обычай украшения урартских бронзовых поясов изображениями богов урартского пантеона.

На Кармир-блуре был найден широкий, бронзовый пояс, шириной около 12 см и длиной около 1 м. Он был украшен одиннадцатью метопами, образованными орнаментальными полосами, в которые входили кружки с четырехлепестковой розеткой, пальметки и спирали (рис. 47).

В каждом поле размещалось по одному изображению: стилизованное священное дерево с диском над ним (5 изображений), фигура бога, стоящего на льве (3) и фигура бога, стоящего на быке (3). Правый конец пояса имел украшение в виде стилизованного священного дерева, занимавшего всю ширину пояса.

Судя по иконографическим данным, бог на льве изображал верховного бога урартского пантеона — Халди, а фигура на быке — Тейшебу. Солнечный диск над стилизованным священным деревом мог являться символом бога солнца Шивини.

На Кармир-блуре были обнаружены обломки и второго бронзового пояса, более сложного по композиции. Орнаментальный мотив, близкий к описанному выше поясу, делил второй пояс на две горизонтальные линии, а изображения каждой линии находились друг над другом (рис. 48). Сохранилось лишь пять изображений: справа изображен крылатый грифон с туловищем льва, но хвостом птицы, стоящий на пальметке (верхняя фигура, вероятно такая же, не сохранилась). Рядом с грифоном изображен бог Халди, стоящий на льве, а над ним схематичное изображение священного дерева, состоящее из кружков и двух

ромбов, заключенное в картуш. Далее два расположенных один над другим изображения коленопреклоненного бога Шивини, поддерживающего крылатый солнечный диск. За Шивини помещен бог Тейшеба на быке, а под ним картуш со стилизованным священным деревом. Слева сохранились передние части изображений «шеду» — крылатых львов с головой человека.

На обломках двух других плохо сохранившихся поясов, обнаруженных на Кармир-блуре, различимы остатки изображений священных деревьев, быков и антропоморфных фигур. По-видимому, композиция двух приведенных нами поясов была для урартского искусства обычной.

Как мне сообщил руководитель раскопок на Алтын-тепе, турецкий археолог Т. Эзгюч, и там найдено несколько бронзовых поясов, к сожалению, еще не опубликованных. На одном из них были фигуры всадников в шлемах с копьями в руках, на других — изображения быков и львов, помещенных по три фигуры в вертикальном ряду, и изображение кентавра с луком в руке. Пояс со всадником составляет другую группу урартских поясов, а именно со сценами охоты. Обломки трех таких поясов были обнаружены в разрушенном урартском могильнике, недалеко от крепости Эребуни (Арин-берд)⁵⁰. На всех трех экземплярах была изображена охота на львов и быков, в которой участвовали колесницы, всадники и пешие воины, один с копьем в руках и висящим на плече щитом, другие с луком в левой руке и колчаном через плечо. Издатели этих поясов справедливо сопоставляют изображенные на них сцены охоты с рельефами из дворцов ассирийских царей.

На арин-бердских поясах (рис. 156) имелись также изображения священных деревьев, по типу аналогичных деревьям на шлемах Аргишти I и Сардури II, и стоящих по их сторонам грифонов.

Вторая группа изображений на поясах из Алтын-тепе также находит себе соответствие в известных нам других поясах. В гробнице у сел. Гуши (у оз. Урмия), откуда происходят описанные выше бронзовые головки быков, был найден обломок пояса, на котором изображены животные, помещенные друг над другом по три. Это изображения козлов, быков и львов, на которых охотятся фантастические существа — птицы с ногами и торсом человека⁵¹.

На территории Советской Армении и в Карской области, в могилах, были найдены урартские пояса, представляющие великолепные образцы древнего искусства. Из Ширака (район Ленинакана) происходит один обломок⁵² с изображением бегущего крылатого грифона перед солнечным диском над священным деревом, аналогичным изображению на первом поясе из Кармир-блуре. В верхней части пояса помещен узор в виде плетенки, а внизу гирлянда, составленная из цветов и бутонов, — характерные для урартского искусства орнаментальные мотивы.

Обломки богато украшенного бронзового пояса были найдены в погребении у сел. Ани-пемза⁵³. Поверхность пояса разделена орнаментом не на прямо-

⁵⁰ *Мартirosян А., Мнацаканян А.* Нор-Арешский урартский колумбарий // Изв. Акад. наук АрмССР. № 10. Рис. на с. 71, 73, 76 и 77.

⁵¹ *Куфтин Б. А.* Урартский колумбарий у подошвы Арарата... Табл. XI.

⁵² *Куфтин Б. А.* Указ. соч. С. 44. Рис. 31.

⁵³ *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959. Рис. 86.

угольные поля, а на ромбические, причем в каждом из них помещено изображение животного (быка и льва), грифона и птицы с человеческими головой и ногами. В некоторых полях размещены символические изображения (может быть солнца), составленные из кружков и точек. На правом конце пояса — элементы распавшейся на три части фигуры священного дерева. Наиболее близко к поясу из Ани-пемза стоит пояс, найденный в сел. Заким б. Карской области, известный с 1904 г.⁵⁴ Покрывающий его орнамент делит поверхность пояса на ромбические поля, в которых помещены фигуры крылатых коней, львов, быка и стрелка из лука. На краю — то же стилизованное изображение священного дерева, очень характерное для урартских поясов. Даже простые урартские бронзовые пояса, украшенные орнаментом из точек, имеют на конце пластины то же стилизованное дерево⁵⁵, которое связывает урартские памятники искусства, с одной стороны — с определенной группой скифских памятников, а с другой — с памятниками Урмийского района, ставшими известными по предметам, найденным в сел. Зивийе (так называемый Саккызский клад), и впервые опубликованными в 1950 г.

Скифские памятники, изготовленные под сильным влиянием искусства Передней Азии или же по образцам этого древнего искусства, были открыты в курганах Среднего Днепра и на Кубани. Это — золотые ножны коротких скифских мечей-акинаков, украшенные изображениями в древневосточном стиле. Первый из них был найден еще в 1763 г. на Украине в б. Херсонской губернии генералом Мельгуновым и поступил в Кунсткамеру⁵⁶ (ныне в Государственном Эрмитаже). На ножнах изображены фантастические существа с туловищами быков и львов, с крыльями в виде рыб, с головами грифонов, людей, львов и баранов. Все они держат в руках натянутые и готовые к спуску луки.

Обращает на себя внимание графическая разделка туловищ животных, особенно быков, очень близкая к урартским образцам, а также головы людей, напоминающие головы крылатых фигурок, украшавших бронзовые котлы. В верхней части ножен изображено стилизованное священное дерево, также близкое к урартским образцам на бронзовых поясах, и две фигуры крылатых гениев, держащих в руках вместо ведерка для плода нечто (ветку с плодом?) сходное с изображенным в руках богов на урартских поясах из Кармир-блур. Стилизованное священное дерево, потерявшее уже свою форму, было художнику непонятно, и по бокам схематической фигуры он поместил два более реалистических изображения дерева, имеющих аналогии на серебряной подвеске Берлинского музея, найденной на Топрах-кале⁵⁷. Рукоятка самого меча была покрыта золотым листком с орнаментом, сходным со схемой урартского священного дерева, и характерным узором — гирляндой из цветков и бутонов. В нижней части рукоятки помещены две фигуры лежащих козлов. На боковом выступе ножен изображен олень в скифском стиле, совершенно отличным от стиля изображений на ножках, а по краю выступа размещены стилизованные

⁵⁴ Пиотровский Б. Б. Указ. соч. Рис. 85.

⁵⁵ Пиотровский Б. Б. Указ. соч. Рис. 82.

⁵⁶ Придик Е. М. Мельгуновский клад 1763 года // МАР. № 31. 1911.

⁵⁷ Meyer G. R. Ein neuentdeckter urartäischer Brustschmuck // Das Altertum. I. 4. Berlin, 1955. S. 209.

головы птиц. Таким образом, все орнаментальные мотивы ножен мельгуновского акинака (Литого кургана), кроме украшения бокового выступа, находят аналогии в урартском искусстве. Второй акинак был найден в 1903 г. Д. Г. Шульцем в кургане у станицы Келермесской на Кубани (Государственный Эрмитаж)⁵⁸. Изображения на его золотых ножнах близки мельгуновским, но не тождественны, отсутствуют существа с человеческими головами, а луки держат только чудовища, имеющие головы хищников (львов и грифонов). В верхней части ножен и в нижней части рукоятки изображены стилизованные священные деревья, около которых стоят по две крылатые фигуры, держащие в обеих руках плоды. Наряду со стилизованным деревом изображены также два других, более понятных дерева. Орнамент рукоятки келермесского акинака также содержит элементы урартских изображений священных деревьев, вплоть до упрощенной схемы чередования кружков и ромбов, как в схеме дерева в картуше на поясе из Кармир-блур. Характерный для поясов урартский орнамент помещен также между хищниками, украшающими концы ножен. Боковой выступ ножек келермесского акинака украшен в чисто скифском стиле.

Мне уже приходилось подробно рассматривать связи мельгуновского и келермесского акинаков с урартским искусством, и я высказал предположение о том, что оба своеобразных памятника скифского искусства были изготовлены под влиянием урартских образцов или же являются их копией⁵⁹. Урартские ножны мечей не имели выступов, подобных ахеменидским, поэтому скифский художник не мог копировать в данном случае урартские мотивы и заполнил их скифскими изобразительными элементами. Следует обратить внимание и на то, что орнаментальные мотивы на ножнах расположены густо, со стремлением заполнить все пустые места. На выступе акинака этот принцип расположения изображений незаметен, сверху и снизу оленя имеются большие свободные пространства.

Для изучения связей скифского искусства с древневосточным большое значение имеет одна группа предметов из находок в сел. Зивийе (Саккызский клад)⁶⁰, связанная, быть может, с пребыванием скифов в Приурмийском районе, о чем свидетельствуют ассирийские письменные источники⁶¹.

Среди находок в Зивийе, которые, как доказал Барнет⁶², происходят не из клада, а из гробницы или могильника, отчетливо выделяются три группы различных по стилю предметов: ассирийских (более ранних, относящихся к VIII в. до н. э. и захваченных во время разгрома Ассирии), местных манейских изделий и предметов, сочетающих скифские и древневосточные элементы.

Согласно датировке Барнета, погребение или погребения, из которых происходят ставшие знаменитыми предметы Саккызского клада, относятся ко времени не ранее конца VII в. до н. э. Так, вероятно, следует датировать и группу предметов со скифскими элементами. Среди них особое внимание вызывают

⁵⁸ Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. Табл. LII–LIII.

⁵⁹ Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 248–254.

⁶⁰ Godard A. Le trésor de Ziwiye. Haarlem, 1950; Chirshman R. Le trésor de Sakkez // *Atribus Asiae*. XIII. 3. 1950. P. 181–206.

⁶¹ Пиотровский Б. Б. Скифы и Древний Восток // СА. XIX. 1954. С. 141.

⁶² Barnett R. D. The trasure of Ziwiye // *Iraq*. XVIII. 2. 1956. P. 111–116.

обломки золотого пластинчатого пояса, попавшие в разные музеи (Тегеран, музей Метрополитен в Нью-Йорке, Музей Пенсильванского университета). Широкий пояс был сплошь покрыт узором, образующим ячейки, расположенные в шесть рядов⁶³. Система узора, разбивающего поверхность пояса, совпадает с урартскими поясами, хотя она и усложнена львиными головками на углах ячеек. Ячейки первого, третьего и пятого рядов заполнены изображением козла с подогнутыми ногами, напоминающим мотивы ахеменидского искусства, в ячейках же второго, четвертого и шестого рядов помещены фигуры оленей, типичные для скифского искусства. Таким образом, мы видим, что этот роскошный пояс связывает скифское искусство с переднеазиатским.

Второй предмет, на котором я подробнее остановлюсь, это обломки золотой пластинки, на которой изображены два священных дерева, расположенных друг над другом⁶⁴. По сторонам верхнего стоят два «шеду» — крылатые быки с человеческими головами, а за ними крылатые львы с головами грифонов (сохранилась лишь одна фигура). По сторонам нижнего дерева стоят крылатые и рогатые львы с хвостами скорпионов, а позади них — крылатые гении с птичьими головами, держащие ведерки. Все эти фигуры близки как к урартскому искусству, так и к описанным выше изображениям на мельгуновском и келермесском акинаках.

Изображение стилизованного священного дерева входит в ряд урартских изображений дерева на поясах, связывающихся и с предметами скифского искусства. Золотая пластинка, несомненно, является повторением древневосточных композиций, но уже с утратой смыслового значения — крылатые гении, которым надлежит находиться непосредственно около священного дерева, оттеснены фантастическими животными, нарушившими всю композицию.

Характерное стилизованное священное дерево находится и на золотой пекторали⁶⁵, имеющей также отдельные фигуры, напоминающие скифские, в частности фигуры на золотой рукоятке железной секиры из Келермеса⁶⁶. С рукояткой секиры еще больше сходства имеет серебряная обивка щита или блюда⁶⁷, украшенная шестью концентрически расположенными рядами изображений. Некоторые фигуры этого предмета напоминают фигуры животных келермесской секиры, где непонятные и искаженные изображения были, несомненно, скопированы с других предметов, причем такие фантастические формы, которые принял, например, слон, могли получиться лишь в результате последовательного неоднократного копирования.

В Саккызском кладе еще одна вещь закрепляет его связи со скифскими ножами акинаков. Это золотой наконечник ножен, украшенный двумя хищниками (рис. 157), стоящими друг перед другом на задних лапах⁶⁸.

Из приведенного обзора мы видим, что бронзовые урартские пояса являются интереснейшими памятниками древнего искусства, раскрывающими связи скифской культуры с переднеазиатской, которые шли через урартские центры

⁶³ University Museum Bulletin. V. 21. N 1. Philadelphia. March. 1957. P. 34. Fig. 25.

⁶⁴ Godard A. Le trésor de Ziwiye. Haarlem, 1950. P. 35. Fig. 25.

⁶⁵ Godard A. Ibid. Fig 10, 13, 15–18, 20–24.

⁶⁶ Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. Табл. LIV–LV.

⁶⁷ Ghirshman R. Le Trésor de Sakkez // Atribus Asiae. XIII. 3. 1950. Fig. 9–11.

⁶⁸ Ibid. Fig. 7.

в Закавказье. Эти связи были обусловлены той ролью, которую играли в конце VII в. до н. э. кочевые племена самой Передней Азии, а также племена, проникшие в Переднюю Азию (как скифы) и принявшие участие в разгроме Ассирийского государства вместе с вавилонянами и мидянами.

Нет сомнения в том, что в древнем Ванском царстве были широко распространены бронзовые статуэтки, изображающие богов. Это присуще всем государствам Древнего Востока, и только случайностью можно объяснить, что в настоящее время известны только три бронзовые статуэтки богов (две найдены случайно и лишь одна в раскопках). Вероятно, кроме бронзовых фигурок, существовали более простые и более дешевые глиняные статуэтки, но и их найдено тоже немного. На глиняных фигурках из Тейшебаини мы остановимся ниже.

В 1874 г. в Британский музей из Вана от Д. Ормузда поступила бронзовая статуэтка бородатого бога (91147. Выс. 19,7 см)⁶⁹. Бог изображен стоящим, с вытянутой вперед согнутой в локте правой рукой, в сжатой выдвинутой левой руке он держал какой-то предмет, возможно посох или ветку дерева. На голове — остроконечный шлем, украшенный рогами, длинное платье перетянуто широким поясом (рис. 97). Трудно решить, кого из богов изображала эта статуэтка, но отсутствие атрибутов, характерных для богов Тейшебы и Шивини, позволяет предположить, что она изображает верховного урартского бога — Халди.

В 1936 г. в Исторический музей Армении (Ереван) от Г. Арамянца, долгое время жившего в Ване, поступила бронзовая статуэтка (рис. 117), изображающая сидящую богиню (трон отсутствует), найденная, по его словам, в 1907 г. в развалинах крепости Дарабей, около Вана⁷⁰. В 1916 г. она уже появлялась у торговцев древностями в Ване и поэтому сообщение о месте ее находки нельзя считать достоверным⁷¹. Статуэтка (выс. 12 см) изображает сидящую женщину в длинном платье, украшенном квадратами с розетками внутри. На голову и спину накинуто покрывало, на груди — богатое украшение и подвеска в форме кинжальчика с фигуркой лежащего льва на его навершии. Правая рука с открытой ладонью выставлена вперед, левая же сжата, причем сквозное отверстие в ней указывает на то, что в левую руку был вставлен какой-то предмет. Эта статуэтка поразительно близка к изображению сидящей богини на золотом медальоне, найденном в Топрах-кале⁷². Совпадают поза, одежда. На медальоне богиня держит в руке ветку или цветок. Вероятно, подобный же предмет находился в левой руке бронзовой статуэтки. Можно предположить, что фигурка из Исторического музея Армении изображает супругу бога Халди — богиню Арубани. Обращает на себя внимание высокое качество работы, особенно моделировка лица. Характерны крупные глаза, широкие брови, сходящиеся на переносице, тонкие губы с застывшей улыбкой.

В 1941 г. при раскопках на Кармир-блуре была найдена третья урартская статуэтка (выс. 24 см), изображающая безбородого бога в длинном платье, с го-

⁶⁹ Barnett. Iraq. XII. I. P. 2. Pl. XVIII. 2.

⁷⁰ Пиотровский Б. Б. Урартская бронзовая статуэтка Гос. музея Армении // СА. VI. 1940. С. 89–91.

⁷¹ Записка акад. Н. Я. Марра о регистрации рукописей и древностей Турецкой Армении // Известия Имп. Академии наук. Пг., 1915. С. 1715–1716 (письмо А. А. Флоренского).

⁷² Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 502.

ловным убором, украшенным рогами⁷³. Платье украшено характерным для урартского одеяния узором из квадратов и снабжено бахромой в нижней его части и у ленты, перекинутой через левое плечо. В правой, вытянутой вдоль тела руке бог держит дисковидную булаву, а в левой, согнутой и прижатой к груди, боевой топор. Эти атрибуты дают основание видеть в статуэтке изображение урартского бога Тейшебы, бога войны, грома и бури, именем которого и был назван город Тейшебаини, в цитадели которого статуэтка и была найдена. В нижней части фигурки венец из опущенных листьев и железный стержень для насадки на древко. Над головным убором находится дополнительная часть в виде барабана, украшенного тремя полосами, заполненными зигзагообразным узором и массивной петлей сверху, поставленной поперек головы. Нет сомнения в том, что эта статуэтка, сильно потерявшая от неоднократной ее чистки «до блеска», служила навершием штандарта культового назначения или же принадлежала знамени урартского военного отряда. Массивная петля над головой не имеет следов потертости, обязательных в случае, если бы статуэтка подвешивалась. Поэтому можно предположить, что к петле привязывались цветные ленты, или же, что через нее продевался металлический обруч, закрепленный у древка и создававший форму дисковидного штандарта, особенно характерного для ассирийских боевых штандартов.

Кроме этих трех образцов урартской мелкой бронзовой скульптуры высокого качества, в Британском музее хранятся мелкие бронзовые фигурки, также как будто происходящие из Вана. Миннзом были опубликованы два предмета: богиня, стоящая на двух лошадях, и фигурка из двух составленных вместе передних частей крылатых животных⁷⁴, а Барнетом — три статуэтки воинов в шлемах с гребнем и лошади (121 177)⁷⁵. Эти мелкие предметы не имеют характерных черт урартского искусства, что вызывает сомнение в достоверности отнесения их к числу урартских древностей.

В 1957 г. в кладовой для вина, раскопанной на Кармир-блуре, среди обломков металлических изделий был найден один из лучших образцов урартского искусства — голова коня (выс. ок. 17 см), служившая, по-видимому, украшением верхней части дышла колесницы⁷⁶. Эта небольшая скульптура выполнена с большой выразительностью, прекрасно переданы глаза, ноздри и рот лошади. Характерной особенностью этой головы являются плоские грани, особенно лба и боковых частей морды, наводящие на мысль о том, что модель, по которой отливался этот предмет, была вырезана из дерева. Интересна также и техника изготовления головы — морда коня и грива с ушами и челкой были отлиты отдельно и затем спаяны вместе, причем настолько крепко, что только излом обнаруживает способ изготовления предмета.

Описание мелкой урартской скульптуры из бронзы приходится ограничить четырьмя известными в настоящее время достоверными урартскими изделиями, но можно быть уверенными, что дальнейшие раскопки урартских крепо-

⁷³ Кармир-блур. I. С. 68. Рис. 41.

⁷⁴ Minns E. Small bronzes from Northern Asia // *Antiquaries Journal*. X. January. 1930. Pl. IV, 1–2.

⁷⁵ Barnett R. Iraq. XVI. I. 1954. P. 7. Pl. II, 2.

⁷⁶ Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. Рис. 40.

стей и поселений дадут новый большой материал по этому виду изобразительного искусства древнего царства.

* * *

Ассирийский царь Саргон в своих надписях рассказывает о большом количестве золотых предметов, захваченных им в 714 г. до н. э. в Мусасире, во дворце и храме царя Урзаны, о золотых мечах, кинжалах, опалах, жезлах из слоновой кости, черного дерева и бука с наверхушками из золота и серебра и о сосудах, украшенных также драгоценными металлами. Там же было громадное количество и серебряных изделий: копья, штандарты, луки в горитах, подвески в виде полумесяцев и колец. Особенно был отмечен «серебряный сосуд Русы с крышечкой», а также «393 чаши из серебра, тяжелых и легких, изделия стран Ашур, Урарту и Хабхи», «два рога больших туров с оправой, обведенной золотыми кругами, один золотой перстень с печатью для подтверждения решений Башмашту, супруги Халди».

Разумеется, материалы из раскопок могут лишь в ничтожной мере отразить богатство и высокий уровень ювелирного дела Урартского царства, так красочно описанных ассирийским текстом, дошедшим до нас на большой глиняной таблице, посвященной храму бога Ашура.

Урартские изделия из золота и серебра дошли до нас в небольшом количестве и только из раскопок Топрах-кале, Кармир-блур и Алтын-тепе. Кладовщики предпочитали продавать их на переплавку.

Самым известным из урартских ювелирных изделий является золотой медальон (диам. 6,5 см) с изображением богини, сидящей на троне, и стоящей перед ней женщины⁷⁷, который был упомянут нами в связи с бронзовой статуэткой богини Арубани (Исторический музей Армении). Он был найден на Топрах-кале германской экспедицией в карасе-винной кладовой (рис. 98).

Медальон отличается высоким качеством работы и большой лаконичностью; все поле его занимают две фигуры богини и женщины, под ними простой орнамент из гирлянды бутонов.

Сцена жертвоприношения сидящей на троне богине встречается еще на двух амулетах. Недавно, при разборе материалов германской экспедиции, был расчищен серебряный амулет (рис. 85) в виде лунницы, лежавший в Берлинском переднеазиатском музее с 1899 г.⁷⁸ На нем оказалось изображение сидящей на троне богини, держащей в одной руке чашу, а в другой ветку. Перед ней в молитвенной позе стоит женщина, подводящая жертвенное животное (козу). По краям амулета два дерева, отличающихся по форме от обычных священных деревьев, изображенных на поясах и на шлеме. Снизу зигзагообразный узор, заменивший гирлянду. На Кармир-блуре также был найден серебряный медальон (диам. 3,5 см) с изображением богини на троне и женщины с жертвенной козой⁷⁹, выполненным очень грубо, но четко (рис. 49). Над богиней помещены

⁷⁷ *Lehmann-Haupt*. Materialien. Fig. 56.

⁷⁸ *Meyer G. R.* Ein neuentdeckter urartäischer Brustschmuck // *Das Altertum*. I, 4. S. 209.

⁷⁹ Оба медальона опубликованы. Кармир-блур. III. С. 11 и 18. Рис. 5 и 11; фотографии — в книге того же автора: Ванское царство (Урарту). М., 1959. Табл. XVII.

изображения звезды и полумесяца. Обращает на себя внимание припаянная к медальону золотая пластинка, на которую приходится голова богини.

На втором серебряном медальоне из Кармир-блур, более крупном (диам. 5 см), изображена сцена жертвоприношения стоящему богу, возможно самому богу Халди. И тут голова бога вычеканена также на напаянной золотой пластинке, образуя своего рода нимб.

Обстоятельства находок ювелирных изделий на Кармир-блуре бывали различными, что связано с последними днями жизни крепости. Перед штурмом цитадели ее защитники растащили содержимое кладовых, поделили между собою добычу и спрятали полученные предметы в разных местах, рассчитывая забрать их после снятия осады. Крупные предметы (щиты и мечи) зарывались в яму, вырытую в полу помещения, а на стене комнат иногда краской наносились знаки (крест) для быстрого нахождения спрятанного. Иногда же отложенные предметы наваливались кучей на пол, а сверху засыпались зерном и заваливались ветками. В такой куче оказались завернутыми в тряпку сегмент слитка золота весом в 14,85 г, одна золотая серьга с биконическим расширением в центре, мелкие полусферовидные бусы для нашивания на одежду и серебряная булавка, увенчанная тремя фигурками животных⁸⁰. Подобная булавка, но более крупная по размерам, найденная в окрестностях Армавира (урартский центр Аргиштихинили), хранится в Государственном историческом музее Армении. Собранные в кучу вещи носят следы дележа, потому что в ней оказалась лишь одна золотая серьга, а дисковидный золотой слиток был разрублен на четыре части, причем хорошо заметна предварительная разметка путем зарубок.

В другой куче собранных предметов была обнаружена половина серебряной гривны с обтянутыми листовым золотом фигурками львов на концах⁸¹. На нижней поверхности фигурки льва имеются иероглифические знаки (рис. 50). По-видимому, и эта гривна была разломана и поделена между двумя людьми.

В такой же обстановке были найдены золотая булавка с ажурной шестилепестковой головкой (дл. 4,25 см) и крохотное навершие булавки, всего около 1 см высоты, украшенное мелкой зернью, составляющей узоры из треугольников и ромбов. Подобный прием характерен для урартских ювелирных изделий, и золотые изделия, найденные в гробницах Алтын-тепе, имеют ту же сложную, тонкую технику. Хорошим образцом этой техники являются две золотые серьги⁸², обнаруженные в 1946 г. в одной из кладовых спрятанными в чаше. Полые серьги в форме калачика были украшены напаянными проволочками и мелкой зернью, составляющей линии и треугольники. Этот тип серег в несколько более позднее время встречается на очень широкой территории, для VIII–VI вв. до н. э. он особенно характерен для стран Средиземноморья (рис. 51, 52).

При разборке завала стены из сырцовых кирпичей археологам Кармир-блур не раз случалось встречать кучки бус, печатей, а в одном случае — золотую серьгу, украшенную напаянной проволокой, составляющей узоры в виде ром-

⁸⁰ Кармир-блур. III. С. 18. Рис. 12.

⁸¹ *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959. Табл. XVII.

⁸² Кармир-блур. I. С. 83. Рис. 53.

бов и кружков⁸³. Можно предположить, что эти предметы были спрятаны в углубление, которое делалось в стене из сырцового кирпича, а потом замазывалось глиной.

В 1954 г. в тупиковых кладовых для вина восточной части цитадели раскопки обнаружили обгоревшие костяки людей, погибших в пожаре, возникшем при штурме крепости. Около остатков скелетов были обнаружены различные, также сильно обгоревшие предметы и великолепный золотой браслет с головками львов на концах⁸⁴. По-видимому, этот браслет был спрятан человеком за пазуху, поэтому он сохранился неоплавленным.

В карасах кладовых были найдены обломки золотой обкладки фигуры льва, вероятно деревянной. Сохранились незначительные части морды с раскрытой пастью и глазом (на лбу, над глазом хищника, была помещена бусина из голубой смальты), части гривы и туловища⁸⁵.

Серебряные изделия на Кармир-блуре также не были редкими. Встречались височные кольца, браслеты с головками змей на концах, кувшин с одной ручкой, украшенной спиралями и ромбом, имеющим под венчиком группу иероглифических знаков, совпадающую с такой же группой на одной из бронзовых чаш⁸⁶ и фиалы.

В заключение обзора ювелирных изделий следует остановиться на крупной серебряной крышке сосуда, имеющей в центре массивную золотую ручку в виде яблока граната⁸⁷. Крышка украшена четырьмя напаянными золотыми концентрическими полосами с орнаментом в виде гирлянд из бутонов, совпадающим с орнаментом на бронзовых щитах Аргишти I и Сардури II. В среднем поле между золотыми накладками была вырезана клинообразная надпись, от которой сохранилось имя царя Аргишти.

Приведенный материал отчетливо показывает, что по роскоши и мастерству урартские ювелиры мало в чем уступали мастерам других стран Древнего Востока.

* * *

В искусстве Древнего Востока широкое распространение имела резьба по кости. Последние раскопки ассирийских дворцов, особенно в Нимруде (др. Кальху), открыли великолепные образцы этого вида искусства, содержащие много элементов египетского и сирийского стиля. Это вполне понятно, так как слоновая кость в основном шла из Нубии через Египет и Сирию. Надо иметь в виду, что легко переносимые предметы из кости, монтированные в дереве, отражали также реальные связи народов. Но наряду с привезенными извне предметами во всех странах Древнего Востока со II тыс. до н. э. в той или иной степени было развито собственное художественное ремесло резьбы из кости. Было оно и в Урарту.

⁸³ Кармир-блур. III. С. 20. Рис. 14.

⁸⁴ Пиотровский Б. Б. Кармир-блур. Раскопки 1954 г. // Сообщения Государственного Эрмитажа. VIII. Л., 1955. С. 43.

⁸⁵ Кармир-блур. III. С. 22. Табл. XV.

⁸⁶ Кармир-блур. III. С. 18. Рис. 13.

⁸⁷ Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. Табл. XII–XIII.

Много изделий из кости было открыто в 1879–1880 гг. на Топрах-кале раскопками Британского музея, но тогда техника полевой консервации была еще на низком уровне и не все великолепные костяные предметы удалось спасти. В Британском музее хранится большое число обломков изделий из кости: лица и части человеческого тела, прекрасно вырезанные руки, головки, лапы и части туловищ львов, обломки крылатых фигур⁸⁸. Сохранившиеся на этих изделиях шипы и сквозные отверстия указывают на то, что фигурки из слоновой кости, материала несомненно дорогого, монтировались из отдельных частей. Иногда же детали из кости дополняли статуэтки, изготовленные из других материалов, в частности из металла. Ни одна из урартских костяных статуэток не дошла в полной сохранности, многие же из них совершенно изуродованы и раскрошены. От большой статуэтки (123 887) сохранился лишь остов туловища (выс. 25,5 см), без головы и рук, со следами орнамента, украшавшего платье. В Британском музее хранятся мелкие обломки роскошной крупной статуэтки, высота которой была не менее 40 см. От нее остались лишь обломки свинцовой основы с ячейками, в которую вставлялись квадратики из слоновой кости с резным узором (розетки) и инкрустации из цветной смальты⁸⁹. Таким сложным способом набора пестрой мозаики мог изготавливаться только парадный предмет. К сожалению, обломки его настолько малы, что реконструировать эту статуэтку нет никакой возможности.

Совершенно пропала также лицевая сторона фигурки придворного (выс. 24 см) в длинном платье с широким поясом и лентой через плечо. Волосы изображенного собраны в характерную для мужчин уступчатую прическу.

Из круглой скульптуры сохранилась также фигурка стоящей нагой богини (выс. 18,2 см). На ее шее двойное ожерелье, на голове — невысокая круглая шапочка, украшенная крупными розетками. Прическа из ниспадающих локонов напоминает прическу женских крылатых фигурок, частей бронзовых котлов⁹⁰.

Дошли и две плоские односторонние фигуры разных размеров (выс. 17,2 и 11,7 см), но изображающие одно и то же фантастическое существо, имеющее человеческое туловище с поднятыми руками, крылья и голову грифона⁹¹. Эти предметы являлись, вероятно, украшениями ларца или панели.

На Кармир-блуре предметы из резной кости обнаружены в большом количестве, но по качеству они значительно уступают происходящим с Топрах-кале. В этом отношении провинциализм урартского административно-хозяйственного центра в Закавказье особенно чувствуется. Да и слоновая кость здесь применялась довольно редко. Лучшими предметами надо признать небольшую фигурку (выс. 4 см) крылатого льва с головой человека, отдельную головку от подобной же фигурки и лицо (задняя сторона — плоская), которое было изготовлено для металлической или деревянной статуэтки (рис. 53).

Сохранился обломок верхней части вырезанной из кости башенки, очень близкой по форме к бронзовой модели башни (выс. 16,5 см), которая хранится

⁸⁸ Barnett. Iraq. XII. I. Pl. XII.

⁸⁹ Ibid. Pl. XIII.

⁹⁰ Ibid. Pl. XIV.

⁹¹ Ibid. Pl. XV.

в Британском музее⁹² (рис. 54). На нем такие же уступчатые углы в верхней части, орнамент барабана, изображение бревен и форма самой башни с выступающими углами; все это находит аналогии и в археологическом материале. Именно такими были базальтовые башни, открытые при раскопках Кармир-блур. Кармир-блурская костяная модель имеет на угловых выступах квадратные углубления, орнамент, который связан с окнами, но количество «окон» тут преувеличено, хотя крупная бронзовая декоративная пластинка (выс. 30,5 см) изображает фасад трехэтажного, здания⁹³ (рис. 84). Подобной же пластинке, еще более крупной, принадлежит, вероятно, и приведенная выше бронзовая башенка.

Из костяных предметов на Кармир-блуре найдены гребень с зубьями разной частоты, расположенными сверху и снизу, украшенный шестилепестковыми розетками и кружками (рис. 55), небольшая ложечка и цилиндрические баночки, (рис. 57, 58), покрытые разнообразным узором. Дно этих баночек было вставным, а крышка держалась на штифтах, углубления для которых имеются в выступах верхнего края. Вероятно, они служили для хранения косметических мазей, от которых осталась лишь плотная черного цвета масса. На приведенных рисунках даны предметы лучше сохранившиеся, но украшенные простым орнаментом.

Встречены также костяные четырехгранные ручки железных ножей, напоминающие ассирийские образцы⁹⁴. Возможно, такой рукояткой и была приведенная выше модель башенки.

Резная кость в урартском искусстве часто употреблялась для декоративных целей. Были найдены тонкие пластинки с вырезанными на них кружками и сквозными отверстиями в виде кружков и капель для разноцветной инкрустации. Из кости изготавливались и мелкие пластинки в форме дисков, капель, ромбов и квадратов, которыми украшались деревянные предметы, возможно части мебели, найденные на Кармир-блуре⁹⁵. Были обнаружены также деревянные ножки табуретов или скамеечек, вырезанные в форме тех, которые мы уже знаем по парадным тронам, описанным в начале главы. Ножки были украшены венцом опущенных листьев, из дерева изготавливались и фигурки, покрывавшиеся листовым золотом. Для мелких поделок часто применялся рог оленя. В двух помещениях цитадели Тейшебаини найдены кучи распиленных рогов, заготовок для изделий и около них — железные пилы, одна из которых сохранила зацепки на концах, закреплявшие ее деревянные ручки.

Из рога изготавливались мелкие поделки; сохранились головка собаки с оскаленной пастью (рис. 56) и части конского убора (пряжки для перекрестья ремней) в виде головок баранов, очень близкие к скифским образцам. Вероятно, многие из них и являются скифскими изделиями, но есть указания и на то, что подобные же предметы изготавливались и в цитадели Тейшебаини. При раскопке главных ворот, внутри них, была открыта небольшая комната привратника. В ней найдено много остатков хозяйственной посуды, каменная чаша, зерно-

⁹² Barnett. Ibid. Pl. I, 1.

⁹³ Ibid. Pl. I, 2.

⁹⁴ Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944. С. 186. Рис. 51.

⁹⁵ Кармир-блур. I. С. 34–35. Рис. 13.

терка, обломки железных предметов. В восточной части за каменной оградой хранились запасы зерна (просо). У северной стены находилась невысокая лежанка, сложенная из сырцовых кирпичей. На полу подле нее были обнаружены два больших оленьих рога. Около них лежали отпиленная заготовка для какого-то предмета с продольным отверстием и небольшая головка грифона с бараньими рогами, имевшая внизу выступ с отверстием для скрепления ее с другими частями предмета. Эта головка очень потерта и не производит впечатление изделия, не бывшего еще в употреблении. По-видимому, для резчика она служила образцом, по которому он намеревался изготовить роговые предметы. Принадлежность этой головки к памятникам скифского искусства очевидна. Ближайшими к ней аналогиями являются роговые пряжки для перекрестья ремней уздечки из Келермесских курганов, раскопанных Н. И. Веселовским, а также бронзовые головки грифонов и костяные псалии из курганов, раскопанных А. А. Бобринским около сел. Смелы (Киевская область)⁹⁶. Такие же скифские псалии с копытом коня на одном конце (верхняя часть стгорела), несомненно доставленные в Тейшебаини из далеких районов Скифии, были найдены в одной из кладовых, раскопанных в цитадели.

* * *

Армянское нагорье — страна камня, и понятно, что урарты были мастерами его обработки. У западного подножия Ванской скалы сохранилась стена, сложенная из громадных камней, достигавших 6 м длины. На стене высечены три одинаковые надписи урартского царя Сардури, сына Лутиори (вторая половина IX в. до н. э.), рассказывающие о доставке камня и постройке стены.

Сама Ванская скала также носит на себе многочисленные следы работы каменотесов: сохранились уступы, сглаженные поверхности стен, иногда с клинообразными надписями, лестницы, площадки и обширные помещения в самой скале, состоящие из 4–7 комнат. Часть этих искусственных «пещер» могла быть царскими гробницами, так как в последних комнатах двух из них обнаружены постаменты для саркофага, на которые можно было подняться по лесенке.

Несмотря на громадную работу по сооружению этих помещений в скале, они почти совершенно лишены скульптурных украшений. Лишь в одном из них («Нафт-кую») имеется под потолком двойной уступчатый карниз из цепочки полукружий. Циркульным резцом на стене наносились кружки, но рельефными, выступающими на углубленной стене, были лишь нижние полукружия. Возможно, этот орнамент передавал торцы бревен, связанных с перекрытием, которые показаны и на бронзовой модели здания, хранящейся в Британском музее.

В Большой Хорхорской пещере стены имели вырезанные углубления в форме четырехугольников с вогнутыми сторонами, а в пещере «Ичкала» на стене последней комнаты виден ряд отверстий для закрепления украшений, возможно бронзовых.

⁹⁶ *Пиотровский Б. Б.* Скифы в Закавказье // Ученые записки ЛГУ. Серия историч. наук. XIII. 1949. С. 186–188; Отчет Императорской Археологической комиссии. 1904. С. 94; *Бобринский А. А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. II. 1894. Табл. XXIV и III; 1901. Табл. VII, 5.

Рельефы, которые можно с несомненностью отнести к урартскому искусству, до последнего времени не были известны. Некоторыми исследователями урартам приписывается плохо сохранившийся рельеф у входа в пещеру около Баязета⁹⁷. По обеим сторонам входа помещены две колоссальные фигуры, обращенные вправо, а над входом фигура козла.

Иракский археолог Фуад Сафар сообщил мне, что во время археологических работ в верховьях Малого Заба он обнаружил наскальный рельеф, явно не ассирийский, который, по его мнению, может быть урартским, а М. аль-Амин рассказал о втором таком же рельефе в Мила Мерджи, севернее знаменитого Малтайского ассирийского рельефа. Таким образом, возможность открытия новых урартских памятников этого рода еще не потеряна.

Из крупных каменных урартских скульптур до нас дошла лишь одна сильно поврежденная статуя из серого базальта, хранящаяся в Государственном музее Грузии (Тбилиси)⁹⁸. Верхняя часть обнаружена в 1898 г. во время работ германской археологической экспедиции, позднее, при взрыве, был выброшен из земли второй ее обломок.

Голова и низ статуи отсутствуют. Высота сохранившейся части 1,28 м. Вся статуя по размеру была почти в рост человека. Детали фигуры выполнены невысоким рельефом и сильно повреждены. В верхней части сохранились волнистые волосы, ниспадающие на спину и плечи, и суживающаяся борода. Руки сложены на груди, правая держит палицу или плеть с раздвоенным концом, а левая как будто лук и стрелы. С левой же стороны изображен длинный меч, в ножнах с тремя выпуклыми продольными линиями, висящий на портупее. Отсутствие головного убора не позволяет определенно решить — изображает статуя бога или царя. Вероятнее всего, статуя изображает царя первого периода истории Урарту. Формы фигуры и ее отделка выполнены без деталей, что придает всей статуе архаический облик; именно это позволило некоторым исследователям связывать статую со среднеассирийской скульптурой IX в. до н. э., в частности со статуей Ашурнасирапала II и бога Набу из Калху⁹⁹.

На изображении Мусасирского храма, сохранившегося на рельефах дворца Саргона, скульптурные украшения не показаны. Вероятно, их и не было, а статуи привратников и коровы с теленком, стоящие под храмом, судя по Луврскому тексту, были бронзовыми, как и другие, отсутствующие на рельефе, крупные статуи урартских царей.

Сам Мусасирский храм заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее. Время его постройки неизвестно, но то обстоятельство, что в храме находилась статуя Сардури, сына Ишпуни, позволяет заключить, что он в конце IX или же в начале VIII в. до н. э. уже существовал. Возможно, храм был сооружен в конце IX в. до н. э. урартским царем Менуа, братом упомянутого Сардури, включившим Мусасир в урартские владения в начале своего правления¹⁰⁰.

⁹⁷ Belck W. Aus den Berichten über die armenische Expedition // Zeitschrift für Ethnologie. 1899. S. 241; Lehmann-Haupt. Armenien. II. 2. S. 754–757; Ивановский А. А. По Закавказью // МАК. VI. М., 1911.

⁹⁸ Церетели Г. В. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939. С. 62. Табл. XXX–XXXI.

⁹⁹ Lehmann-Haupt. Materialien. S. 76–78. Fig. 47–48.

¹⁰⁰ Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 201.

Архитектурные формы храма бога Халди в Мусасире представляют исключительный интерес. Они неожиданны, так как совершенно отличны от известных нам месопотамских форм храмов (вавилонских и ассирийских) .

Вместе с тем Мусасирский храм представляет древнейший из известных типов храма с фронтоном и колоннадой, который лег в основу малоазиатской храмовой архитектуры и перешел в Грецию.

Храм сооружен на высокой платформе, он имеет двускатную крышу и высокий фронтон, увенчанный изображением копья; фасад имеет шесть колонн без капителей и баз; невысокая дверь расположена в центре фасада. Стены и колонны храма украшены золотыми и серебряными щитами, как в античных храмах; у входа и перед храмом стоят крупные бронзовые статуи. Таким образом, связи Средиземноморья и Урарту документируются не только урартскими изделиями, обнаруженными в святилищах и гробницах Греции и Италии; корни их значительно глубже.

К сожалению, развалины Мусасира археологически еще не только не исследовались, но даже местоположение его еще точно не установлено, это дело будущего.

При раскопках храмов на Топрах-кале и Арин-берде изучались другие типы храмов: «суси» — прямоугольная постройка простой формы и «бит хилани» — храм с рядом колонн перед входом.

Храм, раскопанный в 1879–1880 гг. на Топрах-кале экспедицией Британского музея, по-видимому «суси», был сложен из крупных, хорошо отесанных блоков светлого и темно-серого камня, чередовавшихся в шахматном порядке. Цвет в урартской архитектуре, по-видимому, имел большое значение, что сохранила и легенда, приведенная Моисеем Хоренским, о том, что царица Шамирам построила в Ване роскошные дома, украшенные разноцветными камнями. До последнего времени мы очень мало знали об урартских рельефах и не думали о том, что они были монументальными, поэтому последние находки в Адильджевазе оказались неожиданными. Уже давно отсюда были известны камни с изображением части туловища и головы быка, эстампажи с которых, снятые В. Бельком, были опубликованы Леман-Гауптом¹⁰¹. По поводу отнесения этих рельефов к урартскому искусству развернулись долгие споры, их считали парфянскими и даже сасанидскими, но Ф. Зарре и Э. Герцфельд¹⁰² решительно высказались за их урартское происхождение.

Недавно в Адильджевазе было обнаружено шесть других камней, составлявших рельеф (рис. 99), изображающий бога Тейшебу на быке, между священными деревьями¹⁰³. Фигура выполнена невысоким рельефом (ок. 1 см), но голова бога значительно выпуклее (до 2 см высоты); этот прием аналогичен описанному выше помещению головы бога на золотой пластинке, напаянной на серебряный амулет. Тщательно отмечены детали головного убора и роскош-

¹⁰¹ *Lehmann-Haupt*. Armenien. II. 2. S. 742–743.

¹⁰² *Herzfeld E.* Iran in the Ancient East. Oxford, 1941. P. 249. Fig. 353.

¹⁰³ *Burney C. A., Lawson G. R. J.* Urartian reliefs at Adilcevaz, on lake Van and a rock-relief from the Karasu near Birecik // *Anatolian Studies*. VIII. 1958. P. 211–218; *Hulin P.* Urartian stones in the Van Museum. P. 235–236.

ной одежды, украшенной тонким геометрическим орнаментом. Возможно, рельеф в древности был пестро раскрашен. Священные деревья имеют своеобразную форму, и издатели справедливо сопоставляют их форму с копьем на фронте Мусасирского храма. Но, бесспорно, это ветки, листья или бутоны священного дерева: часть священного дерева именно такой формы держит богиня на золотом амулете, и можно скорее согласиться с тем, что на фронте храма изображена часть священного дерева, чем с тем, что на адильджевазском рельефе даны пучки копий. Бог Тейшеба обращен влево, на одном из камней сохранилась часть туловища богини, обращенной вправо, перед которой также было помещено священное дерево. Таким образом, возможно, что сохранившиеся камни передают часть рельефов, изображающих процессии богов. Поражают крупные размеры этого памятника — полная фигура Тейшебы на быке была не менее 3 м высоты. Издатели опубликовали также хорошо выполненную реконструкцию фигуры быка (рис. 100).

Имеются указания, что в музее Анкары хранятся два небольших рельефа на базальтовых блоках, один, изображающий льва, а другой — человека в одежде, напоминающей облачение адильджевазского рельефа. Первый был опубликован Акургалом¹⁰⁴, но по качеству он значительно уступает вышеописанному и с полным правом может быть причислен к провинциальному искусству. Он очень далек даже от канонически разработанных урартским искусством фигур львов и быков.

Во время своего пребывания в Ване в 1911–1912 гг. И. А. Орбели произвел небольшие раскопки на Топрах-кале и на юго-восточном склоне холма обнаружил обломки фриза из красного мрамора. К сожалению, реконструировать изображение из мелких обломков не удастся, но совершенно очевидно, что на фризе были изображены быки, стоящие около священного дерева, которые обрамлялись богатым геометрическим орнаментом. Фигуры выполнены не рельефом, а глубокими врезанными линиями, что сближает их с гравировкой на бронзовых изделиях. Обломки фриза из раскопок (рис. 101, 102) И. А. Орбели хранятся в Государственном Эрмитаже; они дополняются двумя кусками, которые были приобретены в Ване французской доминиканской миссией¹⁰⁵. На самом крупном обломке (выс. 23 см) сохранилось изображение части туловища и задних ног быка, выполненное в характерной манере урартского искусства, с геометризированной разделкой деталей. Этот бык был обращен вправо, но на одном из обломков имеется часть ноги второго быка, обращенного влево. По-видимому, между ними помещалось дерево, переданное не стилизованно, а более реалистично (от него сохранились часть ствола, ветки и плоды).

Обрамляющий композицию орнамент был очень декоративным и напоминал разбивку поверхности бронзовых поясов. Изогнутые полосы, внутри которых помещалась плетенка, делили поверхность на ромбические ячейки, заключавшие в себе кружки с мальтийским крестом, розеткой и другими фигурами, напоминающими орнаментацию одежды бога Тейшебы на рельефе из Адильджеваза. Подобные кружки помещались и на местах сплетения волют.

¹⁰⁴ Akurgal E. Urartäische Kunst // Anatolia. 1959. Pl. XVII.

¹⁰⁵ Фармаковский Б. В. Архаический период в России // МАР. № 34. 1914. С. 45–47. Табл. XVII–XVIII.

Кусок фриза, лучше всего сохранивший этот орнамент, находился во французской доминиканской миссии в Ване¹⁰⁶. Нет сомнения в том, что описанные обломки принадлежали парадному помещению.

Из облицовочных камней дошел до нас и второй интересный образец небольшого рельефа с инкрустацией (рис. 103) (выс. ок. 17 см, толщина ок. 30 см). Он был найден германской экспедицией при раскопках на Топрах-кале¹⁰⁷ и недавно дополнен обломком, обнаруженным при разборке ящиков с материалами экспедиции, лежавшими в музее около 60 лет. На камне был изображен царь с веткой священного дерева в руках. Сохранилась лишь верхняя часть фигуры в молитвенной позе, с приподнятой правой рукой. Невысокий рельеф был украшен каменной, а возможно частично и металлической инкрустацией, ныне не сохранившейся. Вставными были лицо, руки, бахрома, квадратные украшения платья, узоры тиары и ветка. Серый камень был, вероятно, пестро украшен разноцветными камнями и, может быть, золотом (ветка священного дерева).

Инкрустация цветным камнем — излюбленный прием урартского искусства. Вспомним бронзовые, покрытые листовым золотом, фигурки тронов. Лица этих фантастических полулюдей-полуживотных изготовлены из белого камня, со вставными глазами и бровями, их платья и крылья также были украшены цветной смальтой. На Топрах-кале найдено много изображений рук, сжатых в кулак или с вытянутыми пальцами, а также лапы хищников (львов), вырезанных из мягкого белого камня и имеющих углубления для закрепления их штифтами с основой. В Эрмитаже хранится хороший образец такой вставки в виде человеческой руки.

На Топрах-кале в развалинах одного здания, построенного из сырцового кирпича, были обнаружены остатки пола и, возможно, панели, украшенные разноцветной инкрустацией¹⁰⁸. В светлых и темных плитах вырезались круглые лунки, куда вставлялись концентрические кольца из разноцветного камня: черного, темно-красного и белого. В центре колец помещалась коническая вставка плоским основанием вверх, которая закреплялась посредством металлического штифта. Наряду с инкрустацией этого типа были обнаружены прямоугольные, ромбические и фигурные вставки, из которых составлялись сложные комбинации (ромбы и «ласточкины хвосты»).

Цветной инкрустацией украшались также изготовленные из черного камня подставки под трон, в виде низкого барабана, внешняя и частично верхняя поверхность которого украшалась круглыми вставками, в свою очередь заполненными розетками, составленными из инкрустации других цветов¹⁰⁹. Обломок одной такой подставки имеется в Эрмитаже среди древностей, привезенных из Вана И. А. Орбели. Камнем украшались также и металлические крупные обивки или настилы. В Берлинском музее среди неразобранных коллекций из раскопок на Топрах-кале обнаружен крупный кусок бронзы в виде пластины с круглыми вырезами. Г. Мейер полагает, что эта пластина, подобно базальто-

¹⁰⁶ Фармаковский Б. Ф. Указ. соч. Табл. XVIII, I.

¹⁰⁷ Lehmann-Haupt. Materialien. S. 81. Fig. 53; *Idem*. Armenien. II. 2. S. 548, 549.

¹⁰⁸ Lehmann-Haupt. Armenien. II, 2. S. 551–553.

¹⁰⁹ Lehmann-Haupt. Armenien. II, 2. S. 555.

вым плитам, была украшена каменными кольцевыми вставками. Декоративной обивкой служил и бронзовый фриз в виде стены трехэтажного здания (выс. 30,5 см) с башенками, на котором мы останавливались выше.

Кстати, обломок подобной пластины оказался и среди материалов Леман-Гаупта, а в крепости Кеф-калеси (Адилджеваз) был обнаружен крупный базальтовый блок с аналогичным изображением¹¹⁰. На нем сохранились часть стены с тремя рядами (на камне остались лишь два) окон, верхний карниз с зубцами и башня, причем изображение на камне было почти вдвое больше бронзового фриза (ок. 60 см).

Из бронзовых декоративных обивок следует упомянуть один фриз (выс. 24 см), куски которого попали в Британский и Берлинский музеи от торговцев древностями, а один обломок найден при раскопках английской экспедиции на Топрах-кале¹¹¹. Бронзовая пластина фриза имеет сквозные прорезы для цветной инкрустации, сверху и снизу полосы, ряды прямоугольников, а еще ниже — кружков и вырезов в форме ласточкиных хвостов. В основной полосе изображены быки, припавшие на одно колено; туловище их разделано тонкой гравировкой, а морда, копыта, конец хвоста и контур спины и груди были украшены инкрустациями, вставленными в сквозные прорезы. Быки, повернутые в разные стороны, стояли между сильно стилизованным деревом на холмике, увенчанном солнечным диском, сам диск и ромбическое основание дерева были вставными. Над быками находится клинообразная надпись, а по верхнему и боковому краям шли отверстия для прикрепления этой обивки к основе. Вероятно, на этом предмете пестрая каменная и смальтовая инкрустация бросалась в глаза больше, чем сама бронзовая пластинка с чеканными изображениями, да и вставные детали, как головы быков, могли быть рельефными.

Мелкие изделия из камня были очень распространены в Ванском царстве. Из мягкого камня изготавливались, например, головки животных (львов с раскрытой пастью, грифонов, лошадей), известные по раскопкам Топрах-кале, Кармир-блур и Алтын-тепе. Эти головки служили частями предметов, изготовленных из другого материала. На Кармир-блуре были найдены две коробочки, вырезанные из стеатита, обе с крышками, отодвигающимися на штифте. Первая из них (рис. 59) имела нижнюю часть, украшенную, подобно чашам-фиалам, ложчатыми выступами. На ее плоской крышке вырезано священное дерево со стоящими по его сторонам фигурами гениев с крыльями и птичьими головками (диам. 8 см). Над деревом — крылатый солнечный диск, по краю крышки идет грубый орнамент, имитирующий плетенку. В верхней части — остатки выступа с углублением для штифта крышки, с сохранившимися копытами лежащего животного¹¹². Фигурка лежащего бычка хорошо восстанавливается по обломку аналогичного сосуда из красного порфира, найденному на Топрах-кале¹¹³. Это была чашечка (диам. 5 см) с ложчатыми укра-

¹¹⁰ Burney C. A., Lawson G. R. J. Urartian reliefs at Adilcevaz on lake Van... // *Anatolian Studies*. VIII, 1958. Pl. XXXVa. Fig. 3.

¹¹¹ Barnett. Iraq. XII. I. Pl. VIII. P. 5, 8, 16.

¹¹² Пуотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. Табл. XLIX.

¹¹³ Lehmann-Haupt. Materialien. S. 80. Fig. 49.

шениями на дне, с выступом, украшенным фигуркой лежащего бычка; возможно, она имела и крышку, аналогичную кармир-блурской коробочке. Приводимая чашечка, происходящая из центра Урарту (Топрах-кале) (рис. 104), удачно дополняет недостающую часть коробочки из окраинной урартской крепости.

Вторая каменная коробочка (рис. 60), найденная на Кармир-блуре, настолько своеобразна, что я не уверен в урартском ее происхождении¹¹⁴. Это низкая цилиндрическая баночка с рельефным изображением сцены охоты (животные, всадник, коленопреклоненный лучник, воин с кинжалом и щитом в руках). На крышке помещены скульптурная фигурка льва и рельефные изображения быка и оленя.

Из мелких каменных изделий, найденных на Топрах-кале, следует упомянуть небольшую плакетку из базальта (дл. 10 см) с изображением «молнии», возможно — символа бога Тейшебы¹¹⁵.

При раскопках урартских поселений и могильников было обнаружено громадное количество каменных амулетов, печатей и бус. На Кармир-блуре был найден каменный подвесной амулет (диам. 2,3 см) с двусторонним изображением: на одной стороне человека с поднятыми вверх руками, на другой — животного (рис. 61). Многие амулеты изготовлялись из смальты и часто дорабатывались резцом, как каменные предметы. Из их числа можно отметить проныжки в виде лежащих бычков, с вырезанными знаками на нижней плоскости.

В Урарту большое распространение имели подвесные печати с вырезанными изображениями на нижней, а иногда и на боковой плоскости, которые одновременно служили и амулетами. Часто их находят в составе богатых ожерелий, иногда вместе с серебряными медальонами. Изготавливались они из камней как твердых (горный хрусталь), так и мягких (стеатит) пород, а также из керамической массы. Отчетливо выделяются пять типов таких печатей: 1) конический со сквозным отверстием в верхней части и изображением только на нижней плоскости, 2) гиревидный, с вогнутой боковой стенкой и ушком для подвешивания (также с изображениями только на нижней плоскости), 3) столбчатый цилиндрический с ушком для подвешивания и изображениями на нижней плоскости и часто — на цилиндрической, 4) столбчатый четырехгранный с ушком для подвешивания с изображениями на всех гранях и 5) дисковидный тип, с изображениями на двух сторонах. Эти типы печатей очень своеобразны и отличаются от цилиндрических месопотамских. Но под влиянием ассирийской культуры и в Урарту, вероятно, вырезали отдельные печати цилиндрической формы без ушка, с продольным отверстием для шнура.

Печати первых двух типов (конические и гиревидные) имеют на нижней плоскости простые изображения, обычно стилизованную фигуру идущей птицы, льва, козла или лошади, с помещенными около них звездой и полумесяцем. На дисковидных печатях пятого типа также ограничиваются изображением схематично выполненных животных и символических знаков. Значительно сложнее композиции на столбчатых цилиндрических и столбчатых четырехгранных печатях, особенно на боковых их плоскостях. Иногда печати третьего типа имеют слегка коническую форму, и тогда их оттиски получают форму не

¹¹⁴ Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. Табл. XLVIII.

¹¹⁵ Lehmann-Haupt. Materialien. S. 80. Fig. 50.

горизонтальной полосы, а слегка выгнутой. На Кармир-блуре такие печати содержат различные сцены, особенно сцены поклонения священному дереву и борьбы с животными. Тут и знакомые нам по монументальным памятникам урартского искусства композиции. Перед жертвенником с полумесяцем над ним помещены две фигуры, одна крылатая, с ведром в руке, вторая же, также крылатая, как будто с головным убором, увенчанным рогами, подводит жертвенного козла; позади них стоит царь, держащий в руках ветку священного дерева¹¹⁶. На маленькие по размеру печати помещались хорошо разработанные композиции, встречающиеся и на монументальных памятниках. На нижней плоскости описанной печати — крылатый солнечный диск, с лежащим животным под ним. На другой, столбчатой четырехгранной печати, найденной на Кармир-блуре, изображены бог Тейшеба, стоящий на быке, и коленопреклоненный бог Шивини, поддерживающий крылатый солнечный диск¹¹⁷. Эти две фигуры находят себе аналогии на бронзовом поясе, а Тейшеба также и на рельефе из Адильджеваза (рис. 62–64).

На Топрах-кале было найдено большое число урартских печатей и, кроме того, их оттиски на комках глины. На оттисках, опубликованных Леман-Гауптом¹¹⁸, встречаются сложные композиции. Широкую известность получил оттиск с церемонией, посвященной культу дерева; на нем изображена четырехколесная повозка с помещенным на ней деревом. Позади повозки стоит царь или жрец, а дальше шествует дракон. Сверху клинообразная надпись, от которой остались знаки имени царя Русы (рис. 72).

Оттиски печатей, найденные на Топрах-кале, содержат сцены, связанные с культом и придворной жизнью. Некоторые из них изображали царя, возможно в роли верховного жреца, шествующего под зонтом, который несет приближенный. Иногда около царя изображен лев, содержавшийся, быть может, как священное животное при урартском храме.

Сохранился также неполный оттиск печати с надписью Русы, изображающий царскую колесницу с идущими за ней музыкантами.

Урартские печати дают интересные отдельные изображения и сложные сцены культового и религиозного характера, к сожалению, в значительной своей части не поддающиеся объяснению, так как мы еще совершенно не знаем урартские мифы.

На Кармир-блуре также были найдены оттиски печатей на буллах, запечатывавших кладовые, и на клинописных табличках — приказах урартского царя и его приближенных из Тушпы. На булле от кладовой с зерном¹¹⁹ была оттиснута цилиндрическая печать с клинообразной надписью и изображением священного дерева, по сторонам которого стоят крылатые фигуры животных с головой человека. Форма священного дерева близка к характерным урартским изображениям, с которыми связаны и мотивы на скифских золотых ножнах из Келермеса и Мельгуновского кургана.

¹¹⁶ Кармир-блур. II. Рис. 22. № 19.

¹¹⁷ Кармир-блур. III. Рис. 42.

¹¹⁸ *Lehmann-Haupt*. Armenien. I–II (в трех книгах), заставки в конце глав.

¹¹⁹ *Пиотровский Б. Б.* Урартские надписи на раскопках Кармир-блур 1952 г. // ЭВ. IX. 1954. С. 76.

На письмах-приказах с клинописными текстами (царя Сардури, сына Русы, Сардури, сына Сардури и царевича Руса, сына Русы) оттиснуты однотипные изображения стилизованного священного дерева с фантастическими крылатыми животными (лошадь, лев), стоящими около него¹²⁰. На табличках оттиснуты и изображения нижних плоскостей этих столбчатых печатей, на них обычно помещается то же фантастическое животное, которое помещалось около дерева, но уже стоящим на четырех ногах или лапах. Обращает на себя внимание совпадение по сюжетам тех разновременных печатей, которыми припечатывались приказы, направляемые в урартский центр Тейшебаини.

Раскопки Кармир-блур дали громадное количество различных каменных бус из сердолика, сардоникса, яшмы, стеатита и горного хрусталя, но, к сожалению, мы еще не можем уверенно отделить подлинные урартские от привозных, которых, должно быть, очень много¹²¹. Бусы отличаются и по породе камня, и по технике изготовления, особенно высверливания сквозного канала. Урартские бусы, не только каменные, но и пастовые, покрытые цветной глазурью, а также из полупрозрачной смальты, несомненно, заслуживают специального внимательного изучения.

* * *

Наиболее характерными урартскими керамическими изделиями являются красные глиняные сосуды с лощеной до блеска поверхностью. Много образцов такой керамики происходит из раскопок Топрах-кале. Ведущими формами этой керамики были профилированные чаши и кувшины с одной ручкой¹²². Они получили широкую известность со времен первой публикации Леман-Гауптом материалов раскопок на Топрах-кале.

Раскопки урартских памятников в Закавказье значительно умножили образцы керамики. Достаточно напомнить, что в одной только кладовой цитадели Кармир-блур хранилось 1036 кувшинов, среди которых больше сотни сосудов оказались целыми.

Форма урартских кувшинов в Закавказье была такой же совершенной, как в центре (изящное тулово и горло с венчиком типа энохой, тонкая с плавным изгибом ручка), но качество лощения поверхности было хуже. Красная лощеная керамика из Тейшебаини, по сравнению с центральной урартской и некоторыми образцами из Эребуни, кажется поблекшей, матовой, она лишена яркого тона поверхности и изумительного блеска.

В урартской красной лощеной керамике очень чувствуется влияние форм металлических сосудов. Это проявляется в уплощении ручки, в рельефном пояске, отделяющем горло от тулова.

Действительно, некоторые бронзовые сосуды по формам полностью совпадают с глиняными, что было уже давно отмечено Леман-Гауптом. В гробницах на Алтын-тепе были обнаружены крупные округлые бронзовые сосуды с при-

¹²⁰ Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. Табл. XXXII–XXXIII.

¹²¹ Кармир-блур. II. С. 48–51.

¹²² Lehmann-Haupt. Materialien. S. 109–120. Fig. 82 и 92.

клепанным венчиком, формы которых копирует урартская керамика. Ту же картину можно наблюдать и на примере чаш. В 1949 г. в одном из карасов винной кладовой на Кармир-блуре было обнаружено 97 бронзовых чаш, о которых писалось выше¹²³. Эти великолепные чаши находят аналогии в керамике Кармир-блуре, в глиняных чашах, встреченных в большом количестве, и только одна из них представляет своеобразие, свойственное металлической посуде. Она была украшена 14 ложчатыми выступами на наружной части, выдавленными изнутри, представляя форму распространенных на Древнем Востоке бронзовых чаш, называемых фиалами¹²⁴. На Кармир-блуре было обнаружено много подобных бронзовых фиал разного типа, с менее или более выпуклыми лопастями, иногда — с дополнительными усложненными элементами выпуклых украшений.

Из Арин-берда происходят глиняные чаши, повторяющие форму фиал, но, по-видимому, они относятся все же к послеурартскому времени; по всей видимости, переход этой формы металлических сосудов в керамику произошел с запозданием, но можно допустить, что отдельные воспроизведения бронзовых фиал в керамике были еще и во времена урартов.

Раскопки доурартских слоев в Ване обнаружили расписную керамику, тесно связанную с переднеазиатской. Расписные сосуды продолжали существовать в Урарту на всем протяжении жизни царства. Мы располагаем великолепными образцами керамики этой группы. На Кармир-блуре был найден сосуд в форме аска с красным лощеным горлом и ручкой и туловом, покрытым белым ангобом. Поверхность его была покрыта бурой росписью, состоящей из геометрических элементов (круги, шахматный, заштрихованный и лучевой орнамент), размещенных в трех горизонтальных полосах¹²⁵. Имеются и отдельные фрагменты подобных же расписных сосудов. С первого взгляда сосуд этот кажется привезенным из Средиземноморья или Ирана, но более внимательный анализ выявляет в нем черты, характерные для урартской керамики.

По характеру росписи с аском сближается и другой замечательный расписной сосуд из Кармир-блуре — кубок в виде сапога, точно передающий форму урартской обуви, вплоть до шнуровки. Сосуд покрыт также бурой росписью по светлому кремовому фону. В верхней его части помещена орнаментальная полоса, заполненная шахматным узором и кружками; подобные же элементы орнамента содержит и роспись носка. Вместе с расписным кубком в виде сапога на Кармир-блуре был найден и второй подобный же кубок, но черный лощеный, с узорами из вдавленных линий и треугольного штампа. Этот кубок так же точно передает мягкую кожаную обувь без подошвы с длинным носком. Линии орнамента повторяют линии швов сапога настолько точно, что выкройка заготовки для обуви урартского типа не представит труда. Передняя часть урартской обуви шнуровалась, что показано параллельными линиями, выполненными глубоким лощением.

К подобным же образцам высокохудожественной урартской керамики относятся и крупный черный лощеный сосуд (выс. 50 см), с широким верхом и узким

¹²³ Кармир-блур. II. С. 54–63.

¹²⁴ Luschey H. Die Phiale. Bleicherode am Harz. 1939.

¹²⁵ Пиотровский Б. Б. Город бога Тейшебы // СА. 1959. № 2. С. 175–176.

дном¹²⁶ (рис. 65). Под высоким венчиком находится орнаментальный пояс, в котором на светлом фоне помещены примыкающие к верхней бурой полосе кружки, с крупной точкой посередине; внизу — пояс, также обрамленный двумя толстыми линиями. Верхняя часть венчика сосуда украшена росписью, состоящей из двух рядов чередующихся прямоугольников желтого и бурого цвета.

Орнаментальный пояс под венчиком дополнен тремя скульптурными головками бычков, напоминающими описанные выше бронзовые.

Скульптурные фигурки на урартской керамике встречаются часто. На Топрах-кале были найдены обломки краев крупных красных сосудов, украшенных скульптурными группами, изображающими нападение хищника на быка¹²⁷ (рис. 82). Бычок с поджатыми или свисающими ногами помещен на верхней плоскости борта, нападающий же хищник, вцепившийся в бок бычка, распластан вертикально по наружному краю борта. Скульптурное изображение собаки, нападающей на льва, имеется на бронзовом топоре, происходящем из района оз. Ван¹²⁸.

В Берлинском и Британском музеях хранятся отдельные головки хищников, очень детально моделированные, с оскаленным ртом.

По характеру они близки к более ранним по времени хеттским образцам так называемой капподокийской керамики, хорошо известным по материалам из раскопок в Анатолии (Богазкёй, Алишар и др.) (рис. 83).

Нам известна также и мелкая урартская скульптура, выполненная из глины. В 1949 г. в кладовой для вина на Кармир-блуре, около помещенного в ней жертвенника, были найдены три статуэтки, изображающие богов-охранителей¹²⁹. Статуэтки однотипны, они представляют собою стоящие бородатые фигуры, головы и спины которых были покрыты рыбьей кожей таким образом, что голова рыбы являлась убором бога (рис. 36). Статуэтки были раскрашены, на голове и спине сохранились следы ярко-голубой краски, очень непрочной, осыпавшейся как порошок. Левая рука богов покоится на животе, а правая выдвинута вперед; в ней находилось, вероятно, копьё или же ветка дерева, так как на всех подставках имеется соответствующее углубление, в которое упирался конец предмета. Подобные глиняные статуэтки в облачении рыбы известны из раскопок ассирийской столицы Ашшур¹³⁰. Боги в одеянии рыб, связанные с богом Эа, встречаются на ассирийских памятниках, особенно магического значения, где они находятся обычно у ложа больного. На одной урартской печати, принадлежащей К. В. Тревер, изображена сложная сцена: крылатый солнечный диск над рыбой, бог на троне, стоящий жрец и божество в виде рыбы около ложа. На этой печати изображена религиозно-магическая сцена, которая до некоторой степени может быть объяснена, как указано выше, с помощью религии и мифов Месопотамии и Передней Азии¹³¹.

¹²⁶ Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 192–193. Табл. XLIV.

¹²⁷ Lehmann-Haupt. Materialien. S. 112–115; *Idem*. Armenien. II. 2. S. 470–471.

¹²⁸ Flinders Petrie W. M. Tools and weapons. London, 1917. Pl. XI.

¹²⁹ Кармир-блур. II. С. 24. Рис. 9.

¹³⁰ Andrae W. Das wiedererstandene Assur. Leipzig. 1938. Taf. 8; Wiseman D. J. Götter und Menschen im Rollsiegel Westasiens // *Artia*. 1958. Taf. 77, 81.

¹³¹ Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 230.

В другой кладовой на Кармир-блуре была также найдена глиняная статуэтка (рис. 37), но на этот раз не рыбообразная, а в виде бородатого антропоморфного божества с хвостом скорпиона¹³². На фигурке сохранились следы красок. Лицо было окрашено белой краской, глаза — красной, волосы и борода бурой, а головной убор — ярко-голубой. Подобные божества также встречаются в Месопотамии, начиная с памятников из царских гробниц Ура первой династии. Особенно часты они на поздних ассирийских и вавилонских печатях.

Во временных жилищах во дворе цитадели Тейшебаини были найдены две грубые фигурки животных — лошади и бычка, вылепленные из глины и служившие, возможно, детскими игрушками.

* * *

В заключение обзора памятников урартского искусства следует остановиться на монументальной стенной росписи, образцы которой были открыты при раскопке урартских крепостей на территории Армянской ССР.

В крепости Эребуни (Арин-берд) росписями были украшены длинное помещение храма в западной части большого внутреннего двора и некоторые комнаты дворца, занимавшего северную часть крепости¹³³.

Раскопки 1950 г. в юго-западном углу храма открыли большой кусок обвалившейся стенной обмазки, покрытой росписью, что позволило установить и порядок расположения орнаментальных элементов. В основном в многоярусных росписях Эребуни были использованы три цвета: красный и синий на белом фоне.

В верхней части стены, на выступающем вперед карнизе, помещались круги со вписанными в них многолучевыми звездами. Ниже шел ряд пальметок характерного ассирийского орнамента, с чередованием красного и синего цвета, а под ним — полоса из ряда ступенчатых башенок, также обычных в ассирийских росписях. Под этими тремя орнаментальными рядами был расположен неширокий фриз, заполненный фигурками бычков и баранов, а еще ниже, в пятом ряду, роспись изображала священные деревья со стоящими по их сторонам божествами. По форме деревья напоминают изображения на шлемах Аргишти и Сардури, но выполнены они гораздо схематичнее: синей краской отмечены внешний контур, ствол и ветви, оканчивающиеся круглыми плодами. Фигуры божеств также напоминают изображенных на шлемах: они безбородые и без крыльев, а в руках держат плод и корзину.

В том же помещении Эребуни были найдены многочисленные обломки росписей с другими орнаментальными мотивами: кругами со вписанными в них многолучевыми звездами, разбросанными по синему фону, рядами розеток, гирляндами стилизованных плодов граната и гирляндами бутонов. Многие куски расписанной штукатурки лежали на полу помещения красочным слоем вниз, и в этих случаях расчищались отпечатки росписей на кирпичах пола. При таком положении росписей особенно четко было видно вспомогательное граф-

¹³² Кармир-блур. II. С. 24. Рис. 10.

¹³³ Кармир-блур. II. С. 41–44; *Оганесян К. Л.* Раскопки урартского города Эребуни // СА. 1960. № 3. С. 289–296.

ление фона черной краской, разбивавшее всю площадь на сетку квадратов, по которым и вырисовывались орнаментальные мотивы.

В 1951 г. на полу храмового помещения были обнаружены куски росписи широкого фриза с изображением богов. От него сохранилось изображение бородатого бога, вероятно бога Халди, стоящего на льве, хорошо знакомое нам по урартской иконографии¹³⁴. На других обломках обмазки стены был обнаружен край плаги второй фигуры. Вероятно, на стене был изображен ряд богов, как на ассирийских скальных рельефах в Бавиане и Малтайе. В одном из помещений дворца Эребуни были открыты более крупные куски росписей. Росписи размещались там не только на плоскостях стен, но и в нишах восточной стены. В 1959 и 1960 гг. там были обнаружены крупные куски многоцветной росписи, состоявшей из следующих элементов: ряда ступенчатых башенок, деревьев жизни со стоящими около них божествами, широкой полосы с крупными изображениями быков, львов, крылатых божеств, четырехугольников с вогнутыми сторонами, второго ряда деревьев жизни и гирлянды плодов граната. Все пять рядов росписей были разделены узкими полосами, заполненными кружками. Центральной частью этой стенной росписи был широкий средний фриз¹³⁵. От него сохранилась полная фигура припавшего на одно колено быка с широкой полосой, обводящей контур спины, груди и живота; фигура эта очень близка к быкам на бронзовой обивке из Топрах-кале, где контуры были украшены инкрустацией из камня, а быки располагались между богато орнаментированными четырехугольниками с вогнутыми сторонами. Сохранились и другие обломки средней широкой полосы с частями изображений льва и крылатых божеств, что указывает на чередование различных фигур.

Арин-бердские росписи находят близкие аналогии в росписях ассирийских дворцов, в частности дворца Ашурнасирапала II в Кальху (Нимруде). Там изображены подобный же верхний ряд орнаментальных башенок, припавший на одно колено бык (крылатый), четырехугольники с вогнутыми сторонами и круги с розетками¹³⁶, причем круги имеют ободок, заполненный зубчатым орнаментом, что имеет соответствие и в Эребуни. Таким образом, урартские росписи VIII в. н. э. связаны с ассирийскими образцами этого же вида искусства, относящимися к середине IX в. до н. э.

Ассирийская стенная живопись теперь известна нам довольно хорошо. От XIII в. до н. э. дошли росписи из дворца в Кар-Тукульти-Нинурта, выполненные синей и красной красками по белому фону. Наряду с разнообразными мотивами там встречаются изображения священных деревьев со стоящими по их сторонам крылатыми божествами с птичьими головами¹³⁷.

Остатки росписей были открыты и при раскопках дворцов Ашурнасирапала II и Саргона, производившихся в середине XIX в., но там богатые каменные рельефы, украшавшие стены парадных зал, отодвинули на второй план интерес к росписям, расчистка и фиксация которых были неизмеримо сложнее, чем расчистка и зарисовка каменных рельефов. Поэтому росписи ассирийских цар-

¹³⁴ Оганесян К. Л. Раскопки урартского города Эребуни // СА. 1960. № 3. Рис. 8.

¹³⁵ Там же. Рис. 6.

¹³⁶ Perrot G., Chipiez Ch. Histoire de l'Art. II. 1884. P. 703. Tabl. XIV.

¹³⁷ Andrae W. Farbige Keramik aus Assur. Leipzig. 1923. Taf. III.

ских дворцов IX–VIII вв. до н. э. известны нам лишь по отрывочным сведениям и отдельным публикациям¹³⁸.

При последних раскопках в Дур-Шаррукине, в здании к юго-востоку от храма Набу, были обнаружены остатки стенной росписи, также выполненной синей, красной и черной красками на белом фоне. Сохранились громадные, в два раза превышающие человеческий рост, фигуры бога Ашур и стоящих перед ним царя Саргона с приближенным. Вся группа была обрамлена орнаментальным фризом и фигурами крылатых божеств, стоящих над дисками, подобными помещенным на архивольтах ворот в основном дворце Саргона. Панель стены ниже этой группы, расписанная на высоту около 6 м, содержала три фриза изображений, разделенных орнаментальными полосами. Центральный фриз состоял из фигур быков, попарно помещенных перед дисками, обрамленными дугообразными линиями. Верхний и нижний фризы были заполнены фигурами коленопреклоненных крылатых божеств, с плодом в правой руке и с корзиной в левой, стоящими перед дисками, заменявшими в композиции священные деревья¹³⁹.

Прекрасные образцы ассирийских стенных росписей середины VIII в. до н. э. стали известны после раскопок дворца ассирийского наместника Шамшиилу в Тил-Барсибе, на Евфрате. Кроме сцен, изображающих принесение даров, привод пленных и царскую охоту, там имелись также декоративные панно, на которых изображены хорошо знакомые нам по ассирийским росписям фигуры быков, припавших на одну ногу козлов и коленопреклоненных божеств перед дисками¹⁴⁰. Раскопки Тил-Барсиба показывают, что на окраинах Ассирийского царства в дворцовых постройках каменные раскрашенные рельефы заменялись стенными росписями. Также было и в Урарту. Росписи урартских памятников имеют явные влияния ассирийской стенной живописи.

Обломки росписей стен были обнаружены и на Кармир-блуре¹⁴¹, они находились среди кирпичей, обрушившихся в нижний этаж стен второго этажа, и представляли собою мелкие фрагменты, содержащие разнообразные орнаментальные мотивы (круги с вписанными в них крестами, перекрещенные полосы, связанные кругами с розетками внутри них, напоминающие орнаментацию на фризе красного мрамора из Топрах-кале). Были найдены также мелкие обломки фигур крылатых божеств (лицо, части крыльев и платья, украшенного квадратами с вписанными в них розетками, обычным для урартов мотивом) и животных (грива льва). На основании обломков удалось полностью восстановить диск с отходящими лучами, на концах которых помещены пальметки и гранатовые яблоки.

Сильный пожар, в котором погибла цитадель Тейшебаини, изменил цвет росписей, но исследования, произведенные реставратором Государственного Эрмитажа В. Н. Коновым, позволили реконструировать первоначальный цвет красок. Роспись выполнялась на белом фоне из белой глины (каолина), нанесенного толстым слоем. Для прочерчивания контуров применялась черная крас-

¹³⁸ Conteneau G. // Manuel d'Archéologie Orientale. III. 1931. P. 1324.

¹³⁹ Loud G., Allman Ch. Khorsabad. II. Chicago, 1938. Pl. 89.

¹⁴⁰ Thureau-Dangin F., Dunand M. Til-Barsib. Paris, 1936. Tabl. XVI.

¹⁴¹ Кармир-блур. II. С. 41–44.

ка (сажа). Из природных минеральных красок для росписей использовались две красные краски: одна — ярко-красная, богатая железом красная охра, потерявшая при действии жара свою яркость, и другая красная краска, более светлая, желтоватая охра, перешедшая под влиянием высокой температуры в тусклую красную краску.

Особый интерес представило исследование темной краски, сохранившейся в виде сморщенного растрескавшегося слоя. Это была ярко-синяя фритовая глазурь (смальта), окрашенная соединениями меди, широко применявшаяся на Древнем Востоке (в Ассирии, Египте и других странах). Сама краска (толченая смальта) в исследованных образцах сохранилась, но она сильно замаскирована обгоревшим клеящим веществом, на котором была замешана.

На Кармир-блуре были найдены комки цветной глины, в частности два комка ярко-синего цвета, вероятно заготовки именно этой краски. На Топрах-кале подобная краска была обнаружена в сосуде в виде порошка.

Таким образом, мы видим, что в урартских стенных росписях как на Арин-берде, так и на Кармир-блуре использовали в основном синие и красные цвета на белом фоне, что сближает их с подобными же памятниками ассирийского искусства, откуда были заимствованы и мотивы росписей.

* * *

Исследователь урартского искусства находится в выгодном положении, он имеет возможность целиком охватить весь дошедший материал. В настоящей главе рассмотрено около двухсот урартских предметов, связанных с искусством, и это почти все, что в настоящее время известно. Безусловно, последующие археологические раскопки значительно умножат их число, но и теперь анализ небольшого материала по урартскому искусству отчетливо обрисовывает его характер и выявляет его связи со многими соседними странами в первой половине I тысячелетия, до н. э.

1.

Меч-акинак в ножнах. Золото, железо. Ст. Келермесская, курган 1 (1903 г.). Государственный Эрмитаж.

1. Общий вид. 2. Изображение оленя на лопасти ножен и «священного дерева» на устье ножен.

3. Изображения фантастических животных на ножнах

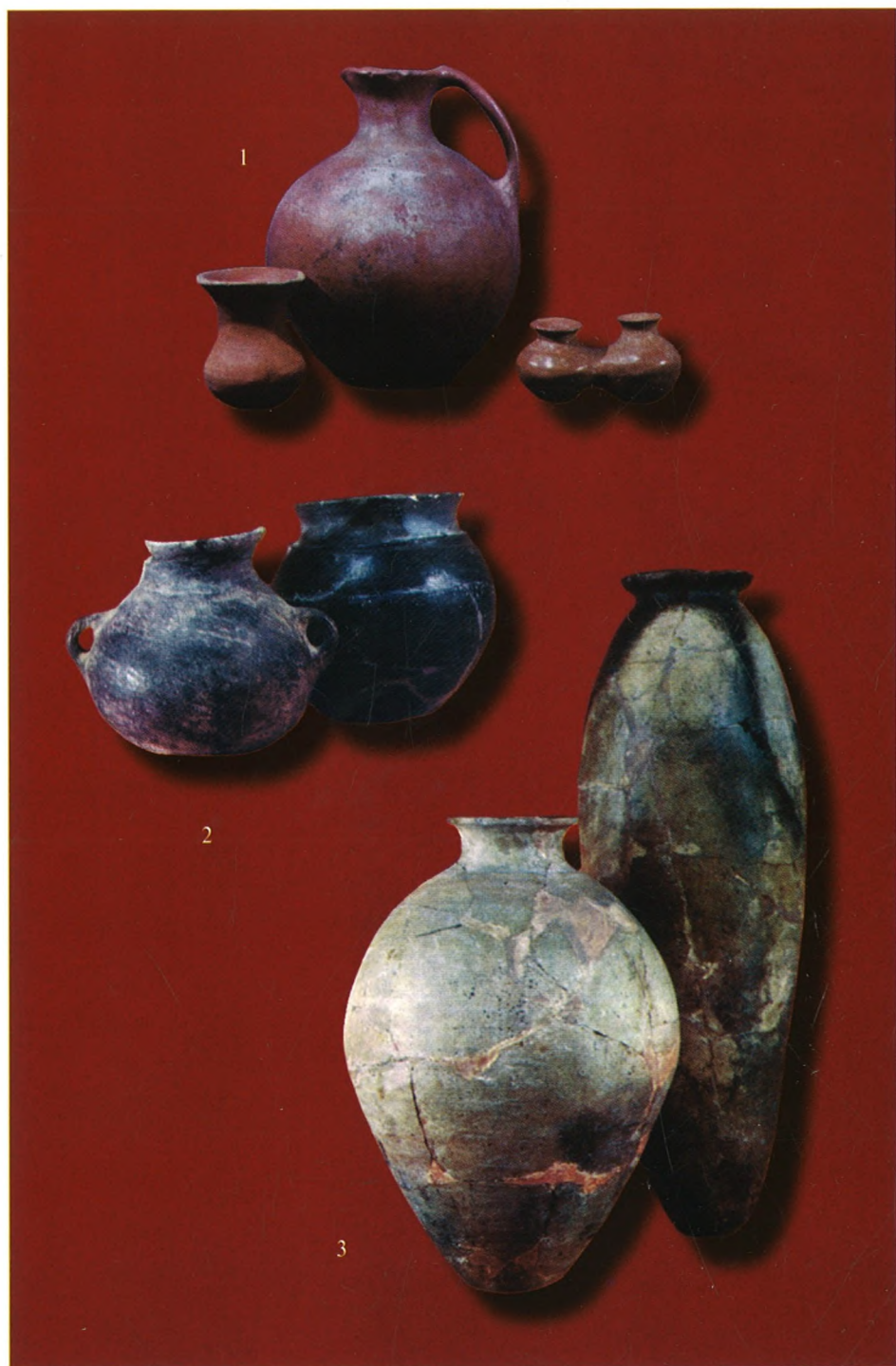
2.

1. Боевой топор-секира. Золото, железо. Ст. Келермесская, курган 1 (1903 г).
Государственный Эрмитаж. (Общий вид).
2. Верхняя часть секиры с изображениями животных.
3. Шлем царя Сардури II. Бронза. Кармир-блур. Государственный Эрмитаж

3.

Изображения фантастических животных на фрагментах золотой рукояти боевого топора-секиры. Золото, железо. Ст. Келермесская, курган 1 (1903 г.). Государственный Эрмитаж

4.

Глиняные сосуды. Кармир-блур. Государственный Эрмитаж.

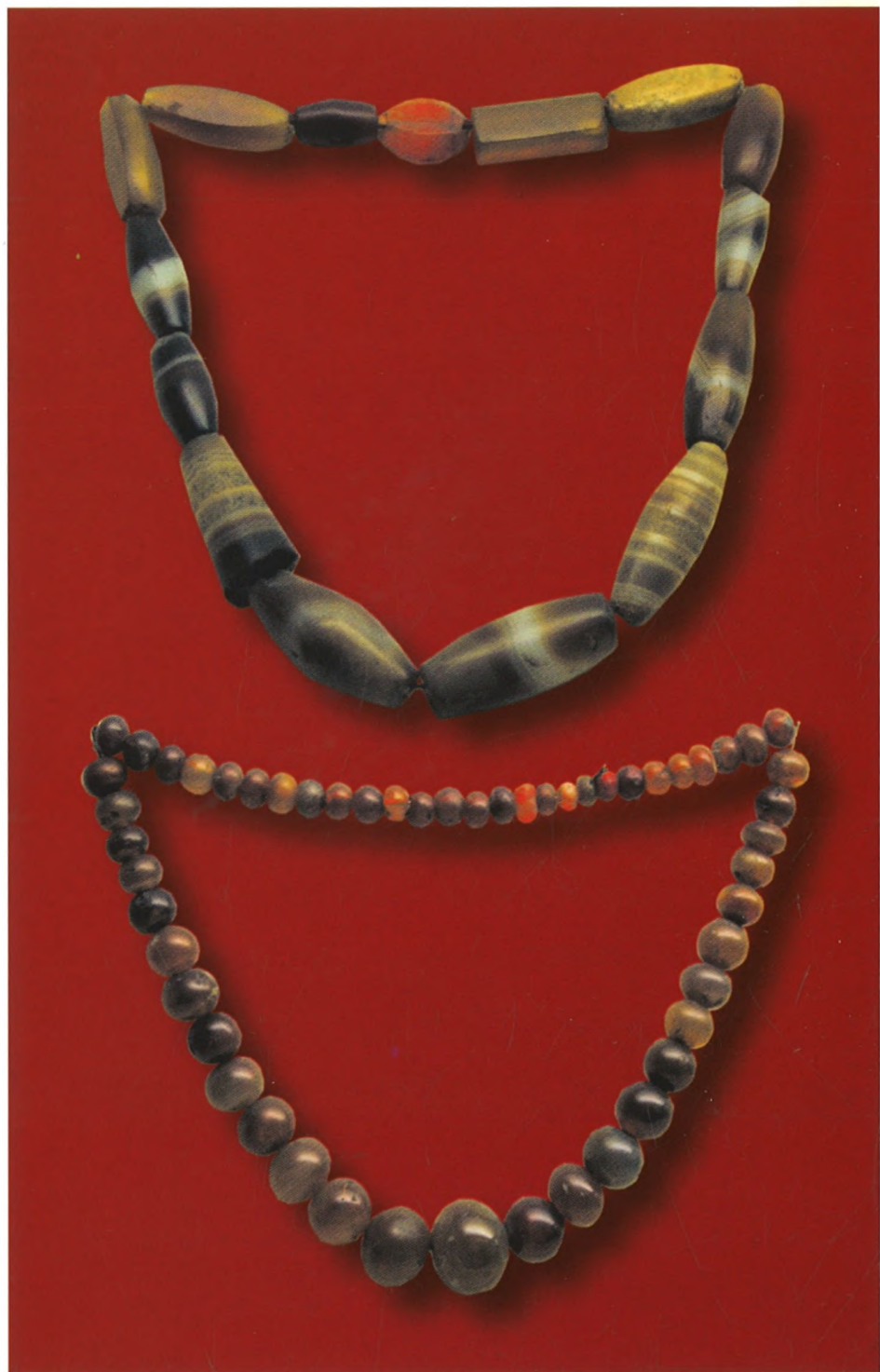
1. Кувшин для вина, кубок и сосудик для приготовления сырной закваски.

2. Хозяйственные сосуды.

3. Сосуды для хранения зерна и приготовления пива

5.
1. Щит с посвятительной надписью царя Сардури II. Бронза. Кармир-блур. Государственный Эрмитаж.
2. Наконечники стрел урукского типа. Бронза. Кармир-блур. Государственный Эрмитаж

6.

Сердоликовые и агатовые бусы. Кармир-блур. Государственный Эрмитаж

7.

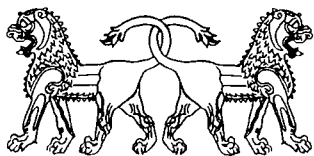
Чаши с надписями урартских царей VIII—VII веков до н. э. Бронза. Кармир-блур.
Государственный Эрмитаж

8.

Фрагмент полихромного сосуда, фрагменты стенок пифосов, печати, клейма на сосудах.
Топрак-кале, Кармир-блур. Государственный Эрмитаж

IV

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УРАРТСКОГО ИСКУССТВА

Приведенный выше обзор показывает, что большинство известных в настоящее время памятников урартского искусства относится к придворному искусству, стремящемуся передать усиленное впечатление богатства, пышности и могущества. Все это хорошо видно на примере парадного трона, скульптурные части которого, попавшие в разные музеи мира, подробно описаны в предыдущей главе. Золото и многоцветные камни, украшавшие трон, создавали впечатление варварского великолепия и роскоши, а экспрессивные фигурки устрашающих фантастических существ служили для того, чтобы вызвать суеверный страх у стоящих перед троном и вместе с тем защитить от злых сил сидящего на троне царя.

К придворному искусству относятся также украшенные рельефными изображениями бронзовые щиты, шлемы и колчаны, имеющие посвятельные надписи урартских царей. Частыми мотивами их украшения являются повторяющиеся фигуры львов и быков, животных, олицетворяющих силу. Недаром на сценах дворцовых ассирийских рельефов, имевших целью передать подвиги царя, изображаются его охоты на львов и диких быков, описания которых встречаются в царских летописях, а в поэтических образах сам царь выступает как тур, лев или орел. Иногда вместо животных на предметах вооружения помещаются ритмические ряды чередующихся изображе-

ний колесниц и скачущих на конях воинов, а также священных деревьев со стоящими по их сторонам божествами. На лобных частях шлемов изображения священных деревьев и богов, размещенных в двух рядах, обрамлены фигурами фантастических змей со львиными головами, которые должны были усилить защитительную силу помещенных на шлеме воина изображений.

Как было уже указано, все предметы придворного урартского искусства по своему стилю очень близки к ассирийским памятникам, вследствие чего они долгое время признавались ассирийскими, а урартское искусство рассматривалось как провинциальное ассирийское. В общих трудах по искусству Древнего Востока и в экспозициях крупнейших музеев Западной Европы долгое время урартские памятники не отделялись от ассирийских.

Связь урартского искусства с ассирийским вполне понятна; в IX в. до н. э. влияние Ассирии, одного из сильнейших в то время государств Передней Азии, на формирующееся Урартское государство было очень сильным: первые надписи урартских царей писались по-ассирийски, для надписей применялась не только непосредственно взятая у ассирийцев система клинообразного письма, но заимствована и форма повествовательных текстов, в урартские дворцы перешла живопись из ассирийских дворцов с уже готовыми орнаментальными схемами и изобразительными мотивами, имена многих урартских божеств, изображавшихся наподобие ассирийских, стали передаваться в надписях ассирийскими идеограммами, несколько позднее к урартам перешло ассирийское вооружение и многие другие элементы культуры. Но несмотря на значительную роль заимствования в формировании придворного урартского искусства, его самобытные черты и особенности выступают в очень определенном виде. На это уже указывал первый исследователь урартского искусства, турецкий археолог Е. Акургал. Действительно, несмотря на внешнее сходство, урартские изображения всегда можно отличить от ассирийских. Приземистые фигуры людей с характерным профилем лица, выполненные сравнительно грубо, очень характерны для урартского искусства, которое с несравненно большим мастерством передает фигуры животных с богатой орнаментальной разделкой их туловищ. Видно, что эти стилизованные изображения животных прошли длинный путь развития, отделивший их от реалистического образа. Туловища их кажутся покрытыми богатыми орнаментально украшенными попонами или коврами. Мелкая гравировка передает орнамент из прямых, косых и волнистых линий, из завитков и кружков. Все животные на урартских памятниках искусства даны в состоянии покоя; по меткому выражению Е. Акургала, львы, изображенные на щитах, «гуляют», и только оскаленная пасть передает ярость зверя.

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей урартского искусства, следует остановиться на общей его характеристике. Урартское искусство в основном декоративное, в нем значительное место занимает орнамент, часто использующий растительные мотивы (гирлянды бутонов, пальметки, розетки, стилизованные деревья). Фигуры животных и людей также обычно подчинены декоративности и размещаются в полосах, создавая ряды одинаковых или чередующихся изображений, обращенных в разные стороны. Особенно четко декоративное размещение изображений видно на круглых бронзовых щитах, где, несмотря на расположение фигур в концентрических полосах, ни одна из

них не оказывается перевернутой (рис. 44 и 45). В этих случаях композиция заменяется часто тематической связанностью элементов.

В разрушенном могильнике около Арин-берда были обнаружены обломки бронзовых поясов, на которых в горизонтальных полосах изображены колесницы с воинами, стреляющими в бегущих львов и быков (рис. 156). Тут налицо определенные элементы композиции охоты, хотя изображения сцен охоты на львов и быков в целях декоративности чередуются и все эти колесницы, быки и львы переданы совершенно одинаково.

В могильнике у сел. Тли, в Южной Осетии, Б. В. Техов обнаружил интересный бронзовый пояс, украшенный отдельными изображениями, размещенными в полосах, среди которых имеются фигуры колесниц, совершенно такие же, как на арин-бердских поясах. Но композиция на поясе из Тли распалась: колесницы, бегущие быки и львы помещены без связи друг с другом и даже разделены добавочными орнаментальными мотивами. Такой распад композиции и превращение композиционных элементов в чистую орнаментику отчетливо виден и на других урартских бронзовых поясах, происходящих как из урартской крепости Тейшебаини (Кармир-блур), так и из закавказских могильников.

В монументальном урартском искусстве композиционные изображения нам неизвестны. Вероятно, там встречались сцены шествия богов, стоявших на животных, сцены жертвоприношения, принявшие уже выработанную, трафаретную форму.

Большее разнообразие дают мелкие памятники урартского искусства, в частности печати. На них помещались изображения приношения жертв перед стелами, моления и жертвоприношения богам, шествие царя, движение колесницы, вероятно царской, в сопровождении музыкантов и др. Но и там наблюдается передача определенных изображений по выработанной форме, в частности — бога Тейшебы, стоящего на быке, на миниатюрной печати из Кармир-блур и на громадном рельефе из Адильджеваза, отличаются друг от друга лишь масштабом и деталями украшений. В основе обоих изображений лежит одна выработанная, обязательная для выполнения схема. Небольшую фигурку, вырезанную на печати или на щите, или на колчане, можно значительно увеличивать, без искажения художественного восприятия. Разработка одной и той же схемы приводила к художественной лаконичности и монументальности, некоторой геральдичности. Разработка определенных форм, в частности форм керамики, приводила к художественному совершенству глиняных изделий. В одной из кладовых Тейшебаини был обнаружен большой запас (свыше тысячи штук) красных лощеных кувшинов для вина. Все они были близки друг к другу по форме, имели сходный контур туловища, несколько яйцевидного, одинаковый красивый изгиб ручки. В другой кладовой оказались кувшины иной формы, с более округлым туловом и округлой ручкой, и нет никакого сомнения в том, что они вышли если не из другой мастерской, то из рук другого мастера. Но в обоих случаях мы имеем поразительную выработанность формы, полученную вследствие того, что мастер не стремился делать разнообразные кувшины, а придерживался лишь одной формы.

Таким образом, в урартском искусстве имело место постоянное копирование художественных форм, устойчивая традиция, и потому бронзовые щиты

одного из последних урартских царей — Русы, сына Эримены (рубеж VII и VI вв. до н. э.), украшались теми же мотивами, что и его далекого предшественника, царя Аргишти, сына Менуа (первая четв. VIII в. до н. э.).

Постоянное копирование одной фигуры приводит к ее упрощению и стилизации. Историки искусства неоднократно указывали на то, что при последовательном копировании получается упрощение, стилизация образа с потерей реалистических черт, а иногда и искажение его до неузнаваемости. Давно, еще в студенческие годы, мною был произведен следующий опыт: из книги А. Э. Брэма «Жизнь животных» я взял рисунок бегущей лошади и дал ее последовательно копировать разным людям, и уже на десятой копии фигура лошади стала схематичной и «пошла шагом».

Характерная для урартского искусства сильная схематизация фигур животных и разделка туловища тонким и выработанным геометрическим орнаментом, несомненно, связана с постоянным копированием одной и той же трафаретной фигуры животного. Художник не стремился отступить от веками выработанной схемы, которая бралась как для монументальных, так и для миниатюрных изображений. Несмотря на то, что в основе урартской схемы изображения животных и передачи деталей лежат ассирийские образцы, урартское искусство значительно богаче передает орнаментацию фигур по своеобразной схеме, которую всегда можно без ошибки узнать.

В этом отношении особенно интересны рассмотренные выше золотые ножи скифского акинака из Келермесского и Мельгуновского курганов. На этом памятнике четко проявляется разница передачи фигур в скифском стиле и фигур животных, заимствованных из урартского искусства. Так, фигура оленя на выступе ножен совершенно лишена орнаментальной разделки поверхности, в то время как фигуры фантастических животных на самих ножнах имеют характерную именно для урартского искусства разделку. Из Келермесских курганов происходит также золотая чаша с изображением животных в совершенно ином стиле (рис. 105). Передача их фигур скорее всего напоминает фигуры животных на рельефах из дворца Ашурбанипала в Ниневии. Это сходство подкрепляется и фигурами бегущих птиц (страусов), помещенных у борта чаши и находящихся близкие аналогии в ассирийской глиптике, а также в изображении птиц на печати мусасирского царя Урзаны, выполненном также в ассирийском стиле.

Изображения животных на келермесской чаше отличаются от изображений фантастических существ на ножнах акинаков тем, что передача мускулатуры и шерсти не превратилась еще в сухую графическую декоративную схему.

В искусстве всего Древнего Востока большую роль играл канон, были определенные правила для изображения человеческой фигуры (голова и туловище в профиль, плечи развернуты), животных и деревьев. Художники при составлении композиций постоянно пользовались моделями и трафаретами, при строгом соблюдении установленных пропорций. Даже на таких известных по общим руководствам памятниках ассирийского искусства, как сцены охоты на рельефах дворцов Ашурнасирпала II (Калху) и Ашурбанипала (Ниневия), мы отчетливо видим использование различных моделей не только полных фигур, но и их частей. Так, на рельефе Ашурнасирпала, изображающем охоту на львов, бросается в глаза несоответствие мчащейся колесницы и спокойной фигуры льва, опираю-

щейся передними лапами на ее задок, да и фигура стреляющего из лука царя помещена так, что стрела должна пролететь обязательно мимо льва. Если мы внимательно рассмотрим изображения львов и львиц на знаменитых рельефах охоты на львов Ашурбанипала, то окажется, что разнообразные изображения животных составлены из комбинаций моделей голов, туловищ и лап.

Нет никакого сомнения в том, что и урартские художники постоянно пользовались моделями и трафаретами и должны были подчиняться правилам пропорций. Этим объясняется и монументальность урартского искусства. Фигурки парадного трона, изображения животных и всадников на щитах и шлемах, несмотря на их небольшие размеры, имеют строгие монументальные формы, и эти изображения поддаются любому увеличению.

Несмотря на кажущееся однообразие памятников урартского искусства, Е. Акургал пытался выделить разные стили. Он указал на то, что для изделий VIII в. до н. э. особенно характерен «стиль завитков» («Ringelstil»), позже, с VII в. до н. э., наряду с ним развивается «стиль выпуклостей» («Buckelstil»). Эти два стиля в урартском искусстве существуют, не влияя на изменения общей формы фигур.

Изучение различных стилей в урартском искусстве крайне затруднено ограниченностью материала. Кроме того, совершенно ясно, что урартское искусство испытывало воздействие не только со стороны ассирийской, но и хеттской (хурритской) культуры. Е. Акургал с полным основанием подчеркивает наличие во многих урартских памятниках, особенно в скульптурных украшениях котлов, поздnehеттское (арамейское) влияние.

Урартское искусство оказывало определенное влияние на искусство своих западных соседей, особенно в тот период, когда урарты завладели путями к Средиземному морю. Вероятно, многие предметы урартского искусства вывозились на запад из центра Урарту. Высказывалось предположение о том, что на запад транспортировались отдельные ручки для котлов, которые приклепывались к местным котлам. Но наряду с этим, несомненно, имело место и влияние урартского искусства на искусство соседей, которые сами стали изготовлять предметы урартских форм, и именно этим объясняется большое стилистическое разнообразие широко распространенных ручек котлов в виде крылатых фигур с человеческим торсом и голов быка.

Установившиеся в VIII в. до н. э. связи урартской культуры со Средиземноморьем не были односторонними, и одной из важнейших тем истории Передней Азии является выяснение взаимосвязей средиземноморской, сирийской и урартской культур в первых веках I тысячелетия до н. э. Ведь в греческих святилищах и этрусских могилах были найдены не только ручки бронзовых котлов, документирующие связи с Передней Азией, но и другие предметы. Например, в Дельфах была найдена фигурка из слоновой кости, изображающая обнаженную богиню, имеющая большое сходство с фигуркой богини из Вана, также вырезанной из слоновой кости. Уже давно указывалось на связь многих элементов орнамента архаического греческого искусства с Передней и Малой Азией; поразительное сходство Мусасирского урартского храма IX в. до н. э. с древнегреческими храмами подчеркивает определенную роль культуры Передней Азии в формировании античной культуры.

В последнее время Р. Гиришман поднял и успешно разрабатывает вопрос о влиянии урартской культуры на культуру ахеменидского Ирана. Саккызский клад и материалы раскопок Кармир-блур отчетливо выявляют связи скифского искусства через Урарту с Древним Востоком. М. И. Артамонов ставит даже вопрос о формирующей роли Древнего Востока в создании скифского искусства.

Большой самостоятельной темой является изучение влияния Урарту на культуру древнего Закавказья.

Более ста лет в Эрмитаже хранятся первые урартские памятники, но лишь за последние тридцать лет изучение урартской культуры получило интенсивное развитие, позволившее отчетливо установить значение Урарту в истории Древнего Востока, особенно в период перехода от древневосточного строя к античному.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВИУ** — Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1951. № 2–4. Приложения.
- АО** — Археологические открытия. М.
- ГАИМК** — Государственная Академия истории материальной культуры. Пг.
- ГМИИ** — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
- ВДИ** — Вестник древней истории. М.
- ДАН-В** — Доклады Академии наук СССР. Серия В.
- ДВ** — Древности восточные. Издание Московского археологического общества.
- ЖМНП** — Журнал Министерства народного просвещения. — Инженер. С. 1882–1886.
- ЗВО** — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
- ЗКОРГО** — Записки Кавказского отделения Русского географического общества. СПб.
- Изв. ААК** — Известия Азербайджанского археологического комитета. Баку.
- Изв. АН** — Известия Академии наук СССР (и Российской Академии наук).
- Изв. ГАИМК** — Известия Государственной (Российской) Академии истории материальной культуры. Пг.
- Изв. КОМАО** — Известия Кавказского отделения Московского археологического общества. М.
- Изв. ООИА** — Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку.
- ИИМК** — Институт истории материальной культуры.
- Кармир-блур. I** — Пиотровский Б. Б. Результаты раскопок 1939–1949 гг. // Археологические раскопки в Армении. № 1. Ереван. 1950.
- Кармир-блур. II** — Пиотровский Б. Б. Результаты раскопок 1949–1950 гг. // Археологические раскопки в Армении. № 2. Ереван. 1952.
- Кармир-блур. III** — Пиотровский Б. Б. Результаты раскопок 1951–1953 гг. // Археологические раскопки в Армении. № 5. Ереван. 1955.
- Кармир-блур. IV** — Оганесян К. Л. Архитектура Тейшебаини // Археологические раскопки в Армении. Ереван. 1955. № 6.
- КОМАО** — Кавказское отделение Московского археологического общества. М.
- КСИИМК** — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.
- Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата... Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энелит // Вестник Государственного музея Грузии. XIII В. 1944.**
- Луврская табличка или текст Сарагона** — 430 строк клинописного текста в форме реляции богу Ашуру, содержат описание похода 714 г. (Thereau-Dangin F/Une relation de la huitieme campagne de Sargon/ Paris, 1912).
- МАК** — Материалы по археологии Кавказа. Издание Московского археологического общества.
- МАР** — Материалы по археологии России. СПб.
- Меликишвили Г. А. Наири—Урарту. Тбилиси, 1954.** — Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Наири—Урарту. Тбилиси, 1954.
- ООИК** — Общество обследования и изучения Азербайджана. Баку.
- Пиотровский. ТОВЭ. I.** — Пиотровский Б. Б. Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа // ТОВЭ. I. Л., 1939.
- «Письма Куянджикского архива»** — клинописный архив из дворца Ашурбанипала, большая часть которого хранится в Британском музее (в скобках ставится номер письма по изданию Ватермана).

- ПИМК** — Проблемы истории материальной культуры.
- РАИК** — Русский археологический институт в Константинополе.
- СА** — Советская археология.
- СГАИМК** — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
- СМОМПК** — Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа.
- ТОВЭ** — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Л.
- УКН** — *Меликишвили Г. А.* Урартские клинообразные надписи // ВДИ. 1953. № 1–4; 1954. № 1. Приложения.
- ЭВ** — Эпиграфика Востока. Издание Института истории материальной культуры Акад. наук СССР. Л.
- ЯС** — Яфетический сборник. Издание Яфетического института Акад. наук СССР.
- АО** — Archiv für Orientforschung.
- Barnett, Iraq, XII. I.** — *Barnett R. D.* The Excavations of the British Museum at Toprak-kale near Van // Iraq. XII. I. 1950.
- Barnett, Iraq, XII. I.** — *Barnett R. D.* The Excavations of the British Museum at Toprak-kale near Van Addenda // Iraq. XVI. I. 1954.
- BAS** — Bulletin de l'Académie des Sciences de St. Petersburg.
- CICb** — Corpus Inscriptionum Chaldicarum Berlin. I (1928). II (1935).
- DWAW** — Denkschriften der Wiener Akademie der Wissenschaften. Wien.
- Friedrich J. Chalder der oder Urartaer** — *Friedrich J.* Chalder der oder Urartäer // ZDMJ. XC. 1. 1896.
- JA** — Journal Asiatique. Paris.
- JAOS** — Journal of American Oriental Society.
- JDAI** — Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts. Berlin.
- JNES** — Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
- JRAS** — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London.
- Knudtson J. A. Assyrische Gebete an den Sonnengot...** — *Knudtson J. A.* Assyrische Gebete an den Sonnengot für Staat königliches Haus der Ziet Assarhaddons und Assurbanipals. II. Leipzig, 1893.
- Lehmann-Haupt, Armenien** — *Lehmann-Haupt C. F.* Armenien einst und jetzt. Berlin. I (1910); II. 1 (1926); II. 2 (1931).
- Lehmann-Haupt, Materialien** — *Lehmann-Haupt C. F.* Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens // Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zur Göttingen. IX. 3. 1907.
- MA** — Mélanges Asiatiques. Académie des Sciences de St.-Petersbourg.
- MVAG** — Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft. Berlin.
- Rec. de trav.** — Recueil de travaux relatifs a la philologie et a l'archéologie égyptiennes et assitiennes. Paris.
- RA** — Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale. Paris.
- SPAW** — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften.
- VBGAEU** — Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte (Приложение к журналу: ZE).
- WZKM** — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien.
- Waterman Leroy. Royal correspondence of the Assyrian empire** — *Waterman Leroy.* I–IV // University of Michigan studies. XVII–XX. 1930–1936.
- ZA** — Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie. Leipzig. 1886–1945.
- ZDMG** — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig.
- ZE** — Zeitschrift für Ethnologie. Berlin.

ИЛЮСТРАЦИИ

*Рис. 1. Западная часть Ванской скалы. Вид с юга**

Рис. 2. Восточная часть Ванской скалы. Вид с юга

Рис. 3. Ванская скала. Хорхорские пещеры

* Для более компактного расположения некоторые рисунки даны не по порядку.

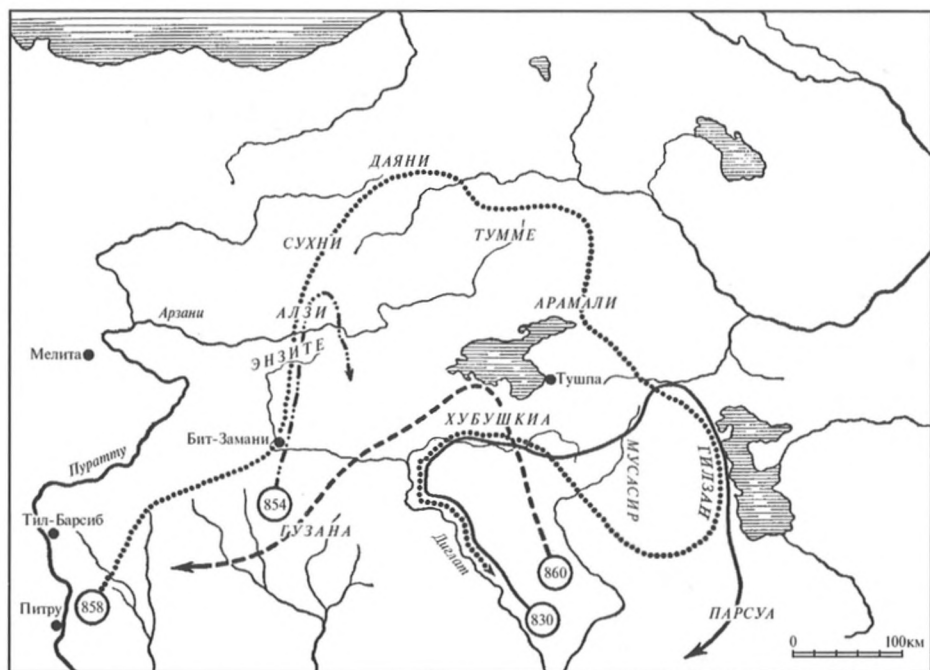

Рис. 4. Маршруты походов Салманасара III в Урарту

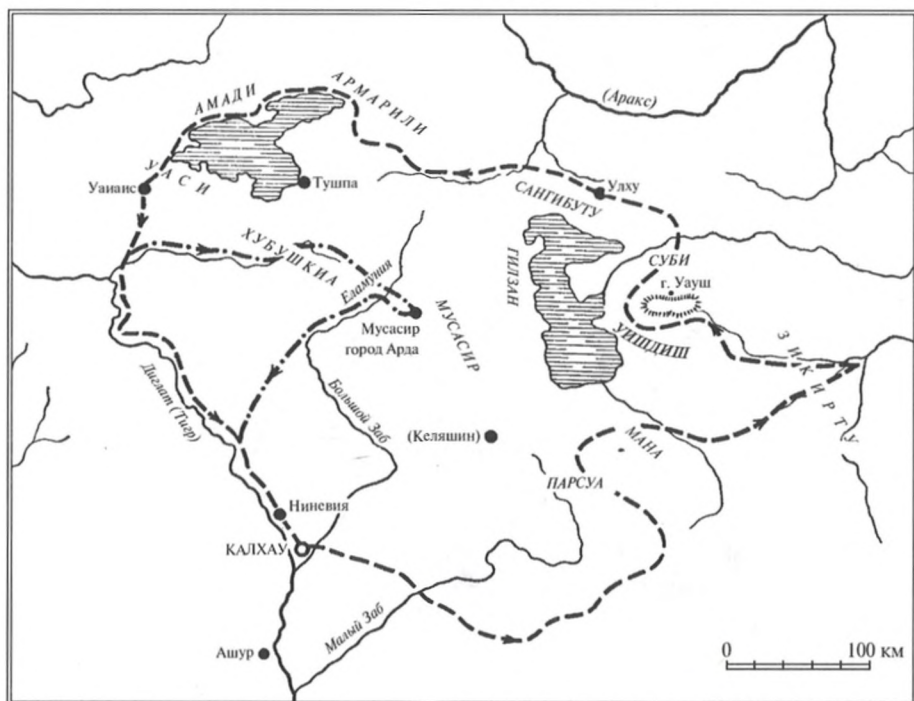

Рис. 7. Маршрут похода Саргона 714 г. (по Тюро-Данжену)

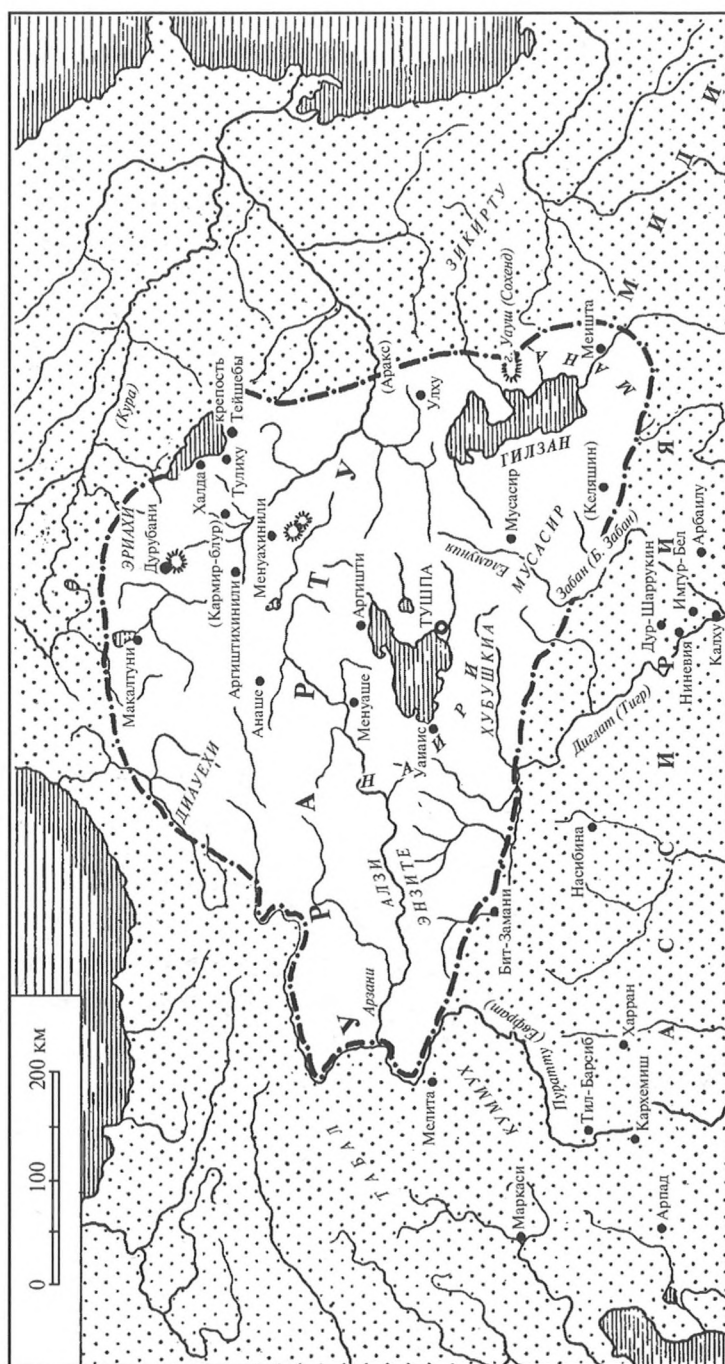

Рис. 5. Урартское государство в середине VIII в.

Рис. 6. Саргон. Рельеф из дворца Саргона (выс. ок. 40 см). Туринский музей

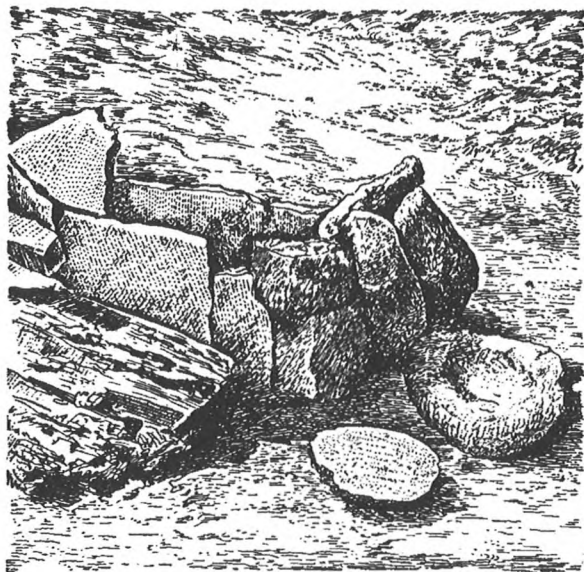

Рис. 9. Очаг в жилище у стен цитадели. Кармир-блур

Рис. 8. Жилище у стен цитадели. Кармир-блур

Рис. 10. Глиняный сосуд для приготовления пива (выс. 62 см). Кармир-блур. Государственный Эрмитаж

Рис. 13. Карас для вина с клинописью. Кладовая для вина № 25. Кармир-блур

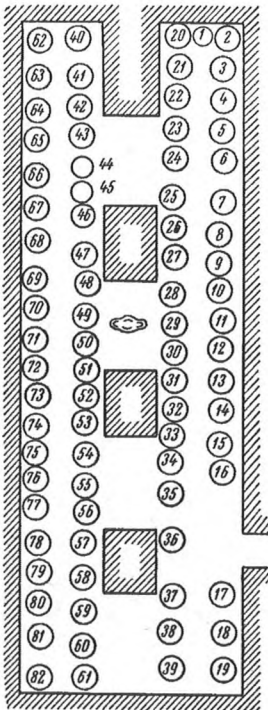

Рис. 11. Кладовая для вина (№ 25). План расположения карасов. Кармир-блур

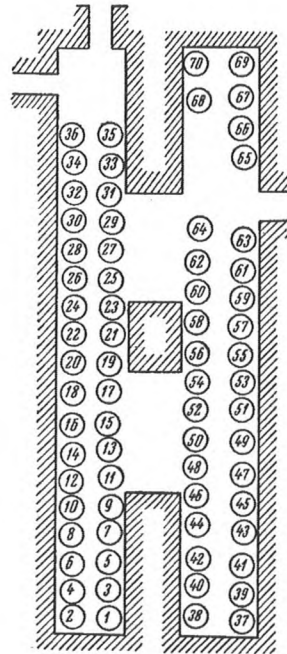

Рис. 12. Кладовая для вина (№ 28). План расположения карасов. Кармир-блур

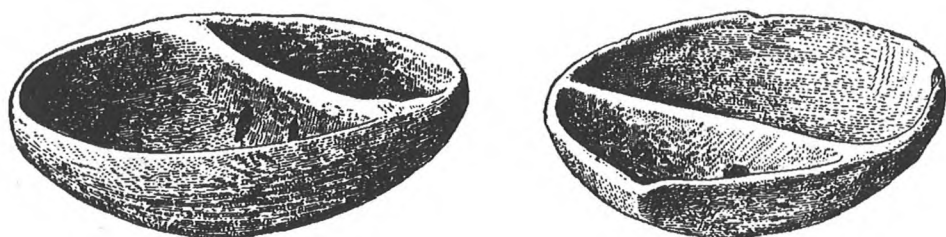

Рис. 14. Глиняные светильники (диам. 16 и 14 см). Кладовая для вина (№ 28). Кармир-блур

Рис. 15. Глиняная воронка для вина (выс. 27 см). Кладовая для вина № 28. Кармир-блур

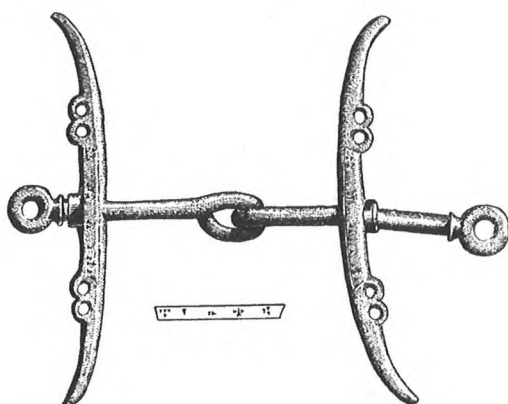

Рис. 16. Урартские бронзовые удила с надписью Менуа. Кармир-блур. Исторический музей Армении

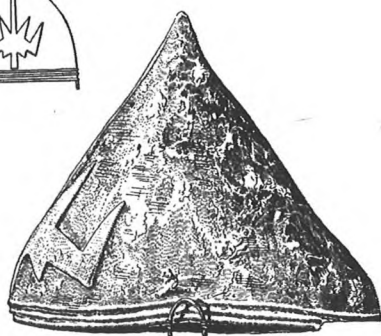
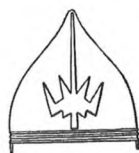

Рис. 19. Бронзовый шлем. Кармир-блур. Исторический музей Армении

Рис. 20. Бронзовый шлем. Кармир-блур. Исторический музей Армении

Рис. 18. Железный меч
(дл. 45 см). Кармир-блур.
Государственный Эрмитаж

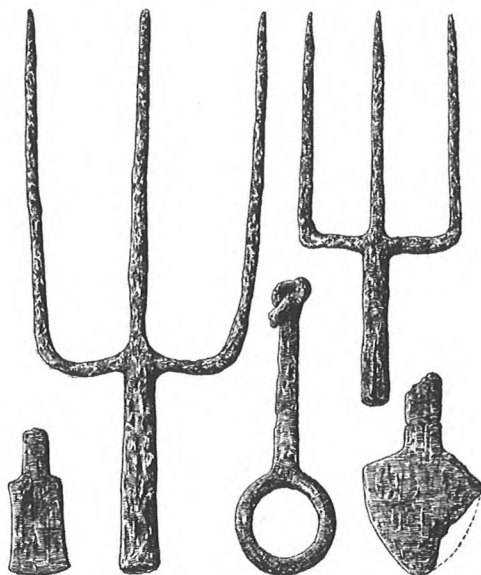

Рис. 17. Железные предметы. Кармир-блур. Вилы,
тесло, часть запора, лопата. Исторический музей
Армении

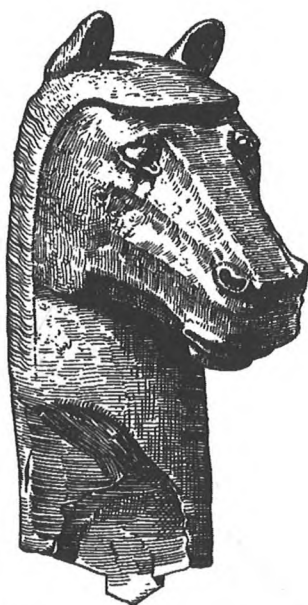
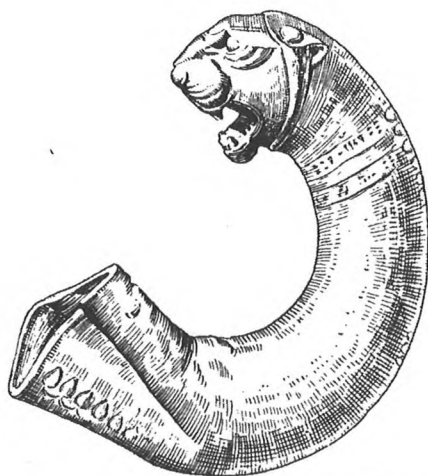

Рис. 21. Бронзовая голова коня. Навер-
шие дышла колесницы. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

Ի ԲԻՆԱՆԻ ԵՐԿՐԱՆԻ ԵՐ
ԵՐԿՐԱՆԻ ԵՐԿՐԱՆԻ ԵՐ

Рис. 22. Бронзовое украшение котла с
надписью Сардури II. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

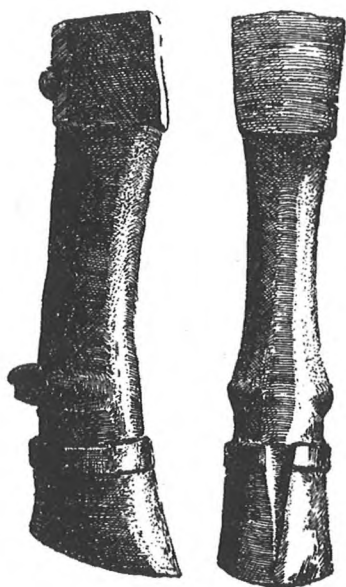

Рис. 23. Бронзовая ножка мебели.
Кармир-блур. *Исторический музей
Армении*

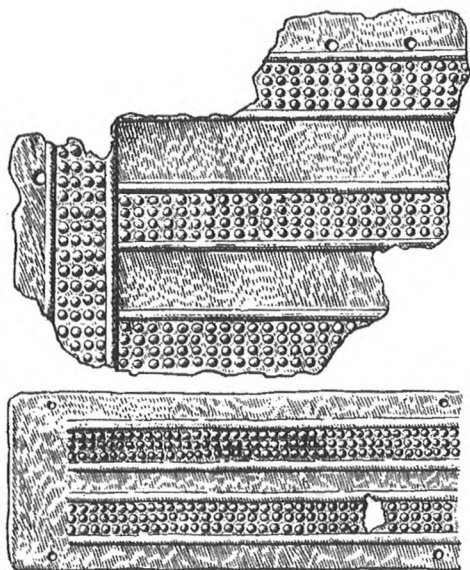

Рис. 24. Обломки бронзовых поясов.
Кармир-блур. *Исторический музей Арме-
нии*

Рис. 25. Сердоликовые бусы.
Кармир-блур. *Государственный
Эрмитаж*

Рис. 26. Глиняный кувшин.
Кармир-блур

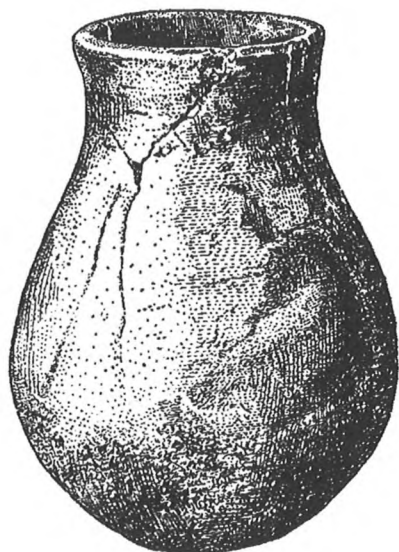

Рис. 27. Глиняный сосуд.
Кармир-блур

Рис. 28. Глиняный кубок.
Кармир-блур

Рис. 29. Глиняная курильница.
Кармир-блур

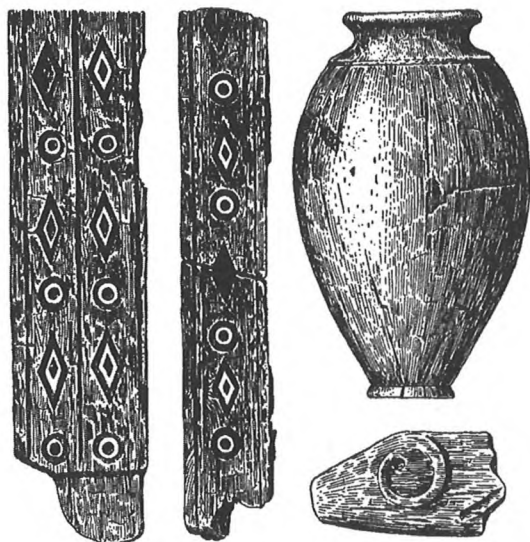

Рис. 30. Деревянные изделия.
Кармир-блур. Исторический музей
Армении

Рис. 31. Железная пила (дл. 39 см). Кармир-блур. Исторический музей Армении

Рис. 32. Бог Халди. Изображение на бронзовом поясе. Кармир-блур. Исторический музей Армении

Рис. 33. Бог Тейшеба. Изображение на бронзовом поясе. Кармир-блур. Исторический музей Армении

Рис. 34. Бог Шивини. Изображение на бронзовом поясе. Кармир-блур. Исторический музей Армении

Рис. 35. Грифон. Изображение на бронзовом поясе. Кармир-блур. Исторический музей Армении

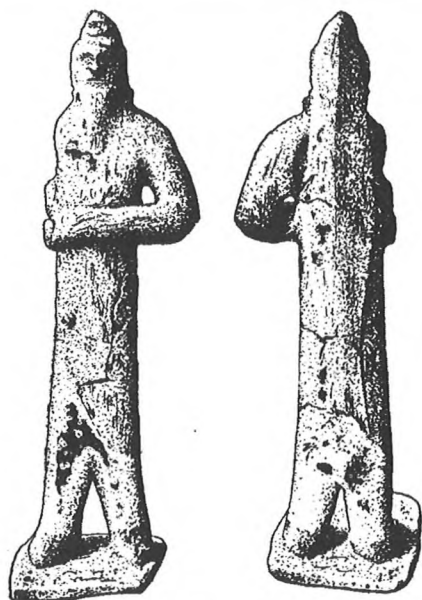

Рис. 36. Бог — рыба. Глиняная статуэтка со следами раскраски. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

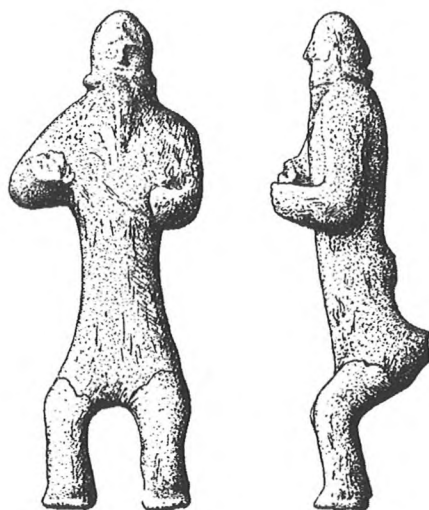

Рис. 37. Бог — скорпион. Глиняная статуэтка со следами раскраски.
Кармир-блур

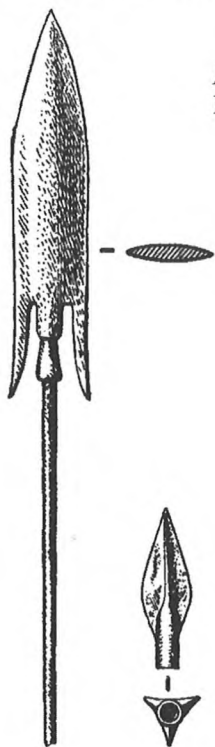

Рис. 38. Два типа наконечников стрел.
Кармир-блур

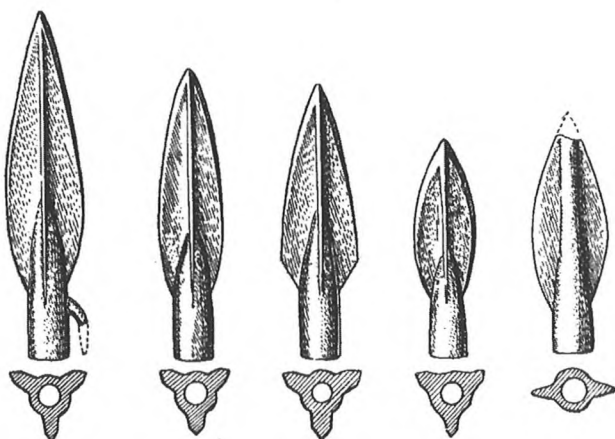

Рис. 39. Бронзовые наконечники стрел «скифского типа». Кармир-блур

Рис. 40. Обломок бронзового пояса
и пряжка из рога в виде головы барана.
Кармир-блур

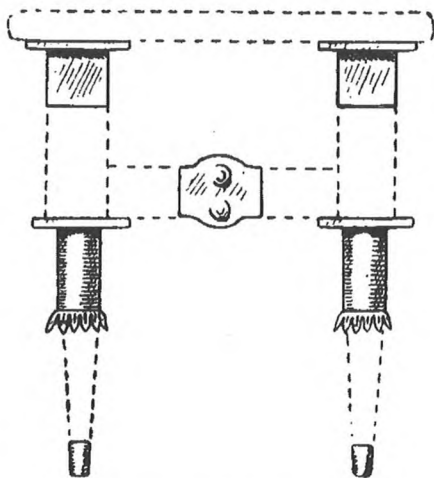

Рис. 41. Бронзовые части табурета.
Кармир-блур. Исторический музей
Армении

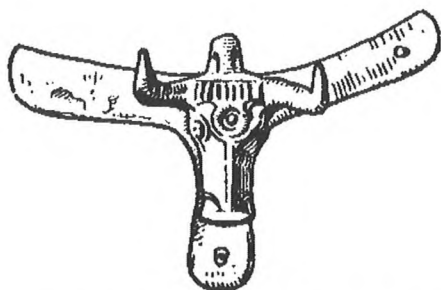

Рис. 42. Украшение бронзового ведерка. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

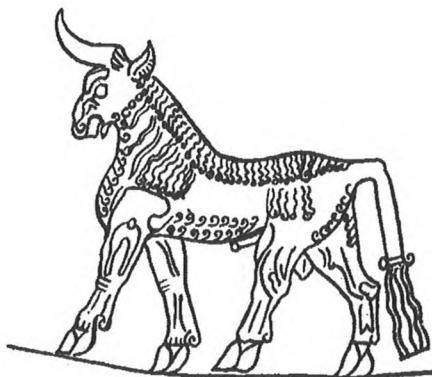

Рис. 45. Изображение льва и быка на щите Сардури II

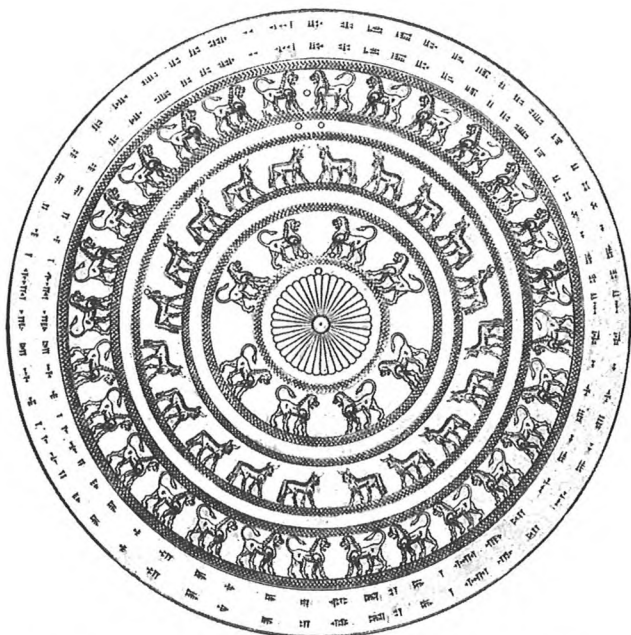

Рис. 43. Бронзовый щит Аргишти I. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

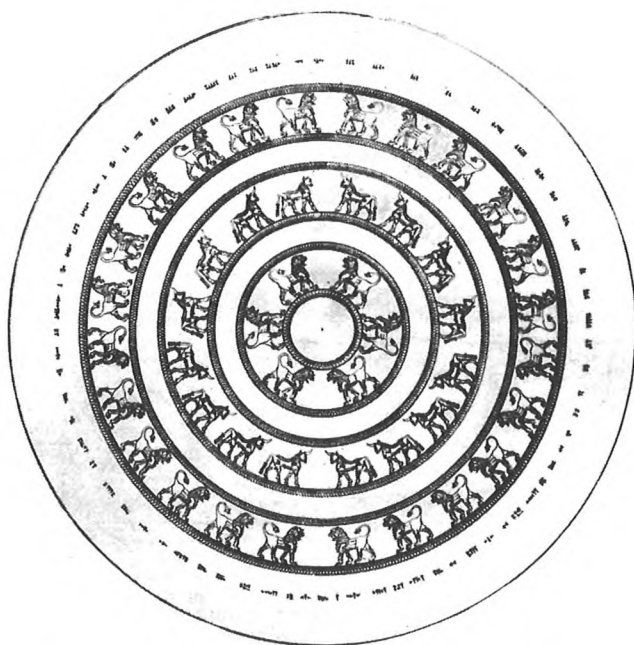

Рис. 44. Бронзовый щит Сардури II. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

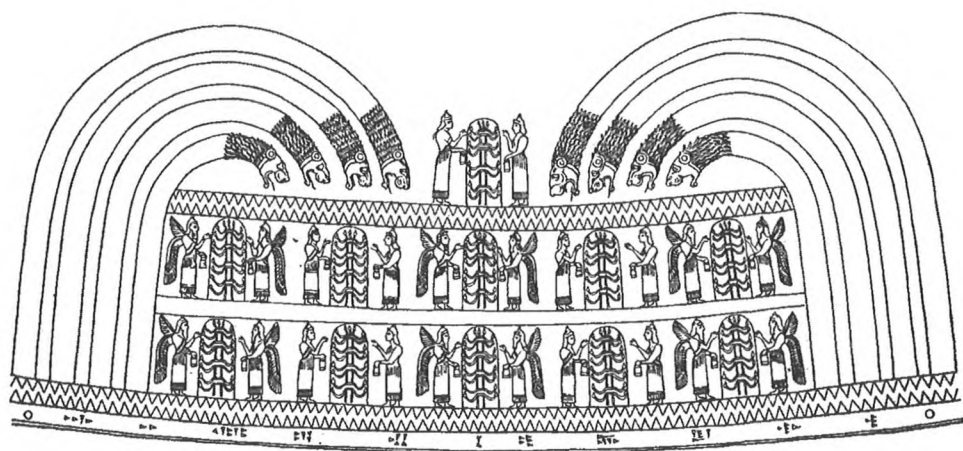

Рис. 46. Изображение на бронзовом шлеме Сардури II.
Исторический музей Армении

Рис. 47. Бронзовый пояс. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

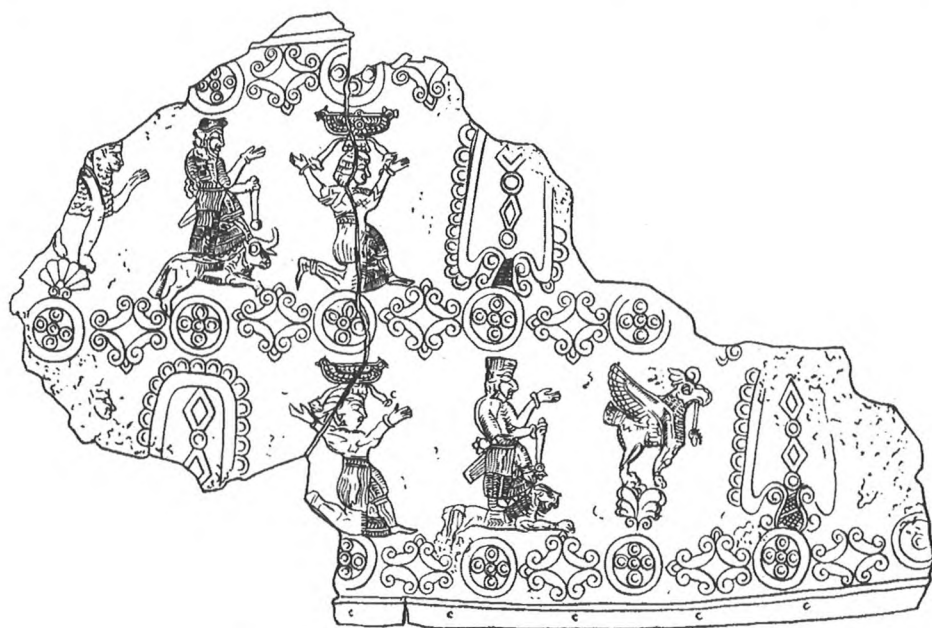

Рис. 48. Часть бронзового пояса. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

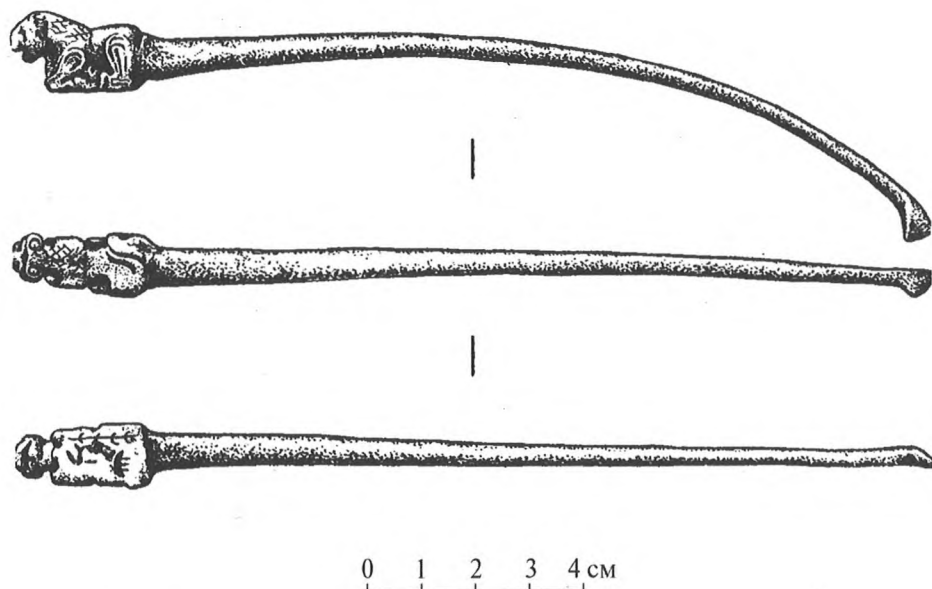

Рис. 50. Серебряная гривна (фигурка льва позолочена). Кармир-блур.
Исторический музей Армении

Рис. 49. Серебряные медальоны. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

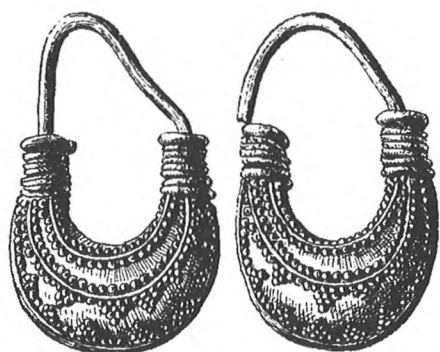

Рис. 52. Золотые серьги. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

Рис. 53. Изделия из кости. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

Рис. 54. Башенка. Резьба по кости.
Кармир-блур. Исторический музей Армении

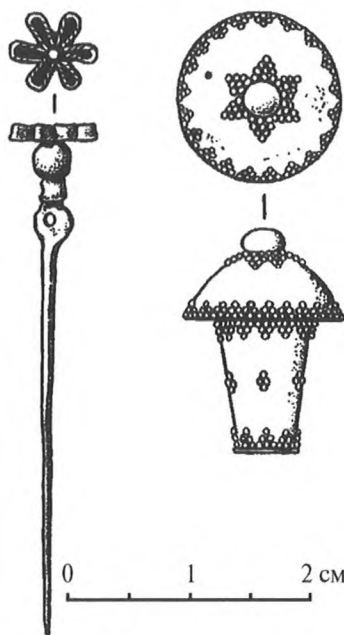
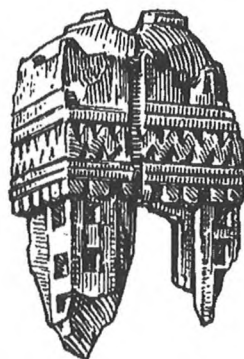
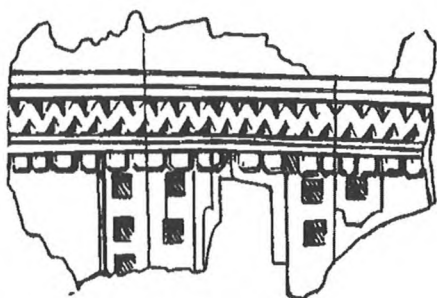

Рис. 51. Золотые изделия. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

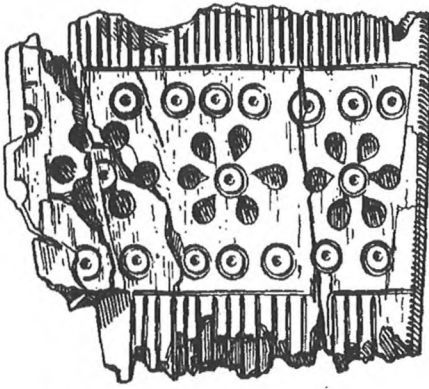

Рис. 55. Костяной гребень. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

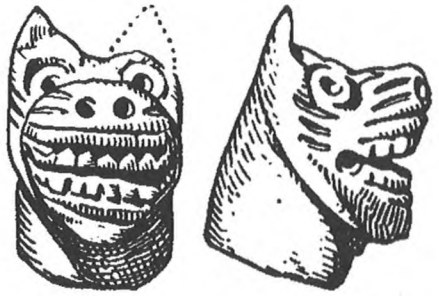

Рис. 56. Головка собаки из рога. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

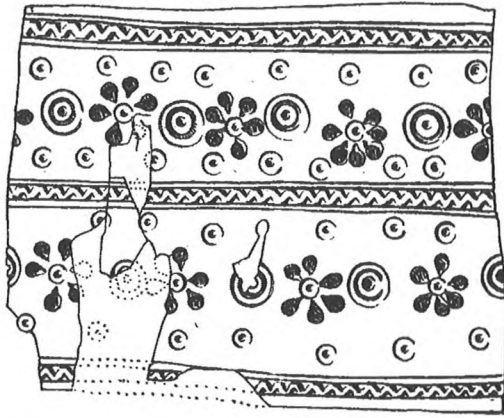

Рис. 57. Костяная баночка. Кармир-блур. Исторический музей Армении

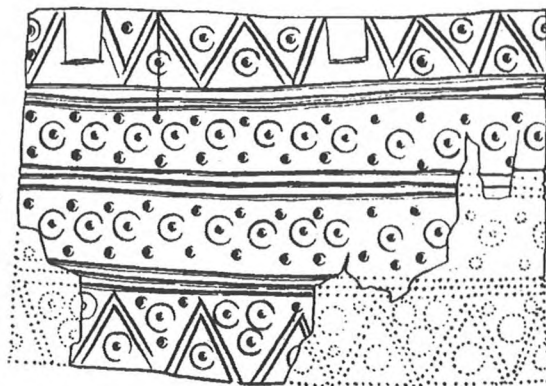

Рис. 58. Костяная баночка. Кармир-блур. Исторический музей Армении

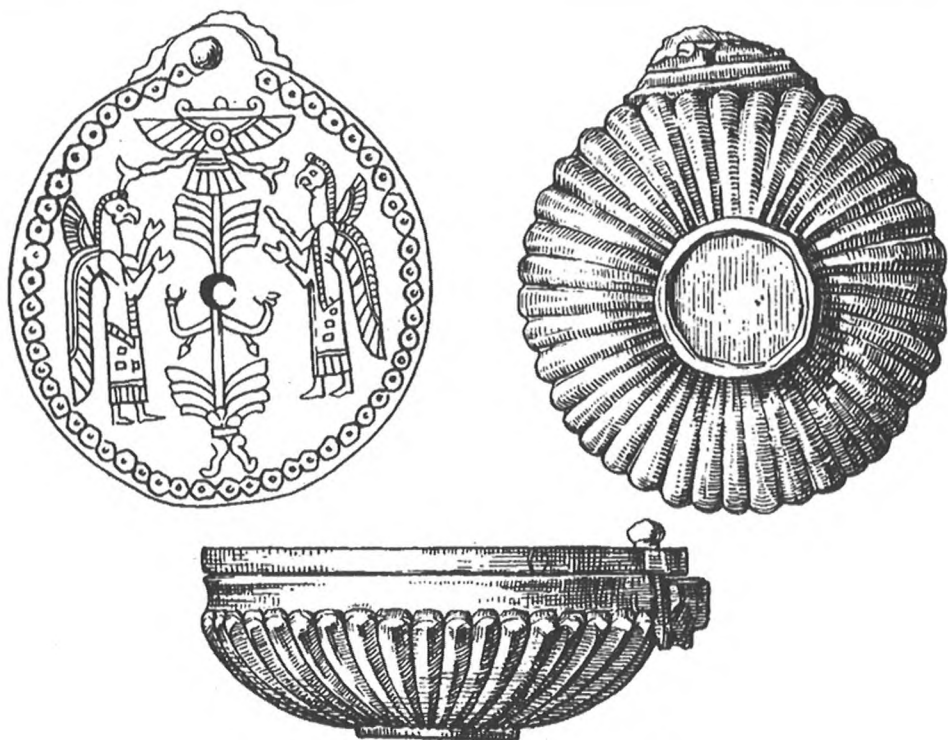

Рис. 59. Каменная шкатулка. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

Рис. 60. Каменная шкатулка. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

Рис. 62. Каменные урартские печати. Кармир-блур. Исторический музей Армении

Рис. 63. Каменная печать. Кармир-блур. Исторический музей Армении

Рис. 61. Каменный амулет. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

Рис. 64. Каменная печать. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

Рис. 65. Глиняный сосуд. Кармир-блур. Исторический музей Армении

Рис. 67. Урартские печати в виде бычков. Кармир-блур. Исторический музей Армении

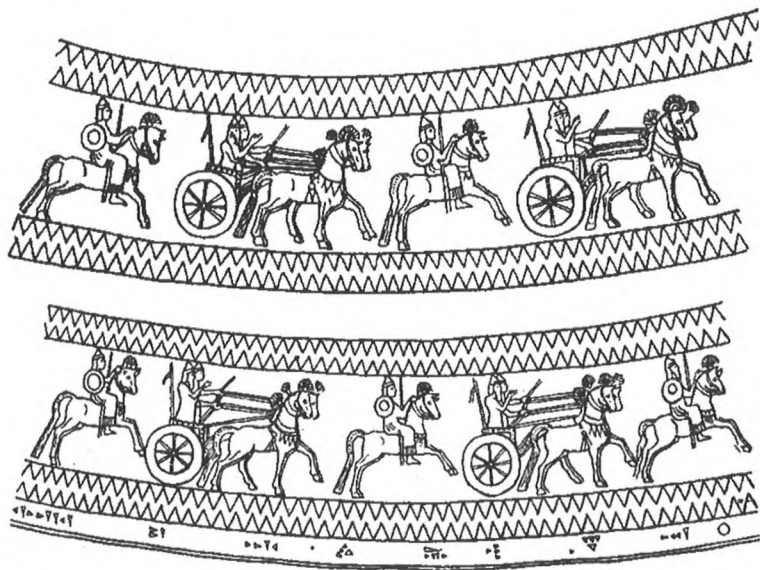

Рис. 66. Изображение на бронзовом шлеме Сардури II. Исторический музей Армении

Рис. 71. Железный топор. Топрах-кале. Берлинский музей

Рис. 72. Урартская колесница. Оттиски печати. Топрах-кале

Рис. 68. Стены «канала Шамирам». Клинопись у северо-западного угла оврага около сел. Катепанц

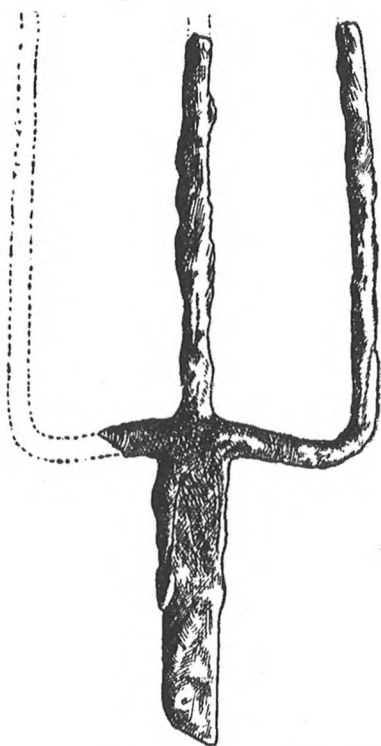

Рис. 69. Железные вилы. Топрах-кале. Берлинский музей

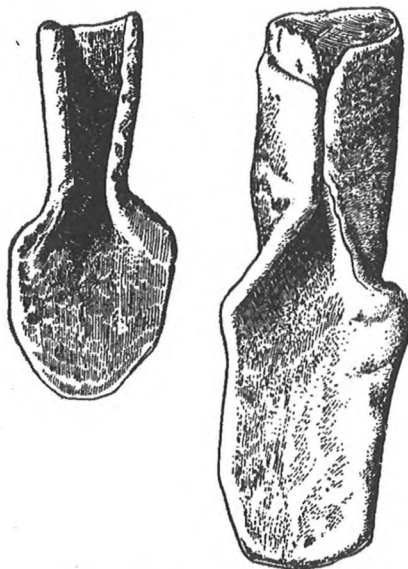

Рис. 70. Железные сошники. Топрах-кале. Берлинский музей

Рис. 73. Бронзовая фигурка крылатого быка (выс. 10,6 см). Часть трона. Топрах-кале. Государственный Эрмитаж

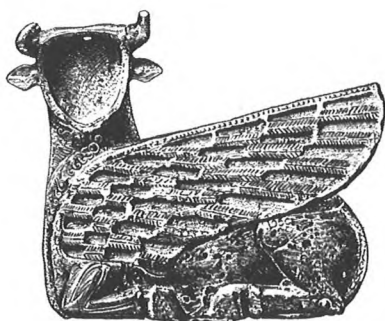

Рис. 74. Бронзовая фигурка крылатого быка (выс. 10,8 см). Часть трона. Топрах-кале. Британский музей

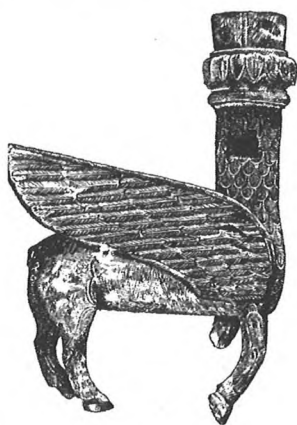

Рис. 75. Бронзовая фигурка крылатого быка (выс. 22,5 см). Часть трона. Топрах-кале. Из коллекции А. С. Уварова. Государственный Эрмитаж

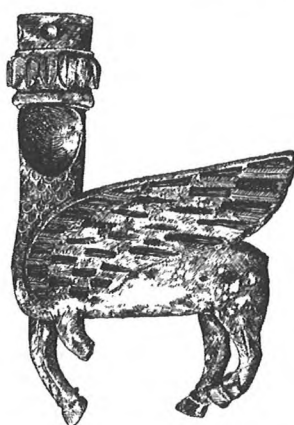

Рис. 77. Бронзовая фигурка крылатого льва с человеческим торсом (выс. 16 см). Лицо из белого камня с инкрустированными глазами. Часть трона. Топрах-кале. Государственный Эрмитаж

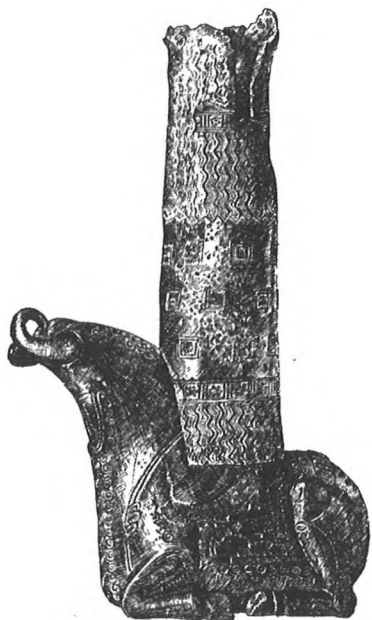

Рис. 76. Бронзовая фигурка бога, стоящего на быке (выс. 23 см). Часть трона. Топрах-кале. Из коллекции А. С. Уварова. Государственный Эрмитаж

Рис. 81. Золотой медальон. Топрах-кале. Берлинский музей

Рис. 78. Бронзовый канделябр (реконструкция) (выс. 136,5 см). Топрах-кале. Гамбургский музей

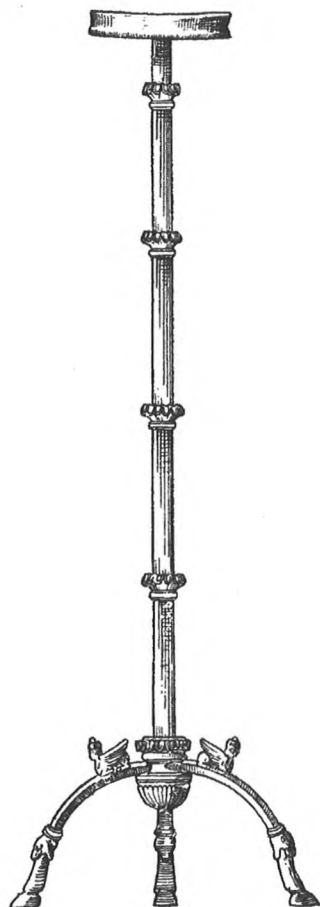

Рис. 79. Бронзовая головка быка. Украшение котла. Топрах-кале. Британский музей

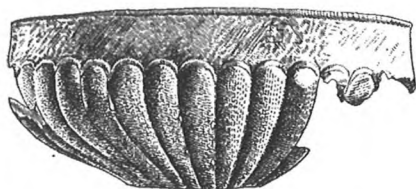

Рис. 80. Бронзовая чаша с иероглифическими знаками. Топрах-кале. Берлинский музей

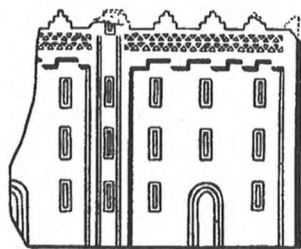

Рис. 84. Изображение здания и башни. Бронза (выс. башни 16,5 см; выс. пластины, изображающей здание, 30,5 см). Британский музей

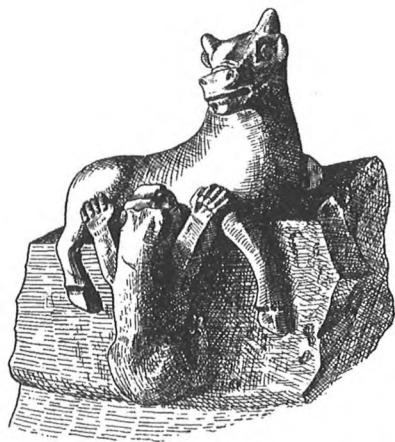

Рис. 82. Хищник, нападающий на быка. Фигурка на борту караса. Глина

Рис. 83. Голова хищника. Часть глиняного сосуда. Топрах-кале

Рис. 85. Богиня Арубани. Изображение на серебряной подвеске. Топрах-кале. Берлинский музей

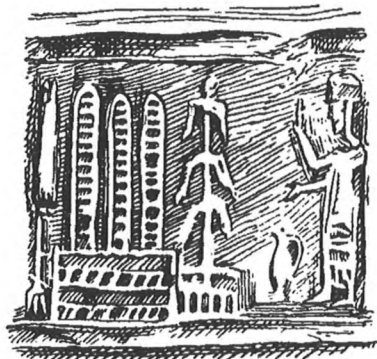

Рис. 86. Поклонение дереву и стелам. Оттиски печати. Топрах-кале

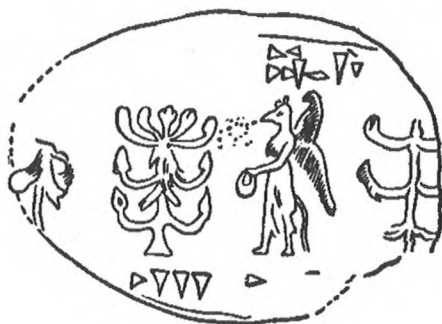

Рис. 87. Священное дерево.
Оттиск печати. Топрах-кале

Рис. 88. Оттиск печати. Топрах-кале

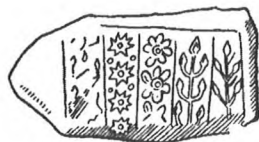

Рис. 89. Оттиски печатей. Топрах-кале

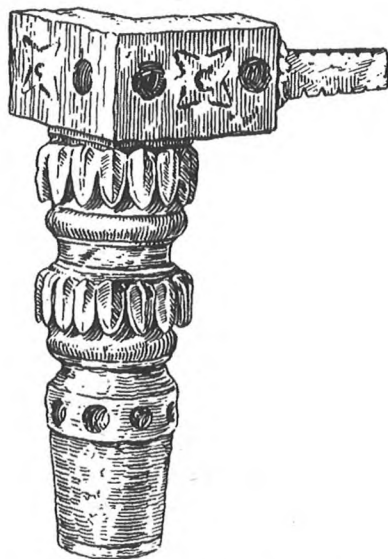

Рис. 90. Бронзовая ножка трона.
Британский музей

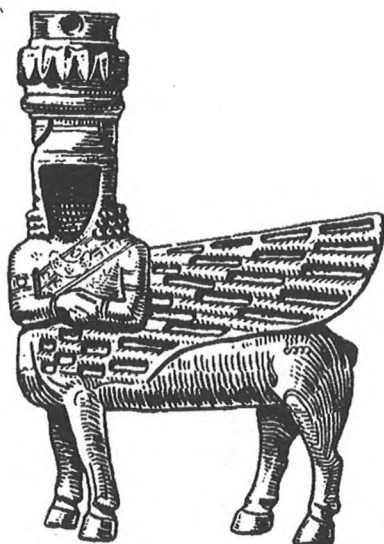

Рис. 91. Бронзовая часть трона.
Британский музей

Рис. 92. Бронзовая часть трона.
Британский музей

Рис. 93. Бронзовая часть трона.
Берлинский музей

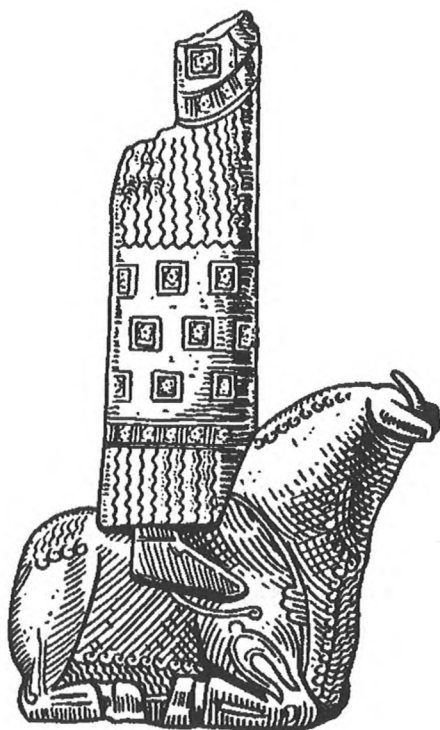

Рис. 94. Бронзовая часть трона.
Британский музей

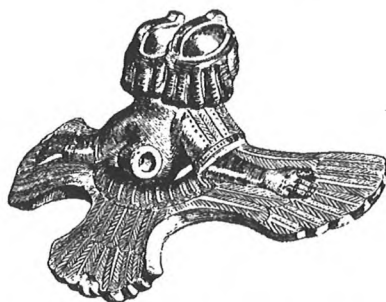

Рис. 95. Бронзовая часть котла.
Коллекция Вогэ, Париж

Рис. 98. Золотой медальон.
Топрах-кале, Берлинский музей

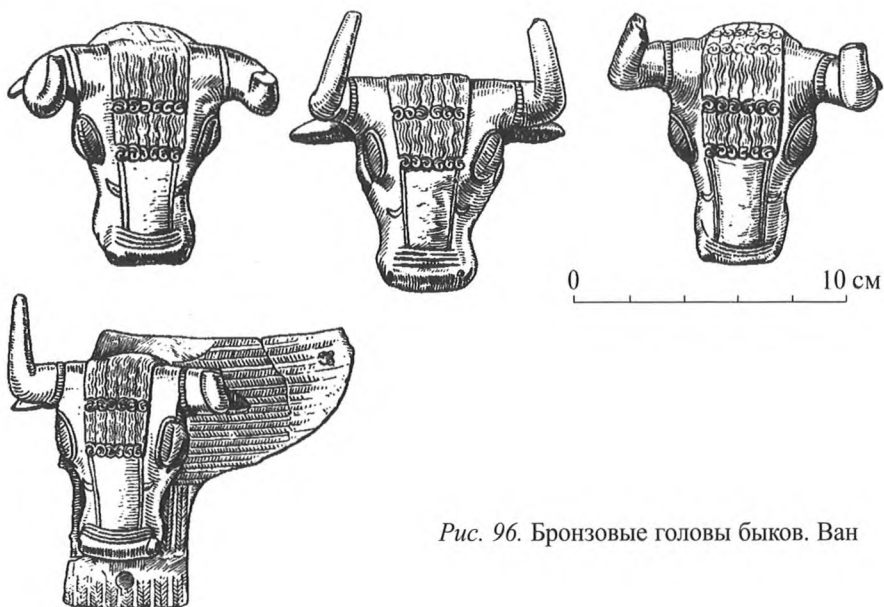

Рис. 96. Бронзовые головы быков. Ван

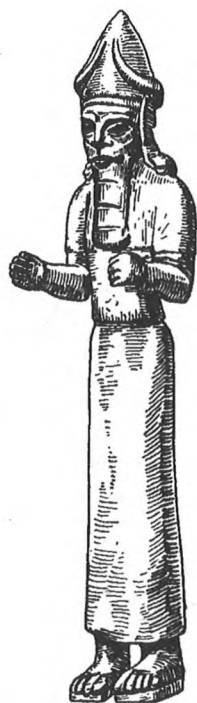

Рис. 97. Бронзовая статуэтка бога.
Британский музей

Рис. 99. Бог Тейшеба. Рельеф из
Адилджеваза (реконструкция)

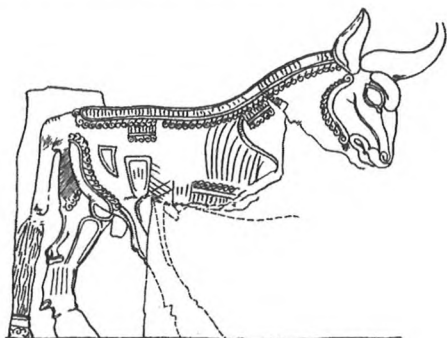

Рис. 100. Изображение быка.
Рельеф из Адильджеваза

Рис. 102. Часть мраморного фриз.
Топрах-кале

Рис. 104. Обломок каменной шкатулки.
Топрах-кале. Берлинский музей

Рис. 101. Часть мраморного фриз.
Топрах-кале. Государственный
Эрмитаж

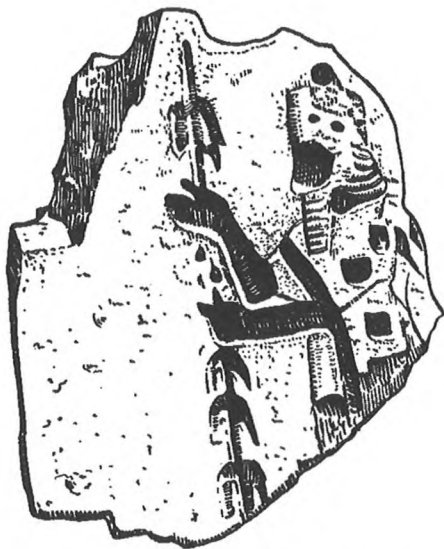

Рис. 103. Рельеф с углублениями
для инкрустации. Топрах-кале.
Берлинский музей

Рис. 105. Изображение на золотой чаше. Келермес. Государственный Эрмитаж

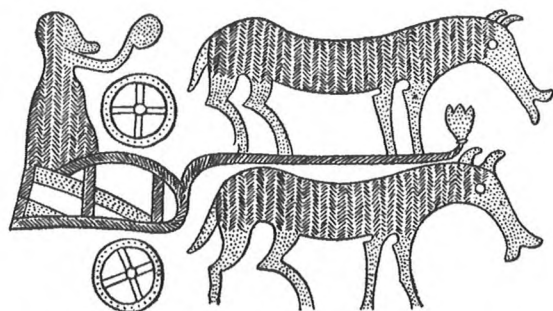

Рис. 106. Колесница. Изображение на бронзовом поясе из могильника в Ахтала

Рис. 107. Конский убор. Рельеф Ашурнасиры

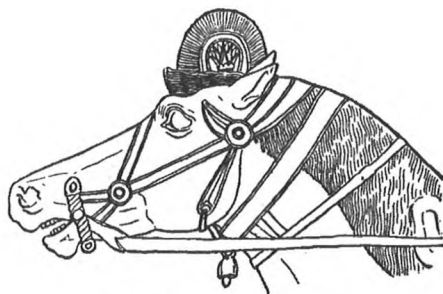

Рис. 108. Конский убор. Рельеф Ашурбанипала

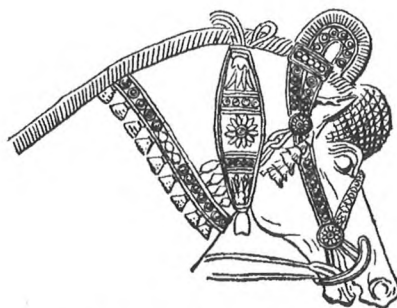

Рис. 109. Конский убор. Рельеф Ашурбанипала

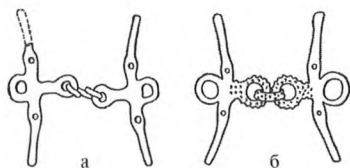

Рис. 110: а, б — ассирийские бронзовые удила. Калху

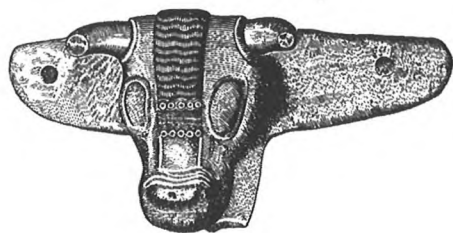

Рис. 116. Бронзовая головка быка. Украшение котла. Из гробницы у поста Алишар. Государственный Эрмитаж

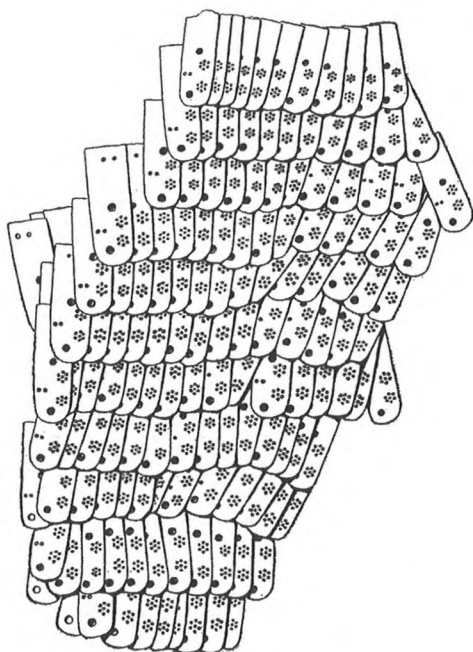
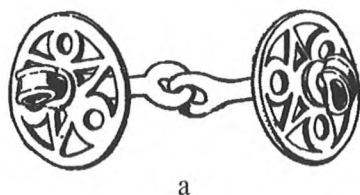
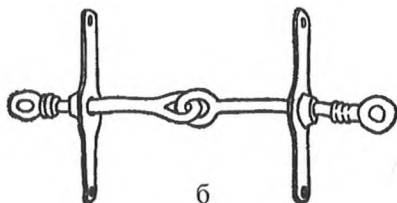

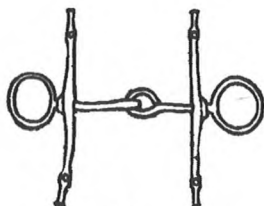
Рис. 112. Бронзовый пластинчатый панцирь. На относящейся к нему пуговице надпись Аргишти I

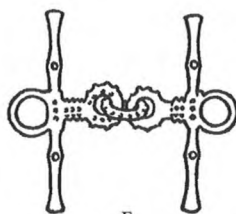
а

б

в

г

Рис. 113. Различные типы удил из Закавказья: а — Квемо-Сасирети (Грузия); б — Севанский р-н (Армения); в — Нагорный Карабах (Азербайджан); г — Северная Армения. Государственный музей Грузии, Исторический музей Армении, Государственный Эрмитаж

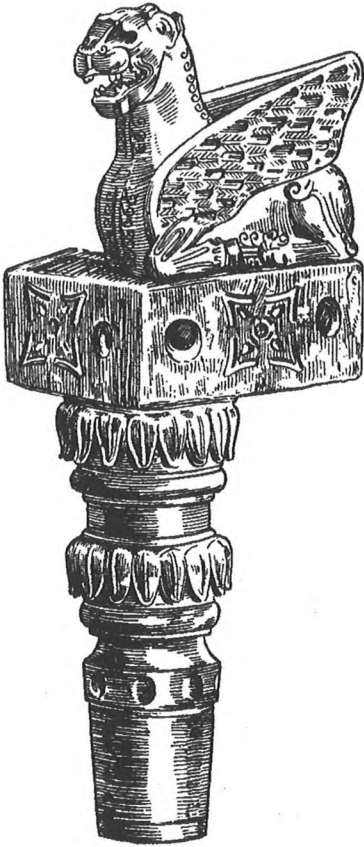

Рис. 113. Бронзовая ножка трона.
Из коллекции Вогюэ в Лувре

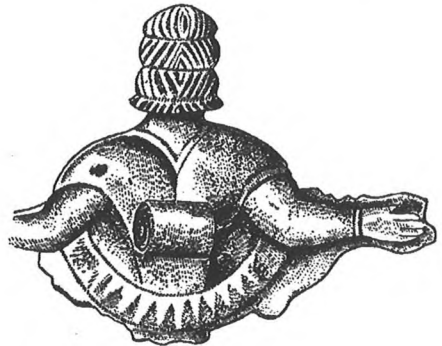
Рис. 114. Бронзовая фигура птицы с человеческим торсом. Украшение котла. Из гробницы у поста Алишар. Государственный Эрмитаж

Рис. 117. Бронзовая фигурка богини
(выс. 12 см). Крепость Дарабей около Вана.
Исторический музей Армении

Рис. 115. Бронзовая фигура птицы с человеческим торсом.
Украшение котла. Найдена в Афинах

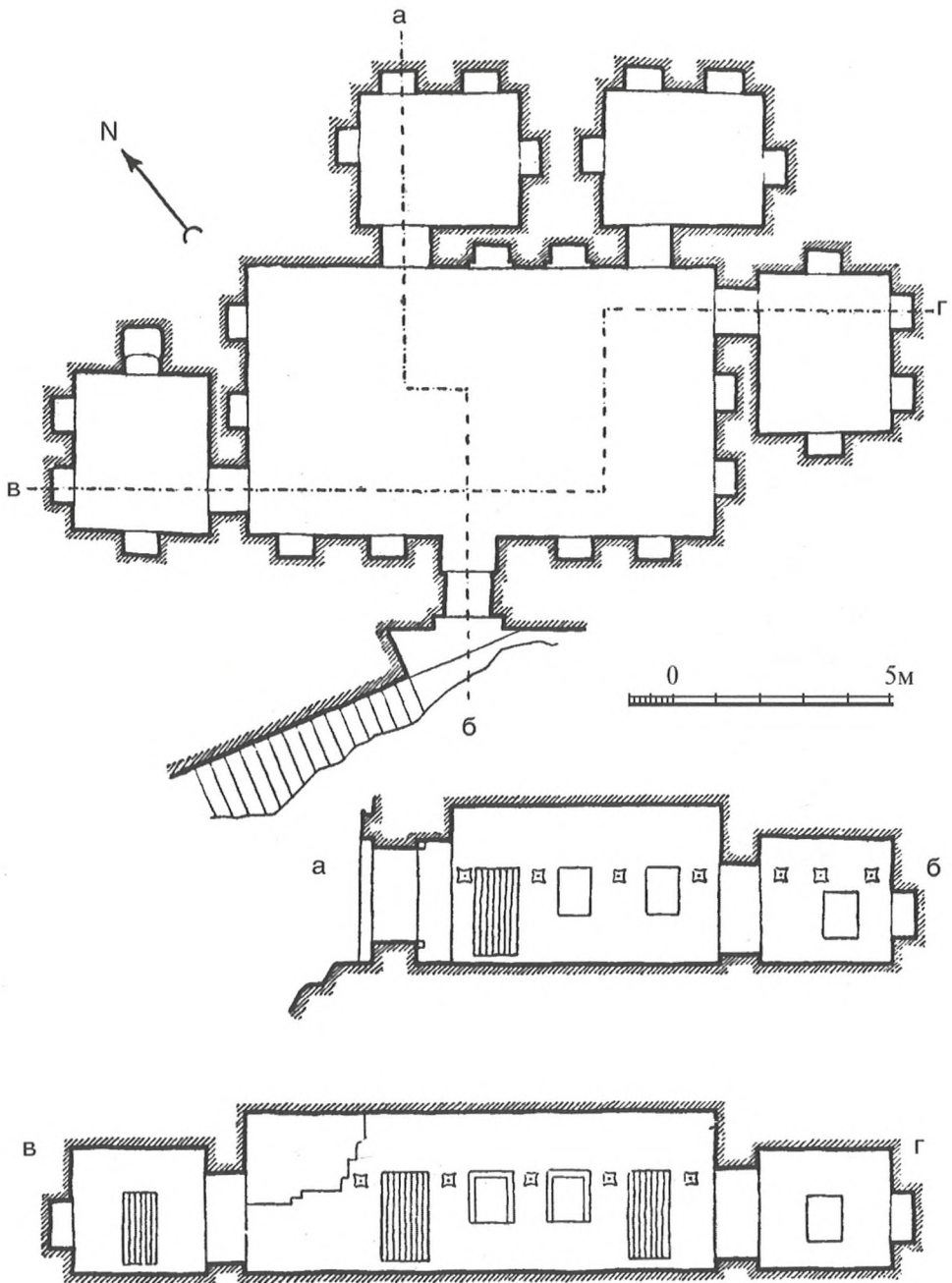

Рис. 119. Большая Хорхорская пещера. План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгиницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

Рис. 118. Рельеф у входа в пещеру около Баязета

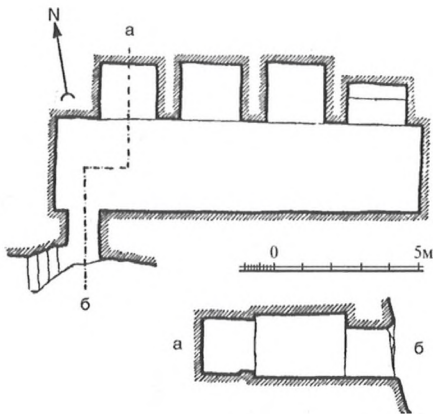

Рис. 120. Малая Хорхорская пещера. План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

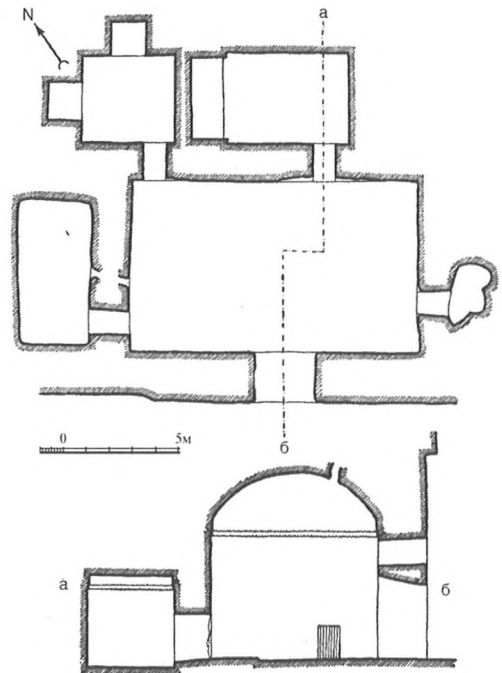

Рис. 121. Пещеры «Нафт-кую». План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

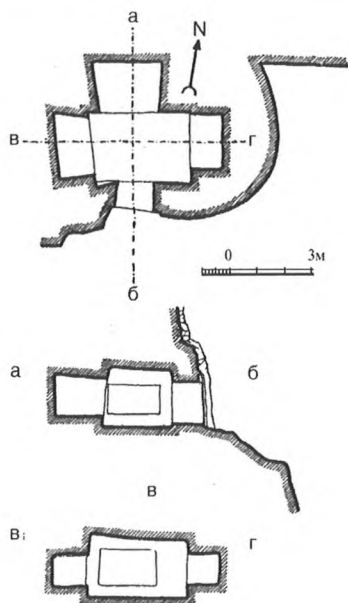

Рис. 122. Пещера под верхней площадкой Ванской скалы. План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

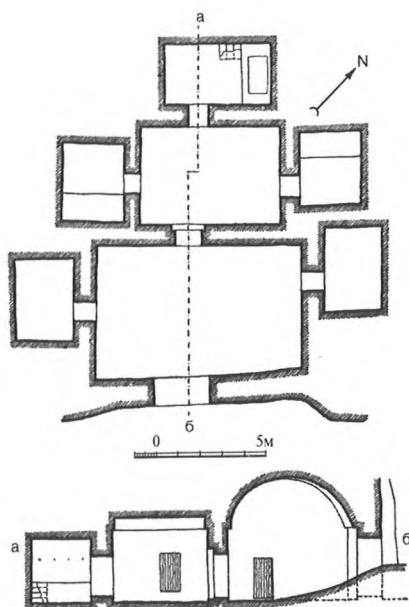

Рис. 123. Пещеры «Ичкала». План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

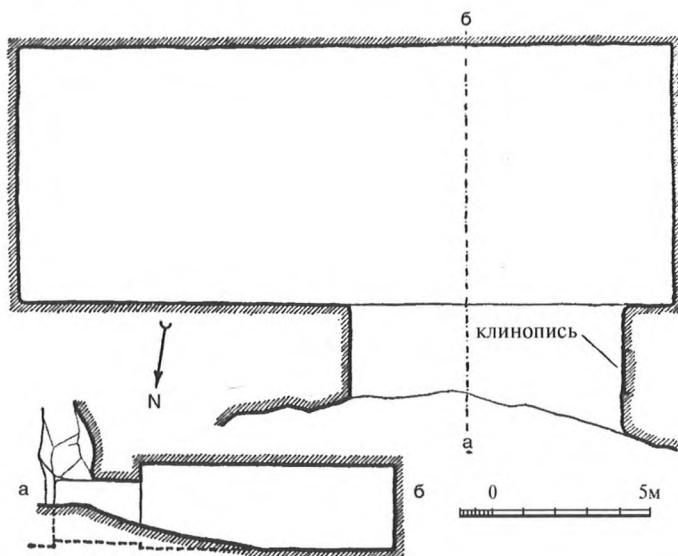

Рис. 125. Пещера на северном склоне Ванской скалы. План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

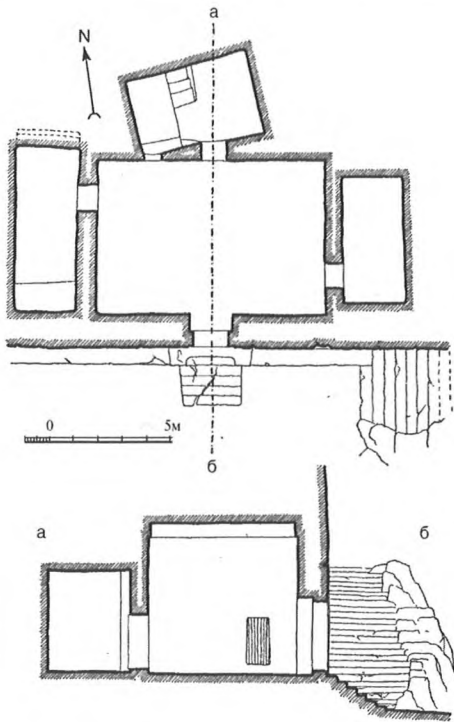

Рис. 124. «Большая пещера» на юго-восточной стороне Ванской скалы. План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

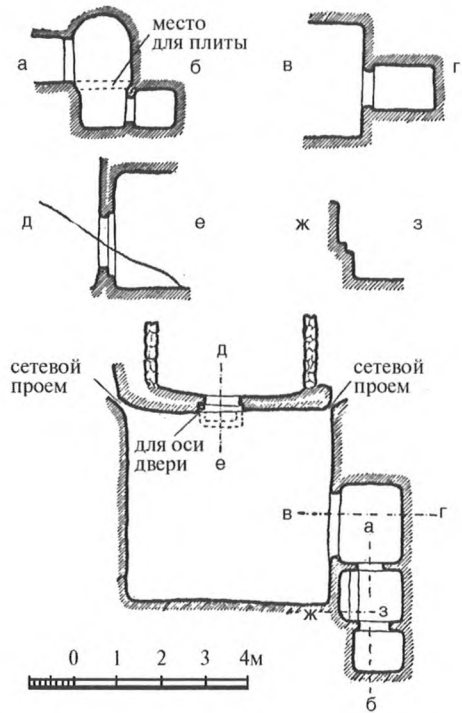

Рис. 126. Пещеры около арсенала. План и разрезы. (Известия Кавказского музея. XI. 1–2. Табл. I и II.)

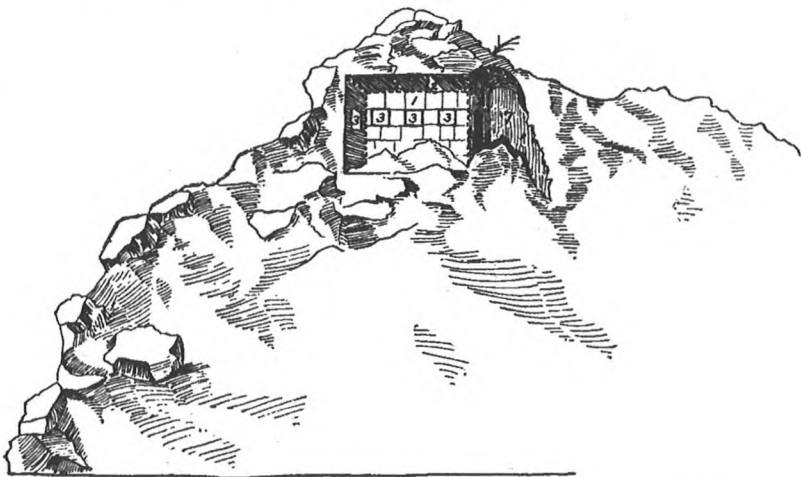

Рис. 127. Могила в скале у поста Алишар. (По рисунку в письме. Архив Государственного Эрмитажа. Опись I. 1858. № 62.)

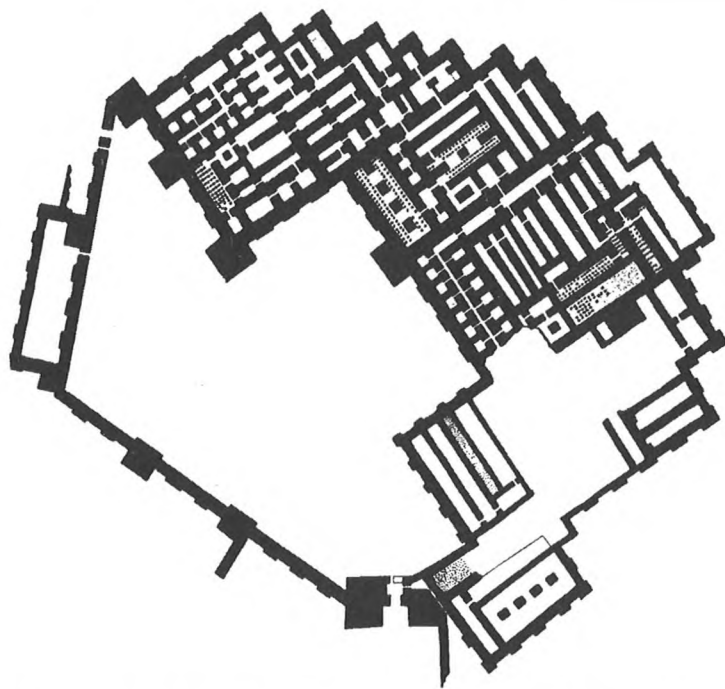

Рис. 128. План цитадели древнего города Тейшебаини (Кармир-блур)

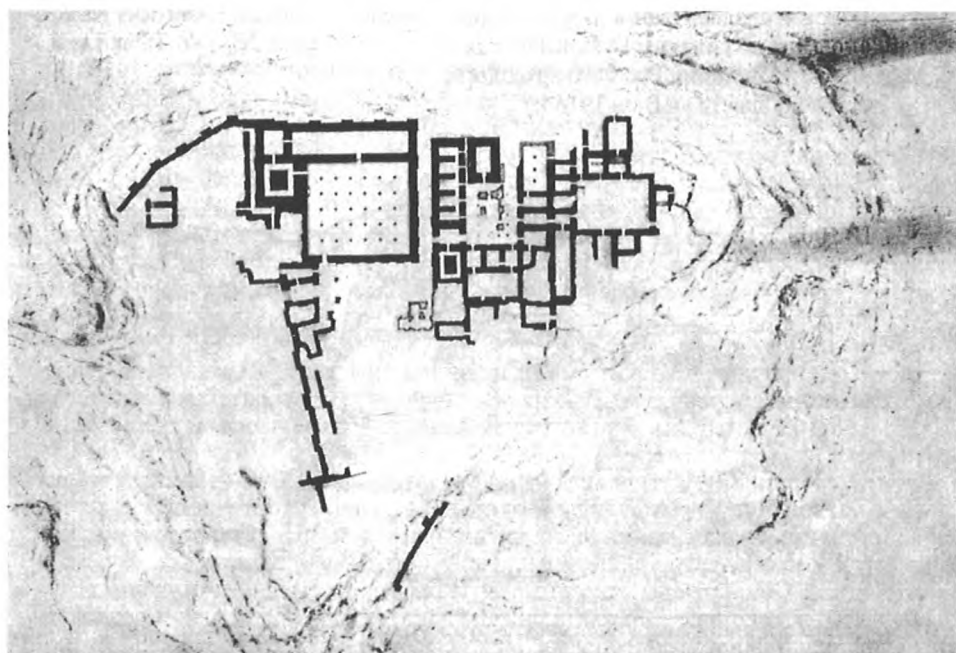

Рис. 129. План цитадели древнего города Эребуни (Арин-берд)

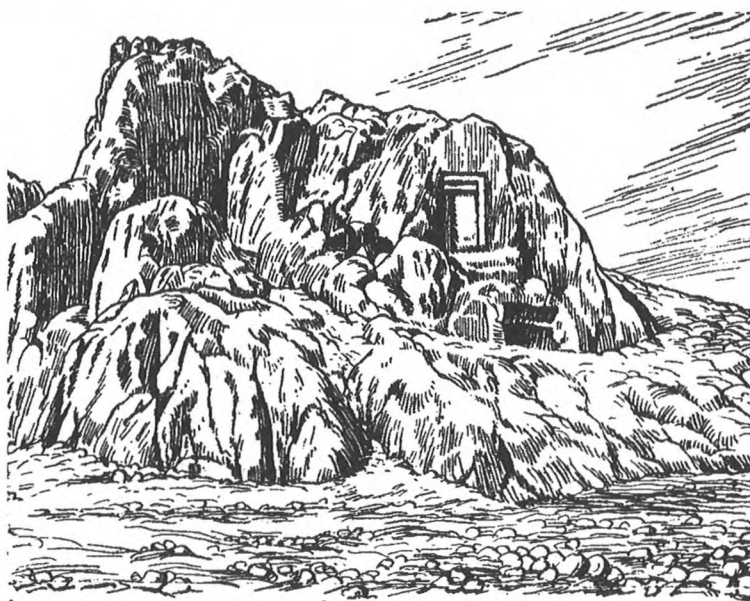

Рис. 130. «Дверь Мхера». Ниша с клинообразной надписью и пещера, высеченные в скале гряды Зымзымдаг около Вана

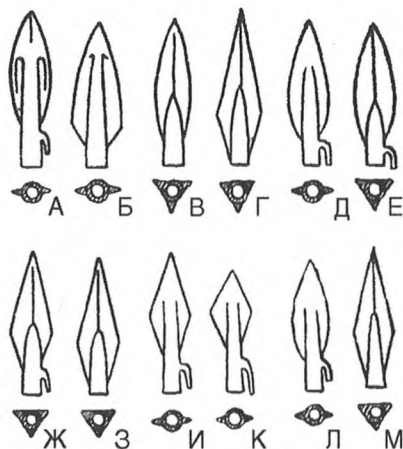

Рис. 131. Бронзовые наконечники стрел «скифского типа» из городов Передней Азии: а, б, в — Хайкаберд; г — Топрах-кале; д, е — Ашур; ж, з — Вавилон; и, к — Таре; л, м — Джераф

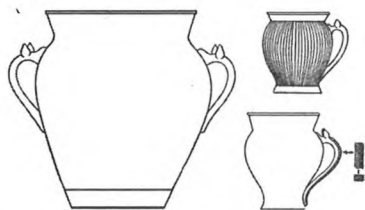

Рис. 132. Бронзовые сосуды из Лечхуми (Ладжобисдзир). Государственный музей Грузии

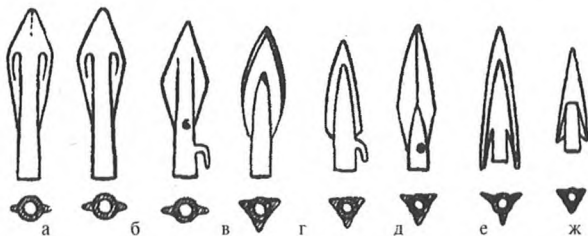

Рис. 133. Бронзовые наконечники стрел «скифского типа» из Закавказья: а — Самтавро; б, в, г — Мусиери; д, е — Махмуджуг; ж, з — Акнер

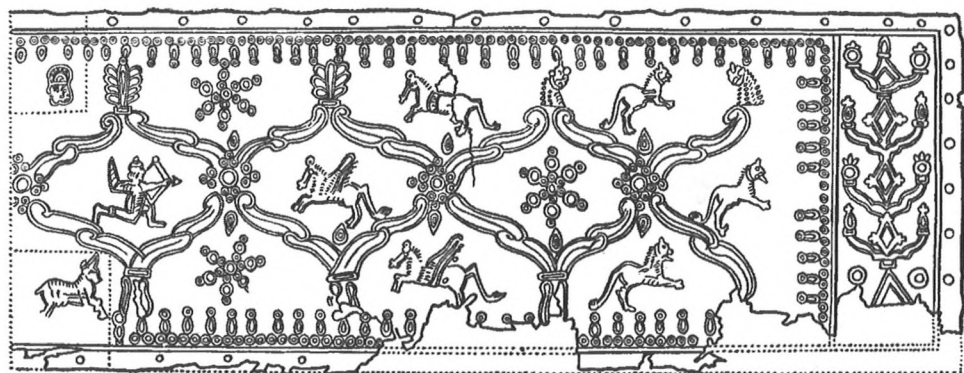

Рис. 134. Обломок бронзового пояса. Сел. Заким б. Карсской области.
Государственный Эрмитаж

Рис. 135. Обломки бронзового пояса из погребения, раскопанного у Ани-пемза.
Исторический музей Армении

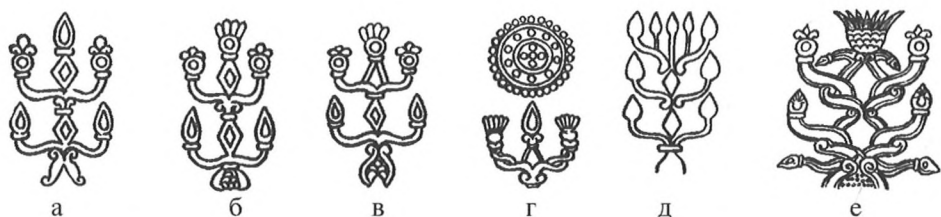

Рис. 136. Изображение священных деревьев: а-в — Келермесский и Литой курганы;
г — бронзовый пояс из Ширака (Исторический музей Армении); д — печать на
клинописной табличке, Кармир-блур; е — пектораль Саккызского клада

Рис. 137. Изображение борьбы зверей: а — костяная пластинка. Кармир-блур; б —
бронзовая бляшка из скифского могильника. Тамань; в — золотые ножны акинака.
Литой курган

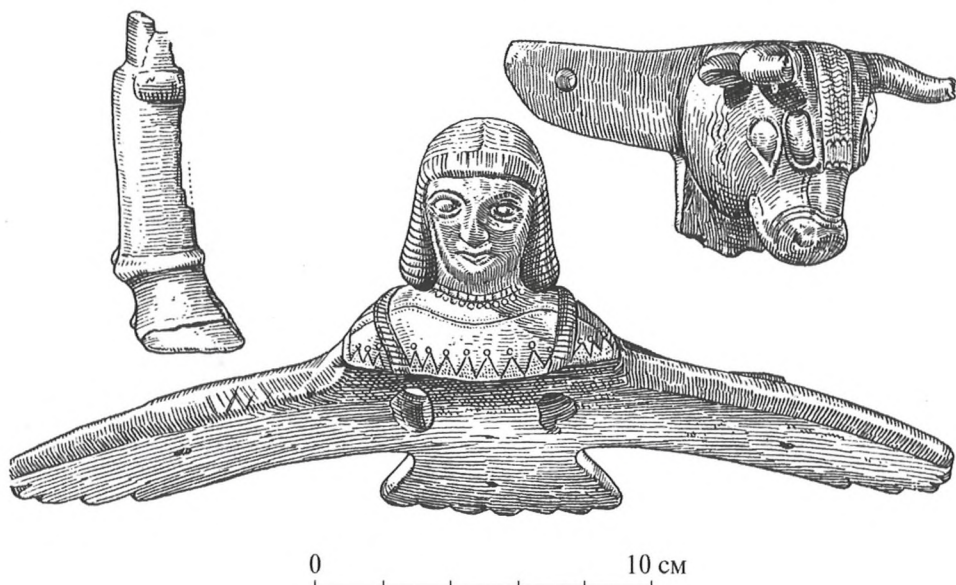

Рис. 138. Бронзовые украшения котлов и ножка подставки. Из гробницы у поста Алишар. Государственный Эрмитаж

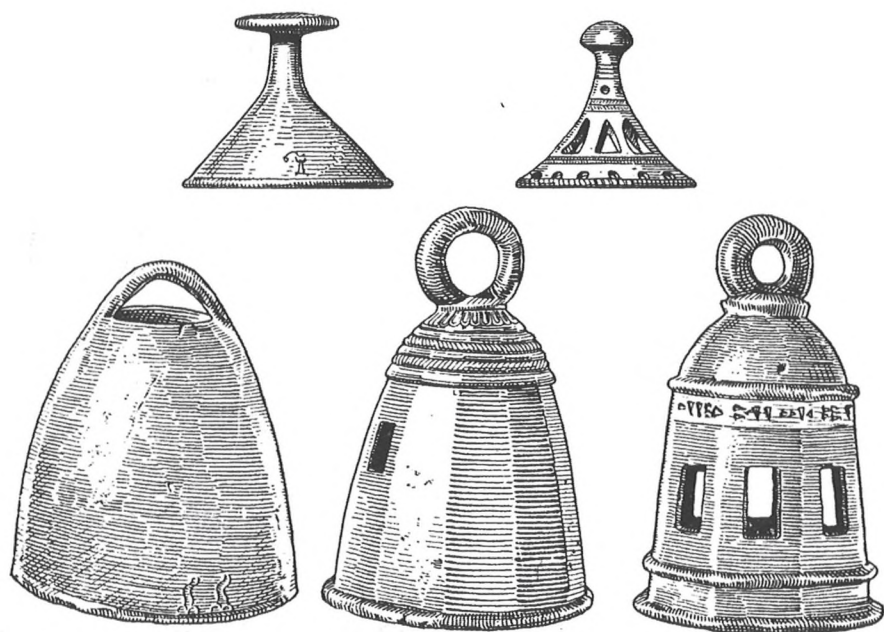

Рис. 139. Бронзовые предметы конского убора. Из гробницы у поста Алишар. Государственный Эрмитаж

Рис. 140. Бронзовое украшение котла.
Стамбул

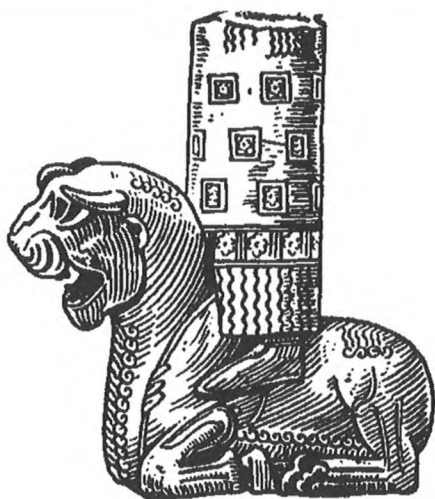

Рис. 147. Бронзовая часть трона.
Лувр

Рис. 141. Изображение урартских воинов:
а — Балаватские ворота (IX в. до н. э.), б —
бронзовый пояс (VIII в. до н. э.)

Рис. 142. Разграбление ассирийцами храма в Мусасире. Рельеф во дворце Саргона
(поход 714 г. до н. э.)

Рис. 143: а — урартские послы (рельеф во дворце Ашурбанипала); б — головной убор армена (рельеф Ксеркса)

Рис. 144. Сцена разграбления Мусасирского храма. Ассирийцы разбивают бронзовую статую (рельеф во дворце Саргона)

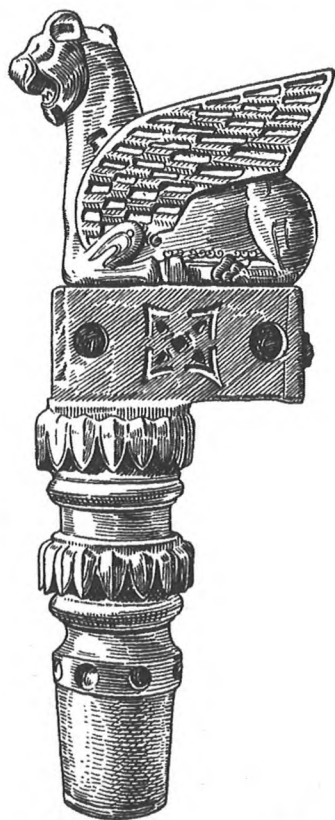

Рис. 145. Бронзовая ножка трона. Коллекция Вогэ. Париж

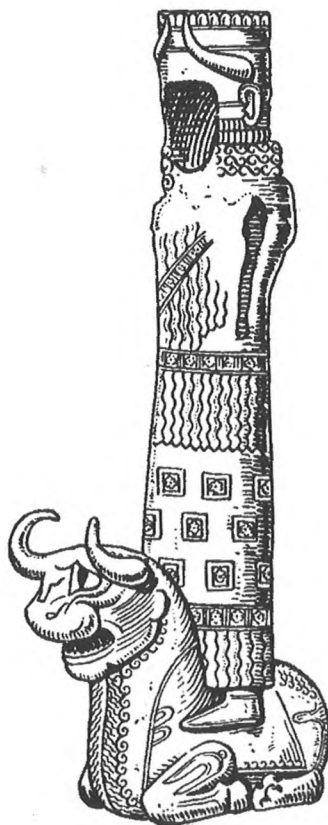

Рис. 146. Бронзовая часть трона. Коллекция Стоклэ. Брюссель

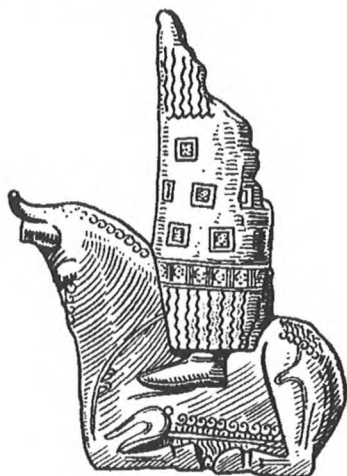

Рис. 148. Бронзовая часть трона.
Музей Метрополитен

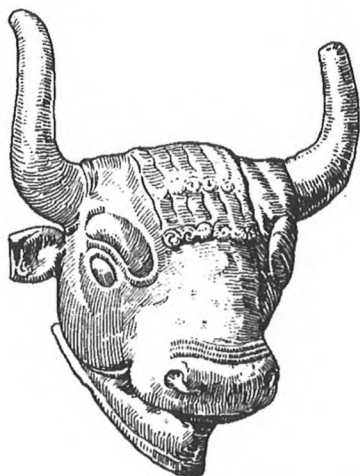

Рис. 150. Бронзовая голова быка.
Из гробницы у сел. Гущи

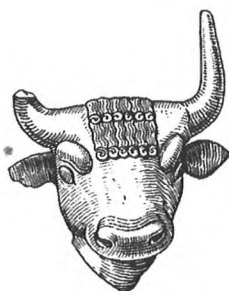
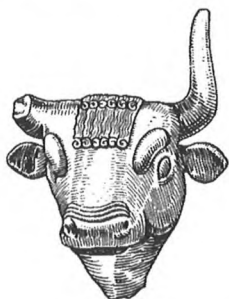

Рис. 149. Бронзовые головы быков. Из гробницы у сел. Гущи

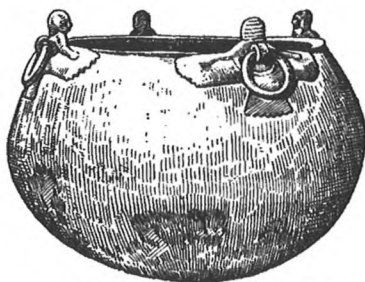
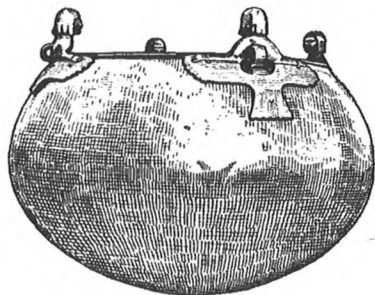

Рис. 152. Бронзовый котел. Гордион.
Музей в Анкаре

Рис. 153. Бронзовый котел. Гордион.
Музей в Анкаре

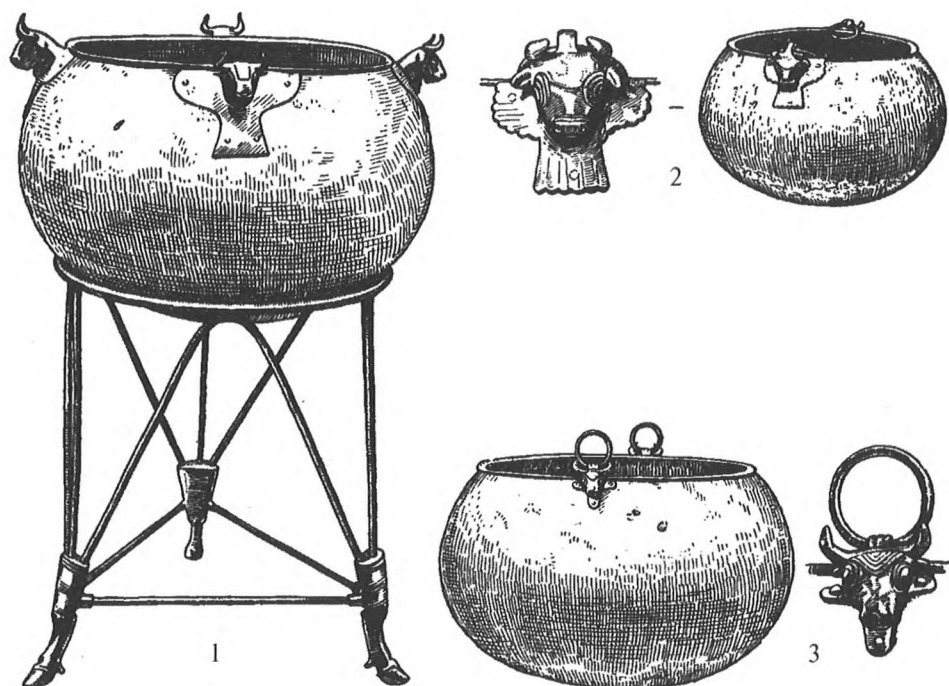

Рис. 151. Бронзовые котлы, украшенные головами быков:
1 — Алтын-тепе; 2 — Кумы; 3 — Гордион

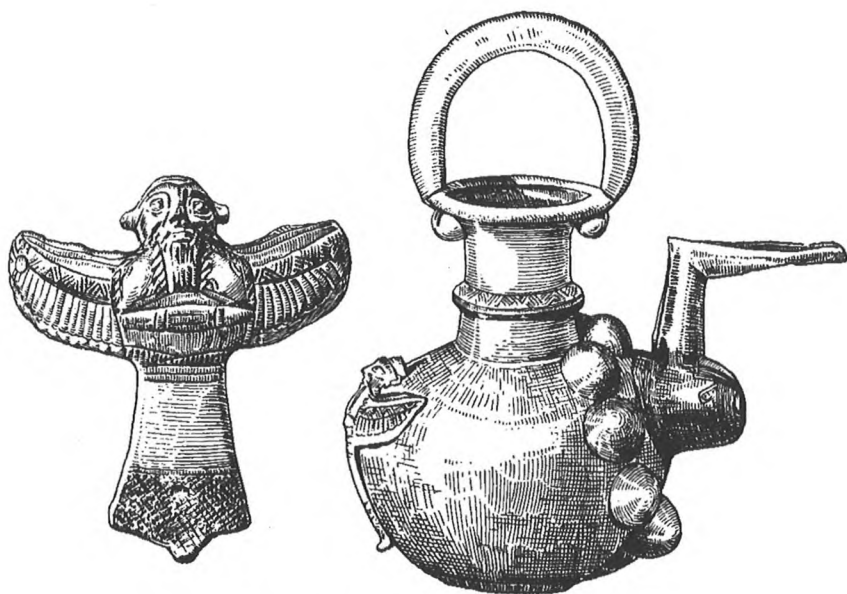

Рис. 154. Бронзовый сосуд из Луристана. Лувр

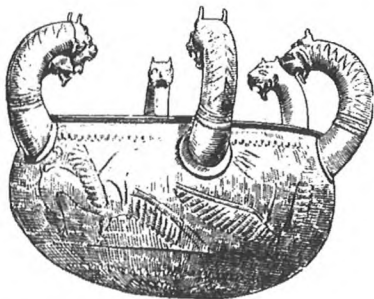

Рис. 155. Бронзовый котел из «Tomba Regolini-galassi»

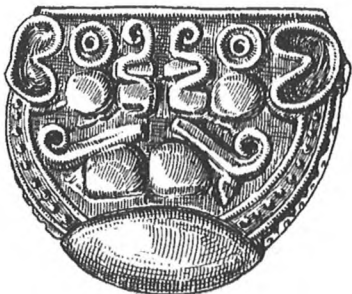

Рис. 157. Часть ножен акинака. Тегеранский музей

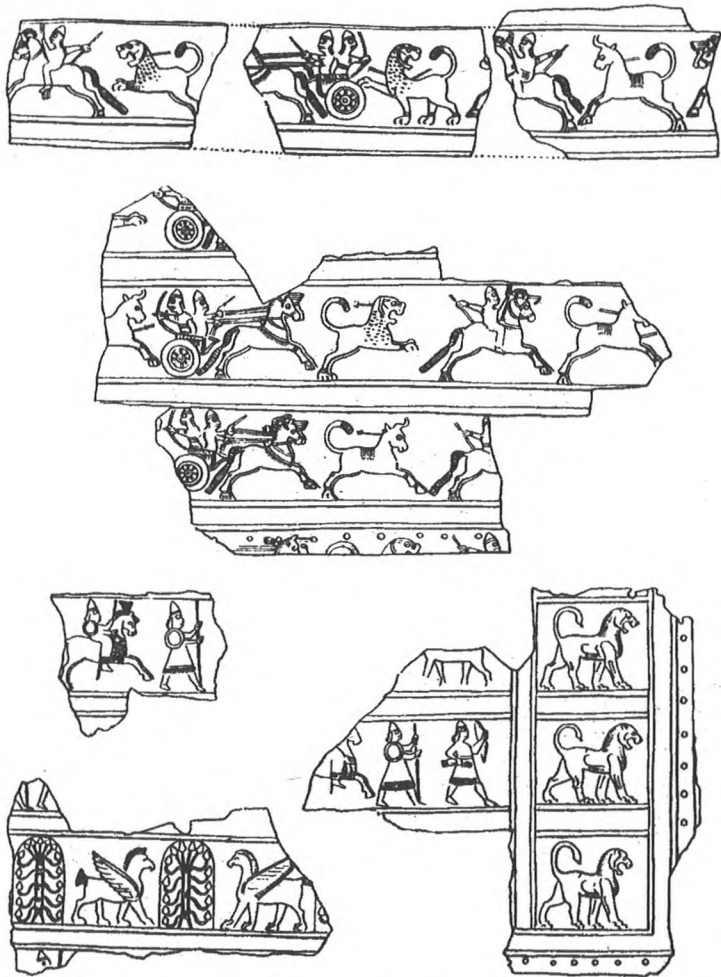

Рис. 156. Обломки бронзовых поясов. Могильник около Арин-берда. Исторический музей Армении

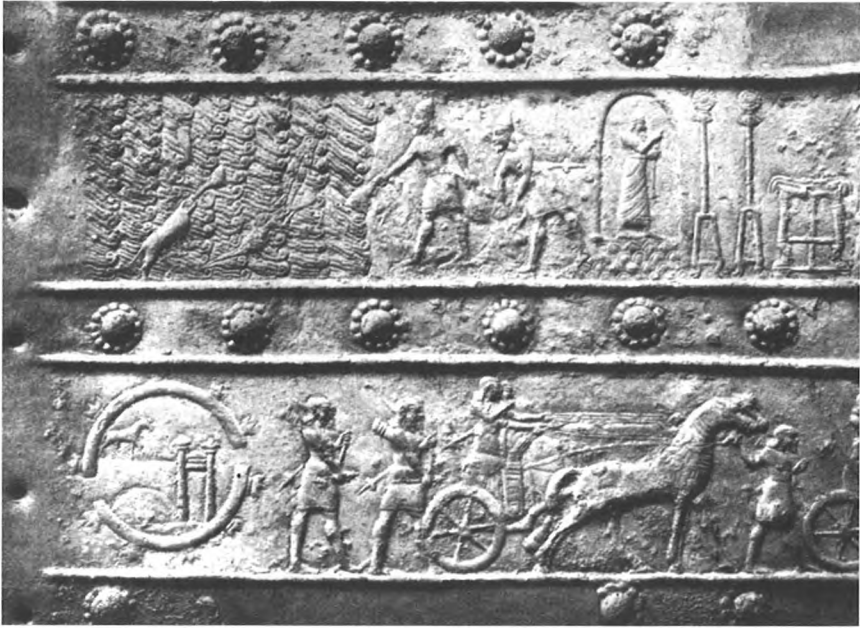

Рис. 158. Выступление ассирийского войска из лагеря и жертвоприношение Салманасара III на берегу оз. Ван. Бронзовая обивка ворот (шир. 27 см). Из развалин города Имгур-Бел на холме Балават. Британский музей. Надпись: «Изображение мое у моря страны Наири я поставил, жертвы богам моим я принес»

Рис. 159. Продолжение рельефа (см. табл. II)

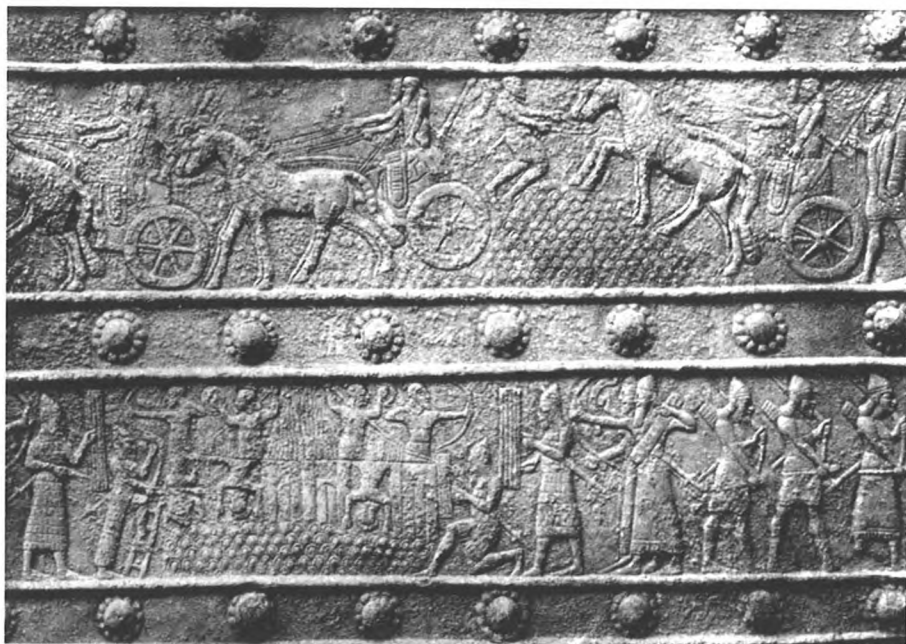

Рис. 160. Переход ассирийского войска через горы и взятие урартской крепости Сугунии. Бронзовая обивка ворот. Балават. Британский музей. Надпись: «Город Сугуния Араму Урартского»

Рис. 161. Взятие урартской крепости Арзашку и угон коней из страны Гилзан. Бронзовая обивка ворот. Балават. Британский музей

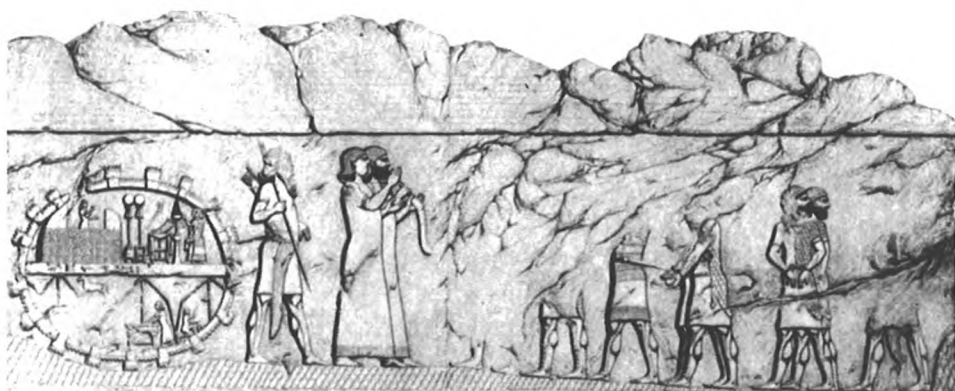
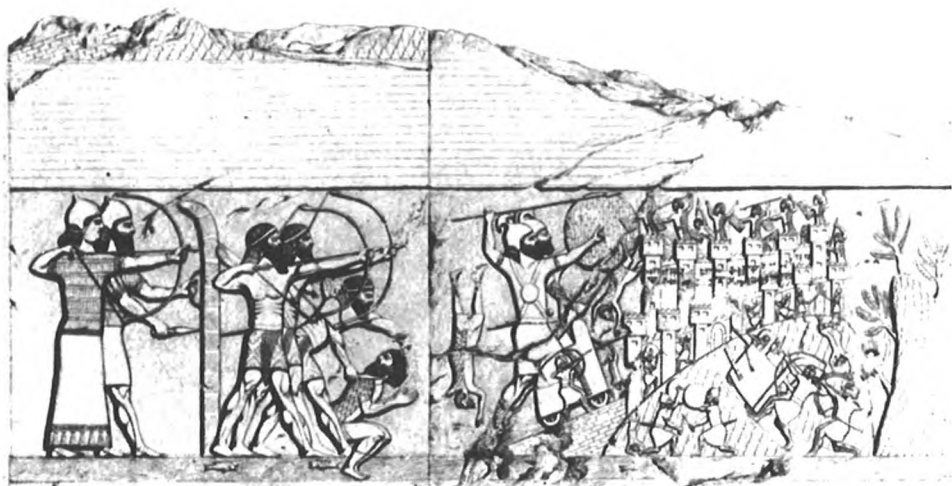

Рис. 162. Вверху — Взятие ассирийцами крепости в стране Мана. Поход 716 г. Рельеф из помещения № XIV дворца Саргона. Внизу — Перепись пленных манейцев. Рельеф из помещения № XIV дворца Саргона

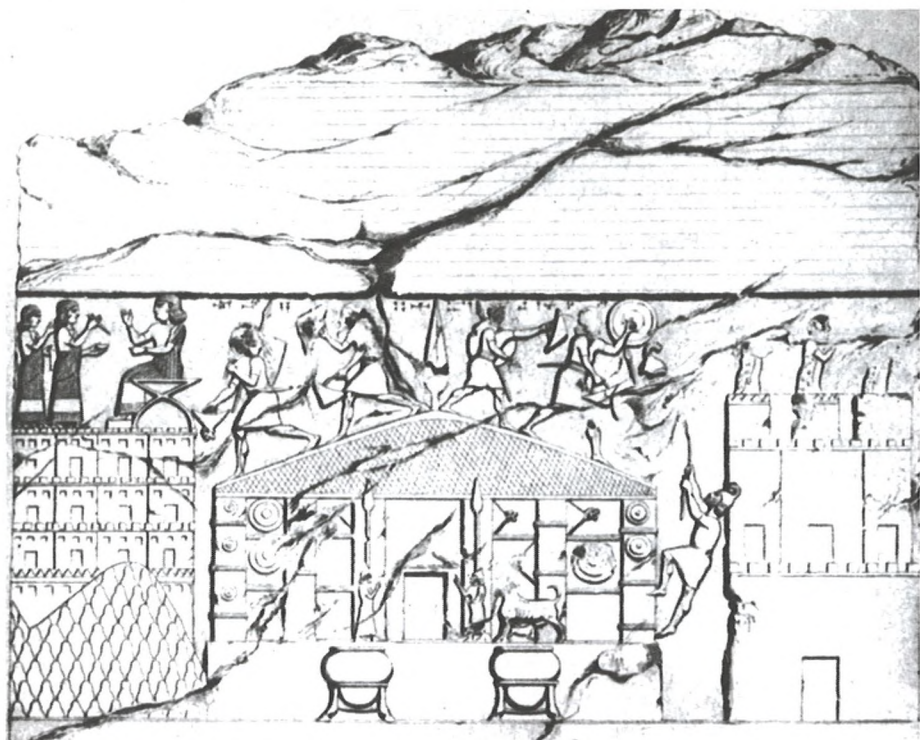

Рис. 163. Вверху — Разграбление ассирийцами храма бога Халди в Мусасире. Поход 714 г. Рельеф из помещения № XIII дворца Саргона. Внизу — Взвешивание добычи, захваченной в Мусасире. Рельеф из помещения № XIII дворца Саргона

Рис. 164. Бронзовая статуэтка бога Тейшебы (выс. 24 см). Кармир-блур. Исторический музей Армении

Рис. 165. Стена крепости с надписями Сардури, сына Лутипри, у подножия Ванской скалы. (Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

Рис. 166. Надпись на ассирийском языке Сардури, сына Лутипри. (Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

Рис. 167. Ванская скала. Стена крепости с остатками кладки урартского времени.
(Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

Рис. 168. Ванская скала. Стена крепости с остатками кладки урартского времени.
(Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

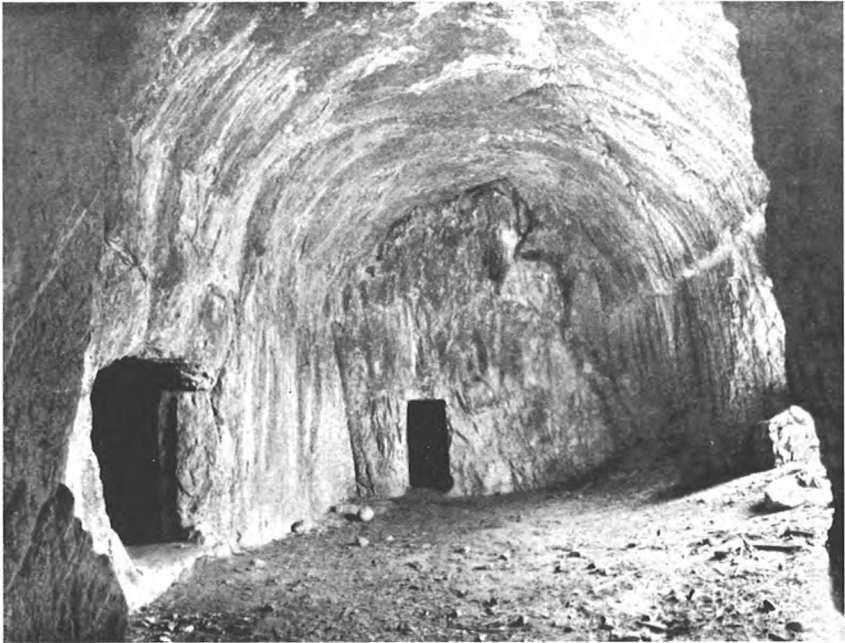

Рис. 169. Ванская скала. Пещеры «Ичкала». Первое помещение.
(Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

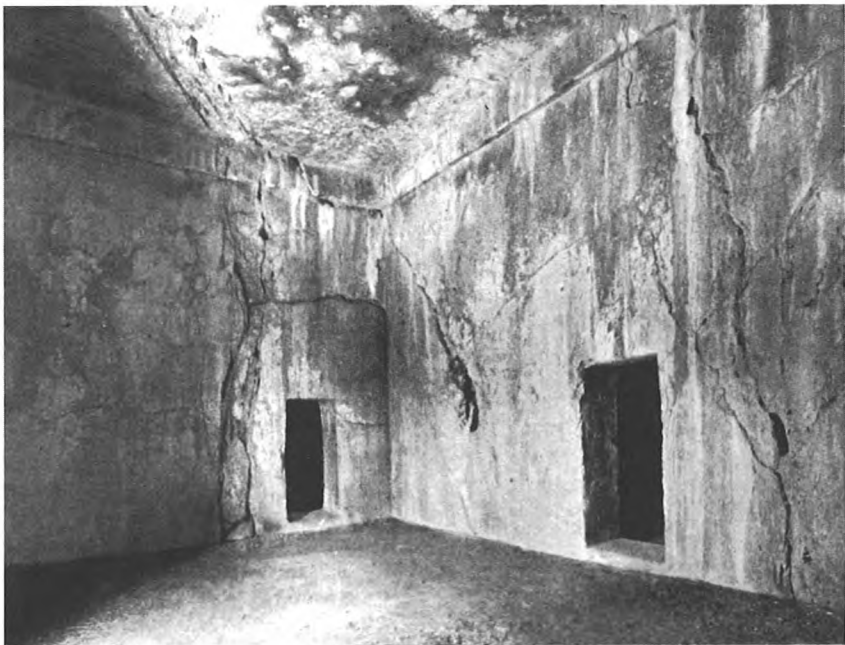

Рис. 170. Ванская скала. «Большая пещера» на юго-восточной стороне скалы. Первое помещение. (Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

Рис. 171. Ван. Топрах-кале. Общий вид холма с юга. (Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

Рис. 172. Ван. Топрах-кале. Восточный выступ. (Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

Рис. 173. Хайкаберд. Стены крепости.
Фотография И. А. Орбели. 1912 г.

Рис. 174. Арин-берд. Вход во дворец. В стене дверного проема строительная надпись Аргишти, сына Менуа. Фотография М. Г. Агаряня

Рис. 175. Хайкаберд. Кладка крепостной стены.
Фотография И. А. Орбели. 1912 г.

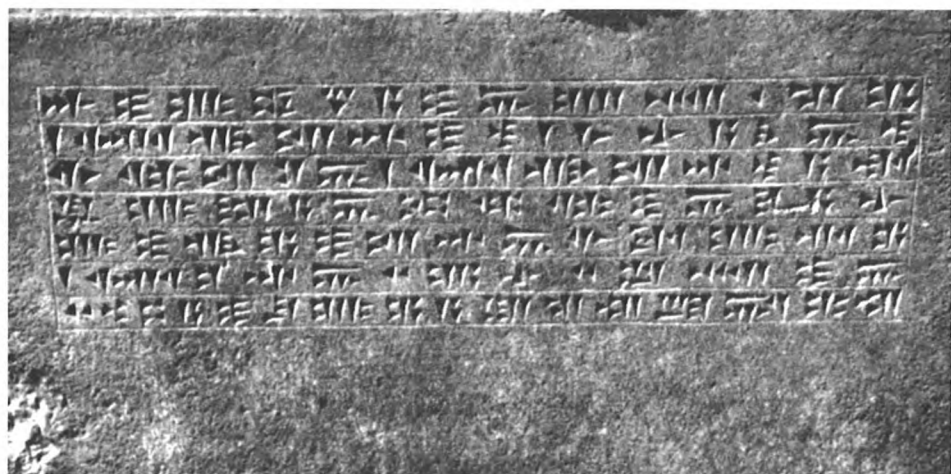

Рис. 176. Вверху — Арин-берд. Надпись Аргишти, сына Менуа, о постройке святилища «суси». Фотография А. Шагиняна. Внизу — Арин-берд. Вход в святилище «суси». Фотография А. Шагиняна

Рис. 177. Арин-берд. Изображение бога Халди на льве. Роспись стены в храме.
Материалы кармир-блурской экспедиции. 1951 г.

Рис. 178. Арин-берд. Фрагмент стеной росписи в храме.
В середине — жертвенные животные,
внизу — священное дерево и фигуры божеств

Рис. 179. Кармир-блур. Общий вид холма с севера, на заднем плане — Большой и Малый Арарат. Фотография А. П. Булгакова

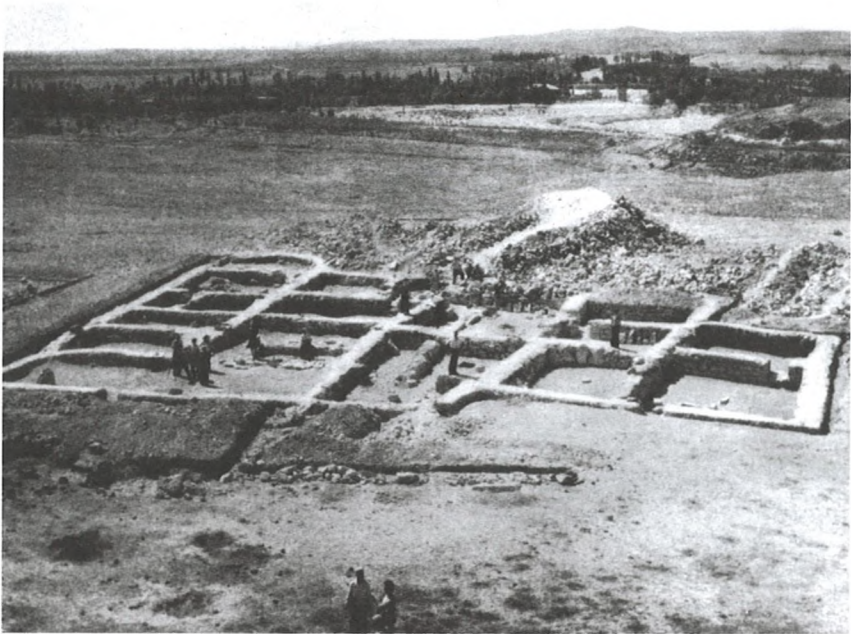

Рис. 180. Кармир-блур. Раскопки квартала поселения. Вид с востока. Фотография А. П. Булгакова

Рис. 181. Кармир-блур. Улица и раскопанный квартал поселения. Вид с юга.
Фотография А. П. Булгакова

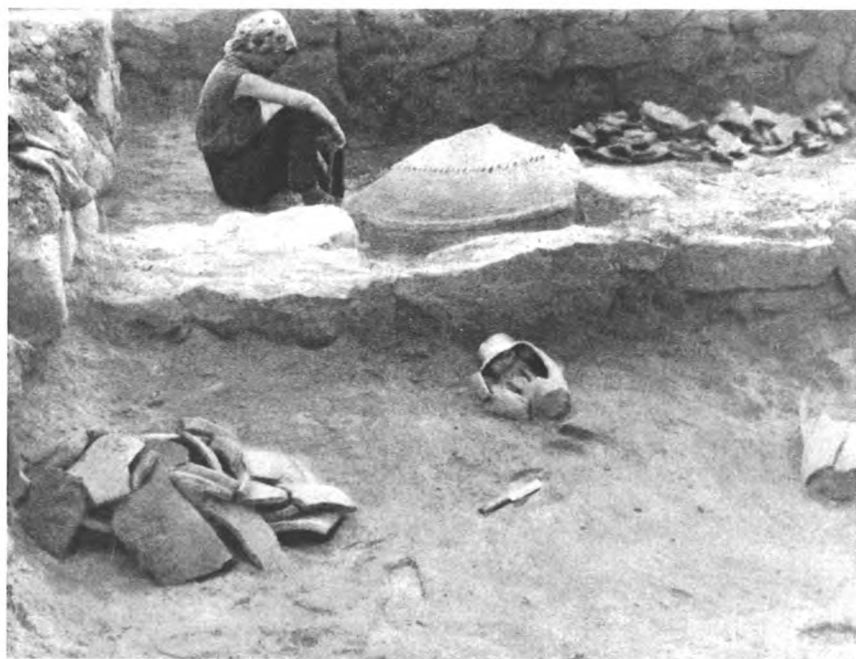

Рис. 182. Кармир-блур. Раскопки одного из жилищ поселения.
Фотография М. Г. Агаряня

Рис. 183. Кармир-блур. Мастерская для изготовления кунжутного масла. Каменный чан для вымачивания кунжута. Фотография А. П. Булгакова

Рис. 184. Кармир-блур. Мастерская для изготовления кунжутного масла. Остатки кунжутных жмыхов. Фотография А. П. Булгакова

Рис. 185. Кармир-блур. Кладовая для вина (№ 28). Фотография А. П. Булгакова

Рис. 186. Кармир-блур. Кладовая для вина (№ 28). Фотография А. П. Булгакова

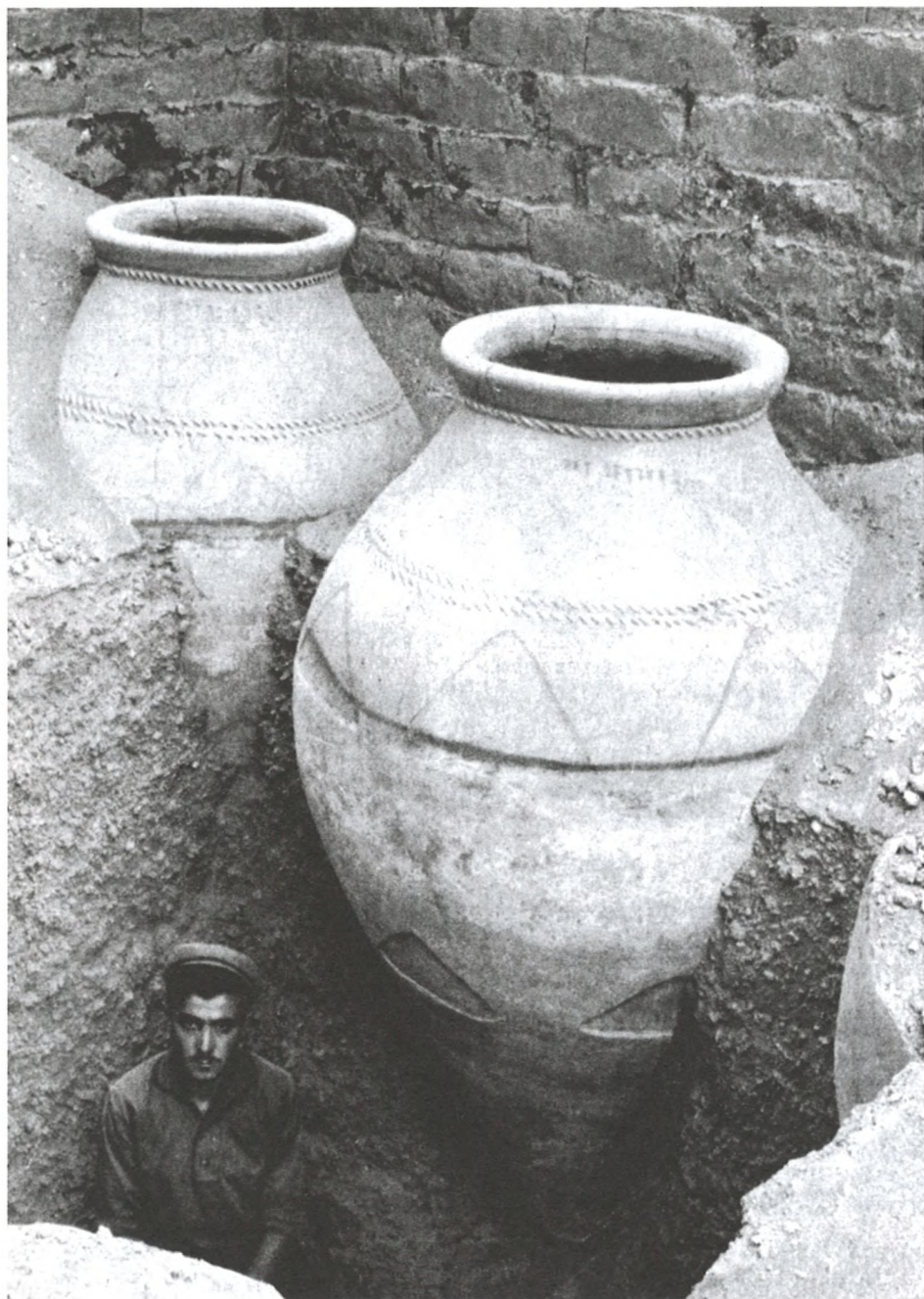

Рис. 187. Кармир-блур. Карасы для вина после раскопки земляного пола (черная линия на карасе соответствует уровню пола). Фотография А. П. Булгакова

Рис. 188. Кармир-блур. Кувшины для вина из кладовой № 29. Фотография А. П. Булгакова

Рис. 189. Кармир-блур. Клинописные таблички архива крепости Тейшебаини: *вверху* — запись количества шкур и шерсти; *внизу* — приказ об отправке лошади и быков

Рис. 190. Бронзовые чаши с надписями царей Менуа, Аргишти I, Сардури II и Русы I. Кармир-блур. Исторический музей Армении и Государственный Эрмитаж

Рис. 191. Кармир-блур. Клинописные таблички архива крепости Тейшебаини: *вверху* — приказ о возврате беглой рабыни; *внизу* — приказ о разделе земли

Рис. 192. Надписи на бронзовых чашах: *вверху* — Менуа, *внизу* — Сардури II. Кармир-блур

Рис. 193. Бронзовый шлем с надписью царя Аргишти, сына Менуа. Кармир-блур. Исторический музей Армении

Рис. 194. Бронзовый щит с надписью царя Сардури, сына Аргишти. Кармир-блур. Исторический музей Армении

Рис. 195. Изображения на бронзовом шлеме с надписью Аргишти I: *вверху* — священное дерево; *внизу* — боевая колесница

Рис. 196. Изображения львов и быков на бронзовом щите с надписью Сардури II

Рис. 197. Бронзовый колчан с надписью Сардури II. Кармир-блур. Государственный Эрмитаж

Рис. 198. Изображение всадников и колесниц на колчане с надписью Аргишти, сына Менуа. Кармир-блур. Исторический музей Армении

Рис. 199. Серебряная крышка сосуда с золотым навершием в виде яблока граната и орнаментированными золотыми поясками. Кармир-блур. Исторический музей Армении

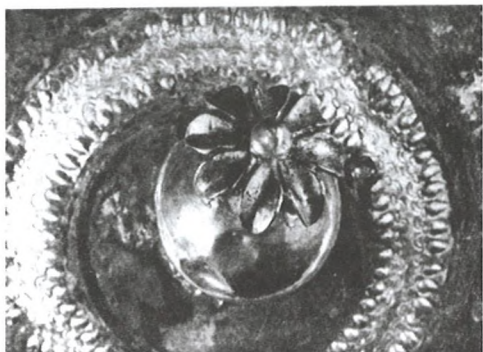

Рис. 200. Вверху — Надпись Аргишти I на серебряной крышке сосуда. Кармир-блур. Исторический музей Армении. Внизу — Расписной сосуд. Кармир-блур. Исторический музей Армении

Рис. 201. Глиняный сосуд с расписными пояском и головками быков (выс. 50 см). Сохранились обломки сосуда и одна головка. Кармир-блур. Исторический музей Армении

Рис. 202. Роспись стены. Кармир-блур. Реконструкция Г. И. Аревшатяна. Исторический музей Армении

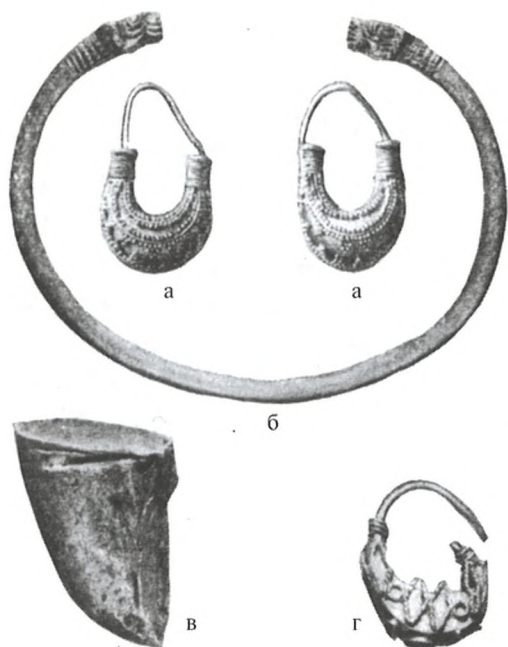

Рис. 203. Золотые предметы. Кармир-блур: *а* — серьги; *б* — браслет; *в* — сегмент слитка золота; *г* — серьга. Исторический музей Армении

Рис. 204. Серебряные предметы. Кармир-блур: *а* — конец гривны с фигуркой льва, покрытой листовым золотом; *б* — медальон с изображением сидящей на троне богини; *в* — медальон с изображением бога. Исторический музей Армении

Рис. 205. Каменная шкатулка с изображением сцены охоты. Кармир-блур. Исторический музей Армении

Рис. 206. Каменная шкатулка с изображением священного дерева. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

Рис. 207. Резная кость. Топрах-кале.
Британский музей

Рис. 208. Резная кость. Фигурка богини
и вельможи. Топрах-кале. Британский
музей

*Рис. 209. Изображения на золотых предметах Саккызского клада (Иран).
Музей в Тегеране*

Рис. 210. Бронзовые украшения котлов. Алишар. Государственный Эрмитаж

Рис. 211. Бронзовая статуэтка. Часть трона. Государственный Эрмитаж

Рис. 212. Бронзовая статуэтка. Часть трона. Государственный Эрмитаж

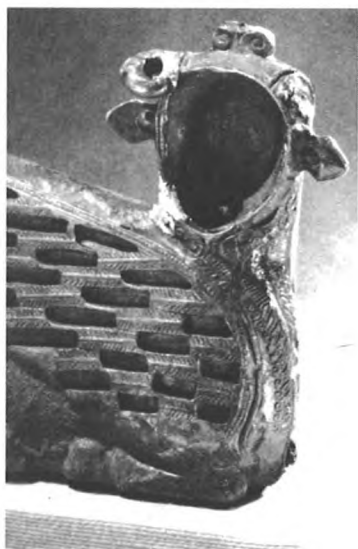

Рис. 213. Деталь бронзовой статуэтки. Государственный Эрмитаж

Рис. 214. Бронзовая статуэтка. Часть трона. Государственный Эрмитаж

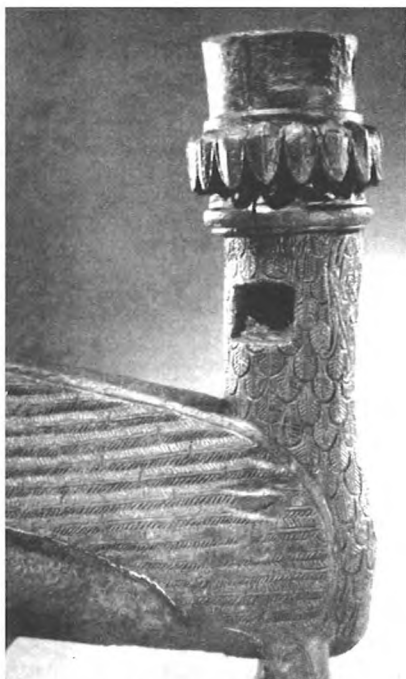

Рис. 215. Деталь бронзовой статуэтки.
Государственный Эрмитаж

Рис. 216. Бронзовая статуэтка. Часть
трона. Государственный Эрмитаж

Рис. 217. Деталь бронзовой статуэтки.
Государственный Эрмитаж

Рис. 218. Бронзовая статуэтка. Часть
трона. Государственный Эрмитаж

Рис. 219. Деталь бронзовой статуэтки. Берлинский музей

Рис. 220. Бронзовая статуэтка. Часть трона. Берлинский музей

Рис. 223. Бронзовое украшение котла. Берлинский музей

Рис. 221, 222. Бронзовая статуэтка. Часть трона. Берлинский музей

Рис. 224. Бронзовое украшение котла. Берлинский музей

Рис. 225. Бронзовый шлем царя Сардури II. Исторический музей Армении

Рис. 226. Бронзовый шлем царя Сардури II. Исторический музей Армении

Рис. 227. Детали шлема царя Сардури II

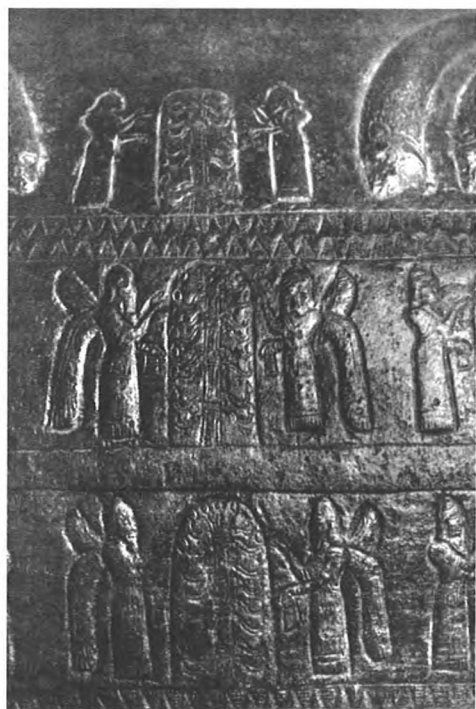

Рис. 228. Детали шлема царя Сардури II

Рис. 229. Деталь шлема царя Аргишти I.
Исторический музей Армении

Рис. 230. Деталь шлема
царя Аргишти I

Рис. 231. Бронзовый щит царя Сардури II.
Исторический музей Армении

Рис. 232. Часть бронзового щита царя
Сардури II

Рис. 233. Деталь бронзового щита царя
Сардури II

Рис. 234. Деталь бронзового щита царя
Сардури II

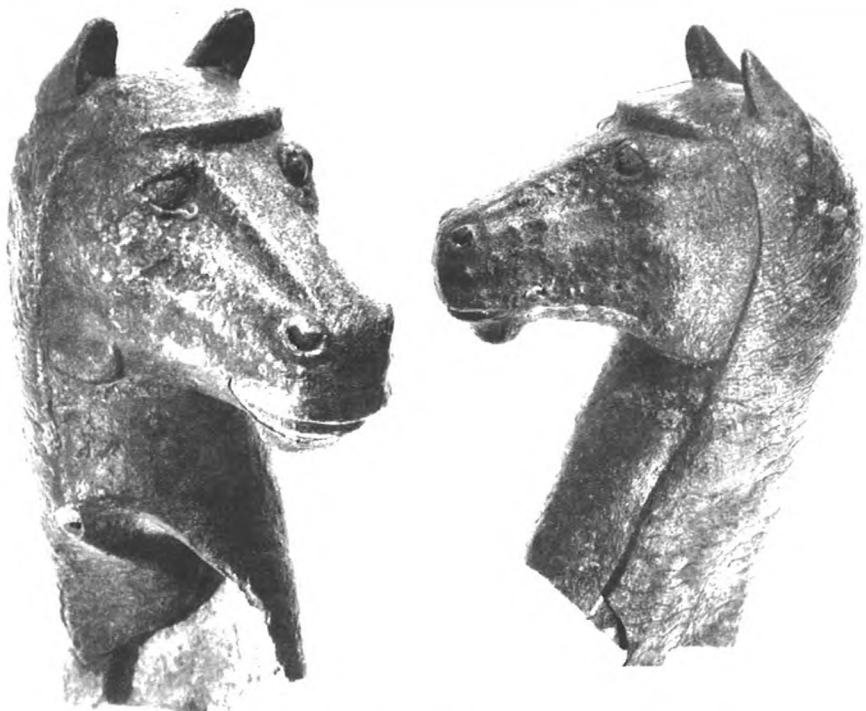

Рис. 235, 236. Бронзовая голова коня. Исторический музей Армении

Рис. 237, 238. Глиняный сосуд в виде сапога. Исторический музей Армении

Рис. 239. Роспись на стене зала. Арин-берд

Рис. 240. Часть бронзового пояса. Государственный Эрмитаж

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

РИСУНКИ И ФОТОГРАФИИ

- Рис. 1. Западная часть Ванской скалы. Вид с юга
Рис. 2. Восточная часть Ванской скалы. Вид с юга
Рис. 3. Ванская скала. Хорхорские пещеры
Рис. 4. Маршруты походов Салманасара III в Урарту
Рис. 5. Урартское государство в середине VIII в.
Рис. 6. Саргон. Рельеф из дворца Саргона (выс. ок. 40 см). *Туринский музей*
Рис. 7. Маршрут похода Саргона 714 г. (по Тюрро-Данжену)
Рис. 8. Жилище у стен цитадели. Кармир-блур
Рис. 9. Очаг в жилище у стен цитадели. Кармир-блур
Рис. 10. Глиняный сосуд для приготовления пива (выс. 62 см). Кармир-блур. *Государственный Эрмитаж*
Рис. 11. Кладовая для вина (№ 25). План расположения карасов. Кармир-блур
Рис. 12. Кладовая для вина (№ 28). План расположения карасов. Кармир-блур
Рис. 13. Карас для вина с клинописью. Кладовая для вина № 25. Кармир-блур
Рис. 14. Глиняные светильники (диам. 16 и 14 см). Кладовая для вина (№ 28). Кармир-блур
Рис. 15. Глиняная воронка для вина (выс. 27 см). Кладовая для вина № 28. Кармир-блур
Рис. 16. Урартские бронзовые удила с надписью Менуа. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
Рис. 17. Железные предметы. Кармир-блур. Вилы, тесло, часть запора, лопата. *Исторический музей Армении*
Рис. 18. Железный меч (дл. 45 см). Кармир-блур. *Государственный Эрмитаж*
Рис. 19. Бронзовый шлем. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
Рис. 20. Бронзовый шлем. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
Рис. 21. Бронзовая голова коня. Навершие дышла колесницы. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
Рис. 22. Бронзовое украшение котла с надписью Сардури II. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
Рис. 23. Бронзовая ножка мебели. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
Рис. 24. Обломки бронзовых поясов. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
Рис. 25. Сердоликовые бусы. Кармир-блур. *Государственный Эрмитаж*
Рис. 26. Глиняный кувшин. Кармир-блур.
Рис. 27. Глиняный сосуд. Кармир-блур
Рис. 28. Глиняный кубок. Кармир-блур
Рис. 29. Глиняная курильница. Кармир-блур
Рис. 30. Деревянные изделия. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
Рис. 31. Железная пила (дл. 39 см). Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
Рис. 32. Бог Халди. Изображение на бронзовом поясе. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*

- Рис. 33. Бог Тейшеба. Изображение на бронзовом поясе. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 34. Бог Шивини. Изображение на бронзовом поясе. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 35. Грифон. Изображение на бронзовом поясе. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 36. Бог — рыба. Глиняная статуэтка со следами раскраски. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 37. Бог — скорпион. Глиняная статуэтка со следами раскраски. Кармир-блур
- Рис. 38. Два типа наконечников стрел. Кармир-блур
- Рис. 39. Бронзовые наконечники стрел «скифского типа». Кармир-блур
- Рис. 40. Обломок бронзового пояса и пряжка из рога в виде головы барана. Кармир-блур
- Рис. 41. Бронзовые части табурета. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 42. Украшение бронзового ведерка. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 43. Бронзовый щит Аргишти I. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 44. Бронзовый щит Сардури II. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 45. Изображение льва и быка на щите Сардури II.
- Рис. 46. Изображение на бронзовом шлеме Сардури II. *Исторический музей Армении*
- Рис. 47. Бронзовый пояс. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 48. Часть бронзового пояса. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 49. Серебряные медальоны. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 50. Серебряная гривна (фигурка льва позолочена). Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 51. Золотые изделия. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 52. Золотые серьги. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 53. Изделия из кости. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 54. Башенка. Резьба по кости. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 55. Костяной гребень. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 56. Головка собаки из рога. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 57. Костяная баночка. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 58. Костяная баночка. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 59. Каменная шкатулка. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 60. Каменная шкатулка. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 61. Каменный амулет. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 62. Каменные урартские печати. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 63. Каменная печать. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 64. Каменная печать. *Исторический музей Армении*
- Рис. 65. Глиняный сосуд. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 66. Изображение на бронзовом шлеме Сардури II. *Исторический музей Армении*
- Рис. 67. Урартские печати в виде бычков. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 68. Стены «канала Шамирам». Клинопись у северо-западного угла оврага около сел. Катепанц
- Рис. 69. Железные вилы. Топрах-кале. *Берлинский музей*
- Рис. 70. Железные сошники. Топрах-кале. *Берлинский музей*
- Рис. 71. Железный топор. Топрах-кале. *Берлинский музей*
- Рис. 72. Урартская колесница. Оттиски печати. Топрах-кале
- Рис. 73. Бронзовая фигурка крылатого быка (выс. 10,6 см). Часть трона. Топрах-кале. *Государственный Эрмитаж*

- Рис. 74. Бронзовая фигурка крылатого быка (выс. 10,8 см). Часть трона. Топрах-кале. *Британский музей*
- Рис. 75. Бронзовая фигурка крылатого быка (выс. 22,5 см). Часть трона. Топрах-кале. *Из коллекции А. С. Уварова. Государственный Эрмитаж*
- Рис. 76. Бронзовая фигурка бога, стоящего на быке (выс. 23 см). Часть трона. Топрах-кале. *Из коллекции А. С. Уварова. Государственный Эрмитаж*
- Рис. 77. Бронзовая фигурка крылатого льва с человеческим торсом (выс. 16 см). Лицо из белого камня с инкрустированными глазами. Часть трона. Топрах-кале. *Государственный Эрмитаж*
- Рис. 78. Бронзовый канделябр (реконструкция) (выс. 136,5 см). Топрах-кале. *Гамбургский музей*
- Рис. 79. Бронзовая головка быка. Украшение котла. Топрах-кале. *Британский музей*
- Рис. 80. Бронзовая чаша с иероглифическими знаками. Топрах-кале. *Берлинский музей*
- Рис. 81. Золотой медальон. Топрах-кале. *Берлинский музей*
- Рис. 82. Хищник, нападающий на быка. Фигурка на борту караса. Глина
- Рис. 83. Голова хищника. Часть глиняного сосуда. Топрах-кале
- Рис. 84. Изображение здания и башни. Бронза (выс. башни 16,5 см; выс. пластины, изображающей здание, 30,5 см). *Британский музей*
- Рис. 85. Богиня Арубани. Изображение на серебряной подвеске. Топрах-кале. *Берлинский музей*
- Рис. 86. Поклонение дереву и стелам. Оттиски печати. Топрах-кале
- Рис. 87. Священное дерево. Оттиск печати. Топрах-кале
- Рис. 88. Оттиск печати. Топрах-кале
- Рис. 89. Оттиски печатей. Топрах-кале
- Рис. 90. Бронзовая ножка трона. *Британский музей*
- Рис. 91. Бронзовая часть трона. *Британский музей*
- Рис. 92. Бронзовая часть трона. *Британский музей*
- Рис. 93. Бронзовая часть трона. *Берлинский музей*
- Рис. 94. Бронзовая часть трона. *Британский музей*
- Рис. 95. Бронзовая часть котла. Коллекция Вогэ. *Париж*
- Рис. 96. Бронзовые головы быков. Ван
- Рис. 97. Бронзовая статуэтка бога. *Британский музей*
- Рис. 98. Золотой медальон. Топрах-кале. *Берлинский музей*
- Рис. 99. Бог Тейшеба. Рельеф из Адильджеваза (реконструкция)
- Рис. 100. Изображение быка. Рельеф из Адильджеваза
- Рис. 101. Часть мраморного фриза. Топрах-кале. *Государственный Эрмитаж*
- Рис. 102. Часть мраморного фриза. Топрах-кале
- Рис. 103. Рельеф с углублениями для инкрустации. Топрах-кале. *Берлинский музей*
- Рис. 104. Обломок каменной шкатулки. Топрах-кале. *Берлинский музей*
- Рис. 105. Изображение на золотой чаше. Келермес. *Государственный Эрмитаж*
- Рис. 106. Колесница. Изображение на бронзовом поясе из могильника в Ахтала
- Рис. 107. Конский убор. Рельеф Ашурнасирапала
- Рис. 108. Конский убор. Рельеф Ашурбанипала
- Рис. 109. Конский убор. Рельеф Ашурбанипала
- Рис. 110: а, б — ассирийские бронзовые удила. Калху
- Рис. 111. Различные типы удил из Закавказья: а — Квемо-Сасирети (Грузия); б — Севанский р-н (Армения); в — Нагорный Карабах (Азербайджан); г — Северная Армения. *Государственный музей Грузии, Исторический музей Армении, Государственный Эрмитаж*

- Рис. 112. Бронзовый пластинчатый панцирь. На относящейся к нему пуговице надпись Аргишти I
- Рис. 113. Бронзовая ножка трона. *Из коллекции Вогюэ в Лувре*
- Рис. 114. Бронзовая фигура птицы с человеческим торсом. Украшение котла. Из гробницы у поста Алишар. *Государственный Эрмитаж*
- Рис. 115. Бронзовая фигура птицы с человеческим торсом. Украшение котла. Найдена в Афинах
- Рис. 116. Бронзовая головка быка. Украшение котла. Из гробницы у поста Алишар. *Государственный Эрмитаж*
- Рис. 117. Бронзовая фигурка богини (выс. 12 см). Крепость Дарабей около Вана. *Исторический музей Армении*
- Рис. 118. Рельеф у входа в пещеру около Баязета
- Рис. 119. Большая Хорхорская пещера. План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)
- Рис. 120. Малая Хорхорская пещера. План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)
- Рис. 121. Пещеры «Нафт-кую». План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)
- Рис. 122. Пещера под верхней площадкой Ванской скалы. План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)
- Рис. 123. Пещеры «Ичкала». План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)
- Рис. 124. «Большая пещера» на юго-восточной стороне Ванской скалы. План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)
- Рис. 125. Пещера на северном склоне Ванской скалы. План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)
- Рис. 126. Пещеры около арсенала. План и разрезы. (Известия Кавказского музея. XI. 1–2. Табл. I и II.)
- Рис. 127. Могила в скале у поста Алишар. (По рисунку в письме. Архив Государственного Эрмитажа. Опись I. 1858. № 62.)
- Рис. 128. План цитадели древнего города Тейшебаини (Кармир-блур)
- Рис. 129. План цитадели древнего города Эребуни (Арин-берд)
- Рис. 130. «Дверь Мхера». Ниша с клинообразной надписью и пещера, высеченные в скале гряды Зымзымдаг около Вана
- Рис. 131. Бронзовые наконечники стрел «скифского типа» из городов Передней Азии: а, б, в — Хайкаберд; г — Топрах-кале; д, е — Ашур; ж, з — Вавилон; и, к — Таре; л, м — Джерар
- Рис. 132. Бронзовые сосуды из Лечхуми (Ладжобисдзири). *Государственный музей Грузии*
- Рис. 133. Бронзовые наконечники стрел «скифского типа» из Закавказья: а — Самтавро; б, в, г — Мусиери; д, е — Махмуджуг; ж, з — Акнер
- Рис. 134. Обломок бронзового пояса. Сел. Заким б. Карсской области. *Государственный Эрмитаж*

- Рис. 135. Обломки бронзового пояса из погребения, раскопанного у Ани-пемза. *Исторический музей Армении*
- Рис. 136. Изображение священных деревьев: *а-в* — Келермесский и Литой курганы; *г* — бронзовый пояс из Ширака (*Исторический музей Армении*); *д* — печать на клинописной табличке, Кармир-блур; *е* — пектораль Саккызского клада
- Рис. 137. Изображение борьбы зверей: *а* — костяная пластинка. Кармир-блур; *б* — бронзовая бляшка из скифского могильника. Тамань; *в* — золотые ножны акинака. Литой курган
- Рис. 138. Бронзовые украшения котлов и ножка подставки. Из гробницы у поста Алишар. *Государственный Эрмитаж*
- Рис. 139. Бронзовые предметы конского убора. Из гробницы у поста Алишар. *Государственный Эрмитаж*
- Рис. 140. Бронзовое украшение котла. *Стамбул*
- Рис. 141. Изображение урартских воинов: *а* — Балаватские ворота (IX в. до н. э.), *б* — бронзовый пояс (VIII в. до н. э.)
- Рис. 142. Разграбление ассирийцами храма в Мусасире. Рельеф во дворце Саргона (поход 714 г. до н. э.)
- Рис. 143: *а* — урартские послы (рельеф во дворце Ашурбанипала); *б* — головной убор армена (рельеф Ксеркса)
- Рис. 144. Сцена разграбления Мусасирского храма. Ассирийцы разбивают бронзовую статую (рельеф во дворце Саргона)
- Рис. 145. Бронзовая ножка трона. Коллекция Вогэ. *Париж*
- Рис. 146. Бронзовая часть трона. Коллекция Стоклэ. *Брюссель*
- Рис. 147. Бронзовая часть трона. *Лувр*
- Рис. 148. Бронзовая часть трона. *Музей Метрополитен*
- Рис. 149. Бронзовые головы быков. Из гробницы у сел. Гуши
- Рис. 150. Бронзовая голова быка. Из гробницы у сел. Гуши
- Рис. 151. Бронзовые котлы, украшенные головами быков: *1* — Алтын-тепе; *2* — Кумы; *3* — Гордион
- Рис. 152. Бронзовый котел. Гордион. *Музей в Анкаре*
- Рис. 153. Бронзовый котел. Гордион. *Музей в Анкаре*
- Рис. 154. Бронзовый сосуд из Луристана. *Лувр*
- Рис. 155. Бронзовый котел из «Tomba Regolini-galassi»
- Рис. 156. Обломки бронзовых поясов. Могильник около Арин-берда. *Исторический музей Армении*
- Рис. 157. Часть ножен акинака. *Тегеранский музей*
- Рис. 158. Выступление ассирийского войска из лагеря и жертвоприношение Салмана-сара III на берегу оз. Ван. Бронзовая обивка ворот (шир. 27 см). Из развалин города Имгур-Бел на холме Балават. *Британский музей*. Надпись: «Изображение мое у моря страны Наири я поставил, жертвы богам моим я принес»
- Рис. 159. Продолжение рельефа (см. табл. II)
- Рис. 160. Переход ассирийского войска через горы и взятие урартской крепости Сугунии. Бронзовая обивка ворот. Балават. *Британский музей*. Надпись: «Город Сугуния Араму Урартского»
- Рис. 161. Взятие урартской крепости Арзашку и угон коней из страны Гилзан. Бронзовая обивка ворот. Балават. *Британский музей*
- Рис. 162. *Вверху* — Взятие ассирийцами крепости в стране Мана. Поход 716 г. Рельеф из помещения № XIV дворца Саргона. *Внизу* — Перепись пленных манейцев. Рельеф из помещения № XIV дворца Саргона

- Рис. 163. *Вверху* — Разграбление ассирийцами храма бога Халди в Мусасире. Поход 714 г. Рельеф из помещения № XIII дворца Саргона. *Внизу* — Взвешивание добычи, захваченной в Мусасире. Рельеф из помещения № XIII дворца Саргона
- Рис. 164. Бронзовая статуэтка бога Тейшебы (выс. 24 см). Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 165. Стена крепости с надписями Сардури, сына Лутипри, у подножия Ванской скалы. (Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)
- Рис. 166. Надпись на ассирийском языке Сардури сына Лутипри. (Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)
- Рис. 167. Ванская скала. Стена крепости с остатками кладки урартского времени. (Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)
- Рис. 168. Ванская скала. Стена крепости с остатками кладки урартского времени. (Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)
- Рис. 169. Ванская скала. Пещеры “Ичкала”. Первое помещение. (Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)
- Рис. 170. Ванская скала. «Большая пещера» на юго-восточной стороне скалы. Первое помещение. (Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)
- Рис. 171. Ван. Топрах-кале. Общий вид холма с юга. (Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)
- Рис. 172. Ван. Топрах-кале. Восточный выступ. (Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)
- Рис. 173. Хайкаберд. Стены крепости. Фотография И. А. Орбели. 1912 г.
- Рис. 174. Хайкаберд. Кладка крепостной стены. Фотография И. А. Орбели. 1912 г.
- Рис. 175. Арин-берд. Вход во дворец. В стене дверного проема строительная надпись Аргишти, сына Менуа. Фотография М. Г. Агарян
- Рис. 176. *Вверху* — Арин-берд. Надпись Аргишти, сына Менуа, о постройке святилища «суси». Фотография А. Шагиняна. *Внизу* — Арин-берд. Вход в святилище «суси». Фотография А. Шагиняна
- Рис. 177. Арин-берд. Изображение бога Халди на льве. Роспись стены в храме. Материалы кармир-блурской экспедиции. 1951 г.
- Рис. 178. Арин-берд. Фрагмент стенной росписи в храме. В середине — жертвенные животные, внизу — священное дерево и фигуры божеств
- Рис. 179. Кармир-блур. Общий вид холма с севера, на заднем плане — Большой и Малый Арарат. Фотография А. П. Булгакова
- Рис. 180. Кармир-блур. Раскопки квартала поселения. Вид с востока. Фотография А. П. Булгакова
- Рис. 181. Кармир-блур. Улица и раскопанный квартал поселения. Вид с юга. Фотография А. П. Булгакова
- Рис. 182. Кармир-блур. Раскопки одного из жилищ поселения. Фотография М. Г. Агарян
- Рис. 183. Кармир-блур. Мастерская для изготовления кунжутного масла. Каменный чан для вымачивания кунжута. Фотография А. П. Булгакова
- Рис. 184. Кармир-блур. Мастерская для изготовления кунжутного масла. Остатки кунжутных жмыхов. Фотография А. П. Булгакова
- Рис. 185. Кармир-блур. Кладовая для вина (№ 28). Фотография А. П. Булгакова
- Рис. 186. Кармир-блур. Кладовая для вина (№ 28). Фотография А. П. Булгакова
- Рис. 187. Кармир-блур. Карасы для вина после раскопки земляного пола (черная линия на карасе соответствует уровню пола). Фотография А. П. Булгакова

- Рис. 188. Кармир-блур. Кувшины для вина из кладовой № 29. Фотография А. П. Булгакова
- Рис. 189. Кармир-блур. Клинописные таблички архива крепости Тейшебаини: *вверху* — запись количества шкур и шерсти; *внизу* — приказ об отправке лошади и быков
- Рис. 190. Кармир-блур. Клинописные таблички архива крепости Тейшебаини: *вверху* — приказ о возврате беглой рабыни; *внизу* — приказ о переделе земли
- Рис. 191. Бронзовые чаши с надписями царей Менуа, Аргишти I, Сардури II и Русы I. Кармир-блур. *Исторический музей Армении и Государственный Эрмитаж*.
- Рис. 192. Надписи на бронзовых чашах: *вверху* — Менуа, *внизу* — Сардури II. Кармир-блур
- Рис. 193. Бронзовый шлем с надписью царя Аргишти, сына Менуа. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 194. Бронзовый щит с надписью царя Сардури, сына Аргишти. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*.
- Рис. 195. Изображения на бронзовом шлеме с надписью Аргишти I: *вверху* — священное дерево; *внизу* — боевая колесница
- Рис. 196. Изображения львов и быков на бронзовом щите с надписью Сардури II
- Рис. 197. Бронзовый колчан с надписью Сардури II. Кармир-блур. *Государственный Эрмитаж*
- Рис. 198. Изображение всадников и колесниц на колчане с надписью Аргишти, сына Менуа. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 199. Серебряная крышка сосуда с золотым навершием в виде яблока граната и орнаментированными золотыми поясками. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 200. *Вверху* — Надпись Аргишти I на серебряной крышке сосуда. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*. *Внизу* — Расписной сосуд. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 201. Глиняный сосуд с расписными пояском и головками быков (выс. 50 см). Сохранились обломки сосуда и одна головка. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 202. Роспись стены. Кармир-блур. Реконструкция Г. И. Аревшатяна. *Исторический музей Армении*
- Рис. 203. Золотые предметы. Кармир-блур: *а* — серьги; *б* — браслет; *в* — сегмент слитка золота; *г* — серьга. *Исторический музей Армении*
- Рис. 204. Серебряные предметы. Кармир-блур: *а* — конец гривны с фигуркой льва, покрытой листовым золотом; *б* — медальон с изображением сидящей на троне богини; *в* — медальон с изображением бога. *Исторический музей Армении*
- Рис. 205. Каменная шкатулка с изображением сцены охоты. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 206. Каменная шкатулка с изображением священного дерева. Кармир-блур. *Исторический музей Армении*
- Рис. 207. Резная кость. Топрах-кале. *Британский музей*
- Рис. 208. Резная кость. Фигурка богини и вельможи. Топрах-кале. *Британский музей*
- Рис. 209. Изображения на золотых предметах Саккызского клада (Иран). *Музей в Тегеране*
- Рис. 210. Бронзовые украшения котлов. Алишар. *Государственный Эрмитаж*
- Рис. 211. Бронзовая статуэтка. Часть трона. *Государственный Эрмитаж*
- Рис. 212. Бронзовая статуэтка. Часть трона. *Государственный Эрмитаж*
- Рис. 213. Деталь бронзовой статуэтки. *Государственный Эрмитаж*
- Рис. 214. Бронзовая статуэтка. Часть трона. *Государственный Эрмитаж*
- Рис. 215. Деталь бронзовой статуэтки. *Государственный Эрмитаж*
- Рис. 216. Бронзовая статуэтка. Часть трона. *Государственный Эрмитаж*
- Рис. 217. Деталь бронзовой статуэтки. *Государственный Эрмитаж*

- Рис. 218. Бронзовая статуэтка. Часть трона. *Государственный Эрмитаж*
 Рис. 219. Деталь бронзовой статуэтки. *Берлинский музей*
 Рис. 220. Бронзовая статуэтка. Часть трона. *Берлинский музей*
 Рис. 221. Бронзовая статуэтка. Часть трона. *Берлинский музей*
 Рис. 222. Бронзовая статуэтка. Часть трона. *Берлинский музей*
 Рис. 223. Бронзовое украшение котла. *Берлинский музей*
 Рис. 224. Бронзовое украшение котла. *Берлинский музей*
 Рис. 225. Бронзовый шлем царя Сардури II. *Исторический музей Армении*
 Рис. 226. Бронзовый шлем царя Сардури II. *Исторический музей Армении*
 Рис. 227. Детали шлема царя Сардури II
 Рис. 228. Детали шлема царя Сардури II
 Рис. 229. Деталь шлема царя Аргишти I. *Исторический музей Армении*
 Рис. 230. Деталь шлема царя Аргишти I
 Рис. 231. Бронзовый щит царя Сардури II. *Исторический музей Армении*
 Рис. 232. Часть бронзового щита царя Сардури II
 Рис. 233. Деталь бронзового щита царя Сардури II
 Рис. 234. Деталь бронзового щита царя Сардури II
 Рис. 235. Бронзовая голова коня. *Исторический музей Армении*
 Рис. 236. Бронзовая голова коня. *Исторический музей Армении*
 Рис. 237. Глиняный сосуд в виде сапога. *Исторический музей Армении*
 Рис. 238. Глиняный сосуд в виде сапога. *Исторический музей Армении*
 Рис. 239. Роспись на стене зала. Арин-берд
 Рис. 240. Часть бронзового пояса. *Государственный Эрмитаж*

ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Меч-акинак в ножнах. Золото, железо. Ст. Келермесская, курган 1 (1903 г.). *Государственный Эрмитаж*:
 1 — общий вид; 2 — изображение оленя на лопасти ножен и «священного дерева» на устье ножен; 3 — изображения фантастических животных на ножнах
2. Скифский топор-секира и урартский шлем. *Государственный Эрмитаж*:
 1 — боевой топор-секира (общий вид). Золото, железо. Ст. Келермесская, курган 1 (1903 г.); 2 — верхняя часть секиры с изображениями животных; 3 — шлем царя Сардури II. Бронза. Кармир-блур
3. Изображения фантастических животных на фрагментах золотой рукояти боевого топора секиры. Золото, железо. Ст. Келермесская, курган 1 (1903 г.). *Государственный Эрмитаж*
4. Глиняные сосуды. Кармир-блур. *Государственный Эрмитаж*:
 1 — кувшин для вина, кубок и сосудик для приготовления сырной закваски; 2 — хозяйственные сосуды; 3 — сосуды для хранения зерна и приготовления пива
5. Щит и наконечники стрел. Кармир-блур. *Государственный Эрмитаж*:
 1 — щит с посвятительной надписью царя Сардури II. Бронза; 2 — наконечники стрел урартского типа. Бронза
6. Сердоликовые и агатовые бусы. Кармир-блур. *Государственный Эрмитаж*
7. Чаши с надписями урартских царей VIII–VII веков до н. э. Бронза. Кармир-блур. *Государственный Эрмитаж*
8. Фрагмент полихромного сосуда, фрагменты стенок пифосов, печати, клейма на сосудах. Топрак-кале, Кармир-блур. *Государственный Эрмитаж*

УКАЗАТЕЛИ

Указатель географических и этнических названий (древних)

- Раппа 139
Тас 96, 151
Абилианихи 99, 111, 112
Абнулуани 100
Агуси 115
Адахуни 112, 126
Аддури 81, 83, 84, 312
Адиабена 165
Адини 83
Аза 99
Азамерунини 126
Аиади (Аиаду) 142, 143, 144, 147
Аидаманиуни 126
Акилисена 165, 172
Аккад 55
Аламун 70
Алатарма 109
Алдзник 166
Алзи 70, 81, 84, 120, 127, 135, 166
Алзирани 126, 127
Алишту 99
Аллабриа 139, 140
Аллурину 142, 145
Алше 166
Альниуну 87
Амана 81, 85, 117
Амаштуби 86
Амкуберд 232
Анаше 53, 91
Андарутта 96
Андзит 166
Анди 139, 318
Андиа 139, 141
Анзитена 166
Ани Даранахийский (Камах) 172
Аниаштаниа 178
Анисускиа 266
Арамали 82, 84
Аратта 139
Арапани 53, 70, 71, 82, 84, 94, 109, 175
Арбела 58, 82, 120, 154, 322
Арбу 119, 142
Аргиш (Арджиш) 56, 144
Аргиштиуна 56, 142, 143, 144
Аргиштихинили 44, 99, 103, 105, 113, 114, 123, 128, 153, 236, 315, 350
Ардикши 145
Ардини 77, 91, 101, 122, 318
Арееса 56
Арзабиа 142
Арзаниас 53
Арзашку (Арзашкун) 81, 82, 83, 84, 85, 88, 312
Ариаини 126
Ариду 80
Арирги 70
Аркукини 54, 112, 113, 126
Армарили 84, 119, 142
Арме (Урме) 94, 108, 109, 110, 112, 165, 166, 170, 171
Армения 171
Армина 163, 166, 171, 173, 268
Армиралиу 135, 142
Арпа (Арпар) 160
Арпар 160
Арпад 115, 316
Арсене 56
Арсиу 145
Арсуниуни (Арцуниуини) 252, 259
Аруму (Уруму) 109
Архестия 56
Асархаддона 265, 321
Ассирия 23, 55, 64, 65, 66, 69, 71, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79, 83, 85, 89, 91, 94, 96, 97, 99, 100, 106, 108, 114, 115, 116, 118, 119, 120, 122, 123, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 136, 137, 138, 140, 148, 149, 151, 152, 154, 155, 156, 159, 167, 168, 169, 170, 178, 180, 184, 186, 187, 194, 195, 198, 199, 202, 203, 205, 206, 219, 220, 230, 239, 243, 251, 258, 263, 264, 266, 267, 268, 269, 272, 273, 275, 287, 289, 296, 297, 301, 311, 313, 314, 315,

- 316, 317, 319, 321, 323, 325, 334, 336, 345, 347, 368, 370
- Атазаани 126
- Ахуриани 53
- Ахшуру 139
- Аштухини 53
- Ашур 49, 68, 69, 70, 72, 80, 82, 85, 86, 89, 109, 130, 132, 133, 134, 136, 138, 139, 144, 147, 156, 159, 216, 218, 219, 220, 239, 255, 256, 260, 266, 267, 269, 274, 317, 339, 349, 364, 367, 381
- Ашурикиша 116
- Бабания 54, 101
- Бабилу 110, 112
- Баргун 68
- Баруата 112
- Баршуа 91, 99
- Беотия 213, 336
- Биаини (Биаина) 23, 54, 87, 92, 94, 100, 111, 118, 126, 159, 192, 315
- Библи 85
- Бируатти 139
- Бушту 99, 100
- «Бизнунийское море» 56
- Вавилон 85, 121, 137, 151, 157, 160, 168, 201, 255, 269, 272, 284, 317, 323, 381
- Валаршакерт 53
- Ванский район 28, 39, 304
- Ванское царство 23, 24, 28, 32, 36, 37, 38, 40, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 52, 54, 55, 57, 58, 63, 64, 65, 66, 67, 74, 79, 85, 86, 89, 91, 92, 94, 96, 106, 108, 112, 114, 116, 117, 119, 120, 121, 123, 127, 128, 129, 131, 132, 133, 135, 136, 137, 143, 144, 146, 148, 149, 150, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 161, 162, 163, 170, 171, 174, 175, 176, 177, 178, 181, 182, 183, 186, 187, 192, 194, 195, 199, 200, 203, 205, 206, 213, 217, 219, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 231, 232, 240, 242, 250, 251, 254, 255, 256, 258, 259, 261, 263, 275, 280, 288, 289, 298, 309, 310, 314, 315, 321, 323, 332, 336, 343, 345, 346, 347, 348, 350, 351, 355, 359, 360, 362, 364
- Великое море 71
- Великухи 57
- Верхнее море 70
- Ветулония 213
- Византия 161
- Гавгамелы 171
- Галис 156
- Гамир, Гамирра, (Гимирра) 134, 263, 271, 277
- Гамирра 263
- Гилзан 81, 82, 83, 84, 86, 191, 194, 199
- Гимирра (Гамир, Гамирра) 263, 321
- Гордион 213, 335, 338
- Гузана 83
- Гургум 115
- Гуриани (Куриани) 53, 126, 127
- Гуриания 263
- Гурку 100
- Гуркумели 126
- Дайасени 71
- Дамаск 207
- Дарабани 111
- Дарабей 347, 380
- Дарани 54, 101
- Даяни или Даяени (Диауехи) 53, 70, 71, 81, 82, 84, 85, 94
- Дельфы 213, 214, 336, 338, 373
- Джанив (Джаник) 162
- Диауехи (см. Даяни) 53, 94, 99, 100, 101, 113, 220
- Диярбакыр 82, 151
- Древний Восток 23, 24, 29, 30, 33, 35, 36, 37, 38, 41, 43, 49, 55, 71, 73, 74, 75, 94, 117, 118, 119, 125, 130, 138, 158, 159, 170, 195, 203, 204, 206, 210, 217, 230, 242, 262, 272, 287, 295, 302, 307, 309, 311, 325, 345, 347, 351, 370, 372, 374
- Дурубани 54, 102
- Евфрат 108
- Егер 162
- Егревина 162
- Елани 126
- Еламуниа 145
- Елизаду 135
- Ериани 53
- Ериелтуани 126
- Забахае 99
- Замани 82, 83, 86, 126, 127
- Замуа 72, 78
- Занзиун 82
- Зибиа (Иззибиа, Узбиа) 286
- Зикирту 132, 139, 140, 141, 318
- Зингун 69
- Иверия 162
- Игани 99, 111, 112
- Иззибиа (Зибиа, Узбиа) 286
- Изирту 137, 138
- Израиль 268
- Илайу 145
- Ильдаруни 153, 179, 306
- Иония 237, 267, 284
- Ирданиуни 102
- Ирдиа 252, 256
- Иребуни (Эрибуни) 100
- Иркиматарни 126
- Иркуни 99
- Ирпуни 43, 44, 100, 307

- Иудея 207
 Ишкиглу 54, 100, 101, 102, 103, 153, 202
 Иштикуни 102
 Ишува 109
 Каамни 112
 Какзу 120
 Каки 82
 Каккадану 135
 Калахены 165
 Каллама 116
 Каллания 142
 Калху 27, 72, 114, 116, 118, 120, 131, 138, 222, 372, 380
 Кальху 317, 318, 351, 366
 Каниун 135
 Карраллу 139
 Кархемиш 49, 156, 205, 270, 335
 Катарза 91, 100, 101
 Каурлини 179
 Кашиари 109
 Кентрит 160
 Киехуни 57, 99, 102
 Киликии 85
 Кильху 70
 Киная 142
 Киррури 82
 Кишассу 265
 Киштан 115
 Колхида 53, 158, 160, 162
 Коммагены 53
 Константинополь 300, 327, 328
 Коринф 335
 Кублини (Каурлини) 179
 Куламери (Кулимери, Кулмери) 264
 Кулианини 54, 102
 Кулимери (Кулмери, Куламери) 109, 116
 Куллар 139
 Кулмери 94
 Кулха 111, 112
 Кумани 72
 Кумену 77, 88, 252, 259
 Кумме 77, 78
 Куммух 53, 70, 71, 111, 112, 115, 116, 150, 220, 321
 Курбан 134
 Куриаани (Куриани, Гуриаани) 1, 127
 Куриани (Куриаани, Гуриаани) 112, 263
 Куррури 82
 Кути 69
 Кутмух 68, 109
 Кухаалбани 112
 Лагаш 117, 242
 Лазив 162
 Лариса 165
 Лидия 74, 266
 Ликия 73
 Луеруни 112
 Луерухи 126
 Луеху 108, 110
 Луипруни 112
 Лулуме 72
 Луха 69, 70
 Лухиуни 95
 Луша 91, 101
 Макалтуни 99, 113
 Македония 172
 Малаты 115
 Малтайа 146, 366
 Мана 91, 94, 99, 100, 101, 110, 111, 112, 127, 129, 133, 137, 138, 139, 141, 146, 152, 153, 166, 202, 262, 263, 264, 265, 267, 272, 275, 286, 317, 318
 Манси, манейцы 135
 Манрили 162
 Меишта 91
 Мелиду 157
 Мелита (Мелиталхи) 53, 85, 99, 108, 112, 115
 Мелуиани 108
 Менуахинили 95, 103
 Меотгада 158, 267
 Мерхису 82
 Месопотамия 37, 68, 76, 108, 174, 178, 184, 185, 187, 205, 235, 240, 241, 242, 255, 260, 261, 268, 269, 297, 364, 365
 Мехри 72
 Мидия 152, 156, 157, 158, 167, 168, 170, 198, 205, 265, 267, 276, 285, 286, 287, 323
 Микены 219
 Милет 45
 Мини 55, 166
 Мирхису 83
 Митанни 76, 220
 Митаннийское царство 77
 Мусасир 54, 77, 78, 82, 84, 86, 88, 91, 94, 96, 120, 122, 123, 127, 130, 135, 136, 138, 144, 145, 146, 147, 148, 204, 205, 206, 207, 209, 211, 217, 219, 235, 236, 237, 252, 254, 259, 315, 318, 320, 321, 324, 329, 349, 355, 356, 382
 Мушки (Мосхи) 150, 321
 Мушкини 152
 Наири 52, 54, 56, 65, 69, 70, 71, 72, 73, 76, 77, 78, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 92, 94, 96, 97, 98, 106, 109, 116, 119, 127, 142, 144, 145, 146, 170, 178, 190, 194, 202, 253, 254, 288, 311, 312, 314, 315, 318
 Нал 116
 Намара 72
 Намдану 82, 83
 Намру 112

- Нефер (Непер) 109
 Нефферкерта 166
 Никиппа 139
 Нилипахри 69
 Нимруда 115
 Ниневия 27, 48, 80, 109, 116, 120, 130, 146,
 156, 169, 185, 187, 213, 264, 268, 271, 301,
 336, 372
 Нири 69
 Нириб 99
 Нисибин 96
 Нихириа (Нихриа) 109, 166
 Нихириани 108, 112
 Нихриа 109
 Ниши 253, 255
 Нубия 351
 Олимпия 212, 213, 336, 338
 Паиония 172
 Пантеру 70
 Панзиш 139, 189
 Парда 140, 318
 Парсуа 86, 91, 127
 Парсуаше (см. Баршуа) 199
 Пафлагония 244, 249, 268
 Пируани 126
 Питру 83
 «Понтийское море» 162
 Пулуа 111
 Пуму 264
 Пурулумузи 70
 Риар 142
 Рийар 119
 Рихима 108
 Ришуани 126
 Родос 165, 213, 335, 336, 338
 Руишиани 111
 Русахинили 182, 202
 «Рыштунийское море» 56
 Салуа 68, 72
 Самос, остров. 338
 Сангибуту 142, 178
 Сапария 86
 Сарматия 162
 Сасини 108
 Семиградье 275
 Сибан (Сиху) 115
 Сидон 74, 85
 Сим 170
 Синабир 139
 Синахулзи 139
 Сирдакка 139
 Сиспирита 165
 Сиху 115
 Скифия 24, 274, 283, 284, 354
 Скифополь 271
 Скифы 23, 38, 149, 154, 156, 157, 169, 265,
 266, 267, 268, 271, 272, 273, 274, 275, 276,
 277, 280, 284, 286, 287, 309, 321, 323, 345,
 347, 354
 Сохенд 140, 143
 Суби 141, 194, 203
 Субнат 72
 Суги 70
 Сугуня 80, 83, 88, 312
 Суйа 139
 Суми 82
 Сурикаш 139
 Сухми 82
 Сухни 81, 84
 Табал 85, 132, 136, 150, 207, 218, 319, 321
 Таохи 53
 Тариуни 100
 Тарс 85, 269, 381
 Тейшебаини 42, 43, 44, 45, 64, 101, 112, 153,
 154, 156, 184, 185, 188, 191, 193, 201, 202,
 203, 209, 218, 221, 226, 229, 230, 233, 234,
 235, 238, 241, 243, 273, 274, 275, 305, 306,
 307, 322, 323, 347, 348, 353, 362, 365, 367,
 371, 381
 Телебой 160
 Териани 112
 Териуишаини 126
 Тир 74, 85, 206, 220
 Тоспитис 56
 Туарацини 100
 Тулиху 54, 108, 110, 113, 127
 Тумме 70, 71, 81, 82, 84
 Тумни 70
 Тумушки (Томиса) 108, 112
 Тунибуни 85
 Туртани 139
 Турушпа 115, 134, 135, 141, 316
 Тушпа (Турушпа) 61, 65, 77, 84, 86, 87, 88,
 91, 92, 93, 94, 96, 100, 115, 117, 122, 128,
 135, 143, 144, 147, 156, 157, 176, 206, 218,
 230, 232, 252, 259, 314, 316, 317, 361
 Уаиаис 142, 143, 144, 146
 Уаси 135, 140, 144, 146, 147
 Уаткун 68
 Уауш 140, 141, 318
 Уашидирикку 139
 Удури 110
 Уеликуни 123
 Уеликухи (Уеликуни) 53, 108, 110, 112, 123,
 124, 125, 126
 Узбиа (Зибиа, Иззибиа) 286
 Уидуани 126
 Уизукки 142, 143
 Уитеру 101
 Уитерухи 91

- Уишдиш 140, 141, 178
 Уишини 143, 252
 Уккая 135, 263
 Уллуба 116
 Улуани 54, 101
 Улху 141, 143, 189, 195, 243
 Умелу 99
 Упои 139
 Уппум 152
 Ур 219, 220, 261, 284, 365
 Урартина 71, 72
 Урартинаш 71
 Урарту 23, 24, 25, 33, 35, 36, 37, 38, 40, 44,
 45, 46, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58,
 64, 65, 66, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 76, 77, 78,
 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90,
 91, 92, 93, 94, 96, 97, 98, 99, 100, 105, 106,
 108, 111, 112, 114, 115, 116, 117, 119, 120,
 121, 122, 126, 127, 128, 129, 131, 132, 133,
 134, 135, 136, 137, 138, 139, 141, 142, 143,
 144, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 154,
 155, 156, 157, 158, 163, 164, 166, 170, 175,
 179, 180, 181, 185, 187, 189, 190, 191, 192,
 193, 194, 198, 199, 201, 202, 203, 204, 205,
 206, 209, 213, 215, 216, 218, 220, 221, 223,
 229, 230, 236, 238, 240, 241, 242, 251, 253,
 254, 255, 258, 259, 262, 263, 264, 265, 268,
 269, 272, 273, 274, 275, 280, 283, 284, 288,
 289, 291, 295, 298, 301, 302, 304, 307, 309,
 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318,
 319, 320, 321, 322, 323, 325, 332, 334, 335,
 336, 339, 341, 343, 345, 346, 348, 349, 350,
 351, 353, 355, 356, 359, 360, 362, 363, 364,
 367, 373, 374, 377
 Урарты 33, 46, 63, 77, 81, 83, 91, 94, 96, 104,
 106, 109, 112, 114, 115, 116, 118, 123, 159,
 160, 161, 162, 179, 181, 187, 193, 196, 224,
 244, 257, 264, 266, 273, 275, 288, 298, 312,
 313, 318, 321, 334
 Уратри 55, 72
 Урахинаш 71
 Урашту 55, 156, 157, 268
 Уриани 99
 Урме (Арме) 94, 100, 109, 166
 Уруатри 55, 68, 69, 71, 72, 73, 77, 78, 288, 311
 Уруатри (Урарту) 69
 Урук 220
 Ути 275
 Ухиме 113
 Ухунини 112
 Ушкайа 141, 143, 146
 Фарнакия 160
 Фасис 160
 Ферами 165
 Финикия 74, 249
 Фракия 274
 Фригия 165, 213, 249, 315
 Хабху 70, 71, 72, 77, 116, 218, 319, 349
 Хагтик 161
 Хайаса 109, 172
 Халдиа 159, 161, 256
 Халдия 159, 160, 161, 162
 Халила 69
 Халиту 161, 202
 Халпу 115
 Халсу 263
 Халтик 161, 162
 Хальсу 134
 Хамаг 85
 Хапху 194, 220
 Хараниа 266
 Харда 134, 151
 Харран 156, 271
 Харри 76
 Хати 94, 99, 100, 152, 181, 202
 Хатти 207
 Хеттское государство 106, 172, 220
 Хеттское царство 164, 171, 311, 313, 314
 Химе 70
 Химме 68, 72
 Химуа 70
 Хириху 70
 Хубушкия 78, 80, 81, 82, 83, 84, 86, 144, 146,
 152, 265, 266
 Хубушна 264
 Хурри 76
 Хушаалхи 111
 Цолакерт 95, 305
 Цопк 94, 166, 202
 Цупани 94, 100, 202
 Шабакa 137
 Шакашен 275
 Шанатуанини 126
 Шейак 145
 Шикакар 275
 Шилаини 126
 Шилайа 82
 Шубари 69
 Шубарту 70
 Шумер 117, 313
 Шуприа 109, 112, 120, 151, 152, 172, 207,
 264, 321
 Шура 92, 94
 Экбатаны 157, 168
 Элам 66, 154, 322
 Эллада 267
 Энзите 52, 82, 83, 86, 116, 166
 Эребуни 43, 44, 45, 53, 57, 100, 101, 102, 103,
 112, 119, 128, 181, 202, 221, 232, 241, 283,
 306, 307, 315, 343, 362, 365, 366, 381

Эрнахи 54, 92, 99, 100, 101, 102, 103, 111,
112, 113, 192, 199
Эридиани 256
Эрития 82, 84
Этиуни 54, 92, 101, 102, 110, 112

Этиухи 92, 102
Этрурия 73, 74, 205, 212, 213, 249, 255
Эшумал 112

Указатель географических названий (современных)

Абхазия 277
Адилджевас 152, 154, 161, 202, 222, 223,
256, 356, 357, 361, 371, 380
Азербайджан 40, 41, 95, 113, 199, 277, 279,
380
Азербайджанская ССР (устар.) Айгестан 186
Азия 132, 154, 166, 267, 269, 347, 373
Айгестан 299
Айрат 32, 55, 173
Акко 60
Акнер 279, 381
Алашкерт 53, 91
Александропольский уезд 192
Алишар 47, 78, 226, 248, 270, 293, 294, 295,
308, 333, 364, 380, 381
Алучалу 42, 54, 232
Америка 46, 61, 302
Анатолия 78, 226, 314, 336, 364
Анау IV 279
Анзав 93, 143
Анкара 24
Аравия 117, 199
Арагац 41, 92, 102, 111, 233, 277, 304
Арагац (Алагёз) 41
Араз 175
Аракс 47, 55, 58, 91, 92, 94, 95, 96, 103, 104,
105, 158, 175, 248, 293, 294
Аралезк 143
Арагат 28, 31, 55, 58, 59, 60, 84, 94, 157, 175,
272, 274, 281, 305, 308, 314, 335, 343
Арацани 84
Аргаста 53
Аргастовит 53
Арджиш 93, 143, 144, 151, 183
Арзани 53, 84, 86
Армавир 30, 40, 103, 104, 105, 123, 236, 304,
350
Армавир (Куркулю) 36, 103, 105, 153, 173,
315
Армавире 30
Армавирский район 105
Армавирский холм 30, 41, 47, 103, 104, 105,
114, 153, 155, 233, 304
Армения 24, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 40, 41, 42,
52, 53, 55, 56, 69, 84, 92, 93, 102, 103, 105,
109, 110, 113, 124, 125, 126, 151, 155, 160,

161, 162, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170,
171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179,
213, 216, 217, 232, 242, 243, 254, 277, 295,
296, 298, 308, 314, 334, 343, 347, 377, 378,
379, 380, 381
Армянская ССР 35, 43, 53, 100, 102, 177,
179, 281, 365
Армянское нагорье 23, 28, 38, 39, 45, 52, 71,
73, 74, 78, 165, 170, 171, 173, 174, 175,
176, 177, 178, 187, 190, 198, 206, 231, 244,
288, 311, 315, 354
Арпачия 78, 102
Арчак, оз. 93
Астакана (Астакхани) 53
Астхадзор 198, 279
Атамхан 54, 110
Афины 197, 213, 214, 336, 338, 380
Ахтала 196, 380
Ахтамар 56, 143
Ахурян 28, 53
Ахурян (Арпачай) 28, 102, 103
Ашотакерт (Ашрут-Дарга) 93
Бавиан 151, 257, 366
Багин 94
Балават 80, 302, 311
Балканский полуостров 216
Балтимор 334
Башбулах 95
Башкала 116, 146, 147
Башкянд 125
Баязет 39, 110, 112, 123, 124, 125, 221, 232, 380
Бендимахи 183
Беркри 183
Бехистун 163
Били 116
Бингельдаг 175
Битлис 144, 147
Богазкёй 216, 226, 364
Бора 146
Боспор 267, 280
Бостанкая 84, 188, 244
Бохтан 160
Бохтан, р. 53, 82, 83, 144, 160
Брюссель 298, 328
Ван 24, 26, 28, 34, 37, 38, 39, 46, 57, 60, 61,
62, 63, 73, 82, 86, 87, 88, 89, 91, 92, 93, 97,

- 98, 101, 105, 107, 110, 113, 114, 116, 123, 143, 146, 152, 168, 175, 181, 183, 195, 199, 210, 225, 230, 237, 240, 244, 245, 248, 249, 251, 259, 271, 289, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 304, 306, 309, 311, 312, 314, 315, 318, 321, 326, 327, 328, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 341, 347, 348, 356, 357, 358, 363, 373, 380, 381
- Ван, город 85, 296
- Ван, оз. 23, 24, 25, 26, 48, 53, 56, 58, 68, 69, 70, 76, 80, 82, 83, 84, 85, 87, 91, 92, 93, 94, 112, 114, 116, 119, 135, 143, 144, 147, 157, 158, 160, 161, 162, 166, 171, 173, 178, 183, 202, 206, 217, 232, 309, 321, 364
- Ванская скала 26, 27, 28, 31, 34, 39, 46, 47, 50, 58, 61, 63, 64, 66, 86, 87, 97, 107, 113, 115, 116, 122, 128, 143, 144, 157, 168, 221, 222, 224, 232, 233, 234, 243, 244, 245, 246, 248, 256, 296, 297, 300, 304, 307, 314, 315, 316, 325, 354, 377, 381
- Ванский район 24, 26, 33, 39, 47, 54, 78, 84, 88, 93, 143, 162, 171, 173, 206, 213, 226, 231, 297, 304, 309
- Ванское оз. 56, 68, 76, 88, 144, 152, 187, 245
- Вараг 50, 183
- Вена 31
- Венеция 31, 167
- Ветулония 212, 336
- Ворнак 279
- Восток 35, 49, 130, 289, 338
- Гавар 124, 125, 146
- Гамбург 337
- Ганлиджа 28, 92, 102
- Гарни 104
- Германия 37
- Гисен 296
- Греция 73, 74, 165, 189, 213, 214, 216, 249, 255, 261, 316, 325, 335, 336, 356
- Грузинская ССР (устар.) 37, 277
- Грузия 30, 32, 34, 36, 37, 59, 60, 94, 110, 113, 183, 198, 222, 277, 289, 308, 314, 335, 343, 355, 380, 381
- Гуши 59, 215, 281, 308, 334, 335, 343
- Дауджиа 146
- Двани 277
- Дверь Ашрута 245
- Дверь Мхера 192, 242, 244, 251, 381
- Дебед 277
- Девезйюк 216
- Делибаба 93
- Дехока 96, 97
- Джанфида 40
- Джерар 270, 271
- Джуламерк 27, 116, 206, 297
- Дзевестан 89
- Диала 112
- Диза 145, 146
- Диядина 84
- Днепр 344
- Европа 30, 31, 46, 61, 163, 164, 172, 197, 267, 280, 299, 370
- Евфрат 70, 83, 85, 94, 96, 108, 112, 115, 154, 160, 164, 172, 173, 175, 181, 202, 239, 316, 367
- Египет 151, 267, 311, 351
- Египт 156, 197, 249, 270, 317
- Екелеац 172
- Ереван 24, 40, 41, 43, 53, 54, 57, 60, 100, 101, 185, 293, 295, 305, 307, 315, 322
- Ереванская губерния 294
- Жаботин 274
- Заб 68, 69
- Заб Большой 116
- Заб Верхний 69, 77, 96, 145
- Заб, Малый 355
- Заб, Нижний 70, 72, 86, 138, 318
- Заб, р. 160
- Закавказский край 181
- Закавказье 23, 24, 28, 30, 31, 32, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 46, 47, 52, 54, 64, 78, 79, 88, 91, 92, 94, 95, 96, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 110, 112, 113, 114, 119, 121, 123, 125, 126, 127, 133, 135, 153, 154, 155, 156, 157, 166, 173, 176, 180, 181, 184, 186, 187, 190, 191, 192, 193, 194, 196, 197, 198, 199, 200, 206, 213, 219, 221, 223, 224, 232, 233, 234, 236, 238, 255, 263, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 283, 284, 285, 287, 288, 289, 294, 304, 305, 306, 308, 309, 313, 315, 317, 322, 347, 352, 354, 355, 362, 374, 380, 381
- Заким 281, 285, 344, 381
- Звартноц 153, 178, 186
- Зенджирли 216
- Зивийе 59, 284, 286, 308, 344, 345
- Зивин 94
- Зымзым-даг 143
- Зымзымдаг 232
- Игдыр 60, 274
- Изоглу 108
- Иония 74
- Иран 52, 58, 205, 213, 215, 223, 225, 279, 280, 281, 337, 363, 374
- Иране 197
- Италия 213, 316, 325, 335, 338, 356
- Кавказ 30, 37, 38, 75, 105, 118, 174, 274, 275, 276, 277, 280, 284, 289, 309
- Каладжик 78, 143
- Канев 274
- Каперсу, р. 245

- Каппадокия 113, 117, 185, 198, 263, 264, 271, 277
 Карабулак 199
 Кархемиш 271
 Касах, р. 153
 Каспийское море 277
 Кашан 225
 Кедабска 279
 Келагран 305
 Келермес 205, 280, 282, 284, 286
 Келяшин 136, 146, 199
 Кешишгел, оз. 38, 178
 Кешишгель, оз. 181, 186
 Киев 274
 Киевская область 274, 354
 Кипр 216
 Кировакан 118, 289
 Кишляг 124
 Кишляг II 124
 Колхида 158
 Котур 84
 Крит 255
 Кубань 274, 280, 344, 345
 Кулали 125
 Куланурхва 277
 Кура 158
 Курдистан 52, 59, 284, 308
 Курдистанские горы 55, 174, 176, 206
 Ленинанкан 99, 343
 Ленинград (устар.) 36, 298
 Леск 34
 Лондон 300
 Луристан 337
 Лчашен (Ордаклю) 45, 113, 127, 196, 198
 Мазгерд 154, 244, 245
 Мазендеран 197, 216
 Майкоп 205, 289
 Маку 33, 58, 153, 161
 Малазгирт (Манаскерт) 53, 84, 87, 93, 94, 183, 188
 Малаклю 60, 216, 308
 Малатя 53, 94
 Малая Азия 73, 74, 75, 81, 85, 96, 114, 154, 162, 163, 165, 170, 171, 172, 217, 235, 237, 241, 249, 256, 262, 266, 270, 272, 273, 309, 315, 317, 325, 335, 373
 Манаскерт 53
 Маранд 141, 143
 Мараш 115
 Мартуни 110
 Масис (Б. Арарат) 55, 175
 Махмуджуг 278, 381
 Мегрелия 162
 Мерв 279
 Мерване 116
 Меренд 195
 Мерс 197
 Мехчиссихе 197
 Мешинкерт Верхний 182
 Мингечаур 169, 277
 Москва 28, 34, 36, 47
 Мосул 27, 96, 271
 Мукус 102
 Мурад, р. (Мурат, р.) 53, 70, 94, 175
 Мусиери 278, 381
 Муш 94, 109
 Мцхета 277
 Нагорный Загр 77, 78
 Нагорный Карабах 117, 127, 288
 Нахичеванская АССР (устар.) 58, 215, 248
 Нахичевань 47, 294
 Нери 146
 Нимруд 27, 81, 86, 115, 116, 269, 297, 351, 366
 Октемберян 103
 Ордаклю (Лчашен) 102, 113
 Осетия 276, 371
 Палестина 137, 151, 249, 270, 271, 317
 Палестрина 213
 Палу 94
 Париж 27, 32, 297, 300, 327, 328, 333, 380
 Патноц 89
 Патноца 114
 Передняя Азия 23, 24, 25, 27, 28, 36, 38, 42, 46, 48, 51, 52, 55, 58, 61, 63, 64, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 89, 92, 96, 106, 112, 114, 117, 127, 129, 131, 132, 134, 136, 137, 149, 155, 157, 162, 163, 164, 165, 170, 172, 173, 174, 175, 184, 185, 187, 190, 192, 193, 197, 199, 204, 205, 206, 207, 213, 214, 219, 220, 223, 229, 237, 240, 241, 255, 260, 261, 262, 263, 264, 267, 268, 269, 270, 271, 275, 276, 277, 279, 280, 282, 287, 289, 298, 302, 311, 313, 315, 316, 321, 325, 336, 337, 344, 347, 364, 370, 373, 381
 Персеполь (Персеполис) 298
 Персия 47, 157, 294
 Подгорцы 274
 Понтийские горы 158, 174, 176
 Посулье 274
 Предкавказье 276
 Пренесте 336
 Приднепровье 43, 273, 274
 Прикубанье 274, 287
 Причерноморье 23, 216, 274, 275, 276, 277, 279, 280, 287
 Раздан (Занга) 101, 153
 Раздан, р. 101, 112, 153, 179, 306
 Ревандуз 136, 145, 146
 Россия 28, 30, 31, 81, 181, 301, 304, 357

- Саккыз 284, 286
 Салмас 58
 Салхана 93, 245
 Самтавро 277, 381
 Санкт-Петербург 59, 294, 298, 334
 Сарай 84, 93
 Сардарабад (Октемберян) 103
 Сарыкамыш 53
 Сасун 173
 Севан, оз. 28, 30, 39, 40, 41, 42, 53, 54, 101, 102, 110, 112, 113, 125, 126, 127, 176, 183, 192, 196, 232, 279, 305, 306
 Севанский район 42, 45, 102, 110, 112, 123, 127, 196, 198, 227
 Северный Кавказ 23, 43, 273, 274, 276, 279, 280, 284, 314
 Сибирь 271
 Сигкех 195
 Сидекан 146
 Сидикан 136
 Сирия 74, 81, 83, 85, 94, 96, 99, 106, 109, 112, 114, 115, 133, 137, 151, 154, 163, 196, 202, 205, 216, 267, 270, 271, 313, 316, 317, 335, 336, 351
 Смелы 273, 274, 354
 Согютлу 233
 Сохенд 141, 143, 206, 318
 Средиземное море 74, 81, 85, 152, 264, 265, 315, 316, 373
 Средиземноморье 74, 75, 205, 212, 217, 223, 225, 255, 261, 273, 309, 315, 317, 335, 336, 337, 338, 350, 356, 363, 373
 Средняя Азия 271, 277
 СССР (устар.) 23, 33, 44, 47, 179, 197
 Сухуми 277
 Тавр 84, 85, 91, 117, 313
 Тазагюх 60
 Тали 60
 Талиш 40
 Ташбурун 31, 41, 94, 95, 305
 Тбилиси 34, 36, 37, 52, 54, 56, 60, 69, 76, 88, 90, 94, 97, 98, 100, 105, 106, 110, 113, 183, 186, 197, 222, 253, 254, 308, 314, 355
 Тебриз 143, 146
 Тегеран 294, 346
 Тигр 27, 46, 52, 68, 71, 72, 84, 85, 109, 116, 145, 157, 160, 172, 175, 206
 Тифлис (устар.) 30, 103
 Тли 371
 Топрах-кале 37, 38, 39, 42, 46, 47, 49, 57, 58, 60, 61, 62, 63, 73, 78, 122, 128, 133, 152, 153, 155, 182, 184, 187, 188, 191, 195, 202, 205, 206, 208, 210, 211, 212, 215, 216, 218, 219, 222, 223, 224, 225, 228, 229, 232, 235, 236, 237, 239, 240, 241, 242, 244, 247, 248, 249, 254, 258, 259, 260, 269, 271, 282, 283, 298, 301, 302, 303, 304, 306, 307, 309, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 338, 339, 340, 344, 347, 349, 352, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 364, 366, 367, 368, 379, 380, 381
 Топузава 136, 145, 146, 199
 Трапезунд 160, 161
 Триалети 78, 118, 197, 289
 Туркмения 279
 Турция 24, 34, 38, 219, 296, 304
 Украина 274, 280, 344
 Урмия 58, 84, 86, 91, 99, 129, 133, 136, 138, 141, 142, 145, 176, 178, 191, 199, 203, 215, 245, 264, 266, 315, 318
 Урмия, оз. 88, 91, 111, 112, 146, 175, 191, 195, 206, 275, 281, 315, 334, 343
 Ушне 136, 147
 Франция 27, 130, 320
 Хабул 83
 Хайкаберд 187, 188, 232, 241, 244, 254, 256, 269, 271, 283, 381
 Ханлар 186
 Хараконис 93
 Хой 93
 Хорсабад 49, 129, 206, 297
 Хотанлу 183
 Хошаб 183
 Хошаб, р. 93, 182
 Хуркум 143, 183
 Цицамури 278
 Цовак (Загалу) 54, 113, 183
 Цовинар (Келарган) 41, 42, 54, 125, 232, 305
 Черное 277
 Черное море 160, 161, 174
 Чилдыр, оз. 99, 113
 Чилдырское, оз. 113
 Чух 146
 Шайтандаг 227
 Шарур 58
 Шатах 116
 Эгейское море 205
 Элар 28, 92, 101
 Эранос 110
 Эрджиш 56
 Эрзерум (Эрзурум) 84, 158, 206, 300, 314, 329
 Эрзинджан (Эринджан) 161, 308, 332, 335
 Эриванская губерния 192
 Эриванская равнина 96, 105
 Эчмиадзин 28, 31
 Юнжалу 71

Указатель исторических имен

- Аграмозан 152
 Адад 81, 312
 Ададнирари 40, 108, 116, 118, 288
 Ададнирари I 40
 Ададнирари II 55, 72, 77
 Ададнирари III 66, 93, 106, 315
 Адрамел (Адрамелек) 152
 Адрамелек 151
 Аза 137
 Александр Македонский 173
 Алиат 156
 Амбарис 132, 136, 150
 Аналукуну 120
 Аналукуну (Абалукуну) 135
 Аплиукн 135
 Араму 64, 65, 80, 81, 82, 85, 87, 88, 312
 Аргишти 28, 34, 36, 39, 42, 43, 44, 50, 53, 56, 59, 63, 65, 66, 75, 92, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 111, 112, 113, 114, 122, 123, 127, 131, 132, 143, 148, 150, 151, 152, 153, 155, 156, 161, 166, 179, 185, 189, 192, 194, 199, 202, 207, 208, 209, 218, 220, 236, 238, 245, 246, 281, 295, 305, 306, 307, 308, 315, 320, 324, 332, 338, 340, 342, 365, 372, 378, 380
 Аргишти I 208, 283, 339, 341, 343, 351
 Аргишти II, сын Русы 66, 203, 321
 Арциби 195
 Арцруни 152, 173
 Асархаддон 66, 115, 118, 120, 149, 151, 152, 154, 170, 184, 264, 265, 266, 267, 321
 Асна 85
 Ахатабиши 132
 Ашурбанипал 27, 66, 130, 154, 155, 169, 170, 173, 187, 198, 265, 266, 286, 301, 322, 372, 380, 382
 Ашурбельдан 134
 Ашурдан 58, 109
 Ашурдан III 66, 106
 Ашури 139
 Ашурнасирпал 72, 109, 178
 Ашурнасирпал II 57, 72, 73, 87, 109, 118, 198, 212, 222, 355, 366, 372
 Ашурнирари 65, 108
 Ашурнирари IV 66, 106
 Ашуррисуа 132, 133, 134, 135, 263, 317
 Ашурубалит 156, 271
 Ашуршалим 152, 265
 Бату 203
 Белушезиб 265, 266
 Бзруни 167
 Василий 161
 Вахрам Пахлавун 103
 Вахрамашен 103
 Гигес 266
 Гилурани 203
 Гнуни 152
 Гордий 336
 Гуггу (Гигес) 266
 Гудеа 117, 242
 Даиуку 138
 Дарий 157
 Дарий I 157, 268, 277
 Диуцини 111, 112
 Дунану 154
 Ерванд 171
 Ерикуа 95
 Ерикуа[хи] 95
 Еруандуни 171
 Ианзу 144
 Инушпуа 90, 97
 Иранзу 137
 Ирекуа 95
 Иркуа 95
 Итти 139
 Ишпака 266
 Ишпилини 203
 Ишпуини 195
 Ишпуини, сын Садури 65, 66, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 101, 148, 182, 183, 188, 195, 203, 209, 236, 244, 248, 314, 315, 320, 355
 Каккадану 135
 Каштарити 265
 Киаксар 169, 267, 268
 Киаксаром 267
 Кира Младший 159
 Ков 267
 Ксеркс 28, 83, 157, 158, 246, 322, 382
 Кушташпи 111, 115, 116
 Луех 54
 Лутипри 50, 64, 66, 75, 76, 86, 87, 88, 234, 314
 Мадай 267
 Мадий 267, 268
 Мандакуни 167
 Манукиахе 154
 Матиилу 115
 Менуа 244
 Менуа, сын Ишпуини 34, 36, 43, 53, 65, 66, 75, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 109, 114, 120, 122, 144, 156, 182, 183, 187, 188, 195, 197, 203, 208, 218, 236, 244, 246, 248, 305, 306, 315, 342, 355, 372, 377
 Метатти 139, 140, 318

- Минуа (см. Менуа) 92, 315
 Мита 136, 150
 Митраваст 171
 Мурины 108, 110, 111, 123
 Муталлу 150
 Набудамика 154
 Набули 132, 134, 263, 317
 Набупаласар 156, 157, 169, 170, 267
 Навуходоносор 169, 220
 Нарагу 135
 Нидини 112, 123
 Нинуртаусалл 154
 Оронт 160, 171
 Партагута 267
 Прототия 267, 268
 Псамметих (Пишамилку) 266, 267
 Рашуни 111
 Руса 38, 39, 40, 42, 65, 66, 75, 104, 117, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 131, 132, 133, 135, 136, 137, 138, 140, 141, 142, 143, 147, 148, 150, 152, 153, 154, 155, 156, 161, 178, 179, 181, 182, 190, 195, 201, 202, 203, 206, 208, 218, 243, 262, 263, 264, 302, 305, 306, 316, 318, 319, 321, 332, 339, 349, 361, 362, 372
 Руса I 42, 43, 65, 66, 106, 122, 127, 199, 305, 306, 308, 318, 321, 339
 Руса II 32, 33, 43, 66, 106, 152, 153, 154, 161, 178, 202, 245, 305, 306, 322
 Руса III 152, 153, 155, 340
 Рштуни 167
 Сагаштара 153, 202
 Сакуата 135
 Салманасар 72, 77, 83, 84
 Салманасар I 55, 68, 69, 72, 77
 Салманасар III 48, 49, 57, 64, 66, 72, 78, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 109, 191, 194, 195, 196, 207, 302, 311, 312, 314, 377
 Салманасар IV 65, 66, 96, 106
 Салманасар V 66, 133, 136
 Саргон 27, 48, 49, 65, 66, 84, 118, 120, 122, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 136, 138, 139, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 150, 151, 175, 181, 184, 185, 189, 194, 199, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 211, 213, 217, 219, 220, 235, 236, 239, 243, 258, 263, 286, 317, 318, 319, 320, 321, 324, 329, 339, 355, 366, 367, 377, 382
 Саргон I 117
 Сарданапал 167
 Сардури 29, 34, 39, 50, 63, 65, 66, 76, 86, 87, 88, 90, 91, 107, 108, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 119, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 131, 133, 136, 142, 148, 153, 154, 155, 156, 166, 170, 179, 180, 185, 189, 192, 194, 199, 201, 206, 208, 209, 234, 236, 238, 245, 257, 262, 263, 304, 314, 315, 316, 320, 338, 354, 355, 362, 365
 Сардури I 29, 64, 75, 87
 Сардури II 43, 44, 49, 50, 54, 87, 94, 108, 109, 110, 111, 112, 114, 127, 197, 207, 208, 220, 283, 306, 338, 339, 340, 341, 343, 351, 377, 378, 379
 Сардури III 154, 155
 Седури 64, 87
 Седури (Сидури) 64, 86, 87, 88, 314
 Селенар 151
 Сеннакирим 169
 Сеннахерим 151
 Синалиби (Циналиби) 54
 Синахериб (Сеннакирим, Сеннахерим) 3, 27, 55, 66, 118, 131, 132, 134, 135, 151, 152, 170, 185–187, 196, 198, 263, 264, 317
 Синахусур 140
 Сиплиа 135
 Ситину 135
 Суламал 115
 Таририя 187
 Тархулара 115
 Тацит 162
 Теарко (Тахарака) 267
 Теумман 154
 Теушпа 264, 266
 Тиглатпаласар 65, 73, 114, 115, 116, 117, 120, 122, 133, 136
 Тиглатпаласар I 70, 71, 72, 73, 138, 190, 194, 199
 Тиглатпаласар III 66, 114, 120, 121, 134, 195, 262, 285, 316
 Тирибаз 171
 Титиа 120
 Тунаун 135
 Тутанхамон 219
 Туту 135, 142
 Уллусуну 137, 138, 139, 141
 Умбадару 154
 Урзана 120, 122, 135, 136, 144, 146, 147, 148, 205, 217, 218, 254, 262, 263, 318, 349, 372
 Урзана Мусасирский 144
 Урса 119, 131, 139, 140, 141, 142, 148, 152, 154, 181, 209, 264, 319, 320, 321
 Урсине 135
 Утупурушине 100
 Фригии Гордия 315
 Хармакку 138
 Хатгухи 71
 Хатгушил III 109
 Хяхани 111
 Хиларуади 99, 108
 Хорхоруни 167

Цидкия 157
 Циналиби 108, 110
 Шабаки 317
 Шадиантеру 71
 Шамашем 71
 Шамурамат 315

Шамшиадада 65, 66, 88
 Шамшиададу 89
 Шамшиилу 65, 96, 106, 367
 Шаху 108
 Шульги 220
 Эримена 66, 75, 104, 122, 123, 152, 155, 156, 170

Указатель исследователей и путешественников

Адонц Н. 52, 109
 Акургал Е. 333, 340, 370, 373
 Алишан Г. 31
 Амандри П. 334, 338
 Андрэ 269
 Арамянц Г. 347
 Арутюнян Г. С. 60
 Арутюнян Н. В. 35, 36, 97
 Атрпет 335
 Барамидзе А. А. 37
 Барнет Р. Д. 59, 61, 210, 284, 287, 300, 302, 308, 327, 328, 348
 Бартикян Г. М. 45
 Бартоломей И. А. 295
 Бархударян С. Г. 124
 Басмаджян К. 32
 Бахтеев Ф. Х. 179
 Бациев С. М. 35
 Бельк В. 30, 32, 34, 38, 61, 87, 97, 113, 116, 125, 146, 182, 233, 303, 356
 Бернштам Ф. 301
 Бобринский А. А. 30, 34, 354
 Боннэ . 269
 Ботта Е. 27, 28, 129
 Ботта П. Э. 297
 Бранденбург Э. 249
 Бранденштейн 75
 Броссе М. 297, 298, 333
 Бругш Г. 47, 294, 295
 Бэрней К. 231
 Бэрней К. 84
 Вайман А. А. 36
 Вейднер 40, 69
 Вермишин А. М. 186
 Веселовский Н. И. 280, 354
 Виндишман 163
 Винклер Г. 75
 Вирхов Р. 30
 Вогэ 327, 333, 380, 382
 Вогюз 210, 380
 Вотермен Л. 131, 132, 263
 Гётце А. 34, 75, 76, 146
 Гамкрелидзе Т. В. 37
 Гарибян А. С. 171

Гвахария А. А. 37
 Герцфельд Э. 205, 214, 221, 223, 237, 337, 356
 Гиришман Р. 279, 286, 374
 Глейе А. К. 32
 Годар 287
 Годар А. 284
 Голенищев В. С. 32, 334
 Громова В. И. 192
 Гулканян В. О. 180, 193
 Гюбшман 163
 Гюйар С. 29
 Даль С. К. 189, 191, 192, 198, 253
 Девганц 61, 300, 301, 326, 328, 330, 331
 Дейроль 246
 Джанашвили М. Г. 32
 Дукати 214, 337
 Дьяконов И. М. 24, 35, 36, 56, 65, 77, 106, 112, 121, 143, 156, 180, 201, 202, 268, 272, 276
 Дюбуа де Монпере 103
 Егъазарян О. 279
 Еремян С. Т. 52, 109, 171
 Ерицов А. Д. 30, 103
 Ерицян А. Д. 304
 Ермаков Д. И. 297, 298, 329, 333
 Жуковский П. М. 180
 Зарре Ф. 221, 223, 356
 Ивановский А. А. 30, 31, 41, 43, 95, 100, 113, 125, 199, 279, 305
 Иенсен 158, 163, 172
 Иессен А. А. 276, 294
 Ильинская В. А. 274
 Ипсен 214, 337
 Израелян М. А. 36, 44, 272
 Кёниг Ф. 36, 159
 Казнаков А. Н. 33, 248
 Каландадзе А. Н. 277, 278
 Камсаракан К. 300, 301, 328
 Капанцян Г. А. 23, 35, 36, 40, 52, 125, 126, 164, 172
 Касабян З. М. 45
 Квартано Н. Н. 294, 295
 Келекян А. 335

- Келяшин 90, 145, 146
 Кинжалов Р. В. 59
 Клейтон 37, 46, 60, 211, 229
 Клерк 80, 216
 Клэйтон Э. 302
 Княгиницкий П. Е. 245
 Коберт 227
 Кольдевей 269
 Колубакин Н. П. 47, 293, 294, 295
 Кононов В. Н. 238, 367
 Кречмер 75
 Кречмер П. 74, 162, 172
 Крупнов Е. И. 274, 276
 Курциус Л. 57, 212, 332
 Куфтин Б. А. 60, 335
 Лалаян Е. А. 113, 124, 227
 Ленорман Ф. 29, 298
 Леонард Р. 244
 Лермонтов М. Ю. 47
 Лонперье А. де 298
 Лосева И. М. 44
 Лушей Г. 216
 Лэйрд А. Г. 27, 28, 29, 97, 107, 245, 246, 297, 300, 301, 327, 328, 332
 Лэйк К. 304
 Лядов А. В. 34
 Макалатия С. И. 277
 Манандян Я. А. 52, 69, 84, 109, 173
 Маркварт И. 52, 163, 166, 172
 Марр Н. Я. 23, 24, 30, 33, 38, 39, 40, 42, 62, 63, 161, 164, 169, 247, 279, 304, 347
 Мартиросян А. А. 45
 Масперо Г. 84
 Мейе 164
 Мейер Г. 303, 358
 Мейсснер Б. 130
 Меликишвили Г. А. 23, 24, 35, 36, 37, 51, 52, 54, 56, 65, 69, 76, 77, 88, 90, 97, 98, 100, 106, 108, 110, 111, 119, 143, 202, 203, 253, 254, 257
 Мессершмидт 216
 Мещанинов И. И. 23, 33, 35, 40, 41, 125, 126
 Миллер В. Ф. 30
 Миннза 348
 Минорский В. Ф. 146
 Мнацаканян А. О. 45, 198, 279
 Мольтке 27
 Морган Ж. де 30, 32, 113, 227, 278
 Мортдман А. 29
 Мсерианц Л. З. 32
 Мюллер Д. 29, 163, 245, 300
 Мюльбах 27
 Никольский М. В. 23, 31, 32, 56, 88, 95, 103, 104, 105, 125, 158, 305
 Оганесян К. Л. 43, 44, 241, 243
 Олмстэд А. 131, 132
 Орбели И. А. 24, 33, 34, 38, 39, 62, 63, 107, 116, 223, 244, 259, 303, 304, 338, 357, 358
 Ормузд Д. (G. Hormuzd) 298, 347
 Патканов К. 168, 172
 Патканов К. П. 30, 275, 299, 300, 326, 328, 330
 Перро 334, 339
 Перро Ж. 298, 300
 Петерман 163
 Петров В. А. 179
 Петров П. Ф. 308
 Пинчес Т. 130
 Пиотровский Б. Б. 35, 42, 43, 44, 291
 Погосян С. А. 187
 Помпелли 279
 Рассам О. 37, 38, 46, 60, 80, 300, 301, 302, 328
 Ратген 229
 Рейнольдс Д. 37, 46, 60, 61, 300, 301, 302, 328
 Реслер Э. 30, 113
 Ригт Г. 130
 Римшнейдер М. де 317
 Робера Л. де 29
 Роулинсон Г. 27, 28, 29, 269, 298
 Рюи Гонзалес де Клавихо 161
 Сандаджян И. 31
 Саргисян Н. 31
 Сафар Фуад 355
 Сивков А. В. 242, 245, 380, 381
 Сибатянц М. 28, 125
 Сорокин В. С. 35, 36, 202
 Стасов В. В. 298
 Стоклэ (Stoclet) 298, 328, 382
 Струве В. В. 24, 40
 Сэйс А. 29, 30, 32, 37, 51, 55, 84, 97, 158, 302
 Такайшвили Е. С. 30
 Таманян А. И. 39
 Техов Б. В. 371
 Тирацян Г. А. 45
 Тозер Ф. 245
 Тораманян Т. 41
 Трапш М. М. 277
 Тревер К. В. 254, 260, 283, 364
 Туманян М. Г. 177, 179, 185
 Тураев Б. А. 38, 39
 Уваров А. С. 30, 103, 104, 300, 304, 327, 329, 379
 Фланден 130
 Фландэн 27
 Флиндерс Петри 270, 279
 Флоренский А. А. 34
 Форрер Э. 69, 131
 Фридрих 34, 35, 36, 51, 77, 159, 296
 Фуртвенглер А. 214, 337
 Халатьянц Г. А. 32, 56, 168
 Халди 95, 203

- Хачатрян А. 72, 172
 Хачатрян С. С. 186
 Хинкс Э. 28
 Ходжаш С. И. 44
 Хэнтингтон Э. 38
 Церетели Г. В. 34
 Чамчан М. 167
 Читая Г. С. 278
 Шантр 30
 Шахермейер Ф. 34, 205
 Шефер Г. 260
 Шилейко В. К. 40
 Шипье Ш. 298, 300, 334, 339
 Шлеев В. В. 36, 43
 Шлиман Г. 219
 Шлумбергер 80
 Шпейзер Э. 35, 76
 Шульц Д. Г. 280, 345
 Шульц Фридрих Эдуард 26–28, 91, 97, 169, 245, 246
 Эзгюч Т. 308, 343
 Эль Амин 130
 Эмин Н. О. 30, 296
 Юнг Р. 335
 Якубцинер М. М. 179
 Янковская Н. Б. 207

Указатель мифологических имен

- Ауи 253
 Адад 71, 139, 251, 256
 Адарута 252
 Адиа 253
 Адраделом 151, 169
 Аиа 253
 Аинау 253
 Аираини 252, 259
 Алаптушини 252
 Анапша 251
 Ара 25, 165, 295
 Ара Прекрасный 25, 295
 Араза 252
 Арам 81, 84, 165, 289
 Ард 145, 252, 256, 258
 Арди 253, 256, 315
 Армайс 103
 Армен 164, 165
 Арменак 165, 289
 Арменан 165
 Армни 165
 Арни 252, 259
 Арсимела 251
 Аргухарасау 252
 Арубаини 253, 254
 Арубани 254, 258, 347, 349, 379
 Арха 253
 Арцибедии 252
 Атбини 252
 Ашкеназ 268
 Ашур 70, 86, 266
 Баба 256
 Бабаниа 259
 Багбарту 211, 254
 Багдасар 152
 Багмашту 254, 319
 Барциа 253
 Башмашту 349
 Белесис 167, 168, 169
 Варбак 167, 168, 169, 289
 Венера 257
 Гильгамеш 260
 Гомер 268
 Горы 253, 313
 Дидуаини 251
 Елип(у)ри 257
 Зиукунни 252
 Зу 96
 Зузумару 252
 Иеремиа 268
 Инуанау 253
 Ипхари 253
 Ирмушини 252
 Иуарше 44
 Иубше 44
 Иштар 257
 Килибани 252
 Конхолерос 167
 Куера 257
 Мардук 144, 220, 255
 Мена 75
 Мешех 220
 Минос 75
 Набу 138, 144, 222, 239, 355, 367
 Налаини 251
 Наннар 255
 Нергал 139
 Нин 167
 Нисрох 151
 Паруйр 167, 168, 169, 170, 289
 Рифат 268
 Санасар 151, 152
 Саннасар 169
 Сарданапал 167, 169

- Сарди 253, 257
 Силя 253
 Син 257, 263
 Скайорди 167, 168, 169, 170
 Суинина 259
 Талапура 252
 Тарани 252
 Тейшеба 54, 88, 92, 123, 126, 153, 179, 188, 200, 201, 202, 207, 212, 223, 232, 251, 252, 256, 258, 305, 306, 315, 322, 334, 340, 343, 347, 348, 357, 361, 363, 371, 378, 380
 Тешуба 75, 256
 Тогарма 268
 Тубал 220
 Тураны 251
 Тушпуеа 88, 253, 256, 334
 Уа 251, 253
 Уарубани 254
 Уиа 253
 Уина 252
 Ура 252
 Хайк 56, 103, 165, 288, 289
 Хайк Базе 56
 Халди 44, 54, 77, 88, 90, 92, 95, 98, 99, 100, 102, 103, 104, 108, 110, 111, 113, 114, 122, 123, 126, 136, 147, 148, 153, 158, 159, 179, 203, 207, 209, 211, 213, 232, 236, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 315, 319, 320, 321, 334, 342, 347, 349, 350, 356, 366, 378
 Хара 259
 Хебат 256
 Хепа 256
 Хуба 253, 256
 Хутуини 251, 257
 Цинуарди 253, 257
 Шамаш 152, 154, 157, 251, 255, 256, 264, 265, 266, 321, 334
 Шамирам 25, 26, 30, 61, 65, 93, 165, 167, 168, 182, 187, 230, 237, 248, 295, 296, 315, 356, 379
 Шамирам (Семирамида) 25
 Шаммурамай 51, 52
 Шебиту 251
 Шеларди 251, 257
 Шивини 78, 139, 174, 251, 252, 255, 256, 257, 258, 315, 334, 342, 347, 361
 Шиннири 252
 Шуба 252
 Эа 246, 364
 Эбани 245
 Элиаха 252
 Элипри 252
 Эрина 252
 Явон 206
 Язон 150
 Яфет 165, 268

Указатель древних авторов и литературных источников

- Анания Ширакский 56
 Антипатр 165
 Арриан 162
 Ашкеназ 55, 272, 277
 Библия 55, 151, 156, 170, 268, 277, 289
 Вергилий 175
 Геродот 29, 55, 83, 157, 158, 162, 164, 165, 169, 178, 187, 266, 267, 268, 298
 Гомер 267, 268, 289
 Диодор 160, 168
 Евдокс 165
 Евсевий 167, 168, 169
 Евсевий Кесарийский 167
 Евстафий 160, 165
 Иезекииль 220, 268
 Иеремия 55, 151, 157, 272, 277, 323
 Иосиф Флавий 168
 Исаия 55
 Книга Бытия 55
 Книга Царств 55
 Константин Порфириогенет 161
 Ксенофонт 159, 160, 161, 171
 Кумранская рукопись 55
 Моисей Хоренский 25, 26, 56, 61, 65, 93, 103, 151, 162, 165, 167, 168, 169, 170, 230, 237, 240, 248, 289, 295, 296, 356
 Нерсес Шноргали 165
 Плиний 56, 275
 Прокопий 162
 Прометей 30
 Птолемей 52, 56
 Себеос 165
 Семирамида 296, 315
 Стефан Византийский 160, 165
 Страбон 56, 158, 160, 164, 171, 172, 243, 266, 267, 268
 Фавст 56
 Фавст Бузанд 56
 Хорхорская летопись 36, 50, 65, 92, 97, 98, 100, 101, 102, 109, 113, 246
 Шамирам 25

Указатель научных учреждений и музеев

- Азиатское общество 27, 296, 297
 Академия наук АрмССР 24, 305
 Академия наук СССР 35
 Академия истории материальной культуры
 41, 283
 Академия наук Армянской ССР 36, 43, 44,
 45, 307
 Академия наук СССР 33, 169, 300, 304, 347
 Армянский филиал АН СССР 42
 Археологическая комиссия 30, 281, 286, 354
 Бакинский государственный университет 40
 Берлинский музей 46, 141, 300, 303, 328,
 329, 333, 338, 349, 358, 364, 379, 380
 Британский музей 24, 29, 37, 46, 60, 61, 80,
 115, 130, 132, 134, 156, 208, 209, 210, 211,
 213, 259, 267, 270, 298, 299, 300, 301, 302,
 303, 327, 328, 329, 334, 336, 338, 339, 341,
 347, 348, 352, 353, 356, 359, 364, 379, 380
 Британское Азиатское общество 29
 Гамбургский музей 303, 332, 379
 Гарвардский университет 335
 Гейдельбергская Академия наук 34
 Государственный исторический музей
 Армении 7, 47, 213, 254, 279, 282, 350
 Государственный музей Грузии 47, 183, 222
 Государственный Эрмитаж 36, 41, 42, 44, 47,
 58, 59, 62, 118, 125, 148, 248, 279, 294,
 305, 327, 328, 329, 344, 345, 351, 357, 367,
 377, 379, 380, 381
 Ереванский государственный университет 40
 Институт истории материальной культуры
 АН СССР 35, 36
 Исторический музей Академии наук
 Армянской ССР 45
 Исторический музей Армении 224, 335, 347,
 349
 Кавказский музей 30, 110
 Кливлендский музей (США) 335
 Комитет охраны древностей Армении 39, 40,
 105, 125, 281
 Комитет по охране исторических памятников
 42, 305
 Конгрегация мхитаристов в Вене 31
 Конгрегация мхитаристов в Венеции 31
 Константинопольский музей 297, 333
 Копенгагенский музей 338
 Кунсткамера 280
 Лувр 130, 210, 300, 320, 329, 334, 337, 380, 382
 Московское археологическое общество 30,
 31, 95
 Музей в Анкаре 335, 357, 382
 Музей изобразительных искусств
 им. А. С. Пушкина 47, 307
 Музей Метрополитен (Нью-Йорк) 329
 Музей Пенсильванского университета 346
 Музей Эчмиадзинского монастыря 332
 Русское археологическое общество 34, 38,
 39, 62, 63, 107, 245, 304, 380, 381
 Санкт-Петербургский университет 299
 Стамбульский музей 134
 Эрмитаж 47, 59, 61, 62, 126, 210, 211, 213, 248,
 256, 276, 283, 293, 295, 298, 301, 304, 305,
 309, 310, 328, 330, 333, 334, 341, 358, 374,
 381

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА Б. Б. ПИОТРОВСКОГО¹

- Борис Борисович Пиотровский родился 14 февраля 1908 г. в Санкт-Петербурге.
- 1925 г. — Окончил 200-ю школу в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург).
- 1925–1930 гг. — Студент историко-лингвистического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ).
- 1929–1964 гг. — Младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, с 1953 г. — заведующий Ленинградским отделением Института археологии АН СССР (до 1960 г. — Институт истории материальной культуры АН СССР).
- 1930 г. — Окончил историко-лингвистический факультет ЛГУ.
- 1931–1964 гг. — Младший научный сотрудник, научный сотрудник, старший научный сотрудник, с 1941 по 1942 г. — заведующий отделом Востока, с 1949 по 1953 г. — заместитель директора по научной части. С 1960 по 1964 г. — внештатный научный консультант Государственного Эрмитажа (Ленинград).
- 1935 г. — Участвовал в работе III Международного конгресса по искусству и археологии Ирана (Ленинград).
- 1938 г. — Присуждена ученая степень кандидата исторических наук без защиты диссертации.
- 1939–1941, 1945–1971 гг. — Начальник Кармир-блурской археологической экспедиции Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа.
- 1944 г. — Присуждена ученая степень доктора исторических наук за книгу «История и культура Урарту».
- Награжден медалью «За оборону Ленинграда».
- 1945 г. — Вступил в Коммунистическую партию Советского Союза.
- Награжден орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в развитии науки, в связи с 220-летием Академии наук СССР.
- Избран членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР.
- 1946 г. — Присуждена Государственная премия СССР за научный труд «История и культура Урарту», опубликованный в 1944 г.
- 1954 г. — Награжден орденом Трудового Красного Знамени за выслугу лет и безупречную работу.
- 1954–1990 гг. — Член редколлегии журнала «Советская археология».
- 1955 г. — Командирован в Италию на X Международный конгресс историков в Риме; выступил с докладом «Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР».
- 1956 г. — Командирован в Египет во главе делегации советских археологов и этнографов для установления научных связей между советскими и египетскими учеными и ознакомления с новыми археологическими исследованиями и реставраци-

¹ При составлении материалов приложения использована публикация «Борис Борисович Пиотровский», подготовленная А. Воссоевичем.

- онными работами в стране, а также с памятниками древности, находящимися в зоне затопления Асуанской плотины; в ходе командировки посетил район Вади Хальфа в Судане.
- 1957 г. — Награжден орденом Трудового Красного Знамени в ознаменование 250-летия города Ленинграда и за заслуги в развитии науки и культуры.
- Командирован в ФРГ на XXIV Международный конгресс востоковедов; выступил с докладом «Успехи в исследовании государства Урарту».
- 1960 г. — Участвовал в работе XXV Международного конгресса востоковедов (Москва); выступил с докладом «Раскопки урартских крепостей Эрбунни и Тейшебаини» (соавт.: К. Л. Оганесян).
- 1960–1964 гг. — Представитель СССР в Международном консультативном комитете экспертов ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии.
- 1961 г. — Присвоено звание Заслуженного деятеля науки Армянской ССР.
— Избран почетным членом Итальянского института доистории и протоистории во Флоренции.
- 1961–1962 гг. — Начальник первой археологической экспедиции АН СССР в Нубии (Египет).
- 1962–1963 гг. — Начальник второй археологической экспедиции АН СССР в Нубии (Египет, Судан).
- 1963 г. — Командирован в Англию на совещание историков СССР и Англии.
- 1964 г. — Присуждено звание Заслуженного деятеля искусств РСФСР.
— Присуждена степень почетного доктора Делийского университета (Индия).
— Командирован в Индию на XXVI Международный конгресс востоковедов; выступил с докладом «Вади Аллаки — древний путь к золотым рудникам Нубии».
- 1964–1990 г. — директор Государственного Эрмитажа.
— Член редколлегии «Историко-филологического журнала» (Ереван).
- 1965 г. — Избран почетным членом Института египтологии Карлова университета в Праге (ЧССР).
— Командирован во Флоренцию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Бордо.
- 1965–1969 гг. — Депутат Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся 10-го и 11-го созывов.
— Командирован в Турцию на X Международный конгресс по классической археологии.
- 1973–1990 гг. — Член редакционного совета редакции «Общественные науки и современность» журнала «Общественные науки».
- 1974 г. — Присуждено звание Заслуженного деятеля культуры Польской Народной Республики.
— Присуждена советско-иранская премия имени Фирдоуси.
— Командирован во Францию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Гавре.
— Командирован в ФРГ по приглашению правительства ФРГ для ознакомления музеями в дворцовых зданиях и замках.
- 1974–1990 г. — Председатель бюро философских (методологических) семинаров ленинградских институтов АН СССР.
— Член бюро Советского комитета по изучению цивилизаций Центральной Азии.
- 1975 г. — Награжден орденом Ленина за заслуги в развитии советской науки и в связи с 250-летием АН СССР.
— Командирован в США для участия в открытии выставки Государственного Эрмитажа в Нью-Йорке (Генеральный комиссар выставки).

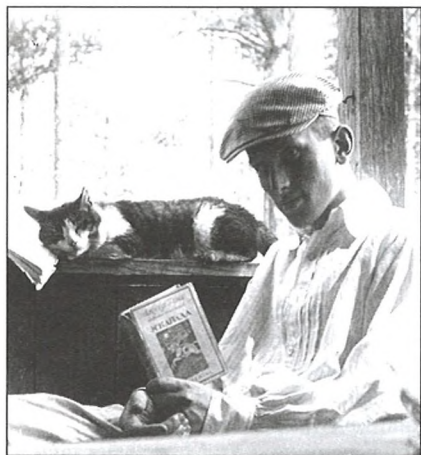
- Командирован во Францию для участия в открытии выставки Государственного Эрмитажа в Париже (Генеральный комиссар выставки).
- 1975–1980, 1984 гг. — Член бюро Отделения истории АН СССР.
- 1975–1990 гг. — Член редколлегии ежегодника «Памятники культуры».
- 1976 г. — Председатель оргкомитета XIV международной конференции античников социалистических стран (Ереван).
 - Командирован в Мексику в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Мехико и для ознакомления с древними памятниками Мексики.
 - Командирован в ГДР в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Дрезденской картинной галерее.
 - Командирован в Иорданию по приглашению министра туризма и археологии Иордании для ознакомления с древними памятниками страны.
- 1976–1990 г. — Редактор издания Государственного Эрмитажа «Археологический сборник».
- 1977 г. — Избран почетным членом Азиатского общества (Франция).
 - Командирован в Канаду для чтения лекций в университете г. Виктория.
 - Командирован в Италию во главе делегации ССОД.
 - Командирован в Турцию по приглашению министра иностранных дел Турции для ознакомления с древними памятниками страны.
- 1978 г. — Избран действительным членом Германского археологического института (ФРГ).
 - Награжден золотой медалью в связи с 400-летним юбилеем П. Рубенса (Бельгия).
 - Участвовал в работе II Международного симпозиума по армянскому искусству (Ереван); выступил с докладом «Скифы и Урарту».
 - Командирован в Японию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Токио.
 - Командирован в Польшу по приглашению Польского национального комитета музеев.
 - Командирован в ФРГ на конференцию Комитета археологических музеев.
 - Командирован в Великобританию по приглашению Министерства иностранных дел Великобритании в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Британском музее.
- 1979 г. — Избран членом-корреспондентом Академии изящных искусств Сан-Фернандо (Испания).
 - Избран почетным членом Академии искусств рисунка во Флоренции (Италия).
 - Командирован в Швецию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа.
 - Командирован в Австралию в связи с открытием выставки живописи из советских музеев.
- 1979–1990 гг. — Член бюро Межведомственного координационного совета АН СССР.
 - Член Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете министров СССР.
- 1980 г. — Присуждена премия имени А. П. Карпинского Фондом г. Гамбурга (ФРГ).
 - Командирован в Италию на советско-итальянскую конференцию по охране памятников во Флоренции.
 - Командирован в Болгарию для ознакомления с историческими памятниками.
 - Командирован в Колумбию в Музей золота в связи с изданием книги о музее.
- 1980–1988 гг. — Член Президиума АН СССР.
- 1981 г. — Награжден медалью имени С. И. Вавилова за заслуги в пропаганде политических и научных знаний, в коммунистическом воспитании трудящихся.

- Награжден орденом Искусства и литературы командорской степени (Франция).
- Награжден орденом Кирилла и Мефодия I степени (НРБ).
- Командирован в Испанию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Мадриде.
- Командирован в Грецию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Афинах.
- Командирован во главе делегации АН СССР в Народную Демократическую Республику Йемен.
- Командирован в Йеменскую Арабскую Республику для ознакомления с историческими памятниками.
- 1981 г. — Член бюро Национального комитета историков Советского Союза АН СССР.
- 1982 г. — Командирован в Индию во главе делегации на индо-советский симпозиум по археологическому изучению памятников Индии и Средней Азии; прочел лекцию о раскопках урартской крепости Тейшебаини в Армении.
- Командирован в Италию для участия в торжествах в связи с 400-летним юбилеем галереи Уффици.
- Командирован в Бельгию для проведения выставки «Урарту» в Гентском университете; прочел лекцию на тему «Изучение урартской культуры в СССР».
- Командирован в Мексику по приглашению мексиканского правительства для участия в церемонии вступления в должность нового президента страны Мигеля де ла Мадрида.
- 1982 г. — Член редколлегии журнала «Вопросы истории».
- 1983 г. — Присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» за большие заслуги в развитии советской науки и культуры и плодотворную общественную деятельность.
- Командирован в Испанию во главе делегации СССР на второй коллоквиум испанских и советских историков.
- 1983 г. — Член Комитета советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы.
- 1984 г. — Командирован в Марокко на сессию Королевской академии в связи с избранием действительным членом Королевской академии Марокко.
- Командирован в ФРГ в связи с открытием выставки «Золото скифов»; выступил с докладом «Скифы и Урарту» в Баварской академии наук.
- Награжден орденом ФРГ «Pour le merite für Wissenschaften und Kunst».
- Председатель оргкомитета Международного симпозиума по ассириологии (Ленинград).
- 1984 г. — Член президиума Ленинградского научного центра АН СССР.
- Председатель Научного совета по общественным наукам Ленинградского научного центра АН СССР.
- 1985 г. — Присвоено звание почетного доктора Гентского университета (Бельгия).
- Командирован в Италию на конференцию общества «Италия — СССР».
- Командирован в Марокко на сессию Королевской академии.
- Командирован в Японию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Саппоро.
- Командирован в Венгрию на Международный культурный форум и в связи с Днями советской культуры в Венгрии.
- Командирован во Францию на юбилейную сессию, посвященную 350-летию Французской академии.
- 1985 г. — Член Экспертной комиссии по присуждению золотой медали имени Карла Маркса АН СССР.
- Член Научного совета по исторической демографии и исторической географии АН СССР.

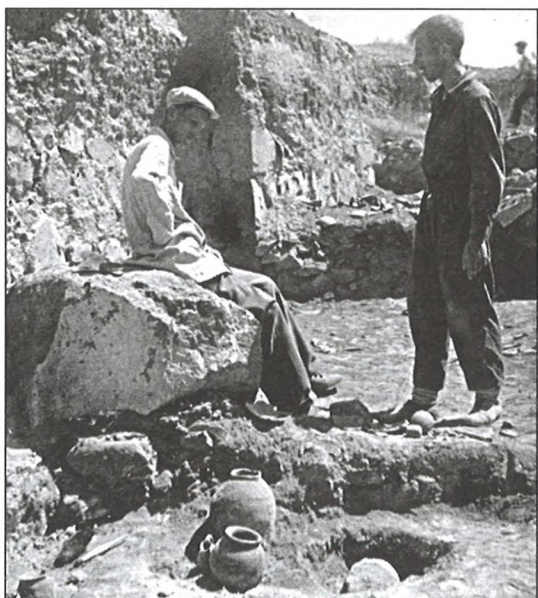
- 1986 г. — Командирован в США в связи с открытием выставки музеев СССР в Вашингтоне.
 — Командирован в Сирию для переговоров об обмене выставками.
 — Командирован в Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты в составе делегации ССОД.
- 1987 г. — Избран иностранным членом Американского археологического института. Присвоено звание кавалера ордена Св. Марка с вручением символического ключа Венеции (Италия).
 — Командирован в Италию на вторую итало-советскую встречу деятелей культуры, организованную обществом «Италия — СССР».
 — Командирован в Англию по приглашению Британского совета во главе делегации директоров советских музеев.
 — Командирован в Италию в связи открытием выставки Государственного Эрмитажа и Армянской ССР «70 лет советской археологии» в Венеции.
- 1988 г. — Награжден орденом Октябрьской Революции за заслуги в развитии советской культуры и в связи с 80-летием со дня рождения.
 — Избран иностранным членом Национальной академии деи Линчеи (Италия).
- 1989 г. — Командировка в Грецию (Афины) в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа и награждением музея премией.
 — Командировка в Англию по приглашению Британского музея.
 — Командировка в Болгарию (София) на конференцию и открытие выставки из Государственного Эрмитажа.
 — Командировка в Рим на открытие выставки «Культура и народ».
- 1990 г. — Командировка в Израиль в составе делегации АН СССР.
 — Командировка в Милан в связи с открытием выставки Эрмитажа.
- Умер 15 октября 1990 г.

Борис Пиотровский. 1926 г.

Борис Пиотровский. 1926 г.

Кармир-Блур. Слева Б. Б. Пиотровский

Абхазия. 30-е годы. Слева направо: Щербаков, А. А. Иессен,
Б. Б. Пиотровский, Л. Н. Соловьев

Кармир-Блур. В центре — Б. Б. Пиотровский

Кармир-Блур. Участники работ перед музеем. Сидят в первом ряду слева направо: Р. Бартикян, С. Есаян; во втором ряду сидят: первая слева — А. П. Султан-Шах. Справа от крыльца стоит А. П. Булгаков; выше на ступеньках стоит Б. Б. Пиотровский

Кармир-Блур. 1960 г. Под зонтом сидят: на переднем плане Б. Б. Пиотровский, слева от него С. Есяян; в центре на камне сидят слева Г. Тирацян, справа — Н. В. Козырева

Кармир-Блур. 1960 г. Стоят слева направо: К. Л. Оганесян, Б. Б. Пиотровский, четвертый — С. Есяян, пятый — Н. Арутюнян

Кармир-Блур. 1960 г. Слева направо: С. Есаян, Г. Тирацян, Б. Б. Пиотровский

Кармир-Блур. 1962 г. Сидят слева направо: Б. Б. Пиотровский, Р. Бартикян; стоит Г. Тирацян

Кармир-Блур. Слева направо: Г. Сарксян, лежит — Г. Тирацян, четвертый — Р. Бартикян, крайний справа — Б. Б. Пиотровский

Ереван. Матенадаран. Слева направо — И. А. Орбели, Б. Б. Пиотровский, Г. Агов

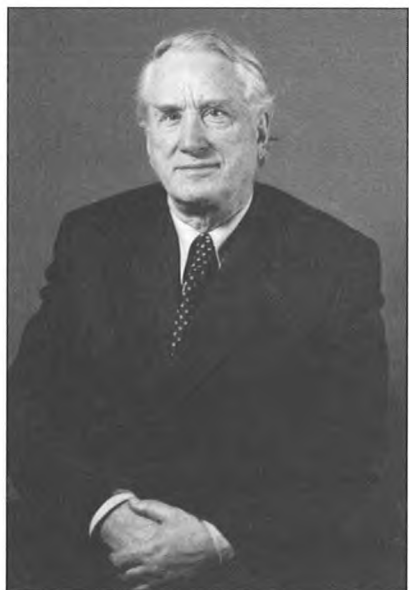
Б. Б. Пиотровский. 1977 г.
Фото Аксель Цайнингер

Б. Б. Пиотровский в кабинете.
Государственный Эрмитаж.
Фото В. Генде-Роте

14 мая 1985 г. Слева направо: Б. Б. Пиотровский, Р. М. Джанполадян

Б. Б. Пиотровский

Б. Б. Пиотровский. Академик,
Герой Социалистического Труда

Б. Б. Пиотровский и Р. М. Джанполадян. 1989 г. Санаторий «Белые ночи»

80-летие академика Д. С. Лихачева. 1986 г.
Б. Б. Пиотровский и Д. С. Лихачев. Фото В. Генде-Роте

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ АКАДЕМИКА Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

- 1927 г. — Участие в Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК. Работы на Дону, раскопки городищ у ст. Гниловской и Елисаветовской (нач. А. А. Миллер).
- 1928 г. — Участие в Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК. Раскопки Кобякова городища и городища у ст. Елисаветовской (нач. А. А. Миллер).
- 1929 г. — Археологические разведки на трассе Волго-Донского канала (нач. А. А. Иессен).
— Участие в Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК. Раскопки в Нальчике, Кабардино-Балкарской АО (с 1936 г. — АССР) (нач. А. А. Миллер).
- 1930 г. — Археологические разведки в Армянской ССР. Циклопические крепости р-на г. Арагац (самост. работа).
— Участие в Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК. Раскопки в Нальчике, Кабардино-Балкарской АО (с 1936 г. — АССР) (нач. А. А. Миллер).
- 1931 г. — Археологические разведки в Армянской ССР, в р-не оз. Севан (самост. работа).
— Участие в Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК. Раскопки Таманского городища (нач. А. А. Миллер).
- 1932 г. — Археологические разведки в Армянской ССР, в р-не оз. Севан (самост. работа).
- 1933 г. — Раскопки скифского могильника в Моздоке (нач. экспедиции).
— Археологические разведки в Армянской ССР, в р-не р. Раздан (самост. работа).
- 1934 г. — Волго-Донская экспедиция (нач. I отряда).
— Археологические разведки в Анбердском замке в Арм. ССР (нач. Н. М. Токарский).

- Раскопки урартской крепости у сел. Цовинар в Арм. ССР (нач. экспедиции).
- 1935 г. — Археологические разведки в зоне строительства Сухумской ГЭС, в Груз. ССР (нач. А. А. Иессен).
- 1936 г. — Термезская экспедиция (Узбекская ССР). Раскопки на Чингиз-тепе Термезского городища (нач. отряда).
- 1936 г. — Участие в Анбердской экспедиции Арм. ССР. Раскопки Анбердского замка (нач. И. А. Орбели).
- Археологические разведки в Доралагезском р-не и по ущелью р. Дебед в Арм. ССР (самост. работа).
- 1936 г. — Моздокская экспедиция. Раскопки курганов (нач. экспедиции).
- 1937 г. — Туркменская экспедиция (Турк. ССР). Раскопки на Гяур-кала в Старом Мерве (нач. отряда).
- 1938 г. — Работа в музеях Кавказа (Пятигорск, Баку, Ханлар, Тбилиси, Ереван, Кутаиси, Сухуми, Сочи).
- 1939 г. — Раскопки Кармир-блур (нач. отряда Эрмитажа).
- 1940 г. — Раскопки Кармир-блур (нач. отряда Эрмитажа).
- 1941 г. — Раскопки Кармир-блур (нач. отряда Эрмитажа).
- 1942 г. — Раскопки Редкина Легеря Арм. ССР (нач. экспедиции).
- 1945–1971 гг. — Раскопки Кармир-блур (нач. экспедиции) — 27 сезонов.
- 1948 г. — Раскопки в Кировокане Арм. ССР (нач. экспедиции).
- 1961–1962 гг. — Раскопки в Нубии ОАР (нач. экспедиции).
- 1962–1963 гг. — Раскопки в Нубии ОАР (нач. экспедиции).
- 1971 г. — Раскопки городища Айгеван (р-н Арм. ССР) (нач. экспедиции).
- 1972 г. — Раскопки городища Айгеван (нач. экспедиции), Мохра-блур (консульт.).
- 1973 г. — Раскопки городища Айгеван (совм. с С. А. Есаяном).

СПИСОК ЗАГРАНИЧНЫХ КОМАНДИРОВОК Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

- 1955 г. — 29 авг. – 18 сент. Италия. X Межд. конгресс историков (Рим, Неаполь, Венеция. По пути — Вена).
- 1956 г. — 15 мая – 2 июня. Египет. Научная командировка (Каир, Асуан, Вади Хальфа в Судане, Луксор. По пути — Белград).
- 1957 г. — 25 авг. – 8 сент. ФРГ. XXIV конгресс востоковедов (Мюнхен, Франкфурт-на-Майне. По пути — Хельсинки).
- 1959 г. — 4–24 дек. Ирак. Научная командировка (Багдад, Хилла, Мосул, Насрия [Ур, Эриду], Басра, порт Фау, по пути — Дуррес в Албании и Каир).
- 1960 г. — 29 апр. – 31 мая. Египет. Научная командировка. Комитет экспертов ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии (1-я сессия) (Каир, Александрия, Асуан, Абу Симбел).
- 1961 г. — 8–19 янв. Египет. Комитет экспертов ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии (2-я сессия) (Каир).
- 1961–1962 гг. — 1 дек. 1961 г. – 31 марта 1962 г. Египет. Археологическая экспедиция в Нубию. Начальник экспедиции (Каир, Нубия, Луксор, Асуан).
- 1962–1963 гг. — 14 дек. 1962 г. – 16 апр. 1963 г. Египет, Судан. Археологическая экспедиция в Нубию. Начальник экспедиции (Каир, Асуан, Нубия, Луксор, Порт-Саид, Суэц, Вади-Хальфа, Хартум, Карима).

- 1963 г. — 23 сент. — 3 окт. Англия. Совещание историков СССР и Англии (Лондон, Кэмбридж, Оксфорд).
- 1963 г. — 1–7 дек. Египет. Комитет экспертов ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии (3-я сессия) (Каир).
- 1964 г. — 4–14 января. Индия. XXVI Конгресс востоковедов (Нью-Дели, Матура, Аккра).
- 1965 г. — 10–19 февраля. ГДР. Делегация Ленинграда (Дрезден, Берлин).
- 1965 г. — 12–17 мая. Франция. Открытие выставки в Бордо (Бордо, Париж).
- 1965 г. — 15 сент. — 6 окт. США. Конференция Международного совета музеев (ИКОМ) (Вашингтон, Филадельфия, Нью-Йорк, по пути — Париж).
- 1966 г. — 5–18 марта. Англия. По приглашению Британского совета (Лондон, Стрэдфорд, Ковентри, Оксфорд, Кембридж).
- 1966 г. — 19–30 окт. Япония. Открытие выставки в Токио (Токио, Киото, Осака, по пути — Копенгаген, Анкоридж, Аляска).
- 1966 г. — 4–18 ноября. Ирак. Открытие Иракского музея (Багдад, Хилла, Мосул, Др. Урук, по пути — Каир).
- 1967 г. — 18–28 марта. Италия. Открытие выставки (Рим, по пути — Цюрих).
- 1967 г. — 29 сент. — 7 окт. Польша. Открытие Межд. кампании музеев (Варшава, Кельцы, Краков, Познань).
- 1967 г. — 18–23 окт. Франция. Открытие выставки (Париж, Версаль, Фонтенбло).
- 1968 г. — 4–7 апр. Чехословакия. 150-летие музея в Праге и Брно (Прага).
- 1968 г. — 8–18 апр. Иран. V Межд. конгресс по иранскому искусству и археологии (Тегеран, Керманшак, Исфаган, Шираз).
- 1968 г. — 28 июня — 9 авг. ФРГ. Конференция Международного совета музеев (ИКОМ-8) Кельн и Мюнхен (Вюрцбург, Нюрнберг).
- 10 и 11 авг. ГДР — Берлин.
- 12–15 авг. Чехословакия (Прага, Брно, Братислава).
- 1969 г. — 30 сент. — 10 окт. Алжир. По приглашению министра нац. образования Ахмеда Талеба (Алжир, Гардайа, Тимгад).
- 1969 г. — 3–9 декабря. Нидерланды (Голландия). Приглашение на выставку Рембрандта (Амстердам, Лейден, Гаага, Роттердам, Гаарлем).
- 1970 г. — 16–22 сент. Швеция. Открытие выставки Эрмитажа в Гетсберге. Делегация г. Ленинграда (Гетсберг, Стокгольм).
- 1970 г. — 1–8 окт. Венгрия. Открытие выставки Эрмитажа в Будапеште, доклад в Ин-те археологии и в Музее прикл. искусства (Будапешт, Сегешферкервар, Печ).
- 1971 г. — 28 авг. — 13 сент. Франция. 9-я конференция Международного совета музеев (ИКОМ-9). Вице-президент конференции (Париж, Гренобль, Дижон, Бон, Шамбери, Лион).
- 1972 г. — 28 апр. — 2 мая. ГДР. Открытие выставки «Европейский ландшафт» 1550–1650 гг., устроенной гос. музеями Варшавы, Дрездена, Праги, Будапешта и Эрмитажем (Дрезден, Галле, Лейпциг).
- 1972 г. — 18–26 мая. Польша. Симпозиум по нубиологии и открытие в Государственном музее в Варшаве выставки «Раскопки в Фарасе» (Варшава, Краков).
- 1972 г. — 15–22 авг. Египет. Командировка для подготовки соглашения между музеями Каира и Эрмитажем (Каир).
- 1972 г. — 16–29 сентября. Иран. Делегация Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Руководитель делегации (Тегеран, Исфаган, Шираз).
- 1972 г. — 14–26 декабря. Египет. Делегация Министерства культуры СССР (Каир, Луксор, Асуан, Абу Симбел).
- 1973 г. — 3–9 апреля. Бельгия. Лекция в Гентском университете (Гент, Брюссель, Брюгге, Антверпен).

- 1973 г. — 9–15 апреля. Австрия. Лекция в Естественно-историческом музее (Вена).
- 1973 г. — 19–24 апреля. Египет. Переговоры об обмене выставками (Каир).
- 1973 г. — 3–7 августа. Египет. Подписание соглашения о выставке Тутанхамона (Каир).
- 1973 г. — 22 сент. – 6 окт. Турция. X Международный конгресс по классической археологии (Анкара, Багазкей, Измир, Кушадала, Пергам, Эфес, Магнезия-на-Меандре, Приена, Дидима, Милет, Стамбул).
- 1974 г. — 9–16 августа. Франция. Делегация Ленинграда в Гавр на неделю «Ленинград — Гавр» (Париж, Гавр, Онфлер, Диве, Руан).
- 1974 г. — 26 августа – 6 сент. ФРГ. Правительственное приглашение (Франкфурт-на-Майне, Кассель, Карлсруэ, Гейдельберг, Вюрцбург, Штутгарт, Мюнхен, Дюссельдорф, Эссен, Кельн).
- 1975 г. — 11–25 апреля США. Генеральный комиссар выставки, член делегации Министерства культуры СССР (Нью-Йорк, Брюн-Мур, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Вашингтон).
- 1975 г. — 4–9 октября. Франция. Генеральный комиссар выставки «Золото скифов». Открытие выставки (Париж).
- 1976 г. — 4–18 марта. Иран. Получение премии им. Фирдоуси (Тегеран, Исфаган, Шираз).
- 1976 г. — 25 мая – 9 июня. Мексика. Открытие выставки Эрмитажа и Русского музея (Мехико, Вахака, Мерида, Вильяэрлизе, по пути Гавана — Куба).
- 1976 г. — 17–21 сентября. ГДР. Открытие выставки в Дрезденской картинной галерее (Дрезден, Берлин, Мейсин).
- 1976 г. — 15–27 ноября. Хашемитское королевство Иордании. Приглашение министра туризма и археологии (Амман, Керак, Петра, Акаба, Аджлун, Ум-Кейс, Джераш, Мадоба, Дамаск — Сирия).
- 1977 г. — 21 июля – 4 августа. Канада. Лекции в Университете г. Виктории. Британская Колумбия (Виктория, Ванкувер, Монреаль, Оттава).
- 1977 г. — 8–16 сентября. Италия (Руководитель делегации Союза советского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами «Дни СССР в Венеции») (Венеция, Падуа, Конельяно, Кастельфранко, Верона, Флоренция, Милан).
- 1977 г. — 23 сентября – 5 октября. Турция. По приглашению министра иностранных дел Турции И. С. Чаглаянгиля (Анкара, Ван, Стамбул).
- 1978 г. — 18–27 августа. Япония. Делегация Министерства культуры СССР на открытие выставки «Даная Рембрандта» и скифо-сарматское золото» (Токио, Хаконо, Киото, Норе, Никко).
- 1978 г. — 26 сентября – 3 октября. Польша. По приглашению Национального Польского комитета музеев (Варшава, Неборов, Плоцк, Торунь, Мальборк, Гданьск).
- 1978 г. — 8–15 октября. Конференция археологических и исторических музеев ИКОМа (Мюнхен, Гармиш-Партенкирхен, Фрейзинг, Ингольштадт, Эйхштадт, Неубург, Аугсбург).
- 1978 г. — 14–21 ноября. Великобритания. Приглашение министра иностранных дел Великобритании в связи с открытием выставки «Frozen tobms» на материалах Древней Сибири в Британском музее (Лондон, Глазго, Эдинбург).
- 1979 г. — 23–29 сентября. Швеция. Открытие выставки «Золото степей» (Стокгольм, Висби (Гетланд), Упсала).
- 1979 г. — 14–24 октября. Австралия. Открытие выставки живописи (Эрмитаж, Русский музей, Третьяковская галерея) (Мельбурн, Сидней).
- 1980 г. — 6–16 января. Италия. Советско-итальянская конференция по охране памятников во Флоренции, подписание соглашения на 1980 г. между обществами «СССР — Италия» и «Италия — СССР» в Риме (Милан, Флоренция, Рим).

- 1980 г. — 9–26 сентября, Болгария. Отдых по туристической путевке (Албена — Варна, Толбухин, Балчик, Несебр — Бургас — Плиена — Преслав — Вел. Тырново, Габрово, Шипка).
- 1980 г. — 29 окт. – 13 ноября. Мексика. Участие в Генеральной конференции ИКОМа (Мехико); Колумбия. Командировка в «Музей Солета» Национального банка Колумбии в связи с изданием книги о музее (Богота, Картагена).
- 1981 г. — 26 апреля – 2 мая. Испания. Открытие выставки Эрмитажа (Мадрид, Толедо, Эскориал, Сеговия, Авила).
- 1981 г. — 22–29 мая. Греция. Открытие выставки Эрмитажа «Сокровища скифов» (Афины, Коринф, Микены, Тиринф, Наплион, Эпидавр, Истимия, Крит, Ираклион, Кносс, Фест, Арханес).
- 1981 г. — 16–26 сентября. Народная Демократическая Республика Йемен. Руководитель делегации АН СССР (Аден, Делья, Хафамат (Сейюн)).
- 1981 г. — 26–29 сентября. Йеменская Арабская Республика. По приглашению посла СССР в ЙАР (Санаа, Мариб).
- 1982 г. — 14–27 февраля. Индия. Советско-индийский археологический симпозиум. Руководитель делегации (Аллахабад, Вораноси, Кодтураха, Агра, Дели).
- 1982 г. — 19–26 сентября. Италия. 400-летие картинной галереи Уффици во Флоренции (Флоренция, Рим).
- 1982 г. — 12–16 октября. Бельгия. Выставка «Урарту» и лекция в Генте (Гент, Брюссель).
- 1982 г. — 29 ноября – 3 дек. Мексика. Приглашение правительства Мексики на церемонию вступления в должность президента де ла Мадрида (Мехико).
- 1983 г. — 1–26 июня. Чехословакия. Карловы Вары («Империял») (Прага, Хеб).
- 1983 г. — 24 июля – 3 августа. Англия. 13-я Генеральная конференция ИКОМ (Международного совета музеев) (Лондон).
- 1983 г. — 5–14 ноября. Испания. II colloquium испанских и советских историков. Руководитель делегации (Мадрид, Толедо, Вальдепеньяс, Севилья, Херес, Кадис, Кордова).
- 1984 г. — 28 февраля – 6 марта. Марокко. Избрание в Королевскую Академию Марокко (Касабланка, Рабат, Фес).
- 1984 г. — 16–23 сентября. ФРГ. Открытие скифской выставки «Золото скифов» и участие в симпозиуме Баварской академии наук (Мюнхен).
- 1985 г. — 7–15 марта. Италия. 9-й съезд общества «Италия — СССР» (Венеция, Флоренция, Рим).
- 1985 г. — 23–29 апреля. Марокко. Сессия Королевской академии (Рабат, Фес, Марракеш, Париж).
- 1985 г. — 10–17 июля. Япония. Выставка Эрмитажа в Саппоро, остров Хоккайдо (Токио, Саппоро, Цукуба).
- 1985 г. — 7–19 октября и 10–17 ноября. Венгрия. Дни советской культуры и культурный форум (Будапешт, Сенешфекервар, оз. Балатон, Веспрем, Сент Андреас).
- 1985 г. — 10–15 декабря. Франция. 350-летний юбилей Французской академии (Париж).
- 1986 г. — 29 апреля – 6 мая. США. Открытие художественной выставки в Национальной галерее в Вашингтоне. Руководитель делегации (Вашингтон, Филадельфия, Нью-Йорк).
- 1986 г. — 16–23 мая. Сирия. Подбор материалов для выставки (Дамаск, Пальмира, Алеппо).
- 1986 г. — 30 октября – 13 ноября. Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты. Делегация ССОД (Кувейт, Абу Даби, Дубай, Аль Айн, Шорджа, Аджман).
- 1987 г. — 25 марта – 2 апреля. Италия. 2-я итало-советская встреча деятелей культуры (общ. «Италия — СССР») (Рим, Мантуя, Венеция, Лугано в Швейцарии).

- 1987 г. — 18–24 мая. Англия. Делегация Министерства культуры СССР по приглашению Ассоциации музеев Великобритании (Лондон, Оксфорд, Солсбери).
- 1987 г. — 15–24 сентября. Италия. Выставка Эрмитажа и Армянской ССР «70 лет советской археологии» в Венеции (Бергамо, Равенна, Беллуно, Верона).
- 1987 г. — 27 ноября – 1 декабря. ФРГ (Ганновер). Международный конгресс «Культура против войны — наука против войны».
- 1988 г. — 4–12 июня. ФРГ (Бонн, Кельн, Дюссельдорф, Эссен). «Орден Pour le merite» (Бонн). Deutsche Bann (Дюссельдорф).
- 1988 г. — 9–15 октября. Испания. Делегация Ленинграда на открытии выставки в Барселоне (Барселона, Мадрид).
- 1988 г. — 24 октября – 1 ноября. Египет.
- 1988 г. — 27–30 ноября. Австрия. Открытие выставки Эрмитажа «Золото скифов» (Вена).
- 1989 г. — 19–22 апреля. Греция. Получение премии Онассиса.
- 1989 г. — Болгария.
- 1989 г. — Италия.
- 1989 г. — Март. Израиль.

СПИСОК ПОЧЕТНЫХ И НАУЧНЫХ ЗВАНИЙ АКАДЕМИКА Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

1. Член-корреспондент Академии наук Армянской ССР с 4 июля 1945 г. (с 1968 г. действ. член).
2. Лауреат Государственной (Сталинской) премии с 26 января 1946 г.
3. Почетный член Итальянского института доистории и протоистории во Флоренции (Istituto Italiano di Preistoria e Protoistoria. Firenze) с 30 марта 1961 г.
4. Заслуженный деятель науки Арм. ССР с 15 мая 1961 г.
5. Почетный доктор Делийского университета (Индия) (Doctor of Letters [Honoris Causa] University of Delhi) со 2 февраля 1964 г.
6. Заслуженный деятель искусств РСФСР с 19 октября 1964 г.
7. Почетный член Чехословацкого египтологического института Карлова университета в Праге (Československý egyptologický ústav Karlovy University. Praha) с 8 января 1965 г.
8. Член-корр. Германского Археологического института (Deutsches Archäologisches Institut. Berlin) с 11 мая 1966 г. (с 1978 г. действ. член).
9. Член-корр. Британской академии наук (Corresponding Fellow of the British Academy. London) с 12 июля 1967 г.
10. Член-корр. Баварской академии наук (Bayerische Akademie der Wissenschaften. München) с 16 февраля 1968 г.
11. Действ. член (академик) Академии наук Арм. ССР с 15 мая 1968 г.
12. Действ. член (академик) Академии наук СССР с 25 ноября 1970 г.
13. Член-корр. Академии надписей и изящной литературы (Member correspondant Académie Inscriptions et Belles Lettres. Paris) с 4 февраля 1970 г.
14. Лауреат премии имени Фирдоуси (Иран) с 14 января 1974 г.
15. Заслуженный деятель культуры Польской Народной Республики. Медаль (Odznaka «Zasłużony dla kultury Polskiej») со 2 апреля 1974 г.
16. Почетный член Азиатского общества в Париже (Société Asiatique de Paris. Membre honoraire de la société) с 20 мая 1977 г.

17. Почетный член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры с 1977 г.
18. Действительный член Германского археологического института (Ordetlicher Mitglied des Deutsche Archäologische Institut) со 2 июля 1978 г.
19. Член-корр. Академии художеств Сан-Фернандино в Мадриде (Miembro correspondiente de la Academia de Ballas Artes de San-Fernando) с 1978 г.
20. Почетный член Академии искусства рисунка во Флоренции (Academia des Arts du dessin de Florence) с 28 июня 1979 г.
21. Лауреат премии фонда «Ф. Ф. С.» г. Гамбурга (ФРГ) им. А. П. Карпинского за 1980 г. с 8 октября 1980 г.
22. Почетный член Международного совета музеев (ИКОМ) в Мехико с 4 ноября 1980 г.
23. Кавалер французского ордена «Commandeur de l'Ordre des Arts et des Lettres» Министерства культуры Франции с 12 мая 1981 г.
24. Медаль им. С. И. Вавилова Всесоюзн. общества «Знание». 30 июня 1981 г.
25. Кавалер ордена Болгарской Народной Республики «Кирилл и Мефодий» I ст. с 28 декабря 1981 г.
26. Действительный член Королевской академии Марокко с 1 марта 1984 г. (с 1988 г. перешел в члены-корреспонденты).
27. Кавалер ордена ФРГ «Pour le merite für Wissenschaften und Kunste» с 5 июня 1984 г.
28. Почетный доктор Гентского университета истории искусств и археологии Ryksuniversitet Gent (Бельгия) с 19 декабря 1985 г.
29. Почетный член Американского археологического института (Foreign honorary member of Archaeological Institute of America) с 28 декабря 1986 г.
30. Кавалер ордена Св. Марка с 20 сентября 1987 г. с вручением символического ключа Венеции (Италия).
31. Иностраннный член Accademia Nazionale del Lincei с 29 июля 1988 г. Rome.
32. Лауреат премии Ибн-Сины (Авиценны), 1989.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТРУДАХ Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

- Академик Б. Б. Пиотровский — Герой Социалистического Труда // Вестн. АН СССР. — 1983. — № 7. — С. 137: портр.
- Академику Б. Б. Пиотровскому — 70 лет // Вестн. АН СССР. — 1978. — № 6. — С. 135–136: портр.
- Академику Б. Б. Пиотровскому — 80 лет // Вестн. АН СССР. — 1988. — № 8. — С. 126–127: портр.
- Алексеев В. П.* Интеллект и человечность // ВДИ. 1992. № 4. С. 148–149.
- Алексеев В. П.* О расселении монголоидов на Северном Кавказе в эпоху Средневековья (в связи с археологическими работами Б. Б. Пиотровского) // Культурное наследие Востока: Пробл., поиски, суждения. — Л., 1985. — С. 307–312. — Библиогр.: 15 назв.
- Алянский Ю.* Анонимное письмо: [К истории одной эрмитажной коллекции древностей] // Алянский Ю. А. Б. В. снимает маску. — М., 1980. — С. 136–147: ил.; Знание — сила. — 1979. — № 7. — С. 44–47: портр.
- Алянский Ю.* Двенадцатый директор // Алянский Ю. Ленинградские легенды. — Л., 1985. — С. 191–211: портр., фот.

- Алянский Ю.* Директор Эрмитажа // Веч. Ленинград. — 1983. — 26 февр. — (Юбиляры).
- Алянский Ю.* Знания и любовь // Веч. Ленинград. — 1978. — 14 февр. — Портр. — (Поздравляем с юбилеем).
- Алянский Ю.* Один рабочий день академика Б. Б. Пиотровского // Сов. музей. — 1984. — № 2. — С. 38–40: фот.
- Алянский Ю.* Подвижничество // Звезда. — 1983. — № 9. — С. 170–177.
- Аресян Г.* Пиотровский Борис Борисович // Арм. сов. энцикл. — 1983. — Т. 9. — С. 302: портр. — На арм. яз. Библиогр.: 4 назв.
- Аратунян Н.* Выдающийся археолог и востоковед // ВОНАН АрмССР. — 1988. — № 4. — С. 88–90: портр. Арм.
- Арутюнян Н. В.* Выдающийся археолог и востоковед: [К 60-летию Б. Б. Пиотровского] // Вестн. Ерев. ун-та. Обществ. науки. — 1968. — № 1. — С. 227–228. — На арм. яз.
- Амаякан С. Г.* Борис Пиотровский: (К 90-летию со дня рождения) // ИФК. 1998. — № 3. — С. 13–22: портр.
- Аресян Г. Ж.* Археология и исторический синтез: (Наследие Б. Б. Пиотровского в области урартоведения, кавказоведения и арменоведения) // ВДИ. 1992. — № 4. — С. 16–27. Рез. англ.
- Б. Пиотровский* // ВОНАН АрмССР. — 1990. — № 4. — С. 94–95: портр. Арм.
- Белякова А.* Директор Эрмитажа // Смена. — 1978. — 14 февр.
- Белякова А.* Рыцарь Эрмитажа // Ветераны всегда в строю. — Л., 1985. — С. 76–89: портр.
- Большаков О. Г.* Нубийская экспедиция АН СССР // ВДИ. 1992. — № 4. — С. 150–153: портр.
- Борис Борисович Пиотровский* / Сост.: Л. А. Калашникова, А. Л. Вассоевич; Авт. вступ. ст. А. Л. Вассоевич. — М.: Наука, 1990. — 96 с., портр. — (Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. ист. Вып. 19).
- Борис Борисович Пиотровский* / Н. Г. Горбунова, К. В. Каспарова, К. Х. Кушнарева, Г. И. Смирнова // СА. 1991. — № 3. — С. 108–111: портр.
- Бромлей Ю. В.* Многогранный исследователь истории мировой культуры: (К 75-летию акад. Б. Б. Пиотровского) // Культурное наследие Востока: Пробл., поиски, суждения. — Л., 1985. — С. 5–16. — Библиогр.: 25 назв.
- Бромлей Ю. В.* Неутомимый исследователь и пропагандист истории культуры: (К 70-летию акад. Б. Б. Пиотровского) // Ист.-филол. журн. — 1978. — № 1. — С. 29–42: портр.
- Бромлей Ю. В., Янин В. Л., Луконин В. Г.* К 70-летию академика Б. Б. Пиотровского // История СССР. — 1978. — № 2. — С. 235–238.
- Варшавский С., Рест Б.* Подвиг Эрмитажа: Гос. Эрмитаж в годы Великой Отеч. войны. — Л.; М.: Сов. художник, 1965. — С. 90–101: ил.; 2-е изд. — Л.: Сов. художник, 1969. — С. 90–101: ил.; 3-е изд., испр. — Л.: Лениздат, 1985. — С. 78–89. — (Б-ка молодого рабочего).
- Варшавский С., Рест Б.* Окрыленность: [К 70-летию со дня рождения Б. Б. Пиотровского] // Сов. культура. — 1978. — 14 февр. — Портр.
- Вассоевич А. Л.* К истории изучения материальной культуры народов Востока: (Археологические исследования Б. Б. Пиотровского) // Материальная культура Востока. — М., 1988. — Ч. 1. — С. 5–30: портр. — Библиогр.: 19 назв.
- Вернер Й.* Борис Борисович Пиотровский // ВДИ. 1992. — № 4. — С. 158–160.
- Витоль А.* Невысказанные мысли: [Из воспоминаний о Б. Б. Пиотровском] // Аврора. 1993. — № 1, 3. — С. 114–124.
- 80-летие академика Б. Б. Пиотровского // Вопр. истории. — 1988. — № 2. — С. 109–110.
- Галанина Л. К.* Скифская тема в работах Б. Б. Пиотровского // ВДИ. 1992. — № 4. — С. 154–158.
- Ганин В., Сердобольский О.* К далеким пирамидам: Сегодня Б. Б. Пиотровскому исполняется 80 лет // Смена. — 1988. — 14 февр. — Фот.
- Главацкий М. Е., Матвеев Г. А.* Рец. на кн.: Советская культура: История и современность. 1983 // История СССР. — 1985. — № 1. — С. 167.
- Грибов Р. А.* Б. Б. Пиотровский (1908–1990) // ВЛУ. Ист., яз. и лит. — 1991. — Вып. 4. — С. 118–119.
- Деревянко А. П.* Рец. на кн.: Пиотровский Б. Б. Вадн Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии: Древнеегип. наск. надписи. 1983 // Вопр. истории. — 1984. — № 12. — С. 133–135.
- Дроздов А., Токарева М.* И вновь к атлантам Эрмитажа // Ленингр. правда. — 1988. — 14 февр. — Фот.

- Дрюон М.* Речь, произнесенная 1 марта 1984 г. по поводу приема в члены Академии Королевства Марокко Б. Б. Пиотровского // ВДИ. 1992. — № 4. — С. 164–166.
- Зильберштейн Ф.* Страничка из биографии ученого // Пожар. дело. — 1968. — № 9. — С. 18–19.: фот.
- К 80-летию академика Бориса Борисовича Пиотровского // ВДИ. — 1988. — № 2. — С. 241–242: портр.; История СССР. — 1988. — № 1. — С. 219–220: портр.; Обществ. науки. — 1988. — № 4. — С. 212.
- [К 70-летию со дня рождения Б. Б. Пиотровского] // Обществ. науки. — 1979. — № 1. — С. 155.
- К 75-летию академика Бориса Борисовича Пиотровского // ВДИ. — 1983. — № 2. — С. 187–188.
- Кацнельсон И.* Рец. на кн.: Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. С древнейших времен до I тысячелетия до н. э.: Курс лекций. 1949 // Сов. кн. — 1950. — № 7. — С. 63–67.
- Кацнельсон И.* Рец. на кн.: Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. 1944 // Сов. кн. — 1946. — № 6–7. — С. 41–46.
- Ким М. П., Самсонов А. М., Бонгард-Левин Г. М.* Знаменательный юбилей академика Б. Б. Пиотровского // Новая и новейшая история. — 1988. — № 2. — С. 201–203: портр.
- Корганов К.* Выдающиеся исследователи [истории Армении] // Коммунист (Ереван). — 1968. — 18 окт.
- Коростовцев М. А., Гурина Н. Н.* 70-летие академика Б. Б. Пиотровского // Вопр. истории. — 1978 — № 2. — С. 136–139.
- Крупнов Е.* Рец. на кн.: Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. С древнейших времен до I тысячелетия до н. э.: Курс лекций. 1949 // Вопр. истории. — 1950. — № 2. — С. 127–131.
- Крупнов Е.* Рец. на кн.: Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. 1944 // Вопр. истории. — 1946. — № 7. — С. 113–115.
- Крупнов Е. И.* К 60-летию Бориса Борисовича Пиотровского // СА. — 1968. — № 1. — С. 115–118: портр.
- Культура Востока. Древность и раннее средневековье: Сб. ст. — Л.: Аврора, 1978. — 240 с.: ил. — Посвящается 70-летию со дня рождения Б. Б. Пиотровского. Рез.: англ.
- Культурное наследие Востока: Пробл., поиски, суждения / Отв. ред. Ю. В. Бромлей — Л.: Наука, 1985. — 383 с., 1 л. портр.: рис., табл. — Посвящается 75-летию со дня рождения Б. Б. Пиотровского.
- Кушнарева К. Б.* Б. Б. Пиотровский // Ист.-филол. журн. — 1968. — № 1. — С. 309–312: портр. — На арм. яз.
- Ласкин С.* В масштабе земного шара: [О Б. Б. Пиотровском — ученом и человеке] // Ленинград и ленинградцы / Сост. Б. Н. Никольский. — Л., 1985. — С. 132–156; Нева. — 1984. — № 9. — С. 139–148, 4 л. фот.
- Леклан Ж.* Борис Борисович Пиотровский // ВДИ. 1992. — № 4. — С. 160–163.
- Липин Л.* Книга о древнейшей истории Закавказья: [Рец. на кн.: Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. С древнейших времен до I тысячелетия до н. э.: Курс лекций. 1949] // Новый мир. — 1950. — № 10. — С. 283–285.
- Лордкипанидзе О. Д.* Проблемы археологии Грузии в трудах академика Б. Б. Пиотровского // ЭЧ памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 1998. — С. 46–48.
- Манилова Ж.* Кому открылся Кармир-блур // Ленингр. правда. — 1968. — 21 марта. — Портр. — (Люди ленингр. науки).
- Мартirosян А.* Выдающийся археолог и арменист: К 60-летию чл.-кор. АН АрмССР [Б. Б. Пиотровского] // Коммунист (Ереван). — 1968. — 14 февр. — Портр.
- Массон В. М.* Борис Борисович Пиотровский и академическая археология // ЭЧ памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 1998. — С. 5–7.
- Моисеев А. В.* Египтологическая тематика в творческом наследии Б. Б. Пиотровского // Новик: Сб. науч. тр. студентов ВоронГУ. — 1998. — Вып. 1. — С. 5–8.
- Ненароков А. Л.* Рец. на кн.: В годы войны: Ст. и очерки. 1985 // Вопр. истории. — 1986. — № 2. — С. 135–136.
- Орбели И.* Книга о древнейшем государстве: [Рец. на кн.: Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. 1944] // Веч. Ленинград. — 1946. — 3 февр. — Портр.
- Основные труды академика Б. Б. Пиотровского: (К 70-летию со дня рождения) / Сост. С. Н. Милибанд // Народы Азии и Африки. — 1978. — № 1. — С. 166–171.

- Павлова О. М. Рец. на кн.: Пиотровский Б. Б. Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии: Древнеегип. наскал. надписи. 1983 // *Вопр. истории.* — 1984. — № 12. — С. 135–137.
- Павлова О. И., Бонгард-Левин Г. М., Зубов А. Б. Памяти Бориса Борисовича Пиотровского // *ВДИ.* 1992. № 4. С. 145–147.
- Памяти Б. Б. Пиотровского // *История СССР.* — 1991. — № 2. — С. 204–205.
- Пассек Т. Т. Рец. на кн.: Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. С древнейших времен до I тысячелетия до н. э.: Курс лекций. 1949 // *ВДИ.* — 1950. — № 2. — С. 146–150.
- [Пиотровский Б. Б.] // *Вопр. истории.* — 1971. — № 1. — С. 144. — (Новое поколение Отделения истории АН СССР).
- [Пиотровский Б. Б.] // *Новая и новейшая история.* — 1971. — № 2. — С. 233–234. — (Новое поколение АН СССР).
- [Пиотровский Б. Б.: Крат. биограф. очерк] // *Наука и человечество, 1978: Междунар. ежегодник.* — М., 1978. — С. 40: портр.
- Пиотровский Бор. Бор. // *Сов. энцикл. слов.* — 1980. — С. 1015; 2-е изд. — 1983. — С. 1001; 3-е изд. — 1985. — С. 1001; 4-е изд. — 1987. — С. 1004.
- Пиотровский Борис Борисович // *БСЭ.* — 2-е изд. — 1955. — Т. 33. — С. 58–59. — Библиогр.: 4 назв.; 3-е изд. — 1975. — Т. 19. — С. 547: портр. — Библиогр.: 4 назв.
- Пиотровский Борис Борисович // *Ежегодник БСЭ, 1971.* — М., 1971. — Вып. 15. — С. 619.
- Пиотровский Борис Борисович // *Лауреаты Сталинских премий в области исторических наук: Библиогр. указ.* — Харьков, 1954. — С. 41. — Библиогр.: 4 назв.
- Пиотровский Борис Борисович // *Ленинград: Энцикл. справ.* — М.; Л., 1957. — С. 669. Библиогр.: 3 назв.
- Пиотровский Борис Борисович // *Преподавание истории в шк.* — 1971. — № 2. — С. 33: портр.
- Пиотровский Борис Борисович // *Сов. ист. энцикл.* — 1968. — Т. 11. — Стб. 153. — Библиогр.: 5 назв.
- Пиотровский Борис Борисович // *Укр. сов. энцикл.* — 1982. — Т. 8. — С. 256: портр. — Библиогр.: 4 назв.
- Пиотровский Борис Борисович: [Крат. биограф. очерк] // *Академия наук Армянской ССР: Персон. состав, 1943–1983.* — Ереван, 1984. — С. 100: портр.
- Подвиг Эрмитажа, 1941–1945: Альбом / Текст С. Варшавского и Б. Реста. — Л.: Аврора, 1987. — С. 88–92, 141–146, 150.
- Полвека, отданные науке: К 70-летию Б. Б. Пиотровского // *Ленингр. правда.* — 1978. — 14 февр.
- Редер Д. Г. Рец. на кн.: Пиотровский Б. Б. Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии: Древнеегип. наскал. надписи. 1983 // *ВДИ.* — 1985. — № 3. — С. 155–160.
- Рыбчинский Ю. Б. Б. Пиотровский // *Рус. яз. за рубежом.* — 1978. — № 1. — С. 111: фот.
- Сенин В. Директор Эрмитажа: (Разговор с интересным собеседником) // *Правда.* — 1974. — 28 нояб.
- Славентантор Д. Город больших чувств // *Известия.* — 1941. — 20 нояб.
- Славентантор Д. Наука идет дальше // *Веч. Ленинград.* — 1946. — 9 окт.
- Славентантор Д. Ученик Марра // Славентантор Д. Трудники науки: [Очерки]. — Л., 1948. — С. 74–93.
- Соболева И. И не порвется связь времен... // *Ленингр. правда.* — 1983. — 24 апр. — Портр. — (Рассказываем о героях труда).
- Соболева И. А. Видеть сквозь века: (К творч. портр. акад. Б. Б. Пиотровского) // *Ленингр. панорама.* — 1984. — № 10. — С. 22–24: фот. — (Знаменитые земляки).
- Сообщения Государственного Эрмитажа. — Л.: Аврора, 1978. — Т. 43. — 95 с., 1 л. портр.: ил. — Посвящается Б. Б. Пиотровскому.
- Сорокин В. Ю. Б. Б. Пиотровский — почетный доктор Делийского университета // *Вопр. истории.* — 1964. — № 9. — С. 177–178.
- Столяр А. Д. Б. Б. Пиотровский о проблеме происхождения искусства // *ЭЧ памяти Б. Б. Пиотровского.* СПб., 1998. — С. 89–93.

- Столяр А. Д.* Памяти Бориса Борисовича Пиотровского // СА. — 1991. — № 3. — С. 112–114.
- Тиранян Г. А.* Борис Пиотровский: (к 80-летию со дня рождения) // ИФЖ. — 1988. — № 1. — С. 179–182: портр. Арм.
- Тиранян Г. А.* Борис Пиотровский (1908–1990) // ИФЖ. — 1990. — № 3. — С. 229–231: портр. Арм.
- Струве В. В.* Рец. на кн.: Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. 1944 // ВДИ. — 1946. — № 1. — С. 131–141.
- Тихвинский С. Л., Ковальченко И. Д., Суслов В. А.* К 75-летию академика Б. Б. Пиотровского // История СССР. — 1983. — № 1. — С. 213–215.
- Тихвинский С. Л., Куманев В. А.* Академик Б. Б. Пиотровский — ученый-патриот, Герой Социалистического Труда // Новая и новейшая история. — 1983. — № 4. — С. 200–203.
- Тихвинский С. Л., Луконин В. Г.* 75-летие академика Б. Б. Пиотровского // 1983. — № 1. — С. 107–108.
- Тревер К. В.* Рец. на кн.: Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. 1944 // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. — 1945. — Т. 2. — № 2. — С. 118–120.
- Шпак Г.* Неожиданный сюжет: [Встреча с Б. Б. Пиотровским] // За науку в Сибири. — 1981. — 7 мая. — С. 6–7: ил., фот.
- Щукина Е. С.* Б. Б. Пиотровский и собрание медалей Эрмитажа // ЭЧ памяти Б. Б. Пиотровского. — СПб., 1993. — С. 26–27.
- Юбилей выдающегося археолога: [К 60-летию со дня рождения Б. Б. Пиотровского] // Лит. Армения. — 1968. — № 3. — С. 114.
- Alyansky Yu.* Boris Piotrovsky: The chief curator of the Hermitage treasures. — Moscow: Novosti Press Agency publ. house, 1988. — 63 p., 16 l. ill.: ill., portr. (Profiles). — Кн. изд. на англ., исп., нем. и фр. яз.
- Beliakova A.* Le prix de Hambourg á un academicien soviétique // Nouv. Moscou. — 1980. — 7 déc. — P. 10: portr.
- Birthday anniversaries of Soviet scientists in 1978 // Social Sci. — 1979. — Vol. 10. — N 1. — P. 234.
- Federn W.* Roi ou statue royale? // Chron. Egypte. — 1959. — T. 34. — N 68. — P. 214.
- Piotrovsky Boris Borisovich // The International who's who. 31–37 ed. 1967–1974. — London, 1967–1973.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

1929

- По поводу мотива «дерево на ладье» // Сборник работ студентов-выдвиженцев и студентов-членов научных кружков факультета истории, языка и материальной культуры ЛГУ. — Л., 1929. — С. 32–35: рис.
- По поводу древнеегипетского [термина] «железо» // Докл. АН СССР-В. — 1929. № 1. С. 1–4.
- Das Karnak-Relief des Hohenpriesters Amenhotep // Докл. АН СССР-В. — 1929. — № 6. С. 115–119: ил.
- [Прибор для косметики династических египтян] // Сб: египтол. кружка при ЛГУ. — 1929. — № 2. — С. 33: рис.

1930

- Семантический пучок в памятниках материальной культуры. — Л.: Б. и., 1930. — 23 с.: рис. — (Изв. ГАИМК; Т. 6, вып. 10).
- Deux enseignes sur les barques égyptiennes prédynastiques // Сб. египтол. кружка при ЛГУ. — 1930. — № 5. — С. 17.

Ägyptische vordynastische Altertümer aus den Kollektionen d. Staatlichen Ermitage // Там же. — С. 18–24. — Co-aut: Snegirjew I. L.
Zur Revision der Verteilung des Wortschatzes im ägyptischen Wörterbuch // Сб. египтол. кружка при ЛГУ. — 1930. — № 6. — С. 5–9. — Res.: rus.

1931

Шахриарская клинообразная надпись // Докл. АН СССР-В. 1931. № 2. — С. 25–28.
Амулеты в форме глаза в Древнем Египте («глаз» → «солнце» → «жизнь») // Изв. ГАИМК. — 1931. — Т. 9, вып. 3. — С. 10–13: рис.
Древнеегипетский термин «металл» // Там же. — С. 14–17.
Египетские предметы в Северокавказском крае // Сообщ. ГАИМК. — 1931. — № 6. — С. 28–30.
Die Büste der Statue Senuserts III // Сб. египтол. кружка при ЛГУ. — 1931. — № 7. — С. 26–28: Abb.

1932

Первобытное искусство // Первобытное общество: Сб. ст. — М., 1932. — С. 144–154: ил. — (Попул. иллюстрир. б-ка «Всемир. история»). — Кн. пер. на яп. яз. (Токио, 1934).
Циклопические крепости Закавказья: (Отчет о командировке в Армению летом 1930 г.) // Сообщ. ГАИМК. — 1932. — № 1–2. — С. 61–64: ил. — Соавт.: Аджан А. А., Гюзальян Л. Т.

1933

Kyklopische Festungen am Süden des Sewansee (Goktscha) // Сб. кружка по изуч. Древ. Востока при Гос. Эрмитаже. — 1933. — № 1. — С. 39–51: Fig. — Co-aut: Gusaljan L.
Крепости Армении доурартского и урартского времени // Пробл. истории матер. культуры — 1933. — № 5–6. — С. 51–59: рис. — Соавт.: Гюзальян Л. Т.

1934

Современное состояние изучения додинастического Египта // Пробл. истории докапиталист. обществ. — 1934. — № 7–8. — С. 126–142: рис.

1935

Ägyptische Altertümer im nord-kaukasischen Gebiet // Сб. кружка по изуч. Древ. Востока при Гос. Эрмитаже. — 1935. — № 2. — С. 35–49. — Res.: rus.

1939

Урарту: Древнейшее государство Закавказья. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1939. — 56 с., 17 л. ил., 1 л. карт. — Кн. пер. на арм. яз. (Париж, 1943).
Вишары. Каменные статуи в горах Армении. — Л.: Арм. фил. АН СССР, 1939. — 38 с., 6 л. ил.: рис. — Библиогр.: 4 назв.
Эпоха меди и бронзы на Кавказе // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. — М.; Л., 1939. — Ч. 1–2. — С. 103–114.
Эпоха меди и бронзы в Закавказье // Там же. — С. 114–119.
Образование государства Урарту и его борьба с Ассирией // Там же. — С. 163–169.
Киммерийцы и скифы в Передней Азии // Там же. — С. 169–173.
Закавказье в период Урартского царства // Там же. — С. 173–179.
Урарту (Ванское царство) и Закавказье начала I тысячелетия до н. э. // Государственный Эрмитаж: Путеводитель по залам Отд. Востока. — Л., 1939. — С. 65–67. — Без подписи.
Урартское государство во второй половине VIII в. до н. э. // ВДИ — 1939. — № 1. — С. 65–78: рис.
Урартские бронзовые статуэтки собрания Государственного Эрмитажа // Тр. Отд. Востока Государственного Эрмитажа. — 1939. — Т. 1. — С. 45–60, 3 л. рис.: рис. — Рез.: фр.
Дверь Мгера: (К юбилею 1000-летия армянского народного эпоса «Давид Сасунский») // Коммунист (Ереван). — 1939. — 15 сент.

1940

- История техники древнего Двуречья // Очерки по истории техники Древнего Востока. — М.; Л., 1940. — С. 3–127: ил. — Библиогр.: 53 назв. — Соавт.: Флиттнер Н. Д.
- Отчет о раскопках Государственного Эрмитажа в Моздоке в 1933 г. // Иессен А. А., Пиотровский Б. Б. Моздокский могильник. — Л., 1940. — С. 3–21: рис. — (Археол. экспедиции Гос. Эрмитажа; Вып. 1).
- Ассирия: [Текст к табл.] // Атлас по истории культуры и искусства Древнего Востока. — М.; Л., 1940. — С. 37–40.
- Урарту: [Текст к табл.] // Там же. — С. 41–43.
- Ассирия: [Таблицы] // Там же. — Табл. 77–86.
- Урарту: [Таблицы] // Там же. — Табл. 87–94.
- Урарту (Ванское царство) и Закавказье IX–VI вв. до н. э. // Государственный Эрмитаж: Общ. путеводитель. — Л., 1940. — Вып. 1. — С. 90–91. — Без подписи.
- Раскопки Кармир-блур // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1940. — № 1. — С. 23–26: ил.
- Скифы и Закавказье // ТОВЭ. — 1940. — Т. 3. — С. 71–92: рис. — Рез.: фр.
- Предварительный отчет о раскопках археологической экспедиции Эрмитажа на Кармир-блуре около сел. Чарбах. 1939 г. // Изв. Арм. фил. АН СССР. — 1940. — № 3. — С. 18–25: ил.
- Кармир-блур: (Предварительный отчет о раскопках 1940 г.) // Изв. Арм. фил. АН СССР. — 1940. — № 4–5. — С. 147–164: рис. — Соавт.: Тер-Аветисян С. В.
- Урартская бронзовая статуэтка Гос. музея Армении // СА. — 1940. — Т. 6. — С. 89–91, 1 л. рис. — Рез.: фр.
- Урарту и Закавказье // КС ИИМК. — 1940. — Т. 3. — С. 28–34: рис.
- Припонтийские халдеи и урарты // КС ИИМК. — 1940. — Т. 5. — С. 5–10.
- Раскопки на Чингиз-тепе // Тр. Узб. фил. АН СССР. Сер. 1. — 1940. — Вып. 2. — С. 159–167: рис.
- Археологические экспедиции // Ленингр. правда. — 1940. — 17 июня. — (Сокровищница мировой культуры: К 175-летию Эрмитажа).
- Раскопки Урартской крепости // Правда. — 1940. — 31 окт.

1941

- Дон, 1934 г. [Сталингр. обл.] // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936: Крат. отчеты и сведения. — М.; Л., 1941. — С. 169–174: ил.
- Ст. Моздок [Орджоникидзе. край] // Там же. — С. 242–248: ил.
- Урарту (Ванское царство) // Струве В. В. История Древнего Востока. — М.; Л., 1941. — С. 307–323, 1 л. рис.: рис.
- Могильник в г. Нальчике // Материалы и исслед. по археологии СССР. — 1941. — № 3. — С. 67–146, 1 л. табл.: рис., табл. — Рез.: фр. — Соавт.: Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.

1943

- Новая страница древнейшей истории Кавказа (II тысячелетие до н. э.) // Изв. Арм. фил. АН СССР. Сер. 1. Обществ. науки. — 1943. — № 1. — С. 53–69.

1944

- История и культура Урарту. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1944. — 364 с., 8 л. ил., 1 л. карт: рис.
- Древнейшие этапы истории и культуры Армении // Изв. АН АрмССР. Обществ. науки. — 1944. — № 3–4. — С. 3–26. — На арм. яз. Рез.: рус.
- К вопросу о происхождении армянского народа // Сов. лит. и искусство. — 1944. — № 12. — С. 71–82. — На арм. яз.

1945

- Яфетическая теория и археология // Изв. АН АрмССР. Обществ. науки. — 1945. — № 1–2. — С. 13–33. Рез.: арм.
- К вопросу о происхождении армянского народа // Изв. АН АрмССР. Обществ. науки. — 1945. — № 6. — С. 7–38. — На арм. яз. Рез.: рус.

Урартский центр в Закавказье: [Крат. излож.] // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1945. — № 3. — С. 10.

1946

О происхождении армянского народа. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1946. — 36 с.
Учение Н. Я. Марра о семантике и иероглифическое письмо Древнего Египта // Тр. Ин-та яз. АН АрмССР. — 1946. — № 1. — С. 77–96. — На арм. яз.

1947

Археологическое изучение древнейшего Закавказья // ВДИ. — 1947. — № 3. — С. 167–187.
Раскопки урартской крепости на холме Кармир-блур // КС ИИМК. — 1947. — Т. 21. — С. 13–15, 1 л. рис.: рис.
Реф.: Древнейшая история армян // Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. (АН СССР. Отделение истории и философии). — М; Л., 1947. — С. 75–76.
Археологические раскопки на Кармир-блуре // Коммунист (Ереван). — 1947. — 20 июля. — Ил.

1948

Основные итоги и проблемы археологического изучения Закавказья: Доклад. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1948. — 50 с. — (Науч. сес. ИМК АН СССР и Гос. Эрмитажа 28 янв. — 1 февр. 1948 г.)
Раскопки на Кармир-блуре в 1945 г. // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1948. — № 5. — С. 41–44: ил.
Юбилей Низами и Навои // Там же. — С. 49–50.
Город бога Тейшебы — последний оплот урартской власти в Закавказье: (Результаты раскопок на Кармир-блуре) // ВДИ. — 1948. — № 4. — С. 143–153: ил.
«Город Тейшебаини» в урартской клинообразной надписи // Эпиграфика Востока. — 1948. — Т. 2. — С. 83–85: рис.
Раскопки древней крепости [на Кармир-блуре] // Известия. — 1948. — 4 авг.

1949

Археология Закавказья. С древнейших времен до I тысячелетия до н. э.: Курс лекций. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. — 133 с., 13 л. табл.
Разведочные работы на Гяур-Кала в Старом Мерве // Материалы Южно-туркменской археологической комплексной экспедиции. — Ашхабад, 1949. — Вып. 1. — С. 35–41: рис. — Библиогр.: 5 назв.
Поселения медного века в Армении // СА. — 1949. — Т. 11. — С. 171–184, 1 л. рис.: рис.
Раскопки урартской крепости на холме Кармир-блур (Тейшебаини) // КС ИИМК. — 1949. — Т. 27. — С. 3–10: рис.
Три урартские надписи на бронзовых предметах из Тейшебаини (Кармир-блур) // Эпиграфика Востока. — 1949. — Т. 3. — С. 88–89.
Скифы в Закавказье // Учен. зап. Ленингр. ун-та. — 1949. — № 85. Сер. ист. наук, вып. 13. Археология. — С. 172–190: рис. — Библиогр.: 37 назв.
Раскопки Кармир-блур // Сов. Армения. — 1949. — № 9. — С. 9–11: ил. — На арм. яз.
Что показали раскопки Кармир-блур // Эчмиадзин. — 1949. — № 5–12. — С. 80–82: ил. — На арм. яз.
То же // Коммунист (Ереван). — 1949. — 16 сент. — Ил.

1950

Кармир-блур. [Вып.] 1. Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук АрмССР и Государственного Эрмитажа 1939–1949 годов. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1950. — 100 с., 8 л. табл. — (Археол. раскопки в Армении; № 1).
Раскопки Кармир-блур // Сов. Союз. — 1950. — № 10. — С. 36: ил., портр.
Concerning the origin of the Armenian nation // Annen. Affairs. — 1950. — Vol. 1, N 3–4. — P. 287–292.

1951

История армянского народа / Под ред. Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна. — Ереван: Айпетрат, 1951. — Ч. 1. — 290 с.: ил. — Совм. с др. авт. след. гл.: Первобытная община на территории Армянского нагорья. С. 7–15. Соавт.: Аракелян Б. Н., Асратян М. С.; Древнейшие племенные союзы и государства на территории армянского нагорья. С. 15–24. Соавт.: Аракелян Б. Н., Асратян М. С.; Образование армянского народа. С. 25–29. Соавт.: Аракелян Б. Н., Асратян М. С.

Урарту // По следам древних культур. М., 1951. — С. 71–113: ил.

Раскопки Кармир-блур в 1950 г. // Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1946–1950 гг. — М., 1951. — С. 33–34.

Клинообразные надписи на бронзовых чашах из раскопок на Кармир-блуре в 1949 г. // Эпиграфика Востока. — 1951. — Т. 5. — С. 110–112, 2 л. рис.

Что дали раскопки Кармир-блур // Коммунист (Ереван). — 1951. — 7 сент.

Ред.: Гарни. 1. Аракелян Б. Результаты работ археологической экспедиции Института истории АН АрмССР 1949–1950 гг. / Отв. ред. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1951. — 91 с. — (Археол. раскопки в Армении; № 3). — На обл. 1952 год.

1952

Кармир-блур. [Вып.] 2. Результаты археологической экспедиции Института истории Академии наук АрмССР и Государственного Эрмитажа, 1949–1950. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1952. — 78 с., 1 л. рис.: рис. — (Археол. раскопки в Армении; № 2).

Раскопки Кармир-блур // Сов. Армения. — 1952. — № 8. — С. 5–7: ил. — На арм. яз.

1953

О некоторых ошибках археологов в связи с учением Н. Я. Марра о семантике // Против вульгаризации марксизма в археологии. — М., 1953. — С. 119–128.

Urartu // Szovjet ökori történet. — Budapest, 1953. — К. 3. — 36 — 82. old.

Раскопки урартской крепости на холме Кармир-блур // Вестн. АН СССР. — 1953. — № 4. — С. 52–60: рис.

1954

Раскопки урартской крепости на холме Кармир-блур // Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция Ирана, Армении и Средней Азии. — М., 1954. — С. 159–182. — На рус. и англ. яз.

То же // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1954. — № 6. — С. 32–33: ил.

Основные результаты раскопок Урартской крепости на холме Кармир-блур (древ. Тейшебаини) // Объединенная научная сессия Отделения исторических наук и Отделения философии, экономики и права АН СССР, Отделений общественных наук Академии наук ГрузССР, АрмССР и АзербССР: (Тез. докл.). — Баку, 1954, — С. 31–32.

L'Ourartou // Piotrovsky B. B., Schultz P. N., Golovkina V. A., Tolstov S. P., Ourartou. Neapolis des Scythes. Kharezmi. — Paris, 1954. — P. 11 — 66: fig., carte. — (L'Orient ancien ill.; N 8).

Urartu // Lebende Vergangenheit. Prahistorische Ausgrabungen. — Berlin, 1954. — S. 75–127.

Скифы и Древний Восток: (Докл. на Конф. по скифо-сармат. археологии) // СА. — 1954. — Т. 19. — С. 141–158: рис.

Урартские надписи из раскопок Кармир-блур 1952 г. // Эпиграфика Востока. — 1954. — Т. 9. — С. 73–77, 1 л. рис.: рис.

Кармир-блур. Раскопки древней урартской крепости в Армении // Ленингр. альманах. — 1954. — Кн. 9. — С. 361–367: ил.

1955

Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 76 с., 2 л. рис. — На рус. и англ. яз.

- Кармир-блур. [Вып.] 3. Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук АрмССР и Государственного Эрмитажа, 1951–1953 гг. — Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1955. — 74 с.: ил. — (Археол. раскопки в Армении; № 5).
 Археологическая работа Эрмитажа // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1955. — № 7. — С. 3. Кармир-блур. Раскопки 1954 г. // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1955. — № 8. — С. 42–44: ил.
 Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье // СА. — 1955. — Т. 23. — С. 5–15.

1956

- Тейшебаини // БСЭ. — 2-е изд. — 1956. — Т. 42. — С. 105: ил. — Без подписи.
 Урарту // БСЭ. — 2-е изд. — 1956. — Т. 44. — С. 309–311: ил., карт. — Библиогр.: 8 назв.
 Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР // Десятый международный конгресс историков в Риме, сент. 1955 г.: Докл. сов. делегации. — М., 1956. — С. 79–106.
 Племена Средней Азии, Закавказья и Кавказа // Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. — М., 1956. — С. 60–77: ил. — Соавт.: Массон В. М., Круглов А. П.
 Племена Кавказа и Средней Азии в конце III и во II тысячелетия до н. э. // Там же. — С. 131–141: ил. — Соавт.: Массон В. М., Круглов А. П.
 Государство Урарту // Там же. — С. 200–213: ил., схем.
 Раскопки древнего урартского города Тейшебаини (Кармир-блур) // Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и пленуме ИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 года. — М.; Л., 1956. — С. 20–22.
 Поездка советских археологов и этнографов в Египет // Вестн. АН СССР. — 1956. — № 9. — С. 67–70: рис.
 Клинообразные урартские надписи из раскопок на Кармир-блуре 1954 г. // Эпиграфика Востока. — 1956. — Т. 11. — С. 80–82: табл.
 Виноделие в Урарту // Виноделие и виноградарство СССР. — 1956. — № 1. — С. 23–26: рис. — Соавт.: Джанполадян Л. М.
 По Египту: [Путевые впечатления] // Коммунист (Ереван). — 1956. — 9 авг. — Ил.
 Находки археологов: [Беседа] // Коммунист (Ереван). — 1956. — 14 авг.
 Ред.: Десятый международный конгресс историков в Риме, сент. 1955 г.: Докл. сов. делегации / Чл. редкол. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — 687 с.
 Предисловие // Там же. — С. 3–4.

1957

- Fortschritte der Forschung des Urartu-Reichs: Vortr. auf dem XXIV Int. Orientalistenkongress. — Moskau: Akad. Wiss. UdSSR, 1957. — S. 11.
 Раскопки урартской крепости на холме Кармир-блур // Труды объединенной научной сессии Академии наук СССР и академий наук Закавказских республик по общественным наукам (29 марта — 2 апр. 1954 г.): Стеногр. отчет. — Баку, 1957. — С. 323–328, 362–363, 371–373 [с дискус.]
 Заключительное слово // Там же. — С. 390–391.
 Ред.: Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Т. 1. Наири — Урарту. Тбилиси, 1954; Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи [опубл. в журн.: ВДИ. — 1953. — № 1–4; 1954. — № 1] // История СССР. — 1957. — № 2. — С. 172–174.
 Изучение урартских древностей // Коммунист (Ереван). — 1957. — 10 сент. — Ил.

1958

- L'étude des antiquités d'Urartu en URSS // Contributions à l'histoire Russe. — Neuchatel, 1958. — P. 44–54. — (Cah. hist. mond. Numéro spéc.).
 И. М. Лурье, 1903–1958: [Некролог] // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1958. — № 14. — С. 62–63: портр. — Соавт.: Дьяконов И.
 Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. — 1958. — № 1. — С. 20–27: рис.

Предисловие // Успенский Л., Шнейдер К. За семью печатями: Очерки по археологии. — М., 1958. — С. 3–6.

Ред.: Древние племена и народности Кавказа / Отв. ред. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — 196 с. — (Материалы и исслед. по археологии СССР; № 68).

1959

Ванское царство (Урарту). — М.: Изд-во вост. лит., 1959. — 284 с., 28 л. табл.

Fortschritte der Erforschung des Urartu-Reichs // Akten des XXIV Internationalen Orientalisten-Kongresses, München, 28. Aug. bis 4. Sept. 1957. — Wiesbaden, 1959. — S. 119–132.

Город бога Тейшебы (Кармир-блур) // СА. — 1959. — № 2. — С. 169–186, 1 л. рис.: рис.

1960

Раскопки урартских крепостей Эребуни и Тейшебаини. (Арин-Берд и Кармир-блур): Доклад. — М.: Изд-во вост. лит., 1960. — 10 с. (XXV Междунар. конгр. востоковедов). — Соавт.: Оганесян К. Л.

Die Ausgrabungen in Arin-Berd und Karmir-Blur, Armenien (Die Urartaischen Festungen Erebuni und Teisebaini): Vortrag. — Moskau: Verl. für orient. Lit., 1960. — 18 s. — (XXV. Int. orient-Kongr.). — Co-aut: Ohanesian K.

Академик Иосиф Абгарович Орбели: (Биогр. очерк) // Исследования по истории культуры народов Востока: Сб. в честь акад. И. А. Орбели. — М.; Л., 1960. — С. 5–12. — Без подписи.

Бронзовые изделия с надписями Сардури II из раскопок на Кармир-блуре // Там же. — С. 119–122: рис.

Археологические работы в Ираке // Вестн. АН СССР. — 1960. — № 6. — С. 112–115: ил. Кармир-блур. Раскопки 1958 г. // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1960. — № 18. — С. 54–56: ил. Отдел Востока в Эрмитаже // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1960. — № 19. — С. 3–6. — Соавт.: Банк А.

И. М. Лосева: [Некролог] // СА. — 1960. — № 1. — С. 321: портр.

Урартские надписи из раскопок Кармир-блора 1939–1958 гг.: (Общ. обзор) // Эпиграфика Востока. — 1960. — Т. 13. — С. 105–109.

Успехи советской археологии в изучении древнейшей истории Закавказья и Средней Азии // Учен. зап. Ин-та востоковедения АН СССР. — 1960: — Т. 25. — С. 42–56.

Ред.: Исследования по истории культуры народов Востока: Сб. в честь акад. И. А. Орбели / Чл. редкол. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 527 с.

1961

О характере закономерностей в истории культуры // Тезисы докладов на заседаниях [Отделения исторических наук АН СССР], посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. — М., 1961. — С. 15–20.

Основные этапы древнейшего земледелия в Армении // Ист.-филол. журн. — 1961. — № 3–4. — С. 108–121. — Рез.: арм.

Страницы истории Нубии // Курьер ЮНЕСКО. — 1961. — № 12. — С. 30–32.

Ред.: Арин-берд. 1. Оганесян К. Л. Архитектура Эребуни по материалам раскопок 1950–1959 гг. / Отв. ред. — Ереван: Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР, 1961. — 115 с. — (Археол. раскопки в Армении; № 9).

1962

Искусство Урарту. VIII–VI вв. до н. э. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. — 123 с., 18 л. ил.: рис.

The aeneolithic culture of Transcaucasia in the third millennium B. C. — Moscow: Acad. Sci. of the USSR, 1962. — 9 p. — (VI Int. Congr. of prehist. and protohist. sci.: Rep. and commun. by archaeologists of the USSR).

Ассирия // Искусство стран и народов мира. Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство: Крат. худож. энцикл. — М., 1962. — Т. 1. — С. 134–137, 1 л. ил.: ил. — Библиогр.: 7 назв.

Урартская колесница // Древний мир: Сб. ст. — М., 1962. — С. 340–343: рис.

Die Ausgrabungen in Arin-Berd und Karmir-Blur, Armenien (Die Urartaischen Festungen Erebuni und Teisebaini) // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9–16 авг. 1960. — М., 1962. — Т. 1: Общая часть. Заседание секций I–V. — С. 291–297.

Археологическая экспедиция в Нубии // Вестн. АН СССР. — 1962. — № 8. — С. 88–93: ил. Советские археологи в Объединенной Арабской Республике // Аль-магалля Ас-Суфьятийя. — 1962. — Июнь. — С. 12–13: ил. — На араб. яз.

То же // Аль-магалля Ас-Суфьятийя. — 1962. — Июнь. — С. 12–13: ил. — На араб. яз.

Сквозь века: [Археол. раскопки в урартской крепости на Кармир-блуре: Беседа] // Коммунист (Ереван). — 1962. — 5 авг.

Раскопки в Нубийской пустыне // Известия. — 1962. — 5 окт. — Моск. веч. вып.

1963

Вади Аллаки — древний путь к золотым рудникам Нубии. — М., 1963. — С. 9. — (XXVI Междунар. конгр. востоковедов: Докл. делегации СССР). — Библиогр.: 13 назв.

Wadi Allaki — der Weg der Alten zu den Goldminen Nubies. — Moskau, 1963. — S. 14. — (XXVI Int. Orient. Kongr.: Votr. der Delegation der UdSSR). — Bibliogr.: 13 ref.

Урартские надписи из раскопок Кармир-блур // Дьяконов И. М. Урартские письма и документы. — М.; Л., 1963. — С. 3–14.

Нубийская археологическая экспедиция Академии наук СССР (1961–1962) // ВДИ: — 1963. — № 2. — С. 185–188.

Отметая вековую пыль // Наука и техника (Ереван). — 1963. — № 3. — С. 11–18. — На арм. яз. — Соавт.: Джанполадян Р. М.

Тайны Нубии // Наука и техника (Рига). — 1963. — № 2. — С. 22–23: ил., портр.

Из глубины веков: [О работе Северокавказ. археол. экспедиции АН СССР] // Красная звезда. — 1963. — 27 апр.

Археологические раскопки в пустыне: [Беседа] // Коммунист (Ереван). — 1963. — 26 июля.

1964

Страницы древней истории Северной Нубии // Древняя Нубия: Результаты работ археол. экспедиции АН СССР в ОАР, 1961–1962. — М.; Л., 1964. — С. 5–31: рис.

Древнеегипетские надписи в районе сел. Дакка и Вади-Аллаки: (По материалам предвар. работ) // Там же. — С. 229–260: рис.

Нубийская археологическая экспедиция // Вестн. АН СССР. — 1964. — № 11. — С. 93–98: ил. Эрмитажу 200 лет // Культура и жизнь. — 1964. — № 10. — С. 26–30: ил.

То же // Сов. Латвия. — 1964. — 21 окт.

Государственному Эрмитажу — 200 лет // Коммунист (Ереван). — 1964. — 22 июля.

Два века Эрмитажа // Правда. — 1964. — 20 окт.

Двери, открытые настежь // Сов. культура. — 1964. — 20 окт. — (200 лет Эрмитажу).

Народная академия искусств: [Гос. Эрмитажу — 200 лет] // Ленингр. правда. — 1964. — 21 окт.

Ред.: Древняя Нубия: Результаты работ археол. экспедиции АН СССР в ОАР, 1961–1962 / Общ. ред. — М.; Л.: Наука, 1964. — 261 с.

1965

Teichebaini, centre ourartien du 7-e siècle avant notre ère et ses rapports avec les autres pays du monde antique // Le rayonnement des civilisations Grecque et Romaine sur les cultures périphériques Texte. — Paris, 1965. — P. 411 — 419: fig. — (Huitième congr. int. d'archéologie classique, Paris, 1963). — Bibliogr.: 25 ref.

Памяти Александра Александровича Иессена // СА. — 1965. — № 1. — С. 130–134: портр. — Библиогр. «Список научных трудов А. А. Иессена»: 64 назв. — Соавт.: Крупнов Е. И.

Урартская крепость Тейшебаини (Кармир-блур): (К 25-летию раскопок) // Крат. сообщ. Ин-та археологии. — 1965. — Вып. 100. — С. 72–78: рис.

1966

Il ergno di Van (Urartu). — Roma: Ed. dell'Ateneo, 1966. — 396 p.: ill. — (Incunabula graeca; Vol. 12).

Древнейшие государства Закавказья: I. Урарту // История СССР с древнейших времен до наших дней. — М., 1966. — Т. 1: Первобытнообщинный строй. Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии. Древняя Русь (до начала 13 в.). — С. 177–190, 1 л. рис.: рис., карта. — (Сер. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.) — Библиогр.: с. 700.

Две египетские надписи VI династии в Вади-Аллаки (Нубия) // ВДИ. — 1966. — № 1. — С. 80–82, 1 л. ил.

Памяти М. Э. Матъе: [Некролог] // ВДИ. — 1966. — № 3. — С. 239–242: портр. — Совм. с др. Урартская надпись из раскопок Кармир-блур, связанная с основанием Эрбунни // Эпиграфика Востока. — 1966. — Т. 17. — С. 3–5: ил.

Предисловие // Арутюнян Н. В. Новые урартские надписи Кармир-блур. — Ереван, 1966. — С. 5–8.

Заповедник — древний город: [Беседа] // Коммунист (Ереван). — 1966. — 28 авг.

Ред.: Эрмитаж за 200 лет (1764–1964): История и состав коллекций, работа музея / Общ. ред. — Л.; М.: Сов. художник, 1966. — 183 с.

[Вступительная статья] // Там же. — С. 3–18: ил.

1967

Urartu. The Kingdom of Van and its art. — London: Evelyn, Adams and Mackay, 1967. — 111 p.: ill. — Bibliogr.: p. 100–101.

Idem. — New York: F. A. Praeger, 1967. — 111 p.: ill. — Bibliogr.: p. 100–109.

Развитие воспитательной работы музеев — знаменательное явление современной жизни. — М.: Междунар. совет музеев, 1968. — 20 л. — (Конф. Ком. по воспитат. и просветит. работе музеев. Москва, 14–21 мая 1968 г.).

Wadi Allaki — der Weg der Alten zu den Goldminen Nubies // Proceedings of the XXVI International congress of orientologists. New Delhi, 1964. — New Delhi, 1968. — Vol. 2. — P. 12–16.

М. Э. Матъе: [Некролог] // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1968. — № 29. — С. 83–84: портр. — Соавт.: Банк А., Дьяконов И.

Работа археологической экспедиции АН СССР в Нубии (1961–1963) // Африка в сов. исслед. — 1968. — Т. 1, вып. 1. — С. 202–221. — Библиогр.: 20 назв.

Древнейшее ядро Еревана // Коммунист (Ереван). — 1968. — 16 окт. — Ил.

1969

Urartu. — Munchen: Nagel Verl., 1969. — 230 s.: ill., tab. — (Archaeologia Mundi). — Bibliogr.: S. 213–216.

Ourartou. — Geneve: Nagel, 1969. — 222 p.: ill., tab. — (Archaeologia Mundi). — Bibliogr.: p. 205–209.

Urartu. — Geneva: Nagel, 1969. — 221 p.: ill. — (Archaeologia Mundi). — Bibliogr.: p. 203–207.

Urartu. — London: Barrie and Rockliff, 1969. — 221 p.: ill. — Bibliogr.: p. 203–207.

Urartu. — London: Gresset Press, 1969. — 221 p.: ill. — (Ancient civilizations).

The ancient civilization of Urartu. — New York: Cowless Book Co., 1969. — 221 p.: ill. — (Ancient civilizations). — Bibliogr.: p. 203–207.

Культура древнейших государств на территории южного Кавказа // Тезисы докладов на сессии Отделения истории Академии наук СССР, посвященной 50-летию Ленинского декрета о создании РАИМК — Института археологии АН СССР и итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1968 г., 18–25 апр. 1969 г. — Л., 1969. — С. 37–39.

Эрмитаж после Великой Октябрьской социалистической революции // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1969. — № 30. — С. 3–6: ил.

Связи культуры Древнего Египта с культурой Африки // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая сер. — 1969. — Т. 93. — С. 3–11: рис.

Ред.: Есаян С. А. Ереван: Археол. сб. / Отв. ред. — Ереван: Айастан, 1969 — 113 с.

Предисловие // Там же. — С. 5–7.

Ред.: Советская археологическая литература: Библиография, 1958–1962 / Чл. редкол. — Л.: Наука, 1969. — 414 с.

Ред.: Сокровища Эрмитажа: Альбом / Общ. ред. — 2-е изд. — Л.: Сов. художник, 1969. — 280 с.

Вступительная статья // Там же. — С. 7–16. — Рез.: англ.

1970

Экспозиция археологических материалов в Государственном Эрмитаже: [Докл. 7]. — М.: Междунар. совет музеев, 1970. — 16 л. — (Конф. Ком. музеев археологии и истории. Ленинград — Москва, 9–18 сент. 1970 г.).

Exhibition of archaeological collections at Hermitage Museum: [Rep. 2]. — Moscow: Int. council of museums. 1970. — 19 p. — (Conf. of the Comm. for archaeol. and hist. museums, Leningrad — Moscow, 9–18 Sept. 1970).

Кармир-блур: Альбом / Сост. — Л.: Аврора, 1970. — 145 с.: ил. — На рус. и англ. яз.

О формах хозяйства, способствовавших образованию классов и становлению государств // Тезисы докладов на заседаниях [Отделения истории АН СССР], посвященных итогам полевых исследований 1969 г. — М., 1970. — С. 17–20.

Атлантида, Кармир-Блур и Эрмитаж: [Беседа] // Соц. индустрия. — 1970. — 23 дек.

Радость открытий // Сов. Россия. — 1970. — 31 дек. — Портр.

Ред.: Арутюнян Н. В. Биайнили (Урарту). Военно-политическая история и вопросы топонимики / Отв. ред. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1970. — 474 с.

1971

Искусство Урарту // История искусств народов СССР: В 9 т. — М., 1971. — Т. 1: Искусство первобытного общества и древнейших государств на территории СССР. — С. 100–116: ил.

Экспозиция археологических материалов в Государственном Эрмитаже // Музейное дело в СССР. — М., 1971. — С. 164–168. — (Тр. Центр музея Революции СССР; Вып. 4).

100 лет археологического изучения Южного Кавказа // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых — археологических и этнографических исследований в 1970 г. [Тбилиси, 1971]: Тез. докл. сессии. и пленар. заседаний. — Тбилиси, 1971. — С. 1–5.

Письмо в редакцию // Ист.-филол. журн. — 1971. — № 3. — С. 302–303.

1972

Отделу Востока 50 лет // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1972. — № 34. — С. 3–5.

С чего начинается цивилизация: [Беседа] // Знание — сила. — 1972. — № 1. — С. 19–23.

Рец.: Адрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. — М., 1969. — 253 с. // Сов. этнография. — 1972. — № 5. — С. 162–165.

Наша заповедь — гостеприимство // Сов. культура. — 1972. — 11 марта.

О парках города Пушкина // Ленингр. правда. — 1972. — 19 мая.

Раскопки на Мохраблуре // Коммунист (Ереван). — 1972. — 6 авг.

Находка в Араратской долине // Труд. — 1972. — 8 сент.

Наука Армении раздвигает горизонты: [Беседа] // За науку в Сибири. — 1972. — 14 дек. — С. 5: ил.

1973

Государственный Эрмитаж и другие русские музеи: Альбом репрод. — Токио: Сёгакукан; Л.: Аврора, [1973]. — 230 с.: ил. — (Крупные музеи мира; Вып. 10). — На яп. яз. — Совм. с др.

Сокровища гробницы Тутанхамона: Кат. выст. / Сост. — М.: Сов. художник, 1973. — [62 с.], 11 л. ил.

То же. — М.: Сов. художник, 1973. — [41 с.], 19 л. ил.

Формы хозяйства, способствующие образованию кланов и становлению государства // Конференция «Возникновение раннеклассового общества», Москва, 1973: Тез. докл. — М., 1973. — С. 1–7.

[Выступление на Втором съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры] // Материалы Второго съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Ленинград, 4–6 июля 1972 г. — М., 1973. — С. 57–61.

Эрмитаж к 50-летию Советского Союза // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1973. — № 36. — С. 3–4.
М. И. Артамонов, 1898–1972: [Некролог] // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1973. — № 37. — С. 112–113: портр. — Соавт.: Смирнова Г., Доманский Я.

[Рассказ о строительстве подземного вестибюля Эрмитажа] // Неделя. — 1973. — 4–10 июня. — С. 24.

«Я вижу чудесные вещи!..»: [Беседа о предстоящей выст. сокровищ из гробницы Тутанхамона в Эрмитаже] // Ленингр. правда. — 1973. — 24 нояб. — Ил.

Директор Эрмитажа: [Беседа] // Неделя. — 1973. — 26 нояб. — 2 дек. — С. 13: портр.

Ред.: Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура: Сб. ст. в честь В. Н. Лазарева / Чл. редкол. — М.: Наука, 1973. — 591 с.

Ред.: Оганесян К. Л. Росписи Эребуни / Отв. ред. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973. — 83 с.

Ред.: Старкова К. Б. Литературные памятники Кумранской общины / Гл. ред. — Л.: Наука, 1973. — 136 с. — (Палестин. сб.; Вып. 24).

1974

Сокровища гробницы Тутанхамона: Кат. выст. / Сост. — М.: Сов. художник, 1974. — 39 с., 19 л. ил.

О работе философского семинара в музее // Городская научно-методическая конференция руководителей и актива методологических семинаров «Идеологическая борьба и методология научных исследований»: Метод, указания и материалы в помощь пропагандистам и идеол. работникам. — Л., 1974. — С. 24–34.

Рафаэль Михайлович Шаумян: (К 80-летию со дня рождения) // Ист.-филол. журн. — 1974. — № 4. — С. 163–170: портр. — Рез.: арм. — Соавт.: Турчанинов Г. Ф.

Первые шаги изучения памятников Урартской культуры // Вестн. Гос. музея Грузии АН ГССР. — 1974. — Т. 30-B. — С. 39–42.

[Об Эрмитаже как центре культуры и искусства: Беседа] // Сел. молодежь. — 1974. — № 1. — С. 28–33: фот.

Эрмитаж со служебного входа // Сов. Союз. — 1974. — № 10. — С. 46–47: ил., портр.

[К созданию Общества книголюбов] // В мире книг. — 1974. — № 4. — С. 41: портр.

Scientific council of the USSR Academy of sciences for integrated study of the problem «History of world culture» // Social Sci. — 1974. — Vol. 5, N 4. — P. 209–211.

Das Reich der Urartaer // Exakt. 1974. — N 9. — S. 44–47: ill.

Рец.: Гафуров Б. Г., Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. — М., 1972. — 425 с. // Вопр. истории. — 1974. — № 12. — С. 144–148. — Соавт.: Окладников А. П.

«Тутанхамон был бы нам благодарен...» // Неделя. — 1974. — 11–17 февр. — С. 8: ил.

Второе рождение Тутанхамона: [К открытию выст. «Сокровища гробницы Тутанхамона» в Эрмитаже] // Ленингр. правда. — 1974. — 4 июля. — Ил.

Почему на лекции скучно? (Беседа с директором Эрмитажа) // Труд. — 1974. — 22 авг.

Ред.: Культура Ближнего Востока древнего и раннесредневекового времени / Гл. ред. — Л.: Наука, 1974. — 187 с. — (Палестин. сб.; вып. 25).

Ред.: Проблемы истории и теории мировой культуры: Сб. ст. памяти акад. Н. И. Конрада / Отв. ред. — М.: Наука, 1974. — 183 с.

1975

Urartu. — Roma: Nagel, 1975. — 214 p.: ill. — (Archaeologia Mundr). — Bibliogr.: p. 197–201. Государство Урарту // Дет. энцикл. — 3-е изд. — 1975. — Т. 8. — С. 54–56: ил.

[Государственный Эрмитаж] // Государственный Эрмитаж. Ленинград: [Альбом репрод.]. — М., 1975. — С. [5–13]. — (Музеи мира).

Early cultures of the lands of the Scythians // From the lands of the Scythians. Ancient treasures from the museums of the USSR 3000 B. C. — 100 B. C. — New York, 1975. — P. 12–25: ill.

Excavations and discoveries in Scythian lands // Ibid. — P. 26–31: ill.

- La découverte de la civilisation scythe: Histoire des fouilles // Or des scythes. Trésors des musées soviétiques: [Catalogue]. — Paris, 1975. — P. 11–24: ill.
- «Новый шаг в развитии культурных связей»: [Беседа] // США — экономика, политика, идеология. — 1975. — № 12. — С. 67–68: портр.
- Памятники отчества охраняет народ // Стр-во и архитектура Ленинграда. — 1975. — № 6. — С. 17–18.
- Директор Эрмитажа: [Беседа] // Коммунист (Ереван). — 1975. — 3 авг. — Фот.
- [100 картин из музея Метрополитен (Нью-Йорк)] // Сов. культура. — 1975. — 29 авг.
- Ред.: Государственный Эрмитаж. Ленинград: [Альбом репрод.] / Общ. ред. — М.: Изобраз. искусство, 1975. — [343 с.]. — (Музеи мира).
- Ред.: Мещанинов И. И. Проблемы развития языка / Чл. редкол. — Л.: Наука, 1975. — 351 с.
- Ред.: Советская археологическая литература: Библиография, 1963–1967 / Отв. ред. — Л.: Наука, 1975. — 471 с.

1976

- К выставке «Золото древней Америки» / Сост. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1976. — 18 с., 2 л. ил.: ил., карт. — Ротапр.
- Об иноземных предметах в гробнице Тутанхамона // Тутанхамон и его время. — М., 1976. — С. 8–21: ил. — Библиогр.: 18 назв.
- Эрмитаж в блокаду // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. — М., 1976. — С. 223–234.
- Комплексное изучение истории мировой культуры // Вестн. АН СССР. — 1976. — № 10. — С. 119–124. — Соавт.: Князевская Т. Б.
- Итоги и задачи [работы Эрмитажа] // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1976. — № 41. — С. 3–4.
- Сокровища гробницы Тутанхамона // Там же. — С. 82–83: ил.
- Все ли виды изобразительной деятельности палеолитического человека были искусством? // Сов. этнография. — 1976. — № 1. — С. 93–101.
- Идеологические формы укрепления царской власти в Древнем Египте // Вопр. науч. атеизма. — 1976. — № 20. — С. 107–115.
- Е. Г. Пчелина: [Некролог] // Сб. тр. Ин-та истории, экономики, яз. и лит. — 1976. — Т. 31, История. — С. 240–242: портр. — Соавт.: Любин В. П.
- Создавать ценности, сохранять ценности // Стр-во и архитектура Ленинграда. — 1976. — № 4. — С. 8–9: портр. — (Конструктив. диалог). — Соавт.: Булдаков Г. Н.
- [О проблемах современного музея: Беседа] // Декор, искусство СССР. — 1976. — № 9. — С. 3: ил.
- Не устаю восхищаться человеком // Турист. — 1976. — № 3. — С. 30–31: портр.
- [Предисловие] // Золото доколумбовой Америки: Кат. выст.: Пер. с англ. — М., 1976. — С. 5–6.
- Дело всей общественности: [О проекте Закона об охране памятников культуры] // Сов. культура. — 1976. — 27 июля. — Соавт.: Тихонов П.
- Золото древней Америки: [Об одноимен. выст. в Эрмитаже] // Ленингр. правда. — 1976. — 12 авг.
- Ред.: Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении (III–I тыс. до н. э.) / Отв. ред. — Ереван: Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР, 1976. — 270 с.
- Ред.: Пигулевская Н. В. Ближний Восток. Византия. Славяне / Отв. ред. — Л.: Наука, 1976. — 240 с.
- Ред.: Тезисы докладов XIV Международной конференции античников социалистических стран. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976. — 541 с.

1977

- По Эрмитажу // Наука и жизнь. — 1977. — № 11. — С. 102–111: фот.
- Скифский мир // Курьер ЮНЕСКО. — 1977. — Янв. — С. 4–8: ил.
- Содружество музеев [Мексики и Советского Союза] // Лат. Америка. — 1977. — № 2. — С. 168–171.
- Significance of the cultural heritage and the ways of preserving it // Social Science - 1977/ — Vol. 8, N 2. — P. 117–124.
- Urartu // Mondo archeol. — 1977. — N 22. — P. 18–27: ill.

Принадлежит народу...: [О Гос. Эрмитаже] // Лит. газ. — 1977. — 5 окт. — С. 13.
Ред.: Искусство Мексики: Кат. времен. выст. «Лицо Мексики»: Пер. с исп. — М.; Л.: [Гос. Эрмитаж и др.], 1977. — 86 с.

1978

Скифы и Урарту. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978. — 10 с. — (II Междунар. симпоз. по арм. искусству).
Les scythes et l'Ourartou. — Yerevan: Acad. Sci. Armenian SSR, 1978. — 10 p. — (II Int. symp. — on Armenian art).
Эрмитаж // БСЭ. — 3-е изд. — 1978. — Т. 30. — С. 239–240. — Библиогр.: 3 назв.
Крепость Тейшебаини — урартский центр VII в. до н. э. // Наука и человечество: Междунар. ежегодник, 1978. — М., 1978. — С. 41–57: рис., портр. — Кн. пер. на нем. яз.
Бесценные сокровища // Белые ночи: О тех, кто прославил город на Неве: Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. — Л., 1978. — С. 224–232: ил.
Об археологии в комплексном изучении искусства // Взаимодействие и синтез искусств. — Л., 1978. — С. 237–239.
[О выставке произведений мексиканских художников в Эрмитаже] // Диего Ривера (1886–1957) и его учитель Хосе Мария Веласко (1840–1912): Времен. выст. из музеев и частн. собр. Мексики. — Л., 1978. — С. 4–5.
Scythia, Urartu and cultural interrelationships in ancient Eurasia // Second annual summer Institute in cross-cultural studies, July 4th to August 17, 1977: Proceedings. Explorations of patterns in world history through arts 600–400 and the first millennium B. C. generally. — Portland, 1978. — P. 40–45.
Выставка «Золото Древней Америки» // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1978. — № 43. — С. 88–89.
Отдел Востока Государственного Эрмитажа: [К 50-летию юбилею] // Тр. Гос. Эрмитажа. — 1978. — Т. 19. — С. 5–8.
70-летие М. П. Кима // Вопр. истории. — 1978. — № 5. — С. 135–137. — Соавт.: Бромлей Ю. В., Ермаков В. Т.
Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972 гг.) // Пробл. археологии. — 1978. — Вып. 2. — С. 3–4. — Соавт.: Мавродин В. В., Столяр А. Д.
Народная академия искусств // Коммунист. — 1978. — № 16. — С. 71–80.
[Introducere] // Västereuropeiskt måleri i Eremitaget: [Album]. — Leningrad; Stockholm, 1978. — P. 5–12.
Пусть будет вечной красота: [О реставрации архит. памятников Ленинграда] // Ленингр. правда. — 1978. — 5 марта.
Ред.: Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи / Чл. редкол. — Л.: Наука, 1978. — 387 с.
Ред.: Филология и история / Отв. ред. — Л.: Наука, 1978. — 183 с. — (Палестин. сб.; вып. 26).
Ред.: Южная Аравия: Памятники древ. истории и культуры / Отв. ред. — М.: Наука, 1978. — Вып. 1. — 73 с.

1979

Золото Колумбии: Кат. выст. / Сост. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1979. — 26 с., 4 л. ил.: ил.
Материальная культура Армянского нагорья // Очерки по истории армянского изобразительного искусства. — Ереван, 1979. — С. 6–14.
Памятники урартского искусства // Там же. — С. 15 — 20, 1 л. ил.
В. В. Павлов — историк искусства Древнего Египта // Павлов В. В. Образы прекрасного: Избр. тр. — М., 1979. — С. 7–12. — Соавт.: Коростовцев М. А.
Скифы и государство Урарту // Советская археология в 10-й пятилетке: Всесоюз. конф., 18–20 апр. 1979 г.: (Тез. пленар. докл.). — Л., 1979. — С. 31–33.
Les échanges d'expositions: phénomène important de l'époque contemporaine // Museums and cultural exchange-Musées et échanges culturels: The papers from the Eleventh General conference of ICOM, Moscow 23–29 May 1977. — Oxford, 1979. — P. 83–90.
«Лицо Мексики»: [Об одноим. выст. в Эрмитаже] // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1979. — № 44. — С. 85.

[Выступление за «Круглым столом» журнала «История СССР» о предмете и методе истории культуры] // История СССР. — 1979. — № 6. — С. 113–114.

О земле, ушедшей под воду // Знание — сила. — 1979. — № 2. — С. 41–43; ил., портр.

Вечные спутники: [Беседа] // Кн. обозрение. — 1979. — 16 февр. — С. 3, 14.

Зеркало духовной жизни // Учит. газ. — 1979. — 17 мая.

Принадлежит народу: [О Гос. Эрмитаже] // Красная звезда. — 1979. — 13 сент. — Портр.

Ред.: Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ / Отв. ред. — Л.: Наука, 1979. — 144 с. — (Сер. «Страницы истории нашей Родины» / АН СССР).

Ред.: Проблемы античной истории и культуры: (Докл. XIV Междунар. конф. античников соц. стран «Эйрене») / Отв. ред. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979. — Т. 1. — 548 с.; Т. 2. — 507 с.

Ред.: Типы в культуре: Методол. пробл. классиф., систематики и типологии в соц.-ист. и антропол. науках / Чл. редкол. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. — 183 с.

1980

Историческая наука в СССР на современном этапе // Советская историческая наука в 1975–1979 гг. — М., 1980. — С. 3–8.

О подходе к показу культурного наследия // Музейное дело в СССР. — М., 1980. — С. 46–48.

The history of the gallery // The Hermitage: Picture gallery: Western European painting: [Album]. — Leningrad, 1980. — P. 7–20; ill.

History of la l'Ermitage: Peinture d'Europe occidentale, XV–XX s.: [Album]. — Léningrad, 1980. — P. 7–20; ill.

[Выступление на торжественном заседании АН СССР и АН АрмССР в Москве, посвященном 1500-летию Давида Непобедимого: Крат. излож.] // Вестн. АН СССР. — 1980. — № 10. — С. 115–116.

Район селения Дакка, Вади-Аллаки // Курьер ЮНЕСКО. — 1980. — Март — апр. — С. 34: рис. — (Сообщ. археол. экспедиций).

People's academy of art // Social Sci. — 1980. — Vol. 11, N 1. — P. 119–129. — Bibliogr.: 6 ref.

Предисловие // Очерки истории организации науки в Ленинграде, 1703–1977. — Л., 1980. — С. 3–6.

Войдите в мир прекрасного // Красная звезда. — 1980. — 29 мая.

Древний путь к рудникам // Неделя. — 1980. — 22–28 сент. — С. 24: ил.

Во славу Отчизны: [Тр. Л. В. Черепнина по пробл. образования Рус. централиз. государства — на соиск. Гос. премии СССР] // Правда. — 1980. — 3 окт. — Соавт.: Пашуто В.

Ред.: Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии // Отв. ред. — М.: Наука, 1980. — 256 с.

Ред.: Есаян С. А. Скульптура древней Армении // Отв. ред. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1980. — 77 с.

Ред.: Советская археологическая литература: Библиография, 1968–1972 / Отв. ред. — Л.: Наука, 1980. — 557 с.

1981

Эрмитаж: История и коллекции. — М.: Искусство; Альдо Мартелло Джунти Едиторе (Италия), 1981. — 215 с.: ил. — Библиогр.: с. 207–209. Кн. изд. на англ., ит., рус., фр. и яп. яз.

Скифы и Урарту // Второй международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 12–18 сент. 1978. — Ереван, 1981. — С. 132–137.

Значение V Всероссийского археологического съезда (1881 г.) для развития археологии Закавказья // Всесоюзная научная конференция, посвященная новейшим открытиям в области археологии и 100-летию V Археологического съезда: Тез. докл. пленар. заседаний, Тбилиси. 21–26 апр. 1981 г. — Тбилиси, 1981. — С. 3–6.

[Ответы на анкету «Вестника АН СССР»] // Вестн. АН СССР. — 1981. — № 2. — С. 9–13. — (На вопр. «Вестника» отвечают академики-секретари отд-ний АН СССР).

Итоги исследований советских историков в десятой пятилетке // Вопр. истории. — 1981. — № 2. — С. 3–25. — Соавт.: Тишков В. А.

60-летие академика Ю. В. Бромлея // Там же. — С. 117–120, — Соавт.: Ким Г. Ф., Токарев С. А.

70-летие В. И. Рутенбурга // *Вопр. истории.* — 1981. — № 10. — С. 113–114. — Савт.: Фурсенко А. А., Шишкин В. А.

[Доклад на годичном общем собрании Отделения истории АН СССР. Москва, 16–17 марта 1981 г.: Крат. излож.] // *Обществ. науки.* — 1981. — № 4. — С. 167–168.

Опыт истории и общественный прогресс // *Обществ. науки.* — 1981. — № 6. — С. 131–132.

[О перспективах развития исторической науки: Ответ на вопр. анкеты «Вестн. АН СССР»: Крат. излож.] // *Знание — сила.* — 1981. — № 7. — С. 12: портр. — (У нас в гостях «Вестник АН СССР»).

Остановитесь перед шедеврами // *Аврора.* — 1981. — № 4. — С. 110–114: ил., портр.

Уметь видеть: [Беседа] // *Сов. профсоюзы.* — 1981. — № 24. — С. 20–21: ил., портр.

Государственный Эрмитаж // *Сов. культура.* — 1981. — 22 мая.

Умение видеть: [О пробл. восприятия изобраз. искусства] // *Ленингр. правда.* — 1981. — 6 дек.

Ред.: История и филология / Отв. ред. — Л.: Наука, 1981. — 159 с. — (Палестин. сб.; вып. 27).

Ред.: Лесков А. М. Курганы: находки, проблемы / Отв. ред. — Л.: Наука, 1981. — 168 с. — (Сер. «Из истории мировой культуры» / АН СССР).

Ред.: План работы философских (методологических) семинаров ленинградских научных учреждений АН СССР на 1981–1985 гг. / Отв. ред. — Л.: Наука, 1981. — 36 с.

1982

Опыт истории и общественный прогресс // XXVI съезд КПСС и актуальные задачи развития общественных наук: Материалы расшир. заседания секции обществ. наук Президиума АН СССР [4–5 июня 1981 г.]. — М., 1982. — С. 81–86.

Некоторые вопросы развития исторической науки // XXVI съезд КПСС и задачи дальнейшего развития общественных наук. — Киев, 1982. — С. 57–62.

75-летие акад. А. Л. Нарочницкого // *Вопр. истории.* — 1982. — № 2. — С. 108–109. — Савт.: Тихвинский С. Л., Нежинский Л. Н.

Город на Неве // *Памятники Отечества.* — 1982. — № 1. — С. 23–31: ил.

Рец.: Труд о великом зодчем: [Пилявский В. И. Джакомо Кваренги. Архитектор. Художник. Л., 1981] // *Ленингр. панорама.* — 1982. — № 5. — С. 30–31.

Эрмитаж сегодня и завтра: [Беседа] // *Известия.* — 1982. — 19 мая. — Моск. веч. вып.

Ред.: Базиянц А. П. Над архивом Лазаревых: (Очерки) / Отв. ред. — М.: Наука, 1982. — 160 с.

Ред.: Дуке Гомес Л. Золото Колумбии: Ювелир. искусство индейцев: Пер. с исп. — М.: Искусство, 1982. — 50 с.

[Предисловие] // Там же. — С. 5–8.

Ред.: Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова / Чл. редкол. — М.: Наука, 1982. — 264 с.

Ред.: Кольцов А. В. Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР, 1926–1932 / Отв. ред. — Л.: Наука, 1982. — 279 с.

1983

Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии: Древнеегип. наскал. надписи: Результаты работ археол. экспедиции АН СССР в Егип. Араб. Респ., 1961–1963 гг. — М.: Наука, 1983. — 183 с., 25 л. ил.: ил. — Рез.: нем.

О значении культурного наследия в развитии культуры // *Советская культура: История и современность.* — М., 1983. — С. 23–36.

Под двадцативековой маской истории // 2000 лет искусства Нигерии: Кат. выст. — М., 1983. — С. 7–10.

Дмитрий Сергеевич Лихачев: (к 75-летию со дня рождения) // *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник, 1983.* — С. 5–8. — Совм. с др.

[Выступление на торжественном заседании, посвященном 1500-летию со дня рождения Давида Непобедимого, Москва] // *Давид Непобедимый — великий философ древней Армении.* — Ереван, 1983. — С. 687–689.

Культура древнего Йемена: Науч. сообщ. [в Президиуме АН СССР] // *Вестн. АН СССР.* — 1983. — № 3. — С. 23–32 [с дискус.]: рис.

[Выступление на Всесоюзной конференции ученых за избавление человечества от угрозы ядерной войны, за разоружение и мир, Москва, 17–19 мая 1983 г.] // Вестн. АН СССР. — 1983. — № 9. — С. 118–120.

К 75-летию академика М. П. Кима // История СССР. — 1983. — № 3. — С. 218–221. — Соавт.: Самсонов А. М., Борисов Ю. С.

Угроза мировой культуре // Новая и новейшая история. — 1983. — № 6. — С. 3–7.

[Предисловие] // Памятники культуры и искусства Киргизии: Древности и средневековье: Кат. выст. / Сост. А. К. Абебеков и др. — Л., 1983. — С. 7.

«Без эмоции нет науки»: [Беседа] // Лит. Россия. — 1983. — 7 янв. — С. 16. — Портр.

«Учиться любить прекрасное»: [Беседа] // Комс. правда. — 1983. — 11 февр. — Портр.

Эрмитаж и вся жизнь: [Беседа] // Сов. культура. — 1983. — 12 февр.

«Родился я с любовью к искусству»: [Беседа] // Смена. — 1983. — 27 февр. — Портр.

Свидетельство твердой воли: (Сохранить мир на земле) // Известия. — 1983. — 1 июня. — Моск. веч. вып.

Он защищал искусство: Памяти Р. Сивьеро // Лит. газ. — 1983. — 7 дек. — С. 11. — Соавт.: Тихвинский С. Л., Федоренко Н. Т.

Ред.: Ломоносов: Сб. ст. и материалов / Чл. редкол. — Л.: Наука, 1983. — Вып. 8. — 171 с.

Ред.: Русские библиотеки и их читатель: (Из истории рус. культуры эпохи феодализма) / Под ред. Б. Б. Пиотровского и С. П. Луппова. — Л.: Наука, 1983. — 251 с.

Ред.: Советская археологическая литература: Библиография, 1973–1975 / Отв. ред. — Л.: Наука, 1983. — 376 с.

Ред.: Советская культура: История и современность / Отв. ред. — М.: Наука, 1983. — 431 с.

1984

Леман Н. Н. (1903–1982): [Некролог] // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — 1984. — № 49. — С. 91–92.

[Вступительное слово на научной конференции «Древние культуры Евразии и античная цивилизация» (Ленинград, 10–13 мая 1983 г.)] // ВДИ. — 1984. — № 3. — С. 197.

Отделу истории первобытной культуры — 50 лет // Археол. сб. / Гос. Эрмитаж. — 1984. — Вып. 25. — С. 3–6.

Цилиндрическая печать с древнеегипетской иероглифической надписью из Мецаморского могильника // Ист.-филол. журн. — 1984. — № 4. — С. 61–65: рис. — Рез.: арм. — Соавт.: Ханзадян Э. В.

Культура и война — несовместимы // Ленингр. панорама. — 1984. — № 3. — С. 7–9: ил.

Бывают ли картины пилигримами?.. // Аврора. — 1984. — № 5. — С. 131–135: фот.

Листая эрмитажные страницы: [Беседа] // В мире книг. — 1984. — № 3. — С. 62–64: ил., портр.

«...Нам служит с детства»: [Беседа] // Театр. жизнь. — 1984. — № 7. — С. 30–31: фот.

Эрмитаж // Юный художник. — 1984. — № 4. — С. 6–10: ил. — (Музеи мира).

[Foreword] // Western European painting in the Hermitage. — Leningrad, 1984. — P. 5–18.

Introduction // Musee de l'Ermitage peinture d'Europe occidentale. Leningrad, 1984. — P. 5–18.

Времен связующая нить: [Беседа] // Известия. — 1984. — 15 янв. — Моск. веч. вып.

В зеркале археологии: на соиск. Ленин. премии: [О работах Новгород. экспедиции по изуч. Новгорода с точки зрения его экон., социал., полит. и культур. развития в X–XV вв.] // Правда. — 1984. — 18 марта. — Рис. — Соавт.: Горский А.

Право на творчество: [Беседа] // Учит. газета. — 1984. — 24 апреля.

Заглянуть за горизонт // Сов. культура. — 1984. — 26 мая.

Ред.: Павлова О. И. Амон Фиванский: Ранняя история культа (V–XVII династии) / Отв. ред. — М.: Наука, 1984. — 176 с.

Ред.: Эпиграфика Востока: Сб. ст. / Отв. ред. — Л.: Наука, 1984. — Т. 22. — 87 с.

1985

Блокадный Ленинград (зима 1941/42 г.) // В годы войны: Ст. и очерки. — М., 1985. — С. 5–24: портр.

- [Воспоминания о блокадном Ленинграде и о встрече после войны с Агатой Кристи] // Двадцать пять лет спустя. — М., 1985. — С. 96. — (Неделя XXV).
- Милица Васильевна Нечкина: [Некролог] // Вестн. АН СССР. — 1985. — № 8. — С. 121: портр. — Совм. с др.
- Памяти Алисы Владимировны Банк // СА. — 1985. — № 3. — С. 316–317. — Соавт.: Иерусалимская А. А.
- Возрожденные из пепла: [О восстановлении памятников архитектуры Ленинграда и его пригородов, пострадавших во время Великой Отеч. войны] // Памятники Отечества. — 1985. — № 1. — С. 87–96: ил. — Соавт.: Тихонов Л. П.
- Эрмитаж в дни блокады Ленинграда // Курьер ЮНЕСКО. — 1985. — Июнь. — С. 12–13: ил.
- Подвиг Эрмитажа // Юный художник. — 1985. — № 5. — С. 18–22: ил.
- «There can be no science without emotion»: (A talk with a reporter of Sov. Lit.) // Sov. Lit. — 1985. — № 1. — P. 139–143.
- The destruction and restoration of Leningrad's palace museums // Museum. — 1985. — № 147. — P. 169–173: ill. — Bibliogr.: 5 ref.
- Leningrad, centre historique et culturel // Commerce et cooperation. — 1985. — № 119. — P. 54–55: ill., portr.
- [Предисловие] // Левинсон-Лессинг В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). — Л., 1985. — С. 5–13.
- Успех — не подарок судьбы: [Беседа] // Известия. — 1985. — 9 марта. — Портр. — Моск. веч. вып.
- Чему учит история: [Беседа] // Известия. — 1985. — 1 мая. — С. 12.
- Ред.: Античная культура и современная наука / Предс. редкол. — М.: Наука, 1985. — 344 с. — Посвящается А. Ф. Лосеву.
- Ред.: Древняя Анатолия: Сборник / Предс. редкол. — М.: Наука, 1985. — 255 с.
- Предисловие: (От редкол.) // Там же. — С. 3.
- Ред.: Изучение истории Африки: Пробл. и достижения / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский и Б. М. Туполев. — М.: Наука, 1985. — 304 с.
- Ред.: Моисеева К. М. В древнем царстве Урарту: [Повесть] / Науч. ред. // Моисеева К. М. Прошел караван столетий: Ист. повести. — М., 1985. — С. 3–102. — (Библ. сер.).
- Ред.: Немилова И. С. Французская живопись XVIII в. / Чл. редкол. — Л.: Искусство, 1985. — 492 с. — (Собр. западноевр. живописи Гос. Эрмитажа: Науч. кат.; т. 10).
- Ред.: Эпиграфика Востока: Сб. ст. — Л.: Наука, 1985. — Т. 23. — 110 с.

1986

- Крепость Тейшебаини — урартский центр VII в. до н. э. // Сквозь века. — М., 1986. — Вып. 2. — С. 99–116: ил.
- И не порвется связь времен: [Беседа] // На пороге XXI века: Интервью с ленингр. акад. — Л., 1986. — С. 151, 153–164: фот.
- Академик Михаил Борисович Храпченко: [Некролог] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1986. — Т. 45, № 4. — С. 291–292: портр. — Совм. с др.
- Николай Михайлович Дружинин: [Некролог] // Вестн. АН СССР. — 1986. — № 11. — С. 76: портр. — Совм. с др.
- 75-летие В. И. Рутенбурга // Вопр. истории. — 1986. — № 10. — С. 114–116. — Соавт.: Фурсенко А. А., Шишкин В. А.
- 80-летие академика Д. С. Лихачева // Вопр. истории. — 1986. — № 11. — С. 116–121. — Соавт.: Дмитриев Л. А., Янин В. Л., Шмидт С. О.
- Прежде всего — искусство!: [Беседа] // 64 шахмат. обозрение. — 1986. — № 17. — С. 8–9: портр.
- [Предисловие] // Левинсон-Лессинг В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). — 2-е изд., испр. и доп. — Л., 1986. — С. 5–13.
- Диалог шедевров: [Беседа] // Комс. правда. — 1986. — 22 марта.
- Земля тревоги нашей // Известия. — 1986. — 27 авг. — Моск. веч. вып.
- Эрмитаж в XXI веке // Сов. культура. — 1986. — 20 сент. — Ил.
- Долг отчему дому: Беседа // Веч. Ленинград. — 1986. — 3 дек. — Фот. — (Город — в наследство).

Ред.: История и культура Ближнего Востока древнего и раннесредневекового времени / Отв. ред. — Л.: Наука, 1986. — 227 с. — (Палестин. сб.; вып. 28).
Ред.: Советская археологическая литература: Библиография, 1976–1978 / Отв. ред. — Л.: Наука, 1986. — 383 с.

1987

Skithian art: [Album]. — Leningrad: Aurora; Oxford: Phiadon, 1987. — 183 p.: — Bibliogr.: p. 179–183. Кн. изд. на англ., нем. и фр. яз. — Co-aut.: Galanina L., Grach N.
О преемственности в развитии культуры // Советская культура: 70 лет развития: К 80-летию акад. М. П. Кима. — М., 1987. — С. 49–53. — Библиогр.: 5 назв.
Философские (методологические) семинары в ленинградских институтах АН СССР // XXVII съезд КПСС и актуальные задачи совершенствования работы философских (методологических) семинаров: Тез. докл. симпоз., 5–6 окт. 1987 г. — Л., 1987. — С. 7–10. — Соавт.: Астапова О. Д.
Dagli Altai all'Urartu // Tesori d'Eurasia: 2000 anni di storia in 70 anni di archeologia sovietica. — Milano, 1987. — P. 11–16.
Antichita del regno di Van (Urartu) // Ibid. — P. 41–61.
Письма Б. Б. Пиотровского к И. А. Орбели // Вестн. обществ. наук АН АрмССР. — 1987. — № 5. — С. 88–92.
80-летие академика А. Л. Нарочницкого // Вопр. истории. — 1987. — № 1. — С. 102–104. — Соавт.: Нежинский Л. Н., Орлик О. В.
Культура и мир // Новая и новейшая история. — 1987. — № 6. — С. 13–15.
Гордость России: [Государственный Эрмитаж] // Наука и религия. — 1987. — № 8. — С. 4–5: ил., портр. — (К 70-летию Великого Октября.)
[Комментарий к открытому письму редакции журнала «Аврора» и Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина] // Аврора. — 1987. — № 1. — С. 6–7.
Эрмитаж сегодня и завтра // Турист. — 1987. — № 5. — С. 6–8: — фот.
[Предисловие] // Подвиг Эрмитажа, 1941–1945: Альбом / Текст С. Варшавского и Б. Реста. — Л., 1987. — С. 5. — В сост. альбома принимали участие сотр. Эрмитажа под рук. Б. Б. Пиотровского.
Созидатель: К 100-летию со дня рождения акад. И. А. Орбели // Сов. культура. — 1987. — 21 марта. — Портр.
Сберечь лучшее: [Беседа] // Смена. — 1987. — 5 апр. — Портр. — (Воскресный гость «Смены».)
В мрачных тонах // Сов. культура. — 1987. — 9 апр. — («Наука об искусстве: сигнал тревоги».)
Всему начало — красота: [Беседа] // Сов. Россия. — 1987. — 19 апр. — Фот.
Все о странах и народах // Известия. — 1987. — 25 авг. — Моск. веч. вып.
Ленинград: между прошлым и будущим: Обществ. мнение и судьба наследия культуры // Моск. новости. — 1987. — 25 окт. — С. 16: фот.
«Я книги никогда не продавал»: [Беседа] // Кн. обозрение. — 1987. — 4 дек. — С. 14: портр.
Ред.: Академик В. Г. Хлопин: Очерки, воспоминания современников / Чл. редкол. сер. — Л.: Наука, 1987. — 230 с. — (Сер. «Ученые СССР. Очерки, воспоминания, материалы».)
Ред.: История и филология / Чл. редкол. — Л.: Наука, 1987. — 200 с. — (Палестин. сб.; вып. 29).
Ред.: Николай Иванович Вавилов: Из эпистоляр. наследия, 1929–1940 гг. / Чл. редкол. сер. — М.: Наука, 1987. — 493 с. — (Науч. наследство; т. 10).
Ред.: Николай Иванович Вавилов: Очерки, воспоминания, материалы / Чл. редкол. сер. — М.: Наука, 1987. — 487 с. — (Сер. «Ученые СССР. Очерки, воспоминания, материалы».)
Ред.: Советская культура: 70 лет развития: К 80-летию акад. М. П. Кима / Отв. ред. — М.: Наука, 1987. — 399 с.
Ред.: Феодализм в России: Сб. ст. и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина / Чл. редкол. — М.: Наука, 1987. — 326 с.
От редколлегии // Там же. — С. 3–4. — Совм. с др.

Ред.: Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства: Сб. ст. / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский и Г. М. Бонгард-Левин. — М.: Наука, 1987. — 375 с.

От редакторов // Там же. — С. 3–4. — Соавт.: Бонгард-Левин Г. М.

[Воспоминания о И. А. Орбели] // Арзуманян А. М. Братья Орбели: Роман-хроника.

Бюраканский меридиан: Роман-хроника. — М., 1988. — С. 184–189.

Урартская колесница // Вестн. обществ. наук / АН АрмССР. — 1988. — № 3. — С. 83–85.

Авторитет культуры: Беседа // Новое время. — 1988. — № 12. — С. 46–47 : ил., портр.

Больше культуры, больше доброты // Полит. образование. — 1988. — № 12. — С. 20–21.

Служитель вечности: [Беседа] // Сов. Россия. — 1988. — 14 февр. — Фот.

Дом, где всегда праздник: [Беседа] // Комс. правда. — 1988. — 16 февр.

Иди и найди: [Беседа] // Моск. новости. — 1988. — 21 февр. — С. 14: фот.

[Выступление в прениях на заседании бюро Ленинградского обкома КПСС в марте 1988 г. по вопросу сохранения исторического центра Ленинграда] // Веч. Ленинград. — 1988. — 9 апр. — (Ленинграду оставаться молодым!).

«Когда-то и я был студентом...» // Смена. — 1988. — 24 апр. — Фот.

Вовлечь в перестройку молодые таланты: [Беседа] // Смена. — 1988. — 19 июня.

Укреплять базу культуры, возрождать самосознание // Сов. Россия. — 1988. — 28 июня.

Ред.: Воспоминания о И. Я. Померанчуке / Чл. редкол. сер. — М.: Наука, 1988. — 318 с. — (Сер. «Ученые СССР. Очерки, воспоминания, материалы».)

Ред.: История Древнего Востока: Зарождение древнейших классовых о-в и первые очаги рабовладель. цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия. Египет / Отв. ред. — М.: Наука, 1988. — 623 с.

От редколлегии // Там же. — С. 17–18.

Ред.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. — М.: Наука, 1988. — 544 с. — (История народов Сев. Кавказа).

Предисловие к серии // Там же. — С. 5–20. — Совм. с др.

Ред.: Новые материалы к биографии Н. И. Лобачевского / Чл. редкол. сер. — Л.: Наука, 1988. — 384 с. — (Науч. наследство; т. 12).

1991

Культурное наследие и его роль в жизни человечества: (Размышления на тему) // Человек в зеркале наук. — Л., 1991. — С. 89–96.

1995

Страницы моей жизни. — СПб.: Наука, 1995. — 288 с., 10 л. ил.: ил.

1997

Путевые заметки. — СПб.: Славия, 1997. — 312 с.: ил.

2000

История Эрмитажа: Краткий очерк. Материалы и документы. — М.: Искусство, 2000. — 574 с.: ил.

2002

История Эрмитажа: Краткий очерк. — СПб., 2002. — СПб. общественный фонд культуры, Российский комитет Международного совета музеев (ИКОМ России).

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ТРУДОВ Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

- Авторитет культуры, 1988.
Академик Иосиф Абгарович Орбели, 1960.
Академик Михаил Борисович Храпченко, 1986.
Амулеты в форме глаза в Древнем Египте («глаз» — «солнце» — «жизнь»), 1931.
Археологическая работа Эрмитажа, 1955.
Археологическая экспедиция в Нубии, 1962.
Археологические работы в Ираке, 1960.
Археологические раскопки в пустыне, 1963.
Археологические раскопки на Кармир-блуре, 1947.
Археологические экспедиции, 1940.
Археологическое изучение древнейшего Закавказья, 1947.
Археология Закавказья. С древнейших времен до I тысячелетия до н. э., 1949.
Ассирия, 1940, 1962.
Атлантида, Кармир-блур и Эрмитаж, 1970.
«Без эмоции нет науки», 1983.
Бесценные сокровища, 1978.
Блокадный Ленинград (зима, 1941/42 г.), 1985.
Больше культуры, больше доброты, 1988.
Бронзовые изделия с надписями Сардури II из раскопок на Кармир-блуре, 1960.
Бывают ли картины пилигримами? 1984.
В. В. Павлов — историк искусства Древнего Египта, 1979.
В зеркале археологии: На соиск. Ленин. премии, 1984.
В мрачных тонах, 1987.
Вади Аллаки — древний путь к золотым рудникам Нубии, 1963.
Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии: Древнеегип. наскал. надписи, 1983.
Ванское царство (Урарту), 1959.
Вечные спутники, 1979.
Виноделие в Урарту, 1956.
Вишапы. Каменные статуи в горах Армении, 1939.
Во славу Отчизны, 1980.
Вовлечь в перестройку молодые таланты, 1988.
Возрожденные из пепла, 1985.
Войдите в мир прекрасного, 1980.
[Воспоминания о блокадном Ленинграде и о встрече после войны с Агатой Кристи], 1985.
[Воспоминание о И. А. Орбели], 1988.
80-летие академика А. Л. Нарочницкого, 1987.
80-летие академика Д. С. Лихачева, 1986.
Времен связующая нить, 1984.
Все ли виды изобразительной деятельности палеолитического человека были искусством?.
Все о странах и народах, 1987.
Всему начало — красота, 1987.
Вступительная статья в кн.: Сокровища Эрмитажа, 1969.
Эрмитаж за 200 лет (1764–1964): История и состав коллекции, работа музея, 1966.
[Вступительное слово на научной конференции «Древние культуры Евразии и античная цивилизация» (Ленинград, 10–13 мая 1983г.)], 1984.
Второе рождение Тутанхамона, 1974.
Выставка «Золото Древней Америки», 1978.

Выступления:

- в прениях на заседании бюро Ленинградского обкома КПСС в марте 1988 г. по вопросу сохранения исторического центра Ленинграда, 1988.
- за «Круглым столом» журнала «История СССР» о предмете и методе истории культуры, 1979.
- на Всесоюзной конференции ученых за избавление человечества от угрозы ядерной войны, за разоружение и мир, Москва, 17–19 мая 1983 г., 1983.
- на Втором съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, 1973.
- на торжественном заседании АН СССР и АН АрмССР в Москве, посвященном 1500-летию Давида Непобедимого 1980, 1983.
- Гордость России: [Государственный Эрмитаж], 1987.
- Город бога Тейшебы (Кармир-блур), 1959.
- Город бога Тейшебы — последний оплот урартской власти в Закавказье, 1948.
- Город на Неве, 1982.
- «Город Тейшебаани» в урартской клинообразной надписи, 1948.
- Государственному Эрмитажу — 200 лет, 1964.
- Государственный Эрмитаж, 1975, 1981.
- Государственный Эрмитаж и другие русские музеи, 1973.
- Государство Урарту, 1956, 1975.
- Два века Эрмитажа, 1964.
- Две египетские надписи VI династии в Вади-Аллаки (Нубия), 1966.
- Двери, открытые настежь, 1964.
- Дверь Мгера: (К юбилею 1000-летия армянского народного эпоса «Давид Сасунский»), 1939.
- Дело всей общественности [О проекте Закона об охране памятников культуры], 1976.
- Диалог шедевров, 1986.
- Директор Эрмитажа, 1973, 1975.
- Дмитрий Сергеевич Лихачев: (К 75-летию со дня рождения), 1983.
- [Доклад на годичном общем собрании Отделения истории АН СССР, Москва, 16–17 марта 1981 г.], 1981.
- Долг отчету дому, 1986.
- Дом, где всегда праздник, 1988.
- Дон, 1934 г. [Сталингр. обл.], 1941.
- Древнеегипетские надписи в районе сел. Дакка и Вади-Аллаки, 1964.
- Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза, 1958.
- Древнеегипетский термин «металл», 1931.
- Древнейшее ядро Еревана, 1968.
- Древнейшие государства Закавказья: 1. Урарту, 1966.
- Древнейшие этапы истории и культуры Армении, 1944.
- Древний путь к рудникам, 1980.
- Е. Г. Пчелина : [Некролог], 1976.
- Египетские предметы в Северокавказском крае, 1931.
- Заглянуть за горизонт, 1984.
- Закавказье в период Урартского царства, 1939.
- Заключительное слово на объединенной научной сессии АН СССР и академий наук Закавказских республик по общественным наукам, 1957.
- Заповедник — древний город, 1966.
- Земля тревоги нашей, 1986.
- Зеркало духовной жизни, 1979.
- Значение культурного наследия для развития культуры и формы его сохранения, 1976.
- Значение V Всероссийского археологического съезда (1881 г.) для развития археологии Закавказья, 1981.
- Золото древней Америки, 1976.
- Золото Колумбии, 1979.
- И. М. Лосева: [Некролог], 1960.
- И. М. Лурье, 1903–1958: [Некролог], 1958.

- И не порвется связь времен, 1986.
 Идеологические формы укрепления царской власти в Древнем Египте, 1976.
 Иди и найди, 1988.
 Из глубины веков: [О работе Северокавказ. археол. экспедиции АН СССР], 1963.
 Изучение урартских древностей, 1957.
 Искусство Урарту, 1971.
 Искусство Урарту. VIII–VI вв. до н. э., 1962.
 Историческая наука в СССР на современном этапе, 1980.
 История армянского народа, 1951.
 История и культура Урарту, 1944.
 История техники древнего Двуречья, 1940.
 Итоги и задачи [работы Эрмитажа], 1976.
 Итоги исследований советских историков в десятой пятилетке, 1981.
 К вопросу о происхождении армянского народа, 1944, 1945.
 К выставке «Золото древней Америки», 1976.
 К 75-летию академика М. П. Кима, 1983.
 [К созданию Общества книголюбов], 1974.
 Кармир-блур, 1940, 1970.
 Кармир-блур [Вып.] 1–3, 1950, 1952, 1955 .
 Кармир-блур. Раскопки древней урартской крепости в Армении, 1954.
 Кармир-блур. Раскопки 1954 г., 1955.
 Кармир-блур. Раскопки 1958 г., 1960.
 Киммерийцы и скифы в Передней Азии, 1939.
 Клинообразные надписи на бронзовых чашах из раскопок на Кармир-блуре в 1949 г., 1951.
 Клинообразные урартские надписи из раскопок на Кармир-блуре 1954 г., 1956.
 «Когда-то и я был студентом...», 1988.
 [Комментарий к открытому письму редакции журнала «Аврора» и Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина], 1987.
 Комплексное изучение истории мировой культуры, 1976.
 Крепости Армении доурартского и урартского времени, 1933.
 Крепость Тейшебаини — урартский центр VII в. до н. э., 1978, 1986.
 Культура древнего Йемена, 1983.
 Культура древнейших государств на территории Южного Кавказа, 1969.
 Культура и война — несовместимы, 1984.
 Культура и мир, 1987.
 Леман Н. Н. (1903–1982), 1984.
 Ленинград: между прошлым и будущим, 1987.
 Листая эрмитажные страницы, 1984.
 «Лицо Мексики»: [Об одноим. выст. в Эрмитаже], 1979.
 М. И. Артамонов, 1898–1972, 1973.
 М. Э. Матье: [Некролог], 1968.
 Материальная культура Армянского нагорья, 1979.
 Милица Васильевна Нечкина: [Некролог], 1985.
 Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972 гг.), 1978.
 Могильник в г. Налчыке, 1941.
 «...Нам служит с детства», 1984.
 Народная академия искусств, 1964, 1978.
 Наука Армении раздвигает горизонты, 1972.
 Находка в Араратской долине, 1972.
 Находки археологов, 1956.
 Наша заповедь — гостеприимство, 1972.
 Не устаю восхищаться человеком, 1976.
 Некоторые вопросы развития исторической науки, 1982.
 Николай Михайлович Дружинин: [Некролог], 1986.
 Новая страница древнейшей истории Кавказа (II тысячелетие до н. э.), 1943.

- Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР, 1955, 1956.
«Новый шаг в развитии культурных связей», 1975.
Нубийская археологическая экспедиция, 1964.
Нубийская археологическая экспедиция Академии наук СССР (1961–1962), 1963.
[О выставке произведений мексиканских художников в Эрмитаже], 1978.
О земле, ушедшей под воду, 1979.
О значении культурного наследия в развитии культуры, 1983.
О некоторых ошибках археологов в связи с учением Н. Я. Марра о семантике, 1953.
О парках города Пушкина, 1972.
[О перспективах развития исторической науки: Ответ на вопр. анкеты «Вестн. АН СССР»], 1981.
О подходе к показу культурного наследия, 1980.
О преемственности в развитии культуры, 1987.
[О проблемах современного музея], 1976.
О происхождении армянского народа, 1946.
О работе философского семинара в музее, 1974.
О формах хозяйства, способствовавших образованию классов и становлению государств, 1970.
О характере закономерностей в истории культуры, 1961.
Об археологии в комплексном изучении искусства, 1978.
Об иноземных предметах в гробнице Тутанхамона, 1976.
[Об Эрмитаже как центре культуры и искусства], 1974.
Образование государства Урарту и его борьба с Ассирией, 1939.
Он защищал искусство: Памяти Р. Сивьеро, 1983.
Опыт истории и общественный прогресс, 1981, 1982.
Основные итоги и проблемы археологического изучения Закавказья, 1948.
Основные результаты раскопок Урартской крепости на холме Кармир-блур (древ. Тейшеба-ини), 1954.
Основные этапы древнейшего земледелия в Армении, 1961.
Остановитесь перед шедеврами, 1981.
От редакторов в кн.: Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства, 1987.
От редколлегий в кн.: История Древнего Востока, 1988.
Феодализм в России, 1987.
[Ответы на анкету «Вестника АН СССР»], 1981.
Отдел Востока в Эрмитаже, 1960.
Отдел Востока Государственного Эрмитажа, 1978.
Отделу Востока 50 лет, 1972.
Отделу истории первобытной культуры 50 лет, 1984.
Отметая вековую пыль, 1963.
Отчет о раскопках Государственного Эрмитажа в Моздоке в 1933 г., 1940.
Памяти Александра Александровича Иессена, 1965.
Памяти Алисы Владимировны Банк, 1985.
Памяти М. Э. Матье, 1966.
Памятники отечества охраняет народ, 1975.
Памятники урартского искусства, 1979.
Первобытное искусство, 1932.
Первые шаги изучения памятников урартской культуры, 1974.
Письма Б. Б. Пиотровского к И. А. Орбели, 1987.
Письма в редакцию [Ист.-филол. журн.], 1971.
Племена Кавказа и Средней Азии в конце III и во II тысячелетии до н. э., 1956.
Племена Средней Азии, Закавказья и Кавказа, 1956.
По Египту, 1956.
По поводу древнеегипетского [термина] «железо», 1929.
По поводу мотива «дерево на ладье», 1929.
По Эрмитажу, 1977.
Под двадцативековой маской истории, 1983.

Подвиг Эрмитажа, 1985.

Поездка советских археологов и этнографов в Египет, 1956.

Поселения медного века в Армении, 1949.

Почему на лекции скучно? 1974.

Право на творчество, 1984.

Предварительный отчет о раскопках археологической экспедиции Эрмитажа на Кармир-блуре около сел. Чарбах. 1939 г. 1940.

Предисловия к книгам:

Арутюнян Н. В. Новые урартские надписи Кармир-блур, 1966.

Десятый международный конгресс историков в Риме, сент. 1955 г., 1956.

Древняя Анатолия, 1985.

Дуке Гомес Л. Золото Колумбии: Ювелир. искусство индейцев, 1982.

Есаян С. А. Ереван: Археол. сб., 1969.

Золото доколумбовой Америки, 1976.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в., 1988.

Левинсон-Лессинг В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917), 1985, 1986.

Очерки истории организации науки в Ленинграде, 1703–1977, 1980.

Памятники культуры и искусства Киргизии: древность и средневековье: кат. выст., 1983.

Подвиг Эрмитажа, 1941–1945, 1987.

Успенский Л., Шнейдер К. За семью печатями: Очерки по археологии, 1958.

Прежде всего — искусство! 1986.

[Прибор для косметики додинастических египтян], 1929.

Принадлежит народу, 1977, 1979.

Припонтийские халдеи и урарты, 1940.

Пусть будет вечной красота, 1978.

Работа археологической экспедиции АН СССР в Нубии (1961–1963), 1968.

Радость открытий, 1970.

Разведочные работы на Гяур-Кала в Старом Мерве, 1949.

Развитие воспитательной работы музеев — знаменательное явление современной жизни, 1968.

Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, 1955.

Район селения Дакка, Вади-Аллаки, 1980.

Раскопки в Нубийской пустыне, 1962.

Раскопки древнего урартского города Тейшебаини. (Кармир-блур), 1956.

Раскопки древней крепости, 1948.

Раскопки Кармир-блур, 1940, 1949, 1950, 1952.

Раскопки Кармир-блур в 1950, 1951.

Раскопки на Кармир-блуре в 1945, 1948.

Раскопки на Мохраблуре, 1972.

Раскопки на Чингиз-тепе, 1940.

Раскопки урартских крепостей Эребуни и Тейшебаини. (Арин-берд и Кармир-блур), 1960.

Раскопки урартской крепости, 1940.

Раскопки урартской крепости на холме Кармир-блур, 1947, 1953, 1954, 1957.

Раскопки урартской крепости на холме Кармир-блур (Тейшебаини), 1949.

[Рассказ о строительстве подземного вестибюля Эрмитажа], 1973.

Рафаэль Михайлович Шаумян: (К 80-летию со дня рождения), 1974.

Musee de l'Ermitage peinture d'Europe occidentale, 1984.

Vasteuropeiskt maleri i Eremitaget, 1978.

Western European painting in the Hermitage, 1984.

Редактирование:

Античная культура и современная наука, 1985.

Арин-берд. I. Оганесян К. Л. Архитектура Эребуни по материалам раскопок 1950–1959 гг., 1961.

- Арутюнян Н. В. Биайнили (Урарту). Военно-политическая история и вопросы топонимики, 1970.
- Базиянц А. П. Над архивом Лазаревых: (Очерки), 1982.
- Базиянц А. П. Правда интереснее легенд, 1975.
- Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ, 1979.
- Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура: Сб. ст. в честь В. Н. Лазарева, 1973.
- Воспоминания о И. Я. Померанчуке, 1988.
- Гарни. 1. Аракелян Б. Результаты работ археологической экспедиции Института истории АН Арм. ССР 1949–1950 гг., 1951.
- Государственный Эрмитаж. Ленинград, 1975.
- Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии, 1980.
- Десятый международный конгресс историков в Риме, сент. 1955 г., 1956.
- Древние племена и народности Кавказа, 1958.
- Древняя Анатолия, 1985.
- Древняя Нубия, 1964.
- Дукес Гомес Л. Золото Колумбии: Ювелир. искусство индейцев, 1982.
- Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. (III–I тыс. до н.э.), 1976.
- Есаян С. А. Ереван: Археол. сб., 1969.
- Есаян С. А. Скульптура древней Армении, 1980.
- Изучение истории Африки: Пробл. и достижения, 1985.
- Искусство Мексики, 1977.
- Исследования по истории и историографии феодализма, 1982.
- Исследования по истории культуры народов Востока, 1960.
- История Древнего Востока, 1988.
- История и культура Ближнего Востока древнего и раннесредневекового времени, 1986.
- История и филология, 1981, 1987.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в., 1988.
- Кольцов А. В. Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР, 1926–1932 гг., 1982.
- Культура Ближнего Востока древнего и раннесредневекового времени, 1974.
- Лесков А. М. Курганы: находки, проблемы, 1981.
- Ломоносов: Сб. ст. и материалов. Вып. 8, 1983.
- Мещанинов И. И. Проблемы развития языка, 1975.
- Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи, 1978.
- Моисеева К. М. В древнем царстве Урарту, 1985.
- Немилова И. С. Французская живопись XVIII в., 1985.
- Николай Иванович Вавилов: Из эпистоляр. наследия, 1929–1940 гг., 1987.
- Николай Иванович Вавилов: Очерки, воспоминания, материалы, 1987.
- Новые материалы к биографии Н. И. Лобачевского, 1988.
- Оганесян К. Л. Росписи Эребуни, 1973.
- Павлова О. И. Амон Фиванский: Ранняя история культа (V–XVII династии), 1984.
- Пигулевская Н. В. Ближний Восток. Византия. Славяне, 1976.
- План работы философских (методологических) семинаров ленинградских научных учреждений АН СССР на 1981–1985 гг., 1981.
- Проблемы античной истории и культуры. Т. 1, 2, 1979.
- Проблемы истории и теории мировой культуры, 1974.
- Русские библиотеки и их читатели: (Из истории рус. культуры эпохи феодализма), 1983.
- Советская археологическая литература: Библиография, 1958–1978 1969, 1975, 1980, 1983, 1986.
- Советская культура: История и современность, 1983.
- Советская культура: 70 лет развития, 1987.
- Сокровища Эрмитажа, 1969.
- Старкова К. Б. Литературные памятники Кумранской общины, 1973.
- Тезисы докладов XIV Международной конференции античников социалистических стран, Ереван, 18–23 мая 1976 г., 1976.

Типы в культуре: Методол. пробл. классиф., систематики и типологии в соц.-ист. и антропол. науках, 1979.

Феодализм в России, 1987.

Филология и история, 1978.

Хлопин В. Г.: Очерки, воспоминания современников, 1987.

Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства, 1987.

Эпиграфика Востока. Т. 22–23, 1984, 1985.

Эрмитаж за 200 лет (1764–1964): История и состав коллекций, работа музея, 1966.

Южная Аравия: памятники древ. истории и культуры. Вып. 1, 1978.

Реферат:

Древнейшая история армян, 1947.

Рецензии:

Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья, 1972.

Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история, 1974.

Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Т. 1. 1957.

Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи, 1957.

Пилявский В. И. Джакомо Кваренги. Архитектор. Художник, 1982.

«Родился я с любовью к искусству», 1983.

С чего начинается цивилизация, 1972.

Сберечь лучшее, 1987.

Свидетельство твердой воли, 1983.

Связи культуры Древнего Египта с культурой Африки, 1969.

Семантический пучок в памятниках материальной культуры, 1930.

70-летие В. И. Рутенбурга, 1981.

70-летие М. П. Кима, 1978.

75-летие академика А. Л. Нарочницкого, 1982.

75-летие В. И. Рутенбурга, 1986.

Сквозь века, 1962.

Скифский мир, 1977.

Скифы в Закавказье, 1949.

Скифы и государство Урарту, 1979.

Скифы и Древний Восток, 1954.

Скифы и Закавказье, 1940.

Скифы и Урарту, 1978, 1981.

Служитель вечности, 1988.

Советские археологи в Объединенной Арабской Республике, 1962.

Современное состояние изучения додинастического Египта, 1934.

Содружество музеев [Мексики и Советского Союза], 1977.

Создавать ценности, сохранять ценности, 1976.

Созидатель: К 100-летию со дня рождения акад. И. А. Орбели, 1987.

Сокровища гробницы Тутанхамона, 1973, 1974.

Ст. Моздок [Орджоникидзев. край], 1941.

[100 картин из музея Метрополитен (Нью-Йорк)], 1975.

100 лет археологического изучения Южного Кавказа, 1971.

Страницы древней истории Северной Нубии, 1964.

Страницы истории Нубии, 1961.

Тайны Нубии, 1963.

Тейшебаини, 1956.

Три урартские надписи на бронзовых предметах из Тейшебаини (Кармир-блур), 1969.

Труд о великом зодчем: [Пилявский В. И. Джакомо Кваренги. Архитектор. Художник], 1982.

«Тутанхамон был бы нам благодарен...», 1974.

Угроза мировой культуре, 1983.

- Укреплять базу культуры, возрождать самосознание, 1988.
 Умение видеть, 1981.
 Уметь видеть, 1981.
 Урартская бронзовая статуэтка Гос. музея Армении, 1940.
 Урартская колесница, 1962, 1988.
 Урартская крепость Тейшебаини (Кармир-блур), 1965.
 Урартская надпись из раскопок Кармир-блур, связанная с основанием Эребуни, 1966.
 Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа, 1939.
 Урартские надписи из раскопок Кармир-блур, 1954, 1960, 1963.
 Урартский центр в Закавказье, 1945.
 Урартское государство во второй половине VIII в. до н. э., 1939.
 Урарту, 1940, 1951, 1956.
 Урарту (Ванское царство), 1941.
 Урарту (Ванское царство) и Закавказье IX–VI вв. до н. э., 1940.
 Урарту (Ванское царство) и Закавказье начала I тысячелетия до н. э., 1939.
 Урарту: Древнейшее государство Закавказья, 1939.
 Урарту и Закавказье, 1940.
 Успех — не подарок судьбы, 1985.
 Успехи советской археологии в изучении древнейшей истории Закавказья и Средней Азии, 1960.
 Учение Н. Я. Марра о семантике и иероглифическое письмо Древнего Египта, 1946.
 «Учиться любить прекрасное», 1983.
 Философские (методологические) семинары в ленинградских институтах АН СССР, 1987.
 Формы хозяйства, способствующие образованию кланов и становлению государства, 1973.
 Циклопические крепости Закавказья, 1932.
 Цилиндрическая печать с древнеегипетской иероглифической надписью из Мецаморского могильника, 1984.
 Чему учит история, 1985.
 Что дали раскопки Кармир-блур, 1951.
 Что показали раскопки Кармир-блур, 1949.
 Шахриарская клинообразная надпись, 1931.
 60-летие академика Ю. В. Бромлея, 1981.
 Экспозиция археологических материалов в Государственном Эрмитаже, 1970, 1971.
 Эпоха меди и бронзы в Закавказье, 1939.
 Эпоха меди и бронзы на Кавказе, 1939.
 Эрмитаж, 1978, 1984.
 Эрмитаж: История и коллекции, 1981.
 Эрмитаж в блокаду, 1976.
 Эрмитаж в XXI веке, 1986.
 Эрмитаж в дни блокады Ленинграда, 1985.
 Эрмитаж и вся жизнь, 1983.
 Эрмитаж к 50-летию Советского Союза, 1973.
 Эрмитаж после Великой Октябрьской социалистической революции, 1969.
 Эрмитаж сегодня и завтра, 1982, 1987.
 Эрмитаж со служебного входа, 1974.
 Эрмитажу 200 лет, 1964.
 Юбилей Низами и Навои, 1948.
 «Я вижу чудесные вещи!..», 1973.
 «Я книги никогда не продавал», 1987.
 Яфетическая теория и археология, 1945.
 The aeneolithic culture of Transcaucasia in the third millennium b. c., 1962.
 Dgyptische Altertumer im nord-kaukasischen Gebiet, 1935.
 Dgyptische vordynasische Altertumer aus den Kollektionen d. Staatlichen Ermitage, 1930.
 The ancient civilization of Urartu, 1969.
 Antichita del regno di Van (Urartu), 1987.

- Die Ausgrabungen in Arin-Berd und Karmir-Blur, Armenien (Die Urartaischen Festungen Erebuni und Teisebaini), 1960, 1962.
 Die Buste der Statue Senusers III, 1931.
 Dagli, Altai, all'Urartu, 1987.
 La decouverte de la civilization scythe: Histoire des fouilles, 1975.
 The destruction and restoration of Leningrad's palace museums, 1985.
 Deux enseignes sur les barques egyptiens predynastiques, 1930.
 Early cultures of the land of the Scythians, 1975.
 Les echanges d'expositions: phenomene important de l'epoque contemporaine, 1979.
 L'etude des antiquites d'Urartu en URSS, 1958.
 Excavations and discoveries in Scythian land, 1975.
 Exhibition of archaeological collections at Hermitage Museum, 1970.
 Fortschritte der Erforschung des Urartu-Reichs, 1959.
 Fortschritte der Erforschung des Urartu-Reichs, 1957.
 Histoire de la galerie de peinture, 1980.
 The history of the gallery, 1980.
 Das Karnak-Relief des Hohenpriesters Amenhotpe, 1929.
 Kyklopische Festungen am Suden des Sewanesees (Goktscha), 1933.
 Leningrad, centre historique et culturel, 1985.
 Ourartou, 1954, 1969.
 People's academy of art, 1980.
 Del regno di Van (Urartu), 1966.
 Das Reich der Urartaer, 1974.
 Scientific council of the USSR Academy of sciences for integrated study of the problem «History of world culture», 1974.
 Les scythes et l'Ourartou, 1978.
 Scythia, Urartu and cultural interrelationships in ancient Eurasia, 1978.
 Significance of the cultural heritage and the ways of preserving it, 1977.
 Teichebaini, centre ourartien du 7-e siecle avant notre ere et ses rapports avec les autres pays du monde antique, 1965.
 «There can be no science without emotion», 1985.
 Urartu, 1953, 1954, 1969, 1975, 1977.
 Urartu. The Kingdom of Van and its art, 1967.
 Wadi Allaki — der Weg der Alten zu den Goldminen Nubies, 1963, 1968.
 Zur Revision der Verteilung des Wortschatzes im Dgyptischen Worterbuch, 1930.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ СОАВТОРОВ Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

Аджан А. А., 1932
 Аракелян Б. Н., 1951
 Асратян М. С., 1951
 Астапова О. Д., 1987
 Банк А., 1960, 1968
 Бонгард-Левин Г. М., 1987
 Борисов Ю. С., 1983
 Бромлей Ю. В., 1978
 Булдаков Г. Н., 1976
 Галанина Л., 1987
 Горский А., 1984

Граф Н., 1987
 Гюзальян Л. Т., 1932, 1933
 Джанполадян Л. М., 1956
 Джанполадян Р. М., 1963
 Дмитриев Л. А., 1986
 Доманский Я., 1973
 Дьяконов И. Д., 1958, 1968
 Ермаков В. Т., 1978
 Иерусалимская А. А., 1985
 Ким Г. Ф., 1981
 Князевская Т. Б., 1976

Коростовцев М. А., 1979
 Круглов А. П., 1941, 1956
 Крупнов Е. И., 1965
 Любин В. П., 1976
 Мавродин В. В., 1978
 Массон В. М., 1956
 Нежинский Л. Н., 1982, 1987
 Оганесян К. Л., 1960
 Окладников А. П., 1974
 Орлик О. В., 1987
 Пашуто В., 1980
 Подгаецкий Г. В., 1941
 Самсонов А. М., 1983
 Смирнова Г., 1973
 Снегирев И. Л., 1930

Столяр А. Д., 1978
 Тер-Аветисян С. В., 1940
 Тихвинский С. Л., 1982, 1983
 Тихонов Л. П., 1985
 Тихонов П., 1976
 Тишков В. А., 1981
 Токарев С. А., 1981
 Турчанинов Г. Ф., 1974
 Федоренко Н. Т., 1983
 Флиттнер Н. Д., 1940
 Фурсенко А. А., 1981, 1986
 Ханзадян Э. В., 1984
 Шишкин В. А., 1981, 1986
 Шмидт С. О., 1986
 Янин В. Л., 1986

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ В ПРИЛОЖЕНИИ

Аврора — Аврора. Ленинград
 Аль-Анба Ас-Суфьятийя — Аль-Анба Ас-Суфьятийя, Бейрут
 Аль-магалля Ас-Суфьятийя — Аль-магалля Ас-Суфьятийя. Каир
 Археол. сб./Гос. Эрмитаж — Археологический сборник. Государственный Эрмитаж
 Африка в сов. исслед. — Африка в советских исследованиях. Москва
 В мире книг — В мире книг. Москва
 Вестн. АН СССР — Вестник Академии наук СССР. Москва
 Вестн. Гос. музея Грузии АН ГССР — Вестник Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси
 ВДИ — Вестник древней истории. Москва
 Вестн. Ерев. ун-та. — Вестник Ереванского университета
 Обществ. науки — Общественные науки
 Вест. обществ. наук / АН АрмССР — Вестник общественных наук / Академия наук
 Армянской ССР
 Веч. Ленинград — Вечерний Ленинград
 Виноделие и виноградарство СССР — Виноделие и виноградарство СССР. Москва
 Вопр. истории — Вопросы истории. Москва
 Вопр. науч. атеизма — Вопросы научного атеизма. Москва
 Декор. искусство СССР — Декоративное искусство СССР. Москва
 Докл. АН СССР — В — Доклады Академии наук СССР — В. Ленинград
 За науку в Сибири — За науку в Сибири. Новосибирск
 Звезда — Звезда. Ленинград
 Знание — сила — Знание — сила. Москва
 Изв. АН АрмССР. Обществ. науки — Известия Академии наук Армянской ССР. Обще-
 ственные науки. Ереван
 Изв. АН СССР. Сер. истории и философии — Известия АН СССР. Серия истории и
 философии. Москва
 Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Москва
 Изв. Арм. фил. АН СССР. — Известия Армянского филиала Академии наук СССР. Ереван

- Изв. Арм. фил. АН СССР. Сер. 1, Обществ. науки — Известия Армянского филиала Академии наук СССР. Серия 1, Общественные науки. Ереван
- Изв. ГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград
- Известия — Известия Советов народных депутатов СССР (с 1 июня 1960 г. Московский вечерний выпуск). Москва
- Ист.-филол. журн. — Историко-филологический журнал. Ереван
- История СССР — История СССР. Москва
- Кн. обозрение — Книжное обозрение. Москва
- Коммунист — Коммунист. Москва
- Коммунист (Ереван) — Коммунист. Ереван
- Комс. правда — Комсомольская правда. Москва
- Красная звезда — Красная звезда. Москва
- КС ИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград
- Крат. сообщ. Ин-та археологии — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. Москва
- Культура и жизнь — Культура и жизнь. Москва
- Курьер ЮНЕСКО — Курьер ЮНЕСКО. Москва
- Лат. Америка — Латинская Америка. Москва
- Ленингр. альманах — Ленинградский альманах
- Ленингр. панорама — Ленинградская панорама
- Ленингр. правда — Ленинградская правда
- Лит. Армения — Литературная Армения. Ереван
- Лит. газ. — Литературная газета. Москва
- Лит. Россия — Литературная Россия. Москва
- Материалы и исслед. по археологии СССР — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
- Моск. новости — Московские новости
- Народы Азии и Африки — Народы Азии и Африки. Москва
- Наука и жизнь — Наука и жизнь. Москва
- Наука и религия — Наука и религия. Москва
- Наука и техника (Ереван) — Наука и техника. Ереван
- Наука и техника (Рига) — Наука и техника. Рига
- Нева — Нева. Ленинград
- Неделя — Неделя. Москва
- Новая и новейшая история — Новая и новейшая история. Москва
- Новое время — Новое время. Москва
- Новый мир — Новый мир. Москва
- Обществ. науки — Общественные науки. Москва
- Памятники Отечества — Памятники Отечества. Москва
- Пожар. дело — Пожарное дело. Москва
- Полит. образование — Политическое образование. Москва
- Правда — Правда. Орган ЦК КПСС. Москва
- Преподавание истории в шк. — Преподавание истории в школе. Москва
- Пробл. археологии — Проблемы археологии. Ленинград
- Пробл. истории докапиталист. о-в — Проблемы истории докапиталистических обществ. Москва; Ленинград

- Пробл. истории матер. культуры — Проблемы истории материальной культуры. Ленинград
- Рус. яз. за рубежом — Русский язык за рубежом. Москва
- Сб. египтол. кружка при ЛГУ — Сборник египтологического кружка при Ленинградском государственном университете
- Сб. кружка по изуч. Древ. Востока при Гос. Эрмитаже — Сборник кружка по изучению Древнего Востока при Государственном Эрмитаже. Ленинград
- Сб. тр. Ин-та истории, экономики, яз. и лит. — Сборник трудов Института истории, экономики, языка и литературы. Орджоникидзе
- Сел. молодежь — Сельская молодежь. Москва
- Смена — Смена. Ленинград
- Сов. Армения — Советская Армения. Ереван
- Сов. археология — Советская археология. Москва; Ленинград
- Сов. кн. — Советская книга. Москва
- Сов. культура — Советская культура. Москва
- Сов. Латвия — Советская Латвия. Рига
- Сов. лит. и искусство — Советская литература и искусство. Ереван
- Сов. музей — Советский музей. Москва
- Сов. профсоюзы — Советские профсоюзы. Москва
- Сов. Россия — Советская Россия. Москва
- Сов. Союз — Советский Союз. Москва
- Сов. этнография — Советская этнография. Москва
- Сообщ. ГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград
- Сообщ. Гос. Эрмитажа — Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград
- Соц. индустрия — Социалистическая индустрия. Москва
- Стр-во и архитектура Ленинграда — Строительство и архитектура Ленинграда
- США — экономика, политика, идеология — США — экономика, политика, идеология. Москва
- Театр. жизнь — Театральная жизнь. Москва
- Тр. Гос. Эрмитажа — Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград
- Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая сер. — Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия. Москва; Ленинград
- Тр. Ин-та яз. АН АрмССР — Труды Института языка Академии наук Армянской ССР. Ереван
- Тр. Отд. Востока Гос. Эрмитажа — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Ленинград
- Тр. Узб. фил. АН СССР. Сер. 1 — Труды Узбекского филиала Академии наук СССР. Серия 1, История. Археология. Ташкент
- Труд — Труд. Москва
- Турист — Турист. Москва
- Учен. зап. Ин-та востоковедения АН СССР — Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Москва
- Учен. зап. Ленингр. ун-та — Ученые записки Ленинградского государственного университета.
- Учит. газ — Учительская газета. Москва
- 64 — шахмат. обозрение — 64 — шахматное обозрение. Москва
- Эпиграфика Востока — Эпиграфика Востока. Москва; Ленинград
- Эчмиадзин — Эчмиадзин. Эчмиадзин

Юный художник — Юный художник. Москва
 Armem affairs — Armenian, affairs. New York
 Chron. Egypte — Chronique d’Egypte. Buxelles
 Commerce et cooperation — Commerce et cooperation. Paris
 Exakt — Exakt. Stuttgart
 Mondo archeol. — Mondo archeologico. Firenze
 Muzeum — Muzeum. Paris
 Nouv. Moscou — Nouvelles de Moscou.
 Social Sci. — Social Sciences. Moscou
 Sov. Lit. — Soviet Literature. Moscou

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ УРАРТУ, ИЗДАННАЯ В 1980–2004 гг.¹

1. Арутюнян Н. В. Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 2001.
 а. Рец.: Гамгрелидзе Т. В., Гиоргадзе Г. Г. // ВДИ, 2003, 2. С. 211–215.
2. Арутюнян Н. В. Топонимика Урарту. Ереван, 1985.
3. Медведская И. Н. Взлет и падение Мидии // История и языки древнего Востока: Памяти И. М. Дьяконова. СПб., 2002. С. 212–225.
4. Armenien. Wiederentdeckung einer alten Kulturlandschaft // Museum Bochum. 14. I. Bis 17. 4. 1995 [Ausstellung].
5. Barnett, R. D. Urartu. CAN III. I, 1982. P. 314–371
6. Badaljan R. S., Kohl Ph und Kroll St. Horom 1995. Bericht über die amerikanisch-armenisch-deutsche Archäologische Expedition in Armenian // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 29, 1997. S. 191–228.
7. Belli, O. Van die Hauptstadt der Urartäer. Ruinen und Museum. 1986.
8. Belli, O. Der Bronzeköcher des Königs Išpuini im Museum von Gaziantep // H. Malay (Hrsg.), Erol Atalay Memorial-Ege Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, Arkeoloji Dergisi Özel Sayı I. Izmir, 1991. S. 7–10. Taf. 6.
9. Belli, O. Van — Anzaf. Urartu Kaleleri Kazisi // Arkeoloji ve Sanat. 54–55. 1992. S. 13–30.
10. Belli, O. Beschriftete Bronzegegenstände des Königs Išpuini im Museum von Gaziantep // Hittite and Other Anatolian and Near Eastern Studies in Honour of Sedat Alp. Ankara, 1992. P. 45–54. Taf. 1–6.
11. Belli, O. Aşagi ve Yukari Anzaf Urartu Kaleleri Kazisi (1991–1992) // Arkeoloji ve Sanat. 58. 1993. P. 3–32.
12. Belli, O. Der beschriftete Bronzehelm des Königs Menua aus der Festung Burmageçit bei Tunceli // M. J. Mellink u. a. (Hrsg.). Aspects of Art and Iconography: Anatolia and Its Neighbors. Studies in Honor of Nimet Özgüç. Ankara, 1993. P. 61–67. Taf. 13.
13. Belli, O. Der Bronzegürtel des Königs Rusa im Malatya Museum. Anadolu. 23. 1984–1997 (1997) (Festschrift E. Akurgal) I. P. 293–297.
14. Belli, O. The Anzaf Fortresses and the Gods of Urartu. Istanbul, 1999.
15. Biagov, L. N. Über die Natur des Gottes Haldi und der Göttin 'Arubani-Bagbartu // Oikumene. 2. 1978. S. 149–154.
16. Biscione, R. Recent Urartian Discoveries in Armenia: The Columbarium of Erevan // SMEA. 34. 1994. P. 115–235. Taf. I.

¹ В этом списке литературы приводятся издания, вышедшие после опубликования работ Б. Б. Пиотровского или не использовавшиеся им при их написании. Для удобства пользования этим библиографическим списком сразу же за описанием основных работ авторов помещаются рецензии на них.

17. *Born, H.* Bronzene Möbelteile aus Urartu. Anmerkungen zu einer vorläufigen Tischrekonstruktion // *Antike Welt*. 15/2, 1984. S. 51–56.
18. *Born, H.* Herstellung und Gebrauch Bronzener Rundschilde aus Nordwest-Iran // *Acta Pr. Hista*. 20. 1988.
19. *Born, H. / U. Seidl.* Schutzwaffen aus Assyrien und Urartu. Sammlung Axel Guttman IV. Mainz, 1995.
20. *Braun-Holzinger E. A.* Zum Schalgewand Nr. 2. // P. Calmeyer u. a. (Hrsg.) Beiträge zur Altorientalischen Archäologie und Altertumskunde (Festschrift Barther Hrouda). 1994.
21. *Bretschneider, J.* Unbekannte urartäische Bronzebleche aus der Sammlung Dr. Martin (Zürich), M. Dietrich u. a. (Hg.) // Archäologie des Alten Orients (Altertumskunde des Vorderen Orients). IV. (Festschrift R. Mayer-Opificius). Münster, 1994. S. 19–33.
22. *Calmeyer, P., Seidl, U.* Eine frühurartäische Siegesdarstellung // *AnSt.* 33. 1983. S. 103–114. Taf. 30–32.
23. *Calmeyer, P.* Zu einem ziselierten Bronzehelm des 8. Jahrhunderts // *AMI*. 19. 1986.
24. *Caner, E.* Bronzene Votivbleche von Giyimli // Archäologie in Iran und Turan. 2. 1998.
25. *Chidaşeli, M.* Die Gürtelbleche der älteren Eisenzeit in Georgien // *BAVA*. 8. 1986. S. 7–72.
26. *Çilingiroplu, A.* Bir Urartu Kemer Parçası Üzerindeki «Ziyafet Sahnesi» // H. Malay. Erol Atalay Memorial — Ege Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları. Arkeoloji Dergisi Özel sayı. I. 1991. S. 15–20. Taf. 7.
27. *Çilingiroplu, A.* Urartu Krallığı: Tarihi ve Sanatı. 1997.
28. *Çilingiroplu, A., French, D. H.* Anatolian Iron Ages: The Proceedings of the Second Anatolian Iron Ages Colloquium held at Izmir, 4–8 May 1987 / British Institute of Archaeology at Ankara Monograph. XIII. 1991.
29. *Çilingiroplu, A., Salvini, M.* When was the castle of Ayanis built and what is the meaning of the word “şuri”? // *AnSt.* 49. 1999. P. 55–60.
30. *Çilingiroplu, A., Salvini, M.* Ayanis I: Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kai 1989–1998 // *Documenta Asiana*. VI. Rom, 2001.
31. *Curtis, J. E.* Assyria as a Bronzeworking Centre in the Late Assyrian Period // J. E. Curtis (Hg.). *Bronzeworking Centres of Western Asia c. 1000–539 B. C.* London, 1988. P. 83–96. Taf. 74–89.
32. *Curtis, J.* Urartian Bronze Belts // *ZA*. 86. 1996. P. 118–136.
33. *Dezső, T.* Oriental Influence in the Aegean and Eastern Mediterranean Helmet Traditions in the 9th–7th Centuries B. C.: The Pattern of Orientalization. *BAR*. 1998. P. 691.
34. *Dezső, T., Curtis, J.* Assyrian Iron Helmets from Nimrud now in the British Museum // *Iraq*. 53. 1991. P. 105–126. Taf. 15–20.
a. Рец.: Diakonoff I. M., Medvedskaya I. N. // *AFO*. Bd. 3. 1988. S. 197–205.
35. *Dinçol, A. M.* Urartäische Inschriften aus Çavuştepe-Sardurhinili. *Anadolu*. 21. 1978–1980 (1987) // *Festschrift E. Akurgal*. 1987. S. 95–104 Taf. 1–4.
36. *Dinçol, A. M., Dinçol, B.* Die neuen Inschriften und beschrifteten Bronzefunde aus den Ausgrabungen von den urartäischen Burgen von Anzaf / Th. P. J. van den Hout, J. de Roos (eds.). *Studia historiae ardens* (Uitgaven van het Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul. LXXIV. (Festschrift Ph. H. J. Houwink ten Cate). 1995. S. 23–55.
37. *Dyson, R. H.* Rediscovering Hasanlu // *Expedition*. 31. 2–3. 1989. P. 3–11.
38. *Ebnöther, M.* Museum zu Allerheiligen Schaffhausen Sammlung Ebnöther, Idole, Masken, Menschen. Frühe Kulturen // *Alte Welt und Neue Welt*. 6. 12. 1992; 31. 5. 1993.
39. *Erzen, A.* Çavuştepe I. Ankara, 1978. (Englische Übersetzung von Erzen) 1988.
40. *Erzen, A.* Çavuştepe I. Urartian Architectural Monuments of the 7th and 6th Centuries B. C. and a Necropolis of the Middle Age. Ankara, 1988.
41. *Esayan, S. A.* Gürtelbleche der älteren Eisenzeit in Armenien // *BAVA*. 6. 1984. S. 97–184.
42. *Esayan, S. A.* Schutzwaffen aus Armenien // *BAVA*. 9–10. 1990. S. 83–109.
43. *Fales, F. M.* Prima dell'alfabeta. La storia della scrittura attraverso testi cuneiformi inediti // *Studi e documenti*. IV. Venedig, 1989.
44. *Forbes Thomas B.* Urartian Architecture // *BAR Inter. Ser.* 170. Oxford, 1983.
45. *Frankel, D.* The Ancient Kingdom of Urartu. London, 1979.
46. *Fuchs, A.* Die Annalen des Jahres 711 v. Chr. // *SAAS*. VIII. Helsinki, 1998.

47. *Goldman, B.* Ziwiye Miscellany // Bulletin of the Asia Institute. NS. 3. 1989. P. 1–13.
48. *Haas, V.* [Hg.] Das Reich Urartu // Xenia. 17. 1986.
49. *Işık, C.* Untersuchungen zu einem urartäischen Göttertypus // AMI. 18. 1985. P. 75–86. Taf. 30–33.
50. *Işık, C.* Tische und Tischdarstellungen in der urartäischen Kunst // Belleten. 197. 1986. S. 415–445. Abb. 1–8; Abb. Nr. 1–31; Taf. 1–13.
51. *Işık, C.* Die Nekropole von Habibusapi // Belleten. 200. 1987. S. 549–580. Abb. 1–30; Zeichn. 1–14.
52. *Kellner, H.-J.* Ein bemerkenswertes Medaillon // K. Emre u. a. (Hg.). Anatolia and the Ancient Near East. Studies in Honor of Tahsin Özgüç. Ankara, 1989. S. 235–236. Taf. 46.
53. *Kellner, H.-J.* Gürtelbleche aus Urartu // Prähistorische Bronzefunde. Abt. XII. Bd. 3. Stuttgart, 1991.
54. *Kellner, H.-J.* Ein assyrischer Beutehelm? // M. Mellink u. a. (Hg.). Aspects of Art and Iconography: Anatolia and Its Neighbors / Studies in Honor of Nimet Özgüç. Ankara, 1993. P. 325–331. Taf. 60. 61.
55. *Kleiss, W.* Bastam I: Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1972–1975 (Teheraner Forschungen IV). Berlin, 1979.
56. *Kleiss, W.* Bastam II: Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977–1978 (Teheraner Forschungen V). Berlin, 1988.
- a. *Рец.: Muscarella, O. W.* W. Kleiss et al Bastam II // JAOS. III. 1991. P. 141–144.
57. *Kohl Ph., Kroll St.* Notes on the Fall of Horom // Iranica Antiqua. Vol. 34. 1999. P. 243–252.
58. *Kroll, S.* Keramik urartäischer Festungen in Iran // AMI. Erg. -Bd II). Berlin, 1976.
59. *Kroll, St.* Excavations at Bastam. Iran // Archaeology. 25. 4. 1972.
60. *Kulaçoğlu, B.* Urartu Adak Levhalari / Anadolu Medeniyetleri Müzesi. 1989. Yillipi, 1990. P. 176–197.
61. *Lissarrague F.* L'autre guerrier. Archers, Peltastes, Cavaliers dans l'imagerie attique // Images à l'Appui. 3. 1990.
62. *Loon, M. N.* Urartian Bronzes formerly in the Oriental Institute Museum / A. Leonard / B. Beyer Williams. Essays in Ancient Civilization Presented to Helene J. Kantor (SAOC. XLVII). Van, 1989.
63. *Loon, M. N.* Anatolia in the Earlier First Millenium B. C. / Iconography of Religions. XV. 13). Leiden; Van 1991.
64. *Maaf, M.* Helme. Zubehör von Wagen und Pferdegeschirr aus Urartu // AMI. 20. 1987. S. 65–92. Taf. 1–10.
65. *Medvedskaya I. N.* The end of Urartian Presence in the Region of Lake Urmia // Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in Honorem Louis Vanden Berghe. Gent, 1989.
66. *Merhav, R.* Treasures of the Bible Lands. The Elie Borowski Collection. Tel Aviv, 1987.
67. *Merhav, R.* Urartu, A Metalworking Center in the First Millennium B. C. E. Jerusalem, 1991.
68. *Merhav, R.* Gold and Silver Pins from Urartu: Typology and Methods of Manufacture. // Journal of the Institute of Archaeology of Tel Aviv University. 21. 1994. P. 129–143.
69. *Merhav, R. / Ruder, A.* The Construction and Production of a Monumental Bronze Candelabrum of King Menua of Urartu // Çilingiroğlu, 1991. (French 1991) P. 75–96.
70. *Metdepenninghen, C.* The Urartian Belts: A Reconstruction and the Evidence about some Urartian Belt-Workshops // L. De Meyer, E. Haerinck (Hrsg.), Archaeologia Iranica et Orientalis Miscellanea in Honorem Louis Vanden Berghe. I. 1989. P. 421–437.
71. *Metdepenninghen, C.* La relation entre l'art Urartéen au temps du roi Rusa II et les épées-akinakes de Kelermes et de Melgounov // IrAnt. 32. 1997. P. 109–136.
72. *Michel, S.* Der Fisch in der skythischen Kunst. Zur Deutung skythischer Bildinhalte // Europäische Hochschulschriften. XXXVIII. 52. 1995.
73. *Morandi Bonacossi, D.* Una cintura di bronzo Urartea nel monastero della Congregazione Mechitarista Armena dell' Isola di San Lazzaro-Venezia // SMEA. 35. 1995. P. 125–150.
74. *Muscarella, O. W.* Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. New York, 1988.
75. *Muscarella, O. W.* Warfare at Hasanlu in the Late 9th Century B. C. // Expedition. 31. 2–3. 1989. P. 24–26.

76. *Muscarella, O. W.* Greek and Oriental Cauldron Attachments / G. Kopcke, Tokumaru I.. Greece between East and West: 10th-8th Centuries BC Mainz, 1992. S. 16–45. Taf. 1–5.
77. *Özgüç T.* Horsebits from Altintepe / L. De Meyer, E. Haerinck. Archaeologia Iranica et Orientalis Miscellanea in Honorem Louis Vanden Berghe. I. 1989. P. 409–419.
78. *P. S. Spanos.* GNOMON. 63. 1991. P. 712–716.
79. *Rehm, E.* Kykladen and Alter Orient. Bestandskatalog des Badischen Landesmuseums Karlsruhe. Karlsruhe, 1997.
80. *Röllig, W.* Ein urartäisches Gürtelblech mit Darstellung einer Löwenjagd // *Orientalia*. 66. 1997. S. 213–221. Taf. II.
81. *Salvini, M.* Una nuova iscrizione urartea // *Orientalia*. 60. 1991. P. 344–346. Taf. 107.
82. *Salvini, M.* Geschichte und Kultur der Urartäer. Darmstadt, 1995.
83. *Santrout, J.* (Hg.) Arménie. Trésors de l'Arménie ancienne des origins au IVe siècle. Musée Dobrée Nantes. 1996.
84. *De Schauensee, M.* Horse Gear from Hasanlu // *Expedition*. 31. 2–3. 1989. P. 37–52.
85. *Seidl U.* Bronzekunst Urartus. Mainz am Rhein, 2004.
86. *Seidl, U.* Urartu as a Bronzeworking Centre / J. Curtis (Hg.), Bronzeworking Centres of Western Asia c. 1000–539 B. C. London, 1988. P. 169–175. Taf. 97–111.
87. *Seidl, U.* Ein urartäischer Dämonenkampf // *Acta praehistorica et archaeologica*. 24. 1992. P. 143–157.
88. *Seidl, U.* Der Thron von Toprakkale. Ein neuer Rekonstruktionsversuch // *AMI*. 27. 1995. P. 67–84. Taf. 6–23.
89. *Seidl, U. H. Born / U. Seidl.* Schutzwaffen aus Assyrien und Urartu / Sammlung Axel Guttman IV. 1995. P. 8–106.
90. *Seidl, U.* Urartian Furniture / G. Herrmann (Hg.), The Furniture of Western Asia Ancient and Traditional. Mainz, 1996. P. 181–186. Pl. 54–57.
91. *Seidl, U.* Tierköpfe an urartäischen Geräten / C. Işık (Hg.). Studien zur Religion und Kultur Kleinasien und des ägäischen Bereichs // *Asia Minor Studien*. 39. (Festschrift Црпн). 2000. S. 31–35.
92. *Sevin, V., Özfirat, A.* Die Stelen aus Hakkari: Steppennomaden in Vorderasien // *IstMitt*. 51. 2001. P. 11–26.
93. *Tanabe, K. K., Hori A, Hayashi T., Miyashita S. Ishida R.* Studies in the Urartian Bronze Objects from Japanese Collections (I) // *Bulletin of the Ancient Orient Museum (Tokio)*. 4. (Bibliography of the Urartian Studies before 1982). 1982.
94. *Tarhan, M. T.* Recent Research at the Urartian Capital Tushpa. Tel Aviv. 21, 1994. P. 22–57.
95. *Tiratsian, G. A.* Découvertes récentes en Arménie // *Les dossiers d'archéologie*. 177. 1992. P. 32–39.
96. *Urartu: A Metallworking Center in the First Millennium B. C. / Ed. R. Merhav.* The Israel Museum: The Catalogue of Exhibition. Jerusalem, 1991.
a. *Рец.: M. R. Garrison's: Ars Orientalis*. 24. 1994.
97. *Vanden Berghe, L., De Meyer, L.* Urartu een vergeten cultuur uit het bergland Armenie. Gent, 1982.
98. *Wartke, R.-B.* Die Berliner Kesselatlasche. VA. 2988 // *AoF*. 12. 1985. P. 87–100.
99. *Wartke, R.-B.* Handwerk und Technologie im alten Orient. Ein Beitrag zu Geschichte der Technik des Altertums. 1990.
100. *Wartke, R.-B.* Toprakkale. Untersuchungen zu den Metallobjekten im Vorderasiatischen Museum zu Berlin // (Schriften zur) Geschichte und Kultur des Alten Orients. 22. Berlin, 1990.
101. *Wartke, R.-B.* Urartu. Das reich am Ararat. Mainz, 1993.
a. *Рец.: Zimansky, P. E. // JNES*. 57. 1998. P. 311–312.
102. *Wilhelm, G.* Urartu als Region der Keilschrift-Kultur // *Haas*. 1986. P. 95–116.
103. *Yapi Kredi.* Urartu: Savaş ve Estetik (Urartu: War and Aesthetics (Ausstellungskatalog) 2003.
104. *Yildirim, R.* Urartu At Gemleri // *Belleten*. 51. 1987. P. 441–467 [türkisch]; 469–496 [deutsch].
Abb. 1–44.
105. *Yildirim, R.* Burmagesit Urartu mipferleri, Firat Üniversitesi Dergisi // *Sosyal Bilimler*. 1988. 2. S. 217–228.

106. *Yildirim, R.* Urartu ipneleri // TTKY. VI. 37. Ankara, 1989.
107. *Yildirim, R.* Urartian Belt Fragments from Burmagesit, now on Display in Elazip Museum // Çilingiroplu, 1991 (French — 1991). P. 131–148.
108. *Zahlhaas, G.* Zwei neue urartäische Inschriften // AMI. 26. 1993. P. 47–54. Taf. 3, 2–5.
109. *Zahlhaas, G.* Orient und Okzident: Kulturelle Wurzeln Alteuropas 7000 bis 15 v. Chr. München, 1995.
110. *Ziffer, I.* Four New Belts from the Land of Ararat and the Feast of the Women in Esther 1: 9 // Proceedings of the 47th Rencontre Assyriologique Internationale. Helsinki, 2002. P. 645–657.
111. *Zimansky, P. E.* Ecology and Empire: The Structure of the Urartian State // SAOC. XLI. 1985.
а. Рец.: Дьяконов И. М., Медведская И. Н. Урартское государство в новом освещении // ВДИ. 1987. 3. С. 202–211.
112. *Zimansky, P. E.* Urartian material culture as State Assemblage: an Anomaly in the Archaeology of Empire // BASOR 299/300. 1995. P. 103–115.

Составители:

И. Н. Медведская, Ю. Ю. Пиотровский

УРАРТСКИЕ ДРЕВНОСТИ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ
ЭРМИТАЖЕ

Каталог коллекций

О КАТАЛОГЕ

В каталог урартских древностей включены отдельные вещи и коллекции, хранящиеся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа. Еще в XIX веке часть из них была куплена для Императорского Эрмитажа или поступила в музей после 1859 г. через Императорскую археологическую комиссию. В начале XX века коллекция пополнилась сборами Иосифа Абгаровича Орбели во время поездки в 1911–1912 гг. в Турецкую Армению и материалами, полученными Николаем Яковлевичем Марром во время раскопок на Топрах-кале около г. Ван в 1916 г.

Основную часть археологических материалов составляют коллекции, полученные в результате работ экспедиций Государственного Эрмитажа в советское время.

В 1934 г. была организована Кёлагранская археологическая экспедиция (начальник Б. Б. Пиотровский) для изучения древней крепости конца VIII в. до н. э. на южном берегу озера Севан между селениями Алучалу и Цовинар (Кёлагран). Развалины крепости находились на скале, преграждающей путь по низменному берегу озера. Ниже крепости на скале была обнаружена клинообразная надпись урартского царя Русы I, рассказывающая о завоевании прибрежных районов озера и других областей, а также о постройке крепости-города бога Тейшебы. Кроме стереофотограмметрической съемки местности и работ над клинописью, экспедиция проводила небольшие разведочные раскопки и вскрыла два слоя. Верхний оказался слоем урартского времени. Но эти раскопки, по словам Б. Б. Пиотровского, были мало интересными, они не выявили остатков монументального строительства, культурный слой в крепости оказался сильно разрушенным и оползшим, хотя в нем и были найдены несколько предметов сходных с найденными Н. Я. Марром на Топрах-кале. В коллекции представлены фрагменты каменных зернотерок, чаш, терочников, грузил; фрагменты венчиков и стенок сосудов; фрагменты костяных предметов (инв. № □17269 — □17439 — в данный каталог эти предметы не включены).

Для более широких работ была выбрана крепость Кармир-блур, около Еревана, с территории которой происходил обломок клинообразной надписи с именем Русы, сына Аргишти.

Систематические раскопки на Кармир-блуре начались в 1939 г., до 1941 г. они велись по единому плану отдельными археологическими экспедициями: Государственного Эрмитажа (1939–1941 гг., начальник экспедиции Б. Б. Пиотровский), Комитета охраны исторических памятников Армянской ССР (1939 г., начальник экспедиции К. Г. Кафадарян) и Армянского филиала Академии наук СССР (1940–1941 гг., начальник экспедиции С. В. Тер-Аветисян).

Раскопки на Кармир-блуре были прерваны в начале Великой Отечественной войны и возобновились в 1945 г. После возобновления работы на памятнике велись совместной Кармир-блурской археологической экспедицией института истории Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа (1945–1971 гг., начальник экспедиции Б. Б. Пиотровский).

Основой для данного каталога послужили записи в инвентарях Отдела Востока. Это прежде всего инвентарь Отделения Древнего Востока, т. IX, так называемый «квадратик» (□), именно туда занесена основная часть урартских

предметов. Кроме того, большая часть записей в нем сделана рукой Б. Б. Пиотровского. Урартские предметы попали и в другие инвентари Отдела: инвентарь II отделения Отдела Востока «КЗ», т. V; инвентарь Отдела Востока «S»; инвентарь Отдела Востока «К». При составлении каталога использовались публикации Б. Б. Пиотровского 1939–1957 гг. и архивные материалы, посвященные исследованиям Кармир-блур.

Предметы из урартской коллекции Государственного Эрмитажа начиная с 1974 г., участвовали в следующих зарубежных выставках:

- ☐ From the Lands of the Scythians. Ancient Treasures from the Museums of the U. S. S. R. 3000 B. C. — 100 B. C. (№ 10–16 по каталогу выставки; 1.10.955.961.969.982.1109 — по настоящему каталогу).
- ☐ Or des Scythes. Trésors des musées soviétiques Paris, 1975 (№ 10–16 по каталогу выставки; 1.10.955.961.969.982.1109 по настоящему каталогу).
- ☐ Louis Vanden Berghe, Leon De Meyer. Urartu een vergeten cultuur uit het bergland Armenië, 1982 (№ № 33–36, 39, 40, 42, 43, 46, 47, 59, 74, 76, 146–148, 181, 186, 187, 189, 190, 202, 203, 221, 223–225, 236 по каталогу выставки; 1, 5, 870, 900, 903, 904, 954, 959, 967, 981, 983, 1046, 1049, 1050, 1054, 1059, 1068, 1069, 1076, 1082, 1084, 1088, 1089, 1093, 1104, 1105 по настоящему каталогу).
- ☐ Tesori D'Eurasia, 2000 anni di Storia in 70 anni di Archeologia Sovietica. Milano, 1987 (№ № 40, 41, 43, 44, 48, 51–56, 57, 71, 72, 73 по каталогу выставки; 1, 10, 952, 954, 959, 969, 1046, 1049, 1050, 1053, 1059, 1068, 1084, 1088, 1091 по настоящему каталогу).

Порядок сведений в каталоге

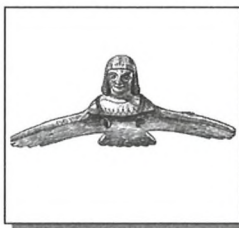
- ☐ Название места происхождения предметов дается в виде заголовка для группы вещей. Тут же приводятся сведения о поступлении материалов в Эрмитаж.
- ☐ Номер предмета по данному каталогу и его название с кратким описанием.
- ☐ Материал, из которого изготовлен предмет.
- ☐ Размеры в сантиметрах.
- ☐ Инвентарный номер.

Датировка комплексов указывается в общем заголовке для группы вещей. В тех случаях, когда датировка отдельных вещей отличается от общей датировки, она указывается в описании конкретного предмета.

Каталог составлен Ю. Ю. Пиотровским при помощи и поддержке А. А. Ваймана, особая благодарность главным хранителям отдела Востока Н. Ю. Утешевой и М. Н. Гавриловой, а также хранителю коллекций А. Новиковой, без помощи которых эта работа была бы невозможна. Большая благодарность С. В. Лебединскому за помощь в подготовке иллюстративного материала к каталогу.

АЛИШАР (ВАРАХРАМ), VIII–VII вв. до н. э.,

бывш. Ереванская губерния, Шарурский уезд. Гробница случайно открыта курдами в скале в 2 верстах от казачьего поста Алишар на персидской территории на правом берегу р. Аракс. Часть вещей передана в музей Императорского Эрмитажа из Еревана в 1859 г. ереванским военным губернатором генерал-майором Н. П. Колюбакиным.

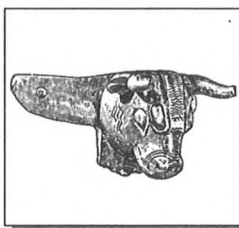
1. Ручка котла в форме крылатой фигурки с человеческим туловищем.

Вся фигурка украшена резным орнаментом. На спине статуэтки — массивное бронзовое кольцо.

Бронза

Ширина расставленных крыльев 24¹; высота 30

Инв. № □16003 (кат. Кизерицкого № 1092)²

2. Ручка котла в виде пластинки со скульптурной головой быка.

На крыльях выступов основания — остатки шпенок для прикрепления к тулову сосуда. Фигурка украшена резным орнаментом.

Бронза

Ширина 11; высота 5,5

Инв. № □16004 (кат. Кизерицкого № 1093)

Фигурки птиц с распростертыми крыльями, имеющие человеческую верхнюю часть туловища и пластины с головками быков являлись украшениями крупных бронзовых котлов. Эти фигурки были снабжены петлями, в которые продевались кольца, служившие для переноски и подвески котлов.

3. Колокольчик большой литой в виде одиннадцатигранного конуса с массивным ушком сверху, под которым есть отверстие с остатками железного язычка. В боковых стенках колокольчика — два прямоугольных отверстия.

Бронза

Высота 11,8; диаметр 8,3

Инв. № S-329 (кат. Кизерицкого № 1096)

4. Колокольчик большой литой в виде конуса со срезанным верхом и ушком над ним. Стенки гладкие.

Бронза

Высота 9,9; диаметр 8,5

Инв. № S-330 (кат. Кизерицкого № 1095)

¹ Все размеры в каталоге даны в сантиметрах.

² В конце XIX в. хранитель Отдела древностей Г. Е. Кизерицкий подготовил «Рукописный каталог», коллекция из Алишара попала в т. III № 1092–1101.

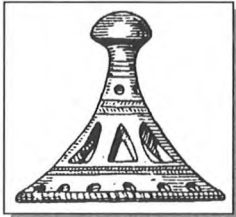

5. Колокольчик большой литой восьмигранный с ушком сверху, тремя рельефными полосками вокруг и восемью прямоугольными отверстиями в стенках, расположенными в виде пояса.

Бронза

Высота 9; диаметр 5,7

Инв. № S-331 (кат. Кизерицкого № 1097)

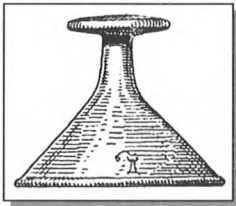

6. Бляха массивная от конской сбруи в виде низкого конуса с прозрачными стенками и вершиной, заканчивающейся шарообразным расширением. Внутри конуса — петля для прикрепления.

Бронза

Высота 4,2; диаметр 5,1

Инв. № S-332 (кат. Кизерицкого № 1098)

7. Бляха массивная от конской сбруи в виде низкого конуса с вершиной, расширяющейся в плоскую круглую пластину. Внутри конуса — петля для прикрепления.

Бронза

Высота 4,5; диаметр 5,8

Инв. № S-333 (кат. Кизерицкого № 1099)

8. Фрагмент подставки — литая нижняя часть ноги быка. Через середину пропущен толстый четырехгранный железный стержень.

Бронза

Длина 9,5

Инв. № S-334 (кат. Кизерицкого № 1100)

ТОПРАХ-КАЛЕ, VIII-VII вв. до н. э.

Крепость на холме у г. Ван. Найдены русским консулом в г. Ван господином К. Камсараканом в 1884 г. Куплено в 1885 г. у Ф. Бернштамма для Отделения Древностей Императорского Эрмитажа.

9. Фигурка крылатого лежащего быка (часть трона), полая, с головой, повернутой вправо. Вставное лицо из другого материала утрачено, крылья с обеих сторон украшены ячейками для инкрустации. Следы листовой позолоты сохранились на правом роге и справа внизу у шеи. Внизу — выступ с отверстиями, на голове — выступ в виде пальметки для скрепления статуэтки с другими частями трона. Предмет парный фигурке из Британского музея (№ 91248), отличается лишь поворотом головы — влево.

Бронза

Высота 10,5

Инв. № □16001

10. Статуэтка крылатого стоящего льва с человеческими лицом и торсом (часть трона)

Лицо из белого камня закреплено посредством двух штифтов, глаза и брови инкрустированы (утрачена инкрустация левого глаза и брови). Головной убор с рогами, через грудь торса перекинута лента, на шее — подвеска-лунница. Нижняя часть лицевой стороны фигурки покрыта орнаментом, имитирующим оперение птицы. Крылья с обеих сторон имеют лишь чеканку, без углублений для инкрустации. Следы листовой позолоты. На нижних частях лап — шипы для скрепления, возможно, с деревянной рамой.

Бронза, камень

Высота 15,5

Инв. № □16002

ТОПРАХ-КАЛЕ И ОКРЕСТНОСТИ Г. ВАН, VIII-VII вв. до н. э.

Покупки и материалы раскопок И. А. Орбели во время командировки в Турцию в 1911–1912 гг.

11. Пряслице

Глина

Диаметр 2,5

Инв. № □16382

12. Пряслице в виде усеченного конуса

Глина

Диаметр 2,3

Инв. № □16383

13. Пряслице

Глина

Диаметр 2,8

Инв. № □16384

14. Пряслице в виде усеченного конуса

Глина

Диаметр 2,8

Инв. № □16385

15. Пряслице

Глина

Диаметр 3,2

Инв. № □16386

16. Пронизка квадратной формы

Камень

Ширина 3

Инв. № □16387

17. Бусина граненая

Камень

Ширина 1,2

Инв. № □16388

18. Бусина шаровидная

Камень

Ширина 1,4

Инв. № □16389

19. Бусина

Камень

Ширина 1,1

Инв. № □16390

20. Бусина пятигранная

Камень

Ширина 1,7

Инв. № □16391

21. Бусина шаровидная

Камень

Ширина 1,5

Инв. № □16392

22. Бусина удлиненная, семигранная

Камень

Длина 2

Инв. № □16393

23. Бусина удлиненной формы

Камень

Длина 3,2

Инв. № □16394

24. Подвеска неправильной формы

Камень

Длина 2,8

Инв. № □16395

25. Подвеска

Розовый коралл

Длина 1,4

Инв. № □16396

26. Бусина удлиненная, шестигранная

Сердолик

Длина 2,6

Инв. № □16397

27. Бусина плоская, шестигранная

Сердолик

Длина 1,4; толщина 0,3

Инв. № □16398

28. Бусина шаровидная

Камень

Ширина 0,9

Инв. № □16399

29. Бусина шаровидная

Камень

Диаметр 1,3

Инв. № □16400

30. Бусина шаровидная

Камень

Ширина 1,1

Инв. № □16401

31. Бусина

Камень

Длина 1,2

Инв. № □16402

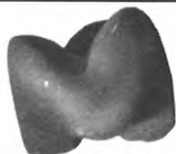

32. Бусина рубчатая из голубой пасты

Голубая паста

Ширина 0,5

Инв. № □16403

33. Бусина

Камень

Ширина 0,4

Инв. № □16404

34. Бусина шаровидная

Сердолик

Ширина 0,7

Инв. № □16405

35. Бусина

Сердолик

Ширина 0,9

Инв. № □16406

36. Бусина

Сердолик

Ширина 0,9

Инв. № □16407

37. Бусина шаровидная из лиловой пасты с белыми глазками

Паста

Ширина 0,8

Инв. № □16408

38. Бусина шаровидная

Сердолик

Ширина 0,7

Инв. № □16409

39. Бусина

Сердолик

Ширина 1,1

Инв. № □16410

40. Бусина

Сердолик

Ширина 0,6

Инв. № □16411

41. Фрагмент серого сосуда с сетчатым орнаментом

Найден на берегу Ванского озера.

Глина

Размеры 5×5

Инв. № □16412

42. Обломок камня с остатками клинописи

Ванская скала, пещера Аргишти

Известняк

Размеры 8×3

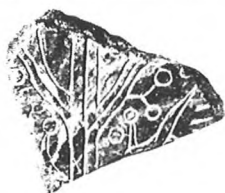
Инв. № □16413

43. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть туловища и задние ноги идущего вправо быка
Мрамор
Размеры 20,5×10,2
Инв. № □16414

44. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть туловища и задние ноги идущего влево быка
Мрамор
Размеры 5,8×3,3
Инв. № □16415

45. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть дерева (ствол, сучья и ветки с плодами)
Мрамор
Длина 7
Инв. № □16416

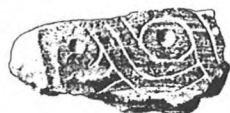
46. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: верхняя часть ствола и листовая крона пальмы
Мрамор
Размеры 7×6,5
Инв. № □16417

47. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть виноградной грозди
Мрамор
Размеры 5,4×3,7
Инв. № □16418

48. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть ромбовидной фигуры, образуемой полосами с плетеночным орнаментом, сохранилась часть кружка с крестом в углу фигуры и часть кружка с розеткой внутри фигуры
Мрамор
Размеры 10×4,8
Инв. № □16419

49. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть крупной плетенки с углублениями в центре петель
Мрамор
Размеры 4,5×2,5
Инв. № □16420

50. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть ромбовидной фигуры, образуемой полосами с плетеночным орнаментом, сохранилась часть кружка с крестом в углу фигуры
Мрамор
Размеры 3,7×2,7
Инв. № □16421

51. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: сторона фриза с прямой полосой вдоль края и плетенкой, образующей ромбовидную фигуру
Мрамор
Размеры 5,5×4,6
Инв. № □16422

52. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть плетенки, образующей ромбовидную фигуру
Мрамор
Размеры 3,2×2,2
Инв. № □16423

53. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть плетенки, образующей ромбовидную фигуру
Мрамор
Размеры 6×2,2
Инв. № □16424

54. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть кружка с крестом, расположенного в углу ромбовидной фигуры, на боковой стороне — часть плетенки
Мрамор
Размеры 3,7×1,8
Инв. № □16425

55. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть крупной плетенки
Мрамор
Размеры 6,5×3
Инв. № □16426

56. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть плетенки, образующей ромбовидную фигуру
Мрамор
Размеры 3×3
Инв. № □16427

57. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть плетенки (?) и две прямые линии
Мрамор
Размеры 3,3×2,1
Инв. № □16428

58. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть центрального кружка ромбовидной фигуры
Мрамор
Размеры 3,5×3
Инв. № □16429

59. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть кружка с крестом, расположенного в углу ромбовидной фигуры
Мрамор
Размеры 2×1,3
Инв. № □16430

60. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть кружка, расположенного в центре ромбовидной фигуры
Мрамор
Размеры 2,9×1,8
Инв. № □16431

61. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть плетенки (?)
Мрамор
Размеры 2×1,3
Инв. № □16432

62. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть виноградного листа (?)
Мрамор
Размеры 9,5×4,2
Инв. № □16433

63. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть угла треугольника
Мрамор
Размеры 8×5
Инв. № □16434

64. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: шесть изогнутых параллельных линий
Мрамор
Размеры 8×3,5
Инв. № □16435

65. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть фигуры быка (?)
Мрамор
Размеры 3,5×3,4
Инв. № □16436

66. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: четыре изогнутые параллельные линии
Мрамор
Размеры 4,6×2,5
Инв. № □16437

67. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: часть угла какой-то фигуры
Мрамор
Размеры 4,8×3,4
Инв. № □16438

68. Обломок фриза из красного мрамора с гравировкой: прямая линия
Мрамор
Размеры 7,6×4,8
Инв. № □16439

69. Фрагмент стенки караса с клинописью

Глина

Размеры 12,5×10,5

Инв. № □16440

70. Обломок камня с остатком клинописного знака

Базальт

Размеры 10×6,8×3,3

Инв. № □16441

71. Обломок камня с остатками клинописного знака

Базальт

Размеры 5,5×5,5

Инв. № □16442

72. Обломок пьедестала статуэтки (?) с гнездами для инкрустации в верхней и боковой части. Предмет имел форму барабана с отверстием в середине

Камень

Ширина 10; высота 4

Инв. № □16443

73. Деталь мозаики в форме «ласточкиного хвоста»

Камень

Длина 6,7

Инв. № □16444

74. Деталь мозаики, трапециевидная в разрезе с желобками с обеих сторон. На верхней части — рисунок гравировкой

Камень

Размеры 3×2,3×1,8

Инв. № □16445

75. Деталь мозаики, трапециевидная в разрезе, на одной из боковых сторон желобок, на противоположной углубление

Камень

Размеры 5×2,5×2,2

Инв. № □16446

76. Деталь мозаики в форме прямоугольника с одним закругленным концом, на другом — желобок. Поверхность выпуклая с ребром посередине. В разрезе вставка трапецевидная

Камень

Размеры 4,5×2,3×2

Инв. № □16447

77–84. Детали мозаики с выпуклой поверхностью квадратной формы

Камень

Размеры от 1,7×1,7×1 до 2,2×2×1,5

Инв. № □16448 — □16455

85–86. Обломки деталей мозаики в виде колец

Камень

Ширина 2,5; 3

Инв. № □16456, □16557

87–88. Обломки вставок мозаики

Камень

Длина 2; 1,8

Инв. № □16458, □16459

89. Обломок многогранной вставки мозаики. Сохранилось три грани

Камень

Длина 1,7

Инв. № □16460

90. Обломок вставки мозаики цилиндрической формы

Камень

Высота 1,7

Инв. № □16461

91–92. Обломки вставок мозаики

Камень

Размеры 1,9×2,1; длина 1,2

Инв. № □6462, □16463

93–96. Обломки конических вставок мозаики из темного камня

Камень

Ширина от 2,2 до 3; высота от 1 до 2

Инв. № □16464 — □16467

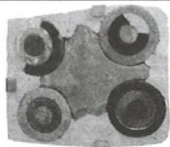

97–101. Обломки конических вставок мозаики

Камень

Ширина от 2,1 до 3; высота от 1,5 до 2,7

Инв. № □16468–□16472

102. Фрагмент мозаики

Камень

Инв. № □16133, □16232, □16243, □16247, □16253, □16256–
□16259, □16262, □16473 –□16475

103. Обломок вставки мозаики в виде кольца

Камень

Ширина 4

Инв. № □16476

**104–109. Обломки вставок мозаики в виде колец из тем-
ного камня**

Камень

Ширина от 4,3 до 6,8

Инв. № □16477–□16482

110–119. Обломки вставок мозаики в виде колец

Камень

Ширина от 2,3 до 5,9

Инв. № □16483–□16492

120. Обломок вставки мозаики

Базальт

Длина 8,5

Инв. № □16493

121. Обломок камня с двумя углублениями

Камень

Размеры 2,6×2

Инв. № □16494

**122. Камень продолговатой формы со сквозным отверсти-
ем и ямочными углублениями на обеих сторонах**

Камень

Длина 4,5

Инв. № □16495

123. Кусок камня неправильной формы

Камень

Ширина 3,5

Инв. № □16496

124. Обломок трубочки с резьбой

Известняк

Высота 1,5

Инв. № □16497

125. Скульптурное изображение сжатой руки. Часть инкрустации (?). С боков — по два отверстия

Известняк

Длина 4,3; ширина 3,5

Инв. № □16498

126. Печать коническая из пятнистого (зеленого с белым) камня, в верхней части просверленная, на нижней стороне — изображение птицы

Камень

Высота 2,5

Инв. № □16499

127. Печать коническая из черного камня, в верхней части просверленная, на нижней стороне — изображение птицы

Камень

Высота 2,2

Инв. № □16500

128. Обломок бронзовой трубки, суживающейся к одному концу

Бронза

Длина 8

Инв. № □16501

129. Обломок бронзового предмета

Бронза

Длина 4

Инв. № □16502

130–131. Обломки бронзовых стержней

Бронза

Длина 3,3; 2

Инв. № □16503, □16504

132. Обломок вставки мозаики

Камень

Длина 1,7

Инв. № □16505

133–134. Фрагменты ножек красных лащенных сосудов

Глина

Высота 9; 10,5

Инв. № □16506, □16507

135. Ручка сосуда, склепанная из листа, на лопастях — по три

отверстия для крепления к стенке сосуда. Сохранились три гвоздика

Бронза

Длина 21,5

Инв. № □16508

136. Округлый камень с шлифованной поверхностью

Базальт

Размеры 7×7×7

Инв. № □16509

137–139. Шаровидные камни

Известняк

Диаметр от 5 до 5,5

Инв. № □16510–□16512

140. Отщеп обсидиана

Обсидиан

Ширина 2,9

Инв. № □16513

141–200. Пластины и фрагменты пластин с ретушью и сле-

дами работы

Обсидиан

Длина от 3,1 до 8,8

Инв. № □16514–□16572

201–203. Отщепы

Обсидиан

Длина 3,5; 4,5; 6

Инв. № □16573–□16575

204. Обломок выгнутой пластины

Обсидиан

Длина 4,8

Инв. № □16576

205–214. Отщепы

Обсидиан

Длина от 2 до 7,1

Инв. № □16577–□16586

215. Фрагмент венчика светло-желтого ангобированного сосуда с росписью по верхнему краю (линии, сделанные красной и коричневой красками)

Глина

Размеры 5,2×2,8

Инв. № □16587

216. Обломок венчика полихромного сосуда. По желтой ангобированной поверхности роспись, сделанная черной и красной красками

Глина

Размер 8,2

Инв. № □16588

217–219. Пластины плоские круглой формы (зеркала)

Бронза

Диаметр: 12; 11,8; 11

Инв. № □16589–□16591

220. Трехгранный наконечник стрелы с короткой круглой втулкой

Бронза

Длина 4

Инв. № □16592

ТОПРАХ-КАЛЕ (БЛИЗ г. ВАН),

VIII–VII вв. до н. э.

Материалы раскопок Н. Я. Марра в 1916 г. Экспедиция Русского археологического общества.

221. Фрагмент дна и стенок красного лощеного сосуда. На дне — клеймо

Глина

Размеры 10×8,5

Инв. № □16005

222. Фрагмент (половина) чаши, красной лощеной (светильник). На одном крае — глиняная перегородка с двумя сквозными отверстиями. Около дна клеймо

Глина

Высота 5,5

Инв. № □16006

223. Фрагмент днища красного лощеного сосуда

Глина

Размеры 5,5×5

Инв. № □16007

224. Фрагмент стенки черного лощеного сосуда

Глина

Размеры 9,5×8

Инв. № □16008

225. Два фрагмента венчика черной лощеной чашки.

Склеены

Глина

Длина 20

Инв. № □16009

226. Фрагмент толстостенного красного сосуда со сквозным отверстием и основанием от отбитой ручки

Глина

Длина 9

Инв. № □16010

227. Фрагмент края красной лощеной чашки

Глина

Длина 7

Инв. № □16011

228. Фрагмент стенки красного лощеного сосуда

Глина

Размеры 8×3

Инв. № □16012

229–231. Фрагменты стенок черных лощеных сосудов

Глина

Размеры 7×6,5; 5×3; 8×3

Инв. № □16013–□16015

232. Фрагмент стенки желтого сосуда с черной росписью (четыре полосы)

Глина

Размеры 8×3,5

Инв. № □1 6016

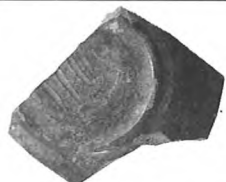

233. Фрагмент стенки красного лощеного сосуда

Глина

Размеры 7,5×6

Инв. № □16017

234. Фрагмент днища красного лощеного сосуда. Следы клейма (пять полос)

Глина

Размеры 6,5×4

Инв. № □16018

235. Фрагмент стенки красного лощеного сосуда

Глина

Размеры 5,5×3

Инв. № □16019

236. Фрагмент плечика желтого сосуда с росписью черной краской и красной полосой над ней

Глина

Размеры 5,5×3,5

Инв. № □16020

237. Фрагмент стенки красного лощеного сосуда

Глина

Размеры 11×7

Инв. № □16021

238. Фрагмент стенки красного сосуда с клеймом

Глина

Размеры 8×7

Инв. № □16022

239. Фрагмент стенки желтого сосуда с клеймом

Глина

Размеры 11×6

Инв. № □16023

240. Фрагмент стенки и дна красного сосуда с клеймом

Глина

Размеры 11,5×9

Инв. № □16024

241. Обломок красной лощеной чашки. На дне — клеймо, на внутренней стороне процарапана звезда

Глина

Размеры 14×11

Инв. № □16025

242. Фрагмент стенки красного лощеного сосуда

Глина

Длина 4,5

Инв. № □16026

243. Фрагмент стенки красного зачерненного сосуда

Глина

Размеры 9×8,5

Инв. № □16027

244. Фрагмент стенки серого сосуда с клеймом

Глина

Размеры 7×5,5

Инв. № □16028

245. Обломок плоской красной лощеной чашки с сохранившейся частью венчика и дна. На стенке — клеймо

Глина

Размеры 10×9

Инв. № □16029

246. Фрагмент дна красноватого лощеного сосуда с клеймом

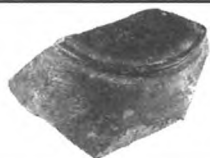
Глина

Размеры 10,5×9,5

Инв. № □16030

247. Фрагмент днища красноватого лощеного сосуда с клеймом и процарапанным крестом на внутренней стороне
Глина
Размеры 9,5×8
Инв. № □16031

248. Фрагмент днища красного лощеного сосуда
Глина
Размеры 14×7,5
Инв. № □16032

249. Фрагмент стенки красного лощеного сосуда с остатком ручки. Под основанием ручки клеймо
Глина
Размеры 11×5
Инв. № □16033

250. Фрагмент венчика красного пифоса. Венчик украшен четырьмя желобками, ниже — узор в виде треугольников, наведенный лощением
Глина
Размеры 15,5×15,5
Инв. № □16034

251. Фрагмент стенки красного пифоса с узором в виде треугольников, наведенный лощением
Глина
Размеры 12×8,5
Инв. № □16035

252. Фрагмент венчика толстостенного сосуда с клеймом
Глина
Размеры 14×11
Инв. № □16036

253. Фрагмент стенки желтоватого лощеного сосуда
Глина
Размеры 9,5×6
Инв. № □16037

254. Фрагмент днища красного лощеного сосуда, с процарапанным клеймом

Глина

Размеры 8×6

Инв. № □16038

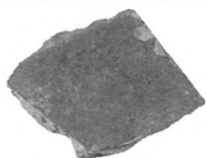

255. Фрагмент ручки красного лощеного сосуда

Глина

Размеры 7×3

Инв. № □16039

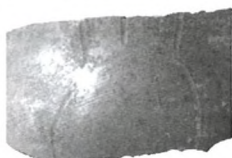

256. Фрагмент ручки красного лощеного сосуда

Глина

Размеры 5,5×5

Инв. № □16040

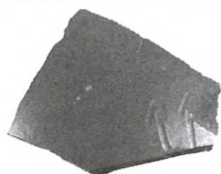

257. Фрагмент стенки красного лощеного сосуда с рисунком, выполненным лощением

Глина

Длина 9

Инв. № □16041

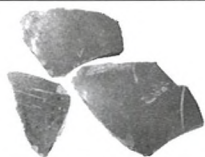

258. Фрагмент стенки красного лощеного сосуда с рисунком, выполненным лощением

Глина

Размеры 5,5×4,3

Инв. № □16042

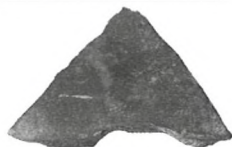

259–263. Фрагменты стенок красных лощеных сосудов

Глина

Размеры от 4,5×1,5 до 9×6

Инв. № □16043, □16044, □16046, □16047,

264. Фрагмент стенки черного лощеного сосуда

Глина

Размеры 2,5×1,5

Инв. № □16048

265. Фрагмент донца красного лощеного сосуда со следами клейма, наведенного лощением

Глина

Размеры 3,5×1,8

Инв. № □16045, □16049

266. Фрагмент венчика тонкостенного красного лощеного сосуда

Глина

Размеры 3,5×3

Инв. № □16050

267. Фрагмент венчика красного лощеного сосуда с процарапанным рисунком

Глина

Размеры 3×2,5

Инв. № □16051

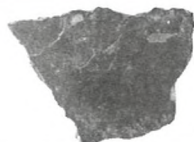

268. Обломок нижней части красного лощеного сосуда

Глина

Высота 5

Инв. № □16052

269. Фрагмент стенки красного лощеного сосуда

Глина

Размеры 7,5×5,5

Инв. № □16053

270. Обломки камня с остатками двух строк клинообразной надписи

Камень

Размеры 6,5×5; 7×5,5

Инв. № □16054, 16060

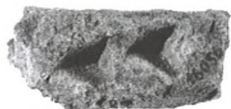

271. Обломок камня с остатками клинообразной надписи

Камень

Размеры 5,5×4

Инв. № □16055

272. Обломок камня с сохранившимся клинописным знаком

Камень

Размеры 4×2

Инв. № □16056

273. Обломок камня с незначительными остатками клинописи

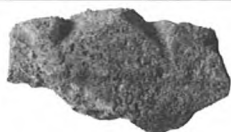
Камень

Размеры 9,5×5

Инв. № □16057

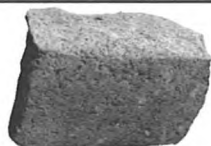
274. Обломок камня с остатками от двух строк клинообразной надписи
Камень
Размеры 6×4
Инв. № □16058

275. Обломок камня с остатками клинописного знака
Камень
Размеры 5×3
Инв. № □16059

276–277. Обломки камня с остатками клинописного знака
Камень
Размеры 6×3,5; 3×3
Инв. № □16061, 16062

278. Кусок обработанного камня
Камень
Размеры 5,5×9,5×4
Инв. № □16063

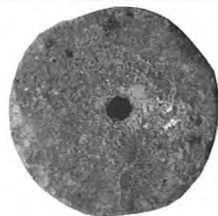
279. Девять кусков глиняной обмазки, со следами синей краски
Глина
Длина от 4,5 до 5,5
Инв. № □16064

280. Обломок края каменного сосуда
Камень
Высота 7
Инв. № □16067

281. Обломок ручки каменного сосуда
Камень
Размеры 4,3×3
Инв. № □16068

282. Пряслице, вырезанное из стенки красного лощеного сосуда
Глина
Размеры 3,2×3,2
Инв. № □16069

283. Бесформенный обломок бронзового предмета

Бронза

Размеры 3×2

Инв. № □16070

284. Кость млекопитающего

Кость

Длина 4

Инв. № □16071

285. Обломок красного пифоса с узором в виде треугольников, наведенным лощением

Глина

5,5×3

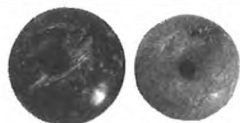
Инв. № □16072

286. Четыре мелких обломка костей млекопитающих

Кость

Длина от 1,5 до 5

Инв. № □16073

287. Две шаровидные бусины

Сердолик

Диаметр 08–1

Инв. № □16074

288. Наконечник дротика

Железо

Длина 9,4

Инв. № □16075

289. Ручка сосуда в виде изогнутой пластины

Бронза

Длина 6; ширина 5

Инв. № □16076

290. Шильце, четырехгранное

Бронза

Длина 4,5

Инв. № □16077

291. Кусок шлака

Шлак

Размеры 3×2,5

Инв. № □16078

292. Три бесформенных обломка

Железо

Длина от 1,8 до 2,2

Инв. № □16079

293. Пять фрагментов браслета

Бронза

Инв. № □16080

294. Окатанная красная галька

Камень

Длина 3

Инв. № □16081

295. Фрагмент венчика красной лощеной чашки

Глина

Размеры 7×5

Инв. № □16082

296. Два отщепы обсидиана

Обсидиан

Длина 5,5; 4

Инв. № □16083

297. Связка из одиннадцати бусин различной формы

Камень

Длина 0,8–3,2

Инв. № 16084

298. Фрагмент детали мозаики

Камень

Длина 4; ширина 2

Инв. № □16085

299. Обломок предмета неопределенной формы

Бронза

Размеры 7,5×5

Инв. № □16086

300. Камень с известковым натеком

Камень

Длина 2,5

Инв. № □16087

301. Обломок красного мрамора с отшлифованной поверхностью
Мрамор
Длина 3
Инв. № □16088

302. Обломок красного мрамора с резным изображением (часть морды быка)
Мрамор
Размеры 3×1,5
Инв. № □16089

303–304. Обломки камня со следами клинописного знака
Камень
Размеры 5,5×5,5; 5×4,5
Инв. № □16090, 16091

305. Обломок копыта

Кость
Длина 6,5
Инв. № □16092

306. Фрагмент венчика темно-красного лощеного сосуда
Глина
Размеры 6×1,5
Инв. № □16093

307. Окатанная галька
Камень
Высота 3
Инв. № □16094

308. Кусок мела

Мел
Длина 4,5
Инв. № □16095

309. Фрагмент плиты от мозаики, с остатками от четырех круглых отверстий
Камень
Размеры 11×10
Инв. № □16096

310. Два бесформенных обломка бронзового предмета

Бронза

Длина 6; 5,5

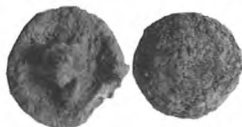
Инв. № □16097

311. Пять бесформенных обломков бронзовых предметов

Бронза

Инв. № □16098

312. Две головки от бронзовых гвоздиков

Бронза

Диаметр 0,6

Инв. № □16099

313. Фрагмент стенки красного лощеного сосуда с клеем

Глина

Размеры 4,5×3

Инв. № □16100

314. Вставка мозаики в форме круга

Камень

Диаметр 1,5

Инв. № □16101

315. Пряслице с украшением (четыре концентрических кружка)

Меловой известняк

Диаметр 2,5

Инв. № □16102

316. Зуб лошади

Зуб

Длина 6

Инв. № □16103

317. Десять различных камней и окаменелостей

Камень

Макс. размер 4,2×3

Инв. № □16104

318. Кусок глиняной обмазки со следами синей краски

Глина

Длина 6,5

Инв. № □16105

319–321. Куски обуглившегося дерева

Дерево

Длина от 15 до 18

Инв. № □16106–□16108

322. Кусок глиняной обмазки со следами синей краски

Глина

Длина 8

Инв. № □16109

323. Обломок красного камня

Камень

Размеры 12×9×5

Инв. № □16110

324. Архитектурный обломок. Два круга, прочерченные циркулем, рельефные в нижней своей части

Известняк

Размеры 11×6

Инв. № □16111

325. Камень-основа для вставок мозаики. Сохранилась часть от двух чашечных углублений

Известняк

Размеры 11,3×12

Инв. № □16112

326–328. Обломки камня с клинообразным знаком

Камень

Размеры 6×6; 5×5,5; 8×6

Инв. № □16113–□16115

329. Обломок красного лощеного сосуда

Глина

Размеры 8×7

Инв. № □16116

330. Обломок глиняной обмазки

Глина

Размеры 12×9

Инв. № □16117

331. Обломок каменной вставки

Камень

Размеры 5,5×2,5

Инв. № □16118

332–333. Камни округлой неправильной формы

Песчаник

Размеры 14×19×8; диаметр 6

Инв. № □16119, 16120

334. Бесформенный обломок железного предмета

Железо

Размеры 3×2

Инв. № □16121

335. Четыре обломка глиняной обмазки со следами синей краски

Глина

Наибольшая длина 6,5

Инв. № □16122

336. Обломок глиняной обмазки

Глина

Размеры 12×5×4

Инв. № □16123

337–339. Куски обработанных рогов

Рог

Длина 13; 10; 19

Инв. № □16124–□16126

340. Кусок обработанного рога

Рог

Длина 9,5

Инв. № □16127

341. Зуб лошади

Зуб

Длина 7

Инв. № □16128

342. Фрагмент красноватого лощеного сосуда

Глина

Размеры 8,5×9

Инв. № □16129

343. Фрагмент стенки красноватого лощеного сосуда со следами синей краски на внутренней стороне

Глина

Размеры 8,5×7,5

Инв. № □16130

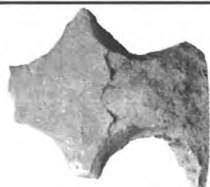

344. Фрагмент венчика красноватого лощеного сосуда со следами синей краски на внутренней стороне

Глина

Размеры 6×5,5

Инв. № □16131

345. Обломок камня-основы для деталей мозаики с частями четырех чашечных углублений

Известняк

Размеры 14,5×12

Инв. № □16132

346. Архитектурный обломок. Остатки двух рядов вырезанных полукругов

Известняк

Размеры 12×12×4,5

Инв. № □16134

347. Архитектурный обломок. Остатки двух прочерченных циркулем кругов, рельефно вырезанных в нижней половине

Известняк

Размеры 10×7

Инв. № □16135

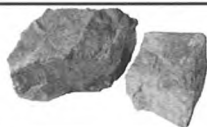

348. Архитектурный обломок с тремя вырезанными полукругами в нижней части

Известняк

Размеры 13×12×6

Инв. № □16136

349. Два обломка красного камня неправильной формы

Камень

Инв. № □16137

350. Два обломка желтоватого камня неправильной формы

Камень

Ширина 9; 7,5

Инв. № □16138

351. Обломок кости

Кость

Ширина 3,5

Инв. № □16139

352. Галька шаровидная розоватого цвета

Камень

Диаметр 1

Инв. № □16140

353. Обломок пластины

Бронза

Размеры 2,5×2

Инв. № □16141

354. Четырехгранная зеленоватая галька

Камень

Длина 6,5

Инв. № □16142

355. Галька неправильной формы красного цвета

Камень

3,5×2,3

Инв. № □16143

356. Фрагмент стенки черного лощеного сосуда

Глина

Размер 4×1,5

Инв. № □16144

357. Камень, плоский окатанный

Известняк

Размер 5,5×4

Инв. № □16145

358. Обломок кинжала (?)

Бронза

Длина 6

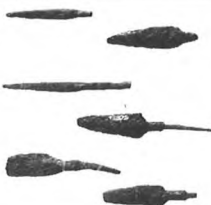
Инв. № □16146

359. Бесформенный обломок

Железо

Длина 2

Инв. № □16147

360–365. Наконечники дротика

Железо

Длина от 3 до 11

Инв. № □16148–□16154

366. Нож, на рукоятке — остатки 3 шпеньков

Железо

Длина 16

Инв. № □16155

367–369. Обломки наконечников дротика

Железо

Длина 6; 5,5; 7

Инв. № □16156–□16158

370. Обломок стержня, утончающегося к одному концу

Железо

Длина 8

Инв. № □16159

371–374. Наконечники дротика

Железо

Длина от 6 до 9

Инв. № □16160–□16163

375. Обломок темного камня со следами тески

Камень

Длина 5

Инв. № □16164

376. Семь бесформенных обломков

Железо

Размер от 1,0×0,8 до 5,4×2,3

Инв. № □16165

377. Обломок венчика красного лощеного сосуда с блестящей поверхностью

Глина

Размеры 7,5×7

Инв. № □16166

378–380. Фрагменты стенок красных лощеных сосудов

Глина

Размеры 9×5,5; 7×5; 7×3,5

Инв. № □16167–□16169

381. Обломок днища красного лощеного сосуда с клеймом, выполненным лощением

Глина

Размеры 7,5×6

Инв. № □16170

382. Фрагмент стенки черного лощеного сосуда

Глина

Размеры 9×3

Инв. № □16171

383. Гладкий камень удлиненной формы

Камень

Длина 14

Инв. № □16172

384. Шесть кусков мела неправильной формы

Мел. известняк

Длина от 2,7 до 4,7

Инв. № □16173

385. Три камня неправильной формы

Камень

Высота 2,5; 2,7; 2

Инв. № □16174

386. Фрагмент стенки сосуда с синей краской на внутренней стороне

Глина

Размеры 2×2

Инв. № □16175

387. Стержень четырехгранный

Бронза

Длина 6

Инв. № □16176

388. Стержень округлый

Железо

Длина 6

Инв. № □16177

389. Наконечник дротика

Железо

Длина 6

Инв. № □16178

390. Камень сглаженный с четырех сторон (терочник?)

Камень

Высота 4,6

Инв. № □16179

391. Обломок стержня

Бронза

Длина 3

Инв. № □16180

392. Мелкие кусочки мела

Мел

Инв. № □16181

393. Краска синяя в мелких кусках и в порошке

Инв. № □16182

394. Три обломка головок от гвоздей

Бронза

Диаметр шляпки 1; длина 1,6

Инв. № □16183

395. Пять гвоздиков с выпуклыми головками

Бронза. Наиб. длина 1,5

Инв. № □16184

396. Два бесформенных обломка

Бронза

Длина 5; 3

Инв. № □16185

397. Три бесформенных обломка

Железо. Размер 7,5×2; 3,5×2,5; 4×3,5

Инв. № □16186

398. Фibuла дугообразная

Бронза

Длина иглы 2; ширина 1,5

Инв. № □16187

399–400. Фрагменты стенок сосудов с остатками синей краски на внутренней стороне

Глина

Размеры 15×8,8;

Инв. № □16188–□16189

401. Обломок стенки пифоса с орнаментом, наведенным лощением

Глина

Размеры 9×5

Инв. № □16190

402. Обломок стенки пифоса

Глина

Размеры 6,5×4

Инв. № □16191

403. Наконечник дротика

Железо

Длина 7

Инв. № □16192

404. Обломок венчика крупного сосуда

Глина

Длина 9,5

Инв. № □16193

405. Обломки сосуда из необожженной глины

Глина

Наиб. длина 8,5

Инв. № □16194

406. Два куска обуглившегося дерева

Дерево

Размер 5×6; 7×2,5

Инв. № □16195

407. Фрагмент стенки сосуда, с остатками синей краски на внутренней стороне

Глина

7,5×6

Инв. № □16196

408. Отщеп с ретушью

Обсидиан

Длина 2

Инв. № □16197

409. Кусок шлака

Шлак

Ширина 2,5

Инв. № □16198

410. Пять обломков пластины

Бронза

2×2,8

Инв. № □16199

411. Обломок каменной вставки (подобный № □16118), сохранившаяся часть

Камень

Размеры 3×2,3

Инв. № □16200

412. Галька серого цвета

Камень

Длина 2,5

Инв. № □16201

413. Два куска глиняной обмазки со следами синей краски

Глина

Длина 13; 3

Инв. № □16202

414. Кусок угля

Уголь

Ширина 2

Инв. № □16203

415. 80 мелких обломков пластины

Бронза

Размер от 7×5 до 2,5×2,5

Инв. № □16204

416. Три куска земли с остатками угля и мелкими кусочками бронзовых обломков

Земля, уголь, бронза

Длина 9; 8,5; 5

Инв. № □16205

417. Обломок венчика пифоса

Глина

Размеры 11×10

Инв. № □16206

418. Обломок стенки пифоса с орнаментом в виде треугольников, наведенным лощением

Глина

Размеры 18×17

Инв. № □16207

419. Обломок стенки пифоса с орнаментом в виде треугольников

Глина

Размеры 10×7,5

Инв. № □16208

420. Обломок стенки пифоса с рельефным орнаментом в виде двух волнистых линий

Глина

Размеры 16×11

Инв. № □16209

421. Обломок стенки пифоса с рельефным орнаментом

Глина

Размеры 6,5×5

Инв. № □16210

422. Обломок стенки пифоса с вдавленными полосами на наружной поверхности

Глина

Размеры 13×10

Инв. № □16211

423. Обломок стенки пифоса с рельефным орнаментом в виде двух полос

Глина

Размеры 16×15

Инв. № □16212

424. Кусок шлака в виде кольца

Шлак

Размеры 5,5×5

Инв. № □16213

425. Фрагмент стенки красного лощеного сосуда

Глина

Размеры 4×2,5

Инв. № □16214

426. Обломок зеленоватого камня, покрытого известковой корой

Камень

Длина 2,5

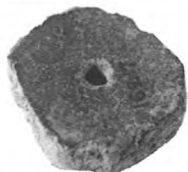
Инв. № □16215

427. Четыре красноватые гальки

Камень

Инв. № □16216

428. Пряслице, вырезанное из стенки сосуда

Глина

Диаметр 3,5

Инв. № □16217

429. Четырехгранный стержень с полушаровидной головкой — гвоздь «зигатти»

Бронза

Длина 14,5

Инв. № □16218

430. Листовидный наконечник копья со срединным ребром и круглой втулкой. Во втулке остатки древка

Железо

Длина 41

Инв. № □16219

431. Бусина цилиндрическая с расширенной серединой, розоватая

Камень

Длина 1

Инв. № □16220

432. Обломок камня красного цвета

Камень

Длина 2,5

Инв. № □16221

433. Шаровидный предмет

Бронза

Диаметр 1,3

Инв. № □16222

434. Два куска мела

Мел

Длина 4,5; 4

Инв. № □16223

435. Кусок глиняной обмазки со следами соломы

Глина

Толщина 7

Инв. № □16224

436. Куски глиняной обмазки со следами синей краски

Глина

Наиб. длина 4

Инв. № □16225

437. Обломок днища и стенок толстостенного сосуда красного цвета

Глина

Высота 11,5; диаметр 29

Инв. № □16226

438. Обломок стекловидной массы

Стекло

Длина 3,4

Инв. № □16227

439. Фрагмент стенки черного лощеного сосуда

Глина

Размеры 3×3

Инв. № □16228

440. Мелкий фрагмент черного сосуда

Глина

Длина 1,8

Инв. № □16229

441–452. Конические вставки мозаики из темного камня

Камень

Высота от 2 до 3,4

Инв. № □16230–□16231, □16233–□16242

453–460. Конические вставки мозаики из светлого камня

Известняк

Высота от 1,6 до 4,5

Инв. № □16245–□16246, □16248–□16252

461. Деталь мозаики в форме кольца из темного камня

Известняк

Диаметр 4,5

Инв. № □16254

462. Деталь мозаики в форме кольца из светлого камня

Известняк

Диаметр 7,7

Инв. № □16255, □16244

463–469. Обломки деталей мозаики в форме кольца

из темного камня

Камень

Диаметр от 5 до 7,5

Инв. № □16260, □16261, □16263–□16267

470–479. Обломки деталей мозаики в форме кольца

из темного камня

Камень

Ширина от 1,7 до 7,5

Инв. № □16268–□16277

480–484. Обломки деталей мозаики в форме кольца

из светлого камня

Камень

Ширина от 5,2 до 7,5

Инв. № □16278–□16282

485–532. Обломки деталей мозаики в форме кольца

из темного камня

Камень

Ширина от 3,4 до 6

Инв. № □16283–□16330

533–583. Обломки деталей мозаики в форме кольца

Камень

Ширина от 1,7 до 7,3

Инв. № □16331–□16381

ХАЙКАБЕРА

Развалины крепости на горе Болдаг у сел. Аствацашен, в долине р. Хошаб.

584–585. Куски серого мрамора

Мрамор

Размеры 8×4×3; 5,5×4

Инв. № □16065, □16066

586. Обломок трехгранного наконечника стрелы

Бронза

Длина 1,7

Инв. № □16593

587. Обломок двуперого наконечника стрелы с круглой втулкой
Бронза
Длина 2
Инв. № □16594

588–589. Трехгранные наконечники стрел с круглой втулкой
Бронза
Длина 3; 3,4
Инв. № □16595, □16596

590. Четырехгранный наконечник стрелы с круглой втулкой и боковым отростком
Бронза
Длина 3,6
Инв. № □16597

591–594. Двуперые наконечники стрел с круглой втулкой
Бронза
Длина 3,1; 3,7; 3,5; 4
Инв. № □16598–□16600, □16602

595. Обломок стержня с нарезками
Бронза
Длина 1,3
Инв. № □16603

596–597. Наконечники стрел с удлиненным основанием
Железо
Длина 3,2; 5
Инв. № □16604, □16605

598–599. Наконечники стрел или дротика с удлиненным основанием
Железо
Длина 9,5; 7
Инв. № □16606, □16607

600–602. Обломки толстостенного караса с клинописью

Глина

Размер 19×15; 17×10; 18×21; толщина 3,2

Инв. № □16608–□16610

603–607. Обломки камней с клинописью

Базальт

От 10×5,5 до 14×9

Инв. № □16611–□16615

608. Печать цилиндрической формы из черного камня с каменным же ушком, с вырезанными изображениями двух человеческих фигур, обращенных к третьей крылатой фигуре между ними; дерево, рыба, козел, птицы; на нижней стороне — знак Ашура, под ним — звериная голова

Камень

Высота 3,3

Инв. № □16616

609. Печать цилиндрической формы из черного камня с каменным же ушком, с вырезанными изображениями двух птиц (или крылатых животных) и дерева, на нижней стороне — изображение птицы

Камень

Высота 2,2

Инв. № □16617

610. Слиток металла неправильной формы

Бронза

Размеры 10×6,8×2

Инв. № □16618

611. Обломок камня

Трахит

Длина 10,2

Инв. № □16619

По сведениям продавца, №№ 612–617 найдены на территории Турции (Ван?)

612. Кувшин без ручки с расширяющимся раструбом горлом

Глина

Высота 25,5

Инв. № □17736

613. Кувшин с ручкой. В верхней части ручки два налеса

Глина

Высота 19,5

Инв. № □17737

614. Кувшин с ручкой. В верхней части ручки налеса. Под венчиком горизонтальные линии, на тулове вертикальные желобки

Глина

Высота 17,5

Инв. № □17738

615. Двенадцать обломков грубого глиняного сосуда, без орнамента

Глина. Длина от 2 до 4,5

Инв. № □17739

616. Браслет бронзовый, массивный

Бронза

Диаметр 12

Инв. № □17740

617. Браслет из граненого прута, с выгибом в верхней части

Бронза

Размеры 6,2×4,5

Инв. № □17741

618. Секира с тремя выпуклыми полосами на втульчатой части, выступом на обухе и выгравированным узором в виде елочки

Бронза

Длина 14,5

Инв. № □17742

Найдена в Дагестане

619. Секира небольшого размера с выпуклыми полосами на втульчатой части и следами гравировки

Бронза

Длина 8,8

Инв. № □17743

Куплена у Джейранова в 1895 г. Варташен, Нухинского уезда, Елисаветинской губ. Поступила из Императорской Археологической комиссии.

620. Печать урартская гиревидная, с ушком в верхней части. На боковой стороне — фигуры (различима фигура божества на быке), на нижней стороне — фигура лежащего животного с полумесяцем над ним

Камень

Высота 2,5

Инв. № □17744

Происхождение неизвестно.

КАРМИР-БЛУР, VIII–VII вв. до н. э.

Крепость на левом берегу реки Занги около сел. Чарбах (Ереванский р-н) напротив села Джафарабад. Материалы раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа 1939 г.

621. Обломок серого лощеного сосуда с вертикальными нарезными полосами (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 5×4,5

Инв. № □17440

622. Обломок серого лощеного сосуда с горизонтальными и вертикальными нарезными полосами (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 4×4,2

Инв. № □17441

623. Обломок серого лощеного сосуда с нарезанным орнаментом — две волнистые линии между двумя горизонтальными (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 4,3×4,7

Инв. № □17442

624. Обломок серого лощеного сосуда с пятью углублениями между двумя горизонтальными линиями (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 3×4,5

Инв. № □17443

625. Обломок сосуда с горизонтальными линиями и семечковым орнаментом (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 4; 3,5

Инв. № □17444

626. Обломок черного сосуда с орнаментом, выполненным гребенкой (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 3,5×4

Инв. № □17445

627. Обломок серого лощеного сосуда с рельефным орнаментом в виде уступов (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 3,7×2,8

Инв. № □17446

628. Обломок черного лощеного сосуда с вдавленным орнаментом (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 6,7×5

Инв. № □17447

629. Обломок красноватого сосуда с тремя горизонтальными линиями и семечковым орнаментом (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 6×5

Инв. № □17448

630. Обломок черного лощеного сосуда с двумя штампами в виде кружков (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 9×6,2

Инв. № □17449

631. Обломок сосуда с поливой (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 3,4×3

Инв. № □17450

632. Обломок сосуда с оттиском плетеной веревки (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 8,4×7,5

Инв. № □17451

633. Обломок сосуда с оттиском плетеной веревки (найден в помещении № 1)

Глина

Длина 5

Инв. № □17452

634. Обломок крупного серого сосуда с пролощенным зигзагообразным орнаментом между двумя выпуклыми горизонтальными линиями (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 14×10

Инв. № □17453

635. Обломок желтого сосуда с вертикальными полосами, наведенными желтой краской (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 10×7,5

Инв. № □17454

636. Обломок горловины сосуда с ручкой, имеющей продольное углубление (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 16×9,5

Инв. № □17455

637. Обломок ручки красного сосуда, с вдавленными треугольниками (найден в помещении № 1)

Глина

Длина 4

Инв. № □17456

638. Фрагмент крупного сосуда (караса) с рельефным пояском под венчиком (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 16,5×16

Инв. № □17457

639. Обломок стенки красной чашки с частью верхнего края и дна (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 12×8,5

Инв. № □17458

640. Обломок края красной чашки, типа № □17458 (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 6,5×3,8

Инв. № □17459

641. Обломок края красной чашки, типа № □17458 (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 5×4,2

Инв. № □17460

642. Обломок стенки красной чашки с частью верхнего края и дна (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 6×8

Инв. № □17461

643–645. Обломки края красной чашки с желобком у верхнего края (найденны в помещении № 1)

Глина

Размеры 7×5; 5,7×3,3; 6,9×4,5

Инв. № □17462–□17464

646. Обломок стенки и дна красного сосуда, украшенного вертикальными линиями, наведенными лощением (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 9,5×8,7

Инв. № □17465

647–651. Обломки верхнего края (венчика) грубого желтоватого сосуда (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 9×6,8; 8×6,5; 6,5×4,2; 5×3,5

Инв. № □17466–□17469

651–653. Обломки венчика сосуда (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 9,7×7; 7×4,2; 8,5×3,8

Инв. № □17470–□17472

654. Обломок венчика сосуда (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 5,5×3,5

Инв. № □17473

655. Обломок венчика сосуда (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 5,5×6

Инв. № □17474

656. Обломок венчика сосуда (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 3,7×3,4

Инв. № □17475

657. Обломок венчика сосуда (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 4×2

Инв. № □17476

658. Обломок венчика сосуда (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 2,7×3,7

Инв. № □17477

659–664. Обломки стенки красного лощеного сосуда (найден в помещении № 1)

Глина

Длина от 3,5 до 8,4; ширина от 3,1 до 7,6

Инв. № □17478–□17483

665. Обломок стенки черного лощеного сосуда (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 4×4

Инв. № □17484

666. Обломок стенки сосуда со сквозным отверстием (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 3,2×2,2

Инв. № □17485

667–668. Обломки стенки черного лощеного сосуда (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 3×2,8; 4,4×3

Инв. № □17486, □17487

669–670. Обломки стенки желтоватого сосуда, с вдавленными вертикальными и горизонтальными линиями (найден в помещении № 1)

Глина

Размеры 5×4,5; 7,2×4,7

Инв. № □17488, □17489

672. Чашка красная лощеная (найдена в помещении № 1)

Глина

Высота 3,8; диаметр 12

Инв. № □17491

673. Горловина и ручка красного лощеного кувшина. На ручке семь углублений (найдена в помещении № 1)

Глина

Диаметр 10,5

Инв. № □17492

674. Сосуд бурого цвета с округлым дном и небольшим отогнутым венчиком (найден в помещении № 1)

Глина

Высота 14; диаметр 10; диаметр дна 2

Инв. № □17493

675. Сосуд шаровидный с плоским дном и отогнутым венчиком, красный лощеный (найден в помещении № 1)

Глина

Высота 25,5; диаметр дна 11

Инв. № □17494

676. Кувшин красного цвета с ручкой. Горловина напоминает по форме горловину ойнохои. Под ручкой штамп — клеймо с иероглифическими знаками (найден в помещении № 1)

Глина

Высота 27,5

Инв. № □17495

677. Ручка, расширяющаяся в верхней части, со сквозным отверстием (найден в помещении № 1)

Рог

Длина 4,7

Инв. № □17496

678. Горловина большого сосуда красного цвета (найдена в помещении № 2)

Глина

Диаметр 15

Инв. № □17497

679–680. Обломки венчика грубого сосуда (найжены в помещении № 2)

Глина

Размеры 9×5,5; 11×8

Инв. № □17498, □17499

681. Обломок венчика крупного сосуда (найден в помещении № 2)

Глина

Размеры 13,5×8,5

Инв. № □17500

682. Обломок тонкостенного сосуда (найден в помещении № 2)

Глина

Размеры 10×6,5

Инв. № □17501

683. Обломок черного сосуда с вдавленной горизонтальной линией и семечковым орнаментом (найден в помещении № 2)

Глина

Размеры 15×15

Инв. № □17502

684–690. Обломки края чаши снаружи — черной, а изнутри — красной (найден в помещении № 2)

Глина

Длина от 3,7 до 7; ширина от 1,5 до 5,5

Инв. № □17503–□17509

691. Обломок части стенки и дна чаши (№ □17503?). Около дна — три овальных углубления (найден в помещении № 2)

Глина

Размеры 8×4,5

Инв. № □17510

692–695. Обломки стенки и дна чаши типа № □17503 (найден в помещении № 2)

Глина

Длина от 5,7 до 8; ширина от 3,7 до 7

Инв. № □17511–□17514

696. Обломок ручки красного сосуда, украшенной треугольными углублениями и налепом (найден в помещении № 2)

Глина

Длина 6

Инв. № □17515

697. Обломок венчика грубого сосуда (найден в помещении № 2)

Глина

Размеры 5×3,3

Инв. № □17516

698. Обломок серого сосуда с врезанной горизонтальной линией (найден в помещении № 2)

Глина

Размеры 3,5×3,6

Инв. № □17517

699. Обломок края грубой черной чашки (найден в помещении № 2)

Глина

Размеры 5×5,3

Инв. № □17518

700. Обломок края крупного сосуда (найден в помещении № 2)

Глина

Размеры 7×8

Инв. № □17519

701. Кувшин яйцевидной формы с невысоким отогнутым венчиком и плоским дном (найден в помещении № 2)

Глина

Высота 34,5; диаметр венчика 10;

Инв. № □17520

702. Точильный брусок со сквозным отверстием в верхней части (найден в помещении № 2)

Камень

Длина 14

Инв. № □17521

703. Гвоздь с полушаровидной головкой — зигатти (найден в помещении № 2)

Бронза

Длина 17

Инв. № □17522

Массивный бронзовый гвоздь, напоминающий ассирийский, служивший для прикрепления к стенам ковров и циновок.

704. Обломок сосуда с семечковым орнаментом (найден в помещении № 3)

Глина

Размеры 5,3×3,3

Инв. № □17523

705. Обломок черного лощеного сосуда с рельефным выступом (найден в помещении № 3)

Глина

Размеры 7×5

Инв. № □17524

706–707. Обломки крупного сосуда (найжены в помещении № 3?)

Глина

Размеры 7×6; 14×12,5

Инв. № □17525, □17526

708–709. Обломки крупного сосуда (найден в помещении № 3?)

Глина

Длина от 11,5 до 12; ширина от 6 до 7,7

Инв. № □17527 – □17529

710. Обломок нижней части черной чаши (найден в помещении № 3?)

Глина

Длина 5,7

Инв. № □17530

711. Обломок стенки грубого сосуда (найден в помещении № 3?)

Глина

Размеры 6,8×9

Инв. № □17531

712. Обломок венчика грубого сосуда (найден в помещении № 3?)

Глина

Размеры 11×4

Инв. № □17532

713. Обломок венчика грубого сосуда черного цвета (найден в помещении № 3?)

Глина

Размеры 9×11

Инв. № □17533

714. Чаша глубокая, под краем желобок (найдена в помещении № 3?)

Глина

Высота 18,5; диаметр в. 43; диаметр дна 11,5

Инв. № □17534

715. Обломок черного лощеного сосуда с вдавленным орнаментом в виде зубьев (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 4,7×5,5

Инв. № □17535

716. Обломок черного сосуда с семечковым орнаментом (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 4×4,2

Инв. № □17536

717. Обломок сосуда с вдавленным орнаментом (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 8,7×10,7

Инв. № □17537

718. Обломок лощеного сосуда с вдавленными вертикальными и горизонтальными полосами (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 7×5

Инв. № □17538

719. Обломок лощеного сосуда с вдавленными горизонтальными полосами (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 4,5×4,5

Инв. № □17539

720. Обломок лощеного сосуда с нарезным орнаментом (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 4×3

Инв. № □17540

721. Обломок горловины лощеного кувшина (найден в помещении 3 4)

Глина

Размеры 4,7×7

Инв. № □17541

722. Обломок красного лощеного сосуда (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 5,2×2

Инв. № □17542

723. Обломок черного лощеного сосуда (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 8,2×5,7

Инв. № □17543

724. Обломок черного лощеного сосуда с нарезным орнаментом (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 4×3,5

Инв. № □17544

725. Обломок венчика черного сосуда (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 6,2×3,5

Инв. № □17545

726. Фрагменты края чашки с желобком под бортом (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 10×6; 7,8×4,7

Инв. № □17546, □17547

727. Обломок края и стенки грубого горшка (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 15,5×14

Инв. № □17548

728. Обломок венчика сосуда с нарезным семечковым орнаментом (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 10,5×7,5

Инв. № □17549

729. Обломок края черной чашки (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 6×5,3

Инв. № □17550

730. Обломок сосуда с вдавленным орнаментом — углубления и горизонтальные линии (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 3,2×2,2

Инв. № □17551

731. Горловина крупного желтого сосуда (найден в помещении № 4)

Глина

Диаметр 14

Инв. № □17552

732. Обломок края чаши с желобком под бортом (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 9×6,5

Инв. № □17553

733. Обломок стенки сосуда с нарезным орнаментом (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 6,2×5

Инв. № □17554

734. Обломок борта четырехугольного сосуда (?) грубой выделки, под верхним краем — два желобка (найден в помещении № 4)

Глина

Размеры 10×7,5

Инв. № □17555

735. Браслет из круглого в сечении прута, украшенный нарезками и бочковидными утолщениями, отделенными друг от друга двойными рельефными ободками (найден в помещении № 4)

Глина

Диаметр 10,5

Инв. № □17556

736. Фибула с сильно выгнутой утолщенной дужкой сложной формы. Поверхность дужки украшена гравировкой (ромб, продольные и поперечные линии). У нижних краев — рельефные ободки (найдена в помещении № 4)

Глина

Ширина 4,5; высота 3,5

Инв. № □17557

737. Чаша красная, лощеная, с сильно отогнутым краем и плоским дном (найдена у внешней стены, у стока)

Глина

Высота 8; диаметр верха 24

Инв. № □17558

738. Сосуд с двумя ручками и отогнутым краем красного цвета (найден у внешней стены, у стока)

Глина

Высота 6,5; диаметр верха 8,5

Инв. № □17559

739. Сосуд черного цвета, с валиком под венчиком, дно плоское (найден у внешней стены, у стока)

Глина

Высота 17,5; диаметр верха 14

Инв. № □17560

740. Чаша крупная красноватого цвета, с отогнутым верхним краем (найден у внешней стены, у стока)

Глина

Высота 16; диаметр верха 36,5

Инв. № □17561

741. Две грубо вылепленные маленькие чашечки (найден у внешней стены, у стока)

Глина

Диаметр 3; 3

Инв. № □17562

742. Ложка глиняная грубой работы (найдена у внешней стены, у стока)

Глина

Длина 9

Инв. № □17563

743. Сосуд грубой лепки с пятью сквозными отверстиями (найден у внешней стены, у стока)

Глина

Высота 5,6; диаметр 5,7

Инв. № □17564

744. Сосуд грубой лепки (найден у внешней стены, у стока)

Глина

Высота 4; диаметр 4

Инв. № □17565

745. Чашка грубой лепки (найдена у внешней стены, у стока)

Глина

Высота 3,5; диаметр 9

Инв. № □17566

746. Двойной красный лощеный сосуд (найден у внешней стены, у очага)

Глина

Высота 6,5; диаметр 13

Инв. № □17567

747. Двойной красный лощеный сосуд (найден у внешней стены, у очага)

Глина

Высота 6,5; диаметр 11,7

Инв. № □17568

748. Сосуд миниатюрный со следами неравномерного обжига (найден у внешней стены, у стока)

Глина

Высота 5; диаметр в. 3

Инв. № □17569

749. Чашка грубой лепной работы (найден у внешней стены, у стока)

Глина

Высота 4; диаметр 11

Инв. № □17570

750. Сосуд грубой ручной лепки (найден у внешней стены, у стока)

Глина

Диаметр 6; высота 4,5

Инв. № □17571

751. Кувшин красный лощеный с узким горлом и ручкой. На месте соединения ручки с туловом — зарубки технического назначения (найден у внешней стены, у стока)

Глина

Высота 24

Инв. № □17572

752. Чашка красная с черными пятнами от неравномерного обжига (найден у внешней стены, у стока)

Глина

Высота 5,5; диаметр 15

Инв. № □17573

753. Сосуд грубой работы черного цвета с семечковым узором по линии наибольшего диаметра (найден у внешней стены, у стока)

Глина

Высота 19; диаметр 20

Инв. № □17574

754. Камень неправильной удлинённой формы со следами работы на концах. Пест-терочник (найден у внешней стены, у стока)

Базальт

Длина 15

Инв. № □17575

755. Пест цилиндрической формы, с вогнутой средней частью из пористого камня (внешняя стена, у стока)

Базальт пористый

Высота 9,5

Инв. № □17576

756. Ступка каменная с округлой нижней частью (найдена у внешней стены, у стока)

Базальт пористый

Высота 11,5; диаметр 20

Инв. № □17577

757. Терочник. Одна сторона плоская, другая округлая. Неправильной овальной формы (найдена у внешней стены, у стока)

Базальт пористый

Длина 24; ширина 18

Инв. № □17578

758. Терочник, удлинненной овальной формы. Одна сторона плоская, другая округлая (найдена у внешней стены, у стока)

Базальт пористый

Длина 32; ширина 14

Инв. № □17579

759. Сосуд с широким дном, узким горлом и двумя ручками на линии наибольшего диаметра. Цвет серый, работа грубая (найден у внешней стены, у контрфорса)

Глина

Высота 16; диаметр горла 10

Инв. № □17580

760. Горшок грубой лепки, со следами пребывания в огне (найден у внешней стены, у контрфорса)

Глина

Высота 12; диаметр 11

Инв. № □17581

761. Глиняный сосуд, бомбовидный, красного цвета, с узким горлом (найден у внешней стены, у контрфорса)

Глина

Высота 9,5

Инв. № □17582

762. Сосуд грубый черного цвета с орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом. Был заполнен просом, в просе была обнаружена керамическая печать с изображением идущей птицы (найден у внешней стены, у контрфорса)

Глина

Высота 22; диаметр 20

Инв. № □17583

763. Глиняный сосуд, бомбовидный, красного цвета, с узким горлом (найден у внешней стены, у контрфорса, северный участок)

Глина

Высота 11,5

Инв. № □17584

764. Глиняный сосуд, бомбовидный, красного цвета, с узким горлом (найден у внешней стены, северный участок)

Глина

Высота 7,5

Инв. № □17585

765. Сосуд баночной формы, с расширенной нижней частью (найден у внешней стены, северный участок)

Глина

Высота 7,5

Инв. № □17586

766. Сосуд с расширенной нижней частью и узким горлом (найден у внешней стены, северный участок)

Глина

Высота 8

Инв. № □17587

767. Сосуд грубой ручной работы неправильной формы (найден у внешней стены, северный участок)

Глина

Высота 6,5

Инв. № □17588

768. Сосуд красноватого цвета с отогнутым венчиком и одной ручкой, имеющей вертикальное углубление (найден у внешней стены, северный участок)

Глина

Высота 9,5

Инв. № □17589

769. Чашка красного цвета с отверстиями в нижней части (найдена у внешней стены, северный участок)

Глина

Высота 12; диаметр 3

Инв. № □17590

770. Чашка серого цвета с сильно отогнутым верхним краем (найдена у внешней стены, северный участок)

Глина

Высота 13,5; диаметр 34

Инв. № □17591

771. Сосуд красный лощеный с загнутым венчиком и округлым дном (найден у внешней стены, северный участок)

Глина

Высота 19,5; диаметр 10,5

Инв. № □17592

772. Сосуд красноватого цвета, бомбовидный, с узким горлом (найден у внешней стены, южный участок)

Глина

Высота 13

Инв. № □17593

773. Обломки красной лощеной чашки (найжены у внешней стены, южный участок)

Глина

Длина 14,2; 10; 7

Инв. № □17594

774. Чашка красного цвета, с черными пятнами от неравномерного обжига (найдена у внешней стены, южный участок)

Глина

Высота 6,5; диаметр 22

Инв. № □17595

775. Сосуд красноватый с черными пятнами и следами грубого горизонтального лощения. Под венчиком — две горизонтальные линии (найден у внешней стены, южный участок)

Глина

Высота 18,5; диаметр 17,5

Инв. № □17596

776. Чашка серого цвета с отогнутым верхним краем (найдена у внешней стены, южный участок)

Глина

Высота 10; диаметр 27

Инв. № □17597

777. Сосуд с высоким горлом, украшенный вдавленным орнаментом. В средней части — заштрихованные треугольники, вверх и вниз — вертикальное лощение (найден у внешней стены, южный участок)

Глина

Высота 15,5

Инв. № □17598

778. Терочник каменный, овальный в сечении (найден у внешней стены, южный участок)

Базальт

Длина 7,5

Инв. № □17599

779. Сосуд красный лощеный, на тулове вырезано изображение дерева (найден с зерном в каменной пристройке, внешняя стена)

Глина

Высота 31,5

Инв. № □17600

КАРМИР-БЛУР,

VIII–VII вв. до н. э.

Материалы раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа 1940 г.

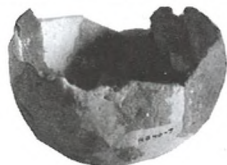

780. Обломки венчика и стенок сосуда с волнистым орнаментом (найлены у внешней стены, около пшеницы)

Глина

Размер от 4,3×3,2 до 11,5×12,5

Инв. № □17601

781. Чашка глиняная грубой лепки, с высокими стенками и плоским дном

Глина

Диаметр 11

Инв. № □17602

782. Чашка плоская с красной лощеной поверхностью

Глина

Высота 4,8; диаметр 11

Инв. № □17603

783. Кувшин с округлой ручкой и ребристым туловом. На венчике — слив.

Глина

Высота 11

Инв. № □17604

784. Небольшой сосудик грубой лепки с тремя отверстиями на стенке

Глина

Высота 4,7

Инв. № □17605

785. Три части борта плоского очага

Глина

Размер 14,5×7,5; 12,5×6; 10,5×7

Инв. № □17606

786. Обломок стенки красного лощеного сосуда

Глина

Размер?

Инв. № □17607

787. Ступка неправильной удлиненной формы с коническим углублением

Базальт

Длина 16,5

Инв. № □17608

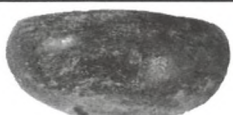

788. Крышка глиняная от сосуда, грубой ручной лепки

Глина

Диаметр 8,2

Инв. № □17609

789. Чашка черная лощеная

Глина

Высота 3; диаметр 8,4

Инв. № □17610

790. Обломок венчика красного лощеного сосуда с углублением около верхнего края венчика
Глина
Размер 9,5×6
Инв. № □17611

791. Чашка черная лощеная грубой лепки с круглым углублением на дне
Глина
Диаметр 6
Инв. № □17612

792. Обломок венчика тонкого черного лощеного сосуда
Глина
Длина 5,2
Инв. № □17613

793. Сосуд округлой формы с оформленным венчиком. Поверхность красная, плохо выполненный орнамент в виде волны
Глина
Высота 18; диаметр в. 15
Инв. № □17614

794. Обломок базальта прямоугольных форм с углублением — ступка
Базальт
Длина 8,7
Инв. № □17615

795. Обломок черного лощеного сосуда с орнаментом в виде удлинённого треугольника, выполненного гребенчатым штампом
Глина
Длина 5,8
Инв. № □17616

796. Сосуд бобмовидной формы с высоким венчиком, поверхность красная лощеная
Глина
Высота 15,5
Инв. № □17617

797. Чаша глубокая, с отогнутым венчиком. Красная слабо лощеная поверхность. На черепке — древние отверстия для скрепления разбитой чаши

Глина

Диаметр 2,9

Инв. № □17618

798. Обломок черного лощеного сосуда с процарапанным зигзагообразным орнаментом

Глина

Длина 8,6

Инв. № □17619

799. Фрагмент черного лощеного сосуда. Носик в виде короткой трубки, пять овальных отверстий на стенке сосуда

Глина

Длина 7

Инв. № □17620

800. Сосуд черный, слабо лощеный, с высоким венчиком, на тулове четыре группы налепов

Глина

Высота 10,8

Инв. № □17621

801. Сосуд черный грубой работы, с высокой округлой ручкой, украшенной двумя линиями под венчиком

Глина

Высота 8,6

Инв. № □17622

802. Кувшин черный лощеный, с высоким горлом и ручкой с вдавлениями. На туловище — три пояска параллельных линий, наклонные линии, выполненные гребенчатым штампом и в нижней части — вертикальные линии

Глина

Высота 16,7

Инв. № □17623

803. Кувшин красный лощеный, с ручкой и горлом типа ойнохои, в средней части — углубленный пояс, на нижней части ручки — клеймо

Глина

Высота 10

Инв. № □17624

804. Кувшин с горлом в виде раструба и округлой ручкой

Глина

Высота 12

Инв. № □17625

805. Обломок грубого сосуда, украшенного двумя продольными линиями и тремя налепами (2 склеенные части)

Глина

Высота 8

Инв. № □17626

806. Сосуд красный лощеный, с высоким горлом и двумя параллельными линиями под горлом

Глина

Высота 15,9

Инв. № □17627

807. Кувшин красный лощеный бомбовидной формы, с небольшим горлом и ручкой

Глина

Высота 25

Инв. № □17628

808. Сосуд черный, грубой работы, с широким отогнутым венчиком. Украшен тремя рядами семечковидного орнамента

Глина

Высота 22,5

Инв. № □17629

809. Глиняный сосудик грубой лепки. В средней части — пояс, украшенный вертикальными зарубками

Глина

Высота 5,8

Инв. № □17630

810. Глиняный сосудик удлиненной формы

Глина

Высота 7

Инв. № □17631

811. Чашка глиняная черного цвета, грубой работы. В обломках

Глина

Высота 5

Инв. № □17632

812. Сосудик черного цвета с высоким горлом, с зернами пшеницы

Глина

Высота 8,6

Инв. № □17633

813. Чаша красная лощеная, с широким, слегка загнутым венчиком

Глина

Высота 9

Инв. № □17634

814. Сосуд черного цвета. Под венчиком — орнамент в виде волн, в средней части — наклонные линии, выдавленные гребенчатым штампом

Глина

Высота 9,5

Инв. № □17635

815. Чаша красного цвета с широким верхом

Глина

Высота 6

Инв. № □17636

816. Обломок светильника. Красная лощеная поверхность.
В перегородке у носика — одно сквозное отверстие
Глина
Диаметр 15,5
Инв. № □17637

817. Маленький сосудик грубой ручной работы
Глина
Высота 2,8
Инв. № □17638

818. Нижняя часть черного лощеного сосуда
Глина
Высота 5
Инв. № □17639

819. Фрагмент стенки караса с рельефным пояском и тремя наклонными линиями, выполненными штампом
Глина
Длина 23
Инв. № □17640

820. Фрагмент стенки караса с рельефным пояском, украшенным углублениями
Глина
Длина 18
инв. № □17641

821. Фрагмент стенки караса с двумя рельефными поясками, украшенными углублениями
Глина
Длина 15,5
Инв. № □17642

822. Фрагмент стенки сосуда с волнистым орнаментом под венчиком
Глина
Длина 9
Инв. № □17643

823. Чаша красная лощеная
Глина
Диаметр 20,5
Инв. № □17644

824. Семь фрагментов сосуда черного цвета грубой лепки со штампованным орнаментом

Глина

Размер от 2,5×6 до 14×14

Инв. № □17645

825. Обломок сосуда с высоким горлом. Грубая лепка

Глина

Высота 8

Инв. № □17646

826. Обломок маленького сосуда удлиненной формы с узким горлом

Глина

Высота 4,5

Инв. № □17647

827. Обломки предмета в виде рога

Глина

Длина 5,5; 3

Инв. № □17648

828. Сосуд красный лощеный яйцевидной формы, с высоким отогнутым венчиком

Глина

Высота 31

Инв. 17649

829. Сосуд красного цвета для хранения зерна (найден с ячменем) с керамической крышкой

Глина

Высота 44,4

Инв. № □17650

830. Сосуд удлиненной формы, с отверстием на дне. Найден с солодованным просом

Глина

Высота 68

Инв. № □17651

831. Точильный камень плоский, удлиненной формы с отверстием для подвешивания

Камень

Длина 4

Инв. № □17652

832. Обломок точильного камня неправильной формы

Камень

Длина 7,2

Инв. № □17653

833. Точильный камень плоский, удлиненной формы с отверстием для подвешивания

Камень

Длина 18

Инв. № □17654

834. Обломок точильного камня удлиненной формы

Камень

Длина 9

Инв. № □17655

835. Обломок точильного камня

Камень

Длина 7,5

Инв. № □17656

836. Точильный камень удлиненной формы

Камень

Длина 17

Инв. № □17657

837. Обломок точильного камня

Камень

Длина 0,9

Инв. № □17658

838. Гладилка из пористого камня с вырезанной рукояткой

Туф

Длина 8,2; высота 6,7

Инв. № □17659

839. Терочник яйцевидной формы

Базальт

Ширина 8

Инв. № □17660

840. Терочник яйцевидной формы с уплощенной рабочей стороной

Базальт

Длина 5,7×8

Инв. № □17661

841. Терочник округлой формы с уплощенной рабочей стороной

Базальт

Высота 5,5

Инв. № □17662

842. Терочник овальный в сечении, с двумя рабочими краями

Базальт

Высота 8

Инв. № □17663

843. Пест цилиндрической формы с вытянутой внешней плоскостью

Пористый базальт

Высота 9

Инв. № □17664

844. Пробка для сосуда с нарезками на боковой и верхней частях

Глина

Высота 4,5

Инв. № □17665

845. Сосуд баночной формы серого цвета, с семечковидным орнаментом и вертикальными полосами, наведенными лощением

Глина

Высота 16

Инв. № □17666

846. Обломок венчика сосуда с кружком, выдавленным трубочкой

Глина

Длина 8

Инв. № □17667

847. Обломок желтоватого сосуда с вырезанным знаком

Глина

Длина 12,2

Инв. № □17668

848. Обломок сосуда со знаком, выполненным лощением

Глина

Длина 9,5

Инв. № □17669

849. Обломок днища красного лощеного сосуда с крупным перпендикулярным рифлением

Глина

Длина 7,5

Инв. № □17670

850. Обломки кувшина красного лощеного с орнаментом лощением и штампом, четыре обломка одного сосуда

Глина

Длина 13,5; 8; 9,4; 11

Инв. № □17671

851. Два обломка грубого желтоватого сосуда с семечковидным орнаментом

Глина

Длина 9,6; 9,6

Инв. № □17672

852. Обломок венчика серого тонкостенного сосуда с горизонтальным рифлением на внутренней стороне

Глина

Длина 7

Инв. № □17673

853. Три обломка красного сосуда с коническим дном

Глина

Длина 8; 10,4

Инв. № □17674

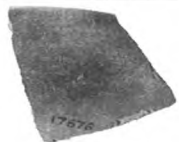

854. Обломок края красной лощеной чаши

Глина

Длина 9,5

Инв. № □17675

855. Обломок края красной лощеной чаши

Глина

Длина 5,2

Инв. № □17676

856. Обломок небольшой красной лощеной чаши с черным пятном
Глина
Длина 8
Инв. № □17677

857. Обломок черной лощеной чаши
Глина
Длина 4
Инв. № □17678

858. Половина толстостенной чашки. Подъемный материал
Глина
Диаметр 7,6
Инв. № □17679

859. Семь обломков глиняных сосудов, ошлакованных в сильном огне во время пожара
Глина
Размер от 7,5×4,3 до 11,5×12,5
Инв. № □17680

860. Ступка каменная в виде чаши со сглаженным дном
Базальт
Диаметр 30,5; высота 8,8
Инв. № □17681

861. Два обломка незаконченной каменной ступки-чаши
Базальт
Диаметр 27; высота 9
Инв. № □17682

862–866. Зернотерки из пористого камня, овальной формы
Базальт
Длина от 23 до 32; высота от 0,9 до 9,8
Инв. № □17683 – □17687

867. Крупный карас грубой лепки желтого цвета. На плечике вырезан знак
Глина
Высота 75; диаметр 31
Инв. № □17688

868. Фрагмент стенки крупного караса черного цвета, украшенного пояском со вдавленным орнаментом и волнистыми линиями выше и ниже пояска

Глина

Наиб. размер 5

Инв. № □17689

869. Днище крупного караса черного цвета, со сквозным отверстием. Возможно относится к № □17689

Глина

Высота 16; диаметр 15

Инв. № □17690

870. Бусы сердоликовые шаровидной формы различных размеров. 54 бусины (найжены в помещении № 2)

Сердолик

Диаметр от 0,9 до 3

Инв. № □17691

871. Низка из 15 бусин. Восемь боченковидных агатовых, две боченковидные сердоликовые, три сердоликовые с плоскими сторонами, одна сердоликовая овальная плоская с продольной линией и одна продолговатая из белого камня (найжены в помещении № 2)

Агат, сердолик

Длина от 1,5 до 3,5

Инв. № □17692

872. Низка из 35 бусин. Тридцать сердоликовых шаровидных, боченковидных, биконических и плоской овальной и пять бус из белого камня различной формы

Камень

Диаметр бусин от 1 до 1,6; длина — от 0,3 до 1,7

Инв. № □17693

873. Печать четырехгранная с ушком в верхней части. На нижней плоскости — изображение лежащего льва. Найдена вместе с бусами № □17691 и □17692

Мягкий камень

Высота 2,9

Инв. № □17694

874. Печать четырехгранная с ушком в верхней части. На нижней плоскости — изображение грифона. Найдена вместе с бусами № □17691

Мягкий камень

Высота 2,1

Инв. № □17695

875. Печать четырехгранная с ушком в верхней части. На нижней плоскости — изображение животного. Найдена вместе с бусами № □17691

Бронза

Высота 1,3

Инв. № □17696

876. Печать цилиндрическая с ушком в верхней части. На нижней плоскости — изображение крылатого солнца и лежащего под ним животного, изображения боковой части стерты. Найдена вместе с бусами № □17691

Камень

Высота 3

Инв. № □17697

877. Печать цилиндрическая с ушком в верхней части. На нижней плоскости — изображение идущей птицы с веткой во рту. Найдена в просе из сосуда № □17583

Керамика

Высота 1,5

Инв. № □17698

878. Низка бус. Семь пастовых рубчатых, сто сорок шесть пастовых мелких и четыре сердоликовых мелких. Найдены вместе с № □17691

Паста, сердолик

Диаметр от 0,3 до 0,8

Инв. № □17699

879. Связка из шести стеклянных бусин. Одна крупная и пять меньшего размера. Найдены с № □17691

Стекло

Диаметр от 1,3 до 2

Инв. № □17700

880. Связка из шести стеклянных бусин черного цвета. Найдены с № □17691

Стекло цветное

Диаметр от 0,5 до 0,7

Инв. № 17701

881. Связка из семи бусин. Четыре каменные дисковидные с перламутром в верхней части, две сердоликовые дисковидные и одна из темной пасты. Найдены с № □17691

Камень, паста, перламутр

Диаметр от 0,6 до 1

Инв. № □17702

882. Низка из 92 мелких бисерных пастовых бусин. Найдены с № □17691

Паста

Диаметр 0,2

Инв. № □17703

883. Низка из двенадцати пастовых бусин. 9 желтого цвета, 2 белого и 1 в форме боченка. Найдены с № □17691

Паста

Диаметр от 0,2 до 0,4

Инв. № □17704

884. Крупная цилиндрическая бусина из темной стекловидной массы. Найдена с № □17691

Стекло цветное

Диаметр 2,8

Инв. № □17705

885. Две раковины каури, найденные вместе с бусами № □17691

Раковина

Длина 2,2; 2

Инв. № □17706

886. Две шаровидные бусины из сердолика. Одна из них обесцвечена огнем

Сердолик

Диаметр 1,2; 1,4

Инв. № □17707

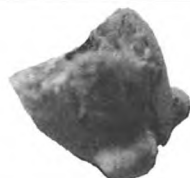

887. Пронизка квадратной формы с двумя отверстиями для нитки

Янтарь

Размер 1,7×1,4

Инв. № □17708

888. Бусина из цветной пасты с глазурью. Два белых выступа и два синих глазка

Паста цветная

Диаметр 1,2

Инв. № □17709

889. Четыре бусины из цветной стекловидной пасты

Паста цветная

Диаметр от 1,2 до 1,5

Инв. № □17710

890. Обломок костяного предмета — изображение головы барана. Сохранился глаз и загнутый рог
Кость
Размер 2×1,9
Инв. № □17711

891. Шаровидная бусина из черного стекла с желтым зигзагом
Стекло
Диаметр 2
Инв. № □17712

892. Шаровидная бусина из черного стекла с желтым зигзагом
Стекло
Диаметр 2,3
Инв. № □17713

893. Пронизка из горного хрусталя
Горный хрусталь
Размер 2×1,8
Инв. № □17714

894. Пять бусин из стекловидной массы и пасты. Две шаровидные темные и три из цветной пасты
Стекло и паста
Диаметр от 0,5 до 1,1
Инв. № □17715

895. Одна темная пронизка с тремя отверстиями и семь бусин из стекловидной массы
Темная паста
Размер пронизки 1,9×2,4; диаметр бусин от 0,3 до 2
Инв. № □17716

896. Низка из семидесяти мелких пастовых бусин темного цвета
Паста
Длина низки 18
Инв. № □17717

897. Две бусины из темной стекловидной массы, одна рубчатая, другая с цветными зигзагами

Стекло

Диаметр 1,9; 2,2

Инв. № □17718

898. Сердоликовая бусина, шаровидная, приплюснутая

Сердолик

Диаметр 0,9

Инв. № □17719

899–901. Наконечники стрел трехгранные. На втулке вертикальное рифление и загнутый книзу шип

Бронза

Длина 5,4; 5,4; 5,6

Инв. № □17720–□17722

902–903. Наконечники стрел трехгранные. В верхней части втулки отверстие

Бронза

Длина 2,8

Инв. № □17723–□17724

904. Наконечник стрелы двуперый

Бронза

Длина 3,4

Инв. № □17725

905. Наконечник стрелы трехгранный. В верхней части втулки два отверстия

Бронза

Длина 3,3

Инв. № □17726

906. Наконечник стрелы трехгранный, с короткой втулкой. На втулке два отверстия

Бронза

Длина 2,2

Инв. № □17727

907. Наконечник стрелы трехгранный. На втулке вертикальные полосы и отверстие
Бронза
Длина 4,4
Инв. № □17728

908. Наконечник стрелы трехгранный. С острыми концами лопастей. На втулке вертикальные полосы и отверстие
Бронза
Длина 4,5
Инв. № □17729

909. Наконечник стрелы трехгранный.
Бронза
Длина 4,2
Инв. № □17730

910. Наконечник стрелы трехгранный, с короткой втулкой
Бронза
Длина 4,4
Инв. № □17731

911. Наконечник стрелы трехгранный.
Бронза
Длина 3,4
Инв. № □17732

912. Наконечник стрелы трехгранный, с высокой втулкой. На втулке — боковой шип
Бронза
Длина 4,5
Инв. № □17733

913. Наконечник стрелы трехгранный.
Бронза
Длина 3,0
Инв. № □17734

914. Наконечник стрелы трехгранный.

Бронза

Длина 4

Инв. № □17735

КАРМИР-БЛУР,

первая половина I тыс. до н. э.

Могильник на холме Кармир-блур. Материалы раскопок
Государственного Эрмитажа в 1940 г.

915. Сосуд с широким горлом, чернолощенный с врезанным орнаментом в виде трех поясков (квадрат IV)

Глина

Высота 11,4

Инв. № □17823

916. Кувшин чернолощенный с узким горлом и венчиком, отогнутым наружу, орнамент врезанный: два раза по три пояска (квадрат I)

Глина

Высота 16

Инв. № □17824

917. Сосуд чернолощенный с двумя проткнутыми ушками и крышкой. Орнамент наведен лощением: заштрихованные треугольники (погребение 1)

Глина

Высота без крышки 13

Инв. № □17825

918. Сосуд с широким горлом, не лощеный. Орнамент в виде одного ряда семечковидных вдавлих под перегибом тулова (погребение 1)

Глина

Высота 13

Инв. № □17826

919. Кувшин чернолощенный с узким горлом. Следы орнамента в виде врезанных поясков (погребение 3?)

Глина

Высота 18,2

Инв. № □17827

920. Сосуд в виде широкой кружки с большой ручкой, лощеный, орнаментирован двумя врезанными поясками (погребение 3)

Глина

Высота 9

Инв. № □17828

921. Сосуд с широким туловом и горлом, орнаментирован поясками и рядом семечковидных вдавли (погребение 3)

Глина

Высота 18

Инв. № □17829

922. Дно сосуда черного цвета (погребение 6)

Глина

Высота 9,5

Инв. № □17830

923. Чаша с остатками желтого ангоба? (погребение 8)

Глина

Высота 4,4

Инв. № □17831

924. Чаша глубокая коричневого цвета лощеная (погребение 8)

Глина

Высота 6

Инв. № □17832

925. Два обломка чернолощеного сосуда (крышка?) (погребение 8)

Глина

Размеры 8×8

Инв. № □17833

926. Чаша черная лощеная глубокая, в верхней части с почти прямыми стенками

Глина

Высота 6,4

Инв. № □17834

927. Сосуд с широким горлом, серый (?), орнаментирован резными линиями вокруг тулова и рядом семечковидных вдавли (погребение 8)

Глина

Высота 11

Инв. № □17835

928. Сосуд с широким горлом серый? лощеный, орнаментирован резными линиями вокруг тулова и рядом косых линий (погребение 8)

Глина

Высота 10,6

Инв. № □17836

929. Кувшин черный лощеный. Орнамент в виде полосы из зигзага и пяти линий под венчиком и широкой линии на перегибе (погребение 9). Дно чуть выпуклое

Глина

Высота 16,8

Инв. № □17837

930. Кувшин черный лощеный. Орнамент в виде полосы из зигзага и многих линий вокруг тулова и на перегибе. Дно выпуклое (погребение 9)

Глина

Высота 14,5

Инв. № □17838

931. Кувшин черный лощеный. Орнамент в виде полосы из зигзага, пяти тонких и широкой линий под венчиком и двух широких линий над перегибом (погребение 9)

Глина

Высота 17,6

Инв. № □17839

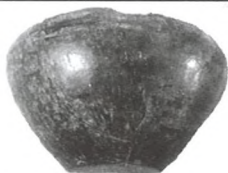

932. Фрагмент нижней части черного лощеного кувшина, орнамент в виде вдавленных линий под перегибом (погребение 10)

Глина

Высота 13,5

Инв. № □17840

933. Фрагмент нижней части черного лощеного кувшина (погребение 10)

Глина

Высота 9

Инв. № □17841

934. Сосуд с широким горлом и ручкой (погребение 11)

Глина

Высота 10

Инв. № □17842

935. Сосуд черный с широким горлом, орнаментирован двумя вдавленными линиями вокруг тулова над перегибом (погребение 11)
Глина
Высота 10,3
Инв. № □17843

936. Сосуд небольшой с широким горлом и петлеобразной ручкой (погребение 11)
Глина
Высота 5,4
Инв. № □17844

937. Сосуд с широким горлом, черный лощеный, орнаментирован полосой из резной линии вокруг тулова и ряда параллельных косых линий над перегибом (погребение 12)
Глина
Высота 9,5
Инв. № □17845

938. Сосуд с широким горлом, сероватый лощеный, орнаментирован четырьмя параллельными резными линиями вокруг тулова (погребение 12)
Глина
Высота 11,5
Инв. № □17846

939. Чаша с ушком с вертикальным отверстием у верхнего края, орнаментирована двумя вдавленными широкими желобками у верхнего края (погребение 12)
Глина
Высота 6
Инв. № □17847

940. Сосуд с широким горлом сероватый нелощеный, орнаментирован четырьмя линиями и рядом семечковидных вдавлений вокруг тулова над перегибом (погребение 13)
Глина
Высота 12,5
Инв. № □17848

941. Кувшин большой с широким горлом черный лощеный, орнаментирован широкой полосой вокруг тулова из двух линий и косых параллельных линий (погребение 13)
Глина
Высота 20,2
Инв. № □17849

942. Фрагменты (шесть) нижней части красного сосуда
(погребение 6?)

Глина
Высота 12
Инв. № □17850

943. Обломки сосуда черного (12 шт.) на некоторых внутри цвет красный, снаружи черный (погребение 3?)

Глина
Длина от 2,5 до 13
Инв. № □17851

944. Игла с ушком согнутая (погребение 1)

Бронза
Длина 9
Инв. № □17852

945. Бусы сердоликовые (9 шт.) и одна бусина большая каменная (погребение 3)

Сердолик, камень
Длина от 0,2 до 1,2
Инв. № □17853

946. Браслет с заходящими концами (погребение 3)

Бронза
Диаметр 5,5
Инв. № □17854

947. Наконечники стрел (шесть штук) треугольной формы с прямоугольной выемкой для насадки. 4 светлых, 2 темных. Обработаны тонкой ретушью (погребение 6)

Обсидиан
Длина от 3,5 до 4
Инв. № □17855

948. Колечко из согнутой проволоки (погребение 2)

Бронза
Диаметр 2
Инв. № □17856

949. Бусина небольшая сердоликовая (погребение 11)

Сердолик
Диаметр 0,6
Инв. № □17857

950. Бусина небольшая сердоликовая (погребение 12)

Сердолик

Диаметр 0,5

Инв. № □17858

951. Два куска камня аморфной формы (погребение 10)

Обсидиан

Длина 4,5; 3,5

Инв. № □17859

КАРМИР-БЛУР, VIII-VII вв. до н. э.

Материалы раскопок Кармир-блурской экспедиции в 1946–1949 гг.

952. Часть запора в виде стержня с двумя кольцами на концах, на крупном кольце — клинопись, выполненная четким письмом клиньями ассирийского типа

Бронза

Длина 46,5; диаметр большего кольца — 13, диаметр меньшего — 7

Инв. № □17745

953. Чаша, на дне с лицевой стороны — клинопись

Бронза

Диаметр 19–20

Инв. № □17746

VIII в. до н. э. (810–785/780 гг. до н. э.). В помещении кладовой № 25 были открыты 82 караса, все имели обозначение емкости: на 20 — клинописные, на остальных — иероглифические. В одном из карасов, № 5, найдено 97 чаш из бронзы с большим приплавом олова. В 1951 г. в кладовой северо-западного крыла обнаружена стопка из 10 чаш подобного типа, на 7 обнаружена клинопись

954. Чаша. На дне с лицевой стороны — клинопись, тождественная № □17746. VIII в. до н. э. (810–785/780 гг. до н. э.). Надпись царя Менуа на 6 из 97 чаш

Бронза

Диаметр 19

Инв. № □17747

955. Чаша. На дне с лицевой стороны — клинопись, в центре — знаки. VIII в. до н. э. (810–785/780 гг. до н. э.). Подобная надпись царя Аргишти на одной чаше

Бронза

Диаметр 19

Инв. № □17748

956. Чаша, на дне с лицевой стороны — клинопись.

Бронза

Диаметр 20

Инв. № □17749

VIII в. до н. э. (760–730 гг. до н. э.). Подобная надписи царя Сарду-ри на 2 из 97 чаш.

957. Чаша, на дне с лицевой стороны — клинопись и знак

Бронза

Диаметр 19,5

Инв. № □17750

VIII в. до н. э. (760–730 гг. до н. э.). Подобная надпись царя Сарду-ри на 67 из 97 чаш.

958. Чаша. На дне с лицевой стороны — клинопись, тождественная № □17750 и знаки

Бронза

Диаметр 20

Инв. № □17751

VIII в. до н. э. (760–730 гг. до н. э.)

959. Чаша. На дне с лицевой стороны — клинопись и иероглифы, сходные с № □17751

Бронза

Диаметр 19

Инв. № □17752

VIII в. до н. э. (760–730 гг. до н. э.)

960. Чаша. На дне с лицевой стороны — клинопись и иероглифы, сходные с № □17751, с той разницей, что голова льва обращена влево

Бронза

Диаметр 19

Инв. № □17753

VIII в. до н. э. (760–730 гг. до н. э.)

961. Чаша. На дне с лицевой стороны — клинопись и иероглифы, сходные с № □17753

Бронза

Диаметр 19

Инв. № □17754

VIII в. до н. э. (760–730 гг. до н. э.)

962. Чаша. На дне с лицевой стороны — клинопись и иероглифы, сходные с № □17753

Бронза

Диаметр 20

Инв. № □17755

VIII в. до н. э. (760–730 гг. до н. э.)

963. Чаша. На дне с лицевой стороны — клинопись и иероглифы, сходные с № □17755
Бронза
Диаметр 19,5
Инв. № □17756
VIII в. до н. э. (760–730 гг. до н. э.)

964. Чаша. На дне с лицевой стороны — клинопись и иероглифы, сходные с № □17755
Бронза
Диаметр 19,5
Инв. № □17757
VIII в. до н. э. (760–730 гг. до н. э.)

965. Чаша. На дне с лицевой стороны — клинопись, без иероглифических знаков
Бронза
Диаметр 19
Инв. № □17758
VIII в. до н. э. (760–730 гг. до н. э.). Подобная надпись царя Сардури на 14 из 97 чаш

966. Чаша. На дне с лицевой стороны — клинопись, тождественная № □17758, с иероглифами: дерево на башне и голова льва влево
Бронза
Диаметр 19,5
Инв. № □17759
VIII в. до н. э. (760–730 гг. до н. э.)

967. Чаша. На дне с лицевой стороны — клинопись, выполненная небрежным письмом ассирийского типа, с иероглифами: дерево на башне и голова льва вправо
Бронза
Диаметр 19,5
Инв. № □17760
VIII в. до н. э. (730–713 гг. до н. э.). Подобная надпись царя Русы на 5 чашах.

968. Шлем царя Сардури, украшенный изображениями. На лобной части — 11 священных деревьев, со стоящими по их сторонам божествами (сохранилось 9 деревьев). Изображения обрамлены фигурами змей со львиными головами. На височных и затылочной частях — изображения боевых колесниц (8 колесниц) и всадников (10). По нижнему краю — клинопись
Бронза
Диаметр 20–23; высота 20
Инв. № □17761
VIII в. до н. э. (760–730 гг. до н. э.)

Урартские шлемы имели форму остроконечного шишака, обычную для ассирийских шлемов. На Кармир-блуре найдено 20 шлемов. 11 из них украшены на лобной части выпуклым символическим знаком: вертикальной полосой, идущей от лба к макушке, и под ней — зигзагообразной фигурой, которая, возможно, передает молнию — знак бога Тейшебы. У нижнего края помещалась клинообразная надпись.

На 9 шлемах (4 дошли до нас целыми) лобная часть украшалась одиннадцатью священными деревьями, по пять в двух рядах; одно помещалось выше. Около каждого дерева — Боги. В шлемах, украшенных рогами, — одни из богов безбородые, другие — бородатые с крупными крыльями (керубы). Все деревья с двух сторон обрамлены изображениями змей с львиными головами, по четыре с каждой стороны, затылочная и височная части шлемов украшены двумя рядами боевых колесниц и всадников.

969. Колчан царя Сардури, украшенный изображениями боевых колесниц и всадников, размещенными в восьми полосах. По верхнему краю — клинопись

Бронза

Длина 65,5

Инв. № □17762

VIII в. до н. э. (760–730 гг. до н. э.)

Урартские колчаны представляли собой несомкнутую металлическую трубку длиной 65–70 см с двумя петлями для ремня. Часть колчана, соприкасавшаяся с плечом или спиной воина, была кожаной. На Кармир-блуре было найдено 18 бронзовых колчанов, в которые укладывались по 35–40 стрел.

970. Обломок колчана царя Сардури, хранящегося в Историческом музее Армении. Изображены два всадника и лошади от двух колесниц

Бронза

Размеры 9,5×5,4

Инв. № □17763

971. Часть умбона конической формы от щита, с отверстиями по нижнему краю и остатками клинописи

Бронза

Высота 18

Инв. № □17764

972. Ножка мебели — львиная лапа. Полая внутри

Бронза

Высота 10

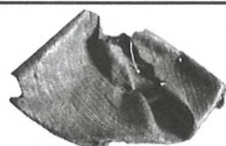
Инв. № □17765

973. Массивный браслет с уплощенными концами, украшенный чеканкой
Бронза
Диаметр 10,5
Инв. № □17766

974. Гвоздь-«зигатти»
Бронза
Длина 18,5
Инв. № □17767

975. Обломок сплющенного бронзового сосуда с остатками гравированного узора и горизонтальным рифлением
Бронза
Длина 13
Инв. № □17768

976. Бляшка от конского убора, с выпуклой средней частью и перекрестием на обороте
Серебро
Диаметр 6
Инв. № □17769

977. Две пряжки для перекрестия ремней, в виде птичьих клювов. К № □17769
Бронза
Высота 3; 2,8
Инв. № □17770

978. Фibuла с плоским щитком, украшенным ромбовидным узором
Бронза
Длина 2
Инв. № □17771

979. Отпиленный кусок рога, с тремя сквозными отверстиями (псалий?)
Рог
Длина 17
Инв. № □17772

980. Ассирийская цилиндрическая печать, с резным изображением борьбы человека с грифоном. Печать найдена около колчана № □17762

Фаянс

Высота 2,2

Инв. № □17773

981. Поделка из рога — голова грифона, с загнутыми вверх рогами. На нижней части — выступ со сквозным отверстием (найден в помещении у ворот)

Рог

Длина 4,3

Инв. № □17774

982. Комок глины — печать кладовой № 25. Остатки двух веревок и четырех оттисков печатей (на двух оттисках — «знак Ашура», т. е. крылатый солнечный диск, над ним фигура животного, на других двух — лежащее животное)

Глина

Длина 6,5, ширина 5

Инв. № □17775

Кладовая № 25 хранила большие запасы вина. Каждая веревка, обвязывавшая, вероятно, каждый запор, была опечатана двумя печатями, т. е. печатями двух лиц

983. Булла от свитка папируса, с оттиском печати — олень и стоящий около него человек, держащий оленя одной рукой за рога, под фигуркой оленя, возможно, еще два знака, обозначающие горы

Глина с битумом

Длина 2

Инв. № □17776

Эта булла указывает на существование в городе бога Тейшебы архива папирусных свитков

984. Обломок глиняной таблички с остатками клинописи в трех строках. На оборотной стороне сохранился лишь край таблички, также с остатками трех строк клинописи

Глина

Длина 3,3

Инв. № □17777

985. Печать гиревидная, четырехгранная, с ушком в верхней части. На нижней грани — изображение лежащего животного (сильно стерто). Изображения на боковой поверхности сильно стерты. Найдена у ворот цитадели

Камень

Высота 2,7

Инв. № □17778

986. Низка мелкого бисера коричневого цвета

Паста

Длина 65

Инв. № □17779

987. Низка из тридцати разнообразных бусин из камня и цветной пасты

Камень, паста

Диаметр от 0,6 до 1,5

Инв. № □17780

988. Пронизка из агата, бусы из стекловидной массы, из камня и цветной пасты

Камень, паста

Размер пронизки 4×2,5; длина низки 42

Инв. № □17781

989. Три пронизки из лигнита, пирамидальной формы, с усе-
ченным верхом

Лигнит

Высота 1,7; 1,8; 1,7

Инв. № □17782

990. Две раковины — каури, одна на куске железа

Раковина

Длина 2,2

Инв. № □17783

991. Кольцо с резным сетчатым узором по внешнему краю

Камень

Диаметр 1,8

Инв. № □17784

992–993. Наконечники стрел трехгранные

Бронза

Высота 5; 4,8

Инв. № □17785–□17786

994. Цилиндрический предмет из рога. Семь вертикальных
рядов кружков, по три в каждом ряду

Рог

Высота 5,8

Инв. № □17787

995. Кусок пиленного рога, с тремя сквозными отверстиями

Рог

Длина 13

Инв. № □17788

996. Два куска рога, со следами работы на концах. Сильно перегорелые

Рог

Длина 8,5; 6,5

Инв. № □17789

997. Обломок края пояса из бронзовой пластины с изображением сильно стилизованного священного дерева. К краю приклепана петля. В нижней части обломка — припечкающаяся фибула

Бронза

Высота 10

Инв. № □17790

998. Подвеска-лунница с петлей в верхней части. На концах изображения полумесяца и звезды. Сохранились остатки пяти строк клинописи, судя по начальным знакам, текст представлял собой молитву

Бронза

Ширина 7,5

Инв. № □17791

999. Две бронзовые пластинки, спекшиеся вместе. На них сохранились нижние части изображений фигур в длинных платьях

Бронза

Высота 5,6

Инв. № □17792

1000. Ручка железного ножа, четырехгранная, украшенная кружками и полосами

Рог

Высота 8

Инв. № □17793

1001. Бронзовый обруч со спирально загнутыми концами

Бронза

Диаметр 10,4

Инв. № □17794

1002. Слиток бронзы трапециевидной формы

Бронза

Длина 12,4

Инв. № □17795

1003. Слиток бронзы прямоугольной формы

Бронза

Длина 10

Инв. № □17796

1004. Шесть железных наконечников стрел или дротиков миндалевидной формы с черенком для насадки

Железо

Длина 10; 8,5; 8,5; 9; 6,2

Инв. № □17797

1005. Шесть железных наконечников стрел (четыре миндалевидной формы с черенком для насадки и два мелких втульчатых), спекшиеся в один монолит

Железо

Длина 10,7

Инв. № □17798

1006. Наконечник копья втульчатый

Железо

Длина 29

Инв. № □17799

1007. Орудие в виде крюка втульчатое

Железо

Длина 40

Инв. № □17800

1008. Короткий меч. На рукоятке — железные гвозди для крепления накладки
Железо
Длина 45
Инв. № □17801

1009. Два ножа, спекшиеся вместе, со следами ткани, в которую они были завернуты
Железо
Длина 17
Инв. № □17802

1010. Нож изогнутый со следами костяной накладки на рукоятке
Железо
Длина 19
Инв. № □17803

1011. Нож изогнутый
Железо
Длина 28
Инв. № □17804

1012. Серп
Железо
Длина 28
Инв. № □17805

1013. Серп
Железо
Длина 22,5
Инв. № □17806

1014. Серп
Железо
Длина 22
Инв. № □17807

1015. Стержень с расширением в средней части

Железо

Длина 9,7

Инв. № □17808

1016. Долотовидное орудие со стержнем для насадки

Железо

Длина 15

Инв. № □17809

1017. Ложка с длинной ручкой

Дерево

Длина 31

Инв. № □17810

1018. Обломки совка, найденного в зерновой яме. Часть совка и рукоятки

Дерево

Длина 33; 13

Инв. № □17811

1019. Обломок тесаного бруска с продольным и поперечным отверстиями

Дерево

Длина 12,2

Инв. № □17812

1020. Пуговица полушаровидная со сквозным отверстием в центре, украшенная концентрическими кружками

Дерево

Диаметр 2,5

Инв. № □17813

1021–1022. Пуговицы полушаровидные со сквозным отверстием в центре

Дерево

Диаметр 3; 3,2

Инв. № □17814, 17815

1023. Пуговица полушаровидная со сквозным отверстием в центре, украшенная кружками

Дерево

Диаметр 4,8

Инв. № □17816

1024. Пуговица полушаровидная со сквозным отверстием в центре

Дерево

Диаметр 4,3

Инв. № □17817

1025. Пуговица полушаровидная со сквозным отверстием в центре

Кость

Диаметр 4,2

Инв. № □17818

1026. Пуговица полушаровидная со сквозным отверстием в центре

Камень

Диаметр 2,9

Инв. № □17819

1027. Обломки деревянного лукошка. Пять обломков стенок с резным орнаментом в виде треугольников, заштрихованных сеткой, и три обломка дна

Дерево

Диаметр венчика 11

Инв. № □17820

1028. Обломки деревянного сосуда для зерна. Три части стенки (с припекшимися зернами пшеницы), две части дна и обломки ручки, возможно, от другого предмета

Дерево

Длина от 6 до 7

Инв. № □17821

1029. Кусок оленьего рога со следами пиления

Рог

Длина 19

Инв. № □17822

КАРМИР-БЛУР

Материалы раскопок Кармир-блурской экспедиции

1030. Панцирь — 12 отдельных штампованных пластин

Бронза

Длина пластин 2,8

Инв. № □17860

1031. Панцирь — 2 монолита штампованных пластин

Бронза

Размеры 7,8×6,5; 7,5×4,4

Инв. № □17861

1032. Три бусины, две темных и одна красноватая, со следами пробы сверла

Сердолик

Диаметр 1; 1; 0,1

Инв. № □17862

1033. Рулон грубой шерстяной обгорелой ткани, два фрагмента

Ткань

Размеры 12×5,5

Инв. № □17863

1034. Рулон грубой шерстяной обгорелой ткани, два фрагмента

Ткань

Длина 15; ширина 8

Инв. № □17864

1035. Фрагменты грубой шерстяной обгорелой ткани (два)

Ткань

Длина 16; ширина 5

Инв. № □17865

1036. Фрагменты грубой шерстяной обгорелой ткани (четыре)

Ткань

Длина 16, ширина 10, 11

Инв. № □17866

1037. Фрагменты тонкой обгорелой ткани, смонтированные в застекленной окантовке

Ткань

Длина 23; ширина 19

Инв. № □17867

1038. Обрывки тонкой обгорелой ткани, смонтированные в застекленной окантовке

Ткань

Длина 25; ширина 19

Инв. № □17868

1039. Обрывки нитяной обгорелой сетки, смонтированные в застекленной окантовке

Нить

Длина 22,5; ширина 20

Инв. № □17869

1040. Обломок сосуда с большим прямоугольным штампованным клеймом с неразборчивыми знаками, напоминающими клинопись

Глина

Длина 9,4; ширина 6,5

Инв. № □17870

1041. Два обломка желтого сосуда со штампованным клеймом на каждом в виде небольшого прямоугольника, разбитого на клетки

Глина

Длина 13,3; ширина 9,5; длина 13; ширина 7

Инв. № □17871

1042. Обломок красноватого сосуда со штампованным клеймом в виде небольшого прямоугольника, разбитого на клетки

Глина

Длина 8,5; ширина 5,7

Инв. № □17872

1043. Сосуд сигарообразной формы красноватого цвета с отверстием в доньшке и с двумя штампованными клеймами в виде небольшого прямоугольника, разбитого на клетки

Глина

Высота 65

Инв. № □17873

1044. Чашка красная лощеная на ножке в виде раструба с двумя клеймами в форме розетки

Глина

Высота 7,4

Инв. № □17874

1045. Нож изогнутый

Железо

Длина 14

Инв. № □17875

КАРМИР-БЛУР,

VIII-VII вв. до н. э.

Материалы раскопок Кармир-блурской экспедиции 1953–1954 гг.

Поступили из Исторического музея Армении

1046. Налобник конский, украшенный двумя вписанными друг в друга рельефными полосами, повторяющими очертания предмета

Бронза

Высота 23,6; ширина 15

Инв. № K-387

1047. Налобник конский, украшенный двумя вписанными друг в друга рельефными полосами, повторяющими очертания предмета

Бронза

Высота 23,8; ширина 15

Инв. № K-388

1048. Налобник конский, орнаментированный двумя вписанными друг в друга рельефными полосами, повторяющими очертания предмета

Бронза

Высота 16,8; ширина 21,5

Инв. № K-389

1049. Бляха в форме подметки: принадлежность конского убора — нащечная пластина
Бронза
Длина 17; ширина 8,5
Инв. № К-390

1050. Бляха в форме подметки: принадлежность конского убора — нащечная пластина
Бронза
Длина 17; ширина 8,5
Инв. № К-391

1051. Бляха в форме подметки: принадлежность конского убора — нащечная пластина
Бронза
Длина 18
Инв. № К-392

1052. Бляха в форме подметки: принадлежность конского убора — нащечная пластина; вдоль левого края — остатки клинописи
Бронза
Длина 17,5
Инв. № К-393

1053. Пара псалиев; у каждого псалия — по два кольца в одном направлении и по одному в другом
Бронза
Длина 17,8
Инв. № К-394

1054. Пара псалиев в виде слегка изогнутых стержней, у каждого по два малых кольца в одном направлении и по одному большому кольцу в другом
Бронза
1) длина 17; 2) длина 18
Инв. № К-395

1055. Бляха в форме конуса, увенчанного плоской шляпкой, с вогнутой стороны большая петля в виде дужки (принадлежность конского убора), у края бляхи — клинопись
Бронза
Диаметр 7,1
Инв. № К-396

1056. Бляха в форме конуса, увенчанного плоской шляпкой, с вогнутой стороны — большая петля в виде дужки (принадлежность конского убора), у края клинопись

Бронза

Диаметр 7,2

Инв. № К-397

1057. Бляха в форме конуса, украшенного двумя рядами треугольных прорезей

Бронза

Диаметр 6,4

Инв. № К-398

1058. Колокольчик в форме усеченного конуса с дужкой сверху для подвешивания язычка, у верхнего края, одно против другого — два отверстия

Бронза

Высота 8,9; диаметр 7,2

Инв. № К-399

1059. Колокольчик конусовидной формы, украшенный четырьмя рельефными ободками — два внизу, два наверху — и восемью прямоугольными отверстиями. Над верхним ободком — петля

Бронза

Высота 9,5; диаметр 6,1

Инв. № К-400

1060–1069. Бляхи круглые выпукло-вогнутые, с вогнутой стороны приклепана петля в виде дужки

Бронза

Диаметр от 7,7 до 9,5

Инв. № К-401 — К-410

1070. Кувшин краснощеный, бомбовидной формы, с ручкой и горлом типа ойнохои

Глина

Высота 24

Инв. № К-411

1071. Кувшин красный лощеный с ручкой и горлом типа ойнохои; дно слегка выпуклое

Глина

Высота 3

Инв. № К-412

1072. Кувшин красный лощеный, бомбовидной формы, с ручкой и горлом, типа, очевидно, ойнохои; дно слегка выпуклое

Глина

Высота 2,1

Инв. № К-413

1073. Кувшин красный лощеный бомбовидной формы с ручкой и горлом, типа, очевидно, ойнохои; дно слегка выпуклое. На ручке — обозначение емкости в виде двух процарапанных пунктиров и треугольника, ниже коих еще один процарапанный знак

Глина

Высота 20,3

Инв. № К-414

1074. Кувшин красный лощеный бомбовидной формы с ручкой и горлом типа ойнохои; дно плоское

Глина

Высота 26

Инв. № К-415

Наиболее характерными урартскими керамическими изделиями являются красные глиняные сосуды с лощенной до блеска поверхностью. Ведущая форма — профилированные чаши и кувшины с одной ручкой. Форма посуды была такой же совершенной, как и в центре, но качество лощения поверхности было хуже. Керамика из Тейшебаини кажется поблекшей, матовой, она лишена яркого тона поверхности и изумительного блеска.

В одной кладовой цитадели Кармир-блуря хранилось 1036 подобных кувшинов.

1075. Кувшин красный лощеный бомбовидной формы с ручкой и горлом типа ойнохои

Глина

Высота

Инв. № К-416

1076. Кувшин красный лощеный бомбовидной формы с ручкой и горлом типа ойнохои

Глина

Высота 29

Инв. № К-417

1077. Кувшин красный лощеный, бомбовидной формы, с ручкой и горлом типа ойнохои; вдоль ручки процарапаны елочка, шесть пунктиров и треугольник с пунктиром — обозначение емкости и отсиснуто клеймо «башенка с деревом»

Глина

Высота

Инв. № К-418

1078. Кувшинчик красный лощеный с сильно расширяющимся кверху горлом и маленьким дном; с одной стороны — большое темное пятно

Глина

Высота 12

Инв. № К-419

1079. Кувшинчик красный лощеный с сильно расширяющимся кверху горлом

Глина

Высота 11,5

Инв. № К-420

1080. Кувшинчик красный лощеный с сильно расширяющимся кверху горлом

Глина

Высота

Инв. № К-421

1081. Кувшинчик серый, грушевидной формы

Глина

Высота 12,2

Инв. № К-422

1082. Чаша красноватая лощеная, край не отогнут, дно плоское

Глина

Диаметр 16

Инв. № К-423

1083. Чаша красноватая лощеная, край не отогнут, дно слегка вогнутое

Глина

Диаметр горла 18,5, наибольший диаметр 21

Инв. № К-424

1084. Чаша красная лощеная с резко очерченным перегибом, утончающийся край слегка отогнут наружу, дно плоское

Глина

Длина 17,5

Инв. № К-425

1085. Чаша красная лощеная с резко очерченным перегибом, край слегка отогнут наружу, дно чуть вогнутое. Внутри процарапан треугольник с отходящими от одной из вершин тремя линиями

Глина

Диаметр 16,5

Инв. № К-426

1086. Чаша красная лощеная с резко профилированным краем, дно неровное; внутри процарапан треугольник с отходящими от него тремя линиями

Глина

Диаметр 21

Инв. № К-427

1087. Чаша красная лощеная с резко профилированным краем, дно неровное; наружная поверхность в верхней части темная

Глина

Диаметр 17

Инв. № К-428

1088. Чаша красная лощеная с резко профилированным краем

Глина

Диаметр 22

Инв. № К-429

1089. Чаша красная лощеная

Глина

Диаметр 15,2

Инв. № К-430

1090. Светильник в виде чаши серого цвета, имеющей слив, внутри дугообразная перегородка с тремя отверстиями

Глина

Диаметр

Инв. № К-431

1091. Курильница серого цвета, на высокой ножке, снабжена отверстиями

Глина

Высота

Инв. № К-432

1092. Щит с выпуклой серединой и широким отогнутым бортом с вертикальной закраиной. Посередине три пояса с идущими животными. На борту — клинопись

Бронза

Диаметр

Инв. № К-590

Урартские щиты имеют характерную форму, напоминающую шляпу с полями диаметром от 70 до 100 см. Средняя часть щита представляет собой конический выступ на низком барабане. С внутренней стороны к щиту приклепаны три ручки, служившие для его подвешивания.

На Кармир-блуре найдено 14 щитов с надписями Аргишти I, Сардури II и Русы I. 4 из них имели изображения львов и быков в трех concentрических кругах и надписи Аргишти I и Сардури II.

В четырех секторах щита изображения животных помещены в разные стороны, так что ни одна фигура не смотрится в перевернутом виде. Фигуры животных расположены на щитах с учетом их вертикального положения.

Толщина бронзового листа, размеры и система ручек для подвешивания указывают на то, что эти щиты не были боевыми, а являлись приношениями в храм.

1093. Наконечник стрелы. Плоский, заточенный с двух сторон, с длинным черешком для насада. На обеих сторонах наконечника короткий клинописный текст, помещенный в четырех строках.

Бронза

Длина 12,6; ширина 2

Инв. № К-596

1094–1103. Наконечники стрел. Плоские, заточенные с двух сторон, с длинным черешком для насада.

Бронза

Длина; ширина

Инв. № К-597 — К-606

В помещении № 36 в колчане царя Сардури, украшенном изображениями всадников и колесниц, найдено 37 стрел с бронзовыми

наконечниками урартского типа. Три наконечника отмечены короткими клинописными текстами. По типу эти наконечники стрел близки закавказским, хотя и легко от них отличимы.

1104. Пронизка. Верхняя поверхность выпуклая. На нижней плоскости — фигура фантастического животного, выполненная бутеролью — крылатый бык с хвостом скорпиона, над ним — полумесяц, свободные места заполнены кружками. Повреждена огнем. Найдена в помещении № 36.

Халцедон

Длина 2,1; ширина 1,9

Инв. № К-607

VII в. до н. э.

1105. Скарабеоид египетского типа. На нижней части изображена собака, стоящая перед каким-то предметом, позади нее — куст. Изготовлен в одном из центров Малой Азии или восточного побережья Средиземного моря. Найден в помещении № 36.

Фаянс

Длина 2,1; ширина 1,3

Инв. № К-608

VII в. до н. э.

ТОПРАХ-КАЛЕ,

VIII–VII вв. до н. э.

Крепость на холме у г. Вана. Случайные раскопки.

Коллекция А. С. Уварова

1106. Массивная фигурка крылатого быка (часть трона) со вставным украшенным лицом, вырезанным из камня и утраченным, возможно, грифона, по ранней версии — человека, поскольку шея фантастического существа разделена чеканкой, имитирующей перья птицы. Голова повернута влево. Крыло левой стороны украшено ячейками для инкрустации, правое имеет лишь расчеканку. На затылке — прямоугольное углубление для скрепления фигурки посредством бруска с другими частями трона. На краях крыльев и на животе сохранились следы листовой позолоты. Листовое золото, покрывавшее фигурку, зачеканивалось в специальную бороздку. На верхней части головного убора — иероглифические знаки (метки для сборки). Во время реставрации в одной из ячеек крыла был обнаружен мелкий осколок непрозрачной стекловидной массы киноварного цвета. Несомненно существовали смальты и других цветов (голубая и белая).

Бронза

Высота 22,5

Инв. № К-639

1107. Фигурка, изображающая бога, стоящего на лежащем быке (часть трона). Вставная голова животного утрачена. Верх статуэтки обломан, на боках вместо рук — прорезы. На нижней плоскости предмета — иероглифические знаки (метки сборки). Следы листовой позолоты. Фигура полая.

Аналогичные статуэтки (у всех отломан верх) происходят из музея Метрополитен (Нью-Йорк) и из Лувра (куплена в 1885 г. в Эрзеруме). По-видимому, эти статуэтки были поломаны при освобождении их от бруска, пропущенного через прорезы. На полную высоту (30 см) сохранилась статуэтка, находящаяся в частной коллекции Стоклэ в Брюсселе.

Бронза

Высота сохранившаяся 23

Инв. № К-638

В настоящее время известно 16 статуэток, имевших одинаковое назначение — украшение парадной мебели. В Эрмитаже их четыре (№№ 9, 10, 1106, 1107).

Большинство статуэток появилось у торговцев древностями в период с 1877 по 1885 гг. По всей вероятности, они происходили из одного источника, несмотря на сообщения продавцов о разных местах находки. Антиквар С. Девганц в письме к профессору К. П. Патканову писал о находке местными жителями на холме Топрах-кале у Вана крупного позолоченного трона, который был ими разломан. Но крепость Топрах-кале погибла в начале VI века до н. э. и скорее всего находчики нашли сломанные части разрушенного трона.

СЕЛ. ЗАКИМ,

VII в. до н. э.,

бывш. Карсская обл. Ольтинский округ. Вещи выпажаны близ села Заким без следов могилы и костей. 1904. Поступили в Императорский Эрмитаж из Императорской Археологической комиссии

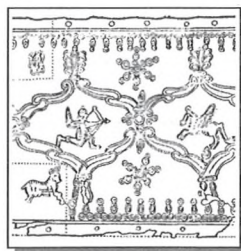

1108. Предмет в виде массивной трубки с одним плоским боком; один конец ее переходит в перпендикулярно отогнутую четырехугольную пластину, по углам которой прикреплены два длинных шпенька с утолщением на концах, в стенках трубки — два малых отверстия.

Бронза

Длина трубки — 4; размер пластины 6×5,4; длина шпеньков — 3

Инв. № КЗ-6249

1109. Четыре части от обкладки пояса (в настоящее время состоит из двух частей) с чеканным орнаментом: у сохранившегося конца — дерево жизни; фигурные обрамления, заканчивающиеся вверху и внизу протомами животных, грифона и розетки; по краю обкладки — ряд маленьких круглых отверстий.

Бронза

Длина 30,2; ширина 9,7

Длина 10,2; ширина 9,7

Инв. № КЗ-6250

1110. Браслет овальной формы из толстого круглого в сечении прута с несомкнутыми концами, заканчивающимися головками животных.

Бронза

Размеры 6,7×5,8

Инв. № КЗ-6251

1111. Низка бусин из пяти шаровидных сплюснутых бусин разного размера.

Сердолик

Диаметр от 0,4 до 2,4

Инв. № КЗ-6252

1112. Чаша с маленьким плоским дном, расширяющимися верхней стенками и прямым бортиком, украшенным снаружи прочерченными линиями.

Бронза

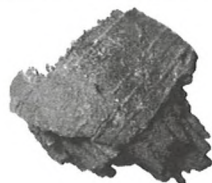
Высота 8,5; диаметр 21,2

Инв. № КЗ-6253

КАРМИР-БЛУР,

VIII–VII вв. до н. э.

Материалы раскопок Кармир-блурской экспедиции

1113. Фрагмент нижней части колчана с изображениями всадников и колесниц. Внутри — более сорока наконечников стрел, спекшихся в монолит.

Бронза, железо

Длина, ширина

Инв. № К-607

1114–1123. Наконечники стрел урартского типа. Плоское перо, заточенное с двух сторон, с длинным черешком для насадки.

Бронза

Длина от 6,1 до 12,5

Инв. № К-610 — К-618

1124–1139. Наконечники стрел урартского типа. Плоское перо, заточенное с двух сторон, длинный черешок для насадки.

Бронза

Длина от 4,8 до 12,6

Инв. № К-619 — К-633

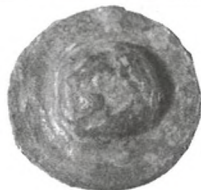
1140. Пуговица выпуклая. На лицевой, выпуклой стороне — розетка, на оборотной стороне — петля для крепления. На лицевой стороне вокруг центральной розетки в двух concentрических строках — клинописный текст.

Бронза

Диаметр 4,5

Инв. № К-635

Одна из четырех пуговиц, найденных вместе с пластинчатым панцирем в помещении № 36 (1952 г.). Первоначальное положение определить не удалось.

1141. Пуговица выпуклая, аналогичная по типу № 1140.

На оборотной стороне по краю следы клинописной надписи.

Бронза

Диаметр 4,5

Инв. № К-636

1142. Фрагмент пластинчатого панциря (60 пластинок). Все

пластины в правой части украшены двумя розетками из семи точек, выполненными чеканом с обратной стороны пластины.

Бронза

Общая длина — 17, общая ширина — 14

Инв. № К-637

1143. Низка бусин. Одна — удлиненной формы, уплощенная; одна — биконическая; остальные — шаровидной формы. Всего 92 бусины.

Сердолик

Длина уплощенной бусины 2, диаметр биконической бусины 1 диаметр шаровидных — от 0,7 до 1,7

Инв. № К-634

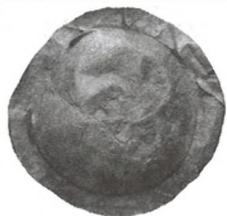
1144. Щит с выпуклой средней частью и широким бортом с отогнутым вверх краем. С оборотной, внутренней, стороны к щиту прикреплены три ручки — одна крупная и две меньшие.

На бортике сохранилась клинообразная надпись в двух строках.

Бронза

Диаметр 83

Инв. № К-640

1145. Щит с выпуклой средней частью и широким бортом с отогнутым вверх краем. Ручки — одна крупная и две меньшие — отдельно.

На бортике сохранилась клинообразная надпись в двух строчках.

Бронза

Диаметр 76

Инв. № К-641

1146. Точильный квадратный в сечении брусок с бронзовым кольцом для подвешивания.

На нижней, квадратной грани, несколько неглубоко вырезанных знаков: крылатый диск, фигура крылатого грифона, фигура, напоминающая ящерицу.

Камень

Длина 16

Найден на полу в кладовой № 28. Возможно, этот предмет мог служить кладовщику печатью или амулетом.

1147. Печать цилиндрическая с обломанным ушком. На боковой поверхности и на торце изображения.

Камень

Высота 2,7

Инв. № К-643

1148. Печать цилиндрическая незначительно расширяющаяся книзу, с ушком. Изображения на боковой поверхности: две сидящие и одна стоящая человеческие фигуры и Бог — солнце. На торце — лежащая человеческая фигура.

Камень

Высота 2,5

Инв. № К-644

1149. Печать цилиндрическая слегка расширяющаяся книзу с ушком. Изображение на торце — птица

Камень

Высота 2,2

Инв. № К-645

1150. Пронизка овальной формы с одной плоской, другой выпуклой сторонами, египетского типа. На плоской стороне изображена рыба.

Паста

Длина 1,5

1151. Пронизка овальной формы с одной плоской, другой выпуклой сторонами, египетского типа. На плоской стороне — нераспознаваемые, сильно деформированные иероглифы.

Паста

Длина 1,7

Обе пронизки египетского типа найдены в помещении № 36 (1952 г.)

УРАРТСКИЕ КЛИНООБРАЗНЫЕ НАДПИСИ НА БРОНЗОВЫХ ПРЕДМЕТАХ

К 1960 г. раскопки урартской крепости на холме Кармир-блур дали 230 клинописных урартских надписей. Большинство из них вычеканено на бронзовых предметах, 58 надписей вырезано на стенках глиняных сосудов-каркасов, два фрагмента связаны со строительными надписями, высеченными на камнях стен. Наиболее интересными Б. Б. Пиотровский считал тексты на глиняных табличках архива крепости.

№ 5

¹Ar-gi-iš-ti-i ú-ri-iš-ḫé «[царя] Аргишти крепости».

№ 952

† Ru-sa-a-i † Ar-giš-te-ḫi-ni =||| u-ri-[iš-ḫu-si-ni -=|| --[-] te-i-še-ba-i-ni -=||
«Русы, сына Аргишти крепость [Арсенал?] Тейшебаини города».

№ 953, 954

^mMe-nu-a-i-ni-i (вар. -ni-e-i) ú-ri-iš-ḫu-si-ni (вар. -ni-e-i) «[царя] Менуа крепости [букв. “дом оружейный”]», т. е. «чаша, принадлежащая крепости царя Менуа».

№ 955

šá ^mAr-gi-iš-ti-e «[царя] Аргишти».

№ 956

NÍG-GA ^mSAR-du-ri-e-i «Собственность [царя Сардури]».

№ 957-964

ša ^mSAR-du-ri (вар. -ri-i или -ri-e) «[Царя] Сардури».

№ 965, 966

^mSAR-du-ri-e BÍTU ù-ri-iš-ḫi (вар. -ḫu) «[царя] Сардури крепости».

№ 967

^mRu-sa-a-i-ni-e BÍTU ù-ri-iš-ḫu-si «[царя] Руса крепости».

№ 968

Надпись на шлеме Сардури: ^dḪal-di-e e-ú-ri-e i-ni [ku-bu-še] ^mSAR-du-ri-i-še
^mAr-giš-ti-ḫi-ni-še uš-tú-ni ul-gu-ši-ia-ni e-di-ni «Богу Халди, владыке, этот [шлем] Сардури, сын Аргишти, подарил жизни (здоровья) ради».

№ 969

^dḪal-di-e EN-ŠÚ ^mSAR-₆du-ri-še NIG-BA «Богу Халду, владыке мира, Сардур подарил».

№ 1046, 1049, 1050, 1052

^ldSar₅-du-ri-i ¹Ar-giš-ti-ḫi-ni-i.

№ 1054

^{1d}Sar₅-du-ri-i.

№ 1055, 1056

^{1d}Sar₅-du-ri. № 1092

^dHal-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^mSAR₅-du-ri-še ^mAr-giš-ti-ḫi-ni-še [us-tú]-ú-ni ^dHal-di-ni-ni al-su-i-[ši-ni] ^mSAR₅-du-[ri-ni ŠARRU DAN]-NU ŠARRU al-su-i-ni ŠARRU ^{má}Bi-a-i-na-ú-e a-lu-si-e ^{álu}Tu-uš-pa-e patari-e «Богу Халди, владыке, этот щит Сардури, сын Аргишти, подарил. Халди вылинием Сардури, царь могучий, царь великий, царь страны Биаины, князь города Тушпы».

№ 1093

^dHal-di-e e-ú-ri-e ^mSAR₅-du-ri-še uš-tú-ni «Богу Халди, владыке, Сардури подарил»

№ 1140

[1] ^dHal-di-e e-ú-ri-e [2] i-ni kar-ka-si-ni ^mAr-giš-ti-še NIG-BA

[1] «Богу Халди, владыке, [2] этот панцырь (𒂗𒌷𒍪𒌷𒍪𒌷𒍪) Аргишти подарил».

На оборотной стороне пуговицы краткий текст:

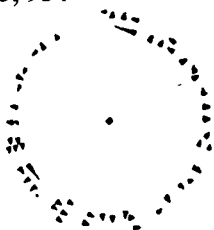
ša ^mAr-gi-iš-ti «[царя] Аргишти».

№ 1144, 1145

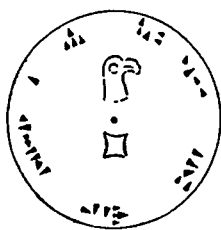
^dHal-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^mAr-gi-iš-ti-še ^mMe-nu-a-ḫi-ni-še ^{álu}Er (вар. Er-e-)-bu-ni-e-di uš-tú-ni ^mAr-gi-iš-ti-ni ŠARRU DANNU ŠARRU al-su-i-ni ŠARRU ^{má}Bi-a-i-na-ú-e a-lu-si ^{álu}Tu-uš-pa-e patari «Богу Халди, владыке, этот щит Аргишти, сын Менуа, для города Еребуни подарил. Аргишти, царь могучий, царь великий, царь страны Биаины, князь города Тушпы».

НАДПИСИ И ЗНАКИ НА БРОНЗОВЫХ ЧАШАХ

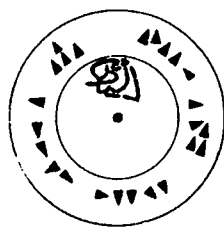
№ 953, 954

№ 955

№ 957

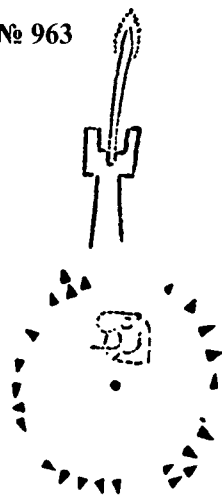
№ 958

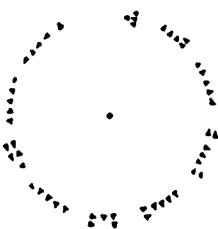
№ 959

№ 963

№ 965

№ 966

№ 967

ББК 64.3
П32

Пиотровский, Б. Б.

П32 История и культура Урарту. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ; Искусство России, 2011. — 656 с., ил.
ISBN 978-5-4318-0009-2 (Филол. ф-т СПбГУ)
ISBN 978-5-98361-133-7 (Искусство России)

Настоящее издание объединило основополагающие труды академика Б. Б. Пиотровского (1908–1990), сегодня ставшие библиографической редкостью, но востребованные специалистами по истории Древнего Востока и скифской археологии.

Книга «Ванское царство (Урарту)» (1959 г.) подвела итог многолетних исследований автора на холме Кармир-блур в Армении. На основе анализа материалов крепости Тейшебаини восстанавливаются различные эпизоды истории государства Урарту, дающие важнейшие источники для интерпретации его взаимоотношений с Ассирией и другими соседями, со скифами. Эти взаимоотношения демонстрируют процессы распада рабовладельческих государств Передней Азии, которые заложили основу формирования современных народов Закавказья. Книга «Искусство Урарту» (1962 г.) посвящена анализу памятников, относимых автором к придворному искусству. Благодаря работам Б. Б. Пиотровского и его учеников в 50–60 гг. XX в. изучение урартской культуры получило интенсивное развитие, позволившее определить значение Урарту в истории не только Древнего Востока, но и Скифии. Б. Б. Пиотровский по праву считается родоначальником науки об Урарту.

Книгу дополняют впервые публикуемый каталог урартских древностей, хранящихся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

ББК 64.3

Piotrovsky, B. B.

The History and Culture of Urartu. — Spb. : St. Petersburg State University Faculty of Philology; Art of Russia, 2011. — 656 p., ill.

ISBN 978-5-4318-0009-2

ISBN 978-5-98361-133-7

The present volume is a collection of the most fundamental works by academician Boris Piotrovsky (1908–1990), which have become bibliographical rarities while remaining to be in great demand among scholars involved in the study of the history of ancient East and Scythian archeology.

The book “The Kingdom of Van (Urartu)”, written by Piotrovsky in 1957, crowned the research of many years carried out at Karmir-Blur mount in Armenia. The analysis of materials from Taishebaïni made it possible to reconstruct various episodes of the history of Urartu, providing essential grounds for interpretation of the relationships between Assyria and its other neighbours, Scythians. These relationships are demonstrative of the disintegration process as it was going on in the slaveholding states of West Asia which served the foundation for the shaping of the Caucasian peoples existing today. The book “Urartian Art” (1962) is devoted to the analysis of the monuments classified by the author as referring to court art. Thanks to the works by Boris Piotrovsky and his pupils in the 1950s — the 1960s, the study of Urartian culture was given additional impetus. The importance of Urartu was not only appreciated in terms of the history of ancient East but Scythia as well. Boris Piotrovsky is rightfully considered as the founder of the science of Urartu.

The volume is completed by the Catalogue of ancient Urartian artifacts which are kept in the Oriental Department of the State Hermitage.

Пиотровский Борис Борисович

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА УРАРТУ

Ответственный редактор *Е. П. Чебучева*

Редакторы *О. С. Капполь, М. М. Козлова*

Корректор *В. О. Кондратьева*

Технический редактор *О. В. Колесниченко*

Художественный редактор *С. В. Лебединский*

Подписано в печать 25.11.2010. Формат 70х100¹/₁₆. Гарнитура Times.

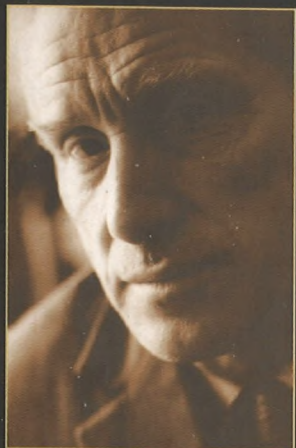
Печать офсетная. Усл. печ. л. 52,9. Заказ № 3610.

Филологический факультет СПбГУ. 199034, СПб., Университетская наб., 11.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России».
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38/2.

СПИСОК ЗАМЕЧЕННЫХ ОПЕЧАТОК

Страница, строка	Напечатано	Следует читать
с. 4, 4-я строка снизу	лтичного	личного
с. 494, 6-я строка сверху	Анбернского	Андбердского
с. 497, 13-я строка сверху	Хафамаут	Хадрамаут
там же, 3-я строка снизу	Шорджа	Шарджа
с. 654, 4-я строка сверху	^{ld} Sar ₅ -du-ri.№ 1092	^{ld} Sar ₅ -du-ri. № 1092
там же, 8-я строка сверху	выличием	величием
там же, 9-я строка снизу	панцырь	панцирь

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА УРАРТУ

Представляемые книги принадлежат перу одного из известнейших востоковедов и археологов Б. Б. Пиотровского (1908–1990). Судьба с юношеских лет связала Бориса Борисовича с Эрмитажем. Школьником он занимался в кружке у Н. Д. Флиттнер, после окончания университета в 1931 году пришел сюда на работу. А с 1964 по 1990 год был директором Государственного Эрмитажа. Всю свою жизнь он посвятил исследованию истории Ванского царства. 30 лет он руководил раскопками крепости Кармир-блур – до сегодняшнего дня одного из немногих полностью раскопанных археологических памятников.

В книгу вошли две важнейшие работы Б. Б. Пиотровского: «Ванское царство (Урарту)» и «Искусство Урарту». Сегодня они стали библиографической редкостью.

«Ванское царство (Урарту)» стало для своего времени важнейшим трудом, подводящим итоги многолетних исследований автора. Приведенные в нем материалы показывают процессы распада древних рабовладельческих государств Передней Азии и образования современных народов Закавказья, унаследовавших культуру Урарту.

«Искусство Урарту» посвящено анализу урартской художественной культуры, относимой автором к придворному искусству, передающему впечатление богатства, пышности и могущества Ванского царства. Около ста пятидесяти лет в Эрмитаже хранятся первые урартские памятники, но лишь благодаря работам Б. Б. Пиотровского и его учеников в 50–60-е годы XX века изучение урартской культуры получило интенсивное развитие, позволившее отчетливо установить значение Урарту в истории Древнего Востока, особенно в период перехода от древневосточного строя к античному.

Важным дополнением является каталог урартских древностей, хранящихся в Государственном Эрмитаже.

ISBN 978-5-4318-0009-2

9 785431 800092